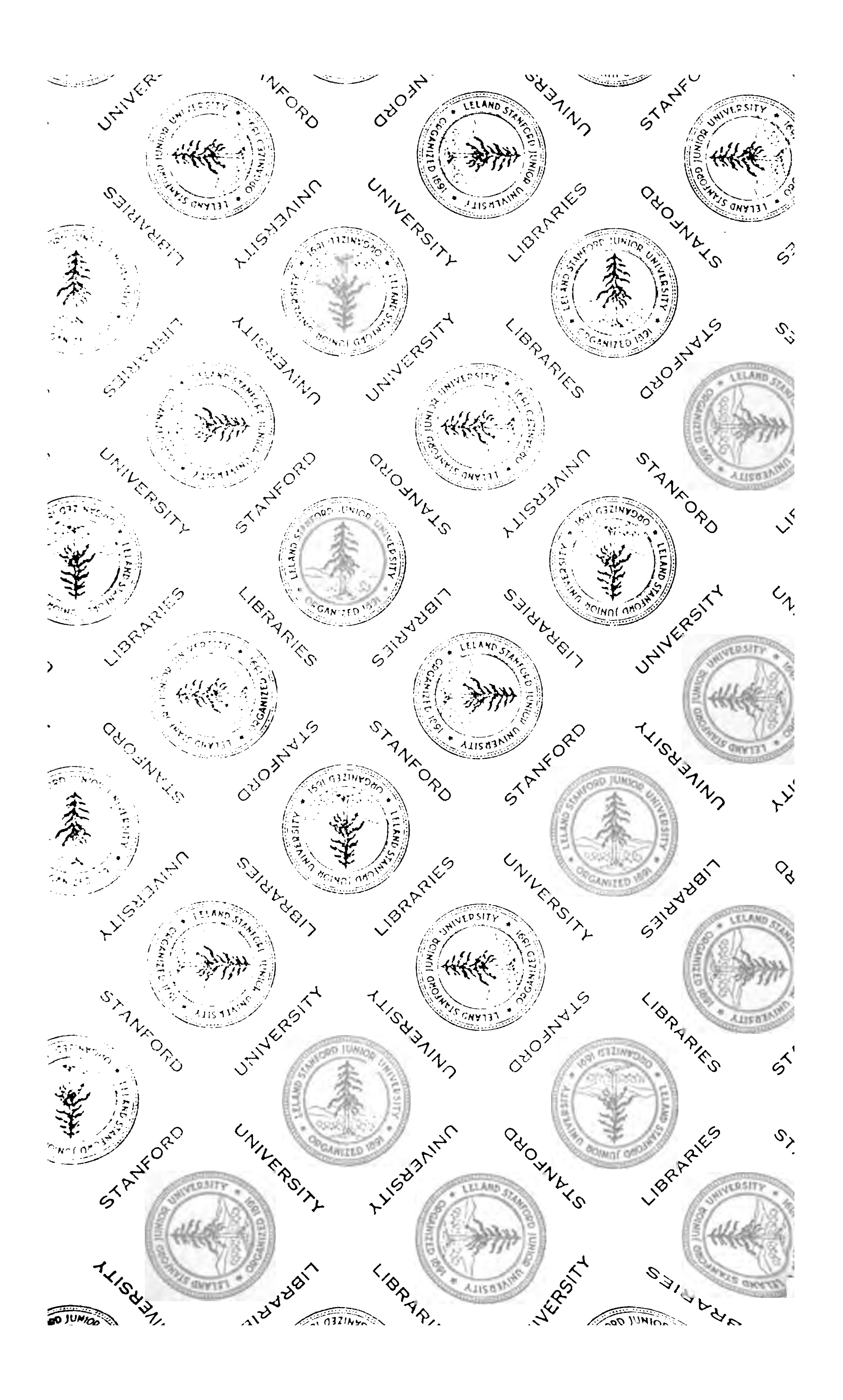

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

СТРАНСТВОВАНІЯ

Василья Григоровича-Барскаго

по

СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ

ВОСТОКА

съ 1723 по 1747 г.

ИЗДАНЫ

ПРАВОСЛАВНЫМЪ ПАЛЕСТИНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПО ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

НИКОЛАЯ БАРСУКОВА

Часть I

С. Петербургъ

1885

Vasilii, monk.

СТРАНСТВОВАНІЯ
Василья Григоровича-Барскаго

по

святымъ мѣстамъ

ВОСТОКА

съ 1723 по 1747 г.

ИЗДАНЫ

ПРАВОСЛАВНЫМЪ ПАЛЕСТИНСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ

ПО ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

НИКОЛАЯ БАРСУКОВА

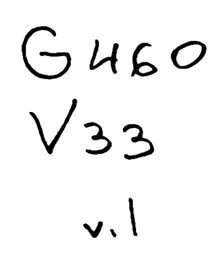
Часть I

С. Петербургъ

Типографія В. Киршбаума, въ д. Министерства Финансовъ, на Дворц. площ.

1885

LK



Отъ Спб. Комитета духовной цензуры печатать дозволяется. 16 Мая 1885 г.

СТРАНСТВОВАНІЯ

Василья Григоровича-Барскаго

по

святымъ мѣстамъ

востока

Часть 1

1723 — 1727 гг.

На границахъ временъ, раздѣляющихъ конецъ древней и начало новой Исторіи Россіи, а именно въ 1701 году, въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, подъ сѣнію „небесноподобной“, Печерской Лавры, въ Печерской слободѣ, у небогатаго торговца родился будущій нашъ странствователь по Святымъ мѣстамъ Востока Василій Григорьевичъ Барскій.

Предки его были жителями города Бара, нынѣ заштатнаго города Подольской губерніи, Могилевскаго уѣзда, принадлежавшаго въ то время Польскому Королевству [1]. Во время казацкихъ войнъ, въ 1648 году, Баръ былъ взятъ, а въ 1651 году обращенъ въ пепелъ. Это событіе понудило дѣда Василія Григорьевича, Ивана Григоровича покинуть городъ отцевъ и со всѣмъ своимъ семействомъ переселиться въ Малороссію. Одинъ изъ сыновей Ивана Григоровича, Григорій, отецъ нашего странствователя, по смерти отца женился въ Малороссійскомъ мѣстечкѣ Лѣткѣ нынѣ Черниговской губерніи, Остерскаго уѣзда, на дѣвицѣ Маріи и вскорѣ послѣ того переѣхавъ въ Кіевъ, поселился тамъ въ Печерской слободѣ. Еще въ дѣтскомъ возрастѣ ихъ сыну Василію довелось быть свидѣтелемъ страшнаго прояв-

[1] Городъ Баръ, въ древности Ровъ, такъ названъ только въ XVI вѣкѣ, Боною Сфорца, супругою Польскаго короля Сигизмунда I въ воспоминаніе города Бари, въ которомъ почиваютъ мощи Святителя Христова Николая.

ленія гнѣва Божія. Въ 1710 году, въ Кіевѣ явилась чума. Вмѣстѣ съ другими этотъ бичъ Божій принудилъ и Григорія Ивановича Барскаго оставить Кіевъ и со всѣмъ своимъ семействомъ выселиться „въ поле“. Когда же опасность миновала, онъ снова возвратился въ Кіевъ и поселился на Подолѣ близъ соборнаго храма Успенія Пресвятыя Богородицы.

О жизни сына его Василія мы имѣемъ единственныя свѣдѣнія, которыя находимъ на страницахъ его „Странствованія по Святымъ мѣстамъ Востока“. Отецъ Василія, Григорій Ивановичъ, по свидѣтельству сына, былъ „книженъ точію въ Россійскомъ писаніи и въ церковномъ пѣніи“. Занятый торговлею и къ тому же имѣя предубѣжденіе противъ ученыхъ, примѣчая въ нихъ „излишное прѣнье, гордостъ, тщеславіе, славолюбіе, завистъ и прочая“, очень естественно старался отклонить своего сына отъ ученаго поприща и пріучить къ торговымъ занятіямъ. А между тѣмъ Василій, еще съ дѣтскихъ лѣтъ, по свидѣтельству его брата Ивана, былъ „любопытенъ“ ко всякимъ наукамъ и художествамъ и „имѣлъ охоту видѣть чужія страны“. Такимъ образомъ, юный Василій невольно долженъ былъ стать въ противорѣчіе съ желаніями отца, что сдѣлало жизнь его въ родительскомъ домѣ не особенно радостною. По счастію, въ своемъ стремленіи къ ученію, Василій нашелъ поддержку въ своей матери, которая съумѣла убѣдить своего мужа не препятствовать благому желанію ихъ сына. Василій поступилъ въ Кіевскую Академію, и какъ слѣдуетъ предполагать, во время ректорства въ оной знаменитаго Ѳеофана Прокоповича (1709—1716). Судьба не дозволила однакожъ Барскому окончить курсъ въ Академіи. Когда онъ достигъ уже до „началъ философскихъ“, то у него открылась на лѣвой ногѣ язва, лишившая его возможности ходить. Онъ принужденъ былъ

оставить Академію и приняться за лѣченіе. Пользовавшіе его Кіевскіе врачи не принесли ему пользы. Въ то время, когда больной потерялъ уже всякую надежду „исцѣлитися“, до него доходитъ слухъ, что одинъ изъ его товарищей, нѣкто Іустинъ Леницкій, братъ бывшаго архіепископа Суздальскаго Варлаама [1], задумалъ ѣхать „въ Полшу до града Львова, ради совершенія болшихь наукь“. Это извѣстіе оживило Барскаго и имѣло на него рѣшающее значеніе. „Виждь“, восклицаетъ онъ, „нечаянное Божіе о мнѣ смотрѣніе“. И онъ „тому поревновахъ“, рѣшился вмѣстѣ съ Іустиномъ ѣхать во Львовъ. Пользуясь отсутствіемъ отца, онъ оставляетъ родительскій домъ, и мать „съ многимъ рыданіемь и слезами“ благословляетъ своего сына на далекій путь.

Двадцатидвухлѣтній Василій вмѣстѣ съ товарищемъ Іустиномъ выѣхали изъ Кіева 20 Іюля 1723 г. Едва они покинули городъ, какъ возвратился домой отецъ Барскаго и тотчасъ послалъ слугу за сыномъ въ погоню. На всѣ увѣщанія слуги вернуться домой, Василій остался непреклоненъ и пославъ отцу „должній синовній поклонь“, продолжалъ свое путешествіе. Изъ Почаева, отъ 13-го Августа, онъ отправилъ къ отцу письмо, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Простѣте и благословѣте, а не клѣнѣте мя грѣшнаго, дабы ми, за благословеніемъ Божіимъ и вашимъ отеческимъ, всякіе замысли и поступки благополучніи были“. О дальнѣйшихъ своихъ намѣреніяхъ Барскій пишетъ въ этомъ письмѣ нерѣшительно: „Извѣщаю, же иду до Львова, а пѣвнѣ не извѣщаю гдѣ буду; Богъ вѣстъ, може еще и далѣй пойду?“ Очевидно, что на первыхъ порахъ Барскій не имѣлъ

[1] Варлаамъ хиротонисанъ 31 Мая 1719 г.

какихъ либо опредѣленныхъ цѣлей, а одно только неопредѣленное желаніе видѣть свѣтъ и „иныхъ людей обычаи“. Во Львовѣ искусный врачь вылѣчилъ ногу Барскаго и онъ сталъ хлопотать о поступленіи во Львовскую іезуитскую академію. „Да искусимъ“, пишетъ Барскій, „ихъ преданія ученій“. Но православныхъ, и особенно Кіевскихъ, въ эту академію не допускали; а потому для достиженія своей цѣли Василій вмѣстѣ съ Іустиномъ рѣшились прибѣгнуть къ хитрости, въ то время весьма обычной. Они объявили себя братьями Барскими, уроженцами Польскаго города Бара. Такимъ путемъ они проникли въ академію и поступили въ классъ риторики. Обманъ однакоже вскорѣ открылся и они были изгнаны изъ академіи „яко волци отъ лѣсовь Кіевскихь“. Барскій не упалъ духомъ и утѣшалъ себя благочестивымъ размышленіемъ, что Богу неугодно было оставить ихъ, воспитанныхъ въ православной вѣрѣ, среди латиновъ и онъ сталъ убѣждать своего спутника Іустина: „да идемь къ инимь градомь и видимь иныхъ людей обычаи“. Къ исполненію этого намѣренія Барскаго способствовало и слѣдующее обстоятельство. Во Львовѣ они сошлись съ Русскимъ священникомъ, Стефаномъ Протанскимъ. Онъ потерялъ жену и „ради разгнанія своей печали“, рѣшился отправиться въ Римъ. Узнавъ объ этомъ, Барскій и Іустинъ предложили Протанскому идти туда вмѣстѣ и Протанскій съ радостію принялъ ихъ предложеніе. „Мнѣ же“, пишетъ по этому поводу Барскій, „не бысть толь желаніе до Рима, елико до Святителя Христова Николая въ Барь градь“. Денегъ для этого путешествія Барскій имѣлъ хотя и „зѣло мало“, но онъ возложилъ все свое упованіе на Бога и „на милость христіанскую“. Предпринимая дальнее путешествіе, Барскій запасается не только патентомъ отъ

архіепископа Львовскаго, долженствующимъ открыть ему двери католиковъ, но даже и отъ Львовскаго еврейскаго кагала. Наши путешественники, въ одѣяніи Римскихъ пилигримовъ, вышли 23 Апрѣля 1724 года, изъ Львова. Перебравшись черезъ сѣверовосточный уголъ Карпатскихъ горъ, достигли города Кашау, гдѣ, не имѣя чѣмъ жить, ходили по городу и просили милостыню. Это такъ непріятно поразило священника Протанскаго, что онъ рѣшился разстаться съ своими товарищами. Для самаго же Барскаго это „художество“ не могло быть новымъ. Онъ въ Кіевѣ довольно насмотрѣлся, какъ тамошніе ученики цѣлыми десятками расходились по разнымъ городамъ и селамъ Кіевской и Черниговской губерніи, для собиранія подаяній. Кромѣ того многіе бѣдные ученики каждый день въ обѣденное время ходили по Кіевскимъ улицамъ и предъ каждымъ домомъ пѣли разные священные стихи, испрашивая у жителей христіанской милостины. Изъ Кашау Барскій черезъ Эрлау пришелъ въ Пештъ, гдѣ нашелъ помощь у православныхъ Сербовъ, и думалъ, чрезъ Сербію и Далмацію, отправиться въ Венецію; но „благоразсудніи людіе“ имъ посовѣтовали идти туда на Вѣну, „да и столицу цесарскую узримь и крѣпкимы себѣ вьоружимь патентамы“. Такъ они и сдѣлали. Разставаясь съ Венгріею, Барскій съ благодарностью отзывается о страннолюбіи ея жителей. Иное встрѣтилъ онъ, когда вступилъ въ Нѣмецкую землю, гдѣ онъ не нашелъ „никаковаго страннолюбія, ни мылости отъ Нѣмецкаго народа, естественно сущаго немилосерднаго“. Но къ чести Нѣмцевъ Барскій сообщаетъ, что земля ихъ „мырна есть отъ разбійниковь“. 1-го Іюня 1724 года, путешественники увидѣли передъ собою „славный градъ“ Вѣну. Всевозможныя затрудненія при-

шлось имъ преодолѣть, чтобы проникнуть въ самый городъ, который показался Барскому „аки прекрасный рай". Здѣсь нашимъ бѣднымъ странникамъ удалось достать себѣ патенты отъ папскаго нунція и отъ Венеціянскаго посла. Полученіе этихъ патентовъ было крайне для нихъ необходимо; ибо Барскій отъ кого то слышалъ, что неимѣющихъ „Вѣденскаго (Вѣнскаго) патента берутъ на галелы, си есть на вѣчную въ узахь работу". Черезъ Штирію и Каринтію путешественники добрались до Венеціи. Когда Барскій увидалъ въ первый разъ море, то помянулъ Пророка, вопіюща: „Нисходящіи на море въ кораблехъ и творящіи дѣланія въ водахь многихь, тіи видѣша дѣла Господня и чудеса его въ глубинѣ". По прибытіи въ Венецію, Барскій на другой же день отправился въ Православную церковь Св. Георгія. Такъ какъ Барскій въ то время еще не зналъ Греческаго языка, то очутился въ затруднительномъ положеніи, изъ котораго его выручали дѣти Грековъ, обучавшіеся въ церковной школѣ Латинскому языку. Они завязали разговоръ съ нимъ на этомъ языкѣ. Подошли и учителя и стали бесѣдовать о вѣрѣ. Донесли протопопу, что пришедшіе странники „суть православны и благочестивыи христіяне"; да къ тому же родомъ „отъ Россійскихь странъ". По поводу послѣдняго показанія, Барскій замѣчаетъ: „зѣло бо тамо таковыхь людей любятъ". Въ Венеціи, въ этотъ разъ, Барскій пробылъ всего только два дня. Чрезъ Падую, Феррару, Болонью, Пезаро, Фано и Анкону, слѣдуя берегомъ Адріатическаго моря, онъ пришелъ въ Лорето. Изъ Лорето путешественникамъ предстояло два пути: кратчайшій—въ Римъ, дальнѣйшій—въ Бари. Барскій настоялъ идти въ Бари прямо изъ Лорето. „Аще", пишетъ онъ, „пойдемь первѣе къ Риму, доволни будемь видѣніемъ величества, кра-

сти и слави его и облѣнимься пойти поклонитися мощемъ угодника Божія Святителя Христова Николая." Невыразимыя страданія пришлось испытать нашимъ путешественникамъ, когда они шли въ самое жаркое время года, по сухой, неплодной, безводной Калабріи. Къ довершенію бѣды близъ Барлеты, Барскій потерялъ свои патенты, а пилигримъ безъ патентовъ, по замѣчанію Барскаго, тоже что „человѣкь безъ рукь, воинь безъ оружія, птица безъ криль, древо безъ листвія". Наконецъ, послѣ девятидневныхъ страданій, Барскій достигаетъ давнишней своей цѣли, пресловутаго града Бара, и онъ удрученный потерею патентовъ и болѣзнію ноги, „присно же прихождахъ кь гробу Святителя Христова Николая, моля его сь слезами, да ми поможеть въ обѣхь тѣхь". Молитва его была услышана. Нога его исцѣлилась и патенты его нашлись; но вслѣдъ за тѣмъ Барскаго постигаетъ новая бѣда. Жестокая лихорадка удерживаетъ его въ Барлетѣ; а спутникъ его Іустинъ, не желая дожидаться выздоровленія своего товарища, уходитъ въ Римъ, оставляя Барскаго одного „скорбна и болѣзненна". Съ тѣхъ поръ товарищи уже не сходились и судьба Іустина Леницкаго остается намъ неизвѣстною. Въ это трудное время, какъ и всегда, Барскій не упалъ духомъ и онъ „помянухь Бога и возвеселихся". Одинъ одинехонекъ, въ чужой землѣ, зная только книжный Латинскій языкъ, котораго не разумѣлъ простой народъ въ Италіи, безъ денегъ, въ лютой лихорадкѣ, томимый жаждою, шелъ онъ по пути къ Риму и наконецъ, наканунѣ Успенія, дотащился до Неаполя, гдѣ въ гостиницѣ Св. Троицы Барскій нашелъ себѣ пріютъ и успокоеніе. Пробывъ нѣсколько дней въ Неаполѣ, Барскій отправился въ Римъ сухимъ путемъ и 29 Августа 1724 года, взорамъ его открылся вѣчный городъ. „И видѣхь", пишетъ онъ,

„Римъ отвнѣ зѣло много красенъ; много бо услаждаютъ зѣници людскіе оніе церкви древнимъ строеніемъ съ многими главами, цѣнію и мѣдію покровенни и позлащенніе на себѣ крести имущими“. По цѣлымъ днямъ Барскій бродилъ по Риму: заходилъ въ церкви, осматривалъ княжескіе и кардинальскіе дворы и палаты, любовался красотою града. наблюдалъ нравы и обычаи народа. Между прочимъ ему удалось воспользоваться даже гостепріимствомъ самаго Папы. Въ Римѣ Барскій прожилъ около 3-хъ недѣль и оставилъ вѣчный городъ, сознавая, что о великомъ и пресловутомъ отъ запада до востока градѣ Римѣ „многія повѣсти требѣ, по достоянію слави и лѣпоти его“. Путь свой Барскій направилъ опять въ Венецію, идя туда чрезъ Флоренцію, Болонью и Феррару, съ надеждою вернуться оттуда прежнимъ путемъ „въ страну Полскую“. Въ Венеціи Барскій пріютился въ богадѣльнѣ знакомой ему уже греческой церкви и не расчитывалъ долго пробыть въ Венеціи мечтая возвратиться на родину чрезъ Далмацію, Боснію, Сербію и Болгарію. Вслѣдствіе сего онъ почти ежедневно ходилъ на пристань развѣдывать: нѣтъ ли корабля, отправлявшагося въ Зару. „Не виденія ради“, хотѣлъ онъ посѣтить этотъ городъ, „понеже многа видѣхъ красна и чудесна; но посѣщенія ради мощей угодника Божія святаго Симеона Богопріимца“. Проходила недѣля за недѣлею, а онъ не находилъ добродѣтельнаго капитана, который довезъ бы его до Зары „Христа ради“. Вызванные его прошеніемъ упреки, что пилигримъ, путешествуя по свѣту и обходя страны и земли „многія собираетъ баци си есть денги“, заставляютъ Барскаго излить свою скорьбь въ одной изъ краснорѣчивѣйшихъ страницъ своихъ записокъ: „Всякъ бо путникъ“, пишетъ онъ, „аще истиненъ путникъ есть, аще путшествуетъ Христа ради,

не собранія ради имѣнія ходяй, прося въ мирѣ, не видѣнія ради мирскихъ красоть и разнствованія земелъ, народовь и обикновеній, но аще путшествуетъ или пообѣщанію, или по желанію, или спасенія ради своего, посѣщая мѣста святіе, на нихъ же шествоваху, или биша, или стоястѣ нозѣ Господа нашего Іисуса Христа, или поклоненія ради мощемъ святихь угодниковъ Божіихъ,—таковій долженъ есть ангельское имѣти житіе, частѣ исповѣдая грѣхи своя. Сего ради", продолжаетъ онъ, „путникь аще и нагло помретъ, мню, яко неточію не лишится царствія Божія, но еще мученическій воспрійметъ вѣнецъ, понеже болѣзни и страданія, зной, варь, дожди и снѣзи лютіе претерпѣвая, подвизаяйся даже до смерти самоволно, Христа ради". Въ безвыходныхъ хлопотахъ объ отъѣздѣ изъ Венеціи, прошелъ для Барскаго мѣсяцъ Октябрь. Наступили холода, вѣтры, и онъ рѣшился зимовать въ Венеціи. Протопопъ о. Василій благословилъ Барскаго остаться при Греческой церкви. Между тѣмъ ему „омерзѣ дозѣла" праздное препровожденіе времени и онъ рѣшился посвятить свободное время изученію Греческаго языка. Къ тому же Греки, какъ единовѣрцы, очень полюбили Барскаго и охотно допустили его до занятій въ церковной школѣ. Только товарищи Барскаго по богадѣльнѣ отнеслись съ насмѣшкой къ этимъ занятіямъ его и со смѣхомъ называли его „премудримь Соломономь". Барскій съ сожалѣніемъ говоритъ, что ему мало времени удавалось посвящать занятіямъ, такъ какъ онъ принужденъ былъ часто ходить по городу и просить милостыню. Не рѣдко Барскій заходилъ и на площадь Св. Марка, гдѣ ему пришлось однажды присутствовать при зрѣлищѣ, которое его, какъ малороссіянина, возмутило до глубины души. Травили вола собаками. И можетъ быть, смотря

на это, вспомнилась ему его далекая родина, гдѣ волъ есть неизмѣнный спутникъ и кормилецъ человѣка. И можетъ быть зазвучали въ душѣ его родныя пѣсни, величающія столь любезное Малороссіянамъ чумакованье. Пѣсни, отражающія въ своей унылой однообразной мелодіи безбрежную степь, съ безоблачнымъ небомъ, палящимъ солнцемъ и въ этой величавой обстановкѣ, мѣрное, „съ важностью спокойной“ движеніе воловъ, сопровождаемое загорѣлыми чумаками. Когда же на чужой сторонѣ представилось ему это зрѣлище травли и веселіе зрителей, то изъ его души вылились слѣдующія прочувствованныя строки: „азъ едва не плакахъ, видящи таковое мученіе незлобиваго звѣри, отъ неблагословенной бестіи терпимое лютѣ. Помянухъ бо азъ грѣшный тогда, глаголющи въ умѣ своемъ, яко звѣрь оній великія чести достоинъ, понеже ни единъ отъ инныхъ въ вертепѣ рождшемуся Христу Господу не сподобися служити, токмо онъ и подобній другъ его незлобивый оселъ“. Между тѣмъ наступилъ 1725 годъ, а съ нимъ и Италіянская весна. Пахнуло „отъ теплоти диханія морскаго“. Вмѣстѣ съ весною у Барскаго обновилась непреодолимая жажда къ путешествію. Однажды случилось ему разговориться объ этомъ предметѣ съ однимъ ученикомъ Греческаго училища, который замѣтилъ Барскому, что не мѣшало бы ему побывать въ „волной Греціи“. Тамъ, сообщалъ онъ, „Святыхъ Божіихъ мощи“, а люди „милосердны на путниковъ“. Эти слова запали въ душу Барскаго и потянули его на Святой Востокъ. Одно только нѣсколько печалило Барскаго: не было у него спутника, съ которымъ онъ могъ бы дѣлить труды и трудности страннической жизни. Случайно на площади Св. Марка столкнулся Барскій съ такимъ спутникомъ. Это былъ бывшій архимандритъ Тихвинскаго монастыря Рувимъ Гурскій, нѣ-

когда любимецъ митрополитовъ Стефана Яворскаго и Іова Новгородскаго, довѣренное лицо царицы Прасковьи Θеодоровны и царевича Алексѣя Петровича, но принужденный бѣжать изъ отечества и искать себѣ такого мѣста, „идѣже бы мя токмо Единь знаяше Богъ и азъ Его“. Съ этой минуты и до самой кончины Рувима Барскій уже съ нимъ не разлучался. Съ такимъ спутникомъ Барскому впервые пришла мысль „пойти въ Іерусалимь поклонитеся Гробу Христову“. Они стали дѣятельно приготовляться къ отъѣзду. Нашелся благодѣтель, въ лицѣ нѣкоего сербскаго капитана Вукола, который взялся быть ходатаемъ за нашихъ странниковъ предъ однимъ великимъ Венеціянскимъ бояриномъ, обладателемъ многихъ кораблей и просить его „да украблить“ ихъ до Корфу. Наконецъ все устроилось и въ мартѣ 1725 г. Рувимъ и Барскій оставили Венецію и поплыли къ острову Корфу.

Вообще тяжело было имъ это путешествіе. Взятые на корабль Христа ради, они принуждены были цѣлые дни проводить, что называется въ проголодь. Хозяинъ корабля латынинъ, такъ ихъ любилъ, „яко волкь агнца“, видѣть же ему ихъ было такъ пріятно „яко солъ въ очесехь и вѣру ми ими, благій читателю“, продолжаетъ Барскій, что Латыни гораздо болѣе любятъ жида и турка, чѣмъ насъ православныхъ. Въ наши дни, когда такъ часто приходится слышать: „*Православіе падаетъ. Надо поддержать Православіе,* какъ бы въ опроверженіе этихъ богохульныхъ жалобъ и дерзостныхъ намѣреній, не мѣшаетъ выслушать слѣдующія вдохновенныя строки, которыя вылились изъ глубины вѣрующей души Барскаго: „Но не удивляйся сему правовѣрный читателю, изначала бо мира никогда въ мирѣ не бистъ Церковь Христова, но всегда гонима, иногда отъ идолопоклоникъ, иногда же отъ невѣрныхъ, иногда же отъ ере-

тиковь и иниxь враговь, иногда и отъ своихь величавихь и высокомудрьствующихь латиновь, но никогда же, ни отъ кого же преодолѣнна биваетъ, ниже будетъ. Стоитъ бо недвижима, аки гора, красится красотою аки невѣста, сіяетъ въ семь мирѣ, аки слонце, свѣтя на благія и злыя, пребиваетъ тверда, аки адамантъ, процвѣтаетъ яко кринь посредѣ тернія, горитъ всегда непрестанныбмь пламенемь любве, яже къ Богу, его же никаковимь видомь всякіе еретичествующихь вѣтри угасити не могутъ, никогда смущается, всегда веселится, побѣдну воспѣвающе пѣснь".

Подплывая къ Корфу, Барскій, любуясь представившеюся его взорамъ картиною прекрасныхъ горъ, долинъ, деревень, садовъ масличныхъ, благодарилъ Бога за то, что Онъ „вѣру нашу православную на благой, мягкой и плодовитой насаждаетъ землѣ". Здѣсь Рувимъ и Барскій пріютились при церкви Св. чудотворца Спиридона. Вскорѣ они завели знакомство съ Корфіотами. Многіе изъ нихъ стали приглашать Рувима совершать литургію и святить воду. При этомъ нельзя не замѣтить, что архимандритъ Рувимъ не зналъ ни одного иностраннаго языка, а въ томъ числѣ и Греческаго, и слѣдовательно служилъ литургію для Корфіотовъ на Славянскомъ языкѣ.

Въ началѣ Мая, „именемъ Христовымъ", поплыли они въ Хіосъ и достигнувъ мѣстечка Миконо, лежащаго на одномъ маленькомъ островѣ вступили въ Турецкія владѣнія. Слышавъ, что Россія не мирна съ Турціею, они побоялись выходить на берегъ, дабы не сдѣлаться невольниками. Но опасенія ихъ были напрасны и Турокъ ихъ „ни о чесомь же вопроси". Таже боязнь овладѣла ими, когда они пристали къ острову Хіосу, но также напрасно. Чрезъ Греческаго толмача, Турецкій чиновникъ, задалъ имъ обыкновенные вопросы:

„Откуду есми, и почто прійдохомь тамо и камо грядемо?“ На эти вопросы отвѣчалъ Барскій и за себя и за своего старца. Потомъ турокъ потребовалъ ихъ патенты; и посмотрѣвъ на нихъ, какъ выражается Барскій „своима очима скверними сѣмо и овамо“ сказалъ имъ: Идите куда хотите. Барскій вознесъ благодарственную молитву къ Богу за то что Онъ „умягчи сердце нечестиваго“, который не только не взялъ съ нихъ дани но даже не сказалъ имъ и дурнаго слова. Узнавъ, что на островѣ Хіосѣ пребываетъ Іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ [1] пріѣхавшій сюда просить милостыни на искупленіе Гроба Христова, они не мало сему удивились, что „самь труждается, бывши толь великая персона“ и явились къ нему за благословеніемъ и совѣтомъ. Когда они сообщили патріарху, о своемъ намѣреніи отправиться въ Іерусалимъ, то получили отъ него извѣстіе, что на такое путешествіе требуется сумма превосходившая ихъ средства. Тогда они измѣнили планъ своего путешествія и рѣшились вмѣсто Іерусалима идти на Аѳонъ. Барскій думалъ только поклониться Святынямъ, а потомъ возвратиться въ отечество, а Рувимъ на всегда тамъ остаться. Но Всевышній судилъ иначе. Архимандритъ Рувимъ Гурскій, уже преутружденный старецъ, внезапно заболѣлъ и скончался въ Хіосѣ. „И погребоша его честно, съ великимь надгробнымь пѣніемь“, подъ спудомь церкви во имя Св. Виктора. „И азъ“ пишетъ Барскій, „присутствовахъ, провождая его честніи

[1] Хрисанфъ, патріархъ Іерусалимскій съ 1707 по 1731 г. Уроженецъ Константинополя, родственникъ Іерусалимскаго патріарха Досиѳея, которому онъ наслѣдовалъ. Учился въ Константинополѣ, Италіи и посѣтилъ европейскіе университеты. Извѣстенъ какъ знатокъ патристики, классическихъ языковъ и метафизики, а также какъ хорошій проповѣдникъ. Въ его патріаршество исправленъ храмъ Гроба Господня въ Іерусалимѣ. Свое описаніе Св. Града онъ посвятилъ Императору Петру Великому.

мощи къ гробу, плача и рыдая". Надъ одиночествомъ Барскаго и его безденежьемъ сжалились Греческіе купцы и въ особенности одинъ изъ нихъ по имени Іоаннъ Маврокордато, который съ ногъ до головы одѣлъ Барскаго и далъ ему возможность доѣхать до Солуня, куда онъ и приплылъ, испытавъ сильную бурю, 23 Сентября 1725 года. Здѣсь онъ провелъ только день и имѣлъ утѣшеніе встрѣтиться съ своими соотечественниками, а также и съ Болгарами. Они его угостили и проводили въ дорогу.

На Аѳонъ Барскій отправился пѣшкомъ и претерпѣлъ много путевыхъ невзгодъ, обходя всѣ монастыри. Постояннымъ мѣстопребываніемъ его былъ монастырь Св. Пантелеймона. Изъ Русскихъ въ этомъ монастырѣ быль только одинъ человѣкъ, а то или Греки, или Болгаре. По замѣчанію Барскаго „Наша Русь не токмо тамо, ни въ коемь иномъ Святія Гори монастирѣ не можетъ долго пребывати, развѣ кто подражаетъ Іовлеву терпѣнію"; а прочіе бѣгутъ оттуда „яко дивіе серны отъ тенета". Это явленіе Барскій объясняетъ матеріальною обезпеченностью нашихъ монастырей, которые въ то время владѣли деревнями. Эта обезпеченность давала нашимъ инокамъ возможность жить въ монастыряхъ какъ „святые въ раю, во всякомъ доволствѣ и безмолвіи" и думать исключительно о своемъ спасеніи. Между тѣмъ Аѳонскіе монахи принуждены день и ночь трудиться, работать „съ изліяніемь пота; днемъ копающе землю, нощію же о спасеніи своемъ". Самому же Барскому было не легко жить на Аѳонѣ. „Богъ же вѣсть", пишетъ онъ, „коликое гоненіе, укоризну и досади претерпѣхъ тамо чрезъ оное время, пребывающи въ Горѣ Аѳонской". Ему пришлось вынести цѣлое гоненіе за свое путешествіе въ Римъ и обѣдъ у

Папы. Его даже не допускали до Причастія и только послѣ архіерейскаго разрѣшенія онъ былъ допущенъ къ „Пренайсвятѣйшей Евхаристіи". Получивъ свѣдѣнія, что „повсюду миръ и тишина слишится", Барскій 1 Февраля 1726 года, вышелъ изъ Святой Горы обратно въ Солунь и здѣсь прожилъ до Сентября того же года. Благопріятный случай доставилъ ему возможность помѣститься безмездно на кораблѣ, плывшемъ съ поклонниками во Святую Землю. Въ концѣ Сентября, Барскій прибылъ въ Яффу. По пути, онъ заѣзжалъ въ Родосъ и Кипръ. На первыхъ порахъ, въ Яффѣ, мы видимъ Барскаго стоящимъ за дверьми гостинницы, когда другіе обѣдали и „созирахъ бывшее" и тутъ же, по окончаніи стола вмѣстѣ съ слугами питающимся остатками отъ общей трапезы.

Изъ Яффы, Барскій вмѣстѣ съ другими бѣдняками шелъ за караваномъ пѣшкомъ. „Сіи на верблюдахъ, аки на колесницехъ", пишетъ онъ, „ми же, въ имя Господа Бога нашего грядохомъ пѣши". Между Рамлэ и Іерусалимомъ Барскій былъ ограбленъ и избитъ Арабами. Изобразивъ въ самомъ неприглядномъ свѣтѣ этихъ Арабовъ, преграждающихъ путь ко Святому Граду, Барскій какъ бы испугался чтобы описаніемъ своимъ не отвлечь другихъ отъ путешествія ко Святому Гробу, и спѣшитъ оговориться: „Сія убо толъ многореченная отъ мене слышай, благоразсудній читателю, не усумнѣвайся и не угашай любовію горящое сердце твое къ мѣстомъ святымъ. Всякому, богатому же и убогому, совѣтую о Христѣ не ужасатися путешествовати къ святому граду Іерусалиму, ниже лишатися поклоненія живоноснаго Гроба Господня. Аще же кто хощетъ миренъ и безмятеженъ путь имѣти, да ослѣпитъ сребромъ всякое завистное око, что бо есть раздати таляръ или два Ееіопомъ, любве ради Божія и

Мѣстъ Святыхъ". Въ заключеніе Барскій взываетъ къ своимъ соотечественникамъ и ко всѣмъ христіянамъ: „Богомъ избранній Россійскій роде и вси повсюду далече отстоящіи христіяне потщитеся отъ всего сердца вашего простерти нозѣ ваша на шествѣе къ Святимъ Мѣстомь и руки въ подаяніе милостини на откупленіе тѣхьжде, студъ бо намъ есть и поношеніе отъ еретыковъ и невѣрныхь. Несите же имѣнія ваша съ собою, и положите я въ неветшающемъ влагалищи, въ гробѣ Христа Спасителя". Въ Іерусалимѣ Барскій окончилъ 1726 и встрѣтилъ новый 1727 годъ. Въ это время онъ обошелъ окрестности Святаго Града. Былъ на Іорданѣ и на Мертвомъ морѣ, посѣтилъ Виѳлеемъ и неоднократно бывалъ въ Лаврѣ Св. Саввы. Въ заключеніе своего описанія Іерусалима, Барскій пишетъ: „Славлю убо прочее и благодарю отъ всего сердца Творца моего и Бога, яко сподоби мя посѣтити, видѣти же и поклонитися мѣстомъ онымъ". Изъ Іерусалима Барскій имѣлъ желаніе отправиться на Синай и 17 Апрѣля поплылъ по направленію къ Даміеттѣ. Но буря отнесла корабль къ острову Кипру. Въ этомъ Барскій усмотрѣлъ волю Божію и провелъ 3 мѣсяца, странствуя по городамъ и монастырямъ Кипрскимъ. Отсюда онъ отправился въ Каиръ, гдѣ патріархъ Александрійскій Косма [1], сжалился надъ нимъ и пріютилъ его на своемъ подворьѣ. Барскій рѣшился жить здѣсь до тѣхъ поръ, пока возможно будетъ пройти къ Синаю, а чтобы не ѣсть даромъ монастырскаго хлѣба, сдѣлался трапезаремъ и упражнялся въ Греческомъ языкѣ, чтобы не терять даромъ время. Его очень полюбили Каирскіе иноки и онъ иногда прогуливался съ ними по Каиру, любуясь красотою и величествомъ города и

[1] Косьма, патріархъ Александрійскій въ 1724—1737 г.

наблюдая народные обычаи. Болѣе восьми мѣсяцевъ суждено было Барскому прожить въ Каирѣ. Въ день Богоявленія 1728 г. онъ вмѣстѣ съ патріаршими иноками обходилъ дома и носилъ сосудъ со святою водою и это дало ему возможность собрать на дорогу „нѣсколько пѣнизей“. Наконецъ, послѣ, казалось, непреодолимыхъ трудностей, Барскій проникъ на Синай, гдѣ обозрѣлъ всѣ святыя мѣста, и покинулъ Египетъ въ Даміеттѣ.

Барскій вышелъ на берегъ въ древнемъ Сидонѣ. На первыхъ же порахъ, онъ былъ пораженъ до глубины души тѣми церковными нестроеніями, которые онъ нашелъ въ Антіохійской патріархіи. „Богъ токмо да уврачуетъ Церковь Христову Православную“. Въ Дамаскѣ Барскій увидѣлъ магометанъ, католиковъ, уніатовъ, армянъ, маронитовъ, евреевъ, а православныхъ христіанъ оказалось самое наименьшее число, да и тѣ, по наблюденію Барскаго, были не весьма тверды въ вѣрѣ. Самаго патріарха Сильвестра [1] въ это время не было въ Дамаскѣ, онъ пребывалъ въ Константинополѣ. Барскій отправился въ Антіохію, гдѣ встрѣтился съ „торговцами Греческими, пришелцами отъ земли Болгарской, отъ града Филипополя“, которые угостили

[1] Въ это время патріархомъ Антіохійскимъ былъ Сильвестръ, родомъ съ острова Кипра. Онъ былъ архидіакономъ при Антіохійскомъ патріархѣ Аѳанасіи, который передъ смертіею своею назначилъ его своимъ преемникомъ. Въ это время Сильвестръ находился на Аѳонѣ. Константинопольскій синодъ, узнавъ о желаніи покойнаго патріарха, 27 Сентября 1724 года призналъ Сильвестра патріархомъ. По отзыву современниковъ это былъ мужъ „не злобивый, не коварный, не сребролюбивый, паче же добродѣтельный и многомилостивый, хранитель отеческихъ преданій, знатокъ правилъ церковныхъ, исполнитель церковныхъ чиноположеній и уставовъ, но не обладалъ политическимъ тактомъ, а мнѣнія его были перемѣнчивы“. Онъ скончался 13 Марта 1766 года, будучи во время своего 38 лѣтняго патріаршества принуждаемъ неоднократно оставлять свой престолъ, побуждаемый къ тому противною ему партіею, поставившею антипатріархомъ Кирилла.

нашего путешественника „трапезою и одромъ честию". Эта встрѣча произвела на Барскаго отрадное впечатлѣніе, „яко языкомъ ихъ сбесѣдовахъ". Народъ ихъ, замѣчаетъ Барскій, есть „естественно страннолюбивъ". Печальную картину взорамъ Барскаго представилъ „сей иногда преславній и великій, именуемій Божій, градъ Антіохія". Въ 1728 году она казалась селомъ. Въ этой бывшей столицѣ Антіохійскаго патріарха, Барскій не нашелъ ни одной церкви, а тамошніе магометане ненавидѣли христіанъ и стремились выжить ихъ изъ Антіохіи. Но христіане тамъ живущіе, съ утѣшеніемъ замѣчаетъ Барскій, „не точію не умаляются, но паче избиточествуютъ". Достигнувъ границъ, отдѣляющихъ Антіохійскій патріархатъ отъ Константинопольскаго, Барскій располагалъ отплыть моремъ въ Константинополь, „понеже" пишетъ онъ, „утрудихся и возненавидѣхъ по вся дни шествующи землею". Но жестокая лихорадка заставила Барскаго измѣнить планъ своего путешествія. Онъ уклонился отъ моря и направился въ Алеппо. Въ маленькомъ городкѣ Бейланъ, онъ присоединился къ купцамъ, идущимъ на верблюдахъ въ Алеппо. Не найдя въ этомъ городѣ пріюта у митрополита, который оказался гордымъ, скупымъ и страннононавистнымъ, Барскій отправился на торжище и водворился въ одномъ купеческомъ дворѣ. Болѣзнь замедлила выѣздъ его изъ Алеппо. Между тѣмъ приближался праздникъ Рождества Христова и Барскій былъ опечаленъ тѣмъ, что не могъ найти здѣсь православнаго священника, который бы его исповѣдалъ и причастилъ. Съ этою цѣлью онъ отправился въ близлежащее мѣсточко Едлибъ, въ которомъ жили православные христіане; но и здѣсь онъ не могъ найти Греческаго священника и принужденъ былъ исповѣдываться

у Арабскаго. По этому поводу мы узнаемъ, что Барскій зналъ уже по арабски.

Барскій, встрѣтивъ новый 1729 г. въ монастырѣ Св. Георгія близъ Триполя и получивъ нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни, замыслилъ вторично посѣтить Іерусалимъ, уповая отъ Святыхъ мѣстъ „совершенное получити здравіе“. Путь Барскаго во Святый Градъ шелъ на этотъ разъ изъ Триполя черезъ Назаретъ и Самарію. Близъ Іерусалима, Барскій опять попалъ въ руки разбойниковъ, которые его не только избили, но и „отъ одеждъ обнажиша въ вся“. Къ довершенію бѣды у него не оказалось денегъ, для уплаты магометанскихъ даней. Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи, Барскій рѣшился прикинуться юродивымъ Христа ради, „безчинствуя и неподобная глаголяй и бѣхь въ поруганіе всему народу“ и въ такомъ видѣ дошелъ, 23 Марта 1729 г. „даже до Святаго Града“. Проведя здѣсь Пасху и посѣтивъ еще разъ окрестности до Виѳлеема, Барскій отправился въ Яффу, а отсюда, 15 Мая, въ Птоломаиду. За тѣмъ посѣтилъ вторично Назаретъ, прошелъ всю Галилею до источниковъ Іордана, всходилъ на Ѳаворъ и Кармилъ, посѣтилъ остатки Каны Галилейской, видѣлъ мѣсто благословенія пяти хлѣбовъ и гору Блаженствъ. Изъ Птоломаиды Барскій отплылъ „ладіею по морю“ въ Триполи. Сердце путника уже жаждало возвратиться въ Кіевъ. Онъ видѣлъ все, чего желалъ видѣть. Царьградъ, гдѣ онъ еще не былъ, лежалъ на пути въ Россію. Но, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Слѣдующее обстоятельство заставило Барскаго остаться въ Триполѣ. Въ этомъ городѣ существовало Греческое православное училище, основанное тогдашнимъ патріархомъ Сильвестромъ, съ тою цѣлію, чтобы умножить, по словамъ Барскаго, „разумнихь и словесныхъ мужей

и искусних философовь", способныхъ бороться съ врагами Церкви Христовой. Дидаскаломъ этого училища былъ съ острова Патмоса іеромонахъ Іаковъ. Барскій не находитъ словъ для похвалы этому достойному мужу. Равнаго ему, пишетъ Барскій, „ни вь Іерусалимѣ отъ Отець, ни вь Горѣ Синайской, ни обрѣтающеся въ горѣ Аѳонской, обрѣсти ми не случися". Іаковъ, замѣтивъ способности и любознательность Барскаго, уговорилъ его остаться въ училищѣ для изученія Греческаго языка. Это предложеніе совпало съ завѣтными мыслями Барскаго и онъ остался въ Триполѣ и прожилъ здѣсь при своемъ дидаскалѣ въ теченіе почти пяти лѣтъ „начертахь на сердци моемь", пишетъ Барскій, „благій по Бозѣ житія его образъ". Въ Іюлѣ 1730 года, Барскій долженъ былъ на нѣсколько времени прекратить свои занятія и отправиться въ Египетъ, частію по порученію своего дидаскала, а частію по собственнымъ дѣламъ, для поклоненія святѣйшему патріарху Космѣ и для принятія благословенія его къ собиранію милостыни. Патріархъ принялъ Барскаго „благимь сердцемь и лицемь веселимь", исполнилъ его просьбы и далъ ему пріютъ на своемъ патріаршемъ дворѣ. Въ концѣ 1730 года, Барскій вернулся въ Триполь и продолжалъ тамъ свои занятія Греческимъ языкомъ. Лѣтомъ 1731 года, Барскій былъ посланъ своимъ дидаскаломъ на островъ Патмосъ къ тамошнему богослову іеродіакону Макарію, для рѣшенія недоумѣній по поводу одного вопроса, возбужденнаго въ Антіохіи спорами папистовъ и уніатовъ съ православными. На островѣ Патмосѣ, при святой пещерѣ, „въ ней же святый Іоаннъ Богословъ исписа божественное Евангеліе и Откровеніе, якоже пишутъ древніе книги Греческія кожаныя", процвѣтало Греческое училище, подъ руководствомъ іеро-

діакона Макарія. Объ этомъ святомъ старцѣ Барскій сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія. „Безъ сомнѣнія", пишетъ В. И. Ламанскій, іеродіаконъ Макарій „займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду людей, приготовившихъ возрожденіе Грековъ. Не знаю", пишетъ далѣе г. Ламанскій", сохранились ли у Грековъ подробныя извѣстія объ этомъ славномъ труженикѣ просвѣщенія и народности, во всякомъ случаѣ для нихъ должны быть чрезвычайно дороги слова о немъ нашего Барскаго, такъ какъ онъ коротко зналъ Макарія". По поводу же порученія, даннаго Барскому къ о. Макарію, г. Ламанскій пишетъ: „Замѣчу кстати, что такъ послужили дѣлу Грековъ не одинъ Русскій. Не мало Русскихъ богомольцевъ перебывало на островахъ Греческихъ до Барскаго. и конечно большая ихъ часть поступила также подобно Барскому. Кстати напомнимъ, что въ XVIII столѣтіи, одинъ Русскій, именемъ Пареепій Небоза, былъ митрополитомъ Лаодикійскимъ". Во время пребыванія своего на островѣ Патмосѣ, Барскій каждый день ходилъ въ училище „и вѣдѣхъ", пишетъ онъ, „онаго избраннаго мужа бистроуміе и добродѣтелъ, и чудихся". О. Макарій, полюбя Барскаго, совѣтовалъ ему оставить странническую жизнь и заняться изученіемъ Греческаго языка „въ ползу себѣ и отечеству. Азъ же", простодушно сознается Барскій, „тогда младь сущи, и аки младъ мудрствующѣ же услаждахся лучше путшествіемь и исторіею разныхъ мѣстъ, нежели поученіемь". Но тѣмъ не менѣе совѣтъ Макарія Барскій навсегда сохранилъ въ сердцѣ своемъ. Невольно припоминается, что въ нашемъ отечествѣ, еще въ XIV столѣтіи въ Ростовѣ Великомъ существовалъ при архіерейскомъ домѣ иноческій затворъ богослововъ. Здѣсь учились и подвизались иноки богословы, къ числу коихъ принад-

лежали: просвѣтитель Перми—Св. Стефанъ, біографъ преподобнаго Сергія — Епифаній Премудрый, преподобный Григорій Пельшемскій, Вологодскій чудотворецъ. Здѣсь были ученыя прѣнія и братство иноковъ, службу церковную пѣло по Славянски и по Гречески. Но на прежднее возвратимся. Исполнивъ въ Патмосѣ, возложенное порученіе, Барскій отправился обратно въ Триполь, по пути заѣзжалъ въ Самосъ, гдѣ между святыми памятниками христіанства, онъ не забылъ посѣтить горы, съ которыми связано имя Пифагора. Въ Хіосѣ нашелъ онъ своихъ старыхъ знакомыхъ „мужей благородныхъ" и помянулъ скончавшагося здѣсь сопутника своего о. Рувима. На Самосѣ увидѣлъ Барскій впервые патріарха Сильвестра и нашелъ въ патріархѣ „мужа возрастомъ и умомъ благонравна и добродѣтелна и милосердна". Возвратившись въ Триполь Барскій засталъ тамъ чуму. Въ виду этаго бѣдствія, школа была закрыта, а о. Іаковъ съ учениками, къ которымъ присоединился Барскій, переселились въ Дамаскъ. Въ это время изъ Дамаска въ Москву отправлялся, по своимъ торговымъ дѣламъ, одинъ богатый купецъ, по имени Спандонѣй „мужъ", по отзыву Барскаго „благороденъ и благоразуменъ". Пользуясь этою оказіей, Барскій написалъ къ своимъ родителямъ письмо, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „Пребываю до времени въ престолѣ Антіохійскомъ въ преславутомъ и въ великоименитомъ градѣ Дамаску, въ дворѣ святѣйшаго патріарха господина киръ Сильвестра, иже великую ко мнѣ показуетъ любовь, страннолюбіе и учусь въ его училищѣ по Греческу". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ своихъ родителей принять Спандонѣя и „почтити честно, понеже мой есть зѣло любезный другъ". Въ этомъ же письмѣ Барскій вспоминаетъ о своемъ старомъ и его покинувшемъ спутникѣ: „Іустинъ Ле-

ницкій не вѣмъ гдѣ обрѣтается, зъ которымъ я віихалъ вкупѣ до Полщи, и если есть въ Кіевѣ, поздравляйте его отъ мене". Усиливающаяся съ каждымъ днемъ Римская пропаганда принудила патріарха Сильвестра послать „словѣснѣйшаго дидаскола" Іакова „въ предѣлы Сиріи и Килѣкѣи и вь весъ Антіохійскій престолъ, ради проповѣди Божія Слова и утвержденія православныхъ". По отшествіи о. Іакова, школа осталась безъ учителя и Барскій рѣшился удалиться на островъ Патмосъ къ іеродіакону Макарію, „къ совершенію ученія греческаго". Но патріархъ, полюбившій очень за это время Барскаго, желалъ его удержать при себѣ, и самъ 1 Января 1734 года постригъ его въ монашескій санъ. Ни расположеніе патріарха, ни постриженіе въ монахи, не измѣнили однакоже намѣренія Барскаго удалиться изъ Дамаска, но вѣрный своему призванію пилигрима и любознательнаго путешественника, инокъ Василій не хотѣлъ оставить Сиріи, не осмотря въ ней всего, что можно было видѣть. Съ этою цѣлью, онъ снова отправился къ верховьямъ Іордана и оттуда проникъ даже въ Харанъ, отечество Ѳарры, отца Авраама. Въ Дамаскъ онъ вернулся съ караваномъ богомольцевъ, ѣхавшихъ изъ Мекки. О своихъ же спутникахъ, Меккскихъ богомольцахъ, Барскій пишетъ, что они отходятъ въ Мекку „надменни, яростни, неприступни, горди, богати и здрави", а возвращаются оттуда: „кротки, смиренни, убоги, немощни". Никто изъ этихъ богомольцевъ и не подозрѣвалъ, что съ ними ѣдетъ христіянинъ, такъ какъ Барскій будучи въ „худомъ и странномъ одѣяніи", являлъ собою образъ дервиша, то есть „убогаго турецкаго путника". И подъ симъ образомъ, онъ, по пріѣздѣ въ Дамаскъ, вмѣстѣ съ богомольцами проникъ въ неприступную тогда для христіянъ Дамаскую мечеть. Изъ

мечети, не переодѣваясь, Барскій отправился прямо на патріаршій дворъ: „И чудяхуся вси, полагающе на себѣ крестное знаменіе, недоумѣвающе въ себѣ и глаголющи: Василій ли есмь“: Самъ святѣйшій патріархъ не мало удивился „толъ хитростному“ его „притворенію“ и былъ очень радъ его возвращенію. Патріархъ продолжалъ оказывать нашему Василію свою любовь и расположеніе и по прежнему приглашалъ его къ своей трапезѣ. Едва оправившись отъ постигшей его вновь болѣзни, Барскій отправляется въ Триполь, а оттуда въ половинѣ Сентября 1734 г. вторично на островъ Кипръ, гдѣ тогдашній архіепископъ Кипрскій Филоѳей, жившій въ Левкосіи, узнавъ, что Барскій владѣетъ латинскимъ языкомъ, убѣдилъ его остаться на зиму при себѣ, для преподаванія этого языка въ православномъ Греческомъ училищѣ. Барскій преклонился „благоувѣтливимъ его словесемъ“. Архіепископъ помѣстилъ его на своемъ дворѣ и оказывалъ ему „почестъ и любовъ велію“. Барскій же познялъ въ немъ „мужа мудра, благонравна, добродѣтелна и словесна и веліе попеченіе имуща о поученіи“. Учительство Барскаго продолжалось съ Октября 1734 и до Апрѣля 1735. Бѣдствія, постигшія Кипръ, прервали занятія. На Святой было тамъ страшное землетрясеніе. Къ этому бѣдствію вскорѣ присоединилось и другое—явилась чума. Тогда архіепископъ „изіиде отъ престола“ и уединился въ одномъ изъ далекихъ монастырей. А нашъ о. Василій „облекшися въ худи ризи и изіидохъ отъ града Левкосіи, и шествовахъ пѣшеходно между горами и пустинями, проходящи отъ монастиря въ монастиръ зрѣнія ради и поклоненія“. Осмотрѣвши подробно въ теченіе полугода почти всѣ Кипрскіе монастыри, Барскій возвратился въ Левкосію и помѣстился по прежнему на архіерейскомъ дворѣ, съ на-

мѣреніемъ вскорѣ отправиться на островъ Патмосъ „пользованія ради Греческихъ ученій“; но лихорадка и приближающееся время платы хараджа, который турки ежегодно взимали со всѣхъ иновѣрцевъ, задержали Барскаго въ Кипрѣ. Въ это время прибыли на этотъ островъ благодѣтель Барскаго, Блаженнѣйшій Патріархъ Антіохійскій Сильвестръ, а съ нимъ вмѣстѣ и возлюбленный Барскаго дидаскалъ іеромонахъ Іаковъ и онъ остался на о. Кипрѣ еще почти годъ до Августа 1736 года. Возникшая война между Россіею и Турціею понудила его поспѣшить отъѣздомъ на островъ Патмосъ. И послѣ „многочисленнаго и прискорбнаго шествованія морскаго“, предъ самымъ праздникомъ Рождества Христова, Барскій достигъ, наконецъ, „совершенія желанія“ своего благословеннаго острова Патмоса. На другой же день, онъ отправился къ „пресловутому философу и богослову“ о. Макарію; но, къ сердечному своему прискорбію, засталъ учителя лежащимъ на смертномъ одрѣ. Барскій имѣлъ только одно утѣшеніе: присутствовать при поучительной его кончинѣ. Вскорѣ по кончинѣ его, на островѣ Патмосѣ явилась чума. Тогда весь народъ разбѣжался по горамъ и вертепамъ, монастырь Св. Іоанна Богослова и училище „затворишася“, но Барскій остался въ запустѣломъ городѣ и въ виду грознаго образа смерти, съ христіянскою твердостью трудился надъ изученіемъ Греческаго языка, уповая этимъ знаніемъ принести пользу своему отечеству, такъ какъ, по замѣчанію Барскаго Россійскій народъ „не тщашеся о Еллинскомь діалектѣ“. Здѣсь въ 1738 г., его посѣтилъ землякъ, настоятель посольской церкви въ Константинополѣ іеромонахъ Константинъ [1], по отзыву Барскаго „словесный мужъ“ въ

[1] До своего назначенія въ Константинополь, Константинъ былъ іеро-

Латинскомъ ученіи". Между ними завязалась переписка и до насъ дошло нѣсколько писемъ Константина къ Барскому. На о. Патмосѣ Барскій получилъ извѣстіе о кончинѣ отца и по этому поводу писалъ (отъ 21 Апрѣля 1741 года) къ своему брату Ивану: „Понеже, Божіимъ смотрѣніемъ, удостоился еси быти наслѣдникъ отческій, тщися достойно званіе свое совершати, съ прилежаніемъ по-

монахомъ Кіевскаго Софійскаго монастыря. Свѣдѣнія о немъ находятся въ „Сказаніи о страданіяхъ священномученика Христова Константія Россіянина", написанное аѳонскимъ іеромонахомъ Іоною на греческомъ языкѣ въ русскомъ переводѣ напечатанное архимандритомъ Леонидомъ въ Чтеніяхъ И. О. И. Д. Р. 1869. Кн. 1-я. По свидѣтельству аѳонскаго іеромонаха Іоны, о. Константинъ, состоя при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ, „тихо и мирно проводилъ жизнь свою". Во время войны нашей съ турками, бывшей въ царствованіе Анны Іоанновны (1736—1739) посольство наше выбыло изъ Константинополя, а іеромонахъ Константинъ удалился на Аѳонскую гору и поселился въ Лаврѣ св. Аѳанасія. Оттуда въ видѣ простаго странника онъ посѣтилъ Іерусалимъ, Патмосъ и прочія Святыя мѣста. Когда война кончилась, тогда о. Константинъ возвратился въ Константинополь. Резидентъ нашъ А. А. Вешняковъ принялъ его „съ любовью и обращался съ нимъ съ чувствомъ уваженія и почтенія". Чрезъ нѣсколько времени, неизвѣстно по какой причинѣ, возникли между ними неудовольствія. Въ бумагахъ архіепископа Псковскаго Симона Тодорскаго нашлось письмо къ нему іеромонаха Константина (отъ 18 Апрѣля 1741 г.), въ которомъ изображается мрачное состояніе души его. „Нѣкоторые возстали на меня и запрещается мнѣ учить животворному слову Божію. И это дѣлаютъ не агаряне, не евреи, не еретики, но наши и притомъ іереи". Будучи въ такомъ настроеніи о. Константинъ рѣшился на неожиданный поступокъ. Онъ скрылся изъ посольства и явившись въ верховный диванъ объявилъ, что онъ желаетъ лично представиться султану Махмуду I (1730—1754), для того, чтобы предъ нимъ отречься отъ Христа и „исповѣдать Магомета истиннымъ пророкомъ великаго Аллаха". Желаніе его было исполнено, султанъ осыпалъ его милостями своими. Но всеблагій Господь коснулся своею благодатію сердца Константина, мысль его вдругъ озарилась Божественнымъ свѣтомъ и онъ подобно Петру „плакася горько". Тогда, повязавъ голову свою ветхимъ платкомъ и въ раздранной ризѣ явился предъ султаномъ исповѣдникомъ Христовой вѣры. Онъ былъ схваченъ и на дворцовой площади 26 Декабря 1742 года отсѣкли ему голову. Константинопольская церковь причислила его какъ священномученика къ лику святыхъ и празднуетъ память его 26 Декабря.

печеніи дому и о вдовствующей при старости родительницы нашей, и аки мужественъ сій, утѣшай всячески немощъ женскую благовѣтливыми глаголы, съ должнимъ почитаніемъ, говѣніемъ же и крайнимъ послушаніемъ, поминающе Божіе приказаніе: чти отца твоего и матерь твою и долголѣтенъ будеши на земли". Въ отвѣтъ же на просьбу брата и матери вернуться въ Кіевъ, Барскій писалъ брату: „Не ревнуй нравомъ женскимъ, плачущи и болѣзнующи о медлѣніи возвращенія моего, да не къ тому стужаеши и горлицы плачевной матери утробу, но дерзай мужественно, образъ себе показуя къ прогнанію всякой скорби". Въ другомъ письмѣ, отъ 6 Мая 1742 года, Барскій опять напоминаетъ брату: „Чти отца твоего и матерь твою" и предписываетъ ему, быть во всемъ послушнымъ матери. „Кромѣ аще тя понуждаетъ къ женитвѣ, не слушай, на се бо ускоряти не полезно есть; еще же еси и младъ, якоже познахъ отъ числа лѣтъ твоихъ, совершенный возрастъ мужу тридесятъ лѣтъ. Ожидай убо моего пришествія и лучше ти будетъ сотворити предъ очима моима, и неприлично тебѣ совѣта моего преслушати, почитающему мя вмѣсто отца. Живи же въ чистотѣ и цѣломудріи, елико мощно, ибо юность многими сѣтми уловляема бываетъ. Сего ради блюстися ти нужда есть, да чистимы очеси и непорочнымъ сердцемъ можеши взирати къ Богу вышнему. Блаженніи чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ".

Между тѣмъ еще въ 1740 году до Барскаго дошелъ слухъ, что въ Кіевѣ повелѣніемъ Императрицы Анны Іоанновны учреждено Греческое училище, въ которомъ учителемъ назначенъ мужъ „зѣло искусный въ Греческой мудрости". Живо заинтересовавшись этимъ извѣстіемъ, Барскій проситъ своихъ родныхъ сообщить ему свѣдѣнія какъ объ учителѣ, такъ и о предполагаемомъ Гре-

ческомъ училищѣ. Учитель же, былъ никто иной, какъ пользовавшійся извѣстностью Симонъ Тодорскій; впослѣдствіи архіепископъ Псковскій и Нарвскій и, какъ слѣдуетъ полагать, товарищъ Барскаго по Кіевской академіи.

Получивъ свѣдѣніе о Тодорскомъ, Барскій написалъ ему письмо на Греческомъ языкѣ и послалъ его въ Кіевъ въ Апрѣлѣ 1741 г. при письмѣ къ своему брату Ивану „Потщися убо самъ своими руками сіе словеснѣйшему и премудрому оному учителю отцу Симону Тодорскому подати съ подобающимъ отъ меня поклоненіемъ и моли его прилѣжно, да на сіе отпишетъ мнѣ отвѣтъ тимьжде Еллино-греческимъ діалектомъ, а не инымъ. И да вѣси, возлюбленный брате, яко листъ онаго учителя больше васъ имать ползовати возвращеніи моемъ къ вамъ, нежели слезная ваше ко мнѣ моленіе, будеть бо мнѣ, аки магнитъ, влекущій мя къ отечеству. Если же“, пишетъ Барскій далѣе, „не

[1] Симонъ Тодорскій по окончаніи курса въ академіи былъ отправленъ на счетъ кіевскаго митрополита Рафаила за границу, гдѣ въ Галлскомъ и Іенскомъ университетахъ изучалъ Догматику, Екзегетику, Физику, а также языки: Греческій, Еврейскій, Сирскій, Арабскій и Халдейскій. Въ этихъ предметахъ Тодорскій сдѣлалъ такіе успѣхи, что современники удивлялись его познаніямъ. Кромѣ того, онъ до совершенства изучилъ Нѣмецкій языкъ. Въ 1738 году Тодорскій вернулся въ Кіевъ. Блестящій дипломъ, въ которомъ самъ знаменитый Михаэлисъ свидѣтельствовалъ объ отличныхъ познаніяхъ Тодорскаго, далъ возможность Митрополиту Рафаилу открыть въ академіи классы: Еврейскаго, Греческаго и Нѣмецкаго языковъ и преподаваніе этихъ языковъ поручить Тодорскому. 17 Мая 1740 года Симонъ Тодорскій принялъ монашескій санъ и по воскресеньямъ всему народу толковалъ пространный Катихизисъ. Молва объ отличныхъ способностяхъ и познаніяхъ о. Симона вскорѣ распространилась и достигла Петербурга. Высочайшимъ указомъ, отъ 31 мая 1742 года онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, гдѣ ждалъ его высокій постъ законоучителя Наслѣдника Русскаго Престола, а также избранной невѣсты его Принцессы Цербской будущей Великой Екатерины. Симонъ пережилъ Барскаго только семью годами и скончался 22 Февраля 1754 года, въ Псковѣ въ санѣ архіепископа.

получу отвѣта, то отъ Патма не двигнуся". Какъ слѣдуетъ предполагать Барскій просилъ Тодорскаго пристроить его при Греческомъ училищѣ. Желанный отвѣтъ Барскій получилъ только въ Маѣ 1742, и какъ видно вполнѣ имъ удовлетворился, ибо съ радостью извѣщаетъ своего брата: „Многожелателенъ листъ Греческій потщался еси послати мнѣ, въ немъ же, аки въ прекрасномъ вертоградѣ, насытихся доволно различныхъ красованій и понуждаюся благоувѣтливыми премудраго учителя отца Симона словеси желаніе ваше исполнити (т. е. вернуться въ отечество). Когда же се иматъ быти, се на Божіе возлагаемъ смотрѣніе". Къ сожалѣнію до насъ не дошла эта переписка Барскаго съ Тодорскимъ; но съ достовѣрностью можемъ предположить, что Императрица Елисавета Петровна и Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій узнали отъ о. Симона о существованіи Барскаго на островѣ Патмосѣ и приняли въ немъ участіе; ибо въ Маѣ 1743 года, Барскій получилъ отъ нашего резидента въ Константинополѣ А. А. Вешнякова письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что вслѣдствіе Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества указовъ Барскій вызывается въ Константинополь „понеже здѣсь", пишетъ Вешняковъ „въ персонѣ вашей особливо не безъ нужды естъ". Но Барскій, по полученіи этого письма, почувствовалъ не радость, а печаль. Ему грустно стало разставаться съ своими трудами, съ своимъ уединеніемъ, съ своимъ таинственнымъ Патмосомъ, хотя, пишетъ онъ, „и нуждное и прискорбное" было его тамъ житіе, но „плоди ученія, услаждающіи мя до зѣла, укрѣпляху мя къ терпѣнію". Наступилъ день отъѣзда его изъ Патмоса. Со слезами простился онъ какъ съ духовными, такъ и съ начальнѣйшими гражданами, и 26 Сентября, въ день Св. Іоанна Богослова 1743 года, сѣлъ на корабль и

отплылъ въ Константинополь, вооруженный султанскимъ фирманомъ. Казалось наступило время, когда Барскій начинаетъ пожинать плоды долголѣтнихъ трудовъ своихъ. Находясь подъ покровительствомъ державныхъ особъ, онъ теперь вездѣ встрѣчаетъ почетъ, уваженіе. Болѣе мѣсяца прожилъ Барскій въ Ефесѣ „созиранія ради знаменитихъ зданій ветхихъ". При вступленіи на островъ Хіосъ, его было остановилъ таможенный чиновникъ изъ евреевъ, но какъ только онъ показалъ фирманъ, то тотчасъ же „свободно и честно" былъ пропущенъ. Когда о пріѣздѣ его на островъ Хіосъ узнали иноки монастыря Агіамона, то прислали къ нему цѣлую депутацію „отъ соборныхъ старцевъ" съ просьбою посѣтить ихъ монастырь. На это приглашеніе Барскій съ ироніею имъ замѣтилъ, что онъ уже дважды посѣщалъ ихъ монастырь и тогда былъ ими принятъ какъ худоризецъ, просящій хлѣба. Это замѣчаніе Барскій сдѣлалъ старцамъ съ тою цѣлію, чтобы обличить ихъ „тогдашное нестраннолюбіе и нинѣшное ласкателство". Но вмѣстѣ съ тѣмъ не желая показать „по себѣ гордости и презрѣнія образъ", согласился посѣтить ихъ монастырь. Въ Хіосѣ же къ Барскому приходило много русскихъ невольниковъ и невольницъ, которые со слезами просили его ходатайства объ освобожденіи ихъ „отъ плѣненія". Барскій принялъ сердечное участіе въ ихъ участи и обѣщалъ сдѣлать въ Константинополѣ все что можетъ и въ концѣ 1743 г., Барскій увидѣлъ „царствующій градъ". А. А. Вешняковъ, познакомившись съ трудами его „похвалилъ его передъ всѣми", далъ ему „милостыню не малу" и „причтѣ мя", пишетъ Барскій, къ „своей господской трапезѣ". Пользуясь теперь, столь непривычными для него, всѣми удобствами жизни, Барскій благодарилъ Всемогущаго Творца „яко отъ гноища вознесе нища". Полученными же день-

гами онъ распорядился такимъ образомъ: часть изъ нихъ отдѣлилъ на покупку книгъ, другую на одежду; ибо, разсуждалъ Барскій, „безчестіе быстъ Двору въ раздранних тамо мнѣ смѣшатися ризахъ, якоже прежде навикохъ“; третью часть и большую онъ послалъ на островъ Патмосъ въ монастырь св. Евангелиста Іоанна Богослова „не вмѣсто милостини“, замѣчаетъ Барскій, но „вмѣсто благодарствія за благодѣяніе и милостину“, а остальную и малую часть денегъ оставилъ у себя на всякій случай. Такъ закончилъ Барскій 1743 и встрѣтилъ 1744 годъ. При резидентѣ Барскій не имѣлъ опредѣленныхъ какихъ либо обязанностей и былъ предоставленъ самому себѣ. Онъ любилъ бродить по Константинополю, сначала въ сопровожденіи янычара, а потомъ и одинъ. Часто „ради полезной бесѣды“ заходилъ онъ къ патріарху, архіереямъ, и учителямъ. Въ прогулкахъ своихъ онъ осматривалъ „древнія зданія царей Греческихъ, и знамените оніи столпи, иже обрѣтаются въ Цареградѣ“, любовался красотою и расположеніемъ города, наблюдалъ за обычаями народа. Барскій долго не зналъ зачѣмъ Вешняковъ его удерживаетъ при себѣ; но когда узналъ о намѣреніи резидента сдѣлать его своимъ „капелляномъ“, то это намѣреніе очень смутило Барскаго. Во 1-хъ, онъ считалъ себя недостойнымъ „такого чина“ и неспособнымъ „къ таковому званію“; во 2-хъ, что это ему послужитъ препятствіемъ къ „безмолвному поученію“; въ 3-хъ, что это не дастъ ему возможности посѣтить нѣкоторыя „изрядныя мѣста и монастыри“; въ 4-хъ, отдалитъ время возвращенія его въ отечество и, наконецъ сознаніе, что „иноку между мірскими тяжестно естъ жителствовати“. Боголюбивая душа Барскаго стремилась къ наукѣ, неоторвавшейся отъ неба. Когда онъ

узналъ, что въ Кіевскомъ домѣ ихъ поселился какой то ученый, то онъ написалъ изъ Константинополя къ своей престарѣлой матери слѣдующія замѣчательныя строки: „За немалое себѣ причитаю благополучіе, яко въ дворѣ вашемъ на квартири живетъ ученый человѣкъ. Идѣже бо ученіе, тамо просвѣщеніе ума, а идѣже просвѣщеніе ума, тамо познаніе истины, тамо мудрость Божія, тамо добродѣтель, а идѣже добродѣтель, тамо и вся благодать Духа Святаго". Барскій всѣми силами души стремился изучить исторію человѣчества и, при томъ, на самыхъ мѣстахъ, гдѣ происходили событія, и не прошедшую только, но и настоящую и, при томъ, исторію жизни не одного только человѣчества, но и всей видимой природы, которая была для него не мертвой массой, но одушевленнымъ храмомъ Божіимъ. Таковы, по крайней мѣрѣ, были идеалы Барскаго. Сообразивъ все вышесказанное нами, станетъ понятнымъ почему Барскій тяготился своимъ пребываніемъ въ Константинополѣ и обратился къ Вешнякову съ просьбою „отплыть къ Святой Горѣ". Резидентъ, не имѣя вѣроятно дальнѣйшихъ указаній на счетъ Барскаго, не удерживая его, исполнилъ его просьбу „безъ всякаго прекословія", а для спокойнаго путешествія снабдилъ его султанскимъ фирманомъ. Въ Маѣ 1744 года, Барскій вступилъ вторично на Святую Гору Аѳонскую. Теперь нашего Барскаго приняли на Аѳонѣ не такъ какъ прежде, но съ „многократною любовью и почитаніемь". Эту перемѣну самъ Барскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: во 1-хъ, своимъ знаніемъ Греческаго языка и „сладокь имь мнихся быти", пишетъ онъ, „въ привѣтствіяхь и разглагольствованіяхъ"; во 2-хъ, величіемъ Россіи, отъ которой Греки, наипаче же иноки, чаяли получить избавленіе, и, наконецъ, самъ Барскій въ это время былъ почтенъ

подлоннікомъ єдинѡ ѡцү С…
оцү лаврскомү, и ѡтвѣтъ…
Сіи извѣщаю єсмь

З Константинополя
1744 мца Іюнія

мину тодорскимъ, а другій что наилѣпшу
о нихъ принявши изволте мнѣ прислати.

Вашей родителской пречестной
старости покорный сынъ Василій
всегда Бога благающій

фирманомъ „отъ Цариграда и грамотою отъ високоблагороднаго господина резидента Алексѣя Андреевиче Вешнякова“. Пользуясь этими благопріятными условіями, Барскій, по выраженію митрополита Евгенія, „любопытство свое простеръ даже до сокровенныхъ монастырскихъ архивовъ“ и своимъ подробнымъ описаніемъ Аѳона, познакомилъ съ богатствомъ историческихъ источниковъ, скрывающихся въ Аѳонскихъ библіотекахъ.

Описаніемъ своего вторичнаго посѣщенія Аѳона оканчиваетъ Барскій рукопись своихъ странствованій по Святымъ мѣстамъ Востока, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свою автобіографію. По привычкѣ Барскаго сперва писать краткія замѣтки на мѣстѣ, а потомъ ихъ отдѣлывать и переписывать, слѣдуетъ предполагать, что замѣтки о послѣднихъ 3-хъ годахъ его жизни были имъ оставлены, но, къ сожалѣнію, до насъ не дошли. Дальнѣйшую жизнь его намъ приходится излагать по его письмамъ и рисункамъ, судя по которымъ Барскій, какъ слѣдуетъ полагать, свои странствованія началъ отъ Салоникъ, откуда сухимъ путемъ прошелъ въ Трикалу и Арту, посѣтивъ по дорогѣ Метеорскіе монастыри. Изъ Арты моремъ перебрался Барскій въ Патрасъ, откуда посѣтилъ Калавритъ. Затѣмъ мы его встрѣчаемъ въ Аѳинахъ и ихъ окрестностяхъ. Должно думать, что изъ Аѳинъ отправился Барскій на о. Критъ, откуда, въ половинѣ 1746 г., онъ вернулся въ Константинополь, гдѣ нашелъ однакоже весьма неблагопріятную для себя перемѣну.

Мѣсто умершаго 29 Іюля 1745 года [1] А. А. Вешнякова, занялъ Адріанъ Ивановичъ Неплюевъ, назначенный

[1] Этими свѣдѣніями мы обязаны просвѣщенному вниманію барона Ѳ. А. Бюлера, который одновременно сообщилъ, что въ реляціяхъ нашихъ Константинопольскихъ резидентовъ, за это время, къ сожалѣнію, не встрѣчается никакихъ упоминовеній о Барскомъ.

11 Ноября того же года резидентомъ при Портѣ, и передъ которымъ какіе-то „недоброхоты" успѣли оклеветать Барскаго. При своемъ же оправданіи сей послѣдній произнесъ какія-то „дерзновенныя слова", за которыя Неплюевъ приказалъ было подъ „жестокою стражею", на первомъ отходящемъ кораблѣ, отправить его въ Петербургъ, однако же ему удалось инымъ образомъ покинуть Константинополь. Дошедшіе до насъ письма къ Барскому патріарха Антіохійскаго Сильвестра [1], отчасти объясняютъ причину размолвки Барскаго съ Неплюевымъ. „Мы тебя вразумляемъ, пишетъ патріархъ, чтобъ ты заботился объ обузданіи языка и неразумнаго гнѣва". Кромѣ того, въ размолвкѣ игралъ нѣкоторую роль Спандонѣй или Спадонаки, купецъ, уроженецъ Цареградскій, человѣкъ близкій къ Антіохійской патріархіи и часто посѣщавшій Россію. Самъ Барскій, вообще сдержанный, въ письмѣ къ матери, изъ Бухарешта, отъ 31 Октября 1746 г., не упоминая даже имени Неплюева, весьма глухо говоритъ о постигшихъ его непріятностяхъ: „Извѣщаю, яко многихъ ради случившихся препятій, не могохъ по намѣреніи моему остатися въ Константинополѣ для исполненія моей нужды. Для того и не хотя отдалихся оттуду и пріѣхамъ съ всею моею тяготую въ землю Мултянскую". Здѣсь въ Бухарештѣ, Барскій получилъ отъ Префекта Кіево-Подольскихъ школъ Варлаама Лащевскаго письмо, въ которомъ онъ „именами и соизволеніемъ преосвященныхъ архипастыревъ, Псковскаго киръ Симона и Кіевскаго киръ Рафаила", приглашался въ Кіевъ, чтобы тамъ занять каѳедру Греческаго языка. Такимъ образомъ, уже близко было

[1] Переводъ греческой переписки Барскаго съ патріархомъ Силвестромъ крайне обязательно былъ сдѣланъ для насъ профессоромъ В. К. Эрнштедтомъ.

„совершеніе“ задушевнаго желанія Барскаго послужить Отечеству своимъ познаніемъ Греческаго языка и исполнить завѣтъ Патмосскаго богослова Макарія. Но Богъ судилъ иначе. Тяжкая болѣзнь задержала Барскаго въ Бухарештѣ и только въ Іюлѣ 1747 г. онъ, „желая живымъ добраться до родины“, поспѣшилъ черезъ Яссы и Могилевъ на Днѣстрѣ въ Кіевъ, куда прибылъ 5 Сентября того же года и когда, послѣ двадцати четырехъ лѣтняго отсутствія, вступилъ въ родительскій домъ, то его мать въ теченіи цѣлаго часа не могла признать, въ пришедшемъ монахѣ своего сына. „Ни живъ, ни мертвъ“, писалъ самъ Барскій къ Патріарху Сильвестру, „пріѣхалъ я въ Кіевъ и лежу измученный, представляя собою жалкій трупъ, какъ въ Бухарештѣ, и даже хуже. Врачамъ расходую мои деньги на лѣченіе. Больше печали причинила болѣзнь моя роднымъ и друзьямъ, нежели радости о прибытіи моемъ. Высокопреосвященный Кіевскій съ великою радостію и заботливостію принялъ меня, свыше заслугъ моихъ и ожиданія, и отпустилъ меня на покой въ домъ моей матери, пока не вылечусь, а тогда имѣетъ намѣреніе взять меня подъ ярмо послушанія“. „Вы мнѣ запрещаете“, пишетъ онъ далѣе, „пить вино, я нынѣ нахожусь въ такомъ состояніи, что не пользуюсь другою пищею, кромѣ ячневой и рисовой кашицы (τξορβά), и при всемъ столь долгомъ воздержаніи, еще не могу поправиться, и съ трудомъ лежа въ постели, начерталъ я настоящее письмо“.

Казалось, задача всей жизни нашего подвижника рѣшилась съ окончаніемъ странствованія и съ возвращеніемъ его на родину. Едва мѣсяцъ довелось ему прожить въ родительскомъ домѣ... „преставился рабъ Божій монахъ Василій, списатель книги сея, року

1747 мѣсяца октоврия 7 числа въ середу рано". Такъ гласитъ краткая запись, помѣщенная въ концѣ подлинной рукописи его „Странствованій".

Кіевъ почтилъ преставльшагося инока Василія торжественнымъ погребеніемъ. Печальный обрядъ былъ совершенъ преосвященнымъ Макаріемъ, Митрополитомъ Ѳиваидскимъ, въ сослуженіи съ архимандритомъ Братскимъ Сильвестромъ Ласкоронскимъ. Во гробъ съ нимъ положили разрѣшительную грамату, подписанную Хрисанѳомъ патріархомъ Іерусалимскимъ.

Прахъ Барскаго покоится въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, близъ алтаря соборной церкви. Сочувственная ему рука начертала на его надгробномъ камнѣ слѣдующіе стихи.

Того Василія сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень,
И лучъ премудрости снизшедъ къ его уму,
Святыя посѣтить мѣста влилъ мысль ему:
Онъ вдохновеніямъ Божественнымъ внимая,
Чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя во край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла много претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что ни зрѣлъ.
За свято имутъ что и Римляне и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей, монастырей и градовъ красоту,
Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту,
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
И чрезъ перо свое Отечество увѣрилъ,
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,
И по безчисленныхъ, окончивъ жизнь трудахъ,
Оставилъ бренные составы здѣсь тѣлесны;
А духъ его прешелъ въ селенія небесны.
Читатель, ты его слезами прахъ почти,
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти.

ГРОБНИЦА
Василія Григоровича-Барскаго
въ Кіевѣ.

Когда надпись эта стала стираться, вѣроятно въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ее отлили на чугунной доскѣ, которую помѣстили на наружной восточной стѣнѣ собора, противъ надгробнаго камня Барскаго.

Въ настоящее время, гробница Барскаго приходитъ въ совершенное разрушеніе, но нетлѣннымъ памятникомъ остались его *Странствованія по Святымъ мѣстамъ Востока*, совершенныя и описанныя имъ, по собственному его свидѣтельству, „ради отпущенія своихъ грѣховъ, и ради ползы же и духовнаго утѣшенія чтущимъ и слышащимъ во славу Святыя, Единосущныя и Животворящія и Нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа“.

Собственноручное описаніе Барскимъ его странствованій по Святымъ мѣстамъ Востока, оставалось послѣ его смерти, въ домѣ его матери и у его родныхъ до 1794 г., какъ это видно изъ фамильныхъ замѣтокъ въ концѣ рукописи, которая впослѣдствіи перешла къ Ивану Никитичу Царскому, а отъ него поступила въ библіотеку покойнаго графа А. С. Уварова, находящуюся въ с. Порѣчьѣ, Можайскаго у. Московской губ.

Объемъ рукописи, какъ слѣдуетъ полагать, былъ причиною, что до насъ дошло относительно незначительное число списковъ съ оной.

Кромѣ подлинной рукописи намъ извѣстны лишь три списка, принадлежащіе: 1) Археографической Коммисіи, 2) Кіевскому Михайловскому Златоверхому монастырю и 3) Императорскому Казанскому Университету.

Подлинная рукопись описана П. М. Строевымъ въ его: „Рукописи Славянскія и Россійскія, принадлежащія Ивану Никитичу Царскому, М. 1848, № 601 и 602“. Она in 4°, въ одной книгѣ, вновь пере-

плетенной, и заключаетъ въ себѣ 560 перенумерованныхъ листовъ, въ дѣйствительности же ихъ всего 559, такъ какъ 157 листа не достаетъ. Заглавіе написано рукою П. М. Строева: „Странствованія монаха Василія Григоровича. Рукопись своеручная автора“. Вѣрность мнѣнія П. М. Строева подтверждается сходствомъ почерковъ, которымъ написана рукопись съ сохранившимися подлинными письмами Барскаго. Только первые семь листовъ, а также листы съ 94 по 101, 384, 385, 388, 389 и 423 утрачены и переписаны другою рукою. Въ концѣ книги приложены слѣдующія статьи, писанныя тоже рукою Барскаго:

л. 486. О созданіи Цариграда и о плѣненіи его отъ Турковъ;

л. 490. О мощехъ великаго царя Константина и письмена Греческая обрѣтающаяся на гробѣ великаго Константина;

л. 490 об. Толкъ литеръ Греческихъ, сложенныхъ отъ Геннадія Патріарха;

л. 491 Толкъ литеръ, переведенъ на Словенскій; [1]

л. 492 Κατάλογος τῶν ἐπισιμοτέρων ἐκκλησιῶν καὶ μοναστηρίων, ὁμοίως καὶ ἐνκτηρίων οἴκων ὀπȣ̈ εὑρίσκοντο εἰς τὴν Κωνσταντινȣ́πολιν πρὸ τῆς ἁλώσεως καὶ πρῶτον περὶ τῶν ἀφιεραμένων εἰς τὸν Χρυστόν: [2]

л. 496. Разные рисунки и портреты, въ концѣ два листа бѣлые.

[1] Статьи эти съ 466 по 492 стр. почти дословно напечатаны въ книгѣ „Исторія о раззореніи послѣднемъ Святаго града Іерусалима и о взятіи Константинополя, столичнаго града Греческой монархіи, изъ разныхъ авторовъ собранная; противъ перьваго изданія девятымъ тисненіемъ напечатана, Въ Санктъпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ 1793 года“, стр. 142—156. Первое изданіе этой книги относится къ 1713 г. — [2] Списокъ знаменитѣйшихъ церквей и монастырей, а также и молитвенныхъ домовъ, находившихся въ Константинополѣ до взятія (его). И во-первыхъ о посвященныхъ Христу.

л. 555. Кіевскія лѣтописныя и домашнія замѣтки, писанныя разными руками, съ 1749 до 1794 годъ [1].

Рисунки, находящіеся въ рукописи и приложенія въ особомъ альбомѣ № 602, описаны ниже.

Списокъ Археографической Коммисіи описанъ мною въ моемъ трудѣ „Рукописи Археографической Коммисіи, Спб. 1882, № 156". Онъ написанъ скорописью XVIII вѣка, in fol. на 62 нумерованныхъ тетрадяхъ, въ которыхъ 986 нумерованныхъ и 13 ненумерованныхъ страницъ (въ дѣйствительности 974 нумерованныхъ и 13 ненумерованныхъ страницъ, такъ какъ изъ 62 тетрадей: 59 состоятъ изъ 8 полулистовъ, 2 тетради изъ 18, 53-ья изъ 6, и 58-ая изъ 10 полулистовъ; кромѣ того въ двухъ мѣстахъ встрѣчается переходъ, по ошибкѣ, нумераціи съ 549 на 560 и съ 752 на 755 стр.), въ кожаномъ переплетѣ и въ одномъ томѣ. Въ началѣ озаглавлена: „Сія книга глаголемая Путникъ". Рукопись принесена въ даръ Археографической Коммисіи корреспондентомъ ея Л. А. Артамоновымъ въ 1874 году. На первой ея страницѣ написано: „Жертвованіе въ монастырь преподобнаго Іоны Клеменскаго монастыря [2], отцу игумену Ираклію въ знакъ 38 лѣтней дружбы, 1872 года. Даръ купца Анемподиста Тиханова Селянова". На стр. 5—11, 15—35 скрѣпа по листамъ другою рукою: „Сія книга Клемецкаго монастыря подарена С.-Петербургскимъ купцомъ Анемподистомъ Тихановымъ Селяновымъ". Въ концѣ текста тою же рукою, какою написана вся рукопись, помѣщена слѣдующая замѣтка. „Преставися рабъ Божій Василій монахъ, иже потрудися въ путешествіи семъ и въ писаніи книги сея року

[1] Часть этихъ замѣтокъ напечатана Ѳ. Г. Лебединцевымъ, въ „Кіевской Старинѣ" Апрѣль, 1884, стр. 688—690. — [2] Николаевскій Климецкій монастырь находится на островѣ Онежскаго озера.

1747, мѣсяца Октоврія 7 числа, въ среду, рано, по пяти недѣляхъ прибытія своего въ Кіевъ". Подъ симъ другою рукою написано „1778". Такъ какъ это годъ перваго печатнаго изданія Барскаго, то нельзя опредѣлить, хотѣлъ ли написатель этимъ годомъ отмѣтить время написанія рукописи, или изданія путешествія. Послѣ сего на 19 ненумерованныхъ страницахъ идетъ оглавленіе „знаменитѣйшихъ вещей, яже обрѣтаются въ сей путешественной книгѣ, означенни красними знаками на поляхъ". Рукопись вся написана четко и одною рукою и заключаетъ описаніе всего путешествія Барскаго, но безъ рисунковъ.

Списокъ Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря [1]. Рукопись состоитъ изъ двухъ книгъ in 4°. Въ 1-й книгѣ 389 писанныхъ и 11 бѣлыхъ листовъ, во 2-й 409 писанныхъ и 1 бѣлый листъ. Писана скорописью. Первая книга писана однимъ почеркомъ, вторая разными. Почеркъ первой старше. На оборотѣ переплета 1-й книги написано: „Изъ библіотеки Кіево-Михайловскаго монастыря. Библіотекарь іеромонахъ Серафимъ [2]. 1838. Генваря 23", на слѣдующемъ бѣломъ листѣ: „№ 1741. Изъ числа книгъ Библіотеки Кіево-Златоверхо-Михайловскаго первоклассңаго монастыря 1862 г. Августа 2". Эта вторая надпись повторена и во 2-й книгѣ. Рукопись неполная. Въ ней не достаетъ описанія слѣдуюдующихъ Сирійскихъ монастырей, посѣщенныхъ Барскимъ въ 1728 году: Белемента, Натура, Нурія, Кофуна, Хантура и начала монастыря св. Антонія въ Ливанѣ.

Списокъ Императорскаго Казанскаго Университета по составленному А. И. Артемьевымъ „Описанію рукописей, хранящихся въ Библіотекѣ Императорскаго Казанскаго Университета, № 1561", заключаетъ въ

[1] Описанъ мною во время бытности моей въ Кіевѣ, осенью 1880 года.—
[2] Нынѣ Архіепископъ Воронежскій и Задонскій.

себѣ двѣ книги, in fol. Въ первой 93 листа (кромѣ рисунковъ), во 2-й 276 листовъ писанныхъ и четыре въ концѣ бѣлыхъ, только на послѣднемъ сверху написано: „Сем. полку 10 руб. капралъ Акуловъ". На первомъ бѣломъ листѣ книги 1-й, рукою бывшаго библіотекаря Кондырева написано: „Пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго Плаки Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе по Св. Мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпринятое 1723 и оконченное 1747 года имъ самимъ писанное". Далѣе: „Книга сія была потомъ напечатана на иждивеніи князя Г. А. Потемкина 1778 въ Спб. Книга первая". Другою рукою написано: „Въ сей книгѣ находится десять листовъ съ изображеніями". Вся первая книга написана однимъ почеркомъ, сначала довольно мелко, но съ 27 листа нѣсколько крупнѣе и разгонистѣе. Въ этой книгѣ содержится описаніе путешествія отъ Кіева до Іерусалима. На первомъ бѣломъ листѣ книги второй, рукою Кондырева написано „Книга вторая". Эта книга писана разными почерками и притомъ со многими описками, пропусками, поправками на поляхъ и между строкъ. На поляхъ этой рукописи вездѣ остались типографскія отмѣтки, означающія переносъ набора на другой листъ. Въ этой книгѣ есть нѣкоторыя поправки, сдѣланныя рукою Рубана и она писана позднѣе первой. Она заключаетъ въ себѣ только описаніе Кипра и Аѳона. Такимъ образомъ Казанскій списокъ неполонъ. Въ немъ недостаетъ: описанія острововъ Средиземнаго моря, Палестины, Сиріи и Синайской горы, посѣщенныхъ Барскимъ въ теченіе 1726—1734 годовъ. Въ концѣ второй книги приложены слѣдующія статьи:

л. 268. О созданіи Цариградѣ и о плѣненіи его отъ Турокъ;

л. 271. О мощахъ великаго Царя Константина;

л. 272. Писмена Греческая, обрѣтшаяся на гробѣ великаго Константина. Толкъ литеръ Греческихъ, сложенныхъ отъ Геннадія патріарха. На оборотѣ: Толкъ литеръ, переведенъ на Славянскій. Описаніе Константинополя, заключающее въ себѣ собственно перечисленіе церквей, находившихся тамъ до завоеванія его Турками. Всѣ эти статьи находятся въ подлинной рукописи Барскаго.

л. 276 об. Описаніе города Солуня.

Въ обѣихъ послѣднихъ рукописяхъ находятся рисунки, сдѣланные перомъ и тушью.

Кромѣ исчисленныхъ списковъ, въ библіотекѣ Н. П. Дурова хранился рукописный отрывокъ путешествія Барскаго, заключавшій начало его странствованій, гдѣ онъ нынѣ находится—намъ неизвѣстно.

Дополненіемъ къ рукописи Барскаго служатъ сдѣланные имъ перомъ рисунки, сохранившіеся въ собственноручной его рукописи и въ особомъ альбомѣ, принадлежащемъ нынѣ Одесскому обществу исторіи и древностей. Этотъ альбомъ, какъ видно, тотъ же, на который ссылается Рубанъ въ своемъ изданіи и который въ его время принадлежалъ Архіерейской Псковской библіотекѣ. По всей вѣроятности, онъ былъ присланъ самимъ Барскимъ въ подарокъ Симону Тодорскому, въ то время Архіепископу Псковскому, послѣ котораго онъ поступилъ въ Архіерейскую библіотеку. Въ Одесское общество исторіи и древностей альбомъ этотъ былъ пожертвованъ Гавріиломъ Архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, которому какъ онъ достался неизвѣстно. Можно предполагать, что изъ Пскова альбомъ этотъ попалъ вмѣстѣ съ бумагами князя Г. А. Потемкина въ Екатеринославъ, гдѣ Преосвященный Гавріилъ былъ съ 1828 по 1837 г. Архіепископомъ.

Кромѣ того, въ обоихъ спискахъ Кіевскомъ и Казанскомъ сохранились копіи нѣкоторыхъ изъ подлинныхъ, до насъ не дошедшихъ, рисунковъ Барскаго.

Представляя списокъ всѣхъ рисунковъ Барскаго, считаемъ долгомъ оговорить, что при каждомъ изъ нихъ, мы нашли необходимымъ подробно отмѣтить, сохранился ли онъ въ подлинникѣ или въ копіи, и гдѣ именно, а также длину и ширину рисунка въ дюймахъ, принимая въ основаніе только самый рисунокъ, [1] при чемъ въ этомъ перечнѣ рисунковъ мы употребляемъ слѣдующія сокращенія обозначающія:

подл. — подлинникъ.
коп. — копія.
дл. — длина, считая сверху внизъ рисунка.
шир. — ширина, считая отъ лѣвой къ правой сторонѣ.
У. — Уваровскій списокъ или подлинная рукопись.
О. — альбомъ Одесскаго общества исторіи и древностей.
З. — списокъ Кіевскаго Михайловскаго Златоверхаго монастыря.
К. — списокъ Казанскаго Университета.
М. — списокъ Ѳ. Мочульскаго.
П. — альбомъ Архіерейской Псковской библіотеки.
БК. — списокъ Бантышъ-Каменскаго.

Послѣдніе три упоминаются въ изданіи Рубана.

Кромѣ того *курсивомъ* обозначено изъ какого именно списка заимствованъ рисунокъ для настоящаго изданія.

1. Цистерна 1001 колонны въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ *К.* стр. 5; М. № 7; дл. 7, шир. 12,4.

2. Обелискъ Ѳеодосія въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ *К.* стр. 6; М. № 8; дл. 10,2, шир. 2,7.

[1] Показаніе это, тѣмъ болѣе необходимо, что мы, по требованію изданія, принуждены были уменьшить размѣръ нѣкоторыхъ рисунковъ.

3. Змѣиная колонна въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ К. стр. 6; М. № 9; дл. 6, шир. 1,8.

4. Колонна Константина въ Царьградѣ, подл. въ У. стр. 10; коп. въ К. стр. 6; М. № 10; дл. 10, шир. 1,7.

Рисунки №№ 2, 3 и 4 какъ въ подлинникѣ, такъ и въ копіи помѣщены на одной страницѣ. Верхъ рисунковъ №№ 1—4 въ подлинникѣ оторванъ.

5. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 19; коп. въ К. стр. 10; М. № 11; дл. 3,9, шир. 7,1.

6. Видъ монастыря (безъ названія, но какъ видно оборотная сторона предъидущаго вида), подл. въ У. стр. 19; коп., въ К. стр. 10 обор; М. № 12; дл. 5, шир. 4,4.

7. Видъ (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (1); коп. въ К. стр. 93; М. № 13; дл. 12,3 шир. 8.

8. Видъ монастыря (безъ названія съ греческою надписью), подл. въ У. стр. 122 (2); коп. въ К. стр. 93; М. № 14; дл. 6,2, шир. 8,4.

9. Видъ монастыря Св. Варнавы, подл. въ У. стр. 122 (3); коп. К. стр. 93; М. № 15; дл. 5,9, шир. 8,2.

10. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (4); коп. въ К. стр. 93; М. № 16; дл. 5,1 шир. 7,8.

11. Развалины храма Геры на о. Самосѣ, подл. въ У. стр. 122 (4 об.); коп. въ К. стр. 93; М. № 17; дл. 5,3, шир. 7,8.

12. Видъ монастыря (безъ названія, съ греческою надписью), подл. въ У. стр. 122 (5); коп. въ К. стр. 93; М. № 18; дл. 5,6, шир. 7,9.

13. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ У. стр. 122 (5 об.); коп. въ К. стр. 93; М. № 23; дл. 1,8, шир. 3,5.

14. Монастырь Св. Георгія Ригатисъ, подл. въ У. стр. 122 (6); коп. въ К. стр. 93; М. № 19; дл. 5,4, шир. 7,8.

15. Монастырь Лакатомійскій Св. Архангеловъ, подл. въ *У*. стр. 122 (7); коп. въ К. стр. 93; М. № 20; дл. 5,4, шир. 8.

16. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ *У*. стр. 122 (8); коп. въ К. стр. 93; М. № 21; дл. 5,7, шир. 7,8.

17. Видъ монастыря (безъ названія, съ греческою надписью), подл. въ *У*. стр. 122 (9); коп. въ К. стр. 93; М. № 22; дл. 12,7, шир. 25,6.

18. Монастырь Св. Троицы, подл. въ *У*. стр. 122 (10); коп. въ К. стр. 1; М. № 1; дл. 6,2, шир. 8,4.

19. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ *У*. стр. 122 (11 об.); коп. въ К. стр. 1; М. № 2; дл. 6, шир. 8,6.

20. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ *У*. стр. 122 (12); коп. въ К. стр. 1; М. № 3; дл. 4,2, шир. 7.

21. Видъ города (безъ названія), подл. въ *У*. стр. 122 (12 об.); коп. въ К. стр. 1; М. № 4; дл. 5,5, шир. 8.4.

22. Видъ монастыря (безъ названія, съ греческою надписью), подл. въ *У*. стр. 122 (13); коп. въ К. стр. 1; М. № 5; дл. 6, шир. 8,2.

23. Яффа, подл. въ *У*. стр. 129; коп. въ З. стр. 234; М. № 1; БК. № 1; дл. 1,8, шир 5,6.

24. Домъ Св. Меланіи на Елеонской горѣ, подл. въ У. стр. 148; коп. въ *З*. стр. 268; М. № 2 (1); дл. 2,3 шир. 4,7.

25. Мѣсто вознесенія Христова, подл. въ У. стр. 148; коп. въ *З* стр. 268; М. № 2 (2); дл. 2,5, шир. 2,2.

Правая сторона рисунковъ №№ 24 и 25 въ подлинникѣ обрѣзана.

26. Вершина Елеонской горы, подл. въ *У*, стр. 148; коп. въ З. стр. 269; М. № 3; БК. № 2; дл. 1,8, шир. 5,9.

27. Гробница Рахили близь Виѳлеема, подл. въ *У*.

стр. 160; коп. въ З. стр. 294; М. № 5 (2); БК. № 3; дл. 1,3, шир. 2,2.

28. Виөлеемъ, подл. въ *У*. стр. 161; коп. въ З. стр. 294; М. № 5 (1); БК. № 4; дл. 2,4, шир. 5,4.

29. Домъ Евфрафовъ, подл. въ *У*. стр. 163; коп. въ З. стр. 299; М. № 6; БК. № 5; дл. 3,3, шир., 5,6.

30. Монастыръ Св. Иліи близь Іерусалима, подл. въ *У*. стр. 166; коп. въ З. стр. 303; М. № 7; БК. № 6; дл. 3,2, шир. 5,2.

31. Іорданъ, подл. въ *У*. стр. 169; коп. въ З. стр. 308; М. № 8; БК. № 7; дл. 6,1 шир. 1,8.

32. Горняя, подл. въ *У*. стр. 171; коп. въ З. стр. 312; М. № 9; БК. № 8; дл. 2,1, шир. 6,2.

33. Монастырь Св. Креста на о. Кипрѣ, подл. въ *У*. стр. 175 (1); коп. въ З. стр. 330; М. № 14; дл. 6,1, шир. 8.

34. Храмъ Воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, подл. въ *У*. стр. 175 (2); коп. въ М. № 10; дл. 4,5, шир. 8,1.

35. Назаретъ, подл. въ *У*. стр. 175 (3); коп. въ М. № 22; БК. № 21 (1); дл. 3,8, шир. 8,1.

36. Тиверіадское озеро, подл. въ *У*. стр. 175 (4); коп. въ М. № 23; БК. № 21 (2); дл. 4,8, шир. 8,1.

37. Левкосія, подл. въ *У*. стр. 178; коп. въ З. стр. 324; М. № 11; БК. № 9; дл. 3, шир. 6,1.

38. Аликесъ и Ларнака, подл. въ *У*. стр. 178; коп. въ М. № 12; БК. № 10 и 12; дл. 3,1, шир. 6,4.

39. Монастырь Св. Маманта, подл. въ *У*. стр. 181; коп. въ З. стр. 329; М. № 13; БК. № 11; дл. 3,1, шир. 4,6.

40. Монастырь Св. Креста на о. Кипрѣ (тоже что № 33, только съ другой стороны), подл. въ *У*. стр. 182; коп. въ М. № 4; дл. 5,5, шир. 6,1.

41. Рахитъ, подл. въ *У.* стр. 183; коп. въ З. стр. 332; М. № 15; БК. № 13; дл. 5,4, шир. 6.

42. Колодезь Іосифа въ Каирѣ, подл. въ *У.* стр. 190; коп. въ З. стр. 343; М. № 16; БК. № 14; дл. 5,6, шир. 2,8.

43. Источники Моисея близь Суэца, подл. въ *У.* стр. 193; коп. въ З. стр. 348; М. № 17; БК. № 15; дл. 1,8, шир. 5,3.

44. Церковь Св. Георгія близь Бейрута, подл. въ *У.* стр. 209; коп. въ З. стр. 382; М. № 18; БК. № 16; дл. 2,5, шир. 3,5.

45. Кедры Ливанскіе, подл. въ *У.* стр. 217; дл. 1,7, шир. 1,4.

46. Горы Ливанскія, подл. въ *У.* стр. 218; коп. въ М. № 19; БК. № 17; дл. 3,2, шир. 6,2.

47. Мѣсто сокрытія Св. Варвары въ Балбекѣ, подл. въ *У.* стр. 220; коп. въ М. № 20 (1); БК. № 18 (1); дл. 0,9, шир. 1.

48. Мѣсто усѣченія главы Св. Іуліаніи въ Балбекѣ, подл. въ *У.* стр. 220; коп. въ М. № 20 (2); БК. № 18 (2); дл. 0,6, шир. 2.

49. Большой камень въ Иліополисѣ, подл. въ *У.* стр. 220; дл. 0,6, шир. 2,8.

50. Церковь Св. Варвары въ Иліополисѣ, подл. въ *У.* стр. 220; дл. 1, шир. 1,8.

51. Монастырь Св. Моисея Мурина, подл. въ *У.* стр. 228; коп. въ БК. № 19; дл. 3, шир. 5,1.

52. Гробница Св. мученика Іуліана, подл. въ *У.* стр. 230 (1); коп. въ М. № 21; БК. № 20; дл. 1,9, шир. 5,4.

53. Монастырь Св. Георгія въ Орфѣ, подл. въ *У.* стр. 230 (2); дл. 4,2, шир. 7.

54. Видъ монастыря (безъ названія), подл. въ *У.* стр. 230 (3); дл. 1,9, шир. 4,4.

55. Гора Кармилъ, подл. въ *У.* стр. 240; коп. въ М. № 24; БК. № 22; дл. 1,4, шир. 5,3.

56. Фамагустъ, подл. въ *У.* стр. 242; коп. въ М. № 25; БК. № 23; дл. 3,3, шир. 5,2.

57. Александрія, подл. въ *У.* стр. 244; коп. въ М. № 26; БК. № 24; дл. 5,2, шир. 7,9.

58. Столбъ Помпеевъ, подл. въ *У.* стр. 244; коп. въ М. № 27 (1); БК. № 25 (1); дл. 7, шир. 2,1.

59. Игла Клеопатры, подл. въ *У.* стр. 244; коп. въ М. №. 27 (2); БК. № 25 (2); дл. 7, шир. 1,3.

Рисунки №№ 58 и 59 помѣщены въ подлинникѣ на одной страницѣ.

60. Иппократовъ платанъ на о. Косѣ, подл. въ *У.* стр. 249; коп. въ М. № 28; дл. 3,6, шир. 5,7.

61. Леросскіе сосуды, подл. въ *У.* стр. 251; дл. 1,5 шир. 0,7.

62. Островъ Патмосъ, подл. въ *У.* стр. 252; коп. въ М. № 29; БК. № 26; дл. 4,6, шир. 8,1.

63. Храмъ въ монастырѣ Св. Іоанна Богослова на о. Патмосѣ, подл. въ *У.* стр. 254; коп. въ М. № 30; БК. № 37; дл. 1,9, шир. 1,9.

64. Храмъ Св. Георгія въ Харанѣ (внѣшній видъ). подл. въ *У.* стр. 268; коп. въ М. № 31; БК. № 28; дл. 1, шир. 1.

65. Храмъ Св. Георгія въ Харанѣ (внутренній видъ), подл. въ *У.* стр. 268; коп. въ М. № 31; БК. № 28; дл. 1, шир. 1,7.

66. Саркофагъ въ Изрѣ, подл. въ *У.* стр. 269; коп. въ М. № 32; БК. № 29; дл. 1,2, шир. 4,5.

67. Развалины алтаря Аѳанасія Зинодора, подл. въ *У.* стр. 270; коп. въ М. № 33; БК. № 30; дл. 2,1, шир. 3,2.

68. Монастырь Св. Антонія, подл. въ *У.* стр. 275; коп. въ К. II ч. стр. 1; М. № 1; дл. 8,2, шир. 12,7.

69. Монастырь Сейдная близь Дамаска, подл. въ *У.* стр. 280; коп. въ К. II ч. стр. 7; М. № 3; дл. 5,5, шир. 8,4.

70. Армянскій монастырь Св. Іакова, подл. въ *У.* стр. 281; коп. въ К. II ч. стр. 6; М. № 2; дл. 3,7, шир. 7,2.

71. Ковчегъ съ главою Св. апостола Филиппа, подл. въ *У.* стр. 292 (1); коп. въ БК. № 31 (1); дл. 1,8, шир. 1,2.

72. Кость локтя Св. апостола Филиппа, подл. въ *У.* стр. 292 (2); коп. въ БК. № 31 (2); дл. 0,4, шир. 3,5.

73. Миры Ликійскія; подл. въ *У.* стр. 312; коп. въ К. II ч. стр. 49; М. № 4; дл. 2,5 шир. 6,1.

74. Крестильница Св. Іоанна Богослова; подл. въ *У.* стр. 324; коп. въ БК. № 32; дл. 0,5, шир. 0,9.

75. Врата Ефесскія, подл. въ *У.* стр. 324; коп. въ К. II ч. стр. 63; М. № 5; БК. № 33; дл. 1,7, шир. 1,8.

76. Желѣзные жезлы Св. Аѳанасія, подл. въ У. стр. 336; коп. въ *К.* II ч. стр. 271; БК. № 34; дл. 0,7, шир. 4,3.

77. Кадильницы въ Аѳонскихъ монастыряхъ; подл. въ *У.* стр. 356; дл. 0,7, шир. 1,6.

78. Мантіиношеніе въ лаврѣ Св. Аѳанасія, подл. въ *У.* стр. 356; коп. въ М. № 6; дл. 2, шир. 1,4.

79. Планъ монастыря Пантократоръ, подл. въ *У.* стр. 393; коп. въ К. II ч. стр. 167; М. № 7; дл. 2,2, шир. 2.

80. Портретъ Хрисанѳа, патріарха Іерусалимскаго (нарисованъ тушью), подл. въ *У.* въ концѣ [1]; дл. 6,3 шир. 3.

[1] Въ концѣ подлинной рукописи, кромѣ портрета Хрисанѳа, помѣщены еще слѣдующіе портреты, не относящіеся, впрочемъ, до странствованія Барскаго, но которые, по всей вѣроятности, срисованы имъ съ оригиналовъ, когда онъ учился рисованію:

1. Портретъ Эрцгерцога Рудольфа III († 1307), сына Императора Альберта I, дл. 6, шир. 5,1.

81. Каиръ, коп. въ *К.* стр. 1, М. № 6; дл. 5, 3, шир. 10,6.

82. Видъ монастыря (безъ названія), коп. въ *К.* II ч. стр. 271; дл. 10,8, шир. 9,3.

Послѣдніе два рисунка №№ 81 и 82 сохранились только въ копіяхъ.

83. Трапеза лавры Св. Аѳанасія, подл. въ *О* въ началѣ, дл. 0,8, шир. 4,8.

84. Чинъ трапезы лавры Св. Аѳанасія, подл. въ *О.* № 1, стр. 3 об.; П. № 1 (2); дл. 10,8, шир. 8,5.

85. Чинъ церковный лавры Св. Аѳанасія, подл. въ *О* № 1, стр. 3; П. № 1 (3); дл. 7,8, шир. 7,7.

86. Монастырь Каракаллъ, подл. въ *О.* № 2, стр. 4; П. № 2; дл. 7,8, шир. 15.

87. Монастырь Филофей, подл. въ *О.* № 3, стр. 5; П. № 3; дл. 7,9, шир. 12,5.

88. Монастырь Иверскій, подл. въ *О.* № 4, стр. 6; П. № 4; дл. 8,2, шир. 14,8.

89. Монастырь Котломушъ, подл. въ *О.* № 5, стр. 7; П. № 5; дл. 8,9, шир. 14,6.

90. Монастырь Ставроникита, подл. въ *О.* № 6, стр. 8; П. № 6; дл. 7,8, шир. 12,3.

91. Монастырь Пантократоръ, подл. въ *О.* № 7, стр. 9; П. № 7; дл. 7,8, шир. 12,2.

92. Монастырь Есфименъ, подл. въ *О.* № 9, стр. 10; П. № 9; дл. 9,2, шир. 14,2.

2. Портретъ Андрея (Кардинала † 1600 г.), сына Эрцгерцога Фердинанда II, дл. 6,1, шир. 5,1.

3. Портретъ Алберта II († 1397 г.), основателя Вѣнскаго университета, сына Алберта I, дл. 5,9, шир. 5.

4. Портретъ Леопольда IV Гордаго († 1411 г.), сына Леопольда III, дл. 6, шир. 4,9.

Всѣ эти портреты членовъ Габсбурскаго дома нарисованы тушью.

Кромѣ того на 52 листахъ той же рукописи помѣщены разные рисунки.

93. Водосвятильница Ватопедскаго монастыря, подл. въ *О.* № 9, стр. 11; П. № 8 (3); дл. 6,9, шир. 7,9.

94. Монастырь Зографъ, подл. въ *О.* № 11, стр. 12. П. № 11; дл. 9,2, шир. 14,6.

95. Монастырь Костамонитъ, подл. въ *О.* № 12, стр. 13; П. № 12; дл. 8,5, шир. 13,1.

96. Монастырь Дохіаръ, подл. въ *О.* № 13, стр. 14; П. № 13; дл. 9,2, шир. 14,7.

97. Монастырь Ксенофъ, подл. въ *О.* № 14, стр. 15; П. № 14; дл. 7,6, шир. 12,4.

98. Монастырь Русскій Св. Пантелеймона, подл. въ *О.* № 15, стр. 16; П. № 15; дл. 7,7, шир. 12,5.

99. Монастырь Ксиропотамъ, подл. въ *О.* № 16, стр. 17; П. № 16; дл. 11,3, шир. 15,5.

100. Монастырь Симопетра, подл. въ *О.* № 17 стр. 18; П. № 17; дл. 14,1, шир. 9,5.

101. Монастырь Григоріатъ, подл. въ *О.* № 18, стр. 19; П. № 18; дл. 8, шир. 12,4.

102. Монастырь Діонисіатъ, подл. въ *О.* № 19, стр. 20; П. № 19; дл. 9,6, шир. 14,1.

103. Монастырь Св. Павла, подл. въ *О.* № 20, стр. 21 коп. въ М. № 8; П. № 20; дл. 15, шир. 11,3.

104. Монастырь Преображенскій, подл. въ *О.* № 2, стр. 22; П. № 2; дл. 13,9, шир. 12,4.

105. Монастырь Спасскій Русанъ, подл. въ *О.* № 3, стр. 23; П. № 3; дл. 11,3, шир. 7,9.

106. Монастырь Спасскій Дузскій, подл. въ *О.* № 4, стр. 24; П. № 4; дл. 9,2, шир. 13,9.

107. Монастырь Троицкій, подл. въ *О.* № 5, стр. 25; П. № 5; дл. 12,3, шир. 9,4.

108. Врата монастыря Аркадія на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 6, стр. 26; П. № 6; дл. 12,1, шир. 8,3.

109. Монастырь Св. Георгія Азрани на о. Критѣ, подл. въ *О*. № 7, стр. 27; П. № 7; дл. 8,4, шир. 13,3.

110. Монастырь Спасскій Флампуріи въ горахъ Димитріадскихъ или Загури, подл. въ *О*. № 9, стр. 28; П. № 9; дл, 9,3, шир. 13,9.

111. Церковь Успенія въ Аѳинахъ, подл. въ *О*. № 10, стр. 29; П. № 10; дл. 4,5, шир. 10,3.

112. Монастырь Введенскій близь Аѳинъ, подл. въ *О*. № 11, стр. 30; П. № 11; дл. 7,3, шир. 11,2.

113. Островъ Санторинъ, подл. въ *О*. № 12, стр. 31; П. № 12; дл. 8,5, шир. 13,3.

114. Монастырь Благовѣщенскій на о. Критѣ, подл. въ *О*. № 13, стр. 32; П. № 13; дл. 9,2, шир. 13,9.

115. Изображеніе иконостаса (безъ названія), подл. въ *О*. стр. 32 об.; дл. 3,9, шир. 12,7.

116. Метеорскіе монастыри, подл. въ *О*. № 14, стр. 33; П. № 14; дл. 12,4, шир. 18,8.

117. Церковь Св. Георгія въ Аѳинахъ, подл. въ *О*. № 16, стр. 34; П. № 15; дл. 5,5, шир. 11,3.

118. Монастырь Св. Георгія Апаностенфи на о. Критѣ, подл. въ *О*. № 15, стр. 35; П. № 16; дл. 8,8, шир. 19,5.

119. Пещера Св. Іоанна Крестителя, подл. въ *О*. № 17, стр. 36; дл. 3,1, шир. 6,6.

120. Гробницы Авессалома и пророка Захаріи, подл. въ *О*. № 17, стр. 36; П. № 17; дл. 4,1, шир. 7,3.

Рисунки №№ 119 и 120 находятся въ подлинникѣ на одной страницѣ.

121. Монастырь Троицкій Акротиръ на о. Критѣ, подл. въ *О*. № 18, стр. 37; П. № 18; дл. 12,1, шир. 17,3.

122. Монастырь Успенскій Пендели близь Аѳинъ, подл. въ *О*. № 19, стр. 38; П. № 19; дл. 12,4, шир. 17.

123. Монастырь Св. Архангеловъ въ Пелопонезѣ, подл. въ *О.* № 20, стр. 39; П. № 20; дл. 10,9, шир. 15,2.

124. Монастырь Св. Варлаама, подл. въ *О.* № 21, стр. 40; П. № 21; дл. 13,9, шир. 9,4.

125. Монастырь Никольскій и скитъ Предтеченскій, подл. въ *О.* № 24, стр. 41; П. № 24; дл. 11,3, шир. 7,9.

126. Монастырь Успенскій, великая пещера близь Калавриты, подл. въ *О.* № 25, стр. 42; П. № 25; дл. 7,5, шир. 11,4.

127. Водосвятильница Иверскаго монастыря, подл. въ *О.* № 26, стр. 43; П. № 26; дл. 7,6, шир. 5,7.

128. Гробница Св. Евангелиста Луки въ Ѳивахъ, подл. въ *О.* № 27, стр. 44; П. № 27; дл. 3,2, шир. 7,8.

129. Внутренность храма Св. Луки въ Ливадіи, подл. въ *О.* № 28, стр. 45; П. № 28; дл. 6,2, шир. 8,5.

130. Монастырь Успенскій на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 29, стр. 46; П. № 29; дл. 7,9, шир. 11,4.

131. Монастырь Св. Стефана, подл. въ *О.* № 30, стр. 47; П. № 30; дл. 10,4, шир. 8,7.

132. Гробъ Господень, подл. въ *О.* № 31, стр. 48; П. № 31; дл. 7,1, шир. 6,3.

133. Монастырь Богородицы Влахернской въ Артѣ, подл. въ *О.* № 32, стр. 49; П. № 32; дл. 6,9, шир. 9,4.

134. Планъ церкви Богородицы Влахернской въ Артѣ, подл. въ *О.* стр. 49 об.; дл. 4, шир. 2,5.

135. Монастырь Св. Луки въ Ливадіи, подл. въ *О.* № 33, стр. 50; П. № 33; дл. 9, шир. 17,7.

136. Крестъ Ксиропотамскаго монастыря, подл. въ *О.* № 34, стр. 51; П. № 34; дл. 11,3, шир. 5,4.

137. Монастырь Живоноснаго источника на о. Критѣ, подл. въ *О.* № 35, стр. 52; П. № 35; дл. 8,1, шир. 12,4.

Кромѣ этихъ вышеприведенныхъ рисунковъ, Рубанъ

перечисляетъ еще слѣдующіе, существовавшіе въ его время и до насъ не дошедшіе.

138. Лавра Св. Аѳанасія, въ П. № 1 (1).

139. Монастырь Ватопедъ, въ П. № 8 (1).

140. Помостъ Ветопедской церкви, въ П. № 8 (2).

141. Монастырь Хиландарь, въ П. № 10 (1).

142. Мѣра Хиландарскаго креста, въ П. № 10 (2).

143. Карта Александрійской патріархіи, въ П. № 1.

144. Монастырь Богородицы на о. Аморгосѣ, въ П. № 8.

145. Монастырь Преображенскій Аркадія на о. Критѣ, въ П. № 22.

146. Мраморный фонтанъ при монастырѣ Св. Антонія, въ П. № 23.

147. Разныя вещи и храмъ Св. Софіи въ Царьградѣ, въ П. № 36.

148. Греческія монеты, въ П. № 37.

Такимъ образомъ, изъ 148 рисунковъ, оставленныхъ Барскимъ, какъ дополненіе къ описанію его странствованій, 2—№№ 81 и 82 сохранились только въ копіяхъ и 11—№№ 138—148 затеряны, если только по ближайшему изслѣдованію, они не отыщутся въ числѣ поименованныхъ выше рисунковъ безъ названій.

Кромѣ рисунковъ, какъ наслѣдство отъ Барскаго, до насъ дошли 12 его писемъ, сохранившіеся въ особомъ альбомѣ, принадлежащемъ также графу А. С. Уварову, а именно:

1. отъ 1723 г. Августа 24, къ отцу.
2. „ 1733 „ Августа 1, изъ Дамаска, къ родителямъ.
3. „ 1733 „ Августа (?), изъ Дамаска, къ родителямъ.
4. „ 1740 „ Августа 31, изъ Патмоса, къ родителямъ.
5. „ 1741 „ Апрѣля 21, изъ Патмоса, къ брату.
6. „ 1742 „ Января 25, изъ Патмоса, къ матери.

7. отъ 1742 г. Марта 12, изъ Патмоса, къ брату.
8. „ 1742 „ Мая 13, изъ Патмоса, къ брату.
9. „ 1744 „ Января 11, изъ Царьграда, къ брату.
10. „ 1744 „ Іюня (безъ означенія числа) изъ Царьграда, къ матери.
11. „ 1744 „ Іюня (безъ означенія числа), изъ Царьграда, къ брату.
12. „ 1746 „ Октября 31, изъ Букарешта, къ матери.

Всѣ эти письма были уже напечатаны А. М. Лазаревскимъ въ Русскомъ Архивѣ 1874 г. № 9, стр. 514—532.

Наконецъ, въ томъ же альбомѣ сохранились слѣдующіе, касающіеся Барскаго, документы:

1—5. Пять писемъ Іеромонаха Константина Политанскаго къ Барскому, изъ Константинополя, отъ 15 Октября 1740 г., 12 Мая 1741 г., начала 1742 г. безъ числа, 28 Мая и 5 Іюня 1742 г.

6. Отрывки праздничныхъ евангелій на арабскомъ языкѣ, съ русскою сверху транскрипціей, а именно:

а) На Воскресеніе Свѣтлой Пасхи—отъ Іоанна, гл. I, ст. 1—17.

б) На вечерни перваго дня Пасхи — отъ Іоанна, гл. XX, ст. 19—25.

в) На обѣднѣ въ Рождество Христово—отъ Матөея, гл. II, ст. 1—12.

г) На обѣднѣ въ Богоявленіе—отъ Матөея, гл. III, ст. 13—17.

7. Свидѣтельство Филарета игумена Креховской обители, отъ 24 Апрѣля 1724 г.

8. Грамата Львовскаго архіепископа Іоанна Скарбека, отъ 27 Апрѣля 1724 г.

9. Грамата Агрскаго (Эрлаускаго) епископа Георгія Фоглара, отъ 29 Мая 1724 г.

10. ПаспортъФранциска Донато, Венеціанскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ, отъ 13 Іюня 1724 г.

11. Паспортъ графа Льва де-Пейри, въ Неаполѣ, отъ 29 Августа 1724 г.

12. Грамата Винцентія Аламанни, Папскаго нунція въ Неаполѣ, 29 Августа 1724 г.

13. Грамата патріарха Антіохійскаго Сильвестра, на арабскомъ языкѣ, отъ 5 Мая 1734 г.

14. Грамата патріарха Антіохійскаго Сильвестра, данная Барскому, безъ означенія года и числа.

15. Письмо патріарха Антіохійскаго Сильвестра къ Барскому, изъ Адріанополя отъ 6 Апрѣля 1744 г.

16. Отвѣтъ Барскаго патріарху Сильвестру, изъ Константинополя, отъ Мая (послѣ 9) 1744 г.

17. Свидѣтельство Дамаскина, игумена Ксиропотамскаго монастыря, данная Барскому, отъ 2 Ноября 1744 г., на оборотѣ переводъ ея на Русскій языкъ.

18. Письмо Виссаріона, ризничаго Иверскаго монастыря къ Барскому, отъ 18 Ноября 1744 г.

19. Письмо патріарха Антіохійскаго Сильвестра къ Барскому, изъ Бухарешта, отъ 14 Августа 1747 г.

20. Отвѣтъ Барскаго патріарху Сильвестру, изъ Кіева, отъ Сентября (послѣ 8) 1747 г.

Сличая эти подлинные документы съ помѣщенными въ изданіи Рубана, мы увидимъ, что семь изъ нихъ, а именно: №№ 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14 и 17 были извѣстны Рубану и помѣщены имъ въ переводѣ, какъ приложеніе къ его изданію, остальные тринадцать были ему неизвѣстны. Въ свою очередь, Рубанъ помѣстилъ слѣдующіе 28 документовъ, которые въ подлинникѣ до насъ не дошли и сохранились только въ его изданіи.

21. Грамата Іеронима Грималди, Папскаго нунція въ Вѣнѣ, отъ 19 Іюня 1724 г.

22. Паспортъ, выданный Барскому, въ Барлеттѣ, отъ 5 Августа 1724 г.

23. Грамата Кардинала Чіенфуегоса, въ Римѣ, отъ 13 Сентября 1724 г.

24. Грамата Кардинала Албанскаго, въ Римѣ, отъ 15 Сентября 1724 г.

25. Свидѣтельство Спиридона Караса, Священника Греческой Георгіевской церкви, въ Венеціи, отъ 15 Октября 1724 г.

26. Свидѣтельство Священника Греческой Георгіевской церкви, выданное Архимандриту Рувиму и Барскому, въ Венеціи 2 Марта 1725 г.

27. Грамата Іоанникія Архіепископа Синайскаго, въ Каирѣ, 1 Мая 1728 г.

28. Письмо А. А. Вешнякова къ Барскому, изъ Константинополя, отъ 17 Апрѣля 1743 г.

29. Паспортъ А. А. Вешнякова, Русскаго резидента, въ Константинополѣ, отъ 17 Апрѣля 1743 г.

30. Султанскій фирманъ, на проѣздъ Барскаго съ о. Патмоса въ Константинополь, отъ Апрѣля 1743 г.

31. Султанскій фирманъ, для проѣзда Барскаго на Аѳонъ, отъ Апрѣля 1744 г.

32. Паспортъ А. А. Вешнякова, Русскаго резидента, въ Константинополѣ, отъ 4 Іюня 1744 г.

33. Свидѣтельство Кирилла, проигумена Ватопедскаго, отъ 1744 г.

34. Грамата патріарха Александрійскаго Матѳея, данная Барскому, въ Бухарештѣ, отъ Февраля 1747 г.

Харачи (Турецкія свидѣтельства) выданныя:

35. Въ Сакизѣ, 1139 (1725) г. желтаго цвѣта.

36. Въ Кутчеримѣ или Іерусалимѣ, 1140 (1726) г. розоваго цвѣта.

37. Въ Кипрѣ, 1141 (1727) г. бѣлаго цвѣта.

38. Въ Іерусалимѣ, 1142 (1728) г. желтаго цвѣта.
39. Въ Іерусалимѣ, 1143 (1729) г. кирпичнаго цвѣта.
40. Въ Дамаскѣ, 1144 (1730) г. розоваго цвѣта.
41. Въ Сакизѣ, 1145 (1731) г. бѣлаго цвѣта.
42. Въ Дамаскѣ, 1146 (1732) г. желтаго цвѣта.
43. Въ Дамаскѣ, 1147 (1733) г. темнобѣлаго цвѣта.
44. Въ Кипрѣ, 1148 (1734) г. свѣтлобѣлаго цвѣта.
45. Въ Кипрѣ, 1149 (1735) г. розоваго цвѣта.
46. Въ Кипрѣ, 1150 (1736) г. желтаго цвѣта.
47. Въ Патмосѣ, 1157 (1743) г. розоваго цвѣта.
48. Въ Македоніи, 1158 (1744) г. желтаго цвѣта.

Первая мысль объ изданіи въ свѣтъ странствованій Барскаго принадлежала архіепископу Псковскому Симону Тодорскому, который вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересовалъ этою рукописью своего земляка графа А. Г. Разумовскаго. Но кончина Преосвященнаго въ 1754 году, помѣшала исполненію этого намѣренія. Послѣ кончины Преосвященнаго Симона, за это дѣло взялся графъ Разумовскій, который уже сносился объ этомъ предметѣ съ Архіепископомъ Московскимъ Амвросіемъ, прося его прислать для напечатанія исправный списокъ путешествія Барскаго. Но и на сей разъ, за смертью Разумовскаго въ 1771 г., дѣло не состоялось. Только черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Барскаго, на его рукопись обратилъ вниманіе князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій, который поручилъ В. Г. Рубану изданіе оной. Рубанъ пользовался для своего изданія слѣдующими тремя рукописями, принадлежавшими тогда: 1. архіепископу Ростовскому Самуилу въ десть безъ рисунковъ, 2. Н. Н. Бантышъ-Каменскому, изъ библіотеки архіепископа Московскаго Амвросія, въ 4-ую долю, съ нѣкоторыми ри-

сунками [1] и 3. архимандриту Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря Өеоктисту Мочульскому, изъ библіотеки митрополита Кіевскаго Арсенія Могилянскаго, со многими рисунками, въ 3-хъ книгахъ, — въ десть. При этомъ нельзя не замѣтить, что Рубанъ не упоминаетъ о подлинной рукописи Барскаго, которая должна была быть ему извѣстна, такъ какъ онъ находился въ сношеніи съ братомъ Барскаго.

Въ 1778 году вышло 1-е изданіе странствованій Барскаго подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Пѣшеходца Василія Григоровича Барскаго Плаки Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся, предпріятое въ 1723 и оконченное въ 1747 году, имъ самимъ писанное, нынѣ же на иждивеніе Его Свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина для пользы общества изданное въ свѣтъ, подъ смотрѣніемъ Василія Григорьевича Рубана. Санктъ-Петербургъ. При Императорской Академіи Наукъ, 1778, in 4°, стр. XII, 796.

„Не безприлично“, пишетъ Рубанъ, „упомянуть объ *отмѣнахъ*, учиненныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при печатаніи сей книги, противъ подлинника, которыя читавшіе оригиналъ, и съ нимъ сличающіе, могутъ безъ сомнѣнія примѣтить. Отмѣны сіи состоятъ по большей части въ повѣстяхъ, кои находятся уже въ другихъ Россійскихъ церковныхъ, или гражданскихъ книгахъ, почему здѣсь и исключены, дабы повтореніемъ извѣстныхъ исторій, ни книги, ни читателей, не обременить. Напротивъ того, въ мѣстахъ сдѣланы дополненія изъ различныхъ историческихъ, географическихъ и путеше-

[1] Какъ слѣдуетъ предполагать, приготовленную митрополитомъ Амвросіемъ, по требованію графа А. Г. Разумовскаго.

ственныхъ книгъ“. Чтобы наглядно представить отношенія Рубана къ подлиннику, мы считаемъ долгомъ привести нѣсколько отрывковъ.

У *Рубана* по изданію 1778 г.	*У Барскаго по подлинной рукописи.*
Стр. 494. „И абіе присла (Резидентъ Вешняковъ) ко мнѣ на брегъ Россійскаго студента Василія Стефанова сына Рубанова и съ нимъ одного янычара“.	Л. 326 об. И абіе присла къ мнѣ на брегъ Турчина ясакчѣя при себѣ служаща.
Стр. 498. Нынѣ же для любопытства твоего читателю, сообщаю выписки учиненныя мною изъ разныхъ Греческихъ и другихъ книгъ, содержащихъ роспись Благочестивыхъ Христіанскихъ церьквей, бывшихъ вь семъ, прославіемъ нѣкогда процвѣтающемъ градѣ, изъ которыхъ до нынѣ весьма немногіе уже осташася, слыши убо о семь въ кратцѣ.	Сего не находится, а сама роспись помѣщена по Гречески и не въ текстѣ, а въ приложеніи л. 492.
Стр. 505. Константинополь бысть иногда величайшая и сильнѣйшая столица Восточной, си есть Греческой Монархіи, а Западной, или Римской имперіи сверстница, и есть совершеннымъ междустѣніемъ, или	Л. 328, 329. Азъ часто преѣждахъ обонь ко Цариграду изначала сь провожденіемь яничара Турчина при дворѣ служащаго, послѣди же и самь. И ходихь часто до патріархь и архіереовъ и учителей ради полезной бе-

соединеніемъ Азіи съ Европою. Онъ силою страшнаго своего оружія и славою побѣдъ своихъ; всѣ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ лежащіе грады, кромѣ Рима, превозвышаше. Въ семъ царствующемъ градѣ бысть иногда ѳеатръ Христіанскія славы, изъ него же произойдоша многіе мудростію и добродѣтельми просіявшіе Цари, Богоносные Отцы и непобѣдимые столпы церкви Христовой, иже Богодухновеннымъ ученіемъ своимъ всѣхъ на Христа Спасителя и Святѣйшую Церковь Его воставшихъ еретиковъ и развратниковъ Истинныя Вѣры, побѣдиша, а благонравіемъ и человѣколюбіемъ своимъ жестокосердыхъ укротиша варваровъ, и изъ всего правду и истинное ученіе любящаго свѣта, несравненною и сущей Христовой благодати и истинны наполненною проповѣдію, тьму заблуждающаго невѣденія прогнаша. Воистинну тотъ человѣкъ не погрѣшитъ, иже Констансѣди, таже обхождахъ и созирахъ древнія зданія царей Греческихъ, и знамените они столпи, иже обрѣтаются въ Цариградѣ и звѣри дивіи различніи, храниміи отъ султана, и прочіи вещи достойни зрѣнія. И разсмотряхъ красоту и расположеніе града, и пристанище различныхъ кораблей, и обичай народовъ и прочая. О нихъ же всѣхъ подробну напишу тебѣ повѣсть, любезний читателю, егда опишу Цариградъ. Еще бо многіи вещи (аще Богъ изволитъ), достойніи зрѣнія имамъ разсмотрѣти.

тинополь ключемъ вселенныя, средоточіемъ царствъ и сердцемъ всѣхъ частей свѣта назоветъ. Сей единъ градъ совершенно того достоинъ, дабы раздѣленной Вѣрѣ Христовой, паки въ немъ соединитися, о чемъ первенствующая и Православная Греческая Церковь, въ праведныхъ своихъ молитвахъ, ежедневно у Создателя Бога проситъ, дабы Христіанскіе Цари, многими Областями владычествующіе, престолъ свой по прежнему тамо возъимѣли, науки яко въ крѣпкомъ забралѣ, безъ упадка процвѣтали, и всему Христіанству полезные законы изъ него, яко изъ главнаго источника, по знанію славы и величанію имени Іисусъ Христова, неоскудно бы проистекали. Но къ общему всѣхъ Христіянъ жалѣнію, въ несказанный упадокъ сей преславный градъ пришелъ. Красота Царскихъ палатъ, великолѣпіе превосходившее вѣроятіе, сокровища святыхъ Божіихъ церьквей;

марморомъ, живописью, мусіею, златомъ и сребромъ преукрашенные Христіянскіе храмы и монастыри, Княжескіе и знатнѣйшихъ гражданъ великіе домы, на высочайшую степень взошедшія науки и художества. почти въ совершенное уничтоженіе придоша. Святыя церкви въ Магометовы капища и въ мусульманскія мечети съ 1453 году обращены. Мудрость безуміемъ, а наука невѣжествомъ поглощена, а притомъ гордостію и тиранствомъ окована.

Другія „отмѣны", сдѣланныя Рубаномъ противъ подлинника, заключаются въ томъ, что онъ, стараясь представить Барскаго, такъ сказать, въ облагороженномъ видѣ, исказилъ первоначальный текстъ Барскаго, который въ этой передѣлкѣ потерялъ всю свою своеобразность и типичность.

Но указавъ на погрѣшности Рубана по изданію Барскаго, было бы грѣшно умалять заслуги его по обнародованію рукописи Барскаго, которой безъ него, вѣроятно, долго бы пришлось оставаться мало извѣстною.

Вслѣдъ за первымъ изданіемъ послѣдовали: 2-е—1785 г., 3-ье—1793 г., 5-ое 1800 г. и 6-ое—1819 г. Всѣ эти изданія были напечатаны при Академіи Наукъ и составляютъ только перепечатку перваго изданія. М. Полуденскій въ статьѣ своей: Путешествіе по Святымъ

мѣстамъ Василья Барскаго, помѣщенной въ Библіографическихъ Запискахъ 1859 г. № 9, стр. 254—282, отмѣчаетъ слѣдующія замѣченныя имъ разницы въ изданіяхъ: во второмъ, третьемъ и пятомъ сохранена та же нумерація страницъ, для чего не поставленъ въ счетъ бѣлый оборотъ страницы 411, листокъ для заглавія второй части и первая ея страница, на которую перенесены съ 411 страницы послѣднія 30 строкъ текста. Въ шестомъ изданіи измѣнено только слѣдующее: вторая часть имѣетъ свою особую помѣтку страницъ съ 1 по 391, алфавитъ напечатанъ не такъ убористо, такъ что онъ занимаетъ въ этомъ шестомъ изданіи 13 страницъ, а не 10, и помѣта внизу сдѣлана не литерами, а цифрами. Говоря объ этихъ изданіяхъ, нельзя не обратить вниманія, что послѣ *третьяго*—1793 г. слѣдуетъ *пятое*—1800 г., *четвертое* же, долженствовавшее существовать между ними, не видѣлъ ни одинъ изъ изслѣдователей Барскаго и годъ этого изданія не указывается ни въ одномъ изъ печатныхъ каталоговъ. Все это заставляетъ предполагать, что *четвертаго* изданія, дѣйствительно, не существуетъ, но какія причины побудили Академію перейдти прямо съ *третьяго* на *пятое*, остается доселѣ неизвѣстнымъ.

Кромѣ этихъ изданій имѣется еще одно, нынѣ весьма рѣдкое, напечатанное съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Сія книга пешеходца Василія Григоровича Барскаго-Плако-Албова, уроженца Кіевскаго, монаха Антіохійскаго, Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ, напечатанная въ С.-Петербургѣ Пріимператорской Академіи Наукъ въ 1778 году. Нынѣ же вышенапечатанная Книга Путешествія, перепечатана съ указанаго дозволенія, съ засвидѣтельствованіемъ Сѣверскаго Новгородскаго Намѣстничества нижняго Земскаго Суражскаго суда, и подписана суда при-

сутствующими, и печатью утвержена: скоторой нынѣ напечатана, въ вольной типографіи Клинцовскаго посада второй гильдіи купца, Дмитрія Руковишникова. 1788 году Іюня 15 дня". Раскольническое изданіе это, нынѣ весьма рѣдкое, представляетъ дословную перепечатку перваго изданія Рубана, съ слѣдующими только измѣненіями: напечатано оно in fol., алфавитъ въ одинъ, а не два столбца, отчего вмѣсто 10 страницъ перваго изданія занимаетъ 18 страницъ и, наконецъ, за неимѣніемъ вѣроятно въ Клинцовской типографіи иностранныхъ буквъ, вездѣ, гдѣ таковыя встрѣчаются въ первомъ изданіи, здѣсь оставлены пробѣлы.

Кромѣ того «Странствованія Барскаго» были издаваемы въ извлеченіяхъ. Еще въ 1770 г., издававшемся С.-Петербургскомъ журналѣ: Парнасскій Щепетильникъ, Іюль, стр. 119, былъ напечатанъ отрывокъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Описаніе города Солуня. называемаго другимъ именемъ Салоники, по латинѣ Thessalonika, учиненное тамъ бывшимъ Россійскимъ путешественникомъ Василіемъ Григоровичемъ, гражданиномъ Кіевскимъ, во время странствованія его по свѣту, чрезъ 25 лѣтъ, которое описано и у многихъ въ манускриптѣ хранится".

Въ 1847 году было издано въ Москвѣ: „Путешествіе въ Іерусалимъ" и перепечатано въ 1849 и въ 1851 г. Тамъ же въ 1864 г. „Извлеченіе изъ описанія путешествія въ Іерусалимъ въ 1726 г. В. Г. Барскаго. Описаніе Іерусалима и его окрестностей. Въ 1867 г. „Изъ путешествія въ 1726—1744 г. Аѳонская Лавра Св. Аѳанасія". Наконецъ въ 1882 г. о. Архимандритъ Леонидъ издалъ: „Три древнихъ сказанія о Св. Горѣ Аѳонской и краткое описаніе Св. Горы составленное въ первое посѣщеніе оной Василіемъ Барскимъ 1725—1726 г. (по Казанскому списку).

Настоящее изданіе странствованій Василья Григоровича-Барскаго предпринято Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, на средства, пожертвованныя на этотъ предметъ, Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ, Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ, при чемъ редакція странствованія была обязательно возложена Обществомъ на меня.

Въ основаніи настоящаго изданія принята подлинная рукопись Барскаго. Въ тѣхъ же немногихъ мѣстахъ, гдѣ она писана чужою рукою, принятъ въ основаніе списокъ Археографической Коммиссіи, какъ самый полный и безошибочный, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ существеннѣйшіе варіанты къ нему подобраны изъ списковъ: Михайловскаго Златоверхаго монастыря и Казанскаго Университета. При ссылкахъ мы употребляли, для обозначенія списковъ, слѣдующія сокращенія: подлинной рукописи — *Ув.*, списка Михайловскаго монастыря — *М.* и списка Казанскаго Университета — *К.*

Всѣ сохранившіеся 137 рисунковъ Барскаго, а равно палеографическій снимокъ съ подлиннаго его письма и фотографическій снимокъ съ его надгробнаго камня воспроизведены съ возможною точностью противъ подлинниковъ, въ фотолитографическомъ заведеніи Н. Т. Индутнаго.

Да послужитъ это новое изданіе странствованій Василія Григоровича-Барскаго, предпринятое Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ, „на увѣдѣніе и на память и на молитву благовѣрнымъ человѣкомъ“.

Николай Барсуковъ.

10 Октября 1884 г.
Сельцо Ивановка.

Елико неоткровенна есть премудрость Божія, толико недомислимое Его о нась промишленіе же и смотрѣніе: *Его же судби суть бездна многа,* ибо не точію истинная благая, но и мнимая злая приводить къ благому концу. И толикое, кромѣ сего, имать человѣколюбіе, яко не точію тимь, иже Его ищуть, но и тимь, иже ниже о чесомь благомь помишляють, многажди великіе даруеть благодати, яко же азь искуствомь въ себѣ познахъ, иже никогда же помислихъ ходити по толикихъ далекихь странахъ, и понести и подяти толъ великіе труды, и свободитися отъ множества бѣдь, и поклонитися святимь многимь мѣстамь, зрѣти же и описати изрядная зданія и преславутіи монастиры, скити, церковніи чини, къ томужде житія и дѣянія добродѣтелних мужей и инни достопамятни и достохвални вещи; обаче сподоби мя премилосердній Богь, аще и грѣшна. Сего ради и азь вся описахъ въ славу и благодареніе Божіе и въ ползу чтущимь и слышащимь, не съ инним намѣреніемь, точію да молитствують о недостоинствѣ моемь и да удивляются Божію промишленію и смотрѣнію, отъ каковаго гнилого основанія и отъ каковаго некрѣпкаго начала приведе мя и настави къ толъ благополучному концу.

Во времена, въ няже правяше престолъ Кіевскій блаженной памяти преосвященной Іоасафъ Краковскій и по немъ Варлаамъ Ванатовичъ, быхъ азъ тогда въ младихъ лѣтехъ и поучахся въ школахъ Латинскихъ; аще же и не силенъ въ наукѣ быхъ, обаче благодатію Божіею пройдохъ маліе школы даже до Реторикы и началъ философскихъ, до которихъ наукъ самъ азъ вдадохся на поученіе, кромѣ изволенія отца моего, и кромѣ помощи домашнего инспектора. Отецъ бо мой бяше книженъ точію въ Россійскомъ писаніи и въ церковномъ пѣніи, мужъ аще и благовѣненъ, обаче нравомъ простъ, и видя въ ученіяхъ излишное прѣнье, гордостъ, тщеславіе, славолюбіе, завистъ и прочая случаема, мняше, яко отъ науки имъ сія бываютъ, а не отъ самоволнаго произволенія, тщашеся всячески воспятити ми намѣреніе, но не можаше, помоществующей мнѣ матери. Многажди же и послѣди развращашеся совѣти своими и совѣтоваше оставити непотребную сію науку и въ церковной упражнятися практицѣ; видя же во мнѣ нѣкую къ сему естественну склонностъ и охоту, прочее остави мя мирна. Доспѣвшу убо мнѣ, яко же предрекохъ, до началъ философскихъ, Божіимъ попущеніемъ проявися мнѣ на лѣвой нозѣ толъ язва велія, яко не могохъ ходити. Тогда оставихъ школы и врачевахся. Врачемъ же тогда неискуснимъ сущимъ, и многимъ приходящимъ и премѣняющимься, и денги немали взяша отъ родителей и болшую язву отверзоша и не могоша мя исцѣлити, и сице мало иде время кромѣ ученія, яко 21 денъ, [1] еже азъ оставихъ уже вся со всѣмъ моимъ намѣреніемъ, понеже не чаяхъ уже исцѣлитися. Но виждь нечаянное Божіе о мнѣ смотрѣніе: нѣкто Іустинъ Ленѣцкій, братъ бывшаго архіепископа Суждалскаго Варлаама, мой же соученикъ и сверстникъ, отъеждаше

[1] годъ единъ. *Уч. прон. К.*

тогда въ Полшу до града Львова, ради совершенія болшихь наукь, тому поревновахъ, возжелахь отъѣхати съ нимь вкупѣ, тоеяжде ради вини, найпаче же ради исцѣленія ноги, слишахъ бо, яко тамо искусни обрѣтахуся врачеве. Начахь убо молити матеръ мою, да отпуститъ мя; она же вину благословну представивши, неприсутствіе отца, никако же хотяше первіе соизволити, ибо отець мой купець бывь, въ далекомь медляше пути, котораго ожидати нелзя было при такь случной оказіи. Молящи же азь многажди матеръ и преклоняющи ю благословною виною врачеванія своего, аще и жена сущи и болше, аки мати, къ чадомь соболѣзнованіе имѣеть, нежели отець, обаче, смотрѣніемь Божіимь, соизволи и давши мнѣ молитву и благословеніе и вся нужная на путъ и на харчь, отпусти со многимь ридапіемь и слезами. Егда же отъехали мы внѣ предѣловь Кіевскихъ на нѣсколко миль, отець отъ пути тогожде дня возвратившися, посла абіе скоро за мною коннаго слугу, иже достигши мя, увѣщаваше, прекланяше мя всячески къ возвращенію, яко же ему повелѣнно естъ. Азь видящи случай мнѣ благополучень, препославши ему должній синовній поклонь, не повинухся его совѣту, ниже отлучихся друга своего, но возративши слугу вспять, яхся пути прилѣжно. Бысть же тогда годъ 1723, егда изійдохь исъ Кіева, мѣсяць Іулій, памятъ святаго пророка Иліи; возраста же моего бяше лѣть около двадесяти и двоихь. И преѣхахомь чрезь Острогъ городь и чрезъ Почаевь, идѣже есть монастиръ унѣятскій Успенія Пресвятія Богородицы, и тамо бываеть на всякь годь въ праздникь соборь народа многа и ярмарокь, на немь же случихомься и ми бити. Тамо есть стопа Богородична въ церкви, въ камени, и мощи цѣліе святаго Желѣза, яже достовѣрни суть, или ни, того

не испитахъ: не бихь бо тогда еще любопитній. Оттуду, аще и не по пути, пріѣхахомь до града, нарицаемаго Броди. Минувшимь бо намь нѣкое мѣсто, стрегущіи райтари силою взявши тамо насъ отведоша и озлобиша нась тамо Жиди много. Броди естъ градь, стѣною каменною обведень, стоить на мѣстѣ равномь и нискомь, окресть же себе иматъ блати и води мелко, оттуду бо нарекошася и Броди, яко до града чрезь води брести тсбѣ. Тамо Жидовь множество и власть ихь великая. Оттуду пріѣхахомь до града Лвова прослутого, каменная зданія въ себѣ имущемь и церкви изрядни, и звоници, и школи, и полѣтическаго народа доволно. Тамо азь купно съ сопутникомь моимь Іустиномь наяхомъ на предградіи нарочно домь, съ кормленіемь, и поплащахомь на мѣсяцъ, еже согласихомь, по тамошнему обычаю, и обрѣтши азь тамо врача искусна, исцѣлихь свою ногу въ малѣ времени и благодарихъ Бога. Обрѣтохомь же тамо многихъ страннолюбивыхъ людей отъ Русовь, духовнихъ же и мірскихъ, и угощеваху нась часто, найпаче же тіи, иже на Унѣю бяху насилованни, въ тайнѣ же зѣло православни. Въ Лвовѣ обрѣтается Академія Езувитская прослутая, въ которую ми желающи сочетатися, да искусимь ихь преданія ученій и да видимь предъуспѣяніе учащихся; боящися же да не како познаеми будемь, яко весма православни, не пріймаютъ бо тамо таковихъ, найпаче же Кіевскихь, и хотящи утаитися, поживши малое время, поученія ради ихь язика и привѣствій, оставихомь своя прежняя прозменованія и нарекохомся Барскіи, единимь проименованіемь, притворшеся быти брата родна и аки би отъ Бара суща, иже въ Ляшеской сторонѣ обрѣтается на Подоліи. Бистъ же Іустинь, сопутникь мой, мало старѣйшій и той мняшеся быти брать первій, азь же вто-

рій. И съ сицевимь согласіемь явившися предъ префекта, аще и вопрошаеми бихомь, гдѣ первіе учихомься, отвѣщавши нѣкіимь тамо въ окрестнихъ градѣхь знающи имена вѣроятни, возмѣнихомся ему быти, яко непреткновенно и сладко ему отвѣтствовахомь Латинскимь языкомь, и по прошенію убо нашему сочета нась въ Реторику. Быстъ же сіе, мню, попущеніемь Божіимь, искушенія ради ихъ и нашего; но не восхотѣ да пребудемь тамь многое время и не остави чадь, воспитаннихъ ученіемь православнимь, повредитися отъ злославнихъ нравовь многовременнимъ сочетаніемь, яко же то пострадаша мнозы, но слыши, что устрои. Ходящимь намь въ школу точію осмь или десятъ дній, не вѣмь, отъ характира ли писанія, или отъ сочиненія, или отъ бесѣди Лешеского языка, начаху съ ученикы познавати нась, яко нѣсми отъ Полскихъ странь, найпаче же тамошніи Руси унѣяти, о семь любопитливіе суть, но не могуще явѣ обличити нась, понеже отъ префекта предъистязанни сущи, пріяти бихомъ честно, такожь и отъ професора риторического, завистію убо, или ненавистію наполненни суще, умишляютъ коварство хитростно сицево: сочиняеть нѣкто лукавшій отъ них посланіе Руское притворное, аки бы намь съ Кіева отъ родителей писанное съ великимь плачемь и слезами, ради непоноснаго нашего отъ ихь разлученія, и аки бы поучитителное и увѣщателное, да блюдемь себе всячески отъ кваса унѣятского и отъ яда папѣжского, и прочая, елика его бѣсь научи. Такь же запечатавши, вручи нѣкоей старой бабѣ и научи ю, да мимо ходя предъ школами вопрошаетъ, кому надлежитъ отдатъ сіе писаніе, купци бо нѣкіи мимоходящіи вручиша мнѣ сіе. Виждь, каковая орудія избра себѣ діаволь въ мірѣ семь къ дѣланію воли своей, всегда бо

злотворная дѣла, найпаче сими средствіями, бываютъ или діаволомъ, или бабою, или отрокомъ. Сотворшей же бабѣ, яко же наученна бѣ, намъ ничтоже о семъ вѣдающимъ, ниже присутствующимъ, абіе похитивши писаніе отъ рукъ бабиныхъ, на сіе согласившіися и видящи надписанная наши проименованія, распчаташа и прочетши между собою, отнесоша къ префекту. Префектъ же абіе написа ексклюзію, си естъ изгнаніе, и пригвозди на вратѣхъ внѣшнихъ академіи. Предъ окончаніемъ же, егда имѣяху исходити профессори со учениками изъ школъ, прійде первіе до Риторики и привѣтствовавъ учителя нашего рече: „Согрѣшихъ въ невѣжествѣ и сочетавъ овцамъ прокаженни козлища". Всѣмъ же созирающимъ другъ на друга и удивляющимся реченію, абіе зва насъ по имени и повелѣ намъ изійти изъ школи. Абіе же намъ изшедшимъ въ прїосѣненіе рече: „Бѣжѣте отсюду лицемѣри и къ тому здѣ не возвращайтеся"; ми же отвѣтствовахомъ: „Какой ради вини честній отче?" „Понеже познастеся, яко волци есте отъ лѣсовъ Кіевскихъ". Отвѣщахомъ: „Никако же". Паки рече къ намъ: „Писаніе родителей вашихъ, отъ Кіева посланное, дойде въ руцѣ мои". Ми же, познавши, яко продаденіе и хитростъ естъ злотворнихъ людей, рекохомъ, яко чуждое и притворное можетъ быти посланіе, истинное никако же, и молихомъ да намъ его покажетъ. Префектъ же болѣе возъяряся и рече: „Аще до показанія прійдетъ, злѣ пострадати имате"; ми же, давши мѣсто неправедному гнѣву, поклоншися отъидохомъ. И прежде даже не взійти ученикомъ изъ школъ, проходящи врата академіи и видящи прибитую противо насъ написанную эксклюзію, си естъ причину изгнанія нашего, прочтохомъ ю. Вкратцѣ заключашеся же въ ней разумѣніе сицево: Понеже Іустинъ и Василій, по проименованію Барскіи, познашася, яко отъ странъ

Кіевскихъ сутъ и противніи Каѳалической Римской церкви, для того по регуламъ и правиламъ Академіи нашей Езувитской Лвовской не имуть въ ней мѣста, но изганяются явѣ. Сія прочетши, идохомъ скоро въ домъ свой, премѣнивши срамъ на дерзостъ, печалъ же на радостъ, разсуждающи, яко вина изгнанія нашего не толко бысть безчестна, но и честна. Како бо нечестна въ Бозѣ, егда явѣ въ семъ градѣ прославиша насъ, яко есми православніи христіане, сини Восточной Соборной и Апостолской церкви, и противніи неправославно и еретическо мудрствующимъ, си естъ послѣднимъ и новопроявшимся вимисленникомъ и чадомъ Западней Римской церкви? Како нечестное бысть изгнаніе чрезъ лжу и хитростъ и ненавистъ людскую содѣянное? Самъ же отъ самаго Христа Спасителя міру блажимое: „Блаженни бо“, рече, „изгнанни правди ради, яко тѣхъ естъ царство небесное“; и паки: „Блаженни есте, егда поносять вамъ и ижденуть вы и рекуть всякъ золъ глаголъ на вы лжуще, Мене ради“. Сія убо и ина сицева пришедши въ домъ и размишляющи, безмолствовахомъ, никаможе исходящи, но совѣтующися съ собою едину седмицу, что имамы творити. Азъ убо совѣтовахъ, да преживши нѣсколко мѣсяцей въ Лвовѣ и научившися бесѣди добрѣ Полской, паки повратимся въ православній и богоспасаемій градъ Кіевъ, мерзящи необично, яко вси церквы Рускіи и монастирѣ волною и неволною поврежденни бяху уніею, и вѣдаючи свою немощь въ денгахъ, которихъ я мало имѣлъ, понеже, якоже предъ писахъ, нечаянно и спѣшно изійдохъ отъ отечества, въ небитіи отца моего; Іустинъ же Леннѣцкій, мнимій мой братъ, истинній же сожителъ и сопутникъ, понеже денги имѣяше многи, не хотяше пріяти совѣта моего, ниже собившагося безчестія, но совѣтоваше всячески, да при-

падемъ къ нѣкоему великому и знаменитому лицу, молящи, да его ходотайствомъ и предстателствомъ паки пріяти будемъ въ училище. Азъ же повиновахься ему, аки возрастомъ старѣйшему и ученіемъ силнѣйшему и мнимому первому брату. Идохомъ же купно по согласію въ катедралній монастиръ къ епископу Рускому бившему тогда Аѳанасію Шептицкому и откривши ему вся подробну, молихомъ его о ходотайствѣ; онъ же умилосердися о насъ и обѣщася намъ сотворити сіе благодѣяніе, понеже великое пріятелство имѣяше съ Латины, и абіе призвавъ архидіакона своего и рече ему: „Пойди съ сими юношами къ ректору и рци, яко привѣтствую ихъ любезно и прошу прилѣжно, да пріймутъ сихъ студентовъ паки въ Академію, ибо отъ моея епархіи сутъ и вѣмъ ихъ отечество, но яко они суще и чуждихъ странъ зрѣти желающе, отъидоша точію до Кіева, виденія ради, и паки возвратишася въ свое отечество“. Мы же, слышащи сія, поклонихомся ему до земли и благодарствовахомъ. По повелѣнію убо его, поведшу насъ предъ ректора и префекта архидіакону и рекшу, яко же научи его, аще и не хотяху насъ пріяти, прекословящи доволно, яко по эксклюзіи нѣстъ обичая паки пріймати, обаче ради великаго пріятелства епископскаго и ради прилѣжнаго архидіакона моленія, обѣщаша насъ пріяти паки и повелѣша намъ утро прійти въ Академію. Намъ же поклонившимся и благодарившимъ архидіакону, отъйдохомъ въ домъ съ радостію. Утру же бывшу пріййдохомъ въ Академію и пріятъ насъ префектъ и паки вручи насъ профессору въ Реторику, исповѣдавши ему тайну вину нашего возвращенія. Шатахуся же мнозы и удивляхуся и отъ зависти не вѣдаху, что творити, и недоумѣваху, како се сотворися необичное и неслиханное. Глаголаху бо, отнелѣже Академія сія создася, ни-

когда же кто слышася изгнань сій, или праведнѣ или неправеднѣ, паки пріятъ быти. Мы же молчаніемь внутрь сердцемь благодарихомь Бога за о нась Его бывшое смотрѣніе, намь убо на радостъ и ползу, противнимь же на печалъ и завистъ. И сице ходихомь свободно и безмолвно до школы, яко двѣ седмици и болше. Тогда начахомъ размишляти и совѣтоватися междѹ собою, что сотворимь. Азь убо рекохь, яко доволно намь естъ, яко пріяти есми паки и возвратися честъ намь вспятъ, сего ради оставимь самоволно ходити до школи многихъ ради винь. 1. Да не ископаютъ намь паки каковую нову яму ненавидящіи нась, горшую первой. 2. Да не истяжутъ нась о вѣрѣ, и да не принудять насъ къ соединенію своему папѣжници и унѣяти. 3. Да идемь къ инимь градомь и видимь инихъ людей обичай, и прочіи мнози представихь ему причини. Сопутникь же мой Іустинь совѣтова, да не оставимь школи даже до праздника Латинского Воскресенія Христова. Бистъ бо тогда недалече поста конець великаго. И тако сотворихомь. Мы убо, яко человѣци, различная помишляхомь и совѣтовахомся, Богь же иное нѣчто лучшое о нась промишляше. И слыши въ то время нѣкій попь Рускій, младь овдовѣвшій, мужь учень, ради разгнанія своей печали готовяшеся по Воскресеніи Христовомь итти въ Римь, мы же имущи его пріятеля, поревновахомь ему и возжелахомь съ нимь купно ити; онь же и радостень бысть, ради сопутнической дружби. И сице, давши другь другу слово и обѣщаніе, начахомь предуготовлятися и ми. Мнѣ же не быстъ толъ желаніе до Рима, елико до святителя Христова Николая въ Барь градь. Егда бо еще цѣлихь оную предреченную великую язву на нозѣ моей, обѣщахь Богу по исцѣленіи далекій подяти трудь, въ благодареніе благодати Его; аще же и

денегь при себѣ зѣло мало имѣхь, но повергохъ себе на промишленіе Божіе и на милостъ христіанскую. Предупованіе же наше бысть сицево: Умислихомь первіе ити въ катедру Епископскую Лвовскую къ своимь благодѣтелемь, хотящи молити ихъ, да яко совѣтники и наставники наши будучи въ прежнемь случаи, дадуть намь здравій совѣть къ умишленію и произволенію нашему; но понеже тогда Свѣтлія Пасхы праздновахуся дни, сего ради праздникомь Воскресенія Христова идохомь третіяго дне привѣствовати ихь. Привѣствовахомь убо архидіакона, и игумена, и намѣстника, и прочая знатнѣйшая лица, послѣди же и намѣреніе наше архидіакону открихомь, чесому онь не точію не отрече, но и благоволи въ семь намь помоществовати обѣщася, радь бо бысть о семь зѣло, понеже вѣроятно имѣяше быти эзувитамь епископское предписанное о нась свидѣтелство и ходотайство. Сего ради повелѣ намь, да предуготовившися утро прійдемь къ епископу съ привѣтствователними словеси, си есть съ ораціями. Сіе же намь безъ укосненія сотворшимь и заутро зѣло рано ускорившимь, по службѣ Божіей и по трапезѣ, идохомь вкупѣ со архидіакономь и привѣствовахомь его, но въ тойжде ораціи и нѣсколко словесь о намѣреніи нашемь приложихомь, чесому архіерей радостень быстъ зѣло, и абіе повелѣ призвати писара и написати намь безъ укосненія патента, си естъ грамоти свидѣтелствованни, и съ тими по совѣту его идохомь къ ректору школь и къ архибискупу Полскому и отъ нихь взяхомь патенти, въ которихъ написано бяше, яко оньсица и оньсица Русса, отъ области Лешеской, студенти школь Лвовскихъ, грядуть къ Риму и проч. Взявши убо ми патента и предуготовивши себѣ облеченія пелгримская, си естъ путническая, понеже не готовь еще бяше попь, имый съ нами путешествовати.

Имущи время и хотящи себе искусити, какови намь имутъ явитися труди путешествія, идохомь за три милѣ отъ Львова къ Жовквѣ городу, поклоненія ради мощемь святаго мученика Іоанна Сочавского. Пріийдохомь же къ инокамь, тамо при храмѣ мощей обитающимь, и пріятъ нась игумень честно съ вечера, со всякимь учрежденіемь и упокоеніемь. Заутра же, по службѣ Божіей, лобизахомь мощи святаго мученика; таже званны быхомь паки къ игумену, иже учреди нась паки трапезою доволною. И абіе воставши отъ трапези и благодареніе Богу и всѣмь инокамь сотворши, отклонихомся, идохомь до монастыра, именуемаго Креховского, идѣже доспѣвши на вечерню, быхомь въ церквы и видѣхомь вся по чину инокь изряднѣ правящаяся. Послѣди же отъ игумена и братіи звахомься въ трапезу и тамо такожде видѣхомь благочиніе и пріяти быхомь честно. Тамо вси смиренніи, страннолюбивіи и зѣло добронравніи иноки. Тамо четири церкви внутрь монастира, а пятая внѣ, въ лѣсѣ; отъ нихъ же первоначалная въ честъ Преображенія Христова естъ сооруженна. Тамо игумень на единь точію годь поставляется и равень со братіею во власти, точію именемь и достоинствомь болшій разумѣется быти. Словомъ рещи, всемь достохвалная обителъ. Тамо мы преноцевахомъ; заутра же, по прошенію нашему, дадоша намь патента, свидѣтелствующая путъ къ Риму, съ приложеніемь монастирской печати и подписомь игуменской руки. Таже по учрежденіи трапези и благодареніи, отклонихомся, идохомь паки до Львова инимь путемь, но не успѣхомь того дня возвратитися къ нему, понеже, погубивши путъ, блудихомь въ пустомь лѣсѣ много. Для того обноцевахомь у нѣкоего священника въ веси Яслискахъ. Заутра же воставши возвратихомся въ Львовь, благопоспѣшно, и показася намь путешество-

ваніе радостное и полезное. Быхомь же тогожде дня на праздницѣ святаго великомученика Георгія, празднуемаго въ катедрѣ Лвовской епископіи. По праздницѣ же въ три дни предуготовихомь пелгримскіе къ путешествію одежди и вся, яже быша потребна. Таже идохомь къ монастиру Рускому Іоанна Богослова, которій на предградіи Лвовскомь, на прекрасномь и уединенномь обрѣтается мѣстѣ. Тамо имѣхомь самаго игумена, духовного нашего отца и великаго благодѣтеля, нѣкоего Пахомія Гучинского, мужа страннолюбива, благонравна; при немь же азь, новопришедшій, нѣколико время жителствовахъ и многое благодѣяніе отъ него получихъ. Тому убо всечестному игумену исповѣдахомь грѣхи своя и вручихомь книги наши, одежди же студенскіе и вся, яже имѣяхомь, вещи; сами же облекохомся въ одежди пелгримскіи, по общему тамошнему обикновенію отходящихъ въ Римь. Есть же одѣяніе пелгримское сицево: одежда черна, или отъ плата, или отъ сукна, не имуща воскрилій раздѣлнихъ, но совокупно сошвенна, на подобіе стихара діаконскаго, точію съ узкими рукавами, которую пелгрими носять внѣ верху своихъ обичнихъ одеждь, подъ сею сокровеннихъ, и на персехь носять повешень кресть извязанній внѣ одежди; поясь ремянь и при боку тиквица, ради ношенія води въ мѣстѣхь безводнихъ; мѣшець на плещахъ съ нужними вещами; плащикь кратокь сверху, еликь точію доволень покрыти плещи отъ дождя, и мѣшець отъ платна увощеннаго сошвень, подобнаго кожѣ черной; сандалія на ногахъ крѣпко обвязана; шлемь чернь, кругло верху глави распростерть, и въ руцѣ жезль толсть, висотою досязающь даже до глави, нарочно лѣпо виточень и очернень. Въ сицеви убо и ми облекшеся одежди, попь же съ послушникомь своимь въ

маломь чемь различествующіи, идохомь вси четири первіи въ монастиръ катедралній и послѣ службы Божіей и по трапезѣ отклонившися и милостиню отъ него взявши, такожде привѣствовши и прочіихь нашихъ благодѣтелей и пріятелей, отъидохомь оттуду со многимь провожденіемь знаемихъ и сосѣдовь и облобизавшися съ ними, внѣ града на поли далече разлучихомся. Таже сами, съ единимь точію Богомь, призвавши Его на помощь и Ему навсегда поручившися, пустихомься въ намѣренній нашь путъ, и, прешедши три Полскіи милы, доспѣхомь, яко о второмь часѣ нощи, къ веси, нарицаемой Криница, въ ней же нощевахомь въ дому родителей священника, съ нами грядущаго, со всякимь страннопріятіемь и покоеніемь. Утро же, по службѣ Божіей, въ недѣлю, учреждахомься до полудни; таже мало препочивши, оттуду идохомь, яко польмилѣ, къ граду, нарицаемому Груденъ или Городь, и тамо обнощевахомь въ честномь дому. Заутра же въ понеделокь, мало нѣчто снѣвши, идохомь со многимь провожденіемь и плачемь и лобизаніемь знаемихь, сродниковь, сосѣдовь и ближнихъ же и родителей вишепомянутого сопутника нашего священника и разлучившися отъ нихъ со крайнимь цѣлованіемь, прейдохомь яко милю едину, и мимошедши веси Годвишнюю и Ошани, таже паки милю едину, и доспѣвшимь веси, нарицаемой Рудки; ту нощевахомь у нѣкоего человѣка проста, на сломѣ въ житници. Утро же востахомь, пройдохомъ веси Новосялки и Хлопчики, таже шествовахомь надъ рѣками, именующимися Днѣстрь и Стривяжь, которая въ Днѣстрь впадаеть. Въ оной вода зракомь мало зеленая, въ сей же рудовотая. Чрезь веси Пѣняне и Бабину и доспѣхомь на нощь къ граду, именуемому Самборь, которій отъ Лвова отстоить девяти милями и имать предградія долга и красна, со множе-

ствомъ вербъ, чинно насажденнихъ, еще же и школи Латинскіи. Тамо гостихомъ у зѣло благонравнихъ и страннолюбивихъ людей, со всякимъ доволствомъ и упокоеніемъ чрезъ два дни. Оттуду же идохомъ до стараго мѣста, яко двѣ милѣ, идѣже прежде Самборъ бысть, идѣже нощевахомъ также у единаго страннолюбива. Заутра же, возсіявшу солнцу, оттуду идохомъ три поприща къ знаменитому монастиру Спасскому, въ немъ же обитаетъ епископъ Перемышльскій. Сего монастиря, аще тамо и знаменитъ слышится, описати не возмогохъ, ибо не токмо лѣпоти его внутрнія не видѣхомъ, но и внѣшнія добрѣ не разсмотрѣхомъ: ибо еще точію намъ подъ монастирскую нѣкоего древа сѣнію сѣдшимъ и бесѣдующимъ о красотѣ обители тоя, абіе по случаю изійде отъ монастирскихъ вратъ епископъ, именуемій Іеронимъ Уштрицкій; ми же егда возмогохомъ познати его, ибо не яко епископъ, но яко мучитель нѣкій и разбойникъ, гордости и ярости исполненній, изійде въ худихъ одеждахъ, едину токмо послѣдующу ему мірянину. Ми же узрѣвши его, аще и недоумѣвахомъ, кто естъ, обаче абіе воскочихомъ отъ мѣстъ своихъ и должное, аки епископу, сотворихомъ поклоненіе. Онъ же абіе сими насъ привѣтствова словеси: Откуду? Зачимъ? Пощо? Ми же отвѣствовахомъ: „Странни есми, владико святій“. Онъ же, превративши очесь своихъ зѣници, воскочи ногами и не аки пастиръ ко овцамъ, но аки хищній волкъ, ослѣпленъ унѣею немисленніи очеса, искій незлобивіи овцы, на пажитѣ православнія пасущіяся, поглотити, внезаапу на насъ страшній въ сѣхъ словесахъ испусти гласъ: „форть, форть, форть, прочь, прочь, прочь“ и прочая, отъ діавола тогда ему во умъ влагаемая словеса. Ми же абіе бѣжахомъ отъ лица его и яхомся пути, поминающіе оніи словеса Христа Спасителя: „Блаженни есте, егда поносятъ вамъ, иж-

денутъ вы“ и прочая, и не смущающися, но паче радующися ради послѣдующихъ словесь: „Радуйтеся и веселѣтеся, яко мзда ваша на небесѣхъ“, идохомь спѣшно полмилѣ и прійдохомь къ инному монастиру, именуемому Лаура. Тамо страннолюбно пріяти быхомь и патенть отъ монастиря взяхомь и оттолъ идохомь полтори [1] мылѣ надь потокамы, по камены текущимы, и путемь каменнороднымь до веси нарицаемой Стебныць, и тамо нощевахомь въ дворѣ панскомь безъ бытности его, тогда самому точію бывшему и просившему нась подстаростому. Заутра же воставшы шествовахомь три мылѣ и доспѣвши до веси, нарицаемой Угорцы, тамо нощевахомь у нѣкоего священника. Заутра же въ недѣлю по службѣ Божей и по угощеніи отъ тогожде священника, безъ закосненія идохомь паки горамы двѣ мыли великы надъ рѣкою, каменіе удивителное имущою, доспѣхомь до Балигрода, мѣста пограничнаго. У Балигродѣ замедлихомь чрезь два дны. Тамо Жидове и денги намь дароваша на харчь подорожную, имѣхомь бо къ всѣмь вездѣсущимь Жидамь отъ кагалу Лвовскаго патента чрезь ходатайство единаго еврея, данное намь за нѣкое наше прежде къ нему благодѣяніе. Тамо гостихомь у старосты, страннолюбива и милостива человѣка, иже, егда оттуду отидохомь, даде намь и человѣка проводника, понеже путъ тяжекь и непроходимь бѣ, и горы каменны превисоки, каменъ на камены аки бы рукамы положенны имущіи. Егда же преидохомь мылю едину, и приведе нась до нѣкоей веси и оттуду дадоша намь иннаго проводника за повелѣніемь предьреченнаго Балигродскаго старости, и съ нимь прешедшы кь веси, нарицаемой Воля, нощевахомь въ нѣкоего священныка Самуила, мужа страннолюбива, иже отъ любви своей и благаго произволенія вь утріе приведе нась (въ) гору

[1] Отсюда въ Уваровскомъ спискѣ начинается собственноручная рукопись Барскаго.

великую и ужасную, лѣсамы густимы зарастшую, нарицаемую Бескидь, того ради яко тамо разбойникомь есть мѣсто угодное и бѣдное преходящыхь шествованіе. Обаче что имѣхомь творити не имѣюще иннаго пути, ибо далекимь разстояніемь протяжеся оная гора и немощно было обийти ю. Сего ради, Бога на помощь призвавше, идохомь спѣшно съ вишше помянутимь священникомь, и возшедши на верхъ тоя горы, на немь же Полская убо кончается, Венгерская же начинается граница. Тамо опочивши мало, видѣхомь облаки сице низко ходящіи, яки и главамь нашымь касахуся. Таможде недалече отстоящую выдѣхомь навсѣвысочайшую гору сь многимы снѣгамы, имь же бы и неприлично било быты тогда въ лѣтное время, но понеже высока есть зѣло, того ради всегда на ней хлади обрѣтаються. Повѣствоваху же намь многи, яко тамо снѣзи многолѣтны суть въ вертепахъ кріющіися, снѣгь бо ветхій лежить до новаго, тойжде до втораго и паки третый до иннаго, и тако никогда же до конца исчезнути не могуть. Мы же видѣвшы таковое разнство стихій и Божію сіе смотрѣнію восписавши, пойдохомь оттуду долу обонь поль гори Бескида и снійдохь невредимы на землю Венгерскую. Богу тогда смыривши къ нѣкоему властелину всякое разбойническое зло. Посемь разлучихомься съ онымь священникомь провождающимь нась и путшествовахомь паки самы чрезь мѣста, въ которыхь народь краткое и тѣсное одѣяніе имать, и язикь удивителный, его же мы не могохомь разумѣти отнюдь. Прешедши убо дня того три мылѣ, доспѣхомь къ веси, нарицаемой Грушевь. Тамо едва возмогохомь упроситися на нощеваніе въ домь, понеже ниже они нашего, ниже мы ихъ возмогохомь распознати нарѣчія, точію помаяніемъ рукь. Заутра же воставши и прешедши мылю

едину, прійдохомь до мѣстечка, еже нарицается Гуменное. Тамо замедлѣхомь полтора дня, и оттуду въ суботу по полудны идохомь двѣ мылѣ чрезъ весы Страское и Грушевь, и угощеваша нась въ тыхь страннолюбывіи человѣцы, и нощевахомь въ Грушевѣ. Заутра же въ недѣлю шествующи на путы и удалившися мало отъ сопутниковь своихь ради нужды тѣлесной, соблудихъ отъ пути праваго достизающи ихь, и по невѣжеству разлучихься и пойдохь путемь иннымь и прейдохь самь мылю едину и достигохь до веси, нарицаемой Парховѣяны, и въ ней обнощевахь. Заутра же зѣло рано воставшы шествовахь три мылѣ и прейдохь веси Бачко, Клечановь и Бѣдовцы, и тамо едва случихься сь моимы сопутникамы, и прешедши совокупно двѣ мылѣ, прійдохомь къ граду, вь всей Унгаріи прослутому и знаменитому, который общимь Венгерскимь язикомь именуется Кошицы, Латински же Caszovia или Кашовѣя. Сей градь лѣпотень есть и крѣпокь, крѣпокь того ради, яко зѣло твердую имѣяше стражу: еще бо точію намь къ первимь града вратамь пришедшимь, абіе вопросиша нась стражіе: Кто? Откуду? Зачимь? Мы же небоязненно отвѣщахомь: Путницы есмы отъ Полскихь странь грядущіи къ преславному граду Рыму. Оны же требоваху отъ нась свидѣтелства, си есть патентовь. Мы же аще и дадохомь, обаче еще не попустиша намь внийти, но повелѣша ждати, донелѣже покажеть властелину града и повратится отъ него. И бысть тако. Таже возвратившися и отдавшы коемуждо своя патенты, повелѣша намь ити внутрь. Мы же прешедши стражу первую, выдѣхомь лѣпоту его внѣшную градущи чрезъ мость, на мурованныхь столпахь стоящь, и видящи подь нымь вь глубокомь и шырокомь рвѣ окресть града текущую воду. Таже идохомь чрезъ вторую стражу, вь вратахь каменно-

зданныхъ стоящую. Прешедши же невозбранно, видѣхомъ вторый ровъ широкъ и глубокъ, такожде воду въ себѣ имущій, но огражденъ каменіемъ сюду и сюду. Таже паки прейдохомъ третію стражу, такоже въ вратахъ каменныхъ стоящую, послѣди же и въ третіихъ вратѣхъ четвертую пройдохомъ стражу. Таже внийдохомъ внутрь самаго града уже темному вечеру бывшу, и пріидохомъ къ нѣкоему скуделнику въ домъ, добронравну и страннолюбну человѣку, и въ немъ ночевахомъ и гостихомъ полтора дня просяще милостиня по граду, аще и не безъ срама бысть намъ сіе новое художество. Лѣпота же внутрняя града сего бысть сія: 1. Каменны суть вси домы, едины верху другихъ стоящія, красны, бѣлы, чисты, отъ нихъ же многи суть съ желѣзними кратамы, на окнахъ, нѣціи же и съ желѣзними дверьмы, и отъвнѣ краскамы упещренны. 2. Вода посредѣ града течетъ потокомъ узкимъ каменнозданнымъ, обаче быстримъ, и измиваетъ всякую нечистоту, отъ смрадныхъ и сокровенныхъ мѣстъ исходящую и коегождо дому извергаемую. 3. Кійждо домъ и подворіе иматъ свой кладязь, отъ камены сочиненный, и всякъ отъ своего почерпаетъ изобылно и ни отъ кого же требуетъ воды. 4. Костели и кляшторы тамо аще и немноги, обаче суть изрядны отъвнѣ и отъвнутрь строеніемъ и столпы или звоницы, при коемъждо храмѣ стоящіи, такожде лѣпотны, найпаче же костелъ Фарскій, аки бы у Русовъ нарицаемая первоначалная или соборная церковь красотою своею и иждивеніемъ вся превосходитъ, отъ самаго бо сѣченнаго составленъ каменія зѣло искуснымъ художествомъ, такожде и вежа его или звоница. 5. Улицы чисты ниже мало блата имущіи, каменіемъ бо сутъ помощенны нарочно косо, да въ время дождевно омываются и да истекаетъ отъ ныхъ

вода вь предписанный каменый потокь чрезь градъ текущій. 6. Конець и глава всѣмь красотамь тамо обрѣтается столпь каменный года 1724 новосозданный зѣло искуснымь художествомь и расположеніемь на тры углы, посредѣ града стоящъ, на немь же ангелы на облацѣхь сѣдящіи по краяхь угловь отъ низу даже до верха изображенны. Верху же онаго столпа отъ тогожде каменя Пресвятая Дѣва Богородица хитростнѣ и лѣпотнѣ изьсѣченна, дванадесять златыхь звѣздь окрестъ главы своей имущая, сь смыреннымь и умыленнымь лицемь право на ногахь стоящая. Нижае же ангеловь повѣшенна мѣдяна доска, златый надьпись имущая Латинскіи симы словеси, но мало здѣ сокращенными: Beatissima Virgo Maria, tuo honori hoc nostrum consecramus opus, conserva nos famulos tuos apeste, labe, bello etc. Си есть: Преблаженная Дѣво Маріе, Твоей честы сіе наше освящаемь дѣло, сохраняй нась, рабовь Твоихь, отъ губителства, вреда, браны и прочая и прочая. Нижае же тоя доски на камены отъ единыя столпа страны изрито надьписаніе сіе: Ave Dei Patris Filia: радуйся Бога Отца дщерь; на другой же странѣ сіе: Ave Dei Filii Mater: радуйся Бога Сына Маты; на третой же странѣ сіе: Ave Dei Spiritus Sancti Sponsa: радуйся Бога Духа Святаго невѣсто. Низу же окресть онаго столпа сутъ степени каменнозданны, на ныхь же нѣціи Латинскіи святыи отъ камены такожде изсѣченны стоять. Таже при самой землы окресть основанія сутъ хоры или ганки, имущіи баляси, такожде отъ каменя изсѣченны, на ныхъже сутъ окресть стоящіи лѣхтарнѣ, которіи зажигаются вь первый часъ нощы. Сутъ же тамо избранныи отъ колегіи студенты или ученики сладкогласны, иже утро восходящу слонцу и вь вечерь паки заходящу поють пѣсны красны нарочно сложенны, которіи и азъ слышахъ и

насладихся до зѣла. Оттуду изійдохомь въ среду по полудны инными градскимы враты и видѣхомь стражь твердү, яко же и вь предреченныхъ. И оходящи окресть града на путь нашь, выдѣхомь жестокую казнь злѣ творящымь, си есть рукь, и ногь, и главь человѣческыхь множество по висалницахь и паляхь и на гакахь желѣзнихь висящыхь, ветхыхь же и новыхь, яко едва отъ смрада возмогохомь преминути и отъ ужаса сердечнаго. Разлучися же тамо отъ нась сопутникь нашь попь Стефань, иже съ намы совокупно изыйде отъ Львова, стидяшеся бо съ намы въ дружбѣ быти, понеже мылостины просихомь, и онь убо сь послушникомь своимь инымь путемь отъиде. Азь же сь другомь моимь Іустиномь Леннѣцкимь, иннымь простшымь, яко же нась наставыша искусніи люде, и прешедшы едину мылю, доспѣхомь кь веси, именуемой Ганиска; тамо у началствующаго дадоша намь мылостиню малу, пива же доволно въ сосудь, и нощевахомь у винника его. Заутра же, вь четвертокь, на Вознесеніе Господа нашего Іисуса Христа, быхомь въ костелѣ на службѣ Римской, ибо далече отстояше церковь наша. Послѣди же быхомь у плебана, си есть у Латинскаго мірскаго попа, и принявши отъ него мылостиню малу, идохомь двѣ мылѣ чрезъ Нагидовь, въ которой едини Калвины обытаху, точію первоначалный господинь Латинь зъ Кошицъ доспѣхомь къ веси, нарицаемой Гарадна, яже имѣяше въ себѣ отчасты Калвиновь, отчасты же Папѣстановь. Тамо мы нощевахомь у нѣкоего человѣка блага, Рускую содержащаго вѣру. Но вѣдомо да будеть, яко по всей Венгерской землы аще и различныхь вѣрь обрѣтаются людіе, обаче вси суть страннолюбивы. Оттуда заутра въ пятокь воставшы идохомь двѣ мили долгихь, и приспѣхомь до мѣстечка, именуемаго Сиксовь, въ которомь самыи Калвини жител-

ствують, точію два или три Римскаго исповѣданія. Тамо быхомь въ колегіумь Калвинскомь у директора и пріятъ нась страннолюбно и напои нась доволно виномь. Оттуду идохомь мылю едину до веси, проименованной Арновець, имущой въ себѣ разновѣрныхъ людей. Тамо нощевахомь въ дому нѣкоего Русина добра человѣка. Заутра же въ суботу воставшы идохомь мылю едину кь мѣстечку, именуемому Мышковцы, такожде различнаго исповѣданія христіань въ себѣ содержащему, болшую же частъ Калвинскаго, которіи тамо и коллегіумь училищъ своихь имуть. Тамо испросивши отъ нѣкіихь домовь мылостиню и мало нѣчто отъ пирь своихь снѣвши, идохомь между виноградамы и видѣхомь продающихъ вь оградахь вино; даяху же и намь пити. Тамо мя остави сьпутникь мой Іустинь и самь пойде спѣшно. Азъ же самь оставшися и шествующи погубыхь путъ мой и блудыхь и утрудившися возлегохь при пути, не боящися никогоже: слышахь бо, яко нѣстъ мощно изобрѣсти вь всей земли Венгерской разбойниковь и инныхь злотворниковь. И егда уснухь отъ вина и отъ труда крѣпко, обрѣтеся мимо ходяй золь человѣкь и сня съ главы моей шлемь новый, егоже ношахь, си есть капелюшь, и возложи на мя свой ветхый и раздранный. Азь же неразсужденію моему сіе причеть, яко уснухь самь единь при пути, похваливь же и разсужденіе татія, яко не остави мя отнюдь безъ покрова и ниже мало о семь скорбя, чающи болшую мылостиню получаты въ старомь капелюши. И прешедши оттуду едину мылю, прійдохь ко веси Руской, нарицаемой Герембелъ. Тамо гостыхь вь дворѣ священническомь и пріять быхь честно. По трапезѣ же оттуду идохь двѣ мыли и прійдохь къ веси, нарицаемой Гесть, Калвинскихъ въ себѣ людей содержащей. Тамо нощевахь въ дому единаго калвина, страннолюбива. Заутра же вь недѣлю

идохъ мылю, блудихъ же иную паки мылю, таже прійдохъ къ веси, именуемой Тардъ, въ ней же людіе Папѣжскую содержать вѣру; точію тамо два или три Русины обитають языкомь и исповѣданіемь вѣры. Тамо азъ препочихъ въ нѣкоего Русина убога человѣка, обаче добронравна и страннолюбива, и ядохъ у него обѣдь. Послѣди же мало замедлѣвши идохъ мылю долгу и прійдохъ къ граду знаменитому, именуемому Этра. Тамо такожде, яко же и въ Кошицахъ, не попустиша намь внійти въ градь, донелѣже не донесоша и не показаша стражіе нашыхь патентовь началнику града (вси бо тамо четиры сныйдохомься вкупѣ: Богу сице содѣйствовавшу), обаче аще и свидѣтелство о нась чтоша, но не попустиша намь вныйти вь градь, вечерь бо бысть, но повелѣша ждаты до утра. Мы же кійждо особно идохомь на предьградіе къ домамь и нощевахомь тамо, идѣже кто у кого моглъ упроситися. Заутра же возсіявшу слонцу невозбранно вныйдохомь въ градь и раздѣлихся отъ сопутниковь своихь, гнѣваяся за то, яко мя оставиша прежде, и пребыхь чрезъ понедѣлокъ вь нѣкоего человѣка православна, Арацкую вѣру держащаго. Суть бо тамо Араци сице именующіися, может быти по бесѣдѣ ихь Грецы, ибо Греческаго суть исповѣданія, и церковь свою имуть особну, въ которую чуждостраннымь входити не попущають, ибо и стражныкь всегда при дверехь стоить, и иже хотяща мя, зѣло и многажди покушающася внійты, всячески возбраняше. Сему азъ удивыхся доволно, яко сицеву имуть тверду вѣру, яко не токмо Папѣжскимь людемь, но и Грекомь и Русомь, отъ незнаемыхь странь пришедшимь, запрещають входа. Сей градь каменною обведень есть стѣною и внутрь лѣпотень есть, но не якоже Кошицы, и мало имать домовь каменныхь, но вси древяны. Тамо обрѣтаются и столпи Турецкіи

зѣло тонко мурованы, на которыхъ оны гласиша на свое мерзское правило, егда обладаша градомъ сымъ. Сутъ тамо и школы Латинскіи, точію по Реторику, и епископъ папи Римскаго престолъ свой имать. Къ нему же мы ходихомъ и просихомъ отъ него патента, онъ же не точію не отрече, но и повелѣ написати воскорѣ. И тако спутшественныки мои, не извѣстивши мнѣ, взяша патенты самы и отъидоша въ понедѣлокъ. Азъ же, егда увѣдавъ о семъ, воскорбѣхъ мало и помянухъ словеса сія отъ Псалмопѣвца: „Друзи мои и искренныи мои прямо мнѣ сташа и блыжныи мои отъдалече мене сташа". Идохъ же въ второкъ по полудни къ писару катедралному и взяхъ отъ него патентъ за денгы, ибо не хотяше никому же дати кромѣ денегъ. Сего ради единъ отъ насъ и безъ патента Эгрицкаго отъиде. Таже Бога призвавши на помощь, да сохранитъ мя отъ всякаго зла, идохъ спѣшно три мыли до веси, нарицаемой Домословъ, и тамо нощевахъ въ дому нѣкоего человѣка страннолюбыва. Заутра же въ среду рано воставшы отъ сна, еще предъ восхожденіемъ слонца, хотѣхъ бо спѣшно шествовати и достигнуты сопутниковъ своихъ. И прешедши мылю едину велику, пріидохъ до мѣстечка именуемаго Денгешъ. Сіе мѣсто было бы изрядно, аще бы было огражденно; имать бо и училища Латинская даже до Ретореки. Тамо азъ отъ началнѣйшыхъ домовъ испросивши мылостиню идохъ оттуду. Прешедши же отъ мѣста яко поприще едино, абіе возшумѣ отъ небеси дождь великъ, азъ же сокрыхся въ млынъ, недалече при пути стоящій, и уснухъ отъ труда мало; воспрянувши же отъ сна и выдѣвъ, яко дождевное не престаетъ ліяніе, сидѣхъ тамо пишущи мое путшествіе даже до вечера. Въ нощи же мало что отъ толцанія обращающихся колесъ, аще же въ нощи и малъ дождь бысть, обаче мня-

мнѣ быты силенъ и шуменъ, ибо и громы слыша- въ сонномъ мечтаніи; сіе же мню яко бысть отъ млиннаго. Рано же въ четвертокъ оттуду идохъ ли къ веси, нирицаемой Гатвань. Тамо препочихъ ъ плебана и хлѣбъ ядохъ, таже отъ иныхъ домовъ и сивши малу милостиню, паки шествовахъ двѣ мылѣ іѣхъ къ веси, именуемой Осовть, въ которой от- людіе сутъ, иже Лютерскую содержать вѣру, нѣ- цин Папѣжскую, азъ же нощевахъ у лютра странно-. пятокъ воставшы, идохъ зѣло долгу милю жду горамы и холмамы, красну траву и дубраву на имущимы, прійдохъ же къ веси, зовомой Геде- ловъ, Калвиновъ въ себѣ содержащей. Тамо, немощи ради своей, купивши полкварти вина, испихъ и еще оттуду идохъ милю едину, такожде горамы и дубравамы краснимы, къ веси, проименованной Керепешъ. Тамо быхъ въ плебана и взяхъ отъ него милостиню зѣло малу. Таже шествовахъ двѣ мыли велики и прійдохъ до слав- наго града, именуемаго Будимъ, сидящаго надъ великою рѣкою Дунаемъ, возмущенную и бѣловатую имущымъ воду. Мѣсто оно раздѣленно есть на двѣ части: единъ градъ старый, каменіемъ крѣпко и високо огражденный, на единой странѣ рѣки, именуемый Пештъ; другій каштелъ или замокъ новый на горѣ, такожде или крѣпчае ка- менною огражденъ стѣною, на другой странѣ рѣки, иже именуется Латински и Нѣмецки Буда, Славенски же Бу- димъ; нижае же сего на равнинѣ есть торжище или базаръ, съ коморамы и православная Сербская церковь и Сербовъ много живущихъ. Ни единаго же града внутр- нея лѣпоты описаты не могу, понеже не попустиша мнѣ внийти въ ня. Еще бо точію къ первому старому граду прійдохъ и покусихся ити въ врата, абіе стражъ вратный изгна мя, глаголя: яко чуждымъ и страннымъ входити

возбраненно есть, азъ же идохъ къ вторымъ вратамъ, на другой странѣ стоящимъ, стражіе же въ ныхъ стоящіи рекоша мнѣ, да иду на мостъ при брезѣ рѣчномъ стоящъ, отъ него же сходятъ весъ народъ на превозъ. Превозъ же тамо аки кораблъ устроенный хитроснымъ и искуснымъ художествомъ тако: яко аще и не иматъ паросовъ, обаче самъ препливаетъ, никому же гребущу или инно что дѣлающу въ немъ. Тамо жителіе непрестанно превозятся оттуду и отсюду, потребы ради своей. Идохъ убо и азъ на побрежный мостъ и взыйдохъ на кораблъ. Взя же отъ мене стражникъ корабля патентъ и превезши мя, кромѣ мзди, иде съ мною къ крѣпости, си есть къ граду Будиму, и повелѣша мнѣ тамо стражіе ожидаты внѣ вратъ, донелѣже началствующій ихъ прочтетъ патентъ мой, егда же прочте и отсла вьспятъ, дадоша отвѣтъ, яко нѣстъ повелѣнія входити страннымъ, кромѣ точію своихъ. Возвратившися убо азъ оттуду идохъ на нижное предъградіе Сербское, си есть на предъреченное торжище, и тамо паки обрѣтши сопутника своего Іустина, не хотѣхъ сочетатися съ нымъ, понеже гнѣвахься на него, яко уже дважди мя оставы на пути и инныхъ многихъ ради вынъ, ихъ же не хощу здѣ воспоминати, да не впаду въ грѣхъ осужденія. Ходихъ же яко до пятнадесяти дворовъ молящи да пріймутъ мя на нощъ, но никто же пріятъ, тамо бо обитаютъ все Сербы православніи и отъ одежди пелгримской мняху мя быти папѣстака, имъ же сущи противны, не хотѣша мя угостити. Хотѣхъ же нощевати на стогнѣ, но понеже жажденъ быхъ, вопросихъ гдѣ продаютъ пиво и показаша мнѣ, идохъ убо и повелѣхъ принести пива и сѣдши тамо пихъ, человѣкъ же онъ, иже продаваше пиво, быстъ сербинъ православный, азъ же не вѣдя о семъ бесѣдовахъ съ нимъ многая, таже послѣди

яко многыхъ молыхъ да воспріймуть мя на нощь
ь, но нигдѣ же получихъ; онъ же познавъ мя отъ
яко православный есмь, пріять мя благодар-
ь. Прійде же тамо и сопутникъ мой Іустинъ Про-
ь Божіимъ, да соединимься паки въ союзъ любвы,
радь бысть обѣма за православіе наше и повелѣ дати
ы и постелю къ препочиванію, ядохомь изобылно и
комься и спахомь сладко, утруждени сущи отъ
и. же въ о чрезъ суботу и недѣлю
е п ь учрежденіемь. Сей чело-
ъ і я оль Велковичь, иже стран-
но ь и смирен су і Христову послѣдуя образу,
не то угощеніе намъ дов ное сотвори, но и грѣш-
ныи нашы утружденны нозѣ умыти повелѣ, отъ Его са-
маго десницы мзду воспріяти надѣяся. Еще же возвѣсти
о нась всѣмъ правовѣрнымъ ербамь, яко православныи
есмы; таже показа намь, и е архимандрить обитаеть
и повелѣ намъ да идева къ нему и возвѣстивася. При-
шедшымь же егда убо прійдохомь кь нему привѣтствова
нась любезнѣ и вопроси нась, аще есмы истинны Руси,
смущашеся бо о одеждѣ нашей пелгримской, мы отвѣ-
щахомь, тако есть воистинну. Мы же видящи усум-
нѣвающагося его о нась, показахомь патента отъ мона-
стирей Рускихъ; видѣвъ же и прочеть, увѣрися и бла-
говоли о насъ зѣло и повелѣ намь быти вь церквѣ
своей на правилѣ, бѣ бо тогда праздникь великь Со-
шествія Святаго Духа, и быхомь вь церквѣ Сербской
на всенощномь бдѣніи и на литургіи, юже служаше
тогда архимандрить, иже повелѣ вь церквѣ собравше-
муся народу сложити намь мылостину, и даде кійждо
по силѣ своей и собрася намь мылостина не мала. За-
утра же въ понеделокь, си есть на Троицу, такожде бы-
хомь въ церквѣ. Послѣди же сь процессіею ходихомь

по стогнахъ между домамы и благодарихомъ Бога, яко въ толъ великій праздникъ Господскій сподоби нась сь православнымы торжествоваты. По совершеніи же церковнаго пѣнія, званы быхомъ отъ архимандрита на трапезу и учредихомься различнимы пищамы до изобилія. Возвратившися же оттуду паки кь первому страннолюбцу и тамо мало препочивши и воздавши ему должное благодареніе за любовь и благодѣяніе, отъидохомь отъ Будима града того же дня пополудни, завратившися на путъ, ведущій кь Вѣеннѣ. Первіе бо намѣреніе имѣхомь просто шествоваты чрезь Сербію и Далмацію по суху, таже моремъ до Венеціи, но благоразсудніи намь совѣтоваша людіе лучше ити на Вѣденъ, да и столицу цесарскую узримъ и крѣпкимы себѣ вьоружимь патентамы, еже и бысть. Прешедши убо отъ Будима между горамы двѣ мыли, доспѣхомь кь веси, нарицаемой Сантовь, тамо нощевахомь. Заутра же вь второкь идохомь двѣ мыли до веси, именуемой Костовь, таже оттуду едину милю до мѣстечка Острогона и тамо мало препочихомь. Оттуду же прешедши двѣ мыли къ веси, нарицаемой Уйфаловь, нощевахомь въ нѣкоего человѣка блага. Тамо обрѣтается изрядный новосозданный костель и вежа или звонница. Утро же вь среду, прежде восхожденія солнца, идохомь три мыли по-надъ рѣкою Дунаемь, чрезъ весы Олшамовь и Шунъ, и прійдохомь подь градь Комарно, по другой странѣ Дуная отъ нась стоящь. Мы же вьнутрь его не быхомь, ибо аще и недалече отъ пути нашего отстояше, точію обонь поль рѣки обаче превозитися не хотѣхомь. Точію сидящи на брезѣ и омывающи нозѣ нашы, яко лѣпа тамо и красна есть крѣпостъ, тамо особно стоящая воскрай брега рѣчнаго и твердо каменною огражденна стѣною и пушкамы вооруженна. Изшедши же отъ Будима, не видѣхомь уже болѣе ни-

каковаго страннолюбія, ни мылости отъ Нѣмецкаго народа, естественно сущаго немилосерднаго, сего ради и нощію начахомь шествоваты, понеже та земля мырна есть отъ разбійниковь. Отъ Комарна убо града двигнувшися чрезъ всю нощь шествовахомь три мыли зѣло велики, таже мало препочихомь такожде при брезѣ Дуная. Послѣди же уже кончащейся нощи прійдохомь къ нѣкоей веси и пришедши отай на гумнѣ спахомь даже до возсіянія солнечнаго. Оттуду воставши вь четвертокь идохомь двѣ мили протяженныхъ до града, именуемаго Юръ. Тамо егда прійдохомь кь вратамь градскимь, абіе стражницы вратныи взяша отъ нась патенты и отнесоша кь старѣйшинамь вь градь, ради сопзволенія входа. Они же отславши воспятъ, возбраниша. Тако бо тамо опасно блюдошася вь всѣхь знаменитыхь градѣхь, яко никому же отъ чуждостранныхь входиты въ ня попущаху, найпаче же отъ страпь Лешескихъ, сицевой ради вины: яко вышше помяненный градь Буду, року 1723, нѣкій путникь отъ Полскихъ странь пришедши сожже огнемь. Оттуду мало препочивши, идохомь едину мылю долгу и доспѣхомь къ нѣкоей веси и тамо у плебана Латинскаго нощевахомь. Заутра же вь пятокь рано шествовахомь двѣ мыли и прійдохомь кь граду, иже обще нарицается Старій Градь, и тамо приближившимься намь кь вратамь тожде сотвориша, еже и вь предписанныхь градѣхь, и пренощевахомь на предъградіи. Оттуду воставши идохомь спѣшно милъ пятъ, мало гдѣ препочивающи и ничесо же отъ кого просящи, понеже тамо повсюду (яко же слышахомь) повелѣніемь кесаря заповѣданно бысть и просити и даяты мылостиню подь казнію сицевою: просящаго взяти вь узы и работу ему наложити, мылующему же поплацати пятъ левовь въ казну государскую. Се же бысть того ради.

понеже многи отъ Нѣмцовь сь женамы и дѣтищы, подь извѣтомь шествованія до Рыма, преходящи отъ града вь градь и отъ веси кь веси и просящи мылостины и служающи людемь, многи собираху денги, сребролюбствоваху и безчинствоваху. Мы же слышавши сія, къ тому ни отъ кого же ничесо требующи, идохомь спѣшно, имѣхомь бо доволно вь пирѣ хлѣба и сира и тымь доволствовахомься. Прійдохомь же до мѣста или града, иже нарицается Прукь, отъ него же уже начинаеться земля Нѣмеческая, Венгерская же окончевается. Тамо не точію возбраниша входити вь градь, но и на предградіи никто же на нощъ пріятъ насъ вь домь свой. Тамо нощевахомь на улицы сь купцами, тогда тамо пришедшимы сь оливою. Оттуду заутра въ недѣлю, по вислуханю службы Божой, обрѣтши и священника, сь нами вькупѣ градущаго, идохомь двѣ милы малихь и прійдохомъ кь нѣкоей веси прекрасной, зѣло бо подобится предреченному граду Кошицамь, точію неограждена есть. Тамо быхомь у рихтора, си естъ у судіи, иже видѣвши наши патента, повелѣ дати намь шпиталь, си естъ гостинницу, идѣже ми пришедше купихомь себѣ ястія и питія (понеже тогда запустъ бистъ предъ Петровимь постомь) и учреждахомся сь веселіемь, просяще Господа, да сохранитъ насъ отъ оскверненія мясь, масла, сира и прочіихь чрезъ все постное время, понеже уже оттуду весъ путъ нашъ чрезъ Нѣмецкую страну имѣяше бити, и удоволившеся спахомь доволно на сламѣ. Заутра же вь понеделокь яко близъ полудны идохомь оттуду двѣ мили зѣло малие, яко полмили доброй, кь славному граду, нарицаемому Вѣденъ, идѣже цесарская столица естъ. Тамо аще и мнози идущихь нась устрашаху симь: яко не точію непущенны будете вь градь, но и вь темницу всажденни будете, ибо не точію мірскихь, но и духов-

нихъ жестоко истязаютъ и воистинну всуе будетъ трудъ вашь, его же подясте, ибо и глаголати ничтоже предъ ними возможно. Ми же ничто же сумнящеся о семь, идохомь дерзновенно, призвавше Бога на помощъ и великаго угодника Его Святителя Николая, кь нему же наше бистъ и шествованіе. Помянухомь бо (аще грѣшни есми) оніе словеса: „Егда будете веденны предъ цари и владыкы, не прежде поучайте, что имате отвѣщевате, дасться бо вамь въ той часъ, что возглаголете", и прочая. Недалече же кь граду приходяще, видѣхомь садъ цесарскій, аки нѣкій замокь прекрасный, твердо и лѣпо каменіемь огражденный, ему же почудившеся доволно идохомь кь ВѢдню. Егда же прійдохомь кь вратомь первимь, еще не кь граду, но кь преградію належащимь, тамо отнюдь бы насъ не пустиша, ибо никого же повелѣнно пустити, найпаче же отъ странь Полскихь, понеже нѣкій путникь отъ Полщи, недавно предъ нами пришедый, многа зла сотворый, того ради злый добрымь пакость содѣла; но Богу насъ снабдѣвающу, молытвами угодника Его Святителя Николая, како намь добрѣ устроися. Егда бо стражіе начаша возбраняты намъ входити вь градъ и претити всячески, ми уже намѣреніе имѣхомъ воспятъ возвратитися, не умѣхомь бо имь ничтоже глаголати, ниже оправдитися, ибо ни ми оних, ни они нашего разумѣхомь язика. Но се по случаю Божію идоша вь градь отъ реграціи студенти ВѢденскіе, иже искусно Латинскимъ и Нѣмеческимь діалектомь глаголати разумѣша, молихомь же онихъ, да наша Латинскіе отвѣти Нѣмечески истолкують; иже егда сотвориша, абіе повелѣша намь показати патента началнику во вратехь, иже егда прочте и видѣвь я новіе и достовѣрніе, еще же къ тому и недавно число вь нихъ написанное, ятъ намь вѣру и подписа руку

свою, да пропустятъ насъ чрезъ предъградіе. Идохомь же смѣло, никомуже нась вопрошающу или воспящающу чрезь предградіе долгое и шерокое окресть града обстоящое. Тамо видѣхомь доми, всѣ отъ перваго даже до послѣднего лѣпотнимь и искуснимь составленни иждивеніемь, найпаче же домь зѣло красень и великь, имущъ позлащеннія верхи: сія бяху внѣшніи полати цесарскіи. Егда узрѣхомь почудихомся не мало и уже разумѣхомь самій то быти градъ, но соблудихомь вь мнѣніи. Егда бо прейдохомь предъградіе, узрѣхомь градь, яко два поприща отъ предградія отстоящъ. Его же внѣшная точію красота услади наша зѣници и сердца. Видѣхомъ бо прекрасніе костели, вежи, доми, и много поверху злата блещащагося. Видѣхомь же и стражници около врать градскихь на валахь стоящія и позлащеннія по мѣди верхи имущіе. Прейдохомь же мостъ каменный великь, подъ него же течетъ вода, таже прійдохомь кь единимь вратомь градскимь. Тамо аще и видѣша и чтоша наши патента, обаче входа жестоко возбраняху, заповѣдъ бо велику имѣяху, да никого же пустять, повелѣша убо намь, да идемь на другую страну кь вторимъ града вратомь. Ми же идохомь сьболѣзнующе суетному труду нашему и просяще Господа о помощъ и Святытеля Христова Николая, невозможно бо отнюдь бы било прейти кь Риму или кь Бару, ибо отъ многихь слишахомь, яко неимущихь Вѣденскаго патента берутъ на галелы, си есть на вѣчную вь узахь работу, идѣже отъ тяжестнаго труда и повседневной работи безвремени жизнъ свою скончевають. Егда же прійдохомь кь инимь вратомь, и тамо подобнѣ намь отрекоша и повелѣша намъ ити кь инимь вратомь. Ми же идохомь возвергше на Господа печалъ нашу, но и тамо отвѣть таковій же воспріяхомь. Хотѣша бо еще насъ отслаты кь иннимъ вратомь, обаче

милосердный Богъ промишляяй о насъ, да не вьсуе трудь нашъ будетъ, милостивь бо естъ и истиненъ всѣмь призивающимь имя Его. И се нѣкій человѣкь знаменитъ идетъ отъ града, иже зная добрѣ нужду путническую и видя насъ не могущихь доступити кь граду, совѣтова стражникомь ласкателнѣ, да единь отъ нась сь стражею взявши патента идетъ кь нунціушу, си естъ архіепископу, отъ самаго Папи тамо поставленному. И бистъ тако, идеже и совратися воскорѣ и пріятъ отвѣтъ, да утро приходитъ о десятой годинѣ. Идохомь же на предградіе и купихомь хлѣба и снѣдохомь по укруху, таже идохомъ, идѣже продаютъ вино, и купи намь Іустинъ Леннѣцкій, бистъ тогда денъ патрона его, и привѣтствовахомь его, таже молыхомь, да пуститъ кто насъ на нощъ, но ни отъ кого же получихомъ милости. Идохомъ же на брегь рѣки Дуная, тамо бо помежду доми течаше, и хотѣхомь нощевати вь чолнѣ праздномь, но и оттуду хотѣша изгнати насъ, ми же патента дадохомь вь свѣдителство, яко ни въ чемъ жадного не имѣемь подзору, они же едва сьизволиша, и то вопрошаху насъ, не имали сь собою нѣкоя жены блудници или огня, и не куримъ лы люлкы и прочая. Аще бо и не могохомь разглаголствовати Нѣмеческимь языкомь, обаче единъ отъ нихь умѣяше по Молдованску, си естъ по Волоску, азъ же разумѣхь вся, что глаголаше, и тако едва сь нуждею пренощевахомь тамо. Заутра же вь вьторокь отобравши патента идохомъ кь тѣмжде вратомь града. Отъиде паки отъ нась священникь сь нѣкіимь стражникомъ вь градь кь нунціушу, ми же ожидахомь при вратехь сѣдяще. Таже сьвратися яко вь полуденное время и принесе патента отъ нунціуша и отъ бискупа Италѣанского и абіе вси невозбранно пойдохомь вь градь. Прешедше же первую и вторую каменую башню, идо-

хомь чрезъ мостъ широкь и глубокь, каменіемь сюду и сюду ограждень, и прійдохомь ко вратомъ, отъ камене лѣпо и крѣпко составленнимь, имущимъ на себѣ написаніе златое. Таже вьнійдохомь и вь самый градь, аки вь прекрасный рай. Тамо бо каменицы чинно стоятъ зѣло изрядны и лѣпотны, подъ коеюждо лѣхтарня висить на желѣзѣ повѣшенна. Тамо бихомъ въ костелѣ цесарскомь Святаго Стефана и видѣхомъ чудотворную икону Пресвятыя Владичицы нашей Богородицы, стоящую на великомь олтарѣ вь златокованнимь кіотѣ, такожде и столпи на олтарехь началнѣйшихъ марморовые зѣло великіе, такожде и органъ изряденъ, и нѣстъ, иже бы не было чудесно. Оттуду изшедше ходихомь по граду сь нѣкіимь тамошнимь жителемь и видѣхомь удивителнѣ многа устрояющаяся. Видѣхомь при томьжде костелѣ изрядну превисоку вежу, отъ самаго камени составленну, ниже мало на себѣ имущую древа, обаче тако хѣтростно и лѣпотно сѣченно, яко и отъ древа тако не можетъ биты; въ висоту же иматъ яко пятдесять саженъ, въ широту же шестъ или седмъ. Таже видѣхомь столпь каменный, еще болшій и краснѣйшій, нежели вь Кошицахь, посредѣ града стоящъ. Такожде видѣхомъ источники или фонтаны, отъ камене лѣпо составленны, отъ нихъ же на многи части истекаетъ вода. Такожде видѣхомь комори, чинно стоящіе, и что въ которой продается виситъ надь коеюждо коморою абрись тоя вещи изображенный. Тамо всякь домь кладязъ особный имѣетъ, въ коемъждо же кладязѣ смокь, имъ же воду тягнуть; сутъ же иніе явны, инніи же потаемны и за стѣною стоящіи, точію чрезъ стѣну егда кто восхощетъ тягнетъ воду. Сія ми видѣвше, чудихомся много. Таже идохомь на нощъ кь гостиныцѣ, идѣже пелгримамь всегда на тры дны сь ястіемь и питіемь мѣсто дается. Тамо имѣхомь

чрезъ три дни кійждо отъ нась свой одрь сь возглавіемь долгимь, сламою напханнимь, идѣже есть таковь обичай: вь полудни дають потраву едину, обаче доволно, но никогдаже постную, вь вечерь же дають по укруху хлѣба и по мѣрной чаши вина; аще убо и ядоша инніе тогда сошедшеся путницы представляемое, но мы никакоже, точію хлѣбь и вино въ вечерь взимахомь (бысть бо святый вь нась тогда Петровь пость), и тимь, еже Богь даяше, доволни быхомь. Заутра же, вь среду, сѣдѣхомь въ дому и писахомь путники. Въ четвертокь же, понеже праздникь бяше великь у Нѣмцовь, прибисть же на тоть чась и самь Цесарь въ градъ, и бисть процесія великая зѣло, въ ней же идоша цеховь 48, кійждо въ разномь одѣяніи и кійждо сь своею хоругвою; послѣди же идоша закони, ихъ же числомь бѣ единадесять, сь свѣщами, и образи и всякими различними утварми, и обхождаху всѣ стогны града; послѣди же возвратишася вь соборную церковъ Святаго Стефана, отъ нея же изійдоша (си есть вь началній костелъ). И видѣхомь, егда вхождаше и исхождаше Цесарь многими ему предидущими первѣе воини сь остримь оружіемь, таже предходящими и сьпослѣдствующими ему сенаторами. Бисть же сенаторовь числомь 80, всѣ же избранніи яко единъ и невозможно бистъ отнюдъ между ими самаго Цесара познати, ибо и онь въ такомъжде одѣяніи бистъ, точію оттуду познатися можетъ, яко бистровидень и метокь, возраста же малаго. Оттуду въ пятокь предь полуднемь изійдохомь и прешедше яко полмилѣ сѣдѣхомь полгодины подъ покровомь, идѣже дѣлають плинѳы. Бисть бо тогда дождевное ліяніе и не могохомь гдѣ индѣ сокритися, понеже далече отстояше весъ, и ожидахомъ донелѣже престанетъ. Егда же преста, идохомь равнимь полемь

по подъ горамы чрезь лѣпотніе веси, доми ово отъ каменей, ово же отъ плинеъ зданніе. Нощи же надьходящей приспѣхомь кь нѣкоей веси, ей же имени не вѣмы, невозможно бо бѣ ни о чесомь кого вопросити, понеже вь нарѣчіи отнюдь согласитися не могохомь. Тамо вь многихь просящихься насъ на нощь никакоже получихомъ милосты, но идохомь внѣ веси и обрѣтохомь винограды, каменіемь огражденны, и тамо возлегохомь подь муромь, не вси же спахомъ, но бодрствовахомъ по чину и часахь. Утру же бывшу, вь четвертокь, начахомь ити помежду гори великіе зѣло и удивителніе, иніе единимъ каменемъ стоящіе, иніе же малое, иніе средне каменіе родящіи. Тамо идохомь все по-надъ бистрими потоками, по каменю текущими, чрезъ красніе веси, аще и маліе. Тамо бо мало гдѣ обрѣтахуся древяніи доми, но повсюду каменніе, еще же и не простѣ созиданніе, нѣстъ бо тамо художника проста ни вь чесомь, но егда что созиждетъ, удивлятися требѣ, найпаче чуждостранному. Идохомъ же помежду тими горами даже до вовторка си есть дній четиры, даже до мѣста свята, именуемаго Латински Маріяцелъ, Славенски же домь Богородиченъ. Тамо многая похвали, многая же удивленію достойная видѣхомь. Видѣхомь первѣе клашторъ изрядень и бихомь въ немъ, но не возмогохомь извѣститися, како именуются законники, никтоже бо можаше сь нами разглаголствовати. Тамо бихомь въ костелѣ, иже и отъвнѣ и отъвнутрь красень зѣло, внутрь красится, яко многое отъ мрамора имѣеть составленна, и окна зѣло лѣпіе отъвнѣ, понеже двѣ вежи красніе при себѣ имѣетъ. Тамо два зегари, единь вь костелѣ, а другій на вежѣ, и вькупѣ гласятъ часи; тамо чинно и изрядно устроеніе целіи. Тамо посредѣ кляштора зѣло лѣпая фонтана, си есть источникь, отъ камене составленный, отъ него же на

версѣ столпа вода аки стрѣла простѣ течетъ вь висоту, яко на четири лакти, и возвращается низу. Сіе ми узрѣвше, почудихомся доволно. Тамо ничтоже ни ко ястію, ни ко питію испросихомь, но точію единь отъ стражей вратнихь, и той, чая царствія Божія, даде намь гнилаго хлѣба, его же ми сь благодареніемъ принявше, идохомъ вь домь, идѣже пиво и вино кляшторное продается, и купивше пива, частъ снѣдохомь онаго вишереченнаго хлѣба, частъ же гнилую псу повергохомь. Оттуду изшедше видѣхомь многа чудесная, идохомь бо все по-надъ потоками долиною, гори же бяху сюду и сюду зѣло превисокіе и прекрасніе, красную бо траву и древеса лѣпотніе на себѣ имѣяху. Много же видѣхомь горь самихь каменнихь, на нихь же отнюдь невозможно би (яко мнится человѣческимь умомъ) не точію древесемь, но и травному билію; но силою Божіею и судбами Его, превисокіе древа растущіе, и вь камени, акибы преестественнѣ, коренія своя разширающіе. Тамо видѣхомь гори каменіе, висящіе, иже всячески мнятся падати и опровергтися, но силою Божіею тако силнѣ держатся, яко никаковимъ образомь и отторгнути невозможно. Тамо видѣхомь толъ гори превисокіе, яко егда кто восхоще на верхь оних смотрѣти, едва покровь главній не спадаетъ. И воистинну уподобиль бихь оніе равенствомь древной оной вежѣ Вавилонской, иже по потопѣ созидашеся, но и не бѣхь тамо и не видѣхь, се же, еже видѣхъ пишу. Еще видѣхомь горы височайшіи, аще не вькупѣ, но за колико милъ стоящихь, на нихь же ни древесь, ни трави нѣстъ, точію снѣзи великіе. Сему ми, аще и мнози намь людіе о томь потверждаху, не вѣровахомь, издалече бо видѣхомь. Послѣди же случися близь воскрай гори таковой ити и тамо добрѣ разсмотрѣвше, разсудихомь вѣроятію достойная. Много же почудихомся, како

дотолѣ (си есть до Петрова поста) снабдѣвается, ми бо не могохомъ стерпѣти вара солнечнаго. Повѣтствуютъ же нѣціи отъ тамо живущихъ, яко и до зими не съгибаетъ. Тамо непрестанно вода чиста широкимъ и бистримъ потокомъ по каменю течетъ, не отъ нѣкія бо рѣки взятая, но отъ самихъ пречистихъ жроделъ отъ горъ текущихъ собранна, безъ числа бо тамо жродель отъ боковъ истѣкающихъ видѣхомъ. На той водѣ красны художники дивная содѣваютъ, мало что дѣлающе руками, точію водою: рудники желѣзо дѣлаютъ, ковачи куютъ, древодѣлы тертици рѣжутъ и прочая. Тамо при пути много видѣхомъ разнихъ фѣгуръ, образовъ и каплицъ изряднихъ. Видѣхомъ же два кляшторы лѣпотнихъ, а третый вишшереченный. Видѣхомъ же, недалече до Маріяцелъ шествующи, каплицу зѣло лѣпотнѣ устренную, при ней же вода пятьма трубами исходитъ, напоенія ради жаждних. Послѣди же въ второй каплици видѣхомъ Пресвятую Дѣву Богородицу, держащую на обятіяхъ своихъ, или на рукахъ, мертваго Господа нашего Іисуса Христа, отъ каменя изображеннаго, отъ Его же язви ребрной течетъ непрестанно вода и напаяетъ изобилно шествующихъ. Сіе мнѣ зѣло возлюбися и пихъ азъ отъ тогожде источника съ піющими тамо путшественники. Тамо видѣхомъ многое множество обоего полу народа, до Маріацелю поклоненія ради грядущаго, иних же возвращающихся. Нѣци же идутъ процессіею съ хоругвами и образи, поюще пѣсни красно, точію Нѣмецкимъ нарѣчіемъ, не умѣютъ бо инако тамо и не могутъ. Идохомъ же не точію помежду горы, но и чрезъ високіе зѣло восходяще и нисходяще по нихъ бистъ же намъ съ трудомъ великимъ, но Господа ради ни во что же вмѣняхомъ. Вся тамо видѣхомъ благопріятна, точію людіе неблагопріятны, аще и побожни суть, не токмо бо ясти

или пити, но ниже пренощевати соизволяють. Многажди же нощевахомь сь звѣрми на поли и вь дубравехь, и зной претерпѣвахомь, отъ роси и отъ прохлажденнаго поту, найпаче же вь долинахъ. И тако ми, вся себѣ кь ястію и питію купующе, идохомь, ни отъ кого ничтоже просяще, бояхомьбося да не кто видя, насъ оклевещеть и сотворить препятіе и смущеніе. Случися же намь тамо на пути пити пиво и не хотяше отъ нась брати Венгерских грошей корчемникь, си есть чеховь, ми же найпаче сію монету имѣхомь и чрезь Венгерскую странну идохомь и тамо отъ милостиваго люда собрахомъ; еще не точію сихь, но и Полскихь, ни талярей битихь не берутъ, точію червоній златій. Ми же сія слишавше, поскорбѣхомь много, кающе, яко прежде не премѣнихомъ пѣнязей, еще вь Вѣдню сущи. Таже своему неразсужденію вину наложивше и на Господа уповающе, никтоже бо не бѣ отъ насъ тако нищъ и убогь, якоже азъ, но ни мало же о семь скорбѣхь, помишляя вь себѣ, яко Богь, изшедшу ми зъ Львова и отнюдь ничесо имущу, даде ми на пути вся требуемая, тойжде и паки дастъ недостойному рабу своему; и паки: „Не печися утрешнимь, утрешное вама печется“. И тако вси возвергше на Господа печалъ свою и обѣщающеся единь другому вь нуждѣ помагати, ничто ни отъ кого просяще, но вся купующе. Прешедше же осмьнадесятъ милъ Нѣмецкихь отъ Вѣдня, доспѣхомь до мѣста пресловутого Маріяцелъ, си естъ домь Маріинь. Се же того ради тако именуется, яко тамо вь костелѣ кляшторномь, въ немь же Бенедиктаны обытають, естъ домь Богородиченъ оній, вь немъ же Архангель Гавріиль благовѣствова зачатіе Сына Божія. Тамо стоить образь П. Богородица, иже аще и не маліовань, но отъ камене ли, или отъ древа составлень, не вѣмь (не

могохъ бо познати, аще и видѣхъ, лѣпотнаго ради устроенія), обаче безчисленная творитъ чудеса: хромія исправляетъ, прокаженія очищаетъ, слѣпимъ даетъ прозрѣніе, глухимъ слышаніе, нѣмимъ глаголъ, и инна многая, числа неимущая исцѣляетъ недуги и изявляетъ чудотворенія. Прійдохомъ же тамо въ второкъ и бихомъ въ костелѣ и слухахомъ службы Божой, чрезъ нашего священника отправованной, и видѣхомъ лѣпоту костела устроенну зѣло лѣпо, такожде и органъ, и видѣхомъ каплицу оную посредѣ церкве стоящую, си есть, якоже глаголютъ, домъ, отъ Назарета принесенный, въ немъ чудотворная икона стояше Пресвятыя Владичицы нашей Богородицы; тамо стѣни образи злато и сребророкованными тако покрити, яко ни мѣсто праздно обрѣстися можетъ, заграда же дома онаго и врата отъ входа отъ чистаго лѣпотнѣ искованна сребра, предъ врати же ограда каменная мраморними баляси хитростнѣ изсѣченна. Тамо всякъ видяй почудится лѣпотѣ оной. Видѣхомъ же множество народа обоего полу людій, иныхъ приходящихъ, иныхъ же отходящихъ. Поютъ же въ костелѣ неисходно. Тогда изшедше изъ костела, идохомъ къ трапезнимъ вратамъ и просихомъ, да дадутъ что ясти или пити, и дадоша нѣкоего съ мясомъ варенія, ми же не вси ядохомъ, понеже Петровъ постъ тогда бистъ, питія же ни мало дадоша. И тако оттуду възвратившеся тщи, идохомъ къ гостынници, въ ней же ядомая и піемая вся продаютъ. Тамо купивше себѣ сирой капусти, съ солію токмо приготованой, и пива, наситихомься. Вечерни же приспѣвшей, идохомъ паки въ костелъ и разсмотрѣвахомъ, ходяще всюду, низу и горѣ, тамо хори преизбранны. Видѣхомъ же окрестъ дому Богородичина милицъ повѣшенныхъ, числомъ 162, яже хроміи. восприіемше здравіе, оставиша и оставляютъ доселѣ; такожде и оковъ желѣз-

нихъ отъ бѣсноватихъ видѣхомъ. Едва не вси столпи церковніе и стѣни, низу и горѣ образами зѣло красно устроенніе, на нихъ ничто инно не изображенно, токмо или чудеса, или благодѣянія, яже отъ чудотворнія икони восприяша людіе. Се же не кляшторнимъ устроися коштомъ, но кто каковую либо получитъ ползу, тойжде вь незабвенную памятъ и образъ поставляетъ вь костелѣ. Тамо случися быти, аще и не всѣмъ, вь скарбници церковной. Азъ же бихъ и найпаче разсмотрѣхъ, и видѣхъ, еже не видѣхъ отъ рожденія моего, еже и описати отнюдь не могу, ибо цѣни оному богатству наложити нѣстъ мощно, токмо таковую скудоумѣемъ моимъ полагаю цѣну, яко возможно бы, мнитмися, царство сь землею и войскомъ искупиты. Сія азъ видѣвъ, удивихся и ужасохься. Таже изшедшимъ оттуду, тамо даде намъ екклесіархъ истинное изображеніе чудотворнаго образа Маріяцелскаго, вь свидѣтелство на немъ же написа имена и прозванія наша, и повелѣ намъ утро исповѣдатися, еже ми обѣщающеся сотворити, не сотворихомъ, но отидохомъ и разлучихомся на поли по два и испросивше вь домѣхъ мѣсто, гдѣ кто возмоглъ, нощевахомъ. Заутра же, вь среду, вьставше, идохомъ кь костелу и слишахомъ службы Божой, чрезъ нашего священика тихо отправованной. Послѣди изшедше, быхомъ вь иномъ костелѣ маломъ, на странѣ града подъ горою стоящимъ. Тамо видѣхомъ ангеловъ двохъ по обою страну олтаря отъ древа лѣпотнѣ содѣяннихъ, аки на воздуху висящихъ и имущихъ вь рукахъ своихъ сосуди каменія, отъ нихъ же здрава непрестанно исходитъ вода вь чаши великіе мраморніе и исходитъ паки тѣмижде вь подземніе странны. Оттуду изшедше, купихомъ себѣ мало что кь ястію и питію. И покрѣпившися, идохомъ паки подобнѣ горами, якоже и прежде, но на надъ по-

токомь, но уже широкимъ и глубокимь, иже аки рѣка течетъ. Чрезь людей ласкавшихъ, ибо нѣгдѣ тамо не нощевахомь на поли, но вь домахь или вь стодолахь. Тамо уже не бяху тако каменисто, но глиняніе и нижшіе горы, точію издалеча видѣхомь високіе и много снѣга на нихь. Прешедше же отъ Маріацелъ пятъ миль, прійдохомь кь веси Шебѣжень, зѣло вь глубокой долинѣ стоящой. Тамо едва съ зѣлнимъ трудомь снійдохомь сь горы, найпаче же понеже тогда бистъ дождевное ліяніе, идѣже нощевахомь вь гостинницы. Оттуду заутра, вь четвертокь, идохомь четири милѣ и доспѣхомь кь мѣстечку изрядному, нарицаемому Кофембергъ. Оттуду, заутра, вь пятокь, идохомъ шесть милъ чрезъ градь Пругъ, чрезь градь Лоимь, и чрезь веси Санктъ Михаелъ и Санць Лоренць. Тамо нощевахомь. Оттуду, заутра, вь суботу, всеединаче идохомь помежду горами пять милъ, точію низшими. Азь же послѣдствовахь имь и прійдохь кь граду значному, не вѣмь како разминувшися и предварившии ихь, и бихь тамо вь кляшторѣ Францишканскомь. Тамо ми дадоша окрухь хлѣба лѣпотнаго и чашу мѣрну вина, имь же азь удоволившися, хотѣхь изійти отъ града, но нѣкій тамо началникь повелѣ возвратити мя воспятъ и вопроси мя о патента и написа нѣколико словесь на Вѣденскому и отпусти мя сь миромь. Азъ же изшедь внѣ града, прійдохь кь нѣкоей веси, недалече отстоящей; тамо нощевахь вь гостинницы, при пути стоящей. Оттуду заутра, вь недѣлю, отъ сна воставь, идохъ двѣ милы и прійдохь кь нѣкоей веси, и снишедшеся тамо бихомь вси на мшѣ. Оттуду идохомь четири милѣ кь граду, нарицаемому Навмаргъ. Тамо азъ паки отъ нихь остахся, не могохь же доспѣти къ граду дождевнаго рады ліянія; но внѣ града недалече нощевахь, у домѣ великомь го-

стинномь, идѣже хлѣбъ пекуть, продаянія ради; дадоша же ми вь вечерь окрухь хлѣба благаго. И снѣдши, нощевахь на сламѣ прекрасно; еще бо нѣгдѣ тако не прилучися, яко тамо лѣпо устроенно, угощенія ради странныхь. Вь понеделокь заутра не идохь къ граду, не преставаше бо дождь, но паче вящшій умножашеся. Егда же молитвы обичнія прочетъ, призваша мя кь кухны и даяху ми ясти нѣчто отъ вареній, азъ же, познавь бити не постное, не восхотѣхь ясты, но паки просихь хлѣба самаго и дадоша ми окрухь мѣрень и снѣдохь вь славу Божію, и ожидахь донелѣже престанеть дождевное ліяніе. Мняхь же яко тако будеть до вечера, и возлегохь мало и спахь. Егда же востахъ, видѣвь яко преста мокрота, идохь кь граду Навмаргъ. Тамо снійдохомся сь своими и идохомь кь рихтару, да положить подьпись на цатента; и бистъ тако. Оттуду изшедше милю, нощевахомь вь нѣкоей гостиницѣ, при пути стоящей. Оттуду, заутра, вь второкь, они убо преди, азъ же послѣди, идохь пять миль кь граду, именуемому Сантьфаидь. Тамо не обрѣтохь ихь, но идохь еще милю едину кь нѣкоей веси и тамо нощевахь. Случижеся мнѣ тогда на пути скорбь не мала, ибо погубихь отъ пѣнязей яко два златихъ Полскихь или вящше. Заутра же, вь среду, воставши зѣло рано, возвращахся воспятъ, но никакоже обрѣтохь; идохъ же оттуду, на Господа возвергши печалъ, идохь четири мили и придохь кь нѣкоей веси, надь езеромь великимь, шерокимь и долгимь стоящой; тамо нощевахь въ гостинницѣ, при пути стоящой. Тамо видѣхь на другой странѣ езера клашторь изрядень, надь самимь брегомь стоящъ, отъвнѣ и отъвнутрь каменній, и вежу такожде иматъ красну и високу, на ней и зегарь и часословь изрядень. Тамо обитаютъ законники, именующіися Бенедиктани. Оттуду, заутра, вь четвертокь, шество-

вахъ по-надъ тимъжде езеромъ двѣ мили и прійдохъ до града значнаго, иже именуется Филохъ; тамо искахъ своихъ, но не обрѣтохъ, биша бо они въ нѣкоемъ кляшторѣ, азъ же мнѣхъ, яко уже отъидоша далече и идохъ оттуду за ними не медля. Прешедши же яко полмилѣ отъ града и приходя уже подъ великіе зѣло гори, обрѣтохъ при пути нѣкую гостинницу каменну изрядну и двѣ каплици древяни при ней стоящіи, отъ нихъ же зѣло чиста истѣкаетъ вода; мнѣхъ же азъ яко хладна есть и хотѣхъ напитися, но егда вложихъ первѣе руку и ощутивъ бити теплу, аки би согрѣянну при огны, усумнѣхся и почудився Божіимъ судбамъ и строенію Его, како такова теплота отъ спудовъ горнихъ истѣкаетъ. Таже мислихъ тамо мало препочити, труда ради и паленія солнечнаго, бѣ бо мѣсто изрядно, и видѣвъ міющихься людій въ онихъ теплицахъ, и азъ возжелахъ и идохъ и молихъ обитающихъ тамо, да не возбранятъ и мнѣ омитися. Они же хотяху отъ мене мзду воспріяти, но азъ имъ отрекохъ, яко мзду за мя грѣшнаго дастъ вамъ Господъ Богъ, таже едва умолихъ безмездно и идохъ и михся донелѣже ми годѣ бистъ. Послѣди же прійдоша и съпутшественники мои; мняху бо и тіи, яко вода хладна есть и хотяху пити и узрѣвше мя во водѣ міющася и себѣ возжелаша, и идоша и умолиша такожде, и премедлихомъ долгое время міющеся, зѣло бо изрядна вещь и не можетъ скоро отпустити человѣка. Оттуду идохомъ твердимъ и зѣло труднимъ путемъ, помежду и чрезъ височайшіе гори каменніе, бѣлъ алавастръ родящіе, на нихъ же ни трави, ни древа, токмо единъ снѣгъ изобрѣтахомъ, и прешедше полтори милѣ, нощевахомъ въ нѣкоей веси. Идуще на пути видѣхомъ кляшторъ зѣло изряденъ, на високой скалѣ стоящъ, въ нѣкоей веси, аки нѣкій замокъ, бихомъ бо въ немъ и

видѣхомь армати, и до цели чрезь три врата каменніе ити требѣ. Таже преноцевавше, заутра, вь пятокь, идохомь чрезь весь день точію четири милѣ зѣло сокривленимь, помежду горами, и твердимь шествовахомь путемь, доспѣхомь же кьрасному и пресловутому граду, именуемому Понтафлъ, Руски же, или Славенски, Понтава, идѣже Нѣмецкая кончается, Италіанская же, или Влоска, зачинается граница. Сіе мѣсто, аще и не весма красно есть, обаче пресловутое. Тамо дадоша намь свидѣтелство, даби свободно возмогли прейти далей, и дадоша шпиталь на ноць, но ничтоже дадоша кь ястію или питію, токмо самое мѣсто кь упокоенію. Оттуда заутра, вь суботу, премѣнихомь монету, тамо бо инная уже Венеціянская идетъ монета, мислихомь же сухимь путемь ити даже до самого Рима; нѣціи же намь совѣтоваху, яко унше есть моремь на Венецію. Се же того ради, яко и за краткое возможетъ бити время, и многая чудесная узрѣти возможеть. Сей ми воспріяхомь совѣть и по совѣту сотворити обѣщахомся; обаче до здѣ Нѣмецкими шествовахомъ милями, но уже краткими Италіянскими начахомь. Прешедше того дне 10 милъ, чрезъ гради идуще, именно: Донія, Склюзя, Лѣсюта, препочивахомь вь нѣкоемь градѣ; обаче все идохомь по-надь потокомь, по-надъ крутими горами. Оттуду препочивше, идохомъ еще далей. Идохь же и азъ, послѣдуя имь, не могохь бо вькупѣ ити, скораго ихь ради хожденія, и скорбяхь отчасти; но се внезаапу, по Божію смотренію, видѣхь пловущихь потокомь сь доски рѣзаними на плитахь и молихь ихь, да возмутъ и мене сь собою; они же, Богу тако содѣйствующу, безь всяка отреченія взяша мя. Пловохь же сь ними 5 милъ и присташа на ноць кь брегу подь градомь, нарицаемимь Zopium. Воздавши же азъ имь должное метаніе за та-

ковое ихъ благодѣяніе, идохъ къ оному граду, яко поприще едино. И случися мнѣ нощевати у человѣка блага, иже именуется Петръ Вѣнтурини, словомъ, воистину и дѣломъ, человѣкъ благъ и милосердъ, даде бо ми ясти и пити и многа блага разглаголствова съ мною. До здѣ гори. оттуду идохъ полемъ седмъ милъ, въ денъ недѣлный, до града Санктъ Данѣелъ. Сіе мѣсто изрядно, на низкой горѣ стоящое, и хотѣхъ тамо бити на мшѣ, но не достигохъ; прійдохъ же тамо къ шпиталю, идѣже пелгримамъ мѣсто дается къ препочиванію. Тамо мя безъ всякаго прекословія пріяша и дадоша ми къ ястію вина и хлѣба, по обичаю своему, азъ же снѣвши то, спахъ доволно. Таже воставши, писахъ путникъ, ожидающи своихъ и премедлихъ даже до вечера; таже и они прійдоша. Паки въ вечеръ дадоша намъ по чаши вина и по окруху хлѣба, но не всѣмъ, мнѣ точію не дадеся, азъ же купихъ, единождн бо точію на денъ тамо дается. Таже, по обичнихъ молитвахъ, возлегохомъ кійждо на ложи, еже кто себѣ избра. Ложіи же тамо вси, яко едино поставленни. Заутра же, въ понедѣлокъ, воставши и паки по обичнихъ моленіяхъ просихомъ, да дадутъ намъ что снѣдно, но никакоже дадоша. Купихомъ же себѣ кійждо противо сили своей и покрѣпихомся, да не ослабѣваемъ на пути. Таже идохомъ оттуду двѣ мили и прійдохомъ къ веси, нарицаемой Вѣлнѣоре. Тамо нѣціи отъ насъ препочиваху, нѣціи пройдоша по стогнахъ, просяще хлѣба, драго бистъ куповати. Оттуду, препочивше часъ доволный, идохомъ 5 милъ до веси, нарицаемой Дигняно. Оттуду превезохомься чрезъ рѣку невелику, — невозможно бо бистъ прейти ногами, но мзди не дахомъ, оставиша бо намъ Христа рады, — и прешедше 5 милъ, доспѣхомъ къ значному граду, рекомому Валюежонъ. Сіе мѣсто красно и изрядно отъвнѣ

и отъвнутрь. Тамо прійдохомь кь шпиталю, идѣже точію четири ложа суть уготованны пелгримамь, обаче изрядны; ко яденію и ко питію ничесо же дается. Тамо намъ мѣсто на нощъ дадоша и преноцевахомь угодно. Воставши же отъ сна, заутра, вь вторникь, оттуду шествовахомь 10 милъ кь граду невелику, иже именуется Кордоватъ. Тамо отъ кляштора, въ немъ же обитаютъ Павлѣны, испросихомь вина и зѣло мало хлѣба. Таже паки оттуду идохомь пять милъ и прійдохомь кь преславутому граду, ему же имя Портогуаро, рекомое отъ порта, си есть пристанища, портъ бо Латински, Славенски же пристанище толкуется. Се же того ради, яко недалече брега морскаго разстояніе имать, и отъ него рѣкою впадающею вь море пловутъ кь Венеціи и кь инимь странамь кораблями. Тамо попустиша намъ мѣсто нощеванія ради вь гостиницы, идѣже кь ястію или питію ничтоже намь не дадоша, точію мягки бѣли и чисти послаша постеля, на нихъ же угодно вь славу Божію чрезъ нощъ препочихомь. Заутра же, вь среду, воставши рано, идохомь кь корабленикомь, ищуще, иже би восхотѣли плисти на Венецію, но не обрѣтохомь. Таковій бо тамо обичай, яко точію два рази вь седмицу кораблъ на море идетъ, си естъ вь понедѣлокь и вь четвертокь. И тако умисливше ожидати утра, скитахомься при кораблях при портѣ, не имуще гдѣ глави приклонити, ибо нѣгдѣ въ дому препочивати не попущають; ядохомь же, еже купихомь, мало точію отъ домовь хлѣба испросивше. Приспѣвшу же вечеру, идохомь на нощъ паки кь вишереченной гостинници, тамо бо на три нощи время путникомь дается, и препочихомь сь Богомь. Заутра же, вь четвертокь, идохомь рано до порту и обрѣтохомъ кораблъ, приплившій отъ Венеціи и паки до Венеціи отплисти имущій вь вечерь. Ми же не от-

ходяще отъ пристанища, чрезь весъ денъ пребивахомь тамо, потребная кійждо своя дѣлающе. Не имій азъ тогда, что творити, писахь сіе, еже видѣхь и разсмотрѣхь, идуще чрезъ сію частъ земли Италіянской, начень отъ Понтави даже до здѣ. 1) Видѣхомь виногради великіе зѣло, толсто, високо и шероко растущіе, при инныхъ же древахь великихъ лѣсних саждение. Се же того ради, да отъ единаго древа кь другому и паки кь третому прицилляются, и тако аки нѣкіе лѣси стоятъ, плода же зѣло изобилнаго имутъ. 2) Жита и пшеници зѣло мало, инних же пашенъ никакоже сѣютъ, токмо много пшеници Турецкой, юже простій народь въ инних страннахь именуетъ кіяхи. Ту пшеницу на многія вещи употребляютъ, мелютъ бо первѣе на муку, и иніе отъ нея самія кашу варятъ и хлѣбъ пекутъ, инніе же въполь мѣшающе, сія творятъ. Не сѣютъ же вь оградехь ничесого, кромѣ единоя капусти. Тамо никакоже обрящеши квасна хлѣба, токмо сладкій яко медь, его же намь вь милостину даяху, но никогда же возможно бистъ насититися, аще и доволно ядохомь. 3) Слонце тамо зѣло палитъ и всячески тяжестно шествовати, рано бо теплота начинается и долго триваетъ. Того ради два рази въ едино лѣто сѣменена въ землю всѣваютъ и два рази пожинаютъ. 4) Видѣхомь отъ древь сосни Волоскіе, яловець и фиги сь плодомь растущіе. Фиги тако растутъ, яко и орѣхи Волоскіе, листвѣе же яко у винограда или у рай древа, зелія точію грубшіи и жестокіи. 5) Цѣлая Венеція за патрона себѣ имѣетъ Евангелиста Марка; на пенязяхь же и всюду печатуются онимь. Еще же, кромѣ того, на надъписаніяхь и грамотахь царскихь, по пристанехь и вратахь градскихь, вмѣсто его самаго, левь сь крилами изображается, держащій въ ногтехь своихь книгу, на ней

же сицево написаніе вездѣ чтохомь: Pax tibi Marce Evangelista meus—миръ тебѣ Марко, Евангелисто мой. 6) Тамо невозможно разнствія познати между невѣстою и женою: обоя бо единаче ходять, не покривающе глави, аще би и сѣдину имѣли. Но возвращаюся кь первому. Егда бо приспѣ вечеръ того дне, си есть четвертка, вопросихомь пловьцовь, что хощете, да превезете насъ кь Венеціи? Они же рекоша, яко три литри отъ коегождо (литра 4 шаги или шосточки). Ми же аще и много молихомь, да менше отъ насъ возмутъ, но никако же получихомь. Обаче не идохомь уже на нощъ кь гостинници, но нощевахомь вь кораблы, бояхомъбося да не нощію отпловутъ и оставятъ насъ тщихъ. Зѣло бо желахомь видѣти Венецію, слишахомь бо еще здавна отъ многихь, яко многочисленія вещи чудеснія тамо обрѣтаются. Утру же возсіявшу, въ пятокъ, ожидохомь до полудне, донелѣже отпловетъ кораблъ, но дождевнаго ради кропленія и ожиданія ради иныхь, тогда имѣвшихь бити вь корабли, замедлѣ. Таже по полудны, яко о третомъ или о четвертомь часѣ, пустихомься отъ брега и пловохомь одногою морскою даже до вечера. Нощи же надходящей внезаапу возшумѣ вѣтрь великь и возбуди волны на водѣ великіе и начатъ жестоко колебати кораблемь и соврати кораблъ отъ пути на инное мѣсто. Видѣвъ же кьрабленникь, яко нелѣпо дѣйствуется сь нами, абіе верже котвицу воскрай брега и оцѣпи вервомь за паросѣ, иже посредѣ корабля стоить, повелѣ всѣмь ити кь верву, иже биша вь корабли, и тягнути вервь, при паросѣ привязань, даби возмогль пристати кь брегу. Ускориша же вси, не токмо бодрьствующіи, но и отъ сна воставшіи, паче страха ради, а не повеленія, и едва сь великою силою привлекохомь къ брегу. Бистъ же тамо на брезѣ нѣкая корчма, и привязавше кораблъ, идохомь въ ню и купихомь, елико

кто возможе кь ястію и питію, таже паки возвратихомься воспять вь корабль и спахомъ. Заутра же, вь суботу, воставши отъ сна, плихомь одногами морскими, сѣмо и овамо текущимы воскрай брега морскаго. Видихомь же много весей и нѣколико градовь издалеча и много виноградовь великихь, красних; видѣхомь паки море и кораблей безъ числа на немъ, отъ различнихь странь пловущихъ, и вольни морскіе, аки холми великіе; зѣло играше бо тогда море, и сего ради корабленникь оним не хотяше плисти, ибо корабль бяше малъ, еще же къ тому и отягченъ. Кораблѣ же, иже издалеча пловутъ на морѣ, мнятся не аки на водѣ, но аки на землѣ стояти. Се же того рады, яко широта толь велика есть, яко не точію очеси, но и умомь постигнути тяжестно есть. Сія азъ видѣвь, помянухь Пророка, вопіюща: „Нисходящіи на море въ кораблехъ и творящіи дѣланія въ водахь многихь, тіи видѣша дѣла Господня и чудеса его въ глубинѣ". Благодарствовахь же Богу, яко и самъ иногда слышати, нинѣ же видѣти сподобихся. И препливше отъ Портогуара осмьдесятъ безъ двохь милъ, пристахомь кь брегу морскому, идѣже Венецкая стражь стоитъ и презираетъ свидѣтелствь. Дадохомь же и ми о себѣ свидѣтелствованное писаніе, еже вь Портогуару дадеся, и абіе пропустиша насъ. Пловохомь же оттуду самимь моремь седмь милъ, даже до Венеціи. Видѣхомь же недалече одесную, при брезѣ моря, градъ зѣло великь и красень, ему же имя Бурянъ. Паки видѣхомь аки погруженъ на водѣ стоящъ костель, зѣло изряденъ. Паки видѣхомь ошуюю на водѣ стоящъ кляшторь великь и лѣпотень. Вечеру убо темну надшедшу, приспѣхомь кь вездѣ пресловутому оному граду Венеціи, и припливше даже кь самому предьградію, привязахомь кораблъ кь углу нѣкоего храма; послѣди же помишляхомь внійти вь

, нѣстъ бо тамо стражія, ни вратъ, и сего ради никто же амъ возбранилъ входа. Но понеже нощъ бистъ, сего оставихомъ и нощевахомъ въ корабли, имъ же при-ѣмъ; ядохомъ же, еже кто что имѣяше. Утру воз-у, въ недѣлю, идохомъ къ гостиници святой Анны, и е прекрасная ложа видѣхомъ, путниковъ ради устроен- но ничто же получихомъ къ ястію или питію, точію единъ разъ въ вечеръ дается ясти, въ денъ и сѣдѣти не попустятъ. Сутъ же таковихъ гостинницъ тамо три. Оттуду идохомъ на службу Божую къ Греческой церкви и просихомъ милостини отъ протопопу, исповѣдающе себе быти вославныхъ, но не разумѣяше нашего нарѣчія. И се, по случаю Божію, или по обыкновенію своему, сшася Грецкіе дѣти на набоженство къ церкви, иже учатся язика Латинскаго; тіи разглаголствоваху многая снами. Пріидоша же послѣди и искусніе ихъ учители и бесѣдоваша долго, вопрошающе насъ о вѣри, въ множѣхъ вехъ и откуду есми родомъ, усумнѣвахубося о благочестіи нашемъ, не хотяще вѣру яти. Послѣди же увѣдавше, яко истину глаголемъ и требуемъ милостини, тече единъ отъ нихъ въ олтаръ къ протопопѣ и возвѣсти о насъ, яко православны есми и благочестивыи христіяне, еще же къ тому глагола насъ отъ Россійскихъ странъ родомъ сущихъ. Се же того ради, да болшую пріобрящемъ милостъ, зѣло бо тамо таковыхъ людей любятъ, ибо и образи ихъ всѣ въ своей церкви имѣютъ. Сія увѣдавъ о насъ протопопа, обѣщася намъ сотворыти милостину, токмо повелѣ ожидати утра и быти въ церквѣ на литургіи, понеже празникъ тогда случися бити святыхъ верховнихъ апостолъ Петра и Павла. Ми же на службѣ Божой тогда въ церкви бихомъ и видѣхомъ чинъ церковный, красно устроающійся, и слишахомъ лѣпотное пѣніе Греческое, аще и не разумѣ-

хомь словесъ, точію самую вещь; но вся тако, якоже и въ Руси, токмо Евангеліе чтется не посредѣ церквы, но по лѣвой странѣ, на казалници, високо. Оттуду, по службѣ Божой, идохомь кь второй виталници, си естъ гостинници, или кь шпиталю (яко же тамо именуютъ), чающе что испросити кь ястію или питію, но вотще трудихомься. И тамо бо тако, якоже вь первомь, точію единою вь вечерь дается по укруху хлѣба. Оттуду идохомь на средоградіе, между ряди коморніе, и купивше себѣ нечто мало, снѣдохомь. Драго бо тамо вся продаютъ, милостини же испросити зѣло трудно. Таже разсмотрѣвахомь, что гдѣ продается, но мало гдѣ что бяше, бысть бо тогда денъ неделный, въ-нъже куплю дѣяти не волно никому же (якоже и повсюду вь православныхь, недѣлю и святыя дни обсерервуютъ); токмо видѣхомь книги Латинскіе продаеміе, и купихь азъ едину. Оттуду возвратихомься на вечерню кь Греческой церквѣ, и слишахомь вся пѣнія и чтенія, якоже и вь нашихь странахь, точію нарѣчіемь разнствуютъ, а не вещію. По вечерни многая разглаголствоваху сь нами Греки, младіе и старіе, искушающе и вопрошающе насъ о вѣрѣ. Ми же, якоже научихомься и якоже Духь Святый насъ наставиль, вь всемь добрый отвѣть дадохомь. Нашедшу же мрачну вечеру, требѣ бяше ити кь единой отъ предреченнихь гостиниицъ, ястія ради. Ми же не идохомь двоихь ради винъ: первая, яко обѣ далече отстояху вторая, яко желахомь быти на утрени, праздника ради, и нощевахомь въ шпитали тоейжде Греческой церкви, еже именуется Георгія святаго великаго мученика. Заутра же, воставши отъ сна, вь понеделокь, си есть вь денъ празнованія святыхь верховнихь апостоль Петра и Павла, бихомь на утрени; таже послѣди и на службѣ Божой, и по совершеніи дадоша намь милостину, и благода-

рихомь Бога за призрѣніе его таковое на насъ, яко и вь праздникь Сошествія Святаго Духа, и въ денъ святихь верховнихь Апостоль сподобихомся бити вь церквѣ. Оттуду хотяще уже изійти идохомь паки чрезъ средоградіе и видѣхомь многое множество коморъ и въ нихь всякія продаемія вещи чудесніе, драгоцѣнніе и малоцѣніе. Бихомь же вь прекрасномь костелѣ святаго Марка Евангелисти, иже отъ церкви превращенъ есть. Видѣхомъ бо и древныхь иконописцевь дѣло и отъ расположенія познахомь, еще же къ тому и слишахомь отъ жителей. Тамо видѣхомь отъ мрамора краснѣ изсѣченіе многіе вещи, яко почудитися всякому, найпаче же подножіе церковное тако зѣло хитростно и лѣпотно устроенно, яко и восхвалити по достоянію нѣстъ мощно. Тамо бо самимь мраморнимь каменіемь дробнимь и различновидныммь сажденно хитростно тако, яко различніе растущіе цвѣти изображаются. Такожде и отъвнѣ лѣпо устроенный. Еще же, кромѣ того, отъ приходу високо, на щиту, великіе и красніе, аки живые спѣжовіе кони иматъ. Тогда разсмотрѣхомь лѣпоту, аще и не всю, и основаніе града того, чудеснимь Промисломь устроенное, и воистинну по достоянію его описати невозможно путешественнику, развѣ жителевѣ, еще къ тому и искусному, иже вѣстъ входи и исходи и основаніе и создателя его. Азъ сіе токмо пишу, еже разсмотрѣхь. *Краткое описаніе града Венеціи:* 1) Венеція основанна естъ вь водѣ морской, на отмѣлѣ. 2) Раздѣляется на много частей. Се же того ради, да кораблѣ помежду части града преходятъ. 3) Вратъ и огражденія не иматъ, не боитъ бо ся никого. 4) Вь всякой улици иматъ воду морскую, непостоянную, временемъ бо велика, временемъ же мала биваетъ (еже азъ самь многожди пристрегохь). Се же дѣйствіемь моря творится. 5) Отъ единой кь другой

улици все мости каменіе и високіе имать, прехожденія ради чрезь воду, високіе же того ради, даби подъ нихъ чолнами и малими кьраблями преходити возможно било. 6) Лѣпотніе и високіе доми единь при другому чинно стоящіе имать, верхи же, ими же димь исходить, вь всѣхь единимь образомь, яко лейки, устроеніе. 7) Кладези суть едва не вь всякомь дому, оть нихь же варенія ради и питія почерпають воду. Обаче не такова въ нихь вода, яко же въ морѣ, въ морѣ бо горка, слана и непріятна, тамо же сладка, здрава и добра, но оть дожда собыраема. 8) Всякіе вещи ядоміе, кромѣ единаго хлѣба, на вагу продаются тамо. 9) Вода проста здрава, купно съ напоями инними, продается мѣрою. 10) Коня и ниже инного скота ни единаго нѣсть тамо, токмо всякь имать противу силѣ своей чолнь или два, или кораблъ, имиже потребная себѣ превозить, аможе хощеть. Коней же четири отливаних, спежових надъ дверми соборной церкви святаго Евангелиста Марка, (не вѣмь) публики ли ради или инной вины, на самомь ринку стоящой, поставиша. Сіи пренесошася оть Цариграда, оть Святой Софіи. 11) Обикновеніе имуть ходити вь плащахь и вь лѣтѣ, токмо вь легкихь. 12) Всякь оть мужеска полу носить всегда при себѣ образець, на паличцѣ малой устроень, прохлажденія ради. Оть женска же полу иннимь образомь. 13) Риби морской, аще и доволно имуть кь ястію, но не доволны оною. Еще же ядять и жаби водянія, самь бо азъ видѣхь ловцовь и продавцовь. 14) Вь всей Венеціи и далечае даже до Рима и Бара не видѣхь черного житнаго хлѣба, точію всюду пшениченъ, бѣль же, аки снѣгь, маль же, аки просфоры, того ради и драгую цѣну имать. Не вся пишу тебѣ, трудолюбивій читателю и слишателю, ибо (яко же прежде рѣхь) невозможно доволно, развѣ жителевѣ, описати или паче да не непрія-

ебѣ своимъ явлюся многословіемъ. Прочая, аще ии, устами тебѣ исповѣсти обѣщаюся, нинѣ же рвому, си естъ къ путшествію, возвращаюся. , въ понеделокъ по полудни, давше мзду пловцу, охомься челномъ пятъ милъ къ пристанищу на ъ и паки идохомъ путемъ сухимъ дватцять милъ до да пресловутого Падвы. Идоша же мои спутшественки чрезъ всю нощъ и доспѣша тамо рано въ вовтоѣ. Азъ же могохъ съ ми ити, но по силѣ своей и по произволенію идохъ чр ъ веси красніе, зѣло удивителніе доми и вертогра имущіе, и нощевахъ за 7 милъ отъ Падви, въ ве зовомой Доля. Обаче не возмогохъ мѣста испросити а нощъ и на стогнѣ хотѣхъ возлегти, таже едва съ нуждею умолихъ млинара. Въ второкъ по полудны пр охъ къ Падвѣ и снійдохомся съ своими въ гостинн цѣ и препочивахомъ. Ясти же и пити ничесо тамо намъ оша, коея ради вини съпутшественникъ нашъ, честный отецъ Протанскій разгнѣвася зѣло и, не хотя вечера ожидати, разлучися тогда съ нами и пойде преди съ слугою своимъ. Ми же утрѣя ожидахомъ, ради взятія свидѣтелства; нощевахомъ же на инной господѣ, а не въ гостинницы. Заутра, въ среду, бихомъ въ костелѣ святаго Антонія Падвскаго, ему зѣло красенъ и коштовенъ олтарь устроенный отъ алавастра и мрамора видѣхомъ. Познахомъ же костелъ, иногда святую церковъ быты, ово отъ расположенія и верховъ, ово же отъ древнаго малованія. Тамо пріяхомъ свидѣтелства. Таже не медля идохомъ изъ града и видѣхомъ паки инъ костелъ, отъ церкви превращенъ, таковоежде расположеніе имущъ, якоже и предреченный. Шествовахомъ же отъ Падви чрезъ среду и четверъ, чрезъ тры воды перевозячися и чрезъ два гради преходячи именуеміе Гуара и Рувига. Въ пятокъ рано внійдохъ въ

значній градъ Ферара, уже подъ Папѣжа належащій и его монету имущій. Тамо премѣнивше монету Венецкую на Папѣжскую зъ надаткомь, купованія ради хлѣба, уже бо тамо милостиню зѣло мало обрѣтахомь, и идохомь кь пресловутому и великому граду Бононѣя завомому, въ ней же различніе вещы продаеміе видѣхомь, чрезъ градь преходяще. Случи же ся тамо намь бити вь нѣкоего аптекара богата, человѣка блага, иже умѣяше разглаголствовати Латински. Сей, видя насъ алчущихъ и жаждущихъ, насити, напои нась виномь доволно, яко избиткомь остатися. Тамо видѣхомь дивная, яже никогда прежде: видѣхомь истинаго крокодила изсушенаго и змію великую зѣло, такожде изсушенну, и инная безчисленная отъ ползящихь, четвероногихъ и морскихъ животнихъ. Послѣди же, мало отпочивши, идохомь отъ града Бононѣи пятъ милъ и приспѣхомь еще предъ захожденіемъ слонца кь гостинници святаго Петра зовомой, при пути стоящой, отнюдуже нехотѣхомъ далѣе шествовати, но изволися намъ тамо обнощевати. Тамо намъ дадоша бѣлаго хлѣба по доволному окруху (по обикновенію своему) и по двѣ чашици малихъ вина, сь водою раствореннаго, и одри бѣли и чисти кь пренощеванію, идѣже препочихомь чрезъ нощъ. Оттуду заутра, вь неделю, идохомь двадцать миль чрезъ весь день и прейдохомъ сквозѣ градь, рекомій Иммоля, аще и не великій, но лѣпь, и доспѣхомь вечерь къ второму граду, подобному ему, именуемому Касталлюмъ. Тамо нощевахомь въ госпиталю перегринскомь на постеляхь добрихъ; ясти же и пити ничтоже дадоша. Оттуду вьставши отъ сна въ понеделокь идохомь два дни 36 миль и пройдохомъ гради маліе зовоміе и Фавенса и Католѣка. Таже вь второкь заходящу слонцу доспѣхомъ кь единому граду не весма велику, но лѣпотну въ строеніи домовь, ему же имя

Аримимѣнѣ. Градъ оній есть ветхій и пресловутій отчасти, поневажъ недале стоитъ отъ моря яко за поприще едино на мѣстѣ равномъ и веселомъ подъ горами и иматъ корабелное пристанище. Тамо пойдохомъ въ гостинницу путническую и первое намъ случися, яко обнаживши насъ до послѣднего рубища всѣхъ колико насъ случися тамо, ведяху на одри, созирающе по единому созади, еда ли не иматъ прокази или чесо инного на тѣлѣ, и аще кій что либо нибутъ имѣяше, особное даяху мѣсто; ми же удивляхомься обичаю оному и похвалихомъ тщаніе ихъ, яко призираютъ, да единъ отъ другаго не повреждается. Оттуду, рано, въ среду, изійдохомъ и шествовахомъ два дни и нощи съ обнощеваніями земними при пути, не ищуще гостинници, понеже путъ бяше простъ и равенъ брегомъ морскимъ, прейдохомъ же градовъ, при морѣ стоящихъ, три, лѣпотнихъ строеніемъ, именуемихъ Пейзеро, Фано, Сенегалія; отъ нихъ послѣдній градъ краснѣйшій и славнѣйшій пристанищемъ кораблей, понеже въ то время бистъ тамо ярмарокъ великъ, и видѣхомъ множество купцевъ, съ различними товари пришедшихъ, и овихъ купующихъ, овихъ же продающихъ всякіе вещи. Тамо мало замедлѣхомъ. Идущимъ же намъ посредѣ града чрезъ мостъ древяній зводистій, случися видѣти чудесное: дѣти Италѣянскіе убогіе, въ десяти лѣтехъ и нижае, взлазаху нагіе верху звода оного моста, иже отстояше отъ води високо яко три сажни, глубини же въ водѣ мню яко три сажни, и аще кто отъ людій метнетъ въ воду найменшую монету квадринъ, то естъ шелягъ, абіе оніе дѣти вергаются зъ висоти въ глубину водну даже до дна и мало тамо замедлѣвше вскорѣ обрѣтше износятъ и елико людіе метаху, не единого квадрина не оставиша погибнути въ водѣ, якоже предъ нашима очима явнѣ сотворися.

Ми же, видѣвше хитростъ ума и сердечную отвагу дѣтей онихъ, чудихомся не помалу. Таже оставлше, изійдохомъ оттуду предъ захожденіемъ слонца, не хотяще въ гостинницахъ нощевати, даби не медляще скоро могли шествовати, понеже болше нощію ухождахомъ, нежели днемъ, вара дѣля солнечнаго, зѣло палящаго, къ тому же прискорбно намъ бистъ, яко зліи тамо намъ случахуся людіе, понеже ни отъ кого ни въ чесомъ милостини получити не возмогохомъ, и единаче намъ бистъ такъ шествовати въ нощи, яко въ дны, понеже разсмотрѣвши ихъ нестраннолюбіе, оставихомъ ихъ вящше просити, но за пѣнязи, яже имѣхомъ, куповахомъ, ускоряюще минути ихъ странну, найпаче же о хлѣбѣ трудно бистъ зѣло, не токмо дати, но ниже продати не хотяху на распутіияхъ и при пути въ гостинницахъ живущіи корчемники, аще кто не прежде купитъ у него вина, поневаже тамо вина доволно, хлѣба же оскудно. Намъ же не бистъ тако потребно вино, яко хлѣбъ, понеже (яко же уразумѣхомъ) съ хлѣбомъ безъ вина крѣпцѣ могохомъ шествовати, съ виномъ же безъ хлѣба, аще и найкрѣпчайшимъ, ослабѣвахомъ. Сего ради аще и нуждни сребра бѣхомъ, хотяще и не хотяще куповахомъ первѣе вино и тогда намъ продаяху хлѣбъ; аще же ми мало взимахомъ вина, хотяще токмо да продадутъ намъ хлѣба, колико хощемъ, не продаяху вящше, но за колику цѣну взимахомъ вина, за толику продаяху и хлѣба. Се же токмо на пути бистъ, въ градѣхъ чесого изволихомъ куповахомъ. Сего ради, якоже прежде рѣхъ, не медляще изійдохомъ отъ града Сенегалѣи предъ захожденіемъ слонца и прахъ отъ ногу нашею оттрясающе, по словеси Евангелскому: „Идѣже аще не пріимутъ ви, исходяще оттуду и прахъ отъ ногу вашею отрясите въ свѣдѣтелство имъ“; понеже и тамо аще толъ

многій соборъ бяше различнихъ купцевь, ничтоже испросихомь милостини. Идущимъ же намь тоя нощи и заутра приспѣхомь о полудни кь знаменитому граду Анконѣ.

Описаніе града Анкони.

Анкона градь знаменитій и пресловутій вь всей Италіи, Венеціи, Греціи и инныхъ странахь, понеже отъ всѣхь тѣхь купци морскіе приплиѣвають тамо, творяще куплю, есть бо пристанищемъ славнимъ. Градь той распростертімъ есть болшій отъ предьреченнаго Сенегаліи, строеніемь же домовь не весма високь, токмо до тріехь степеней; доми же вси каменіе и улици каменемь насажденіе. Стоитъ на мѣстѣ веселомъ и високомь, понеже зрится на все море оттуду, како ходятъ кораблѣ, не на равномъ же, распростреся бо по горахь обоюду и вдолнѣ продолженній до брегу морскаго сице близу, яко домовь вода касается. Чисть же того ради, яко не равень, понеже вь время дожда весь омивается. Води иматъ здравіе, отъ горь текущіе и народа содержитъ много. Приспѣвшимь же намъ тамо въ пятокь о полудни, идохомь на пляць мѣскій, си есть на базарь, хотяще себѣ купити нѣчто снѣдно на трапезу, но невозмогохомъ, вся бо на великой цѣнѣ продавахуся; купихомь же единаго токмо хлѣба, аще и драго, но безъ него невозможно, цибулю же имѣхомь сь собою, и прешедше сквозѣ градъ, сѣдохомь вь вратехь града, близъ источника воднаго, и снѣдохомь трапезу вь славу Божію. Таже пойдохомь, хотяще ускорити кь чудотворному мѣсту Лорету, недалече бо отстояше, токмо пятьнадесятъ миль, гдѣ отъ Анкони за полдня токмо приходятъ. Тогда оставихомь брегь морскій, понеже предлежаше

намъ путь въ гори и пойдохомь тяжестнимъ путемь, горами и долинами. Прешедшимъ же намь яко двое поприщь, ослабѣвахомь, понеже въ нощи много труждахомся. Шествующе и обрѣтше при пути корчемній домь, сѣдохомь подь сѣнію его и опочивахомь яко часъ единь, ово пишуще своя путники, ово утѣшающе другь друга о нужду и инная бесѣдующе братолюбнѣ. Таже крестное на себѣ положше знаменіе, пойдохомъ прилѣжно путемь горнимь, шествующе непрестанно, и доспѣхомь кь пресловутому мѣсту, именуемому Лореть, зѣло позно, мню, о третомь часѣ въ нощь. Предваривши же азъ сьпутника своего Іустина, внійдохь, врати внутрь бяху бо оттворенни. Вь всей бо Италіи не обыкоша заключати твердо врать, но аще вь малихь градѣхь оттворенни стоятъ, вь великихъ же и знаменитихъ градахь великіе точію врата отъ всѣхь странъ затворяются, но маліе отверзсти стоятъ. Се же того ради, яко вь всей Италіи чрезъ всю нощь не спять, болше дѣлающе въ ню, нежели въ день, зноя дѣля солнечнаго. Дошедши убо тамо азъ вънутрь, идохь кь гостинници пелгримской, гдѣ едва сь веліею нуждою умоливши началника нощевахь, не хотяше бо мя пріяти въ таковое позное время, понеже имутъ уреченній часъ, въ онь же снисходятся путници. Другь же мой и сьпутникь Іустинь не прійде тогда тамо, и тако раздѣлнѣ онную препровадихомь нощь. Заутра же, въ суботу, рано снійдохомся и пойдохомь въ единь костель великь и прекрасенъ строеніемь, отъ сѣченнаго мрамора зданній, на немь же и часословь сьпреди глашаеть часи, предъ лицемъ же врать началнихъ стоитъ источникь великь, зѣло хитростнимь художествомь изсѣчень отъ мрамора бѣла, иже верху степеней аки кладязь широко созданній, посредѣ же имать столпь, височо сведенній, и окрестъ его четири

[illegible] животніи лѣпотно изсѣченни, кійждо отъ нихъ [illegible] своихъ изобилно точащъ воду, верху же столпа [illegible]ятая струя, тояжде води въ гору аки стрѣла [illegible] непрестанно и на низъ возвращаеться въ кладязъ, [illegible]ттуду же исходитъ подъ землею, не вѣмь камо. Кь он[illegible]му источнику вси приходятъ жаждущіи и піютъ и у[illegible]кденіи, и омивающеся прохлаждаютъ лица своя, х[illegible] бо отъ него и здрава исходить вода. Тогда ми п[illegible] костела онаго, видѣхомь лѣпоту его и [illegible]ое, много бо иматъ престоловь служе[illegible]іх [illegible]рагыхь и различно виднихъ мраморовь [illegible]н[illegible]ожде мраморними таблицами и подножіе насажденно, еще же суть сѣдалища отъ древа, ради исповѣдающихся и исповѣдающихъ, чинно устроенніе, имущіе на себѣ коеждо свой подъпись, подпись же не что инно изявляеть, токмо гдѣ каковимъ язикомь духовній исповѣдаетъ, понеже народи разноязични тамо приходятъ отъ различнихъ странь на поклоненіе и исповѣдають тамо грѣхи своя того ради, яко есть тамо домь маль каменній, посредѣ тоя церкве стоящь, отъ Іерусалима тамо принесенній, о немь же повѣствуютъ достовѣрне, яко той естъ домь въ немь же архангель Гавріилъ благовѣствова Пречистую Дѣву Богородицу и прочая, что послѣди ясно изявити потщуся. Ми убо знающе чести писанія Латинская, прочитовахомь, идѣже что видѣхомь, или сѣченіемь или писаніемь изображенное. Таже прійдохомь кь онимь вишшереченнимь духовнимь сѣдалищамь и прочтохомь вся надъписанія: яко здѣ духовній въ язику Италіанскомь, здѣ въ Французскомь, здѣ въ Нѣмецкомь, здѣ въ Венгерскомь, здѣ въ Греческомь, здѣ въ Полскомь, къ нему же, понеже знахомь добрѣ по Полску, идохомь и даде намь коемуждо листъ свидѣтелствованній и по пятъ баіоковь тамошней монети, понеже

отъ странь Полскихь посилаеться тамо скарбь, даби отъ него давалася милостина пелгримамъ Полскимь, милосердствующи о нихь за труди ихь. Таже изшедши изъ церкви идохомь, видяще инних, идѣже пелгримамъ и всѣмь убогимъ даются хлѣби мали и по чаши вина два рази на день: разъ предъ полуднемь, а другій по вечерни. Сія и ми пріявше, не удоволихомься, но идохомь еще кь гостинници, въ немь же трапеза изрядна дается страннимь священникомь, монахомъ и всему духовному чину и еремитамь, си есть пустинножителемъ, належить же подъ протекцію законниковь, именуемихь Капуциновь. Тамо бо гвардіань, си есть началник или игумень Капуцинскій, всегда присутствуеть сь инними духовними и мирскими особами знаменитими, иже служать, носяще потрави и вино вливающе вь чаши и прочая потребная творяще. Тамо нась пришедшихъ и просящихь нѣчто снѣдно, узрѣ оній гвардіань, человѣкь благь зѣло, и вопроси насъ: „Что прійшли есте, друзи? Еда ли есте отъ духовнаго чина или пустинци? понеже здѣ простимь пелгримамь нѣсть мѣста, токмо, рече, оное, идѣже обще всѣмь убогимъ дается хлѣбъ и вино“. Сія же глаголаше намъ діалектомь Италіанскимъ, разумѣ бо, яко не знаемь Латински. Ми же, не знаяще разглаголствовати язикомъ Италіанскимь, отвѣтствовахомь ему Латинскимь сице: „И ми убо, отче честній, не прости есми путници, но студенти, обучающіися Латинскому язику и прилежащіи ученіемь школьнимь, на болшое потвержденіе и разширеніе Православной Каѳолической вѣри, на честь же и похвалу всемогущого Бога“. Онь же, слишавши отъ нась сіе и узрѣвши наши патента, повелѣ пріяти нась честно въ туюжде гостинницу и представиша намь трапезу изрядну, якоже и протчіимь. Повелѣ же намъ оній игумень приходити тамо на всякь

день, рано и въ вечерь, донелѣже замедлимь тамо. Ми же, не хотяще время погубляти всуе, замедлѣхомь точію чрезъ два дни, суботу и неделю, ядохомъ же и пихомь доволно въ той гостинници, нощевахомь же въ инной вишереченной, ибо та токмо кь ястію духовнихь, другая же кь нощеванію обще всѣхь путниковь устроенна есть. Разсмотрѣхь же азъ добрѣ чрезъ тое время внѣ и вънутрьуду оній вишепомяненный домь Пречистія Владичици нашей Богородицы и како и откуду принесеся, что все послѣдователнѣ увѣстся.

Описаніе Дому Богородичного Лоретского.

Домь Пресвятія Богородици, иже вь мѣстѣ Лоретѣ, въ Панствѣ Римскомъ стоитъ посредѣ церкви, создань не отъ родимаго камене, но отъ плинѳъ самихь, не великь собою, въ долготу, яко десятъ лактій, въ широту же и високу яко осмь, ветхій зѣло, имущь по обою страну дверци, отъвнѣ убо отъ верху даже до низу въвесь мраморемъ бѣлимь гладцѣ обложенъ, яко аще кто не внійде въ его, не разсмотрить его, разумѣти имать яко въвесъ отъ единаго мрамора изсѣченъ есть, сице зѣло углажденними дсками каменними лѣпо облеченъ, яко лице въ нихь зрится человѣче, аки вь зерцалѣ. Созади дома того, си есть на стѣнѣ олтарной, изображенній есть напись Латинскимь діалектомь, письмени великими, сѣченними на мраморѣ, тими словеси: Christiane hospes qui pietatis votive causa huc advenisti, Sacram Lauretanam domum vides divinis misteriis et miraculorum gloria toto orbe terrarum venerabilem. Hic sanctissima Dei genitrix Maria in lucem aedita, hic ab angelo salutata, hic aeternum verbum Dei caro factum. Hanc angeli 1-mum e Palestina in Illiricum aducxere

ad tersanctum oppidum anno salutis 1291, Nicolao 4-to summo pontifice. Triennio post iniicio pontificatus Bonifacii 8-vi in Picenum translata prope Recinetum urbem in huius collis nemore eadem angelorum opera collocata est, ubi loco intra anni spatium ter commutato hic postremo. Sedem divinitus finxit anno 300. Ex eo tempore tam stupendae rei novitate vicinis populis in admirationem commotis tum deinceps miraculorum fama longe lateque propagata Sancta haec Domus magnam apud omnes gentes venerationem habuit, cuius parietes nullis fundamentis subnixi post tot saeculorum aetates integri stabilesque permanent. Clemens Papa 7-mus illam marmoreo ornatu circumquaque convestivit anno Domini 1525. Clemens 8-vus Pontifex maximus brevem admirandam translationis historiam in hoc lapide inscribi iussit anno 1595. Antonius Maria Gallus S. R. E. Praesb. Card. et Episcopus Auximi S. Domus protector faciundum curavit. Tu pie hospes Reginam Angelorum et Matrem gratiarum hic réligiose venerare ut ejus maeritis et precibus a dulcissimo Filio vitam auctore et peccatorum veniam et corporis salutem et aeterna gaudia consequaris. „Тоеежъ самое по Словенску: Христіанскій гостю, иже по желанію и обѣщанію здѣ пришелъ еси, святый Лаврetанскій домь зриши Божественними таинстви и чудесь славою отъ всего міра почитаемій. Здѣ Пресвятая Богородица Марія родися, здѣ отъ ангела благовѣствовася, здѣ предвѣчное Бога Слово воплотися. Сей ангели первое зъ Палестини въ Иллирикь пренесоша до трисвятаго мѣста, року отъ Рождества Христова 1291, вь время Николая четвертаго, папи Римскаго. По тріехъ лѣтѣхъ послѣди, въ началѣ папежства Вонифантія VIII, вь Пѣценъ принесень, близъ Рецинета града, на сей холма пустинни тѣмьжде ангеловь дѣйствомь поставель, гдѣ

мѣстомъ въ части году трижди премѣняющися, здѣ, на послѣдокъ сѣдалище Божественнимъ Промисломъ водрузи въ лѣто 300. Отъ того времени толь чудесной вещи новиною окрестніе народи къ удивленію возбудивши таже паки чудотворенми далече и шероко прославленъ святій сей домъ веліе отъ всѣхъ народовъ почитаніе имѣяше. Его же стѣни никаковимъ поддержими основаніемъ по толъ многихъ лѣтехъ цѣли и крѣпки пребиваютъ. Климентій папа седмій его мраморнимъ украшеніемъ окрестъ одѣя, лѣта Господня 1525. Климентій осмій, папа Римскій, краткую чудотворнаго пренесенія повѣсть на семъ камени изобразити повелѣ въ лѣто 1595. Антоній Марія Галлюсь С. Р. Ц. пресвитеръ, кардиналъ и епископъ Авксима С. Дому заступныкъ сотворити сія потщался. Ти, побожній гостю, Царицу агглоъ и Матерь благодати здѣ благоговѣннѣ почитай, да Ея предстателствомъ и молитвами отъ сладчайшаго Сина Жизнодавца и грѣховъ прощеніе и тѣлесное здравіе и вѣчную радостъ получиши".—До здѣ внѣшное лице Его. Многократнѣ же вхождахъ внутръ, поклоненія ради, съ прочіимъ множествомъ народа и разсмотрѣхъ вся въ немъ. Внутрное его зданіе простое, на четири угли, и якоже рѣхъ отъ самихъ точію плинѳъ безъ примѣшанія каменя природнаго, есть же зѣло старъ, яко не моглъ би стояти, аще не би отъвнѣ мраморомъ билъ огражденъ. Естъ же тамо внутрь и престолъ, служенія ради литургіи, сребромъ и златомъ и лампадами украшенъ, верху же онаго есть чудотворная безчисленно икона Пресвятія Богородици, не вѣмъ, отъ камене ли, или отъ древа, или отъ чесого инного сотворенна, се точію вѣмъ, яко не писанна на дсцѣ, но сѣчивомъ содѣланна, каменми же драгими и кленотами зѣло упещренна. Не увѣдахъ же и не вопрошахъ, еда ли со до-

момъ пренессся или послѣди поставленна есть. Созади престола въ стѣнѣ дому онаго, низу при землѣ, есть мѣсце маленкое, въ подобіе пещери или пещи, идѣже тамошнимъ нарѣчіемь именуютъ кузѣна, си есть кухня, на ней же (повѣствуютъ) яко яству варяше преблагословенная Владичица наша Дѣво Богородица. Еще же кромѣ того вси глаголютъ, яко мисочки и ложици и инніе сосуди господарскіе, иже въ дому томь обрѣтошася въ великомъ сохраненіи и доселѣ блюдутся. Изнесе же въ той часъ священникъ въ видѣніе всѣмь едину мисочку малу зѣло ветху, якоя украса загладися на ней и разсѣдеся на маліе части, того ради оправленна въ мосендзъ и держаше ю стоя при престолѣ и полагаху людіе различніе вещи, освященія ради, яко то: чотки, крести, хустки, перснѣ, мѣру пояса пресвятія Богородици и прочіи, яже въ томъ градѣ продаются. Полагахъ же и азъ недостойній многіе вещи тамо купленіи, обичаю послѣдующи, благословенія ради, и отнесохь съ собою. Стѣни дому оного внутрь сутъ зѣло учерненни и углажденни отъ лобизанія и прикосновенія народнаго. Еще же даєтся тамо вода всѣмь требующимъ, ею же омиваютъ оніе ветхіе святіе сосуди и олива отъ лампади, непрестанно предъ чудотворнимъ образомъ горящой, и хлѣбъ зѣло малъ, яко нѣкая монета, съ печатію богородичною, яже всѣ къ врачеванію недуговь употребляютъ; отъ тихь всѣхь и азъ недостойній воспріяти сподобихся. Доздѣ о дому. Градъ Лоретъ сѣдитъ верху гори високо, между иними горами и долинами, отъ моря недалече, яко три или четири поприща, строеніемъ не великъ и не високь, токмо лѣпотенъ и иматъ нѣкіе полати коштовніе; доми сутъ всѣ каменніе, ограду токмо иматъ едину и то не крѣпку, крѣпости же или фортеци не иматъ, но во подобіе веси составлень; славень вьсемь

христіанствѣ ради дома Богородична; коморь много торговихъ иматъ, въ нихь же продаются четки, разніе менталѣ, абриси чудотворнаго онаго образа и прочая безчисленная. Народа иматъ много живущаго, приходящаго же еще вяще, на поклоненіе, отъ различнихь бо странъ приходятъ тамо, начении отъ Полской, Нѣмецкой, Венгерской, Ческой, Венецкой, Грецкой, Римской, Гишпанской, Французкой, отъ прочіихь земель приходятъ, ихь же не вѣмь наректи, множестви ради; всякь бо грядій до Риму или до Бару по земли, на поклоненіе до Святителя Христова Николая, не минаетъ его, понеже на пути Римскомь стоитъ. Есть же отъ Рима далече 139 милъ, сіе версть, отъ Бару же четириста. Сотворшимь же намь и совершившимь доволно свое путническое поклоненіе, сотворихомь совѣтъ между собою, азъ сь другомь моимь Іустиномъ, камо имами первѣе шествовати, кь Риму или кь Бару. Разсуждахомь бо, яко аще пойдемь первѣе къ Риму, доволни будемь видѣніемь величества, красоти и слави его, и о меншихь уже небрегуще восхощемь возвратитися воспять, или, утружденни суще пѣшехожденіемь облѣнимься пойти поклонитися мощемъ угодника Божія Святителя Христова Николая. Егда же пойдемь первѣе кь Бару граду, и узрѣвши меншая, можемь, ради болшихь, на болшіе и далшіе подвигнутися труди. И умислихомь первѣе ити кь Бару. Въ понедѣлокь убо возсіявшу слонцу, идохомъ въ церковь и поклонихомся дому пресвятія Богородици призвавше же Бога на помощъ и его прелюбезную матерь, преблагословенную Дѣву Марію, яхомся пути кь великому чудотворцу и угоднику Святителю Христову Николаю. Изшедшимь же намь изъ града Лорета, идохомь первѣе горами, яко три или четири поприща, въ низъ до моря; таже пойдохь землею

иною, которая именуется Калаврія. Наченшимь намь ити землею Калаврійскою, бистъ намъ путъ просто на страну полуденную, завратися бо тамь море и зряшо брегъ просто прямо полуденнаго слонца; путъ же намъ (якоже прежде увѣдахомь еще въ Лоретѣ отъ пелгримовь) имѣяше бити весь воскрай брега морскаго даже до самаго Бара. И тако пойдохомь въ долготу землп тоя, шествовахомь же 9 дній, ово равнимь брегомь морскимъ воскрай води, овоже жестокими горами и високими, вь брезѣ моря стоящими и зѣло жестокое и острое каменіе на пути имущими, и воистинну не бистъ намъ нигдѣ тако путъ тяжестенъ, яко тамо. Шествовахомь же денно и нощно, не обрѣтающе госпиталовь кь преноще-ванію, понеже тамо путници не обикоша ходити, или яко мало усердіе имущи кь святому Николаю, или тяжестнаго ради пути; аще же инніи и ходять, то идуть отъ Рима чрезъ Неаполь инимь путемь великимъ. Не случашежеся тамо кромѣ двохь устрѣсти путниковъ, не ходятъ бо тамо такь, якоже путемъ Римскимь, якоже прежде шествующимъ намь въ Италіи не обрѣтахомь вь дни часа ни единаго, вь онъ же би не стрѣталися сь единимъ, двѣма, трома, четирма, пятма, иногда же и десятъма пелгримами, тамо же никакоже; страна бо та оскудна въ хлѣбъ, неимущая хлѣба бѣла пшенична, токмо чернь и тотъ драгь, земля бо тамо суха и неплодна, водъ здравихь неимущая, того ради и отъ благороднихь мало въ себѣ имать, но всесь народь нѣякій простолюдень, некрасноризенъ, нестраннолюбивь, ученій школнихь неимущь, вь всемь отмѣнень отъ Италѣянского. Тамо градовь знаменитихь нѣсть, токмо посредніе, и тихь мало, и не тако лѣпотни строеніемь, якоже вь Италіи; единъ токмо градь издалече видѣхомь нѣякійсь ветхій, именуемій Юліановь, той зряшеся отъвнѣ бити добро-

образенъ и крѣпокъ, внутрь же не вѣмь како, понеже не тако далече, яко високо отъ пути стояше на горѣ надъ брегомь морскимь, и не хотѣхомь трудитися кь нему, не градовь бо презирати, но мѣстомъ святимъ идохомь поклонитися. Прочіихь же градовь ниже имени вѣмь, понеже ниже вопрошахомь, иніи же нощію мимо идохомь, того ради, яко гостинниць не имуть кь пріятію путникомь, и тамо намь бяше гостинница, идѣже изнемагахомь или вь дни или вь нощи. Земля тамо суха до зѣла, ниже трави, ниже лѣса имущая; аще же и бяше, но далече отъ пути, весь же отъ веси такожде далече, и мнится бити край онь невесель и аки пусть. Болше би тебѣ и широчае желаль описати, благій читателю, но ниже азъ, ни сьпутникь мой Іустинъ могохомь, нужди ради превеликой. Воистинну бо не бистъ намъ нигдѣ тако путъ тяжестень, яко тамо, многажди бо прехождахомь рѣки и потоки, отъ между горь тамо вь море текущіе, иже не сутъ глубокіе, но бистріе, и дробное каменіе на днѣ имущіе, ихь же преходити нужда велія бяще. Преходяще бо ихь, преношахомь ризи своя верху главь и многажди ово отъ претиканія, ово же не тѣрпяще болѣзни отъ остраго онаго и дробнаго каменія подъ ногами слишимой, иже аки гвоздія въ ноги бодуть, иногда же и тяжестно уроняютъ, падахомь погружающеся и омочающеся сь одеждами. Едали можетъ что горчайшее бити? Прехождахомъ же потоковь тихь яко пятьнадесять или двадесять, частѣ обнажающеся и одѣвающеся, и паки обнажающеся, индѣже токмо презувающе сандалія. На сусѣ же такожде нужда бяше, не имѣхомь бо чрезъ 9 дній и нощій нѣгдѣ пути чиста, безъ камене; но аще брегомь идохомь воскрай води морскія, все бяше каменіе дробное, острое, якоже и въ потокахь, по немьже аще и въ сандаліяхь шествующе, бо-

лѣзнь въ ногахъ претерпѣвахомъ, понеже не можетъ на себѣ держати человѣка, но угнѣтаются подъ ногама и человѣкъ, ходя по нихъ, зѣло ослабѣваетъ. Аще же гдѣ путъ непроходенъ бяше воскрай води, тамо путъ раздѣляшеся отъ брега въ гори и паки на брегъ сходяше и паки совращашеся въ гори. На многихъ же мѣстѣхъ шествовахомъ горами високими и зѣло неравній путъ и острое каменіе имущими, идѣже велію нужду претерпѣвахомъ, не обрѣтающе води, ни веси, понеже тамо далече едини отъ другихъ селятся. Немощни же бѣхомъ пищи ради, яко ничто ино не имѣхомъ ясти, кромѣ хлѣбъ и лукъ, индѣже и того не имѣхомъ, но гладъ претерпѣвахомъ, испрошающе мало что, или ничтоже, купивши же съ собою нести не могохомъ, едва тѣло свое отъ горячести солнечной влекти могуще. Множицею же зѣло тяжестно падахомъ отъ частаго претиканія ножнаго о камень остръ и поражахомъ члени и разбивахомъ сосуди, въ нихъ же воду ношахомъ, и пребывахомъ безъ води, яже есть дражайша паче злата и сребра путшествующему. Случашежеся ходити блудяше алчуще и жаждуще въ горахъ и вертепахъ и пропастехъ земнихъ, къ Единому возивающимъ Богу; разслабѣвахомъ же и костми отъ хожденія и лежанія на камени твердомъ. Еще же къ тому въ самое горящое время мисяця Іюля и толь горящою страною полуденною шествовахомъ, яко всѣ намъ кости и составн тѣлесніе разслабѣваху и едва мозгъ въ главѣ не изсушися и едва чувства не повредишася. И уже не бистъ тамо когда путшествія описовати, не токмо бо писати, но ниже ясти, ниже сѣдѣти, ниже зрѣти, ничто разглаголствовати кромѣ нужнаго словесе возмогохомъ, полумертви суще отъ зноя солнечнаго и обліянія потнаго, преизлишше отъ насъ текущаго (здѣ всякъ разсуждай, путшествовати желаяй);

но ми сія вся претерпѣхомь помощію Вишняго. Таже по 9-ти днехь, въ среду рано, доспѣхомъ вь граду, именуемому Sanct Michael, то есть Святаго Михаила, стоящему на горѣ високой, яже именуеться Monte Gorgoneo, еже есть гора Горганская. Оній градь вь всей Калавріи и далечае есть пресловутій и славень. Стоитъ на високой зѣло горѣ, надь брегомь морскимъ стоящой. Доми въ немь каменіе и костели и кляштори, то есть монастири, сутъ зданніе лѣпо; вода обрѣтается здрава. Единою же точію оградою каменно огражденъ, якоже и Лореть; всходь ку нему и сходь такожде зѣло тяжестенъ есть, именуетъ же ся Санкть Михаелъ того ради, яко Святій Михаиль Архангель изгна оттуду змія. Есть бо тамо пещера некопанана, но отъ самородней скали отваленна въ долготу и висоту яко десятъ лактей, въ широту же яко двадесять, въ ней же древле живяше діаволъ вь образѣ змія, иже взимаше отъ людей, тамо окрестъ живущихъ, данъ отъ живихь мужей, женъ и дѣтей и подавляше я. Таже единою явися тамо воевода силь небеснихь Архистратигь Михаиль, и Божіимъ повелѣніемь изгна его оттуду. Идѣже нынѣ, въ незабвенну памятъ благодѣянія его, создаху людіе церковь вь имя его, каменимъ сѣченіемъ лѣпотнѣ устроенную, приградиша бо стѣни кь оной печещерѣ сь врати входними, пещера же невредима и нынѣ внутрь церкве стоитъ; входь же ко ней долгхь есть по степенехь, отъ великаго сѣченнаго мрамора созданнихь, ими же съ гори на низъ входити требѣ круто; но зѣло лѣпо и прохладно тамо, понеже подь покровомь; въ самой же церкви, внутрь въ пещери, прохлажденіе зѣло пріятное, яко изитти оттуду не хочется весма, аще бы и чрезъ цѣлій день попущено было сѣдѣти. Пещера оная многими явленми и чудесами прославленна есть. Тамо ми бихомь на службѣ

а на вечерни и видѣхомъ лѣпотное украшеніе церкви и пещери тоя и строеніе лампадъ горящихъ множество, ово позлащенныхъ, ово сребнихъ. Есть же тамо внутрь за престоломъ среднимъ студенецъ, зѣло сладку и хладну воду имущъ, ей же ми испивше по изобилной мѣрѣ удоволихомся. Естъ же тамо на великомъ престолѣ чудотворній образъ Архистратига Христова Михаила, златомъ и сребромъ и драгоцѣнними каменми украшенъ. Тамо ми, по обичаю пелгримскому, разсмотрѣвши вся и изшедши изъ церкви, паки идохомъ тимижде степенми на гору вонъ, и егда изійдохомъ, узрихомъ каменносѣчцовъ, при входѣ пещерномъ живущихъ, непрестанно сѣкущихъ и рѣжущихъ каменъ бѣлъ яко снѣгъ, и мягокъ къ дѣланію, отъ него же изсѣкаютъ маліе икони Святаго Архангела Михаила и крести и чаши и солницы и прочая, которое все продаютъ, а денги собираютъ на пещеру. Убогимъ же просящимъ и безъ денегъ маліе крести дарствуютъ. Продароваху же и намъ по единому, еще же къ тому мало купихомъ на благословеніе, таже пойдохомъ до манастировъ просити нѣчто снѣдно, бѣ бо полудне, и покормившеся препочивахомъ тамо даже до вечера и бихомъ въ тойжде пещерѣ на вечерни. Таже, заходящу слонцу, изійдохомъ оттуду, не хотѣхомъ бо коснити, яко желахомъ къ Бару ускорити, понеже недалече отстояти слышахомъ. Идохомъ же жестокимъ и узкимъ путемъ каменнимъ, зъ гори сходящи круто, яко три поприща, уже при мѣсяцу нощномъ. Таже знишедшимъ на равнину, шествовахомъ, донелѣже мѣсяцъ свѣтяше, егда же нощъ помрачися, яко не вѣдѣхомъ пути, совратившe на страну, гдѣ обрѣтше маслину, возлегохомъ подъ нею и спахомъ до утра. Заутра же, въ четвертокъ, возшедшой денници, пойдохомъ и прейдохомъ единъ градокъ не великъ, но лѣпъ, зъ огра-

дою каменною, стоящь на брезѣ морскомь близу, яко и огради его касается вода морская. Той городокь належитъ до вишереченнаго Санкть Михаель, есть бо пристанищемь его корабелнимь. Оттуду осташася намь гори на правой странѣ и бистъ уже поле равное даже до самого Бару, токмо маліе нѣгди долини являхуся, и идохомъ брегомь пѣщистимъ, чистимъ и мѣлкимь, бродяще вь водѣ морской, чрезъ весь день и нощъ. Заутра же, въ пятокъ, приходящимъ намъ къ единому граду Барлетѣ, видѣхомь недалече на полѣ равномь множество народа, влачащихь отъ езерь соль, яко дробное каменіе, лѣпу и бѣлу, и висиповаху отъ нея могили велики и множество ихь: бяху бо могиль вящше яко сто и езерь такожде множество. Въ езерахь зѣло мало води и вода въ нихь червоная мало, яко нѣкое вино, подъ водою же на днѣ соль зѣло чиста и бѣла родится. Тамо азъ видѣхь хлѣба много и котли кипящіе съ яствою, ради дѣлающихъ соль. Просихъ отъ нихъ милостини и даяху ми хлѣба много, яко едва могохъ понести, просихь же и соли мало, нужди ради подорожной, но никакоже нигдѣ же даху, еще же прещаху, грозящеся на мя и глаголющи нѣкая словеса своимь нарѣчіемь, но азъ не знаяхь ни мало ихь язика; стрежаху же мя и отгоняху скоро отъ себе, да некако возму мало отай ихь, валяшеся бо сѣмо и овамо мало, юже погубиша носяще и труждающеся, но никакоже мнѣ попустиша взяти и отъ той. Чудихься же не помалу, яко отъ толикаго множества ни мало соли мнѣ дадоша и недоумѣвахь въ себѣ, что и чесо ради бистъ сіе. Таже отъидохь оттуду и се преминувшу ми оніе езера и прешедшу яко поприще едино, абіе ять мя стражь на путу и обнажи мя даже до хитона и искаше соли, созирающе отъ перваго до послѣднего рубища моего, но не обрѣтоша ни мало,

не имѣхъ бо въ то время, аще бо прежде всегда сь собою соль ношахъ на пути, тогда же не бистъ: Богу тако отъ бѣди и напасти сохранити хотящу. И тако отпустиша мя сь миромь. Другь же мой Іустинь не бистъ тогда со мною вкупѣ, понеже езера оніе отчасти удалени суть отъ брега и стоятъ при пути великомъ и облѣнися тамо пойти, видѣнія ради, идяше же брегомь морскимъ, лючшой ради прохлади. Видѣ же онь возвращающихся отъ полю людій вьградь и вергающихъ вь море соль, елико кто изъ града изнесе, потреби ради и остася; инніи же висиповаху на брезѣ на сусѣ. Се же того ради, яко всѣхь тамо призираеть стражь, и аще би обрѣлы въ кого соль, то вь воузи полагаютъ его и поплащаетъ много, неимущи же чимь заплатити въ катергу отдаютъ его, яко злодѣя цесарского: соль бо тая цесарская быстъ Нѣмецкая. Іустинь же мой не вѣдяше такожде, коей ради вини мещутъ соль, и отшедшимь имь, взятъ на потребу свою, колико хотяще, и прейде брегомъ даже до самаго града, неусмотрѣвшой его стражи. И прославихомь Бога и Его угодника Святителя Христова Николая, яко молитвами его обою наю спасе отъ напасти. Таже, о полудни, прійдохомъ кь граду Барлету, которій есть великь и въ широту и долготу и изрядень строеніемь, полати лѣпіе и церкви и монастири такожде иматъ. Болшій и лучшій отъ Лорету и Санкть Михаелъ, подобній якоже Аримини, сѣдитъ отъ горь далече, яко едва зрятся отъ него, при морѣ, на брезѣ равномь; море касается огради его; при станище кораблемь многимь есть; люда внутрь много иматъ. Тамо ми не размотряюще долго, понеже знаяхомь, яко паки тамо имами прійти возвращающеся отъ Бара, кь Риму бо путъ тамо предлежаше, якоже увѣстихомся. Сего ради изшедше оттуду, сѣдохомь за вра-

ти градскими и снѣдохомь трапезу. Таже крестное на себѣ знаменіе положше и Св. Николая на помощь призвавше, пустихомся въ путь, совѣщавшеся денно и нощно шествовати даже до Бара, недалече бо, за тридесятъ миль точію отстояше, къ тому же нощь свѣтла бяше и путъ великь и широкь и единъ бисть. Шествующимъ же намь нощи тоя помежду прекрасними оградами виноградними и прелстившеся діаволомь прелѣзовахомь, идѣже зѣло низкіе обрѣтахомъ огради, и рвахомь отай ягоди, никому же слишущу, понеже въ день твердо стрегутъ я, въ нощи же не тако. Се же того ради, яко не имѣхомь тогда въ тиквицахь своихъ води и жаждни бихомъ, отчасти же страсть нась побѣждаше, яко въ то время еще точію начинаху дозрѣвати ягоди и едва очима ихь не ядохомь, найпаче же яко отъ странъ тѣхъ бѣхомъ, въ нихь же виноградь не родится, или мало. Обаче аще и малу кривду сотворихомь человѣкомь въ ягодехь, то Богъ праведень сій, комуждо даяй по дѣломъ его, наказа мя отчасти. Уже бо кончащойся нощи, егда утрудихомся отъ пути, минувше единь градь Тарань и обрѣтше при пути вь стѣнѣ огради виноградной созданное отъ камени точило, въ немъ же дѣлается вино, тамо изволихомь уснути мало. Сѣдшимъ же намь тамо внутрь и разрѣшшимься отъ сановь своихь, таже въ нѣдра моя вложихь руку, хотя извлещи патента и сокрити я, но не обрѣтохь прочее, ниже вѣдахь, гдѣ погубихь. Тогда разумѣвь бити казнь Божую на мнѣ и помислихь оніе словеса: „ищай чуждая, свое погубляетъ", и начахь скорбѣти и тужити, не вѣдяй, что творити. Оставихь же Іустина, да идетъ кь Бару и ожидаетъ мене тамо, самъ же возвратихся искати патентовь и идохь чрезъ останокь нощи и утро до полудне, ища и познавая мѣста, идѣже крадяхь ягоди или ино что дѣ-

лахь, но не обрѣтохь; такоже и вопрошахь всякаго стрѣтающаго мя человѣка, но ни какоже, ни отъ кого же увѣстихся, и уже вь обѣдное время паки прійдохь кь граду Берлетѣ и вшедши внутрь на средоградіе, многихь вопрошахь людій сь плачемъ, но не обрѣтеся обрѣтій. Пойдохъ же азъ вь канцелярію мѣсную и сказуя имь неблагополучній случай свой, просихъ у нихь или совѣта, что имамъ творити, или нѣкоей помощи. Они же даша мнѣ свидѣтелствованную грамоту съ подписомь самаго судіи и инних сьначалних ему двохь, въ ней же написанно бяше свидѣтелство о погубленіи патентовь моихь и прошеніе, еже вездѣ доброволній имѣти пропускь и страннопріятіе отъ всѣхь, равное сь прочіими пелгримами. И давше ми оное свѣдителство, рекоша, да яко аще и не обрѣтеши патентовь своихь, удобѣе съ тѣмь пройдеши всюду и пріятъ будеши. Азъ же взявши е, мало отради въ себѣ послишахъ, и благодарствуя имь отъидохь тогожде дне, въ суботу по полудни. Идохь же по малу денно и нощно, понеже утрудихся до зѣла и разболѣся ми правая нога, яко едва могохь шествовати. Мимоидохь же градовь четири, воскрай брега морскаго стоящихъ, лѣпіе доми и кляштори каменіе имущіе, сь огражденіями и врати, но меншіе отъ Берлети. Тамо же случися мимо ити брегомь морскимь два, или вяще поприщь, идѣже смрадъ исхождаше отъ моря, яко едва мощно терпѣти; идѣже вь брезѣ морскомь вь водѣ водних источниковь видѣхомь множество, воду горѣ испущающихь отъ спудовь земнихъ. Чесому почудихся не мало, паче же Божію смотренію.

Описаніе Бара града и яже въ немъ видѣхь.

И едва въ недѣлю, позно въ вечерь, ради болѣзни ножной, достигохь пресловутаго Бара града. Тогожде

дне и сьпутникь мой прійде тамо, токмо рано, и совокупившися паки, идохомь кь гостинници Святителя Христова Николая, стоящой при церкви, въ ней же мощи его опочиваютъ. Въ той гостинници всякому приходящему пелгриму даются три вечери и три постели кь преноіцеванію. Снійдохомъжеся тогда, не вѣмь десятъ или дванадесятъ, и по всегдашнему своему обикновенію оглядѣвши всѣхь патента, представиша намь трапезу честну, въ честь Святителя Христова Николая, и по доволной мѣри вина. По снѣденіи же ея и благодареніи, воведе насъ страннопріемникь внутрь гостинници и даде всякому свое ложе и спахомь вь славу Божію. Заутра же, въ понеделокь, идохомь въ костелъ, въ немъ же опочиваютъ святіе мощи Святителя Христова Николая. Вшедшимь же намъ тамо и созирающимъ, гдѣ мощи Святаго опочиваютъ, и не обрѣтахомь. Видѣхомь же множество народа сь женами и дѣтми, входящихъ внутрь и исходящихъ вонъ, по обою страну степенми каменними, тогда уразумѣхомъ, яко тамо сутъ мощи, и текохомъ абіе вь слѣдь ихь степенми мраморними шерокими, лѣпотнѣ созданними, подъ спудь великія церкве, деснимъ входомъ, два бо сутъ тамо входи, единаче созданніе, единъ одесную и единъ ошуюю. Тогда вшедшимъ намъ тамо внутрь, обрѣтохомь тамо инну церковь лѣпу, но не велику, яко до половини верхней, кратка бо зѣло и низка, токмо шерока, яко же и верхная, ея же верхь поддержится двадесятъ и шестми столпами, иже всѣ подобятся въ дѣлѣ, точію единь разнствуеть, меншій бо тонкостію отъ прочіихь и огражденъ кратою желѣзною. Престоловь точію два имать: единъ началній и другій подначалній, на нихь же священници на всякь день, отъ утра даже до полудне, непрестанно мшатъ, си естъ литургисають. Престоль первоначалный естъ весь сре-

брокованъ хитростнимъ и лѣпотнимъ художествомъ, стоитъ же посредѣ церкви, верху гроба Святителя Христова Николая. Подножіе церкви тоя бѣлими, гладкими и чистими дсками мраморними усланно есть, верхъ же ея весь лампадами сребрними украшенъ многочислинними, отъ нихъ же суть вяшше яко пятьдесять. Тамо ми слышахомь лутургіи, Римскимь нарѣчіемь и обикновеніемь отправованной, и по обичаю путническому помолшеся по силѣ своей, лобизахомь гробь Святаго, поневажь мощей не отверзаютъ никакоже или не имуть; не имутъ бо Римляне сего обикновенія, кромѣ великой потреби. Престоль же оній великій есть загражденъ сьпреди, въ подобіе вертограда, балясами, отъ мрамора искуснѣ сѣченними. На той убо оградѣ ошуюю стоитъ въ чаши сребряной мана, отъ мощей святаго Николая истекающая, аки вода, и частѣ кь ней приходя единь отъ священникь, помазуетъ на челѣ крестаобразно тѣхь людей, которіи, по вислушаніи литургіи, хощутъ отходити. Тамо и ми приходихомь многократнѣ и мазахомся маною оною. Не далече же того потира, на другой страннѣ, въ стѣнѣ, въ маломъ ковчежци, за кратою желѣзною, есть отдѣленна частъ суха мощей Святителя Христова, идѣже людіе приходятъ и касаются перстами, досязающе чрезъ крату, и лобизающе персти своя, чесому и азъ недостойній участникомь бити сподобихся. Егда же излѣзохомь оттуду вонь, вь церковь велику, которая на версѣ стоитъ, видѣхомь и строеніе ея, лѣпо и честно зданно, три врата великіе входніе имущое, сь столпи каменними и подножіемъ каменнимь, пространно въ долготу, висоту и широту расположенное. Медлящимъ убо намь въ Барѣ градѣ чрезъ три дни, на вечеру и нощеваніе ходяще кь вишшеписанной гостинници, въ день же потребная себѣ предьуготовляюще. Бивахомъ

же на всякь день на правилѣ церковномь въ храмѣ святаго Николая, и о многихь вещехь вопрошающи, ово отъ священникь, ово отъ людій увѣстихомся. Сутъ тамо близу церкви комори четири, продающіе сосуди шклянніе, различнаго вида и образа, имущіе на себѣ икону Святителя Христова Николая изображенную; сутъ же нѣцѣи зѣло маліи сосуди, нѣціи зѣло хитростнѣ и лѣпотнѣ созданніе, яко дивитися въ истинну. Сосуди же они великіи продаются праздни, ради взятія мира святаго Николая, отъ мощей его истекающаго, которое отъ церкви его раздавается всѣмь требующимъ. Нѣціи же сосуди, иже суть зѣло малы, наполненни зъ миромь, продаются и запечатани крѣпко, отъ нихь же азъ купихь нѣколико сосудецъ наполненнихъ и два праздныхъ и идохъ и наполнихь я вь церкви, и съпутникь мой Іустинъ такожде. Сосуди же оніе строятся коштомъ церковнимъ, и паки собранное за ня злато на управленіе церкви и на снабдѣніе гостинници путнической належитъ. Мира тамо дается доволно, елико кто хощетъ, токмо сосуди да' будутъ куплени отъ коморъ церковнихъ, на нихъ же есть изображеніе святаго Николая, кромѣ бо тѣхь, вь инніе отнюдь не дають. Сутъ тамо священници канонѣки, именуеміе стражіе гробу св. Николая, постановленніе въ равной честы того ради, да блюдутъ опасно себе и людій и гробь Святителя Христова Николая, и да сохранно ходятъ около святинь церковнихъ и да раздаютъ требующимъ оную воду, юже они тамо именуютъ S. Manna, святая манна, и прочая потребная да творятъ. Тѣхь тамо началствующихь священниковь, или стражей, вопрошахомь о двохъ вещехъ: 1) вопрошахомъ единаго отъ нихь, коль много манны отъ мощей святого Николая и чрезъ коликое время умножается? Онь же отвѣтствова намъ, яко на всяко

утро обрѣтается гробь полнь, и что раздается въ день, то умножается въ нощи, непрестанно бо течетъ, якоже слышахомь. Слышахомъ же еще, яко предъ праздникомь его, двѣма или трема днями, иногда зѣло изобилно манна умножается, иногда же мало биваетъ. И оттуду уразумѣваютъ неомилно, яко аще когда много биваетъ манны, тогда и соборь великь народа христіанскаго иматъ снійтися; аще же манны мало является, тогда и людей мало собирается. И толико прозорливь угодникъ Божій, точитъ цѣлебной манны, елико правовѣрному народу довлѣти. Сіе ми слишавше, удивихомся толъ чудесному отвѣту его. Паки вопросихомь его о вишшереченномь ономь мраморномъ столпѣ, въ малой оной сподней церкви стоящемь, что естъ и чесо ради огражденъ желѣзною кратою онь единъ, инніи же не сутъ огражденніи столпи? Отвѣтствова намъ сице: яко егда токмо сія церковь вь имя Святителя Христова Николая сдатися начатъ и основаніе утвердиша и умислиша я здати на 20 и 6 столпахъ расположити, и поставиша дѣлатели отъ мрамора изсѣченнихъ кійждо на предуготованномъ своемь мѣстѣ столповь числомъ 25. Скорбяху же дозѣла, яко 26-го недостояше, не могоша бо уже нѣгдѣ обрѣсти мрамора, аще и прилѣжно искаху, и тако празной оставшейся церкви и дѣлателемъ, и всему граду вь печали бившу. По нѣколицѣхь днехь, чудеснимъ промысломь великаго чудотворца Святителя Христова Николая, явися нѣякій столпь мраморній, внѣ града на морѣ плавающь, аки нѣкое древо. Видѣвше же рыбаре и прочіи людіе, хотяху яти, но никакоже возмогоша егда бо точію кто коснутися хотяше, онь потопаше вь глубину, послѣди же паки плаваше, и тако оставиша его. Нощи же надшедшей, и се въ самую полунощъ, егда вси людіе спаша, начаша по всемъ градѣ гласити кимвалы сами, безъ

движанія человѣческаго. Въ тоже время св. Николае сь двѣма ангелома несяше оній столпъ отъ моря вь градъ и принесши вь церковь на мѣстѣ предъуготованномъ постави его. Абіе же вси вь градѣ возбудившеся, текоша въ оную церковь, и иже первѣе ускориша и притекоша скоро вь церковь, видѣша очевидно, како, св. Николай сь двѣма ангелами поставляше столпь, послѣдиже невидимъ бистъ. И видѣвше людіе чудо таковое, прославиша Бога и угодника Его; въ незабвенную же памятъ образъ чудотворенія того написаша на стѣнѣ високо, на странѣ десной, вь верхнемь костелѣ, иже и доселѣ пребиваеть. Покушахомъжеся просити часть малу отъ мощей угодника Божія, но никакоже получихомь, нѣсть въ Римлянь таковаго обикновенія, якоже въ Грековь, еже би сѣкти мощи святіе на раздаяніе, или знаменоватися по вся дни, отверзтой суще рацѣ. Аще же и дарствуютъ нѣкогда часть отъ моще, то развѣ царскому лицу. Тамо же токмо раздавается манна святая отъ мощей Николая искапающее, еже они тамо вь своемъ нарѣчіи именуютъ manna sancta, то есть манна святая, не вѣмь чесо ради. Вопрошахомь же паки его о вишшереченномь столпѣ, чесо ради кратою желѣзною огражденъ есть? Отвѣствова, яко столпь оній цѣлби многи творитъ, найпаче же отъ болѣзни главной, и егда прежде не огражденъ стояше, мнозіи начаша усѣчати его или угризати орудіями желѣзними отай, исцѣленія ради;, того ради оградиша его кратою густою, яко токмо коснутися перстами мощно, якоже и доселѣ творятъ, осязающе его и цѣлбу пріемлюще. Есть же тамо въ верхней церкви чудотворная икона Святителя Христова Николая, по правой странѣ стоящая, при ней же знаки многи и свѣдителства висятъ новосотворенних въ Барѣ градѣ по пренесеніи мощей чудесь. Видѣхомь висящій

образъ великого корабля, его же отъ потопа смертнаго избави. Видѣхомь тамождe кость велику, яже ланцухомь желѣзнимъ окованна виситъ и доселѣ на стѣнѣ, толстая, аки нога человѣческая, долгая же на два сажны. Нудоумѣвахомъ же, кая есть костъ и чесо ради виситъ здѣ въ церкви. Вопросихомъ же единого отъ стражей гроба С. Христова Николая, иже искуснѣ о всемь вѣдяше. Той повѣда намъ не токма о томъ, но и о многихъ его чудесехь и безчисленнихь вещехъ. Глаголаше же намъ о кости оной сице: единъ отъ рибарей тамошнихъ, егда верраше мрежу вь море, верже на имя святаго Николая, рѣкь въ себѣ, яко не всуе трудь мой на имя его будеть; и абіе ятъ рибу толь зѣло велику, аки гору, яко отнюдь ея никаковимь образомь извлекти можаше, и моли паки тогожде скораго помощника, да якоже пособіемъ его улови, сице извлечеть, бояше бо ся, да не како и его потопитъ. И тогда едва съ великою нуждою, первѣе огненнимъ оружіемь въ водѣ заби, таже извлече мертву. Той изятши едину отъ ребрь ея кость, принесе вь церковъ Святителя Христова Николая и исповѣда предъ всѣми преславное чудотвореніе его. Взяша же церковники оную костъ и оковавше ланцухомь желѣзнымъ, повѣсиша на стѣнѣ десной въ церкви верхней, между инними знаменми чудесъ его, яже виситъ и доселѣ на болшае прославленіе угодника Христова. Видѣхомь паки висящь тамождe на ландцуху зубь слоновь, такожде великь, якоже и костъ иже такожде чудеснѣ малою силою уловленъ бистъ и въ знаменіе благодарствія отъ ловца оного зубь его принесеся вь даръ святому Николаю. Многая же инная, на дскахъ изображенная, сами видихомь чудеса и чтохомь на нихъ Латинскіе подписи, како и когда сотворишася. Ихь же, множества ради, и писати время не довлѣеть и памястковати

невозможно. Сего ради отъ тѣхъ всѣхъ, отъ нихъ же лучше увѣдахъ, написахъ, прочая же оставляю. Се токмо, благій читателю, оставити не могу, еже на мнѣ собистся даръ исцѣленія отъ того жъ угодника Божія. Еще бо днемъ предъ входомъ моимъ въ градъ Баръ, (якоже предъписахъ), не вѣмъ откуду, отъ путшествія ли, или естественнѣ разболѣся нога десная на пути, яко едва могохъ прійти къ граду; таже чрезъ три дни паче разболѣся и одмеся, аки бревно, яко едва съ великою нуждою хождахъ по градѣ, пищи ради и инной нуждной потреби, и ниже въ сандаліяхъ можахъ ходити, но босъ. Печаленъ же бѣхъ азъ зѣло, яко не у еще мимошедшей скорби о згубленнихъ патентахъ, найде сія вторяя. Присно же прихождахъ къ гробу Святителя Христова Николая, моля его съ слезами, да ми поможетъ въ обѣхъ тѣхъ. И се молитвами его по двою днію безъ всякаго иннаго врачеванія, не вѣмъ како ищезе толстота отъ ноги моея и хождахъ здравъ, якоже и прежде. Сіе азъ разумѣвъ бити не кого иного, токмо отъ с. Николая, и благодарихъ Бога и его угодника. Въ тоже время, егда болѣзновахъ на ногу въ Барѣ градѣ, случися пойти вкупѣ съ другомъ моимъ Іустиномъ до единого Францешканского конвента, си естъ монастира, ради прошенія снѣди, идѣже единъ отъ братій тѣхъ, имѣяй любовь Божію и ближняго въ сердцу своемъ, изнесе намъ окрошцовъ хлѣба бѣла и чиста, отъ трапези оставшихся, съ инною яствою и вина мало. Таже, по снѣденіи того въведе насъ внутрь монастира, внутрь единаго угла темна, обѣщася намъ еще нѣчто принести въ снѣдь, и о отъиде, повелѣвая ожидати его. Таже принесе полнъ обрусецъ винограда сладкаго сухого и давши его намъ въ руцѣ, абіе самъ вержеся долу, хотя мои облобизати нозѣ, мнѣ же не допускающу его, заклятъ мя именемъ Іисуса

Христа, да невозбраню ему, и оставихъ по волѣ его сотворити, и той нагіе мои и грѣшніи облобиза нозѣ и даде сандалія; такожде и друга моего Іустина, но той бяше здравь и обувень въ сандали, сего ради верху сандаль лобиза его, и отпусти насъ съ миромъ. Ми же присно поминающе толь великую любовь и смиреніе инока того, удивляхомся зѣло, понеже еще первое случися видѣти толь великую добродѣтель въ Римлянахъ, еже въ незабвенную память написахомъ въ путницѣхъ своихъ. Разсмотрѣхомъ красоту града, которій величествомъ и красотою есть, якоже и градъ мимошедшій Берлета. Стоитъ же на веселомъ полю, далече отъ горъ, яко едва зрятся отъ тамо, на мѣстѣ равномъ, пѣщистомъ, чистомъ, на самомъ брезѣ, яко отъ единія страни ограду его омочаетъ волна морская. Строеніемъ костеловъ, монастирей и домовъ естъ лѣпотенъ, народа въ себѣ живущаго имать много, такожде и отъ приходящихъ на поклоненіе по морю и по суху есть множество. Тамо поставленъ есть престолъ архіерейски и архіепископъ, тамо живій, началствуетъ. Градъ той оградою каменою огражденъ есть лѣпо, съ врати отъ каме сѣченнаго зданними. Окрестъ града сутъ много садовъ мигдаловихъ, инное овощіе имущихъ, виноградовъ же такожде и маслинъ веліе изобиліе. Тамо пашенъ мало, отъ пристанища же морскаго много живетъ, понеже множество чуждостраннихъ и окрестнихъ людій съ кораблѣ припливаютъ и куплю дѣютъ. Стоитъ же въ самой странѣ полуденной (якоже слишахъ) въ конецъ земли, яко отъ тамо точію три дни пути противу полудне, идѣже самій конецъ и острота земли тоя есть, къ которому концу пришедши человѣкъ не можетъ вящше далечае шествовати просто, но или на западъ или на полуношъ возвратитися долженъ, отъ всѣхъ бо странъ окружаетъ море.

Предьуготовавшимъ же намъ вся тамо вь Барѣ градѣ и уже хотящимъ изійти, зѣло жалѣхомь, яко не видѣхомъ цѣлихъ мощей С. Христова Николая и како отъ нихь истѣкаетъ манна святая, никому бо не отверзають гроба. Ми же просихомь зѣло прилѣжно всѣхь оних стражей гробу Святителя Христова, глаголюще, яко ми отъ толь далечайшихъ странъ не возлѣнихомся прійти, единаго ради того, да видимъ и лобизаемь мощи угодника Божія, - нынѣ же тщи отходимъ въ желаніи. Како убо и что проповѣми инимь, не видѣвши и не увѣдѣвши сами, и проч. Умилосердившижеся прошенію нашему, повелѣша замедлѣти намь кь вечеру и ускорити въ церковъ предъ вечернею, прежде даже не снійтися людемь, отай хотяще намъ отверзсти гробь Святаго, да не будеть зазорь вь людехь, понеже не имутъ обикновенія никомуже показовати. Ми же сотворихомь, яко же намъ повелѣнно бистъ, и егда прійдохомь предь вечернею въ церковь, поведе насъ экклесіярхь въ скарбницу церковную, идѣже вся святая содержатся, показова же намъ многіе мощи святихъ подробну. Показоваше ость, яже главу Христови даже до мозгу пронзе вь время Страстей и одежду его нешвенную; власи Пресвятой Богородици; крестъ Григорія Богослова; зубь Маріи Магдалени; губу, отъ нея же Христосъ на крестѣ піяше оцеть съ желчію; частъ мощей Архидіакта Стефана; святаго Іякова, брата Господня, и другаго Іякова и проч., ихь же, множества ради, воспомянути не могу, но нѣкія, ихъ же памяствовахь, написахь. Послѣди же поведе нась въ оную вишеписанну церковь, яже есть подъ спудомь верхнея церкви, кь великому олтару, отъ сребра ськованному, и отверзи спреди маліе дверци, яко точію человѣку мощно вползти чревомь. Вползеже первѣе до пояса тамо самь онь ключехранитель, и зазже маль свѣ-

тилникъ, дазримо будетъ. Влѣзохъ же азъ многогрѣшній по немъ и мнѣхъ раку отворенну бити, якоже въ нашихъ странахъ повсюду всегда рака отверзается, якоже ковчегъ или, просто рещи, скриня. Тамо же не тако: рака бо мощей святаго никакоже отверзаеться, понеже отъ мрамора изсѣченна толсто и шероко, аки нѣкій сосудъ, или ковчегъ, и глубоко въ землю яко на 5 пядій, равно съ подножіемъ престола постановленна недвижимо и дскою великою, такожде отъ мрамора изсѣченною, приваленна крѣпко вьеже не отверзати никогда же. Се же, мню, того ради, яко мощи нѣ суть, но или украденны отъ ныхъ, или инуду сокровенны, или раздробленны на маліи частицы и разданны вьмѣсто святыхъ Римскихъ и не мощно народу являти я. Сквозѣ же оной дски мраморной сверху есть оконце просѣченное, круглое и невеликое, яко можетъ таляръ битій покрити его. Бистъ же тогда онымъ оконцемъ на ланцужку желѣзномъ внутрь зажжена свѣща и завѣшенна глубоко, яко до поль раки. И влѣзши азъ тамо внутрь, положихъ едино око надъ оною дирицею и видѣхъ раку оную мраморну глубочае лактя въ земли, аки криницу, до половини води, или манны, имущую, яже, аки найчистшая вода, свѣтла есть, и сквозѣ ю подъ спудомъ зрятся аки би кости бѣліе, отъ нихъ же аки потніе краплѣ исходять непрестанно, тѣла же нѣстъ, но все расплися, глаголють, вь миро, и кости не мощно познати отъ каковаго члена суть, понеже не на своемъ мѣстѣ лежать. Егда же излѣзохъ азъ оттуду, влѣзе по мнѣ другъ мой и сьпутникъ Іустинъ. Вопроси же мя оній канонѣкъ, иже отверзе гробъ святаго, едали видѣхъ добрѣ? Отвѣщахъ, яко видѣхъ, токмо не могу уразумѣти, како тамо (якоже прежде отъ многихъ слишахъ и чтохъ) отъ колѣна деснаго истѣкаетъ миро святое. Онъ же рече ми, яко невозможно есть по-

знати, кая костъ отъ колѣна и кiи иннiи, вси бо не на своемь мѣстѣ лежатъ, но смѣшенны, пренесенiя ради; отъ колѣна же деснаго точiю начатъ миро точитися, нынѣ же отъ всѣхь равно костей исходитъ. Егда же излѣзе другь мой Iустинъ, паки азъ смотрѣхь вторицею и уразумѣхь лучше. И не мнятся быты истинны кости, но отъ тогожде мрамора хитростно изсѣченны, якоже уразумѣхомь съ Iустиномъ. Таже послѣди вопросихомъ стража гробу онаго, аще убо гробъ никогда не отверзается, то како почерпають миро? Отвѣствова, яко сквозѣ оное малое оконцо тягнутъ хитростнѣ единимъ инструментомь. Тогда ми за вся, яже видѣхомь и слышахомъ, Богу благодаренiе сотворши и Его угоднику Святителю Христову Николаю, изiйдихомь отъ Бара града тогожде дне, въ среду, предъ захожденiемь слонца. Идохомь же паки воспятъ тѣмь же путемъ 30 милъ, даже до предреченнаго града Берлети. Шествовахомъ же сь укосненiемъ двоихъ ради винь: 1) яко начахь немоществовати на фребру, которая мнѣ сотворися отъ многаго питiя воднаго, жаждну сущу; 2) замедлѣхомь на пути, вопрошающе по градѣхь и стогнахъ о изгибшихъ моихъ патентахь, ихь же азъ погубихь прежде, еще идучи до Бару; обаче не обрѣтохомь ихь. Тогда скорбяхь же азъ дозѣла и отнюдь не хотяхь шествовати кь Риму отъ предѣль тѣхь, донелѣже би не моглъ обрѣсти. Сего ради отъ начальника града, именуемаго Траань, отстоящаго за шестъ милъ отъ града Берлети, взяхь листъ, писанный до губернатора Берлетского, ходотайствующiй за мя, даби повелѣль вопросити и зискати по градѣ отъ своихъ и отъ приходящихъ людей о згубленнихь моихъ патентахъ. Прiйдохомь же паки кь граду, рекомому Берлета, Августа 1 числа, въ день суботнiй, на святихъ мученикь Макавей, и идохомь кь губернатору града того съ оною

предъреченною картою. Бистъ же тогда часъ обѣда и рече намъ, яко да прійдемъ въ вечеръ, писаніе же взятъ къ себѣ. Другъ же мой и сьпутникъ Іустинъ Леннѣцкій молвяше и скорбяше на мя, не хотя мя ожидати, глаголющи, яко всуе и время погубляю и трудъ подъемлю, патентовъ же никакоже обрѣсти возмогу. Уже бо рече: изгибшое погибе, и къ тому возвратитися не може, понеже и самъ не вѣси, гдѣ погубилъ еси. Къ тому не вѣси язика и не можеши вопрошати о семъ. И что прочее трудишися: аще и патента погубилъ еси, то имаши свѣдителство отъ града сего, въ немъ же пишетъ, да вездѣ данъ будетъ пропускъ и вѣроятіе, и угощеніе, яко ни въ чемъ жадного подзору неимущему. Сицева и ина ми онъ совѣтоваше, да оставлю прочее скорбѣти и труждатися о патентахъ. Но не послушахъ его, понеже помислихъ въ себѣ, яко пелгримъ безъ патентовъ нечто инно есть, токмо человѣкъ безъ рукъ, воинъ безъ оружія, птица безъ криль, древо безъ листвія. Кто бо можетъ ему вѣру яти, яко въ тѣхъ и тѣхъ странахъ путшествоваше, или тамо и онамо биваше. Кромѣ же сихъ винъ, всякому путнику сладко естъ воспомянути путшествіе свое и видѣти свѣдительства потнаго труда своего съ подписаніемъ великихъ лицъ духовнихъ, мирскихъ. Словомъ реку, яко по путшествіи пелгриму патента чрезъ все житіе его единимъ утѣшеніемъ сутъ. Сего ради положши надежду на Бога и на С. Николая, умислихъ попеченіе имѣти о своихъ патентахъ дотолѣ, донелѣже би ихъ моглъ обрѣсти. Сьпутникъ же мой Іустінъ Леннѣцкій не хотящи мя ожидати (аще и много его молихъ), остави мя и пойде преди къ Риму, обѣщаяся на пути ити съ укосненіемъ, да послѣжде постигнути его удобіе возмогу. И тамо оставивъ мя самаго скорбна и болѣзненна, отъиде. Вечеру же приспѣвшу, пойдохъ азъ къ предписан-

ному губернатору града и молихъ его, да что отвѣтствуетъ на вишшеписанную хартію, онъ же хрістіанское свое на мя показавши милосердіе и сожалившися о падежу моемъ неблагополучномъ, посла абіе единаго человѣка съ мною на плацъ, си есть на базаръ, да возгласитъ явѣ предъ всѣмъ народомъ и прилѣжно вопроситъ о згубленнихъ моихъ патентахъ. Сотвори же рабъ онъ повелѣнное, и егда начатъ вопрашати по градѣ велегласно, абіе обрѣтеся человѣкъ онъ, иже обрѣте патента мои на пути, не имѣяше же съ собою, но остави въ дому, идѣже пребиваше, иже отстояше за 5 миль отъ Берлети, вьспять къ Бару, понеже человѣкъ онъ бяще отъ иннаго града и прихождаше тамо куплю дѣяти. Обѣщася же мнѣ ихъ наутрѣе привезти, егда возвратится къ дому; обаче сведе мя, всегда бо отъ утра до утра отлагая, удержа мя тамо чрезъ 5 день, еже 5 дный мняхуся бити долги, яко 5 недель. Се же сихъ ради винъ: первое, зѣло скорбяхъ, яко чрезъ дни тіе сьпутникъ мой Іустинъ далече отъиде, и не чаяхъ его отнюдь постигнути; 2) яко не имѣхъ съ собою сребра и гладомъ изнуряхся, не имѣя за что хлѣба купити; того ради и нѣкія вещи тамо продахъ, пищи ради, аще бо и вещи оніе зѣло мнѣ нуждніе бяху, обаче пища тогда нужднѣйша бяше. Еще бо въ всей Италіи и въ иннихъ странахъ нѣгдѣ не случися видѣти толь драго продаемаго хлѣба, яко тамо, и сице чернаго; пекутъ же хлѣби невелики, яко въ полфунта, или вящше, тяжестни, и продаютъ ихъ по четири баіоки единъ. Полтретя баіока Неополитанского и Римскаго цѣнить шестъ грошей Полскихъ. Отсюду всякъ разсуди и сложи цѣну. Егда же кто онаго хлѣба или не можетъ, или не хощетъ два или единъ купити, но или полтора и полъ-хлѣба токмо, тогда хлѣбопродавци прерѣзуютъ на полъ и полагаютъ

на мѣрилѣ, едину одесную и едину ошуюю, и егда премагаеть тяжестію едина другую, тогда оной мало отрѣзуеть и прилагаеть кь второй; егда же сьравнятся обѣ части, яко мѣрило ниже сѣмо ни овамо двигнутися не можеть, тогда купуяй, каковую хощеть береть половину, не лишитъ же ни малѣйшей крупици отъ своея части у хлѣбопродавца остатися, но изметши до послѣдней, отходитъ. Не вѣмь же казнь ли Бозкая тогда бистъ, или всегда тако: аще бо и вь всей Калавріи по-надь моремъ, наченши отъ Лорету даже до Бару, чернѣйшій и дражайшій хлѣбъ продается, но нѣгдѣ же дражае, яко въ ономь градѣ; прочія же вещи на цѣнѣ мѣрной продаются: мясо, рыба, вино, овощіе оградини, найпаче же елей, малоцѣнно, понеже изобилно его тамо родится, и мигдалнихь плодовь такожде. Се ми бистъ велія нужда, яко убогь бѣхь и не имѣхь за что хлѣба купити въ чуждой и гладной странѣ; испросити же отнюдь не возмогохь, понеже единь день, отъ утра до вечера, хождахь тамо по градѣ и едва съ нуждею испросихъ толь хлѣба мало отъ всѣхь людій, яко ниже снѣдохь до ситости; кромѣ же хлѣба, аще даяху что инно отъ варенія, то не можахь ясти, ни мяса, ни сирна, ничтоже, понеже пость тогда Августовь бяше и должень бѣхь его сохранити; 3) яко немоществовахь на фебру, и не бяше тамо странноприіемници пелгримской доброй сь постелми, якоже вь прочіихъ градѣхь, но есть тамо едина пуста сь нагими одрами. Тамо азъ чрезъ оніе 5 день лежахъ и страждахъ на фребру лютую, иже мя ово хладомь, ово же огнемь мучаше. Тогда Богь вѣсть, каковую азъ тамо нужду претерпѣхь отъ алчби, жажди и болѣзни, не могущи ниже испросити, слабости ради, ниже имущи за что купити пищи себѣ, ниже помагающаго, ниже служащаго ми, ниже призирающаго на мя, кромѣ еди-

наго Вседержителя Бога. Тогда зѣло болѣзновахъ сердцемь и отъ великаго жалю скорбяхъ дозѣла на сопутника своего Іустіна и кленяхь его многократнѣ сь плачемъ, понеже остави мене въ таковой нуждѣ, и въ сицевомь неблагополучіи, и просто рекше, на чужой сторонѣ, при лихой годинѣ, еже би и невѣрній не сотвориль, аще би вкупѣ друголюбно сь хрістіаниномъ шествоваль. Что бо можетъ лютѣйшое бити: имущи брата и друга своего искреняго, единія вѣри и единія странни сь нимь сущаго и чрезъ многое время вкупѣ на единой трапезѣ сь собою хлѣбь ядущаго и въ далекіе чуждіе странни сьпутшествующаго вьремя скорби и неблагополучнаго падежа въ чуждомь и незнаемомь краю съ нимъ разлучитися? И кій видъ безъчеловѣчія сверѣпѣйшій изобрѣстися можетъ, яко его болѣзненна отъ разслабленія тѣлесе валяющася на пути, или вь градѣ въ народѣхь тѣхь, идѣже язика ихь не знаеть, безъ одра и постели, на твердинѣ валяющагося и не имущаго отъ кого крапли води, прохлажденія ради, испросити, оставитъ, отбѣжитъ, и всеконечному небреженію его предавши, отъидетъ. Се тако искренній другь мой и съпутникь сотвори; се познася братняя любовь; се явися хрістіанское помилованіе. Гдѣ оній непремѣнній искреняго пароль? Гдѣ оное шляхетное товариша слово? Гдѣ оная твердая клятва, еже другъ друга не оставити, аще и въ падежи смертномь? Се пароль премѣни, слова запрѣся, клятву же разруши и потреби. Тогда азъ возвергахь на Господа печаль свою и поминахь пророческіе словеса, яко и „ближніи мои отъдалече мене сташа“, и егда пренемагаше духь мой отъ облежащея мя болѣзни и скорби, помянухь Бога и возвеселихся, и тогда на мнѣ собишася Давидови глаголы: „Скорбь и болѣзнь обрѣтохь и имя Господне призвахь“.

Глаголю же, яко нѣгдѣ тако другол̃юбіе искреное познатися не можеть, якоже въ путшествіи, аще бо тогда кто брата своего не презрить, то николиже. И явиль би ти, читателю благій, широчае нужду свою, но понеже, недуга ради своего, не тогда писахь, когда что сотворися, но послѣди, сего ради вькратцѣ изявивши, прочее оставляю. Тогда человѣкь оній, иже обрѣте мои патента, оть утра до утра удержаваше мя ожидати, донелѣже привезеть ихь, и сведе мя даже до пяти дній, лѣняся отходити въ домь, азъ же, недуга ради своего, не можахь ему часто стужати о семь. И тако едва по шести днехь замедлѣнія моего тамо, чрезъ инних людій вишуканіе патента получивши, Августа 6 числа изійдохь оттуду, въ четвертокь рано, самь единь, Бога предитечу и руководителя имѣя и скораго помощника Святителя Христова Николая, не имѣхь же оть человѣкь сь собою ни единаго сьпутника. Пойдохь же оттуду путемь новимь, чрезъ великій Неаполь, кь Богомь спасаемому и преславутому граду Риму, на страну западную, идѣже шествовахь три дни и три нощи путемь добримь, овогда равниною, овогда же зѣло малими горами, токмо горящимъ краемъ, и полемь, нѣмало древа, ни травь не имущимь. Идохь же азъ тогда зъ великою нуждою, на всякь день стражда на фребру и множицею валяяся при пути, на поли пустомь и на знои солнечномь, стражда, трясійся и паляся, не имѣя ни кроплѣ води омочити язикь свой, овоже при австеріяхь лежай, си есть при корчмахь подорожнихь, и не имѣй за что купити пищи или питія, едва сь нуждею единаго хлѣба испросити могій, понеже не знаяхь ихь нарѣчія, и къ тому не смѣяху кь мнѣ ближатися, да не прейдеть болѣзнь на нихь, видяху бо мя не имуща своего друга и различно о мнѣ помишляху; понеже тамо безъ дружби не проходять путници,

развѣ аще кто отъ ближной страни есть. Тогда азъ чрезъ три дни прелѣзши зъ нуждею отъ Берлети 44 мили, прійдохъ къ граду, именуемому Троя.

Градъ Троя въ земли Калавріи, стоитъ на положенію веселомъ и красномъ, на мѣстѣ високомъ, при горахъ великихъ, на едной низкой горѣ, широтою и долготою средній, отъ Берлети меншій, токмо лѣпъ строеніемъ костеловъ, полатъ, домовъ и улицъ, весъ отъ камени зданъ и оградою такожде каменною огражденъ единою. Стоитъ при водѣ здравой, иматъ всякое доволство и хлѣбъ дешевшій, нежели въ преднѣхъ градѣхъ. Есть же тамо болница, нищихъ и страннихъ ради сотворенна, и видѣвше мя людіе недужна суща, совѣтоваху мнѣ, да иду тамо и исцѣлюся, есть бо, рекоша, тамо пристановленній врачь, иже дозираетъ болнихъ, и дается пища и питіе, Христа ради. Болница оная именуется Sant Ioanne di Dio, то есть Святаго Іоанна Божія. Послушавши же азъ совѣта ихъ, пойдохъ тамо, и пріяша мя безъ отреченія; обнажиша мя отъ ризъ моихъ и давше ми бѣль и чистъ хитонъ и одрь мягкъ уготованъ, повелѣша мнѣ лежати. Прихождаше тамо врачь на всякъ день два рази, рано и вечерь, созирати болнихъ; прихождаше же и къ мнѣ и разглаголствоваше съ мною нарѣчіемъ Латинскимъ и омацуя жили мои ручніе, рано и вечерь, обѣщася мя сотворити здрава, и еже хотяше, то повѣлѣваше тамо служашимъ, что давати ясти и что пити и какову мѣру. Пища же даяшеся два рази на день, но зѣло мало, овогда бо едино варенно яйце, овогда же нѣчто отъ варенія и едина чашица студеной води. Тамо азъ въмалѣ не исчезохъ отъ малоястія, пайпаче же жажди ради, понеже, кромѣ единой чаши при обѣдѣ и второй въ вечерь, ни въ дни, ни въ нощи, ниже кроплѣ води не даяху, повелѣніемъ врача. Тамо азъ лежахъ

3 дни, чрезъ неделю, понеделокь и во второкь, мня увраченань бити. И видѣвь мя цѣлби не получивша, но паче ослабѣвша, къ тому же и время погубивша, не хотѣхъ болѣе самь лежати, но молихь ихь, да мя отпустять, они же удержаваху мя, совѣтующе еще нѣкія дни замедлити, да оздравѣвши отъиду, нѣсть бо (рекоша) въ насъ обичай, еже пріявши болнаго въ гостинницу, отпустити его неисцѣленна, сего бо ради и создася, да убогимь болящимь поможемь Христа ради. Азъ же благодарствовахь имь за страннопріятіе и сицевое благодѣяніе, болше же отнюдь премедлѣти не хотѣхь, чухь бо мя паче горѣе ослабѣвша, нежели прежде бѣхь. Се же о скудной ради пищи и питія. И молихь, да мя отпустять. Они же насиловати мя не хотяще, отдадоша ризи моя воспять и отпустиша съ миромь. Изійдохь оттуду Августа 9 числа, вь вовторникь пополудни. Не могохь же абіе шествовати отъ залежанія онаго, разслабленъ бо бѣхь всѣмь тѣломь, сего ради замедлѣхь тамо вь градѣ, прохождаяся помалу даже до вечера. Нощи же нашедшей изійдохь внѣ града и спахь на поли, не возмогохь бо тогда шествовати, залежалій суще. Таже отпочивши на вѣтрѣ чрезъ нощъ, заутра въ среду, Августа 12 числа, едва не сь плачемь начяхь ити чрезъ гори високіе и великіе, отъ всѣхь странъ далече обстоящіе, помишляя свою немощъ и безъдружіе и предъставляя себѣ предь очи долгій и тяжестній путь и нескорое возвращеніе къ дому воспять. Молыхь же всемогущаго Владику и Бога, да мя свободитъ отъ болѣзни и даруеть скорое возвращеніе. Богъ же, человѣколюбивь сій и милостивь, сотвори мя отъ того часа здрава отъ фребри и уже болѣе на ню не болѣзновахь, но не возмогохь скоро шествовати ово горняго ради пути и прехожденія, ово горячести ради, найпаче же немощи

дѣля, яко не возмогохъ къ первому привратитися здравію чрезъ нѣколико дній, все бо, еже ядяхъ и пихъ, не бистъ мнѣ вь сладость; къ тому же мало ухождахъ миль на день, разслабленъ сій по болѣзни. Едина точію вещь тогда малу ми крѣпость подаде. Егда бо изійдохъ отъ града Трои и шествовахъ полъдня, обрѣтохъ при пути едину корчемницу, при ней же источникъ стояше, зѣло прекрасную и преизбранную имущъ воду, хладная бо, аки ледь, чистая, аки христаль, къ тому здравая и сладко пріемная, сице, яко аще кто и много ея піетъ, не вредитъ ничтоже. Сице же глаголаху тамошніи жителіе, яко вода оная многимъ есть знаменита и пресловутая въ всей Италіи первѣйшая естъ, чесому вѣру яхъ, понеже нѣгдѣ же не обрѣтахъ сице хладной и здравой води. Стоитъ же на горѣ високо и точится горѣ, сквозѣ столпъ бѣлъ мраморній, идѣже азъ препочихъ нѣколико часовъ и пихъ оную воду въ сладость и укрѣпихся мало отъ нея. Сице же оная вода есть хладна, яко человѣкъ единимъ дхновеніемъ пити ея не може, понеже зуби терпѣти не могутъ. Тогда, (якоже рехъ) начении отъ града Трои, идохъ шестъ дній все горами, обаче не тако жестокими, яко въ иннихъ странахъ, но отчасти веселими, понеже частію каменъ, частію же землю добру имутъ, индѣ же и древеса и лѣски маліе проявляются, яко и подъ сѣнію ихъ множицею витахъ. Виногради же и сади зѣло красніе, найпаче же приходящи къ великому граду Неаполю, на всякъ бо день, имъ же приближахся къ Неаполю, тѣмъ краснѣйшимъ и равнѣйшимъ шествовахъ путемъ, аще бо и помежду горами быстъ путъ, но равенъ и широкъ и людій много проходящихъ сутъ. Виногради тамо великіе плодятъ, ихъ же лоза, аки нѣкое древо, толсто и високо. Насаждаютъ же древа лѣсніе при всякой лозѣ и тако лозіе плету-

щися по оннхъ древесахъ, распростираются високо и шероко, прицепляющеся отъ древа на древо, яко лѣпо на нихъ смотрѣти и подъ сѣнію ихъ витати. Виногради оніе именуются дикіе, того ради, яко мало ихъ дозираютъ и очищаютъ и ягоди ихъ къ ястію непріятни, вино же изрядное биваетъ. Суть же и иныхъ лозій чистителныхъ множество, раждающихъ ягоди различнаго образа и вкуса, иніе бо суть черніе, иніе бѣліе, инніе червленіе, иніе бурштиновіе, иніе долгіе, именуеміе розинки, иніе же кругліе, иніе дробніе, аки горохъ, иніи же великіе, аки сливи, нѣціи мягки и полни соку, прочія же тверди, но сладки зѣло, другія же винніе и всяко различніе суть; такожде и оградини разніе обрѣтаються, найпаче же кавуни и динѣ толь великіе родятся, яко человѣкъ купивши на торжищи единаго кавуна едва въ домъ свой занести можетъ; прочіи же убогіи, сложившеся 5 или 6 человѣкъ вкупу, единаго кавуна или едину диню купуютъ на снѣденіе, толъ же сладкіе и вкусніе суть, яко сладчайшіе бити не могуть, къ тому же не весма драго продаютъ; ягоди же лозніе зѣло малоцѣнно и фиги такожде подобнѣ яблока, груши, орѣхи волоскіе, мигдали, орѣхи маліе, каштани и прочая, отъ нихъ же всѣхъ тамо древеса растутъ, найпаче же орѣховъ волоскихъ и простихъ и каштановъ и фигъ; между садами же и лѣсами гради, веси и гостинници общіе стоятъ веліе изобиліе, между ими же, аки между лѣсомъ, идущи, нечаянно прихождахъ къ граду или веси. И воистинну прекрасная страна и отъ иныхъ различествующая тако въ строеніи градовъ, весей, полать, гостинницъ, виноградовъ, оградинъ, источниковъ водныхъ, яко же и въ прочіихъ инныхъ вещехъ. Идохъ же тамо людъми отчасти милостивими, идѣже всегда пищу обрѣтахъ некупуемую, найпаче же хлѣбъ и овощіе даяху, варенія

же нигдѣ не даютъ, не токмо тамо, но ни вь всей Италіи, развѣ когда случаемь биваеть; но аще кто хощеть отъ путниковь вареніе ясти купуеть, всюду бо обрящеть и въ градѣхь, и на пути, понеже странопріемници устроеніе всюду тамо при пути суть, ихъ же именуютъ тамо австеріи, идѣже разная варенія и вина продаются для всѣхь богатихь же и убогихь, обще приходящихь. Тамо егда шествовахь, видѣхь по тихь австеріяхь много народа ядуща, піюща и веселящася, упивающаго же ся нѣгдѣ ни единаго. Шествовахь же отъ Трои кь Неаполю 66 миль. Приближающи же ся кь предградію великаго Неаполя, видѣхь огради, зѣло чинно и лѣпо строеніе, въ них же хитростнѣ вращеніемь кола чрезъ мули разливается вода, гдѣ требѣ.

Описаніе великаго града Неаполя.

Входящу ми въ предградіе Неаполя видѣхь три источники водніе, зѣло искуснимь сѣченіемъ отъ мрамора бѣла созданніе, единь по единому недалече отстоящіе, различная лица въ себѣ имущіе изображенна: первій источникь стоитъ при пути въ стѣнѣ каменной, дсками мраморними гладцѣ устроеній, имущь на себѣ подпись, чіимь попеченіемъ и пѣнязми и когда устроися; вторія два посредѣ пути стоятъ, но не вкупѣ, единь по другому приходящи кь граду, и тіе суть искуснѣйшаго зданія, понеже въ гору воду испущаютъ и низу на четири странни отъ различнихь изображеній. Тамо предьградіемь идущи вся лѣпота Неаполя зрится аки на длани, и все расположеніе и строеніе костеловь и нолатъ, понеже стоитъ подъ горами и между горами великими, на равномь и веселомь мѣстѣ. Предградіе же красное есть, имущое вси доми каменніе, великіе и високіе, искуснаго стро-

енія. Прешедшу же ми оное, приближихся кь оградѣ каменной високой, яже обиде окрестъ града, и се врата високіе и широкіе, отъ мрамора рѣзаннаго лѣпо и крѣпко устроенніе, сь столпи толстими, гладцѣ сѣченними. Бистъ же тогда Августа 14 число, егда приспѣхъ азъ кь Неаполю, и бистъ вечерь, уже по захожденіи слонца, егда внійдохь вь врата градскіе. Тогда вшедши внутрь, узрѣхь мимоходяще многое множество народа отъ благороднихъ и знаменитихь мужей и жень яздящихь по граду позлащенними и гордими колесницамы, другихь же прохождающихься сѣмо и овамо, прочіихь же различніе вещи продающихь, и толь многое множество народа, яко едва разминутися могохь. Не созирахь же тогда болѣе ничтоже, бѣ бо уже часъ вечера темна и ускоряхь зѣло кь гостинници, далече бо отстояше, едва не на другой странѣ града, къ тому же еще прежде слишахь, яко честно тамо пріймуютъ пелгримовь, идохь же спѣшно яко часъ единь, предводящу мя едину мужу, таже достигохь яко по первой годині вь нощь кь госпиталю de S. Trinita, то естъ кь гостинници Святой Троици, идѣже бистъ уже по вечери, и отведоша путниковь вь ложници ихь. Пришедшу же ми тамо, удивишася укосненному и необичному моему пришествію. Обрѣтохъ же азъ тамо отъ благороднихъ и богатихь мужей и жень нѣколико, не вѣмь чесо ради, посѣщенія, или созиранія дѣля пришедшихь. Тіи мя пріяху сь любовію и посаждаху мя въ самой гостинници на сѣдалищи честномь, сами предстояще ми; азъ же не терпѣхь сѣдѣти предь толь великими лицами, тіи же нуждою и насиліемь сотвориша мя сѣдѣти, сами предъстояще и повелѣвающе мнѣ ожидати, донелѣже принесутъ трапезу. Призирахуже ся мнѣ вь лице, потомь омоченное, и покивающе главами, соболѣзноваху труду моему. Вопро-

шаху же мя, но не вѣмь о чесомъ, не знаяхь бо ихь нарѣчія; послѣди же, чрезъ толмача, въ Латинскомь язику отвѣтствовахъ имь на нѣкія вопроси. Прійде же тогда тамо священникъ, начальствуяй и управляяй пелгримскіе дѣла, той разглаголствова сь мною Латинскимъ діялектомь и вопроси мя, откуду есмь и камо иду, и повелѣ мнѣ показати свои патенти; азъ же открихь ему всѣ, еже имѣхь, начепши отъ страны Полской даже доздѣ, и удивляшеся толику множеству, и прочетъ точію единь или два и всѣмь вѣру ятъ и подписа свой знакь, и сокрихь я. Таже предъставиша ми вечеру, аще и вькратцѣ, но честну: бяше же едина снѣдь варена, вторая печена и третое овоціе лозное и сосудь доволень вина. Та вся донелѣже потребихь, служаху мнѣ предьстоящіе оніе предьреченніе благородніе мужіе же и жени, ово порѣзующе яству, ово же наливающе вино въ чашу и подающе ми въ руцѣ. Таже по вечерѣ единь приставникь тамошный поведе мя горѣ по степенемъ въ иніе полати къ прочімь пелгримомь, идѣже даде ми ложе, посланное честно и чисто, и отъиде, заключивши двери. Азъ же спахь тогда безъ памяти, утруждень сій до зѣла. Заутра же, воставши, ходихь по костелахь и по градѣ, разсмотрѣнія ради, вь вечерь же паки кь той же гостинници прійдохь вкупѣ сь прочіими пелгримами, и паки созираше священникь отъ всѣхь патентовъ и знакь коемуждо даяше. Чинь же таковь бистъ и всегда есть: по созираніи патентовь, вси путници идутъ въ костелъ, иже тамо внутрь двора есть, и творятъ установленную свою молбу, таже тѣмь часомь ищислятъ, колико сутъ персонъ и по толику представляють трапезу; по окончаніи же оной молби, всему сущу готову, сѣдаютъ по обою страну трапези, гдѣ кто изволитъ, или на початку, или посредѣ, или на концу; се же

того ради, яко яства едина и единака часть всѣмъ, развѣ аще кто будеть духовная особа, тогда тихъ особнѣ пріймують. Сѣдшимъ же при трапезѣ, встають разомь всѣ на нозѣ и благословить священникь яству вькратцѣ, таже паки возлегають и ядуть кійждо предь собою. Три же яди обикоша даяти: или мастніе, или постніе, якоже требуеть время: егда бо вь мясопусти, подають вареніе оть зерна, мясо вареное и мясо печеное и плоди грозднiе; егда же въ пятокъ и суботу или въ инь пость, тогда вареніе отъ зерна, или оградини, сь елеемь, таже двѣ яйца на всякаго и часть сира прекраснаго пармазинскаго и оть лозних плодовъ, аще въ лѣтѣ; аще же въ зимѣ, то отъ иннихъ; аще же великій пость, то вся съ елеемь, да всегда же букаль вина изобилень и вода въ другомь меншомь сосудѣ и чаша предъ всякимь. Ядущимь же пелгримамь предстоять много отъ духовнихь особь и оть мирскихъ знаменитихъ и благороднихь мужей; такожде иже (якоже слишахь) добро-волѣнѣ смиряюще себѣ въ память Христову, приходять тамо на всякь вечерь и служать, понеже всегда странніе едини по другихь обрѣтаются, или отъ Риму кь Бару шествующіи, или отъ Бару кь Риму; служать же, якоже предьрекохь о себѣ, ово разрѣзующе ядь, ово вино вливающе въ чашу и подающе въ руцѣ, ово собирающе праздніе сосуди. Оть вечери же воставши, паки идуть вь церковь и молитву дѣють; таже ведуть ихь въ ложници и дають всякому единакій одрь бѣль и чисть, услань мягкою постелею, и заключають ихъ внутрь тамо, заутра же рано испущають, да идеть всякь и творить потребу свою. Тогда азъ, по второмъ пренощеваніи, паки ходихь сь прочими пелгримами по градѣ и видѣхь строеніе прекраснихь полать и благороднихь мужей привѣтствія и бесѣди слишахь, зданій, источни-

ковь, различнихъ ремесниковъ и премудрихъ мастеровъ и иніе раличніе вещи, о нихъ же послѣди яснѣе скажу. Паки третого вечера съ инними путниками идохъ въ тужде гостинницу и единаче пріятъ бѣхъ, съ всякимъ удовлетвореніемъ. Гостинницу оную тамо именуютъ, по ихъ нарѣчію, госпитале, се же отъ угощенія странних. понеже гостя зовутъ госпите, сего ради наречеся и госпитале, си естъ гостинница di S. Trinita, си есть Пресвятой Троици, понеже храмъ Троици иматъ въ себѣ. Отстоитъ отъ торжища далече, строенъ на четири страни, аки нѣкій монастирь, полати окрестъ иматъ, внутрь строенніе високо, едини на другихъ, посредѣ же подворія пляцъ нагъ, пространенъ, каменіемъ насажденъ; врата иматъ великіе, едини токмо, ими же входятъ и исходятъ, и студенецъ, отъ камене зданій, питія ради, здраву воду содержащъ. Ошуюю входа вратнаго есть апотека, въ ней же врачъ живетъ съ всякими цѣлбами, яко да аще кому случится впасти въ болѣзнь, абѣе врачуютъ его безъ всякой мзди. Въ ложницахъ же чинно одри устроеніе, по обою страну, единъ по другому стоящіе, скованніе отъ желѣза и мосѣнзу упещренніе, верху же постели мягки и бѣли, съ колдрами лѣпотними и теплими, свѣтло же чрезъ всю нощь горитъ для всякой потреби; тамождe низу есть домъ, идѣже яству варятъ, страннихъ ради путшественниковъ. О лѣпотѣ же великаго града Неаполя по достоянію изрещи не могу, понеже мали тамо пребихъ дни и не могохъ внутрьнея его испитати красоти, не знаяхъ бо язика ихъ; къ тому же ускоряхъ къ Риму, хотя вишеписаннаго сопутника своего Іустина или постигнути, или обрѣсти въ Римѣ. Не токмо же внутрь, но и внѣ его не разсмотрихъ совершенно, понеже величества ради его не могохъ весь преходити и презрѣти, но еже и въ малѣ великую его

видѣхъ лѣпоту внѣшную, сего ради въкратцѣ изявляю. Той градъ Неаполь не токмо вь всей Италіи, но и въ Греціи, и Франціи, и Гишпанѣи, и вь всѣхъ инних странахъ есть славенъ величествомь, ветхостію и мѣстомь, крѣпостію, строеніемъ, богатствомь, многолюдствіемь, пристанищемь морскимь и куплями. Величество его большое въ долготу, нежели въ широту, обаче далече распространися, на ... миль, и тѣсно устроенній есть. Сѣдитъ же надъ моремь, на мѣстѣ равномь и великомь, между великими горами каменними, лѣса на себѣ неимущими, и между садами, по долинахь сущими и различное овощіе имущими; такожде стоитъ при водахъ здравихъ, отъ спудовь горнихь бистро текущихь. Тамо своимъ нарѣчіемъ именуютъ его Napoli di Spania то естъ Неаполъ Гишпанскій, понеже прежде Гишпане облодаху имь. Тогда же въ Цесарской державѣ бысть, идѣже и кралъ обитаетъ отъ Цесара поставленній и ему подчиненній. Весъ каменною стѣною огражденъ крѣпко, найпаче же фортецу зѣло крѣпкую иматъ, которая на високой горѣ, внѣ града, созданна и наполненна множествомъ арматъ, праховь и куль и всякой инной военной потреби; утвержденна же стрежею и наполненна воинствомь, блюдется опасно; на добромь, воистинну, и прекрасномъ мѣстѣ положеніе свое иматъ, яко и смотрѣти на ню крѣпко лѣпо есть, и къ защищенію всего града удобопомощна. Часто же тамо оглашаютъ отъ арматъ или вѣсти, или нѣкіе новини, или инніе оказіи. Что же реку о лѣпотномь строеніи его, которое увеселяетъ сердце и очи видящихь, аще кто узритъ костели, они сутъ прекраснаго иждивенія, чиннаго расположенія, совершенной мѣрѣ вь висотѣ, долготѣ и широтѣ, лѣпотнаго строенія, отъвнѣ покровенни цѣнію, внутрь же великими рѣзаними дсками мраморними, иніе бѣлими,

иніе черними, иніе червленними, инніе пестрими и всяко всѣ различновидними цвѣти, имутъ своя подножія посланніи, сице же прекрасно сьравнени суть таблици каменніе, яки оледенѣвшая вода, яко едва не поползнется всякь ходяй. Что же еще реку о многочисленнихь и коштовнихь онихь престолахь служебнихь, одесную и ошую вь всякомь костелѣ чино стоящихь, отъ нихь же вси, аки единь, отъ различнихь мраморовь и драгоцѣннихъ порфировь и прекраснихь агатовь, иннихь безчисленнихь, ихъ же по имени наректи не вѣмь, суть созданніе хитростнимь сѣченіемь, съ столпами же и инними фигурами искуснимъ художествомь живо изображенними и толь прекрасно, яко въ нихъ внійти аки въ небо внійти и вь нихь вь время праздника или недели стояти на небесахъ мнится человѣку. Нѣсть же ни единаго костела, иже би билъ нелѣпаго или неискуснаго строенія, но вси, отъ перваго до послѣднего, единь другому въ дѣлѣ подобится. Не имутъ тамо злихь художниковь, но всѣ искусніе, Господь бо имъ дарова всякую премудрость. Кое открію слово о онихь неоцѣненихь сокровищахь церковнихь, си есть о златѣ, сребрѣ, о сосудахь священнихь, цѣни неимущихь, о стихарахь, ризахь, нараквцахь, апаратахь, орнатахь и прочіихь одеждахь коштовнихь, еже вь всякомь костелѣ доволно обрѣтается. Воистинну о семь умолчу, понеже ихъ оцѣнити не могу. Возримь на монастирѣ иноческіе обоего полу, ихь же тамо много суть, отъ нихь же въ каковь либо буди внійдетъ человѣкь, найпаче же странній, узритъ его аки прекрасній рай; сутъ же инніе внутрь града и инніе внѣ, строеніе же ихь биваеть на четири стѣни, идѣже високо въ гору едини на другихь стоять даже до пяти или шести степеней, внутрь же имутъ все подножіе монастира, гладцѣ каменемь посланное, и

въ коемждо монастири кладязъ или два, зѣло прекраснаго зданія и церковь, такожде искуснаго художества. Поступѣмь нинѣ кь строенію полать и расположенію улиць. Улици расположенни и размѣренни зѣло чинно и лѣпо; едини бо суть началніе улици, иже чрезъ весь градъ протяженны и сіи суть широке доволно, яко тріемь колесницамь разминутися; вторіе средніе, иже суть по странамь тѣхь великихъ, идѣже двѣ колесници разминутися могуть, третіе же побочніе вторихь и четвертіе еще узшіе, внутрь тѣхьжде, пѣшеходящихь ради. Каяжде улица согласуеть своей парѣ, си есть, колико улица великая отъ единія страни имать въ себѣ попречнихь улиць, толико и отъ другія, такожде и средніе и менщіе, вси же великими каменми черними умощенни толь гладцѣ, яко токь прекраснiй; сице же чисто по улицахъ, яко нигдѣ смѣтя не узриши, ибо суть приставленни человѣци отъ граждань, иже на всякь день ходять по всемь градѣ, имущи кійждо въ руцѣ правой мѣтлу и кошницу на плещахъ и лопату въ лѣвой руцѣ, и идѣже что обрящеть на улици измѣтаеть на лопату и вергаеть въ кошницу и наполнившіе ю износитъ внѣ града, друзіе же суть, иже осломь износять, сего ради чисти суть сице, яко на инних ниже прахь обрѣтается. Строеніе же полать и общихь домовь толь лѣпо есть, яко зрящаго услаждаеть зѣницѣ и удивляеть умь изящной ради своей архитектури: понеже зданни суть всѣ подобнимь образомь едини при другихь толь нераздѣлно, яко стѣна отъ улици разумѣется бити отъ единія полати, точію по дверехь разнствіе познаваеться, сице же високи, яко нѣціи до пяти степеней, нѣціи же до шести, едини верху другихь стоять, едини отъ другихь неотдѣлни даже до попречней улици, вси же суть отъ камене на четири угли

тесаннаго созданніе, токмо различнѣ, иніи отъ бѣлаго мрамора, иніи же отъ чернаго, иніи же отъ червленаго, иніи же камень чернаго, камень бѣлаго, нѣце же камень бѣлаго, камень червленаго имущіе, и овіе шахмати полніе, другіе же гладкіе, прочіи же вѣтви иніе на себѣ фигури изображенніе имутъ и всяко всѣ различними види строенніе, яко дивитися выистинну. Оконъ же много имутъ и всѣ сутъ единой мѣри великіе, къ тому же огражденніе кратами желѣзними; при коемждо же дому на улицу сутъ чардаки или ганки маліе, отъ желѣзнихъ заломъ скованніе и на подножіи мраморномъ при тойжде стѣнѣ утвержденніе, сице же гладкимъ дѣломъ, яко дивитися воистинну; на тихъ убо чардакахъ оніе благородніе и знаменитіе мужіе же и жени сѣдятъ тамо на златихъ или маловanихъ крѣслахъ, прохлажденія ради и созиранія низу на люде. Се же полати оніе сутъ главнѣйшіе, въ нихъ же богатирѣ обитаютъ на началнихъ и шерокихъ улицахъ, на среднихъ же и узкихъ аще не суть тако вси коштовніе доми, обаче подобни строеніемъ, понеже такожде отъ гладкаго тесанаго или рѣзанаго камени лѣпо зданніе и високи такожде, яко не обрѣтается тамо внутрь града ни малѣйшая хижина дѣла неискуснаго. Надъ всѣ же полати краснѣйшій есть Королевскій дворъ, тако отъвнѣ яко отъвнутрь. Отъвнѣ иматъ ганки великіе и долгіе чрезъ весь дворъ, съ многими каменними столпами, стоитъ же на самомъ брезѣ при мори, яко и вода касается основанія его, недалече же вратъ началнихъ стоитъ источникъ води піемой, идѣже течетъ вода бистрою струею отъ каменнаго болвана или фигури, которая аки живая бити зрится, искуснаго ради художества. Не воспоминаю же онихъ двоpовъ панскихъ и сенаторскихъ, въ нихъ же студенци и фонтани, здраву воду точащіе, лѣпотнаго

зданія суть. Обаче разумѣй слишай о семь, яко тамо дворовь мало суть таковихь, въ нихъ же би внутрь праздное мѣсто обрѣтало, якоже въ странахь Россійскихъ, кромѣ точію знаменитшихъ персонь, прочіи же всѣ полати и посполитіе доми толь тѣсно стоятъ, яко отнюдъ ни мало празна мѣста между собою не имутъ, яко мнятъ вся единимь зданіемъ бити. Идуще же помежду улицами, ничтоже болше не зрится, точію горѣ небо и обоюду високая зданія; кромѣ же того всего, многую умножаютъ лѣпоту къ строенію каменицъ, понеже подъ всякою полатою и домомъ суть при стѣнѣ на улицу високо прикованніе фанарѣ, то есть лѣхтарнѣ кришталовіе, въ нихъ же всякь предъ своимъ домомь зажигаеть свѣтило свѣтло съ вечера и горять даже до четвертой години въ нощъ. И сице на улици зрится въ нощи, якоже и вь дни. Сеже того ради творять, понеже тамо край есть горящій и не могутъ вь дни ниже ездити, ниже прохождатися, въ нощи же есть прохлада и сего ради начении отъ вечера даже до четвертой години ездятъ колесницами, инніи же пѣшо прохождаются и посѣщаютъ едини другихь и пиршествуютъ, и угощеваются, и веселятся. Словомь рещи, зѣло прекрасній обичай и чинь и градь, надъ него же лучшаго не видѣхь даже доздѣ. Что же реку о богатствѣ и достаткахь его? Богатство его изявляютъ саміе толь великіе махини удивителніе структури, прекрасніе монастири и костели, коштовніе полати, безцѣніе церковніе наклади, понеже сія вся богатствомъ биша. Къ тому же откуду иматъ таковихъ искусниxъ художниковь; множество иконописцевь, златаровь, каменносѣчцевь и прочіихъ безчисленнихь. О многолюдствіи тамо вь градѣ обитающемь не вѣмь каковое ти написати число; отсюду точію знати мощно, яко суть тамо зѣло

великіе и продолженніе торжища, на нихъ же узрѣвши вещи снѣдніе различніе, отъ хлѣба же, мясь и рибь зѣло многое множество, человѣкь чуждь воистину почудится, и мнится яко отнюдь того ни за седмицу искупити не могуть. Тамождe до вечера ничтоже не останется, сице же на всякь день биваеть. На торжищи толь тѣсно отъ народа, яко разминутися зѣло нуждно. Пристанище тамо естъ море Бѣлое, тоежде, при немъ же Венеція, Анкона, Берлета и Барь стоитъ, токмо воспять завратиси, Барь бо стоитъ на полуденную страну, Неополь же на западъ. Азъ бо егда возвращахся отъ Бара воспятъ, оставихь море отъ Берлети града въ правой руцѣ и шествовахь все горами, не чаяхь отнюдь болшъ видѣти моря; егда же пріидохь вь Неаполь, бистъ мнѣ море въ лѣвой руцѣ, и оттуду уразумѣхь, яко земля тамо узка и море тоежде завратися воспятъ. Пристанищемъ онимъ зѣло славится, кариствуеть и обогащается градь, понеже тамо купци богатіи отъ Франціи, Гишпаніи, Англѣи, Венеціи, Греціи, Португаліи, отъ Рима и отъ прочіихь множественнихь странъ припливаютъ кораблями, наполнивше ихь различними товари и куплю дѣютъ ово привозящи тамо чуждіе вещи, ово же оттуду купующе и развозяще вь инніе землѣ и паки иніе товари тамо привозяще. Симь убо, якоже рѣхь, многіе користи граду тому приносятся и богатства умножаются и слава его всегда пребиваеть. Замедлѣхь азъ въ Неаполѣ малое время, точію полчварта дня ово препочиванія ради и добраго страннолюбія гостинаго, ово же взятія ради патентовь, ово же разсмотрѣнія ради града. И воистинну аще бихь былъ укоснѣлъ тамо болшое время, лучше бихь биль прозрѣлъ и описаль его; не возмогохь же тамо болѣе пребити нуждь ради сицевихъ: 1, яко не имѣхь ни злата, ни сребра, еже би купити себѣ пищу,

людіе ни богатіе ни убогіе не дають милостини ни мало; сего ради не могохь питатися, ниже испросити пѣнязя, ниже что снѣдно, развѣ точію гдѣ въ нѣкіихь монастирахь, и то съ веліимь трудомь и нуждею; ибо тамо аще и премного множество (якоже прежде рѣхь) ястія и питія продается, но вся купити требѣ сице богатому, якоже и убогому, коемуждо противу силѣ своей; еще къ тому вся драгою продаются цѣною всякіе вещи ядоміе и питія, найпаче же хлѣбь, къ тому же и воду зимную продають, аки нѣкій напой, чашу малу по единому шелягу, и болше тамо въ самое горячое лѣтное время тратять грошей на воду, нежели на вино; 2) ускоряхь оттуду изійти, хотяще постигнути или снійтися вь Римѣ сь сопутникомь своимь преждниимь Іустиномь. Обаче и чрезъ тое малое время всегда хождахъ на пляци, си есть на торжища, идѣже всякіе вещи продаются, и видѣхь како оніе велможи и боляре шестоконними, четвероконними и пароконними колесницами яздяху семо овамо, возящеся по стогнахь граду, другихь же носять на носилахь человѣци, прочіи же своими ногами прохождаются по торжищахь и помежду рядами купеческими и стрѣтающеся другь со другомь привѣствуются лѣпо съ уклонами и привѣтствіи. Видѣхь паки семо и овамо благороднихь и гобатихь мужей утро и вечерь всегда по апотекахь піющихь кафе, водки и инніе дорогіе напои, и служащихь имь чинно съ подобающею честію. Что же реку о оних сладкихь словесахь и прекраснихъ бесѣдахь, ихъ же слишати едино услажденіе иноземцу? Что же паки реку о множествѣ купеческихъ коморъ и различнихь товарахь, или о множествѣ искуснихь вь всякомъ художествѣ дѣлателей, иже отъ нашихъ, яко небо отъ земли, разнствують? Есть же внутрь града Неаполя единь

студенецъ, квасну воду имущъ и зѣло къ питію здраву, юже почерпаютъ множество народа, найпаче же нищіи и убогіи приходятъ тамо непрестанно и вьмѣсто вина ядятъ съ хлѣбомъ. Толико же вода оная естъ здрава, яко елико кто можетъ вьмѣстити піетъ, ничтоже вредитъ, въ мѣру же піющимъ здравіе приноситъ. Естъ тамо церковь Греческая, созданная страннихъ дѣля купцовъ, отъ Греціи приходящихъ, въ ней же священници вся по чину Восточнія церкви творятъ, си естъ олтарь имутъ затворенъ, органовъ нѣсть, священници съ бради и въ долгихъ одеждахъ черніхъ, покриваютъ главі капелюшами, крестятся по восточному и кланяются, служатъ на хлѣбѣ квасномъ; мирскія же Греки тамо вси исповѣдаются и причащаются, вся по обичаю своему творятъ; въ семь точію разнствуютъ отъ прочіихъ Грековъ, яко послушни сутъ Папѣ Римскому, сутъ унѣяти и Папу поминаютъ и въ всѣхъ догматехъ ему покаряются. Слиши прочее: естъ тамо внѣ града въ горахъ недалече едина пещера, отъ нея же всегда непрестанно курится димъ, яки отъ нѣкой пещи, частѣ же исходитъ огнь великъ и пламень страшенъ, испущающъ густіе искри, и множицею, егда вѣтрь биваетъ, наноситъ на градъ и многу пакостъ творитъ, и сія естъ подобная горѣ пламенно горящой Этнѣ, яже всѣмь книгочіямъ естъ вѣдома. Та вся азъ вкратцѣ увѣдавши и увидѣвши, взяхъ четвертаго дне 2 патента, единъ отъ тамошнего нунціуша, си естъ митрополита, а другій отъ королевскаго двора, и изійдохъ въ четвертокъ [1] предъ вечеромъ, Августа 18 числа, въ путъ. Возможно же бѣ тамо кораблемъ по мору дойти къ Риму, обаче не имѣхъ сребра, имъ же би моглъ наяти пловцовъ, по-

[1] Въ 1724 году 18 Августа было во Вторникъ. *Ред.*

неже безъ мзди взяти не хотѣша, къ тому же разсудихь, яко унше есть трудитися своими ногами кь мѣстомь Святимъ поклоненія ради, нежели безъ труда яжденіемъ посѣщати. И тако шествовахь ногами, не попущая имь облѣнятися, да не како разслабѣвши не донесутъ вь отчество мое, понеже аще и надежда есть вь Бозѣ, но къ тому много ползують и нозѣ. И тако шествовахь отъ Неаполя 40 милъ безь единой помежду великими горами, сѣмо овамо стоящими, обаче долинами равній путъ имущими, шерокій же и каменіемь посланни, именуемій страда Романа, си есть путъ Римскій, се же того ради, яко неомилно путь Римскій каменній должень бити, понеже, якоже слишахь отъ тамошнихь жителей, на всѣ страни окрестъ Рима града путіе каменемь саждянніе суть, се же слави ради и чести толь всему миру явнаго града. Идохь же отчасти и помежду лѣсами и садами каштановими, найпаче же помежду виноградами великими и високими, зѣло по древахь лѣснихь распростирающимися, подобнѣ, якоже предь рекохь, шествуя ко Неаполю, подь ихь же сѣнію лѣпо страннимь витати, яко аще би они не били, воистинну би человѣку тамо, найпаче же иноземцу, пѣшествовати отнюдъ невозможно. Людіе же, иже тамо родишася, удобіе ходятъ и труждаются, обаче иніи болѣе нощію дѣлають, нежели вь дни, понеже тамо въ нощи прохладно. Такожде прохождахь и азь частіе села и гостинници наемніе, подобнѣ якоже по первой странѣ Неаполя. Прешедши же 30 и 8 миль, прійдохь кь граду рекомому Гариляно, идѣже паки тоежде море завращается и градь стоитъ на брезѣ. Тамо стоитъ стражь Неаполитанская, того ради яко тамо граничитъ Неаполѣтанское панство съ Римскимъ, ибо отъ начала Пуліи даже доздѣ Неаполь властелинствуетъ, то и его тамо проходитъ моне-

та даже до границы, ею же самъ обладаеть. Тамо предреченная стражь патента, яже взяхь оть Неаполя, вопросиша, азъ же показахь имь и видѣвше оставиша мя шествовати доброволнѣ. Возможно же би еще, кто хощеть, и оть тамо моремь дойти Риму, обаче азъ пѣшехожденію обѣщаніе предложивь, не искахь иннаго пути, развѣ предьлежащаго; къ тому же, понеже тогда мѣсяць свитяше вь нощи, умислихь болѣе шествовати нощію нежели днемь, горячести ради солнечной, кь тому же хотѣхь постигнути сьпутника своего Іустина въ Римѣ, зѣло бо скорбно бистъ безъ друга. Доздѣ панство Неаполѣтанское.

Панство Римское.

Оттуду отшедши, оставихь море, и пойдохь панствомъ Римскимь, паки знаменитимъ путемь каменымь, помежду густими горами, частію преходя ихь, отчасти же равними долинами, помежду ими шествуя. Случаше же ся мнѣ тамо устрѣтати нѣколико пелгриновь, къ Неаполю шествующихь, нѣціихъ же постизахъ отъ Неаполя къ Риму шествующихь, иніи бяху Нѣмци, иніи Французе, другіи же Римляне, и не можахь съ ними разглаголствовати: сего ради ниже съвокупитися, всегда бо дружбою шествують, или два, или тріе, или четире, къ тому же не спѣшатся ниже нощію ходять, но нощують въ гостиницахь по градахь и весехь. Идохь же азъ спѣшно самъ единъ, не ищущи страннопріемницъ, но идѣже изнемогахъ отъ труда и падохь на землю, тамо ми гостинница бяше, или въ дни или въ нощи. Прехождахь же нѣколико градовь лѣпотнихъ зданіе домовь, и весей множество, но и тіе веси суть лѣпотнѣйщаго строенія, нежели вь иннихъ странахь градове. Земля тамо не весма камениста и не

иматъ блата, но иматъ отчасти нѣгдѣ лѣси маліе, и древа при пути, яко-аще и не частѣ, обаче случатся подъ сѣнію витати; къ тому же води здравіе всюду бяху, и людіе отчасти милостивіе; мало бо тамо что куповахь, даже до самаго Рима, понеже пищу всюду обрѣтахъ отъ милостини, найпаче же по конвентахъ, си естъ по монастирахь, иноки обикоша всегда питати шествующихь перегриновь, мирстіи же, понеже въ то время собираху плоди, даяху много отъ плода лознаго и фигъ, понеже отъ сихь тамо многое изобиліе родится. Виногради же тамо иннимъ образомъ насаждаютъ, не тако, якоже окрестъ Неаполя: окрестъ бо Неаполя, якоже предъ рекохъ, много сутъ виноградовь дикихь, ихже лоза велика и віется високо по верху древесь лѣснихь; въ Римскомъ же панствѣ все виногради низкіе, огражденіе каменими стѣнами лѣпо; но сіи сутъ окрестъ градовь, прочіи окрестъ весей окопаніи или осаждніи терномь; многіи же суть осажденіи тростію густою високою и толстою, яко сквозѣ ея человѣку протиснутися невозможно, нѣгдѣ бо толь толстая и крѣпкая не роститъ тростъ, яко тамо, аки нѣкое древо; внутрь же за тростіемь онимь виноградное лозіе малое, привязанное до палицъ; се же огражаютъ того ради, да не всякь мимоходя путемь удобіе урветъ: зѣло пріятное къ ястію гроздіе, и вино крѣпкое бываетъ; вина же тамо мало червленнаго, токмо желтаго и бѣлаго множество, си малаю продаются цѣною. Шествовахь же наченъши отъ Неаполя, даже до пресловутаго града Рима 9 дній, и прешедши миль сто двадесятъ почтовихъ, таже десятаго дне, Августа 29 числа, вь суботу предь полуднемь, достигохь тамо.

О пресловутомь градѣ Римѣ и о пришествіи моемь къ нему.

Пришедшу ми яко за три поприща недалече, къ многознаменитому и богоспасаемому граду Риму, видѣхь внѣ града зѣло ветхіе стѣни каменніе долго, даже до самаго града протяженніе и недалече ихъ текущую рѣку мѣлку и узку даже внутрь града; идохъ же путемъ знаменитимь отдалече наченшимся, иже бяше посланъ каменемь лѣпо и гладко и широко; при пути столпи таковы каменіе стоять, имущіе на себѣ таблици мраморніе, аки зерцала гладкіе, на нихъ же Латинскіе подписи, виритіе орудіями, чіимь коштомь и стараніемь послашася путіе оніе. Таже идохь предградіемь долго, лѣпотніе доми, виногради, садове, источники имущимь. И видѣхь Римь отвнѣ зѣло много красень; много бо услаждають зѣници людскіе оніе церкви древнимь строеніемь, зданніе високо и пространно съ многими главами, цѣнію и мѣдію покровенни и позлащенніе, на себѣ крести имущими, такожде и красно стройніе високіе полати. Пришедшу же ми близъ града, видѣхь его огражденна каменною стѣною единою високою гладкимь и крѣпкимь дѣломь. Таже внійдохь вратами, искуснимь художествомь отъ великихь рѣзаннихь каменей устроенними, и идохь улицами далече, хотя пріити къ средоградію на пляць, си естъ на базарь или на ринокь, да тамо нѣчто въ снѣдь промишлю, приближаше бо ся полуденное время, къ тому же бѣхь гладень и утруждень сій до зѣла, шествовахь бо непрестанно чрезъ денъ и нощь къ мѣсцу, сна не вкушая, къ тому же хотя узрѣтися сь пелгримами, и выпросити о сьпутнику моемь бившомь Іустину; но не могохь ускорити до полудни,

есть бо градъ зѣло великъ и много шествія требуетъ. Устрѣтохъ же на улици пелгримовъ и убогихъ множество и вопросихъ ихъ, камо грядутъ, нарѣчіемъ Римскимъ то есть Италѣянскимъ, знаяхъ бо нѣчто мало еже къ яствѣ и пути требуемое. Они же отвѣщаша ми, яко идутъ на едино мѣсто, идѣже даютъ въ милостину нѣчто снѣдно, съ ними же и азъ идохъ вкупѣ. И пріидохомъ на едино мѣсто, нарицаемое Рацелѣ, стояще високо на малой горѣ, гдѣ идохомъ по степенехъ горѣ, тамо стоятъ полати великіе и пространніе и високіе лѣпозданніе, одесную монастиръ закона Францѣшканского, ошуюю же полати великіе, идѣже свѣдителства отходящимъ зъ Риму даются, вся прекрасно отъ камене зданна. При онихъ первихъ полатахъ предъ сходами источникъ воднiй стоитъ, сладку воду піющимъ подавающъ; между же тѣми всѣми полатами пляцъ пространенъ и равенъ, гладкими, дсками каменними въ едину мѣру сѣченними посланній на другую же страну паки степени каменніе, другіе (еще лѣпшаго строенія) обоюду имущіе стѣни, на нихъ же сѣмо и овамо два болвани, тѣло нагихъ человѣкъ изображающіе, сице же искусно учиненніе, яко аки живіе мнятся зрѣти. Тамо отъ онихъ Францѣшкановъ приспѣвшу полуденному часу, изнесоша нѣкое вареніе и раздаваху всякому единою мѣрою, идѣже и азъ часть свою взяхъ и мало укрѣпихься и благодарихъ Бога, яко алчущимъ даетъ хлѣбъ и на страннія и нищія презираетъ. Таже препочивши тамо нѣкій часъ по полудни, идохъ далечае внутрь града и дойдохъ къ гостинници Полской, при храмѣ Святаго Станислава стоящой, именуетъ же ся госпитале ди Поляки; тамо азъ обрѣтохъ нѣколико Полскихъ людей и бихъ зѣло благодаренъ и привѣтствовахся съ ними и нѣколику бесѣду сотворихъ, вопросихъ же о сопутникахъ своихъ, съ ними же отъ странъ Пол-

скихъ отъ града Львова изійдохъ Отвѣща ми, яко священникъ прежде отъиде; другъ же мой, иногда бывшій съпутникъ Іустинъ, трома или четирма днями предъ пришествіемъ моимъ отъиде вслѣдъ священника паки на Лоретъ къ дому Богородичну, идѣже прежде бѣхъ съ ними совокупно. Видѣхъ же азъ, яко (Богу тако хотящу) не могохъ совокупитися съ дружиною своею, оставихъ мисль ону, и къ тому проче не жалѣхъ, понеже чаяхъ отъ Риму себѣ обрѣсти съпутниковъ много. Вопросихъ же еще отъ нихъ вся, что и како имамъ творити въ градѣ Римѣ, и извѣстившися добрѣ, начахъ вся по чину дѣлати. Оттуду приходящу слонцу на западъ, пойдохъ, по обичаю всѣхъ перегриновъ, къ енералной гостинници.

О госпиталю первоначальномъ Римскомъ.

Пришедъшу ми къ госпиталю или къ гостинници началнѣйшой Римьской, идѣже обще всѣхъ путшественниковъ, здравихъ и немощнихъ, пріимуютъ; именуетъ же ся госпитале de S. Trinita, Святой Тройци, понеже при церквѣ Живоначалной Тройци стоитъ. Тогда обрѣтохъ тамо предъ врати сьшедшихся пелгримовъ, вящше яко сто душъ, отъ различнихъ странъ, иже на поклоненіе къ Риму прійдоша; кромѣ же тихъ еще недужнихъ толикожде. Предьставиша же первѣе трапезу немощнимъ и служаху имъ честно отъ священнихъ особъ и знаменитихъ мужей Христа ради. Ми же всѣ здравіе стояхомъ внѣ дверей, ожидающе своего времени, не пущаютъ бо ни единаго внутрь, донелѣже не прійдетъ часъ той, въ онь же предьставляютъ трапезу здравимъ. Обаче съзирахомъ вся бившая внутрь окнами, како посадиша болнихъ чинно, обоюду трапези долгой и предъ

всякимь особно яству и питіе предьставиша, и како чинно инніе приношаху полніе блюда, другіи же собираху празднie. Таже по трапезѣ, сотворшимъ имъ благодареніе, поведоша ихь приставники вь своя болници. Держати же тамо недужнихъ обикоша кормяще и врачующе дотолѣ, донелѣже оздравѣютъ, творяще сіе вь память Христа, рекшаго въ Евангеліи: „боленъ бѣхъ, и послужисте мнѣ; прійдѣте благословенніи Отца моего, наслѣдуйте уготованное вамь царство отъ сложенія міра.“ Таже начаша нась по единому впущати дверми и созирати коегождо патента, откуду кто пріиде и отъ коея странни естъ. По единому же того ради впущають, да чинно безъ вопля входять, понеже много отъ младихь путниковь сутъ, иже еще дѣтищная творяще бѣгаютъ сѣмо и овамо, непостоянни суще и тѣснящеся внутрь, хотя единь другаго предъварити, угнѣтаются и воплъ творять. И тако чинно по единому впущающе, оставиша и мене внійти, идѣже священници, присѣдящіи близь вратъ, вопросиша мя: откуду есмь, своимь Римскимь нарѣчіемь. Отвѣщахь имь, яко не разумѣю языка вашего, но Латинскій. И вопрошающимъ имь Латински, вся отвѣщахь, откуду есмь, и камо шествовахь, и откуду нинѣ прійдохь. Таже взискаша отъ мене патентовь Полскихь, и показахь имь всѣ, яже имѣхь отъ града Лвова. Единъ же отъ них, началній, веземь прочетъ и подъписа нѣколико словь своею рукою, и давше ми печатъ бляшану, поведоша мя въ ликь избраннихъ пелгримовъ. Всѣхь же тамо до послѣднего пресмотрѣваши, огласиша въ звонокъ маль бившой уже годинѣ въ нощъ, и поведоша насъ священници въ единь костелъ, тамо внутрь стоящь, и сотворшимь молбу пелгримамъ по обичаю къ Пресвятой Дѣвѣ Богородици, юже именують Литанѣя, возгласи единь, не вѣмь кто,

сьпреди, и не вѣмь что, Римскимь бо бяше нарѣчіемь. По гласѣ же ономъ абіе пойдоша, яко тридесятъ человѣкь, единь по единому, другими дверми въ инну полату, прочіи же всѣ осташася въ церквѣ и сидѣша, съ ними же и азъ. Азъ же видя бившое и неразумѣвая творимаго, что и чесо ради инни пойдоша, друзіи же осташася, и не терпя мисли своей, обрѣтохь единаго оть путниковь, знающаго мало Латинскаго язика, Римски же добрѣ, и вопросихь его о семь. Той же извѣсти ми вся ясно сице: яко той, иже по окончаніи молби возгласи, да вси, иже перву нощь имутъ въ гостинници, идутъ напреди и послѣдуютъ ему. Тойже поведе ихь въ умивалницу, да уміютъ имь нозѣ. Прочіи же, иже сутъ второнощніи или третонощніи, должни ожидати ихь, да вкупѣ всѣ пойдуть ясти вечеру. Рѣче же ми, да и азъ иду тамо: понеже первонощень бѣхь. Внійдохь же азъ тамо въ умивалницу и видѣхь близъ конца творимое дѣло, не рекохь о себѣ ничтоже, понеже Божіею тако волею, при неразумѣи язика, собистся. Стояхь же азъ издалече и видѣхь лѣпо творимую церемонѣю, яже бистъ сице: два ношаху сосудь и подъставляху подъ нозѣ путниковъ, третій ношаше сосудь съ чистою водою и поливаше на нозѣ, четвертій ношаще ленте чисто, пятій міяше нозѣ и отираше, шестій ношаше ковчежець съ врачебстви, и аще кто отъ путникь имѣяше нѣкую язву, прилагаше пластирь и обовязоваше струпи. По умовеніи же ногъ, ведоша нась въ трапезу, уже лѣпо и чинно предуготованну сущу, и многимь благороднимъ и знаменитимь мужемь пришедшимь къ послуженію страннимь; трапези же, на нихъ же яства представляется, зѣло сутъ долгіе и великіе огражденніе стѣнами, токмо единъ входь имутъ. Тогда ставше два пресвитери при входѣ трапезномь, взимаху печатъ отъ всякаго прежеданную, и впущаху по еди-

ному къ засѣданію трапези. Сѣдшимь же всѣмь чинно, сотвориша краткое благословеніе священници и ядохомь благодаряще Бога и творящихь милостиню; стояше же при коемъждe перегринѣ единь мужь честень и благородень и служаху ово порѣзующе снѣдь, ово наливающе вино и подающе въ руцѣ, ово же сосуди испраздненніе собирающе и прочая таковая. Бяше же снѣдій три и четвертіе плоди и полъ ока вина на всякаго, якоже до обилія довлѣяше; такожде и вода предъ всякимъ и чаша, да аще кто не можеть самаго вина пити, то да піеть съ водою, въ Римѣ бо и окрестъ зѣло крѣпкіе и найвящше бѣліе вина раждаются. Ядущимь же всѣмь и наситившимься, и воставше отъ трапези, воздадоша благодареніе Богу. Таже поведоша насъ въ горнюю виталницу, по мраморнихь степенехь високо, и тамо пресмотрѣвше всякаго руки и лице, едали не иматъ кто каковаго вреда на тѣлѣ своемь, и раздѣливше здравихь отъ поврежденнихь на особно въ разніе разведоша гостинници и раздѣлиша всѣмъ одри чистіе и посланніе лѣпо, и поставиша два на одрѣ почивати, понеже одри широки сутъ и на двоихь строенніе; аще же случится когда мало число перегриновь, тогда по единому полагаются на одрѣ. И спахь азъ ту нощъ зѣло сладко и здраво, по утружденіи отъ пути, ктому же и отъ чаши. Утру же бившу, испустиша нась вонь изъ госпиталя, аки стадо овецъ чернихъ, вси бо путники, иже тамошнимъ нарѣчіемъ именуются перегрини, въ черномь одѣяніи ходятъ, яки иноци. И разійдошася вси по церквахь на поклоненіе и на слышаніе литургій, болшая же часть пойде кь первоначалной и великой церкви Римской, въ честь С. Верховнаго Апостола Петра созданной, яже стоить обонь поль рѣки Тивера, тогда и азъ съ ними идохь, поклоненія ради. Есть же тамо кь

прехожденію устроенъ мостъ каменній зѣло великъ и високъ и крѣпокъ, на столпахъ високихъ каменнихъ, въ рѣцѣ основаннихъ, утвержденъ и возвишенъ високо, яко ужасно есть низу зрѣти. Оттуду возвратившися, посѣщахъ инніе костели и знаменитіе монастири. Таже, вечеру приспѣвшу, паки отъидохъ въ предьреченній госпиталь Святой Троици и пріять бихъ съ тѣмъ же почтеніемъ и чиномъ, якоже и прежде, токмо на патентахъ второе знаменіе начертаху и печати инакіе раздаяху. Такожде и третаго вечера вкупѣ съ прочіими пелгримами пріять бѣхъ. Четири же вечери токмо гостятъ, и всякъ приходяй послѣднюю, си есть четвертую, нощъ гостити, долженъ есть исповѣданъ прійти и свѣдителство исповѣданія отъ духовнаго показати гостиннику, того ради, яко иматъ уже пойти на трапезу въ полати самаго папи Римскаго. Тогда азъ, по обичаю тамошнему, исповѣдахся притворно и ложно въ первоначалной церкви Святаго Апостола Петра и пріяхъ свѣдителствованную хартію. Четвертаго же дне вечеру бившу пойдохъ паки въ предьреченную гостинницу и стахъ предъ врати съ прочіими перегринами, держаще въ руцѣ хартію, отъ церкви Святаго Апостола Петра данну. Приспѣвшу же часу гощенія странних, изійде единъ отъ клириковъ знаменитихъ, иже на всякъ денъ собираетъ перегриновъ 12, въ число верховнихъ Апостолъ, и отсилаетъ въ полати къ Папѣ Римскому на трапезу: обичай бо есть Папѣ Римскому на всякъ денъ представити трапезу честну 12 путникомъ. Стоящу же мнѣ тогда предъ врати гостинници уже четвертаго вечера и многимъ готовимъ сущимъ къ трапезѣ папѣжеской на утро, и молвяху, единъ другаго попихающе, хотяще всякъ бити первимъ. Азъ единъ тогда сущи подъ именемъ Полскимъ и не имущи друга, ни сопутника, къ

тому же не знающи тамошнего язика, смиряхся всегда и стояхъ на послѣднѣйшемъ отъ всѣхъ мѣстѣ, и не малъ сій возрастомъ держахъ свое писаніе високо, еже узрѣвши оній вишеписанній собиратель, повелѣ разступитися всѣмъ и возва мя внутръ гостинници и написа мя первимъ паче иныхъ и даде ми хартію волную, еже утро ити къ Папѣ на трапезу; послѣдиже и инныхъ единадесятъ собра и всѣмъ даде хартіи; таже прочіимъ обичнѣ подписоваху патента и дадоша печати и представиша вечеру и упокоиша въ ложницахъ честно, якоже и прежде. Утру же бившу 5 дня, въ среду, приспѣвшу уреченному часу, собравшеся вси дванадесять, пойдохомъ внутрь двора Папина, никому же намъ возбраняющу, аще и стража крѣпка въ вратехъ стояше. Пришедшимъ же намъ тамо и неуготовой сущой трапезѣ, сѣдѣхомъ въ нижнихъ полатахъ, ожидающе времени. Таже по малѣ званни и ведоми бѣхомъ мраморними степенми високо въ горницу прекрасную, идѣже не первѣе насъ воведоша, донелѣже не дадохомъ всякъ свою хартію, отъ госпиталя Святой Троици данну. Взявше же насъ дванадесяти путниковъ, вьмѣсто Апостолъ, взяше еще единаго къ намъ отъ нищихъ на мѣсто Христово, на память словесъ онихъ, отъ самаго Христа въ Евангеліи глаголаннихъ: „алченъ бѣхъ и накормисте мя, жажденъ бѣхъ и напоисте мя“, и нижае: „аще кому отъ малихъ сихъ что сотвористе, Мнѣ сотвористе“. Тогда посадивше насъ, представиша намъ на трапезѣ прекрасная и различная снѣди и варенія. Случижеся тогда бити дню средѣ и бояхся, да не како омерзуся чимъ въ денъ той, понеже Римляне среди не постятъ. Азъ же аще и нуждно сохранявъ всецѣло Греческаго устава правило, обаче, Богу о мнѣ промишляющу, сохранихся отъ пакости вражія. Случи бо ся денъ той бити Вигилія, у Римлянъ противу праздника Чест-

наго Креста, обичай бо есть по всюду Хрістіяномь, Римскій держащимь обичай и законъ, постити денъ предъ всякимъ знаменитимь праздникомь, иже именуется Вiилѣя, и тако тогда представленни бяху намь на трапезѣ различнія риби и ина постная варенія и вино избранное, и служаху намь лица знаменитіе и честніе, пралатскимъ и священническимъ почтенніе саномь, и учреждени бѣхомъ доволно, яко лучше не требѣ бяше. Вѣстно же буди, якоже повѣствуется отъ самовидцевь путниковь, яко въ нѣкіе дни неделніе и праздничніе самъ Папа, изъ внутрнихъ своихь изшедши покоевъ, приходитъ въ гостинницу и посѣщаетъ онихь убогихь перегринавь, ядущихь обѣдь вь дворѣ его, и ущедряетъ милостинею, въ повседневніе же дни не приходить. Воставшимъ же намъ тогда отъ трапезы и сотворшимь благодареніе, дадоша коемуждо отъ нась на благословеніе по единому хлѣбу малу, зѣло же бѣлу и чисту, такожде и по единому менталлю мосяжномь, на которомь отъ единія странни икона Христа Спасителя, отъ другія же странни Дѣви Богородици изліянна сутъ, такожде и по два образци отъ бѣла и чиста воска, иже именуются Agnus Dei, си естъ агнецъ Божій, которіе то Римляне имѣютъ въ великомъ почитаніи, таже отпустиша нась сь честію. Послѣди пойдохь азъ въ гостинницу Полскую, котору тамо зовуть госпитале ди Поляки, которая стоитъ при храмѣ Станислава Костки, святаго Полского. Обичай же тамо перегриновь, приходящихь отъ странъ Полскихъ, гостити 15 дній, безъ пищи, токмо постелю дающе чисту. Пришедши убо азъ, обрѣтохь тамо и инніхь путниковь зъ Полщи и бистъ мнѣ отраднѣе, яко обрѣтохь язикь кь разглаголствію и совѣту. Умишляхь же абіе воскорѣ изійти отъ Рима, не хотя много медлити тамо, обаче на то время предьуготовляшеся Confirmatio Pontificis, си

есть потверждение Папи, его же по избраніи минувшимъ николико мѣсяцемъ потверждаютъ, отъ конець вселеннія стекшеся, весь духовній синодь и мирскій сигклитъ, о чесомь послѣди явить повѣстъ. Виденія убо ради онаго потвержденія замедлихь нѣколико дній вь пресловутомъ градѣ Рымѣ, нощи имѣя кь упокоенію вь гостинници Полской, днемь же кормяхься отъ монастирей иноческихъ, купно со прочіими перегринами, и обхождахь многіе церкви въ дни тія и посѣщахь княжескіе и кардинальскіе двори и полати, проходя стогни же и улици, торжища и средоградіе, внѣуду и внутръ града, и видѣхь лѣпоту града и нрави народа и инніе различніе вещи.

О препрославленомъ градѣ Римѣ, о обычаяхь же и о вещехь, обрѣтающихся въ немъ.

О великомъ и пресловутомь отъ запада до востока градѣ Римѣ многія повѣсти требѣ, по достоянію слави и лѣпоти его; обаче азъ скудоуменъ сій и мали дни въ немъ замедлѣвши и мало что въ немъ разсмотрѣвши, вкратцѣ тщанію твоему, благій читателю, повѣстъ предлагаю. 1) Римь градъ есть зѣло ветхій, не слабостію или обетшаніемъ, но лѣти, понеже прежде Христіянства отъ Еллиновь создань есть, и есть градь царскый, понеже царіе тамо ветхими временами свои сѣдалища имѣяху еще отъ Еллиновъ, яко то Тить и Веспасіянъ и прочіи; послѣдиже благочестивій царъ Константинъ престоль свой имѣяше тамо, донелѣже не пренесе его въ Византію, идѣже нинѣ есть Константинополъ, его же послѣди созда и нарече своимъ именемь. 2) Римь есть зѣло прекрасній отъвнѣ и отъвнутръ. Отъвнѣ бо лѣпою и крѣпкою огражденъ есть стѣною

съ многими красно устроенними вратами; паки отъвнѣ лѣпоту свою показуетъ отъ церковь, иже съ многими главами суть, еще за Константина царя созданніе, суть покровенни иніе оловомъ, иніе же мѣдію, на нихъ же крести позлащенніе, издалече, аки молнія, сіяютъ; такоже отъ високихъ полать, столповъ, вежей и звоницъ лѣпотенъ является. Внутрь же строеніемъ домовъ, расположеніемъ улицъ, зданіемъ прекрасныхъ источниковъ и каменнихъ балвановъ красится. 3) Бяше иногда градъ зѣло великъ, якоже и нынѣ познавается отъ муровъ старихъ, иже внѣ града стоятъ продолженни, и нинѣ же великъ есть, обіймуетъ бо мѣста съ предградіемъ 25 миль Италіянскихъ, еже есть 5 полскихъ. Всегда бо въ градѣ, егда странній вопрошаетъ, далече ли монастиръ онъсице отстоитъ, или палати Папѣжа, или нѣкая церковь?—отвѣщаютъ: едина или двѣ, или три суть милѣ и вящше. 4) Стоитъ на мѣстѣ веселомъ, но не ровномъ, при малихъ горахъ, окрестъ же издалече окружаютъ гори великіе и високіе, такожде и внутрь маліе гори обрѣтаются. Отъ нихъ же на единой стоитъ дворъ съ полати Папи Римскаго и именуется Монте Ковaліо, си есть гора Конная, понеже предъ полати папѣжскими сѣдитъ на кони едина персона, аки жива, отъ бѣлаго гипса сотворенна. Паки инно мѣсто именуется Монте де Тринита, си есть гора Троецкая, понеже на горѣ оной стоитъ монастирь Святія Троици, въ немъ же обитаютъ иноки Французкіе, правила Францѣшканскаго. Паки ино мѣсто зовется Монте Росо, си есть гора червленная, и сице прочая многа. 5) Римъ иматъ морское и земное пристанище, понеже отстоитъ двома денми отъ моря по суху ходящи; водою же ближае, понеже рѣка Тиверь, которая преходитъ чрезъ Римъ впадаетъ въ море. Есть же глубока, бистра и широка, ибо отъ моря рѣкою приходятъ различніе кораблѣ и

купеческіе, маліе же и великіе, такожде и военніе корабле и катерги, иже посилаеми бивають отъ Папи на помощъ царемъ христіанскимъ вь время брани; и риба морская свѣжая вь градѣ продается. 6) Благороднихь и богатихь и мудрихь мужей многое множество, понеже суть различніе училища въ нихь различнихь языковь, мусики, анатомѣи, си есть врачества, астрономіи, си есть звѣздочетства, риторскаго красноглаголанія, философіи же и богословіи, граматики, всяческыхъ языковь, искуснихъ художествь, велика обрѣстися могутъ въ мирѣ семъ. 7) Сѣдить на водахь здравихь, изобилно текущыхь. Первое убо велика рѣка Тиверъ (якоже прежде рѣхь) преходить сквозѣ градъ, второе же отъ горь, окрестъ Рима обстоящихь, много води течетъ внутрь подъ землею хитростнѣ исправленной и много суть источниковь, зѣло лѣпимъ и искуснимъ художествомъ отъ мрамора бѣла и иныхь прекраснихъ каменей содѣланнихь подобіемъ лицъ человѣчихь, звѣринних, зміевихь и инно-образнихъ имущихъ, отъ ихъ же ово отъ усть, ово отъ очесь, ово отъ ушесъ и ноздръ точатся безъпрестанно источници водніе, изобилно всему народу къ почерпанію, питію и всякой потребѣ. 8) Садовь, разноплодіе древеса имущихъ, вертоградовъ, всякими благоуханними цвѣтами исполненни, много суть; найпаче же изобиліе веліе виноградовъ и вина доволство и всякіе торговіе вещи мѣрною продаются цѣною, единь токмо хлѣбъ отчасти скупь. Обаче, аще и сь нуждою, странній и убогій питатися можетъ, понеже, аще народь и немилостивій и не ущедряють нищихъ, но иноки нѣкіи отъ монастирей богатихъ вареніе нѣкое разъ въ седмицу раздавають, о чесомъ послѣжди. 9) Суть столпи великіе и звоницы многіе високіе, яже отъвнѣ и внутръ лѣпоту граду многу показують, та-

кожде и звони различніе, маліе и великіе, обрѣтаются и часовь множество, отъ нихь же токмо звукь днію и нощію непрестанно слышится и человѣкомь подаетъ веселіе. Столпи же, иже незданніе суть, но отъ единаго изсѣченни камене, иже вь висоту яко двадесятъ сажней и вящше, въ толстоту же яко саженъ или два. Инніи суть столпи многолѣтны отъ вѣтхихь царей и папѣжовь созданны, ини вь памятъ бывшей нѣкоей преславной побѣди и иныхь пресловутихъ дѣль, на которихь подписи изритіе и донинѣ обрѣтаются. Стоятъ же не на единомь мѣстѣ, но на различнихъ мѣстѣхь, посредѣ торжищь града. 10) Въ Римѣ торжищь или ринковь много суть, иже тамошнимь нарѣчіемь именують пяцы, яко би пляци. И первое убо и началнѣйшое торжище именуется пяца ди Навона, то есть торжище Навони, идѣже всякіе вещи обрѣтаются, по желанію коегождо человѣка. Второе, рекомое пяця ди Францези, то есть торжище Французское, и сіе великое есть и богатое. Есть же особно Нѣмецкое и особно Гишпанское, и иніе разніе, имь же имени не вѣмь. Особнѣ же есть мѣсто и торжище Жидовское, со стѣною и врати, яко градь опредѣленное да не смѣшаются сь Христіяни, сами между собою купующе и продающе; обаче невозбранно ни Жидамь на Христіянское, ни Христіяномъ на Жидовское ходити торжище. Обрѣтается убо въ Римѣ много Жидовь, обаче черныхъ одеждь не носятъ, якоже въ Лядской землѣ, но якоже кто хощеть, и бради и власовь не сохраняютъ, но обрѣзуютъ и всю одежду носятъ, якоже Италѣяне и Нѣмцы и язикомь Римскимь бесѣдуютъ, въ семь токмо различествуютъ отъ Христіянь, яко не имуть волѣ червнаго капелюша носити, но отъвнутрь чернъ, а отъвнѣ почервленъ или покровень червленнимь платномъ. 11) Въ Римѣ гостинницъ много суть, въ няже воспріймують

странникъ и убогихъ, найпаче же путниковъ, иже тамо приходятъ на поклоненіе, которіи именуются перегринами, иже егда начнутъ путшествовати отъ отчества своего на поклоненіе мѣсть святыхъ, ни стригуть ни власовь, ни бради, но яко пустинници ходятъ, даже возвратятся въ странну свою. Таковихъ убо пріймають отъ онія гостинници индѣ три нощи, со пищею и питіемь и одромь чистимь, индѣже четири и индѣ единъ; въ протчіихъ страннопріемницахь и по десять и по 15 днiй пріймують, кромѣ пищи, токмо одрь кь упокоенію. Итако, колика племена въ Римѣ обрѣтаются, толики и гостинницы сутъ. Первая же и началнѣйшая есть гостинница Св. Тройци, о ней же предъ писахь, и сія есть общая, прочіи же опредѣленни, яко Нѣмецкая Нѣмцовь ради, Французская Французовь ради, такожде Гишпанская, Венецкая, Лядская и прочіи. Есть еще гостинница знаменита Святаго Духа, идѣже недужныхь врачюють и кормять. Вѣстно же буди, яко непрестанно, въ зимѣ и лѣтѣ, грядутъ на поклоненіе къ Риму, найпаче же лѣта того 1724 множество веліе снійдошася перегриновъ, понеже Папѣжъ Римскій новопоставленъ бяше, къ тому же и годъ грядущій 1725 бяше тогда у Римлянъ святій годъ, его же именують юбилеушъ. Обичай бо есть Римляномъ, не токмо въ Римѣ, но по всей вселенной ихь, прешедшимъ 24-мъ лѣтомъ 25 празновати юбилеюшь, въ онъ же Святыхь мощи, елики имутъ, и вся сокровища церковная износятъ и дають всему миру лобизати, прочіи же лѣта въ заключеніи имуть, тогда же и разрѣшителніи грамоти повсюду посилаетъ Папа Римьскій и инія многа творять, яже и явити и не явити нѣсть ползи. 12) Обичай есть въ Римѣ вареніе даяти отъ монастирей, по чину днiй въ седмици, не токмо перегринамъ, но и всѣмь убогимь. Въ понедѣлокь убо

три или четири монастири, отъ нихъ же раздѣля-
вареніе убогимъ, овіи убо предь полуднемъ, овіи же
лудніе. Вь вторникь же вь иннихъ монастырѣхь и
еду вь иннихь, и тако суть опредѣленни монастири,
иx вь седмици единъ день имутъ, вь онъ же раздѣ-
ляють убогимъ яству, идѣже убогіи неоскудни суть вь
, монастири же богатіе и великіе и многочисленніе
Что же реку о прекрасномь и лѣпотномь зданіи
гел хь, о преп хь кардинальскихь и митро-
политанскихь дворахь, о полатахъ великознаменитихь
князей и благороднихь бо ярь, о гордомь ихъ ялденіи,
о преходящихъ и послѣдующихъ слугахъ, о позлащен-
нихъ колесницахъ и украшеннихь конехь, о дворѣ и
полатехъ самаго Папи Римскаго, о зданіи, строеніи и
лѣпотѣ святихъ Божіихь храмовь, иже безъчисленни
суть и никтоже подробну исписати можеть? Отъ нихь
же азъ убо нѣкія начал пія тщанію твоему, благій
читателю, извѣщаю. Есть обичай перегриновь, отъ нихъ
же всякъ, егда дойдеть въ Римь, посѣщаетъ многіе
храми святихь церквей, аще же можеть и вси. Но сутъ
седмъ церковь великихъ и началнихъ, ихь же аще кто
не посѣтитъ, не вмѣняется бити поклонникь и яко всуе
пришедшій и тощь отходяй. Отъ нихъ же азъ усли-
шавши, вь единь отъ дный потщахься и обійдохь вся.
Сутъ же сіи.

О церквѣ С. Апостола Петра.

Первая убо соборная и началная церковь естъ вь имя Святаго Верховнаго Апостола Петра, къ ней же путъ есть чрезъ великій мостъ каменній, иже въ Тиберѣ стоящій, яже отстоитъ недалече отъ крѣпости градской, или, простѣ рекше, отъ замку, которій именуется Sancto Angelo.

Есть же храмь зѣло зданія и расположенія великаго и лѣпотнаго, тако отъвнѣ, яко и отъвнутръ. Отъвнѣ иматъ врата великіе и не едини, но многи, отъ спѣжа слыянніе зѣло тонкимъ и иськуснимъ художествомъ, яко дивитися всякому, найпаче же странному. Верху имать едину главу велику, яко довлѣти всему храму, и та есть оловомь покровенна. Внѣ же, предъ лицемъ церкви, есть пляць великій, каменними дсками гладцѣ насажденій, посредѣ же его стоитъ столпь високій, четиреугольній, въ гору изостренній, такожде источникъ каменній, сладкую воду жаждущимъ точащъ, одесную же и ошую столповь великихь, отъ цѣла каменя изсѣченнихь и чинно стоящихь множество суть, яко сто и вящше, иже лѣпоту многу показують. Внутрь же въ широту, долготу и високу зѣло пространна есть и многими великими столпами каменно-зданнимы поддержима, престоловь такожде множество суть, на нихъ же отправляють мшу, то есть службу Божую, глась же великь и шумень издаеть поющимъ и чтущимь. Тамо органовь суть три, великихъ и зѣло сладкопѣснивихь, яко человѣкь слишай, найпаче же странній, не можетъ насититися ихь. Весъ же храмь великими дсками мраморними посланній гладкимь художествомь. Тамо, близъ соборнаго алтаря, стоитъ одесную храма икона спѣжова изваяна Святаго Апостола Петра, ей же сь великимь усердіемь весь народъ поклоненіе творятъ и лобизають. Оттуду мало прешедши, посредѣ церкви суть гроби Верховних Апостоль Петра и Павла; идѣже части мощей ихь обрѣтаются, отъ составовь и члнеовь тѣла, гроби же ихь нѣ суть верху, но внутръ, подъ основаніемъ церковнимъ, идѣже входъ есть мраморними степеньми, врата же всегда заключенни суть и никогда же не отверзаются, кромѣ 25 года, на юбилеушь, или великаго ради нѣкоего

лица, внѣ же врать окруженни суть балясами мраморними степени, на нихь же много позлащеннихъ и сребряннихъ кандиловь висять, неусипно горящихъ, идѣже людіе на всякъ день, предъ врати гробовь, поклоняются честь воздающе мощамь святимь, идѣже и азъ множицею сподобихся поклонитися, вѣрующе несумѣнно, яко обрѣтаются мощи Святихъ тамо, невозможно бо естъ да въ градѣ ономь, идѣже Святіи пострадаша, аще не цѣлимъ тѣлесемь, то поне частемъ сохраненнимъ быти отъ христіань. Тамо есть обичай всѣмь людемъ исповѣдатися, найпаче же страннимь или перегриномъ, на поклоненіе пришедшимъ. Есть же тамо троновь много, на нихь же сидяще духовници, исповѣдують народи, единь убо по Латинску или Италіанску исповѣдетъ, вторій же по Греческу Грековь сьединившихся или премѣнившихься, и иній Венгровь, иній же Французовь, иній же Нѣмцовь и иній же Гишпановъ и иній же Поляковь и вси разними язики различнихъ людій исповѣдають. Обрѣтають же ся многіи и Словенскій языкъ знающіи, аще кто требуеть, найпаче же Далматовь и Горватовь ради, яко тіи Словенски бесѣдують. Врата первоначалная церкви Святаго Апостола Петра всегда затворенна стоять, токмо на юбилеушъ, то есть двадесять пятаго лѣта, яже самь Папа Римскій отверзаеть и первѣе входить, такожде и весь народь по немь.

О церквѣ Святаго Апостола Павла.

Вторая церковь есть въ Римѣ великая и многопочитаемая Святаго Верховнаго Апостола Павла, яже стоитъ внѣ града, яко поприща едино. Есть же широкая и долгая, но не весьма висока, едину токмо главу имущая, прочее же весь покровь ея древянъ, долгій и отъвнѣ

оловомь покровенъ, внутръ четиредесятъ столповь сутъ, върядъ по десятъ стоящихъ, великихъ, единокаменнихъ. Кромѣ же тихь, и инниxъ столповь мраморниxь много обрѣтаются и олтари алавастрними и порфирними дсками упещренни. Естъ же и тамо подобнимъ образомь гробь Святаго Павла содѣланнiй, якоже въ церквѣ С. Апостола Петра, къ нему же врата подъ спудъ храма сутъ, идѣже такожде кандиловь сребрниxъ полно, неусипно горящихъ, въ которомъ гробѣ сохраняеми сутъ члены мощей Святаго Апостола Павла. При храмѣ же томь сооружень монастиръ великiй и краснiй, въ немъ же иноковь много сутъ.

О инной церквѣ С. Апостола Павла.

Третая церковь подалѣе отъ храма Святаго Апостола Павла отстоитъ внѣ града, яко два поприща далече, которая именуеться Римскимъ нарѣчiемъ Decollatione di Sant. Paulo, то есть усѣкновенiе С. Павла, на мѣстѣ бо ономь, идѣже честную его усѣкнуша главу, создань есть храмь отъ ветхихь временъ, иже и донинѣ обрѣтается. Аще же и невеликь есть строенiемь, но лѣпотень внѣ и внутрь. Есть же и монастирь тамо при храмѣ созданъ, въ немь же иноковь мало обитаютъ, елико довлеютъ на службу церковну. Стоитъ же на уединенiи отъ людiй, на поли, на мѣстѣ високомь. Тамо внутръ церкви сутъ три студенци, сладку воду имущiе, единь близъ другаго, мраморами прекрасно упещренны, и лижици желѣзнiе кь нимь прикованнiе, идѣже обичай есть всякому на поклоненiе пришедшему отъ коегождо по мѣри испити води, благословенiя ради. Повѣствуютъ бо Римляне и окрестнiи народи, яко вь время оно, по усѣченiи Святаго Апостола Павла, не кровь, но млеко те-

и честная его глава, егда паде на землю, скочи и отъ мѣста на мѣсто и на коемъждо мѣстѣ (о ... авнаго чудесе!) изійде вода отъ земля, яже и до ... волею Божественною неоскудна пребываетъ, юже и ... грѣшній сподобихся пити.

О церквѣ Святаго Севастіянія.

...четвертая есть святаго мученика Севастіяна, ... на т... странѣ внѣ града яко за два поприща ... поли равномъ и веселомъ, между винограды, ... же монастиръ великій и изрядній при церквѣ ... ае... ся, въ немъ же законниковъ изобиліе и зданіе келій прекрасный. Храмъ убо пространенъ и великъ въ височу, въ широту же и долготу, и лѣпоту внѣшную и внутрную имать, сверху покровенъ есть оловомъ, внутръ же гладцѣ постланъ мраморнимы плахами, столпами же и олтарми чинно расположенъ и украшенъ. Церковь та на мѣстѣ томъ созданна есть, идѣже мученъ бяше Святій Севастіянъ, внѣ града изведенъ сій и стрѣлами отъ воевъ прободаемъ, еже мѣсто говѣнія и поклоненія отъ христіанъ достойное, понеже освященно мученіемъ Святаго, еже Христа ради претерпѣ. Есть же и другое благословеніе на мѣстѣ томъ: обрѣтается въ церквѣ той единъ студенецъ древній, отъ него же не почерпаютъ воду, но естъ покровенній сверху и литургисаютъ на немъ, аки на престолѣ, токмо отъ странъ иматъ оконца, согляданія ради. Повѣствуютъ же достовѣрно, яко множеству лѣтъ прешедшимъ невѣдоми бяху глави Святихъ Апостоль Петра и Павла, таже откровеніимъ Божіимъ обрѣтошася въ ономъ студенцы.

О церквѣ Святаго Іоанна Лятерана.

Пятая церковь въ Римѣ есть знаменита и ветха, завомая Sant. Ioanne Laterano, Святаго Іоанна Лятерана, которая есть въ високу, долготу же и широту зѣло велика и пространна и много престоловь въ себѣ имущая. Ея же верхь покровень естъ оловомь, внутръ же преупещренна вся порфирами, алавастрами, различновидними мрамори и иными драгими камени и иними утварми богатими. Иматъ же много сокровищъ и мощей Святихь, якоже слишится, но та не показуютъ, точію на юбилеушъ, и врата ея началная всегда заключенна сутъ и не отверзаются даже до года онаго. Тамо сутъ честніе глави Святихь Апостолъ Петра и Павла пренесенни по обрѣтенію отъ онаго вишшеписаннаго студенца. Есть еще тамо единь престоль каменній, о немь же повѣствуютъ и печатаютъ на хартіяхь Римляне, свидѣтелствующи, яко есть оній, на немь же сподобися устрѣти и воспріяти на лона праведній старець Симеонь Господа нашего Іисуса Христа, еще суща младенца, якоже свѣдительствуетъ священное Евангеліе; взятъ же есть и принесень вь Римь вь время древнихъ браней. Тамо, внѣ церкве, сутъ полати високіе и красніе и зѣло изящнаго строенія, идѣже прежде Папи Римскіе обитаху, нинѣ же премѣниша мѣсто и обитають на горѣ, зовомой Монте Кавалло; ветхіе же полати папѣжскіе премѣниша въ монастырь, въ немь же и донинѣ законники обитають.

О церквѣ Санта Марія maiore.

...естая церковь знаменитая, ветхая и пресловутая ...мѣ есть, яже именуется Санта Марія маіоре, си ...вятая Марія болшая, которая есть въ долготу же и ...юту зѣло пространна и многіе престоли лѣпо ...нни драгими столпами и дсками мраморними и бл... ...ало, въ нихъ же зрится лице человѣ... ко... утвар... драгими украшенніе; под... и гладко посланно, верхъ ея покровень олс... ...ъ на мѣстѣ високомъ и веселомъ, и монастиръ избр... й при ней устроенъ, въ немъ же законниковъ множество суть пра...ила Доминиканскаго.

О церквѣ святаго Лаврентія.

Седмая церковь въ Римѣ ветхая и пресловутая, и богатая, именуемая Sant Lorenco, то есть святаго Лаврентія, въ которой обрѣтаются части мощей многихъ и различнихъ святихъ, но не износять ихъ въ явленіе миру, токмо 25 года. Вѣстно же буди, яко въ всѣхъ сихъ предреченнихъ храмѣхъ сутъ великіе и сладкопѣснивіе органи, понеже Римская церковь нигдѣ же безъ органа биваеть, развѣ въ нуждномъ зѣло мѣстѣ. И сіи сутъ седмь церковь ветхихъ и пресловутихъ, яже всякъ отъ перегриновъ долженъ естъ посѣтити, яже и азъ въ единъ отъ дній ходихъ и посѣтихъ вся. Есть еще внутрь града церковь мала Святаго Петра, идѣже древле темница бяше и Петръ С. въ ней заключенъ и веригами окованъ сѣдяше, яже вериги и донинѣ обрѣтаются тамо и людіе съ вѣрою и усердіемъ приходяще, покланяются, имъ же и азъ недостойній поклонитися

сподобихся. Стоитъ же оній храмъ внизъ гори глубоко, яко на два сажни и вящше, на горѣ же оной естъ дворъ, въ немь же раздаются хартіи печатаніи исходящимъ отъ Рима вь инну страну, свѣдителствующіи о здравіи человѣческомъ и о мѣстѣ незаповѣтренномь, еже мѣсто именуется Рацели. Одесную темници, нинѣ же церкви Святаго Петра, сутъ много столповь великихь зѣло, чинно стоящихъ, отъ единаго камене изсѣченнихъ, на мѣстѣ пустомь, идѣже нинѣ смѣтіе вергають, отъ нихъ же познавается, яко бяху некіе зѣло богатіе и прекрасніе полати. Таможде близу сутъ инніе темници великіе, въ нихь же татіе, разбойници и иніе зліи человѣцы нинѣ заключаются. Есть паки инна церковь внутръ града, зовома Rotunda, сиречь округла, того ради, яко зданіе ея отъвнѣ и внутръ округло есть, ни угловь бо, ни камаръ не иматъ, но едину стѣну окресть, аки столпь иматъ, и единою главою вся покривается. Есть ветхая зѣло, еще отъ Еллиновь созданная, идѣже всѣхь боговь ихь, или паче всѣхъ идоловь капище бяше и жертву обще всѣмь приношаху, вжигающе огнъ великъ посредѣ храма и телци паляще, чесого знаменіемь есть окно, или дира велика посредѣ главп храма, аможе димь исхождаше, яже и доселѣ непокровенна есть. Наставшу же благочестію и христіаномь вь областъ Римь воспріявшимъ, отъ капища всѣхь идоль очистиша и нарекоша храмь Всѣхь Святихь, аще и отъ круглости круглая общенародно именуется, обаче храмь Всѣхь Святихъ есть. Врата токмо едини иматъ, но зѣло великіе, аки градскіе, окна же ни единаго, но дирою сверху просвѣщаеться. Внѣ церкве покровь сооруженъ есть въ подобіе паперти, поддержимъ четирма великими зѣло столпами единокаменними, яко всякаго взирающаго удивляетъ умь, како толъ великая махина рушима и

зиждема бистъ, въ висоту убо сутъ яко пять или шесть сажней, толсти же два человѣки обяти не могуть. Кь оному храму Римляне великое усердіе имуть, на всякъ бо денъ полно мира тамо людій, на поклоненіе приходящихъ, обрѣтается, найпаче же того ради, яко близъ торжища стоитъ и всякь мимо грядій не лѣнится внутръ внійти. Внѣ храма того, одесную, при стѣнѣ, есть образъ Христа, въ гробѣ лежаща, отъ бѣла алавастра изсѣченъ, кь нему же Римляне вси говѣніе веліе имутъ, и егда покланяются, метаютъ внутръ пѣнязи, всякь по силѣ своей. Есть паки внутръ града ина церковь, зовома Екеза нова, сиречь церковь новая, яже древле бяша капище Еллинской богинѣ, именуемой Діянни, еже вь время Рождества Христова падеся, вь время же христіанства обновися и бистъ Домь Божій, сего ради и наречеся церковь нова, сиречь отновленна. Еще есть внутрь града инная церковь великая и прекрасная, купно сь монастиремъ, въ ней же законники обитаютъ, именуеміе Гаравѣте, жестокое провождающіи житіе, идѣже обикоша людей множество снисходитися на правило въ первій часъ нощи; исходяще же изъ церкви, даютъ убогимъ милостину, того ради и отъ нищихъ тамо много собираются, не тако молби дѣля, яко прибитка; вь вторникъ же и четвертокь и неделю поученіе биваеть и раздають всѣмь треконечни вервици, яже именуются дисциплины, и угашаютъ свѣщи, яко ни единой не остати, и бичуется народь, си естъ всякь біеть себе самаго, иній по одеждѣ, инній же по нагомь тѣлѣ, Христа ради, сутъ бо нѣціи на сіе пріуготовленни, иже аще и видятся одѣянни бити, но егда угасятся свѣтила, абіе изметаютъ верхніе одежди и въ сподней созади на плещахъ имутъ устроенну диру и біетъ въ ню до болѣнія и язвь; біютъ же ся яко чрезъ 3 Вѣрую или

вяще; таже хотящимъ престати даютъ иноки знаменіе и абіе всякь вскорѣ облекаетъ ризы своя, да тако другь друга не познаваеть, мало ли или много, или ничтоже біяше себе, на голи или по одеждѣ; послѣди же паки засвѣщають свѣщи и творятъ отпустъ. Недалече отъ храма, яже иногда темница Святаго Петра бистъ, обрѣтается монастирь, при горахъ, Сергія и Вакха, идѣже нинѣ иноки отъ Грековь, болше же отъ Русовь обитають, именуеміе Базилѣяне, яко би по Святаго Василія правилу живущіи и по обичаю Греческихъ иноковь, но якоже отстоятъ востоци отъ западъ и небо отъ земля, сице и они разнятъся отъ Грековь, вьсемь бо соединенни сутъ Римской церкви, одѣяніемъ токмо мало подобятся, еже носятъ долгое, даже до земли, и власяное, клобукь же имутъ безъ криль, якоже и Арменскіе иноци, еще надъ то и капелюшъ верху клобука носятъ, бради голятъ и власи стрижутъ и постовь всѣхь не сохраняютъ, кромѣ великой четиредесятници и то не твердо; литургисають ово по Греческу, овогда же по Руску, обаче, по обичаю Римлянъ, на опрѣсноку и то безъ пѣнія, токмо единимъ чтеніемь тихимъ. Церковь ихь есть строеніемь и обичаемь Римлянъ, безъ царскихъ вратъ и сѣвернихь и безъ иконостаса, откровенній престолъ имущая. Естъ же въ церквѣ ихь ошуюю стоящая икона Пресвятія Богородици велика, на дсцѣ исписанна, на десницѣ держащая младенца Христа, многими же чудотвореніи и цѣленіемь различнихь болѣзней препрославленна, златомь и сребромь и драгими каменми, яко едва лицу видѣтися, завѣшенна и украшенна, ея же истинное изображеніе иноци имуть на хартіи, съ подъписаніемъ Словенскихъ лѣтеръ: „Честнѣйшую херувимь и славнѣйшую безъ разсужденія Серафимъ“ и прочая до конца, яже инимь продаютъ, инимь

же дарствуютъ. Есть еще особнѣ мирская церковь Греческая Святаго Аѳанасія, не тако Грековъ ради, тамо обитающихъ, понеже ихъ зѣло мало сутъ, яко приходящихъ ради купцовъ, въ ней же аще правило церковное по обичаю Греческому творится, но прочіе въ всемъ едино съ Римляни сутъ, и не дивно есть: стояй бо въ огни, или сгоритъ ни вочтоже, или опалится. На пути, идущи къ монастиру Святаго Павла, о немъ же предрекохъ, есть церковь мала, каменна, внѣ града, яко полпоприщемъ отстоящая, созданна на мѣстѣ ономъ, на немъ же Петръ Апостолъ устрѣтеся съ Христомъ, яко съ нѣкіимъ человѣкомъ. Вина же сего сія бистъ: отъиде Петръ Апостолъ въ Римъ проповѣдати вѣру Христову, якоже свѣдителствуютъ Дѣянія Святихъ Апостолъ, бяху бо тогда въ Римѣ идолопоклонники, якоже и повсюду, отъ язикъ бо разширися церковь Христова, отъ нихъ же многихъ къ Христу обрати Св. Апостолъ Петръ. Таже возненавидѣнъ бистъ отъ идолослужителей и оклеветанъ, ятся отъ игемона Римскаго и всажденъ бистъ въ темницу, имѣя мучимъ бити, иже, убояса подяти мукъ, избѣжа отъ темници и течаше вонъ изъ града, идѣже явися ему Христосъ въ образѣ нѣкоего человѣка, хотя его укрѣпити, да не погубитъ мзды своея. Устрѣтши убо Петръ вопроси Христа: камо грядеши? Отвѣща Іисусъ, акы инъ человѣкъ: иду въ Римъ пострадати Христа ради. Еже слишавши Петръ, размисли въ себѣ, яко сей самоволно идетъ на смертъ Христа ради, азъ же, ятъ бивъ, избѣжахъ; и раскаявся возвратися въ градъ и паки ятъ бистъ, узи же мученіе и смертъ подъятъ за Христа, на крестѣ пригвожденъ стремглавъ. Еще же обрѣтаются въ Римѣ и донинѣ полати родителей Алексѣя человѣка Божія и хижина, въ ней же не познаваемъ, яко единъ отъ нищихъ, при вратехъ

отца своего живяше. Полати въ Римѣ суть вси строенія каменнаго, краснаго и високаго, яко иніе пять домовь, инніи же шесть едина верху другихь имуть, сь прекрасними великими окнами, желѣзними же и мосяжними кратами, улици же едва не вси суть насажденіе каменми красно, началніе и шерокіе великими каменми, ово черними, ово же бѣлими, гладко посланіе, на нихъ же не токмо каль, но ниже прахь обрѣтается, на всякь бо денъ ходяще, пометають на то опредѣленніе людіе. Двори княжескіе, яже въ Римѣ, боярскіе же, а найпаче же кардиналскіе, многоя похвали достойни, красоти ради своей, въ нихь же позлащеннихь исписаннихъ лѣпо колесниць полно, на которихъ ѝни яздять, шестма конми влекоми; кони же ихь сице упещренни и устроени суть, яко дивитися воистинну, и много имуть предьходящихь и послѣдующихъ. Есть же въ Римѣ Кастронъ, сиречь замокь крѣпкій и красній, надь Тиверомь рѣкою стоящій, недалече первоначалнія церкви С. Апостола Петра, которій именують Римляне Сантъ Angelo, си есть Святій Ангель, понеже ангелу есть вь соблюденіе порученній и ангелскую на себѣ печать имать. Обрѣтають же ся въ Римѣ многая училища, въ нихь же различнихъ мудростей и хитростей и язиковь учатся. Первоначалное же училище есть рекомое Коллеігумъ Romanus, въ немь обще вси народи отъ христіань Латинскимь діалектомь грамматики, философіи, астрономіи и богословіи учатся.

О дворѣ и полатахъ Папи Римскаго.

Дворъ, въ немь же обитають нинѣшнихъ временъ Папи Римскіи, стоить внутрь града на мѣстѣ, рекомомь Monte Cavallo, якоже прежде рѣхь, то есть на горѣ

Конной, сице отъ коня и яздца прономенованной, иже создань есть отъ ветхихь лѣть отъ камене бѣла и чиста, зѣло искуснимь и хитримъ художествомь и стоитъ предъ врати двора папѣжскаго издалече, на високомь и широкомь камени, нань же посмотрѣти мимоходящему угодно есть. Дворъ убо Папи есть пространенъ и великь зѣло, яко нѣкій монастиръ, оточенъ же стѣною високою, яко градъ. Врать кь входу и исходу четири иматъ, въ нихь же вои стрегущіи денъ и нощь стоять вьоружени и не всякаго оставляютъ внійти, прежде даже не вопросятъ вини и потреби, единимь токмо перегринамь невозбранній всегда входь дается, понеже многа дѣла имутъ, ини бо приходятъ взяти разрѣшенніи хартіи, инніи же приносятъ суплѣки, просяще милостини, инніи же на трапезу папѣжскую приходятъ, инны же чотки и инніе покупки Римскіе, ради благословенія, кь Папѣ приносять. Обичай бо есть въ Римѣ, аще кто что купитъ молитвамь прилично, яко то: крести, образки, чотки, ментали и прочая, приноситъ въ полати папѣжскіе и онь, молитву дѣющи, благословляетъ я, и паки утро или по утру всякь взимаеть вещи своя. Воини же папѣжскіе одѣяніе веселое имутъ и различное отъ многихъ иностранних, понеже одежда ихь и шаравари сутъ суконніе, отъ многихъ частей сошенніе, и отъ двообразнаго цвѣта, отъ желтаго и блакитнаго, и не весма тѣсніе, но помѣрніе. Еще имуть отъ тогожде сукна сошенніе, аки пояси, висящіе отъ плещей даже до чресль. Внутрь убо двора сутъ полати многіе, едини верху другихь, зѣло чино и лѣпо устроенніе окрестъ при стѣнѣ, посредѣ же пляцъ великъ празденъ, гладкими велики каменми насажденъ, иже многу лѣпоту подворію являетъ. Папа, аще камо внѣ двора исходить, всегда на носилахь носимь бываеть, которое овогда но-

сятъ кони, овогда же человѣцы. На носилахь же есть устроень златій тронь, или сѣдалище, отъ всѣхь четирехь странь окна кристалніе имущъ и заключень, ясно сквозѣ зрится; и егда несуть его нѣкоею стогною, абіе людіе, оставивши своя купли и продаянія, бѣжатъ воскорѣ устрѣсти его и вси припадають на колѣня проходящу ему, онъ же обѣма рукама благословляетъ народы. Одежди его сутъ шелкови свѣтло багряни, претикани златомь, долги же и шероки доволно, шлемъ такожде багрянъ верху глави его. Множицею же и на конехь издитъ, по далекости и растоянію мѣста. Хотѣль бихь тебѣ, тщателній читателю, извѣстити о поставленіи Папижовь Римскихь, но понеже своима очима неслучися мнѣ видѣти, токмо слышати множицею, того ради слишемая не дерзаю писати, понеже различно повѣствують народи, къ тому глаголемая и самь можешь услишати. О конфирмаціи же ихь (понеже видѣхь) въкратцѣ ти предлагаю повѣстъ. Премедлѣвшу ми въ Римѣ едину седмицу и обшедше оніе вишереченніе седмь начални церкви, по обичаю перегриновь умишляхь изійти воскорѣ, но понеже предъуготовляшеся конфирмація, того ради дни нѣкія еще умедлихь и видѣхь бившое. Бистъ тогда, си есть году 1724, новоизбранній папа Римскій Венедиктъ 13, зъ Доминѣкановь. Обичай же естъ въ Римѣ, по наставленіи папи новаго прошедшимь нѣколикимь мѣсяцемь, конфирмацію, то есть потвержденіе, творити. Сего убо предреченнаго Папи Венедикта 13 потвержденіе сицевимъ образомъ. Снійдошася отъ окрестнихъ ближнихъ же и далекихъ градовъ весъ духовній соборь и мирскій сигклитъ и множество общаго народа; Папа же чрезъ три дни предъ конфирмаціею своею собирающе всѣхь нищихъ и убогихъ въ подворіе свое и раздѣляше милостину коемуждо равно: мужу

женѣ, велику же и дѣтищу по десятъ баіоковь, ѣнитъ въ Полской монетѣ четири шаги, а въ Мо- ой осмь копѣекь, не даваше же сребромъ или мѣ- ако бо возможетъ время довлѣти по единому то- народу дробніе числити, или гдѣ иматъ собрати т ой монети? бяше бо убогихь яко три или четири и; но собравши всѣхъ убогихь въ дворь и врата з чиша и по единому испускающе, подаваху по еди- н или к т си есть малой хартіи, въ ней же отс ь убо о до пекара коего любо буди, повелѣва и, да за 10 баіоковь хлѣба дастъ ему, таковими с еси: Сей убогій, имя рекъ, посилаеться кь тебѣ пе имя рекъ, на оно парохіи или на ономъ мѣстѣ обитающему, да даси ему за десятъ баіоковь хлѣба и вмѣсто мзди хартію да удержиши. Восприявши убо всякъ убогій болетикь, отъиде кь пекарю, его же имя напечатанно бяше, пекары убо даяху по десятъ хлѣбовь убогимъ и хартіи задержаваху, таже послѣди относяху въ дворъ папѣжскій и воспріймаху мзду свою. Раздѣляше же сицевимъ образомь милостину чрезь три дни, единожди на денъ. Таже въ единъ отъ дній весь священній соборь взятъ Папу отъ полатъ своихь и бистъ проводимъ сь великою честію и почтеніемь сквозѣ нѣкіе стогни града, безчислену ему предьидущу и послѣдующу народу града, постилаху же по пути драгіе килими и многоцѣнніе одежди; и предидяху убо первѣе, всѣдше на конехь 6 священникь и канониковь многое множество въ шелковихъ черниxъ и долгихь одеждахь, по нихь же подобное число епископовь и архіепископовь, таже пралатовь множество, иже вси шелковіе и долгіе же и широкіе одежи цвѣтомь вишневіе имѣяху, вси бо по обичаю и достоинству своему одѣяніе ношаху, не церковное, но домашное, и сіи бяху не

на конехь, но на мскахь всѣдшіи; послѣди же на избранихь и украшенних конехь яздяху кардинали, митрополитское достоинство имущіи, вси въ багряних свѣтлихъ шелковихь одеждахь, весма долгихъ и пространнихъ, съ шерокими зѣло рукавами, такожде и капелюши на главахь ихь багрянніе. Вѣдомо же буди, яко многи сутъ кардиналове, верховних же имутъ Римляне точію дванадесять, въ число дванадесятъ Апостоль, и сіи обитаютъ въ Римѣ, прочіи же въ инних градѣхь. По сихь убо грядяше Папа, всаждень на коня бѣла, преудобренна и преукрашенна златими и сребрними покровами; по немь же во слѣдъ грядяху два кони избранніе, тронъ его на себѣ художно повѣшень носящіе, премѣненія ради, аще би утрудился сѣдящи на кони. И тако устроенни, пройдоша нѣколико стогнъ внутрь града. Таже пройдоша едину стогну, въ ней же отъ обоихь странъ на стѣнахь множество іероглификовь и различних похваль Папѣжовѣ, отъ премудрихь учителей написанних, пригвожденни бяху, яже отъ ученикь многіи сь прилѣжаніемь чтяху и ублажаху творцевъ, бяху же овіи стихотворною мудростію, овіи красноглаголеніемъ риторскимъ сложенни. Ведоша его сквозѣ врата новоустроена на единомь пляцу широкомь, яже врата зѣло красно и лѣпо сотворенна отъ премудрихь майсторовь, бяху ибо древяна, въ очесѣхь же людскихь издалече, аки отъ самихь мраморовь сложенна бити зряхуся; и на мѣстѣ томь отъ всего Собора и Сиглита дана бяху два ключа, единъ златій, другій же сребрній, въ памятъ (якоже глаголють) ключовь вязанія и рѣшенія, яже дана бѣста отъ Христа Спасителя Святому Верховному Апостолу Петру. Оттуду же отведоша его паки въ полати его съ многою честію и торжествомь, и сице бистъ конець потвержденія его. Вѣстно же буди, яко Римляне сутъ людіе благородни,

еще отъ ветхихъ временъ и нинѣ отъ иностраннихъ цѣняеми и почитаеми, сладкоглаголевіи, полѣтични, хитри и искусни вь всякомь дѣлѣ; обрѣтаютъ же ся многи убоги, но богатихь паче множае сутъ. Замедлѣхъ убо азъ въ Римѣ дванадесять днiй равно и взяхь патента, якоже обичай есть путникомъ, не имущи же сопутника, развѣ единаго Бога. Того убо призвавши на помощъ, умислихь паки ити по суху вь Венецію, даби оттуду удобнѣе паки первимь путемь моглъ возвратитися въ странну Полскую. Извѣстившижеся и испитавши добрѣ о пути правомь и простомь, иже есть чрезь Флоренцію, изволихь онимь шествовати.

Изшедши азъ изъ пресловутаго града Рима Септеврія числа 18, въ четвертокъ [1] зѣло рано, шествовахь нѣколико днiй ово горами, ово долинами и лѣсами, идѣже весей на пути мало случишася, токмо нѣгдѣ лѣси и виногради и корчми при путехь. Таже доспѣхь къ знаменитому граду, именуемому Витерба, о немъ же много писати не могу, понеже случися прійти въ вечеръ позно, идѣже точію пренощевахь и утро идохь далѣе. Естъ убо градь ветхій лѣти, но строеніемь красенъ, въ немь же костели и домове сутъ лѣпо зданніе и улици каменми насажденія. Стоитъ же на мѣстѣ веселомь, въ низъ гори, при текущихъ и здравихъ водахь. Сутъ тамо цѣліе нетлѣніе мощи нѣкоей святой монахинѣ Римской, именуемой Рожа, о которой достовѣрне слышахъ, но своима очима не видѣхь, понеже послѣди, минувши градъ той, извѣстихся о ней. Оттуду идохь паки частію горами, частію же равнимь путемь, и преходихъ села и гради маліе нощію, не хотя искати гостинницъ, понеже нощію лучше бистъ шествовати, нежели днемь, прохлажденія ради. Милостивихъ же тамо отчасти людій обрѣтахь, нежели прежде. И по нѣколицехь днехь приспѣхь къ

[1] 18 Сентября 1724 г. приходилось въ пятницу.

граду, именуемому Сене. Градъ Сене нѣстъ подь властію Папи, но подь вожда Флорентійскаго, токмо Папѣжовѣ духовно покоряется; тамо бо и пѣнязи его дробніе не проходять, но ини суть. Есть убо градъ зданіемъ изряденъ и крѣпокь, стоитъ же на горѣ, на веселомь мѣстѣ и доброй земли, костеловь и полать строеніе есть многолѣпно и улици вси сутъ каменми насажденны; въ вино и хлѣбь, и плоди, и инніе ядоміе вещи доволенъ есть. Обрѣтаетъ же ся тамо гостинница зѣло лѣпа, съ красними и мягкими одрами, препочиванія ради странствующихъ перегриновь, юже азъ посѣщахь, но не хотѣхь ожидати даже до вечера, частію яко не дивна бяше гостинница, въ них же нощевахь множицею, частію же, яко рано тамо достигохь бѣхь и не восхотѣхъ цѣлаго дня погубляти всуе. И шествовахь оттуду паки горами и удоліями, частими же селами и градцами и милостившими людми на доброй землѣ стоящими, на ней же виноградовъ много рождается и хлѣба неоскудно. Всѣхь убо дній шествовахь единадесять и доспѣхь къ знаменитому граду и всюду прослутому Флоренціи Септеврія 30; иже отстоитъ отъ Рима размѣреніемъ милъ Италіанскихъ 145.

О пресловутомъ градѣ Флоренціи.

Случися мнѣ тамо прійти въ понедѣлникъ [1] зѣло позно яко о первомъ часѣ нощи, идѣже абіе текохь кь гостинници, чая еще не заключенну, и обрѣтохь тако. Пришедшу же ми тамо, уже бяху инніе перегрини повечерали и отъидоша спати, обаче и мене пріяша любезно и представиша ми трапезу честну, съ доволствомь вина, еще же и служаху велиціи и знаменитіи мужіе, предстояще ми подобнимь обичаемь, якоже въ Римѣ и вели-

[1] Слѣдуетъ 28 Сентября, которое въ 1724 г. дѣйствительно приходилось въ понедѣльникъ.

еаполю. По окончені же вечери, отведень бѣхь
честень, бѣль же и чисть и посланъ мягко,
, благодаряще Бога. Заутра же, въ вторникь,
изійти отъ града того, не хотя всуе губити
понеже зима приближашеся, но въ денъ той,
ь изволеніемь, снійде дождь не маль и сего ради
хь даже до вечера и идохь къ иному гаспиталю
еваніе, идѣже, купно съ прочіими многими спед-
п пере , е трапезу, яже бистъ лучша
кели въ перв и слу у такожде отъ благород-
нихь и знаменитихъ мужей много, предстояще и вливающе вино въ чаши. Таже, по окончені и благодареніи, отведенни бѣхомь въ чертогь на одри, красно устроенніе съ постелями чистими и мягкими, и пренощевахомъ Богу слава. Флоренція есть въ Италіи градъ знаменитій и повсюду прослутій, подъ властію единаго велика Дукса, то есть вожда, иже два оніе началніе гради подъ собою иматъ: Флоренцію и С ни, съ окрестними. Стоитъ на земли благоплодовитой, мало каменія имущой, въ единомъ широкомъ удоліи, его же обстоятъ окрестъ гори високіе и рѣка едина проходитъ сквозѣ его. Есть же распростерть много въ широту и долготу, иматъ водь здравихь текущихъ много и садовъ прекраснихь такожде, еще же виноградовь и вина изобиліе веліе, такожде хлѣбь и иніе ядоміе вещи не скупо продаются. Тамо богатихъ же, знаменитихь и благороднихъ людій много, церквей, монастирей избраннихъ и многой похвали достойнихь доволно, такожде високихъ вежей и столповь; домове же и полати зданіемъ сутъ красни, торжища же и стогни чинно расположенни, всегда же очищенни и пометенни сутъ, яко не токмо ходити, но и зрѣти лѣпо; училищъ же и мудростей доволно обрѣтаються и художниковь, въ всякомь рукодѣланіи искусних. Тамо

народь полетичній и добрѣ бесѣду простираеть, токмо не лѣпо изношеніе имутъ, яко проходитъ слово вь всей Италіи: Lingua Toscana in bucca Romana, то есть добрій есть язикь Тосканскій въ губѣ Римской, страна бо та, идѣже Флоренцѣя есть, Тосканѣя именуется. Тамо бо добрѣ въ бесѣдѣ глаголи слагаютъ, въ Римѣ же чисто слово износятъ. Флоренцѣя оній градъ естъ, въ немь же осмій синодъ (его же нинѣ Восточная церковь не пріемлеть) собранъ бяше тщаніемь и иждивеніемь Папи Римскаго, хотящаго соединеніе сотворити, иже собрася первѣе въ градѣ Феррарѣ, таже, мора ради, прейде въ Флоренцію, якоже въ лѣтописцѣхь обрѣтается. Бяху же на ономъ соборѣ сіи: царь Греческій Іоань Палеологъ, папа Евгеній четвертій, патріархь Константинопольскій Іосифъ, Исидоръ митрополитъ Кіевскій и всей Россіи, Марко Ефескій и прочіи архіепископи Греческіе и епископи, архимандрити же, протосингели и игумени отъ Святія гори Афонскія, иже вси подписашася на соединеніе, единъ токмо Марко Ефескій не подписася и удержа Греческую церковь отъ соединенія, яже и доселѣ не совокупляется сь Римляни. По окончeніи же того синода, таможде въ Флоренціи патріархъ Константинополскій Іосифъ, сѣдящи и пишущи, наглою умре смертію, еже бистъ знаменіемь, яко непріятно бисть Богу его соединеніе. Онъ вкупѣ съ царемъ первѣе подписашася, послѣди же прочіи. Преставися же Іюнія дня 9 ведлугь календаря Римскаго, а ведлугь Греческаго Мая 29, и погребень бистъ съ многію честію въ церквѣ, именуемой Sancta Марія новелла, яже есть въ монастирѣ иноковь чину Домѣнѣканскаго, идеже Папа обиташа. Бистъ же соборъ той совершенъ въ лѣто отъ воплощенія Господня 1439, Іюнія 6, по календару Римскомь, по Греческомь же Мая 26. Въ Флоренціи наиболшая и краснѣйшая и израднѣйшая церковь естъ, которая

именуется Sancta Maria liberata, при ней же високая и прекрасна звоница каменна стоитъ, искусним маистерствомь созданна. Замедлѣхь убо азъ въ градѣ Флоренціи двѣ нощи и день единь и изійдохь оттуду Септеврія четвертаго [1] дня, въ среду рано, и шествовахь паки горами, еще височайшими и зѣло прискорбень и жестокь путъ имущими. Найпаче же сутъ тамо двѣ, паче иних височайшіе, ихь же съ веліимъ трудомъ прейдохъ, послѣди же шествовахь путемъ добримъ, аще и не равнимь, горами, каменя мало имущими, но землю мягку и добру и садовь каштановихъ много, или, паче рекши, лѣсовь, понеже два дни идохь сквозѣ нихь, идѣже нѣстъ стражби никаковой, не оточенни оплотомь, но всякь мимоходяй зобаетья, никому возбраняющу. Тамо въ весехь живущіи людіе мелютъ я на муку и творятъ хлѣби, ово въ полъ съ пшеницею растворяющи, ово же безъ растворенія, отъ них же хлѣбовь и мнѣ даяху и есть зѣло сладокъ и вкусень, точію не крѣпокъ. Четвертаго же дни изійдохъ на равнину отъ между горъ и возрадовахся зѣло, яко послаби ми Богь во путшествіи, унилъ бо бѣхь до зѣла, денъ и нощъ восходящи и нисходящи горами по жестокомь каменномь пути, и приспѣхь кь знаменитому граду Бононѣи Септ. 7 [2], въ суботу вечера. Тамо двѣ сутъ гостинницы пелгримскіи S. Blassi и S. Francisci; въ первомь убо въ суботу вечерахь и нощевахь и нагь идохъ на ложе, въ второмь же въ недѣлю, но необнажень. Есть же тамо внѣ града монастирь богатъ, рекомій Чертоза, въ которомъ на всякъ денъ страннимь даютъ иноци вареніе, хлѣбь и вино, юже милостину и азъ воспріяхь. Вѣдомо же буди, яко отъ Флоренціи до Бононіи сутъ шестъдесятъ милъ. Бононѣя есть градъ изряденъ и знаменитъ вь Италіи, подъ Папѣжовою областію сущъ, великь въ долготу и

[1] Слѣдуетъ: тридцатаго.— [2] Слѣдуетъ: Окт. 3.

широту, найпаче же въ долготу, иматъ прекрасніи доми и полати и многознаменитъ и богатихъ въ себѣ содержитъ людій; домове же толъ широкіе на улици имуть дахи, яко аще би и наиболшій дождь билъ, мощно подъ ними пройти безъ омоченія ногь; улици же сутъ широки и стеклисто каменми сажденіе, того ради да въ дождь вся нечистота отъ града исмивается. Церквей и монастирей краснозданнихь много, найпаче же первоначалній храмь, при торжищи стоящь, есть зданіемь зѣло великь, ему же подобнаго вь всей Италии мнѣ не случися обрѣсти. Тамо преходитъ сквозѣ градъ рѣка, именемъ Рено, узкая, обаче глубокая, которая много пожитку и користи жителемь приноситъ; раздѣляютъ бо оную на многія части, ово на млини, ово впущають малими потоками въ огради и творятъ многоплодная коренія и зелія ко яствію и варенію. Хлѣба нѣстъ изряднѣйша, яко тамо, развѣ вь Венеціи, и на мѣрной продается цѣнѣ, и инная вся къ яствію такожде сутъ доволна. Доздѣ новымъ путемь шествовахь, се же на первій (имъ же кь Риму идохь) паки возвратихься и уже вторицею бихь вь Бононіи, оттуду старимь путемь шествовахь 30 милъ кь значному граду, именемь Ферара. Въ томь градѣ кончается Панство Римское и монета, зачинаетъ же ся далѣй Панство Венеціянское и монета. Изійдохь отъ Бононіи въ понеделокъ о полудни, приспѣхь до Ферари въ среду о полудни. Оттуду имѣхь шествовати паки путемь прежднимь, чрезъ Падву, даже до Венеціи, града морскаго, 65 милъ; но посовѣтовавшися точію идохь земнимь путемъ до града не велика, обаче пресловута куплею и торговлею, именемъ Рувиго. Мѣсто оное преходить рѣка великая, именемь Лядишь, наченшаася отъ между онихъ великихъ горь, вьпадаетъже въ море, того ради и оное мѣсто Рувиго есть, от-

части тамо пресловутое, яко многіе людіе кораблями и ладіями отъ моря приходятъ оною рѣкою и куплю дѣютъ. Прійдохь тамо вь пятокь о полудни и видѣхь многихь многая купующихъ и многихь многая продающихь и удивляхься, почто не видѣхь тако, егда первѣе идохъ еще къ Риму. Вопросихь же нѣкоего отъ стоящихь на ринку, почто тако многолюдно нинѣ, прежде же не бистъ тако? И рече ми, яко въ сей час на всякь годь биваетъ ярморокь великь и триваетъ на многь часъ. Сія азъ слишавь, умислихь тамо замедлити до вечера, и сотворихь тако; и видѣхь многихь купцовь, различнія продающихь товари, прочая штукотворенія и игри и интермедіи творящихь; видѣвъ же многія корабли, пришедшія отъ Венеціи и имущія возвратитися, просихь единаго отъ пловцовь, да превезетъ мя оттуду воднимь путемь кь Венеція, Христа ради, и обѣщася ми сотворити милость и повелѣ ми ждати, донелѣже продастъ рибу, и ожидахь полтора дня, си есть въ пятокь до вечера; вь вечерь же, по захожденію слонца, пустихся сь оними рибари водою, и пловохомь чрезъ всю нощъ 6 милъ и приплихомь уже начинающуся дню кь нѣкоему граду, на морѣ (якоже и Венеція) стоящему, ему же имя Кюза. Тамо азъ замедлихь даже до вечера, мнѣхь бо тамо милостину велику испросити, идѣже не биваютъ пелгрими, но зѣло мало обрѣтохь; искахъ же иних пловцовь кь Венеціи и не биша, не хотѣша бо тогда никого везти, понеже бистъ денъ недѣлній; ожидахъ же и не хотя даже до утра и нощевахъ вь госпиталю. Заутра же, вь понедѣлокь, аще и много пловоша кь Венеціи, но ни единь мя восхотѣ взяти Христа ради, но требоваху мзди; азъ же, понеже оскудень бѣхь, не возмогохь дати и ожидахь на мя призрѣнія Божія. И се по малѣмь времени, пловяху недалече кь острову людіе малою ла-

діею, откуду можеть ногами ити много, молихъ же ихь, да мя возмуть зъ собою, и взяша безъ всякаго отреченія и превезоша 5 милъ водою кь острову; и идохь того дне десять милъ, все людми тамо живущими, и многу милостину даяху оть хлѣба и оть поленти, не даяху скоро шествовати, вопрошаху бо мя окресть обстояще, найпаче оть женска полу вопрошаху мя: откуду родомь, откуду иду и прочая, прочая, прочая. Прешедши же того дне десять милъ, испросихъ у корчемника внѣ корчми подъ покровомь нощевати, иже сожалися надо мною и даде ми чашу малу вина и полнъ свѣтилникь оливи, да что восхощу твору при немъ, и отъиде. Сидящу ми тамо вь вечеръ, абіе сьнійдеся кь мнѣ народь многь и бесѣдоваху сь мною много, донелѣже олива вь свѣтилницѣ можаше свѣтити, таже разидошася. Нѣціи же не хотяху разійтися сь мною, видящи мя охотнѣ съ ними бесѣдующа, купиша же оливи свѣтилникь полнь и сѣдяху сь мною разглаголствующе даже до полунощи, таже и тіи отъидоша, желающе ми всякаго блага и благополучной нощи. Послѣды же угасло свѣтило, и азъ, сотворше обычное моленіе, облегохь, но мало уснувши, бодрьствовахь даже до дня, не возмогохь бо болѣе спати, вѣтра ради и зимной стихіи. Утру же бившу, вь второкь, пойдохь воскрай острова, брегомь, ищуще пловцовь, къ Венеціи грядущихъ, но не обрѣтохь, иже би мя восхотѣша Христа ради превезти, вси бо хотяху мзди, найпаче же того ради, яко самаго везти не хотяху всуе трудитися, инних же превозити не случашеся. Ходящу же ми воскрай брега и печалующу, и се абіе, по Божію смотренію, узрѣхь пловущихъ кь Венеціи сь оградними зеліями и кореніи, на продаяніе кь варенію, и молихь да возмуть мя сь собою; взяша же безъ отреченія и привезоша мя даже внутрь

града самаго. Азъ же благодаренiе воздавь, идохь первѣе кь Греческой церкви и бихь на вечерни, узрѣхъ же ся сь священники; и позна мя абiе протопопа, азъ же поклонихся низко и просихь его да не возбранитъ ми нѣкiй часъ пребыти вь госпиталю своемь. Онъ же не точiю благослови, но и самь иде сь мною (недалече бо отъ церкви отстоитъ) кь шпиталю и вручи мя живущимь, да не возбраняютъ ми тамо пребивати, донелѣже восхощу замедлѣти вь Венецiи. Азъ же положихь нѣкiя тамо своя вещи, самь же вь повседневнiя дни ходихь на нощь кь иннимь гостинницамь, идѣже пелгримамь дается милостина. Сутъ вь Венецiи госпиталiовь много кь нощеванiю и наймованiю, опредѣленнихь для всякаго люда, обаче особнѣ для пелгримовь и путниковь страннихъ сутъ 3. Первое именуется Hospitale SS. Petri et Pauli. Тамо перваго вечера дается хлѣбь и вино и дванадесятъ солѣдовь и ложе; втораго вечера хлѣбь и вино и ложе, третiяго такожде. Второе именуется Hospitalettum SS. Joanis et Pauli. Тамо нѣстъ пѣнязей, токмо три нощи нощевати, вь вечеръ же хлѣбь и вино давати обикоша. Третое стоитъ акиби на предмѣстю, на мѣсцу, именуемомь Incurabili, до него же требѣ чрезъ воду мало превезтися. Тамо раздается хлѣбь и вино и едина нощь кь пренощеванiю, аще ти хощешь, аще же ни, то въ кое нибудь время можешь отъобрати свою порцiю, мнози бо тако творять, ради непочестнихь одровь. Къ четвертому госпиталю (аще кто восхощетъ) требѣ превезтися кь мѣсту, имянемь Мурано. Тамо на едину токмо нощь постеля добра и шестъ соледовъ жалованя дается. Тамо многiе сутъ гути, въ них же прекрасни вещи и удивителнiе штуки дѣлаются, еже азъ вся разсмотрѣхь. Послѣди, бившу ми уже вь всѣхь онихъ вишшереченнихъ госпиталяхь и мислящу изiйти вь путъ, не хотяше

ми ся ветхимь возвращатися путемъ, но зѣло желахъ моремь пуститися кь граду, именуемому Зара, или Задра, вь Далмаціи стоящому. Найпаче же сіе мое бистъ великое желаніе, не виденія ради (понеже многа видѣхь красна и чудесна), но посѣщенія ради моцей угодника Божія святаго Симеона Богопріимца и инниxь святыхь, еще же того ради, яко тамо всюду, наченше отъ Далматовь, Гарвати, Серби и Болгаре Славенскимь разглаголствуютъ нарѣчіемь, аще и Италіянскій добрѣ знаютъ, идѣже добрѣ би мнѣ било шествовати, знающому добрѣ Славенскій язикь, понеже Итальянски не знахь, или мало что, и многую претерпѣхь нужду, не могуще ни милостини, ни нощеванія, ни пути, ни разстоянія града отъ града, или веси отъ веси, ни числа верствь искуснѣ вопросити и испросити. Того ради не хотѣхь отъ Венеціи на сухь изійти путъ, хотя весма желаніе мое исполнити, аще бо и зѣло нуждно естъ въ Венеціи замедлѣти, тако богатому, яко и нищому; богатому, яко много пѣнязей погубитъ, кормящеся (вся бо драгоцѣнно продаютъ), нищому, яко зѣло нуждно и пѣнязя и хлѣба испросити. Обаче азъ, двоихъ ради вещей, могохь нѣкую премедлѣти седмицу: первое, яко имѣхь своя денги, яже мнѣ отъ церкви Греческой сотвориша милости, второе, яко имѣхь мѣсто нощеванія, ибо мнѣ священници церкви Греческой дадоша властъ вь госпиталю ономь, идѣже неволниковъ, отъ Турка утекшихь, или како нѣ бутъ, Божіимь произволеніемъ, свободившихся, воспріймуютъ, пребивати, донелѣже восхощу замедлѣти вь Венеціи. Сего ради азъ часъ отъ часа, денъ отъ дне, седмицу отъ седмици медля, на всякь денъ ходящи сюду и сюду, усмотряющи, ищущи и вопрошающи многихь, аще можеть бити каковій кораблъ, отъ Задри пришедій, или возвращающійся, или отъ Венеціи кь Задрѣ пловущій, или

въ инну страну чрезъ Задру грядущій, но никакоже обрѣтохъ. Аще же и обрѣтахъ много, то таковіе, иже требоваху мзди, мзди же великой, ей же чрезъ все путшествіе мое собрати не возмогохъ (си есть цекини, или, яснѣе рещи, червоніе), Христа же ради никто же взяти хотяше, мнятъ бо и глаголють мнози, яко перегринъ, путшествуяй по свѣтѣ и обходя страни земли, многія собираетъ беци, си есть денги. Азъ же глаголю подъ совѣстію, яко Богъ точію единъ вѣстъ путническую нужду и терпѣніе, како отъ горячости солнечной въ время лѣтное кривавій отъ тѣлесе, даже съ болѣзнію сердца и глави, изобилно истекаетъ потъ и кости разслабѣваютъ тако, яко ни ясти, ни пити, ниже глаголати воистину что либо хощеть, утружденъ сій дозѣла. Како въ время осенное, дождевное, найпаче аще случится далече отъ града или веси, на поли, или въ дубравѣ, претерпѣваетъ лііаніе и вѣтри, дрижа и стеня сердцемъ, иногдаже и плача съ призиваніемъ Владики, понеже не имѣеть ни единаго рубища суха на мѣзерномъ тѣлеси своемъ, весъ сій хладомъ пронзенъ и дождемъ обліянъ, измоченъ, отягощенъ? Что же реку, како во время зими, хлади, мрази, снѣги, съ омертвѣніемъ внѣшнихъ и внутрнихъ членовъ, претерпѣваетъ, иногда же, немогій стерпѣти, безвременнѣ жизнь свою скончеваеть, ни одинаго же имѣяй члена тепла, единъ точію духъ теплъ, имъ же дишетъ. Обаче не мни, читателю благій, яко сице или инним образомъ наглою помираяй смертію, лишенъ бити можеть царствія Божія. Всякъ бо путникъ, аще истиненъ путникъ есть, аще путшествуетъ Христа ради, не собранія ради имѣнія ходяй, прося въ мирѣ, не видѣнія ради мирскихъ красоть и разнствованія земелъ, народовъ и обикновеній, но аще путшествуетъ или по обѣщанію, или по желанію, или

спасенія ради своего, посѣщая мѣста святіе, на нихъ же шествоваху, или биша, или стоястѣ нозѣ Господа нашего Іисуса Христа, или поклоненія ради мощемъ святихь угодниковь Божіихь,—таковій и всякь инь, аще не имать, то долженъ есть ангелское имѣти житіе, частѣ исповѣдая грѣхи своя; таковое бо есть путниковь и всѣхь пелгримовь обикновеніе и отъ началниковь установленіе, яко, идѣже аще пріийдеть пелгримь кь нѣкоему святу мѣсту, аще и вь подломь градѣ, или веси, отнюду же нѣстъ требовати патента, волнаго ради шествованія, обаче, лучшаго ради достовѣрія, мѣсто патента дается свидѣтельство исповѣданія грѣховь, за каковое тако истязаютъ, яко и за патента, или жесточае. И во истинну, аще би и не хотѣль кто исповѣдатися, муситъ тако Греческую содержащій вѣру, яко и Римскую; аще же къ тому Римляне и болѣе творятъ, елико бо исповѣдаются, толико и причащаются, яко то въ Нѣмецкой странѣ, въ Маріацелю, въ Лоретѣ, Италіи, въ Ишпаніи, въ Бару, въ Римѣ, въ Падвѣ и прочая; кромѣ же сего, аще кто восхоще отъ своея побожности, можеть и частѣе исповѣдатися. Сего ради, путникь аще и нагло помретъ, въ таковомь частомь исповѣданіи, покаяніи и чистомь житіи, мню, яко не точію не лишится царствія Божія, но еще мученическій воспріиметъ вѣнецъ, понеже болѣзни и страданія, зной, варь, дожди и снѣзи лютіе претерпѣвая, подвизаяйся даже до смерти самоволно, Христа ради. Здѣ разсуди, разумній читателю, путника путъ и путшествіе его, представляе предъ очи вишереченную нужду его, яко въ вся части года не имать угодія въ шествованіи своемь: въ зимѣ нужда, въ лѣтѣ нужда, въ осени такожде; едина точію весна, иже всѣмь есть пріятна, аще биваетъ недождевна, мало нѣчто убогому страннику приноситъ отрады, яже ни мраза и упалу не имать,

единь точію благопріятень и благорастворительній воздухь. Обаче и въ той часъ, аще случится чрезъ непроходиміе вертепи, гори, долини и дубрави, не глаголю шествовати, но блудити, идѣже сверѣпіе токмо звѣріе и ядовитіе живутъ крокодили,—радостъ въ печалъ, отрада во воздиханіе, теплота вь лютій мразъ, словомь рещи, благая весна жестокою мнится бити зимою, озѣмѣваетъ бо сердце отъ страха, преставляя себѣ предь очи безвременную смертъ, или звѣрми снѣденну бити, или отъ лютихь снѣденну бити зміевь, или отъ разбойническихь рукь умрети, или гладомь погибнути; нѣстъ кого вопросити о исправленіи пути, нѣстъ отъ кого требовати помощи, въ единомъ токмо Бозѣ путниковь жизнъ и упованіе. Паче же всего сего, аще не повседневное, то поне частое на земли лѣганіе, острое и жестокое каменое претиканіе, ножное болѣніе, алчба въ странахъ неплоднихъ, жажда въ странахь безводнихь, вошояденіе и прочая, проч. проч. безчисленная нужда. Обаче, да не вь грѣхь многоглаголанія и славолюбія впаду, боюся. Сего ради возвращаюся на первое, отъ него же соблудихь. И тако ми денъ отъ дне коснящу, исполненія ради желанія моего, уводяся денъ отъ дне, замедлихь четири седмици, си естъ цѣлій мѣсяцъ Октоврій. Послѣди же, егда начаша являтися вѣтри и мрази и частѣ возмущашеся море, не являхуся никаковіе пловци кь граду Задрѣ, къ тому же обѣтшаша на мнѣ ризи и раздрашася, и тако отпаде ми желаніе. Сухимь же путемь прежднимь бояхся шествовати, понеже путъ ми предлежаше чрезъ гори, идѣже толъ великіе снѣзи упадаютъ, яко чрезъ все лѣто изгибнути не могутъ. Еще бо ми грядущу вь Римь, купно съ други моими видихомь многіе снѣзи, на горахь лежащіе въ средолѣтіе, о нихь прежде писахь доволно. Сего ради (Богу тако

хотящу) умислихь тако въ Венеціи чрезъ зиму при Греческой пребити церквѣ, и бистъ тако. Молыхь бо началнѣйшаго отъ священникь онаго, иже и прежде, именуемаго отца Василія, да благословитъ ми пребити чрезъ зимное время вь ономь вишереченномь госпиталю, и абіе благослови безъ всякого отреченія любяху. Послѣди же, видяху мя неотходяща отъ Венеціи, ктитори церковніе вписаху мя въ реестрь церковній, купно сь инними убогими, имь же дается вь всякь денъ неделній по пятьнадесятъ сьлидовь (еже творитъ въ монетѣ Полской осмьнадесятъ грошей, Московскихь же два алтини), даяху же купно и мнѣ равную сь прочіими милостину. Отъ ихъ же руки азъ взимая и Бога благодаря за промишленіе его о мнѣ грѣшномь, молихь всегда за благодѣтелей своихь, живущи тамо въ ономь вишшеписаномь госпиталю, при храмѣ святаго вел. мученика Христова Георгія. Послѣди же омерзѣ ми до зѣла празнованіе, яко не имѣхь, что дѣлати, и не умѣхь, едино точію ученіе Латинское, Русское и инное школное знахь, единь бо отъ учащихься быхъ. Есть же тамо семинаріумь, си есть школа Греческая, въ нейже дѣти Греческіе, отъ иних страны Греческихь пришедшіе, учатся Италіанскому и Латинскому нарѣчію, даже по реторику. Семинаріумь оное належитъ подъ протекцію болшихь нѣкіихь боярь Венеціянскихь, иже не тако (мню) своея ради славы, яко паче Божея, даютъ сумпть болшой, платяще дидаскалу, си естъ учителю, за оніе чуждіе дѣти, кормяще и одѣвающе даже чрезъ шестъ лѣтъ. Тамо азъ приходя частѣ и видя школное ихъ ученіе, желахь зѣло, да нѣчто мало изучуся Гречески, и молихь учителя ихъ, иже ми духовній отецъ бистъ, да не возбраняетъ ми приходити тамо на всякъ денъ. Онь же не точію не возбрани, но соизволи, благослови, еще и повелѣ ученикомь своимь, да аще о че-

сомъ либо нибудь вопрошу, да показують и научають. Вси бо мя Греки любяху, яко едину съ ними имамь вѣру. Азъ же ходихь и научахся граматики Греческой и писанію ихь, ожидая время тепла путшествію моему. Егда же увѣстишася нѣціи отъ Грековь и отъ старшихь церковнихь о моемь ползованію и въ таковой нищетѣ прилѣжанію вь науцѣ, благоволиша о мнѣ зѣло и подаваху мнѣ частѣе, аще и малу милостину; ктитори же церковніе видѣша мя нага, и дадоша ми одежду добру и теплу, и благодаривъ азъ Бога и, на болшую Его жь честь и похвалу, учахся. Обаче мало ползовахься, понеже краткое кь наученію имѣхь время, два дны бо просихъ милостини, ходящи по градѣ, третій же денъ учихся. Зѣло бо трудно въ Венеціи, найпаче убогому, жити, воскормленія ради, ибо каковою цѣною въ нашихь странахъ три или четири можетъ кормитися дны, тамо единъ не весма доволень. Сіе же творихь чрезъ три токмо мѣсяцы, си есть Ноеврій, Декемврій и Януарій, послѣди же лишихь, яко зѣло мя ненавидяху сьжителіе мои въ госпиталю, частѣ со мною сварящася, и премудримь мя именующе Соломономь, насмѣвахуся и инная многая пакости дѣяху. Множицею бо книжици моя и писаніе школное вьмѣтаху вь огнъ и прочая неугодная творяху. Азъ же иногда сваряхься, иногда же на Господа возвергахь печаль мою, молящи, да Той мя препитаеть и по печали дастъ радость. Мѣсяца Февруарія, егда начатъ теплѣти, начахъ и азъ о себѣ промышляти. Зима бо тамо въ тихъ странахъ кратка есть и аки би нѣстъ, чрезъ три бо оніе хладніе мѣсяци ни единожди не бяше снѣгь, аще окресть по горамь и великь бяше, не можеть бо тамь, найпаче же вь Венеціи, яко стоитъ на морѣ, снѣгь падати; аще бо когда окресть Венеціи биваетъ снѣгь, тамо дождь, снѣгь бо въ дождь растопне-

ваеть и претворяется отъ теплоти диханія морскаго. Видя азъ, яко день отъ дне теплѣйшій является, начахъ паки о прежднемь своемь промишляти намѣреніи и хотя весма желаніе свое исполнити, моляхь всемилостиваго Владику и Творца моего, да якоже сподоби мя великому и дивному вь святихь чудотворцу Святителю Христову поклонитися Николаю и якоже всесилною его помощію многая святія сподобихься посѣтити мѣста, молихь Всемогущаго Его, да и конечное путшествіе моего исполнить желаніе. Ходихь, едва не на всякь день, вь вечерь на пляцъ Марка Святаго, си есть на базарь, расмотряя машкари, игри, продаяніе балсамовь, діалоги, комедіи, обичая, привѣтсвія и прочая, прочая, прочая, яже ищислити не могу. Есть бо воистину, что видѣти тамо, все бо, еже можеть обрѣстися что либо нибудь чудесное и новое вь всѣхь тамо окрестнихь странахь, кь Венеціи проходить. Тамо азъ различнихь и чудесних вещей много видѣ, о нихъ же послѣди изявити потщуся, здѣ же первѣе описаніе онаго, всей вселеной пресловутаго града, прекрасной Венеціи и яже въ ней вькратцѣ изявити подщуся. Обаче о семь первѣе разумній вѣдай читателю, яко Венеція двояко именуется: единожди вся гради, и веси, и инсули морскіе, словомь единимь, все панство, належащое кь принципу Венецкому, именуется Венеція, о нихь же нѣстъ здѣ глаголати подробну; вторицею самая столица, си есть первоначалній градь, идѣже обитаеть принцепсъ и вещъ посполитая, именуется Венеція; и о сей азъ мало изявити потщуся.

Описаніе Венеціи града.

Венеція есть градъ прекрасній славою и честію по всемь свѣтѣ сіяющій, дивной ради своей лѣпоти и чу-

деснаго на водѣ морской устроенія, вся въ себѣ иму-щій. Иматъ въ себѣ много костеловь зѣло лѣпотнихь и много вежей високихъ, при онихь стоящихь, и многія часи на нихь устроеніе, найпаче же первоначалная въ градѣ церковь Святаго Апостола и Евангелиста Марка есть зѣло лѣпотна, обаче нинѣ вь костелъ отъ Римлянъ превращенна. Есть же лѣпота ей таковая: отъвнѣ иматъ верховь пятъ болшихь, цѣнію лѣпотнѣ покровенних, и иними же многими персонами и различними гзимсами мраморними украшенна отъ всѣхь странь. Первая, си есть западная, стѣна мусіею и различнимы мрамори украшенна, аки злато блещится, верху же муссіи различними малована фигурами, посредѣ же, на преди щита, четири кони позлащенніе, аки живіе, искуснѣ содѣланніе иматъ; часи отъ стѣни правой. Внутрь вся даже до половини, начении отъ верха, прекрасною насажденна мусіею, по мусіи же старинное Греческое иматъ иконописаніе, отъ половини же даже до земля разнолѣпотними таблицами и столпами отъ мрамора драгоцѣно насажденна и украшенна. Первоначалній же престоль (повѣствуютъ), яко цѣни не иматъ, отъ многихь бо дражайшихъ мраморовь и каменей различнихь еще коштомь Греческимь есть содѣланъ. Что же реку о павементѣ или помостѣ? Воистину удивленію великому достоинь есть, како отъ различновиднихь, малихь же аки бобь штучокъ мраморнихъ весъ насажденъ, разнія фигури, птици, цвѣти, риби и прочая животная изображающій. Многи сутъ, якоже рѣхь, прекрасни костели, обаче иніе отъ Греческихъ церковь превращенніе. И та самая Греческая церковь (при ней же азъ живяхь) Святаго великомученика Георгія превращенна есть и не вся по древнему Греческому правилу творитъ отправу свою, якоже и ми, но вь многихь разнствующе.

Описаніе церкви Гречеcкой, яже есть вь Венеціи.

Церковь Греческая есть зѣло лѣпотна отъвнѣ и отъвнутрь, отъ единаго превеликаго тесаннаго составленна камени стариннимь расположеніемь, ни единаго въ себѣ имущая внутрь столпа, токмо внѣ мало, и верхь точію единь великь, цѣнію лѣпотнѣ покровень. Тамо Греки обикновенія не имуть нѣкогда приходити на утреню, аще би и въ найбольшій праздникь, токмо на службу Божую и на вечерню. Тамо нищимь вь церкви не волно просити милостини, но единь отъ чину церковнихь прокураторовь есть поставлень, просяй, ходящи по церкви. на вся неделя вь службѣ Божой, по окончаніи же раздавая инимь, что повелѣнно, иже суть вьписаны въ реестръ церковній, невписаннимь же, что хотя. Вь отправѣ церковной согласують вь всемь зъ нами, токмо симь разнствують: 1) на службѣ Златоустаго, егда служать соборомь, на первомъ вьходѣ, си есть со Евангеліемь егда речеть діаконь: „премудрость прости", вси единогласно поють: „прійдѣте поклонѣмся и припадемь кь Христу",. таже, входяще въ олтарь окончевають и абіе поють такожде сами и тропари; 2) прокимена не поють предъ Апостоломъ, но чтеть, иже чтеть Апостоль; 3) по Апостолѣ не поють на два крилоси „аллилуя", но на единой странѣ; 4) „Господи помилуй" и прочая кь ектеніи всегда панамарь отвѣствуеть вь олтарѣ; 5) „Иже херувими" на единой поють странѣ; 6) егда многолюдствіе биваеть вь церкви, діаконь не чтеть Евангелія посредѣ церкве, но возлазить на катедру високо, идѣже проповѣдь биваеть, и тамо чтеть, лучшаго ради вниманія; 7) кинониќь токмо на единой поется странѣ;

8) егда речетъ „вонмѣмь“ „святая святихь“, не отвѣщаеть абіе понамарь: „единь свять“, но первѣе глаголеть: „на помощъ всѣмь побожнимь и православнимь християномь“, таже: „единь свять“ и прочая, до конца. На вечерни, егда служатъ соборомь, сами священници поютъ „Свѣте тихій“, егда же ни, то поетъ единь на крилосѣ и не входитъ въ Царскіе врата священникь, донелѣже не услишитъ *пришедшу солнцу на западь*; не виходятъ насреди церкви пѣти ничтоже, ни стиховень, ни „Достойно“, токмо на клиросѣхъ, всегда же единь отъ нихъ что либо нибудь поетъ, прочіи же токмо гудутъ и творятъ вь подобіе нѣкоего инструмента. Всенощное вкупѣ отправляютъ сь вечернею, утреню же всегда вь свое время; на всенощное же хлѣби великіе пекутъ, сь медомь и кореніемь, и раздаютъ всѣмь, отъ велика даже до мала, ни единаго презирающе, яко въ нась биваетъ. Единь точію разъ звонять на всякое набоженство: или на службу Божую, или на вечерню, или на утреню; въ неделю и въ инніе свята вь вся колоколы, по вся же дни вь единь. Токмо вь великіе зѣло свята звонятъ трижди: первій разъ, егда идетъ священникь на проскомидію, вторій, егда преноситъ дари, третій, егда глаголетъ: „сь страхомь Божіимь и со вѣрою приступѣте“. Вь четиредесятницу на преждесвященной не чтутъ парамеовь посредѣ церкве, но на крилосѣ. „Да исправится“ поетъ седмичній вь олтарѣ, а не якоже вь нась, чтяй парамеи посредѣ церкве поетъ и „Да исправится“. Поклоновь творити не обикоша, токмо метаніе. На первой же недели поста, на павечерномь канонѣ поклоновь не творятъ, токмо крестятся, не вѣмь чесо ради: или лѣности, или стида, да не возсмѣются Италіане. Вь пятокь не чтуть Пассіи, токмо малое Евангеліе, вьмѣсто же Пассіи чтутъ частъ отъ акафиста Богородицы, раз-

дѣляюще по три икоси на пятокь, чрезъ седмици, на повечерници; на мѣстѣ же ономь, идѣже требѣ чести канонь, поють ирмоси отъ акафиста сь стихами даже до икосовь, послѣди же виходить священникь предь намѣсній образъ Пресвятой Богородици и рече: „ангель предстателъ послань бистъ рещи Богородицы: радуйся", 3-жди, и чтетъ три кондаки и три икоси, послѣди же престаетъ и поютъ клирици седмую пѣснь, съ стихи и прочая до конца втораго пятка подобнѣ творятъ, обаче три икоса и кондаки инніе послѣдующіе священникь чтетъ; третаго пятка паки инніе три, четвертаго даже до конца окончеваютъ. И тако аки единь акафисть чрезъ четири недели чтутъ. Обаче довлѣеть о семь и возвращаюся паки кь описанію Венеціи, идѣже мало помянувь о лѣпотѣ костеловь, обаче не могу ихь исповѣсти, колико сутъ числомь, сутъ бо премноги, и лѣпоти ихь подробну не исповѣдую, понеже не всюду посѣщахь. Токмо се пишу, яко многіе имутъ святихь Божіихь мощи, тако Греческихь, яко и Римскихь, обаче не цѣліе, но маліе части, и не показуютъ никому же Сутъ же три токмо цѣліе Святіе Греческіе, вь Римскихь лежащіе костелахь, ихь же токмо трижди вь годь открываютъ и показуютъ, си естъ на Воскресеніе, на Сошествіе и въ денъ ихъ празднованія. Первій святый именуется Іоань Милостивій, патріарха Александрійскій, иже лежитъ вь костелѣ, именуємомь Sanct Ioane Bragula, на правой странѣ, вь златой рацѣ. Вторій святый именуется преподобный Сава, иже лежитъ вь костелѣ, именуемомь Sanct Антонинъ. Третій святый именуется Аѳанасій, патріарха Александрійскій, учителъ церковный, иже опочиваеть вь монастирѣ Капуцинскомь въ церкви. И сего ради, славится Венеція: 1) основаніемь на водѣ; второе) лѣпотою и множествомь прекраснихь костеловь

и вежей; третое) множествомъ мощей Святихъ Божiихъ; четвертое) лѣпотою и строенiемъ прекраснихъ полатъ и расположенiемъ улицъ, въ нихъ непрестанно вода морская проходитъ; 5) яко отъ улици до улици сутъ каменнiе мости, лѣпотнѣ устроенiе, прехожденiя ради, сутъ же числомъ всѣхъ шестъдесятъ шесть, кромѣ древянихъ, ихъ же едва не толико изобрѣстися можетъ. Есть тамо мость, глава всѣмъ мостомъ, именуемiй Realto, иже есть толъ долгiй, и шерокiй, и крѣпкiй, яко много апотекъ, си есть коморъ купеческихъ, великихъ, цѣнiю покровеннихъ, на себѣ стоящихъ иматъ; подъсподъ же его кораблѣ болшiе преходятъ; 6) Венецiя естъ славна и честна разнствiемъ купцовъ, иже приходятъ тамо отъ различнихъ странъ и куплю дѣютъ, яко то отъ Грецiи, отъ Туркiи, отъ Арменiи, отъ Нѣмецкихъ, Гишпанскихъ и прочiихъ безчисленнихъ странъ; 7) Венецiя естъ славна и честна того ради, яко нѣ сѣетъ, ни оретъ, но всякое изобилiе иматъ; 8) Венецiя естъ славна и честна множествомъ богатихъ и великороднихъ бояръ и людми, иже свѣтлiя и честнiя обикоша носити одежди; 9) Венецiя естъ славна и честна, яко въ ней принцепъ, или вождь всего Венецкаго панства живетъ и Вещъ Посполита, на него же посмотрѣти съ асистенцiею сенаторовъ, си естъ Вещи Посполитой, и ужасно, и преславное есть, что азъ многажди видѣхъ. Принцепъ ходитъ въ порфири царской, отъ горностаевъ составленной, на главѣ же имѣетъ златiй рогъ, его же и въ церквѣ не слагаетъ; сенатори же егда ассистуютъ ему, тогда въ червленнихъ, егда же ни, то въ чернихъ; обаче всегда ходятъ въ долгой одеждѣ, яже именуется латински toga, яже прознаменуетъ покой, Венецiя бо всегда сѣдитъ въ покои, ибо ея не отважится никто одолѣти, того ради и печатуется нетлѣн-

ною дѣвицею, яко ни отъ кого же естъ пораженна; 10) Венеція естъ славна и честна различними премудрими майстерами и художниками искусними, иже нигдѣ не возмогутъ лучшіе, паче нихъ, обрѣстися; 11) Венеція естъ славна и честна, яко иматъ премногое множество купеческихъ рядовъ и коморь, въ нихь вещи, каковіе могутъ изобрѣстися вь свѣтѣ, продаются; 12) Венеція естъ славна плацомь, или площедію, именуемою Святаго Марка: первое, яко шерокое, чинное, премудрое и прекрасное иматъ расположеніе; второе, яко чудесная и удивителная творятся на ней чрезъ все года время, кромѣ первой и послѣдней недѣлы святаго великаго поста. Но довлѣеть о семь, понеже совершенно даже до послѣдней вещи описати не могу, егда и времени, и труда, и паперу много приложити требѣ. Здѣ мало изъявляю вещи, яже азъ видѣхь и яже сутъ въ Венеціи.

Описаніе вещей, яже азъ видѣхь въ Венеціи.

1) Видѣхь пирь, или банкеть, его же самь Принцепь Венецкій болшимъ своимь сенаторомь, и великороднимь бояромь творитъ въ учрежденіе въ дни Праздновапія Господа нашего Іисуса Христа. Банкеть оній (якоже повѣствуютъ Венеціяне) составляеть трижди вь годь, си естъ: на Рождество, на Пасху и на зеленіе Свята, обаче всякь различнимь образомь; на него же смотрѣти едва не вси грядутъ Венеціане, невозбранно бо естъ. Тамо и азъ прійдохь и узрѣхь, еже не зрѣхь отъ рожденія моего, того ради и перомь изобразити совершенно не могу, понеже ни оцѣнити, ни распознати сложенія вещей не уразумѣхь. Се токмо глаголю, яко многія тисящи денегь кь составленію требуеть, отъ

драгихъ бо вещей есть составлень, отъ нихъ же суть нѣціе, яко ни обрѣтаются въ нашихъ странахъ. На него же точію посмотрѣти есть удивително, честно и преславно, ибо не простою сочиненній яствою, но вся яства персонами сочиненна, еще же персонами приличествующими къ яствѣ или питію, съ подписами, разумно приложенними, или отъ исторіи, или отъ фабуль рифмотворческихъ взятими, яко то Бахусъ, иже бяше богъ пянства, яко то Венера, иже бяша богиня плодовъ земнихъ, и прочая, симъ подобная; еще же, кромѣ фигуръ человѣческихъ, звѣріе, птици, риби, гори, дубрави, рѣки, источники и прочая безчисленная отъ ядомихъ вещей, аки живіе, содѣланна суть. Тамо азъ долго присмотряяся, веліимъ удивленіемъ чудяхся зѣло. Довлѣеть толико. Прочее бо азъ устнѣ яснѣе вопрошающу мя исповѣсти обѣщаюся. 2) Видѣхъ дивное твореніе (еже по вся годи биваетъ) въ Баханаліи, си есть въ Мясопусти, предъ Четиредесятницею. Еще бо за пять или шесть неделъ предъ великимъ постомъ начинаютъ шалѣти и бѣсноватися, дѣти, ходяще по улицамъ и по базарѣ, играюще, скачуще, поюще, закривающе лица своя машкарами и творяще скоки, игри, празнословія, смѣхотворенія, интермедіи и прочая, проч., проч., зѣло удивительная, тако отъ нищихъ, яко и отъ богатихъ, даже до остатнаго дне мясопустнаго. Предъ запустами же, за шесть дній, сооружаютъ отъ древа великую и лѣпотную структуру посредѣ пляца Святаго Марка, въ подобіе нѣкоя полати, или вежи, всю маловану лѣпо, иже мнится, аки отъ камене мраморнаго составлена быти, на ней пороховъ и рацій многое множество таинственно сокровенни суть, паленія ради и показованія многихъ огневъ. По обою страну тоя вежи содѣловаютъ два театра, въ твореніе деалоговъ и танцовъ на чпадахъ и

прочіихъ дѣйствій. Окресть издалече устрояютъ полати, сѣденія ради народа и лучшаго ради виденія. Симь же тако устроенимь, изводятъ мясопродавци, повелѣніемь Принципа, трохъ или четирохь воловь и великимь мечемь всѣмь отъ перваго до послѣднего, предь всенароднима очима отсѣцаютъ глави, аки би закалающе на уготовленіе пиршества Запустнаго. Послѣди творятъ танци и штуки, по обою страну на оних театрахъ. Таже тайно вжигаютъ сокровенніе порохи и раціи, на оной вишеписанной вежи, еже аки огнъ съ небесы спадшій мнится бити сь громомь. Егда же скончается, расходятся кь домомь. Паки, по двою или трію днію, внутрь Принципова двора устрояютъ полати на сѣденіе народа, и сниходятся людій много. Изводятъ же вола, оцѣпивши за роги вервомь и ведяще окресть издалече. Таже припущаютъ псовь, изученнихъ хватати за уши, и творятъ дотолѣ, донелѣже живому отгризутъ уши. Таже изводятъ втораго, третіяго и четвертаго и творятъ всѣмь такожде, даже до девяти; десятаго тровятъ безъ верва, едина десятого привязують до висящаго верва, посредѣ двора Принципова, дванадесятому цѣлому отсѣкаютъ главу и послѣди расходятся. Еже егда видѣхь, аще и веселяхуся мнози, азъ едва не плакахь, видящи таковое мученіе незлобиваго звѣра, отъ неблагословенной бестіи терпимое лютѣ, и слышащи воплъ и риканіе его ужасное и тяжестное, пронзающее утробу всякаго милосерднаго человѣка. Помянухь бо азъ грѣшній тогда, глаголющи вь умѣ своемь, яко звѣрь оній великія чести достоинъ, понеже ни единь отъ инних вь вертепѣ рождшемуся Христу Господу не сподобися служити, токмо онь и подобній другь его незлобивій осель. Еще же разсудихь, яко силою и трудомь его сѣемь и собираемь хлѣбъ на воспитаніе жизни нашей и его самаго снѣ-

даемъ, не благодаряще Бога, еще избиточествуемъ злѣ, паче любяще сквернаго и лукаваго пса, нежели благопотребнаго и незлобиваго вола. Что глаголю любити, нѣціи бо еще вь любвѣ и избиточествують, ослѣпленни суще умомь, цѣлующе, сѣдяще, вкупѣ ядяще и спяще, нищаго же ненавидяще и изганяюще изъ очесей своихь. О безумѣнія человѣческаго! О человѣковь безумнихь! таковая неудобная и неугодная творящихь! Но прейдѣмь отсюду кь иннимъ вещемь, яже видѣхь въ Венеціи. Видѣхь по вся дни (кромѣ Святой Четиредесятници) оть великороднихь людій, тако полу женска, яко и мужеска, приходящихъ на всякь ранокь и вечерь на пляцъ Святаго Марка на виденіе штукь и дѣйствій. Се же того ради облекаются вь машкарю, да не познаваеми будуть родителми и други своими, безчестно бо есть тамо богату стояти и на оніе игри и чудеса смотрѣти. Тамо, аки на ярмарку, всегда народь многъ, идѣже и азъ, едва не на всякь приходя день, видѣхь многая чудесная, обаче не волхвовавіемь, но наукою творимая. 1) Видѣхь игрца съ картами, иже извѣститъ на яку колвекь кто замислить карту; второе, дастъ карту кому нибутъ отъ окрестъ стоящихъ оть среди пучка взяти и паки въ пучокь положити и помѣшаетъ много разій, таже обратитъ лицемь карти и яже притрафится на верху, глаголеть тому, иже взятъ карту: аще твоя сія есть? отвѣщаетъ ему: яко нѣстъ моя; онь же полагаетъ лицемь на сподъ и рече, яко твоя есть и превратитъ лицемь кь горѣ и покажетъ ему предъ очи предъ всѣмь народомь, яко его естъ; 2-е играють монетою сице: взиматъ отъ кишеня и исцисляетъ предъ всѣми, таже положитъ вь ину руку и паки исчисляетъ и уже сотворитъ пятънадесять; второе снѣдаеть кулю, взимаетъ отъ палца и влагаетъ ю вь уста и мнится ю снѣсти, вторую взимаетъ отъ втораго палца

и снѣдаеть ю, 3-тую взимаеть отъ маленкой палички и тую такожде снѣдаетъ и взимаеть, идѣже хощетъ: едину отъ своего носа, вторую отъ чуждаго, третую на повѣтрѣ, и различнѣ, различнѣ якоже хощетъ творитъ. Видѣхь паки обезянь и псовь учонихь, различная штуки показующихь. Чудеснія органи и инструмента, но вси ово отъ Нѣмцовь, ово отъ Франціи приходящіи. Видѣхь всю процессію и церемонію на юбилеушѣ творящуюся вь Римѣ, вь древяной скрини чрезъ оконца христаловіе, показующихь како папа Римскій грядяше отъ своихь полатъ кь церкви Святаго Петра Апостола, и како своима рукама млатомь толцаетъ вь двери церковніе, отверзаше ихь, како присутствоваху ему кардинали, пелгримовь и народа людскаго многое множество и прочая. Видѣхь паки двохь человѣковь силнихь, единаго отъ странь Римскихъ, другаго же отъ Французскихь, вь Венецію пришедшихь и различнія показующихь храбрости. Римлянинь таковую показаваше силу: наливаеть цеберь води полень и взимаеть отъ зема зубами, заложивши назадь руки, и трусить тако, яко верху глави его вода лется, таже помалу наклоняеть главу и поставляетъ на землю; паки тойжде цеберъ, оцѣпивши вервомь подемлетъ горѣ носомь и держитъ якь чрезъ *Вѣрую* и полагаеть на землю. Паки двѣ армати, едину на единомь плечи, другую на другомь положивше, держить; паки поставляеть два сѣдалища и на онихь возлегаетъ горѣ чревомь, единаго дотикающися главою, а другаго ногами, верху же персей своихь тромь человѣкомь возлѣзти и стояти повелѣваеть и тако стоящихь на себѣ держитъ, висяй главою и ногами на сѣдалищахь и никакоже угинайся до земля; паки подіймаетъ человѣка зъ драбиною високо и держитъ на зубахь; паки желѣзное великое ковадло, тисящу фунтовъ вь себѣ имущое,

полагаетъ верху персей своихъ, самь лежащи на землѣ, два же человѣцѣ всею силою великими млатами верху ковадла біють. Французъ такожде силній, о немъ же прежде рекохь, таковія показа храбрости: 1) человѣка стоящаго на драбинѣ возвишаетъ горѣ и полагаетъ верху зубовь и держитъ и скачетъ; 2) паки бревно великое, яко тропмь человѣкомъ на плечахь понести, верху зубовь держить; 3) столь съ потравами держитъ на зубахъ; 4) два цебря желѣзними окованни обручами и наполненни водою повѣшаетъ по обою страну креста древяна велика и держитъ на зубахь; 5) вервь толстой, аки первій палецъ человѣческій, прериваеть. Паки видѣхь по шнури скачущихь и чудесная творящихь человѣковь и женъ и прочая, и прочая игри и штуки различніе дѣлающихь. И тако ми помишляющу и сѣтующу надолзѣ, яко не могохь обрѣсти корабля, случися ми тамо вь семинаріумь Греческомь (по волѣ Божественной) сь единѣмь отъ учениковь разглаголствовати о путшествіи, случаяхь, нуждахь, о желаніи и намѣреніи моемь и совѣтова ми, да пойду вь отчество ихь на инсули морскіе, идеже есть волная Грецiя, си есть подъ принципа не подъ Турка належащая, сказующи, гдѣ суть тамо Святыхь Божіихь мощи и како суть милосердны люде на путниковь и прочая. И показа ми купца Грека, иже тамо имѣяше плисти отъ Венеціи сь товари, вь краткомь времени. И настави мя, да прошу его. Просихь же, и той пренебреже прошеніе мое. Умислихъ же просити ктиторей церкви Греческой, да сотворять за мя ходотайство кь оному купцу. И тако собистся (помощію Вишняго). Ходотаствоваша бо за мя и обѣщася мя взяти безъ отреченія, токмо повелѣ ожидати благополучнаго морскаго времени. Азъ же радь бихь зѣло и благодарихь Творца моего за таковую Его благостиню и при-

зрѣніе на мя грѣшнаго раба своего, яко не по моей, но по Своей пресвятой дѣлаетъ со мною воли. Азъ бо желахъ пуститися въ Далмацію, къ граду Задрѣ, идѣже опочиваютъ мощи святаго Симеона Богопріимца, и оттуду возвратитися къ отчеству, Богъ же посла мя въ Грецію, не вѣмъ на каковій конецъ. Ожидахъ же уреченнаго времени, предъуготовляющи себѣ потребная на путъ. Первой бо недели (по обичаю христіанскому) Святой Четиредесятници предъуготовляхся къ Божественнимъ Тайнамъ и сподобихся, исповѣдавши грѣхи своя, причасникомъ бити ониxъ, и уже въ всемъ бихъ готовъ на путъ. Единаго точію не достояше ми и отчасти непріятно бистъ, яко не имѣхъ никаковаго другаго сопутника себѣ. Се мнѣ мислящу въ суботу съ вечера, въ утрѣе, въ неделю, рано на пляцъ Святаго Марка изшедшу и разсмотряющу, идѣже книги и образи продаютъ. Узрѣ мя издалече нѣкій странній старецъ благочестивій и мняше мя священника бити, понеже на главѣ моей священническую шапку видѣ, юже еще зъ Полши принесохъ, и ятъ мя нечаянно за руку и рече ми: „Здравствуй, господине!“ Азъ же, видѣвъ его, удивихся, како тамо прійде и каковимъ образомъ таковій инокъ, и отвѣщахъ ему: „Здравствуй, отче честный“. И начатъ мя съ радостію вопрошати, откуду есмь? Азъ же рѣхъ ему, яко азъ нѣсмь ни священникъ, ни инокъ, точію единъ грѣшній простолюдинъ есмь. И рци ми: „Честный господине, что естъ честностъ твоя и откуду прійде, и камо грядеѣ?“ — „Тебѣ бо первѣе реши подобаетъ, понеже честію и саномъ мя превозвишаеши“. Онъ же, смиренъ и простодушенъ сій и ничтоже хотя утаити предо мною, вся ми изрече подробну, начень отъ рожденія своего, сице: „Азъ“, рече, „есмь родомъ отъ странъ Полскихъ, отъ града Острога, отъ шляхти Гур-

скихъ, отъ родителей благочестивихъ рожденъ и воспитанъ, близнецъ, отъ чрева матерня произшедый, единъ сій (умершимъ всѣмъ первій) послѣдній, благодатію Духа Святаго, не вѣмъ, на каковій конецъ снабдѣнъ остахся. Егда же родители мои состарѣшася, разійдошася съ собою самоволно, бывшу мнѣ тогда въ двоюнадесятъ лѣтехъ, и взятъ мя маты моя съ собою, 1680 году, и иде въ градъ Кіевъ, бившу тогда тамо гладу, и пострижеся въ монастирѣ панянскомъ въ инокини, мене же постриже въ иноки въ Софіи монастирѣ катедралномъ, державшу тогда престолъ архіерейства метрополитѣ Варлааму Ясинскому. Мати бо моя, еще прежде рождества моего, сущу мнѣ въ чревѣ, обѣща мя Господевѣ, и тако по обѣщанію сотвори. Тамо точію рософоръ воспріяхъ, си естъ малій иноческій чинъ, и жихъ точію тамо единъ годъ, въ полатахъ самаго архіерея, подъ началомъ, и послуговахъ ему всегда до трапези и братіи такожде, повеленіемъ его. Таже, егда повеленіемъ царя Россійскаго взимаху на Москву учителей, взятъ мя единъ отъ учителей, сродникъ мой, съ собою и привезе мя на Москву, и жихъ при немъ полгода. Таже Стефанъ Яворскій, митрополита Резански, взятъ мя до себѣ и жихъ у его подъ послушаніемъ. Той ми даде мантію, діаконство и священство. Послѣди, по прошенію Калиста архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, отпусти мя преосвященній Резански къ ему, и тамо жихъ полгода. Тотъ благослови ми битъ строетелемъ въ монастирѣ Духовѣ, въ градѣ Кашинѣ. Тамо пребивахъ три года и построихъ церковь древяну красну въ имя преподобнихъ и богоноснихъ отецъ нашихъ Антонія и Өеодосія Печерскихъ, стараніемъ власнимъ, денгами же, спрошенними и собранними отъ народа. Оттуду, по смерти Калиста архіепископа, взятъ мя благочестивая царица Параскевія

Θеодоровна и посла мя вь Великій Новгородь къ пре-освященному Іову, молящи чрезъ писаніе, да посвятитъ мя игуменомь на оное мѣсто, идѣже вь еи маетностехь недавними времени явися, Богь вѣстъ откуду, чудотворній образъ Святителя Христова Николая. Тамо, повеленіемъ оная вышеписаннія царицѣ, помощію Святителя Христова Николая, денгами же паки, якоже и прежде. чрезъ прошеніе отъ народа собранніе, построихь монастирь и собрахь братію даже до двадесятъ и четирехь человѣкь и живяхь три года, хвалящи Бога и Его угодника Святытеля Христова Николая и пасящи стадо Христово. По тріехъ же лѣтехь, преосвященный Іовь Новгородскій взятъ мя оттуду и посвяти мя архимандритою на Великіе Луки. Тамо такожде пребивахь три года, оздобляющи монастирь. церковь и вся потребная. По смерти же преосвященнаго Іова, царевичь Алексѣй Петровичь взять мя на болшій степенъ въ монастирь Тихвинскій. Тамо многимь трудомь и прошеніемь милостини устроихъ чудотворную икону Пресвятыя Богородици златомь и предрагими каменми, яже по воздуху ангелами отъ Цариграда бяше пренесенна и три года стояше неукрашенна. Тамо жихь 4 года. Таковое мое житіе, не вѣмъ чесо ради, или зависти ради и лучшаго ради терпенія, или на каковій инній благій конецъ. попусти Богъ многимь возненавидѣти клеветникомь, иже многажди и многимь образомь многа ложная клевещуще на мя предъ Его Величествомь Царскимь Петромь Алексѣевичемь, Императоромь Россійскимь, великую ми наводяху скорбъ и печалъ, юже на Господа возвергохь. молящи, да Той мя препитаетъ и по печали радостъ даруетъ. Послѣди, видя азъ, яко не умаляется, но паче растѣеть, и разсмотрѣвь, яко богатство и слава, чини, престоли, господствія, начала и власти, вся сласти мира

сего ничтоже суть едина, точію суета суетствь, скорбь, гордость, ненависть, тщеславіе и прочія безчисленнія раждающая грѣхи. Сего ради, 1720 года, оставивши начало, чести, богатства и имѣнія, яже имѣхь, и бѣжахь въ полунощи, Октоврія 24, вь власть Полскую, вь страни Литовскіе, единаго спокойнаго житію своему ищущи мѣста, но не обрѣтохь; аще бо и обрѣтахь, то таковіе, еже болше телѣси, нежелѣ душѣ ползоваху. Тамо паки оставиша вся имѣнія собранная, бѣжахь вь страну Волоскую, и тамо такожде много живущи на разнихь мѣстѣхь, аще и ради бяху мнѣ людіе, обаче азъ не радь, понеже не имѣхь спокойнаго душѣ моей жилища. И тамо паки оставляющи многажди и отъ мѣста на мѣсто преходящи и хотящи утаитися отъ слави человѣческой, не могохь. Таже, напослѣдокь, лишихь вся вь вся и обѣщахся путешествовати по свѣту, посѣщающе святыя мѣста, дотолѣ, донелѣже таковос обрящу мѣсто, идѣже би мя токмо Единь знаяше Богь и азъ Его". Таже ми сказа вся, поряду, како посѣщаше мощи святаго великомученика Θеодора Тирона, лежащіе вь Сербахь, вь монастирѣ Оповѣ, и святаго Симеона Богопріемца, лежащаго вь Далмаціи, вь градѣ Задрѣ, и како шествоваше кь Бару граду, идѣже мощи Святителя Христова Николая опочивають. Паки, како дойде до пресловутаго града Рима и како тамо бяше на трапезѣ у самаго Папи Римскаго Венедикта тринадесятого, и како ему служаше, и како его держаше чотки вь своихь рукахь и цѣловаше, и благослови и отпусти сь честію. Паки, како оттуду возвратися и како дойде кь преславному и прекрасному граду Венеціи, и како сь мною совокупися, и прочая. Видящи азъ его добронравна и простодушна и любовна, и ему вся исповѣдахь: како путешествовахь, гдѣ бихь, како сѣмо прійдохь и камо ити хощу. И ради

бихомь, яко Божiимь изволенiемь сице сьнiйдохомься сь собою, и дадохомь слово, да не разлучаемся, но да совокупно вь любвѣ пребивающе шествуемь вькупѣ, аможе аще Богъ наставить ни. Онь бо мною доволень бяше, азъ же имь, понеже видя его человѣка смиренна, благоразумна и свята и доброе имуща житiе, видѣхь бо на немь вериги желѣзнiе, пятьнадесятъ фунтовъ ваги имущiе. И вопросихь его, и рече ми, яко еще отъ млодихь лѣть наложи на себе и вмѣсто парамона иноческаго носить на обнаженномь тѣлеси своемь, терпя жестокое гризенiе его, яко на кожи его единъ по едпному раждающися струпи незгоеваются никогда же. Паче же того любитъ нестяжанiе и нищету; прiйде бо кь Венецiи и кленущися крестомь святымь, рече ми, яко ни единаго и малѣйшаго не имѣяше пѣнязя, кромѣ малаго окруха отъ хлѣба на воспитанiе жизни своей. Совѣтовахь же ему да идетъ кь церквѣ Греческой и проситъ отъ ктиторей милостины, понеже и мнѣ многу творяху и всѣмь творятъ православнимь. Бѣ же тогда денъ неделный, и рече воскорѣ со радостiю, не тако взяти ради милостини, яко паче слушанiя святой литургiи. И прiйдохомь, и поклоншися образамь, идохь и молихомь старшихь отъ церкве, да сотворятъ милостину убогому и странному старцу, и обѣщаша. Таже по вислушанiи службы Божой дадоша. И не разлучахомся сь собою и жихомь вь шпиталю Греческомь, ищуще себѣ совокупнаго корабля. Идохомь же и молихомь онаго купца, иже мя обѣщася взяти въ Грецiю волную, си есть вь Кефалонѣю, и не хотяше, и паки просихомь, но весма отмѣташеся, понеже имѣяше зѣло отягощень кораблъ людми и товари. Азъ же сь честнимь онимь вишшеписаннимь iеромонахомь Рувимомь недоумѣвахомъ, что творити, понеже не хотѣхомь со собою разлучитися, ко-

раблъ же онаго купца хотяше отплисти воскорѣ, и молихомъ всемогущаго Господа, да Онь Самь намь вся устроитъ блага. И се обрѣтеся тамо нѣкій человѣкь капитань, Сербской вѣри, именемь Вуколя, иже егда увѣда нашу нужду и желаніе, многое надъ нами показоваше милосердіе и ходотайства кь нѣкоему великому болярину вь Венеціи, иже обладаетъ кораблями, просящи, да укораблить насъ вь Корфусь, идѣже опочиваютъ мощи святагѳ Спиридона Тримиѳунскаго чудотворца, да оттуду возможемь пойти вь Кефалонѣю. Сказахомь же, яко еще имами желаніе (аще Богь изволитъ) пойти вь Іерусалимь поклонитися Гробу Христову, и ради бяху о словесѣхь нашихь. И тако, за ходотайствомь онаго Вуколи Сербина, оній вишеписанній Венецкій болярин написа карту кь едину корабленнику купцу, подъ его сущему властію, таковую, яко не точію да би насъ взяль во кораблъ безмездно, но да би отчасти и кормилъ, обѣщаяся ему нагородити, и отсла нась кь ему сь единѣмь значнимь человѣкомь въ неделю въ вечерь, Февруарія послѣднего числа. Тотъ же корабля властелйнь абіе сь единѣмь слугою посла нась вь кораблъ и нощевахомь тамо. Заутра же, въ понеделокь, Марта 1 числа, пребивахомъ тамождe, неисходно отъ корабля, ожидающе исхода корабля, понеже бяше вѣтрь противенъ и не могохомь плисти, и спахомь тамо. Таже вь полунощи, Божіимъ изволеніемъ, возвѣя вѣтръ помощенъ и вси снійдошася въ кораблъ и отплихомъ, уже начинающуся дню, даже за предградіе мѣста. И бистъ Марта 2 числа, заутра, въ второкь, тишина велія, яко не могохомь плисти, и тягнуша кораблъ, оцѣпивши вервами, вь лоткахъ малихь, веслами гребуще, и не можаху, двоихь ради вещей: первое, яко спаде вода и касашеся дна судно; второе, яко отягощень бистъ мно-

гими вещми. И тамо стояхомь даже до нощи, ожидающе прибитія вѣтра и води. Въ нощи же возвѣявшу вѣтру малу, начахомь плити по малу и пустихомся на глубину морскую и пловохомь два дни и двѣ нощи, си естъ чрезъ среду и четвертокь, осмьдесятъ милъ, и пристахомь кь нѣкоему граду, на брезѣ морскомь стоящому, ему же имя Паренса. Тамо замедлѣ корабля начальникь чрезъ два дни, пятокь и суботу, ово вѣтра ради, овоже купованія ради нѣкіихь вещей. Ми же, видящи патрона корабля ничто намь кь ястію не дающа, аще и приказъ имѣяше, изійдохомь со честнимь моимъ сопутникомь. іеромонахомь Рувимомь Гурскимь, прошенія ради милостини, испросихомь, помощію Божіею, пищу доволну кь препитанію нѣкіихь дній. Таже, Марта седмаго, въ неделю, рано возвѣявшу вѣтру мало помощну, плихомь. воскрай брега морскаго, кь другому еще значнѣйшому граду, именуемому Рувинѣо. Тамо слишахомь о мощехь, лежащихь вь костелѣ Римскомь, Святія великомученици Евфиміи, прехвалной дѣвици. и потщахомся воскорѣ изійти исъ корабля вь градъ, и идохомь вь костелъ и просихомь тамо началнихь священниковь, да покажутъ намь, понеже всегда сутъ затворенни, и не хотяху, понеже Римляне мощей святихь Божіихь не обикоша показовати, найпаче же Греческихь. Точію слишахомь се, яко сама въ рацѣ моремь отъ Халкидона припли. Видѣхомь же гробъ, идѣже лежитъ, и чудеса много творима, и окрестъ ходяще многа народа и лобизающе его. Сподобихомся и ми грѣшни поклонитися и цѣловати. Замедлѣ же и тамо кораблъ два дни, понеделокь и второкь, и просихомь милостини, якоже и въ первомъ, обаче болѣе смѣющихь, нежели дающихь обрѣтохомь; нѣціи бо нарицаху нась сизматиковь и иніи же геретиковь и не хотяху давати. Оттуду отплихомь вь среду

рано, Марта 10. Случижеся тамо случай таковій: яко инокъ мой въпаде въ глубину морскую, яко на пять сажней, лѣзучи въ кораблъ, азъ же вскричавъ, мня его погибшаго бити, но Богъ чудна дѣла творитъ. Егда бо, рече, призвавъ тамо, вънутрь моря, умомъ Пресвятую Дѣву Богородицу и великаго Чудотворца на помощъ, абіе въздвиженъ, аки руками, и вознесенъ бистъ верху води, и яхъ его азъ за рукавъ одежды его, извлекохъ его въ цѣлосты, держаща подъ пахвою согненную рясу и чотки въ рукахъ. Да не въ забвеніе пойдетъ, и се глаголю: яко изшедшимъ намъ на море перваго дне и пловуще на самой превеликой широтѣ и глубинѣ его, видѣхомъ точію небо и воду морскую, и мнится бити, яко весъ свѣтъ затопе и нѣстъ ничтоже, кромѣ води и неба. Сице отъ превеликой широти мнится бити, яко ужасно и смотрѣти, найпачеже не бивающимъ на немъ; но, Божіимъ смотрѣніемъ, понеже бистъ тишина, не вредяше ничтоже. Въ утрѣе же, егда возмутишася волни на морѣ и начаша носити и колѣбати кораблъ дозѣла, яко множицею вода вливашеся въ кораблъ, и бистъ страхъ велій, но не всѣмъ, найпаче же мнѣ, первій разъ сущему на морѣ. Возмутися же ми сердце и завратися глава, яко едва не одурѣхъ, не можахъ бо ни внутрь, ни верху корабля сѣдѣти, одмлѣвающе и (прости ми, разумній читателю) не могій стерпѣти, блевахъ пятерицею до зѣла тако, не имій чимъ, едину нѣкую зеленъ, аки желчь, испущахъ. Азъ убо воздихахъ, друзіи же смѣяхуся, глаголюще, яко не бойся, будеши послѣди лучше здравъ, нежели прежде, и немощенъ тогда бѣхъ чрезъ весъ денъ. Иноку же и спутнику моему, отцу Рувиму, не бистъ ничтоже, токмо мало болѣзноваше на главу, якоже бо онъ уже по мору плаваше, еще въ Москвѣ живущи. Послѣди же, егда отпусти ми мало,

глаголаху корабленници, яко всякое море отъ натури своея не можеть въ себѣ ничтоже нечисто держати, аще бо би кто имѣль трутизну пятолѣтну, или десятолѣтну, или Богь вѣстъ како застарѣлу, найпаче же тотъ, иже не биваль, егда пойде на море, вся измещеть и будеть здравь. Паки море не любитъ грѣшна человѣка, найпаче вь грѣхахь смертелныхь сущаго; того ради всѣ христіяне, имущіи плисти моремь, аще не причащаются, то поне исповѣдаютъ грѣхи своя. Таковая азъ чудная и дивная слишащи, видящи и самь на себѣ дознавающи, аще и вся тогда вѣровахъ, аки юнъ и скудоумень, но послѣди по времени уразумѣхъ, яко сіе болѣе бываетъ отъ колѣбанія и непокоя, якоже зримь блевающихъ отрочатъ въ колискахъ и великихъ отъ колиханія оморочающихъся. Паки видѣхь иного дне птицу, падшую на кораблъ, ей же имя синица, яже не можаше прелетѣти широти морской, сѣде на отпочиваніе, юже аще и изгоняху, не отлетѣ, донелѣже не препочи доволно. Сія азъ видѣхь почудився много, яко и птици знаютъ свою смертъ и боятся. Се же не единожди, но и множицею видѣхь и прославихь Бога за премудрое Его твореніе. И тако пловущимь помалу, не бивающу вѣтру добру, продолжишася дни многи и уже не имущимь намь, что ясти, Марта 13, въ субботу, печаловахомь, бесѣдующе и просяще Вседержителя, да свое о насъ грѣшнихь устроитъ промишленіе. Богъ же, человѣколюбивь сій и милостивь и не хотяй зла никому же, услиша молбу нашу. Въ недѣлю бо, Марта 14, творящимь намь обичное наше моленіе, носимь бистъ кораблъ непостоянними вѣтры, видѣхомь же издалече градъ прекрасень и рѣхомь, яко аще би милосердіе Божіе било съ нами, даби насъ принесло къ оному граду, да возможемь испросити милостиню на пропитаніе. И се внезаапу возшумѣ вѣтръ отъ

страны и заврати кораблъ кь оному граду, и тако, аще и не хотяше властелинь корабля плисти, тамо приплп. Богу тако чудодѣйствующу нашой ради нищети, не хотя уморити гладомъ творенія рукъ своихь. И изійдохомъ изъ корабля вь градъ и просихомь милостини даже до вечера и испросихомь доволну (буди слава Богу) на препитаніе нѣколикихь дній. Есть же тамо монастирецъ маль святія Параскевіи, вь немь же иноки Греческіе живутъ, и посѣщахомъ оній и дадоша намь малу милостину, и благодарихомь Бога, яко уже начахомь вь благочестивіе входити странни. Оттуду заутра, вь понеделокь, Марта 15 числа, отплихомь. Пловуще же видѣхомь многіе прекрасніе острови, гори и холми, на водѣ посреди моря стоящіе, съ гради, и веси лѣпотними, на иних же пустелники на уединеніи спасаются. Плихомь же благоутишно чрезъ весъ той денъ, въ нощи же возвѣя вѣтръ противенъ, бурень и жестокь зѣло и ношашеся нашъ кораблъ, аможе Богъ хотяше, и уже отчаяхомь жизни нашея, множицею бо вливашеся вода внутрь корабля. Ми же сь инокомь, малодушни будуще, плакахомь, воздихахомь, ожидающе смерти, возивахомь же кь самому Христу Господу, да спасетъ ни, паки Святителя Христова Николая и многихь святихь угодниковь Божіихь, да свободятъ ни отъ потопленія морскаго. Тогда воспомянухомь, Богомь движими, Царствующаго Пророка сложенніе усти словеса: „низходящіе на море вь кораблехь и творящіи дѣланія вь водахь многихь, тіи видѣша дѣла Господня и чудеса Его вь глубинѣ“. Помянухомь же тогда и оное прословя простое: qui nescit orare, ascendat ad mare, то естъ: кто не умѣеть молитися Богу, нехай шествуетъ чрезъ морску дорогу. Тогда воистину, аще би кто писаль, како утопающій призиваетъ Бога, како молится, аще би нерав-

ніе, то подобніе Златоустому услишалъ молитви, видимая бо смертъ страшна естъ, якоже и намь бистъ. Таже, нощи уже кончащейся и начинающуся дню, вь второкь, Марта 16, паки воспятъ кь томуждe граду, именуемому Ленсина, Божіимь Промисломь принесенни бихомъ, аще и не хотѣхомь, но хотѣхомь, понеже Богь тако благоволилъ есть. Тамо замедлѣхомь цѣлую седмицу, даже до понеделка, неблагополучнихъ ради часовь и неспостояннихь вѣтровь и мокроти дождевной, отчасти же Святъ ради Римскихъ, си естъ Воскресенія ради Христова, бившаго тогда въ неделю Марта 21. Просихомь же исперва милостини, но малу обрѣтахомь, отчасти убогаго ради народа, отчасти же, яко дадоша еще исперва тамо намь пришедшимь. И недоумѣвахомь, что творити, не имущи сокровеннихъ денегъ, еже бо что испросихомъ, то и снѣдохомъ, на путъ же не могохомь собрати хлѣба. Идохомь же тогда, Марта 21, на Римское Воскресеніе, на наше же Вѣханіе Господа нашего Іисуса Христа, кь церкви Греческой на святую литургію, и бившіи тогда тамо благочестивіи христіяне отъ Грековь и отъ Славяновь сложившися дадоша намь милостину осмьнадесять мѣдницъ, и благодарихомь Бога за промишленіе Его о насъ и идохомь на торжище и не обрѣтохь купити на препитаніе хлѣба, понеже (яко же рѣхь), дни праздничніе бяху у Римлянь. Идохомь же отай внутрь дома единаго хлѣбопродавца и купихомь за всѣ пѣнязи, еже имѣхомь, и идохомь внутрь корабля и сѣдохомь, ожидающе времени благополучна и просяще отъ Христа Господа вѣтра полезна путешествію нашему. Заутра же, вь понеделокь, Марта 22 рано воставши отъ сна, не хотѣхомь ити вь градъ, понеже многажди всуе ходихомь и возвращахомся, и сѣдѣхомь внутрь корабля, обичное свое творящи моленіе.

Богъ же паче пекійся о насъ, нежели ми сами о себѣ. внемли, благій читателю, внемли, что сотвори съ нами. Егда же Греци, изшедшіи отъ онаго корабля на слушаніе служби Божой, возвратишася воспятъ, принесоша тридесятъ мѣдницъ милостини, отъ нѣкоея благочестивія грекинѣ присланніе, еже ми восприіяше радовахомся о Господѣ, видящи промишленіе Его на ни, и на того всю свою надежду полагающи. Таже помалѣ возвѣя вѣтрь благополучень и отплихомь тогожде дне, сь помощію Вишняго, и плихомь денъ и нощъ благополучно. аще и малимь вѣтромь. Заутра же, вь второкь, Марта 23, плихомь до полудне добрѣ, послѣди же внезаапно возвѣя вѣтрь противень, силень и шумень и едва не превратн корабля. И се видѣхомь недалече на странѣ островь великь, на немь же бяху прекрасніе гори каменіе, сь древеси, окресть стоящіе, внутрь же его входитъ вода отъ моря. Тамо вбѣгше, помощію Божіею, спасохомся отъ потопленія и стояхомь даже до вечера. Ми же сь сопутникомь моимь, честнѣйшимь іеромонахомь Рувимомь, изійдохомь исъ корабля на островь и ходихомь едва не окрестъ и на верхь горь, разсмотряющи красоту и лѣпоту его. Лѣпота же его бистъ такова: окресть води, внѣ и внутрь все стоять гори и холми, прекрасними древеси украшенніе, древа же не простіе, но все ово кипариси, ово яловець, ово древо бобковое, ово рожки турецки и протчіе, ихь же имени не вѣмь;на земли же мало каковое ростеть инное зеліе, точію леванди премногое множество, яко и пройти за нею едва мощно, се же того ради, яко тамо земля на ню плодовита до зѣла. Обрѣтохомь же тамо нѣколико каплиць Римскихь, но пустихь, и сокрихомся вь едину отъ дожда, и обрѣтше внутрь ея огнище и собравше дровь много, сотворихомь огнъ велпкь и грѣяхомься, присѣдяще, даже до

вечера. Но прости, благій читателю, сотворихомь бо великое угодіе тамо грѣшнимь своимь тѣлесемь, паче же азъ моему, грѣшнѣйшій и окаяннѣйшій паче всѣхь человѣкь, подобнѣ аки вь баны пекуще и жаряще его сь великимь услажденіемь. Таже вь вечерь прійдохомь вь кораблъ и нощевахомь. Не бисть же намь сладчайшой нощи никогда же, паче оноя. Отсюду явѣ познати можемь, яко баня естъ великое угожденіе плоти человѣческой, аще великое угожденіе, то и грѣхь великь. Добрѣ бо написаша Отцы Святыи вь Номоканонѣ, яко баня естъ вторій блудь, и прочая. Заутра же, вь среду, Марта 24, аще и тишина бистъ, обаче, понеже не бяше вѣтрь помощень, стояше кораблъ, и вь четвертокь такожде. Въ пятокь же, Марта 26, аще и зѣло маль бяше вѣтрь, обаче, понеже омерзѣ стояніе, пустихомся въ путь и плихомь зѣло по волѣ. Таже внезаапу возвѣя вѣтрь противенъ, яко отнюдъ не могохомь плисти, и возвратихомься паки на мѣсто первое и нощевахомь тамо. Заутра, въ Великую Суботу предь Воскресеніемь Господа нашего Іисуса Христа, Марта 27, начахомь печаловати дозѣла, многихь ради винь: первое, яко толъ многое погубихомь время и конца не достигохомь, неблагополучнихь рады часовь; второе, яко многіе насъ ненавидяху вь кораблы, именующе насъ влачащихься вь свѣтѣ безъ потребы; третое, яко гладомь изнуряхомься дозѣла, неимуще гдѣ испросити, ниже за что купити. Се точію благопріятно бистъ намь, яко гладь намь вь постъ превратися, яко случися вь Великій Пятокь, не имѣхомь бо ничто отъ ястви, аще же и имѣхомь би, не би ядохомь. Обаче о будущихъ днехь имѣхомь попеченіе, яко дны праздничніе Воскресенія Христова приближахуся и не имѣхомь церквы, идѣже по христіанскому обичаю возмогли отправити набоженство

свое. Слишахомь же на томь островѣ недалече, яже 8 милъ, отстоящую весъ, совѣтовахомь сь собою, да идемь въ ню, испрошенія рады милостины и набоженства, мняще тамо благочестивую обрѣсти церковь. Молыхомь же началника корабля, да повелитъ ни извергти на брегь, и повелѣ безъ отреченія. Пойдохомь же помалу кь вишшереченной веси вь суботу, Бога призвавши на помоцъ, но зѣло изнемогахомь на пути, ово отъ неяденія чрезъ два дны, ово отъ отягощенія вещей, ово отъ жестокаго и твердаго пути и остраго каменнаго претиканія, и прешедше еще предъ вечернею, званны быхомь отъ слуги его кь властелину веси тоя, иже вопросивши нась: откуду есми, и видѣвши патента нашы, пріятъ нась благодарственнѣ и представивь намь трапези. Обаче искушеніе пріяхомь, благій читателю, отъ Бога ли, или отъ діавола, поставиша бо намь яйца, уготованніе бившой тогда Великой Суботѣ, обаче не ядохомь, Богу насъ сохраншу, аще бо и чтохомь вь Писаніи (представляемая вамь ядите, ничтоже сумнящеся) но никакоже дерзахомь, поминающе себѣ Господа нашего Іисуса Христа, иже вь дны тія не яде, ни пія, еще въ горкомь страданіи душу свою положи за ны, дадохомь бо вину неяденія нашего, на нюже Духь Святый умудри насъ. Они же взяша воспятъ яству оную и повелѣша поставити риби мало, хлѣба и вина, и снѣдохомь вь славу Божую, благодаряще Его, яко сохрани насъ отъ грѣха. Еще оній властелинь даде и на путъ намь хлѣба мало и отпусти нась со миромь. Бистъ же вечеръ и не могохомь паки кь кораблю возвратитися, идохомь по селу, просяще милостини, но зѣло малу обрѣтохомь, вси бо показовахуся бити скудни и убоги, найпаче вь хлѣбъ и денги, точію вина много, отъ него же и намь даяху. Пришедшей же нощи, упросихомся у

единаго человѣка добра, иже пріять насъ благодарственнѣ и учреди вечерою и питіемь доволно и положи насъ на одрѣ, на немъ же самь возлегаше. Молихомь же полагающеся, да возбудитъ насъ Господъ вь нощи на молитви, понеже бисть праздникъ Воскресенія Христова, церкви же не обрѣтохомь нашея, ни людій, уснухомь твердо. Вь полунощи же явися старцу моему, отцу Рувиму, нѣкій мужъ честень, брадатій, вь иноческомъ образѣ, въ подобіе преподобнаго Ѳеодосія Печерскаго, иже бодну въ ребро его и глагола: востани. И абіе воста и мене возбуди, и отправихомь моленіе наше, якоже разумѣхомь, имѣхомь бо полуставь великій и пѣхомь все правило Воскресенію Христову и цѣловахомь первѣе крестъ святый, таже другь друга, по обичаю христіанскому глаголющи: „Христось воскресъ", „воистинну воскресъ". По окончаніи же правила уже не спахомь, но ожидахомь дневняго пришествія, хотяще паки кь кораблю скоро возвратитися, бояхомся бо, да не оставивши насъ отъйдетъ, егда возвѣетъ вѣтръ благополученъ. Того ради абіе начинающуся дню отидохомь. При отхожденіи же нашомь господарь цѣловася зъ нами, опровождающе насъ, понеже зѣло любимь человѣкь бяше. аще и Римской вѣры, и даде намъ на путь вина и оливи, и возложивши вещи наши на осла, облегченія ради и скорѣйшаго хожденія, отпусти насъ сь честію, пославши и сина своего зъ нами. Аще же и скорбно намь бисть, яко едва невсуе ходихомь, обаче на Господа возвергохомь печалъ свою, паче же Христа ради воскресшаго веселихомься. Слишахомь же тамо вь селѣ отъ старихь людей достовѣрну и чудесную вещъ сице. Сутъ тамо на томь островѣ гори великіе и високіе, между ими же едина височайшая всѣхъ и иматъ три водруженніе на себѣ крести древяніе, на нюже ми, прохожденія ради, возлѣзше съ веліимь трудомь и стра-

хомь, съ трудомь, понеже зѣло висока есть и неуглажденна къ хожденію, со страхомь, понеже многіе пещери видѣхомь зміевіе и бояхомся да не выпадемь въ бѣду, но Божеею помощію не случися видѣти ни единаго. Егда же возійдохомь на верхь, видѣхомь оніе крести и лобизахомь я. Вопросихомь же онаго стараго человѣка, въ него же нощевахомь: „что суть оніе крести и гора?“ И рече намь, яко еще слиша отъ прародителей своихъ, еже и доселѣ славится, яко вь селѣ ономь, еще въ ветхіе времена, все Еллини живяху, и егда разійдошася по жребію Апостолы въ мирь благовѣствовати, случися Святому верховному Апостолу Павлу, грядущу вь Римь на мученичество, ити чрезъ оную весъ. Тогда людіе, тамо живущіи, молиху его, да свободитъ ихь отъ зміевь, иже тамо во горахь живуще, многія пакости дѣяху, поядающе дѣтей и уязвляюще людій и скотовь. Помолижеся Апостолъ Христовь, и отъ того часа не точію престаша вредити, но еще утѣкають и боятся; вь знакь же и вь будущое незабвеніе чудесе онаго, водрузи и кресть своею си рукою на оной вишшереченной горѣ. Таже, по отпаденіи Рима отъ Святія Соборнія Церкве, Божіимь попущеніемь бившу тогда мору, вси тамо измроша Греки, едину токмо или двоимь заставшимъ. Таже послѣди населишася Римляне, иже живутъ и доселѣ. Богу и Папѣ Римскому ими обладающу. Оттуду ми возвратившеся, славяхомь Бога, яко обрѣтохомь кораблъ, еще стоящій на мѣстѣ и не отшедшій. Стахомь же тамо на брезѣ, при единой каплицѣ, при ней же и вода сладка обрѣташеся, ожидахомь милости Божіей свише, да приплоvутъ ко намь корабленныци и возмутъ паки сь собою вь кораблъ, не чаяхомь бо, даби восприяти бихомь, понеже со вещми отъидохомь и со благодареніемь. Бисть же тогда первій день Свѣтлія

недѣлы, си есть Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа, и не хотѣхомь да безъ варенія въ толь великій праздникь пребудемь, аще бо и въ вся дни сухояденіемь жихомь, понеже поминахомь себѣ, како родителіе, сродници, други и вси православніе христіяне въ дны тія торжествують, пиршествують, ядуще, піюще и поюще вь славу Христа воскресшаго. Нарвахомь же и ми зелія, еже простѣ именуется кропива, и уваривши оную, покропихомь елеемь и ядохомь вь славу Божую и наситихомся. Имѣхомь же мало и вина, еже принесохомь вь тиквици со собою оть села, и растворивше сь водою, пихомь доволно яко довлѣло чрезъ весь денъ. Заходящу же слонцу, приплоноша кь намь на брегъ корабленници взятія ради води и обрѣтше насъ, сожалишеся, слишащи отъ насъ о нашей нуждѣ и суетномь нашомь трудѣ, и взяша нась со собою въ чолнъ, привезоша вь корабль и нощевахомь тамо. Заутра же, въ понеделокъ, Марта 29, паки начахомь оскудѣвати вь хлѣбъ, мало бо принесохомь со собою оть села, и молыхомь капитана корабля, да продастъ намь отъ сухаровь, дающе ему пѣнязи, онъ же устидѣся отъ нась брати или не хотя, даде намь по милости своей, яко на два дны прекормитися. Ми же, взявше оніе сухари, благодарихомь Творцу нашему, яко чудеснѣ и нечаяннѣ промишляеть о насъ, и на Того всю свою положихомь надежду. Да не будемь же ненавидими всегда вь корабли чрезъ ону непостоянну фортуну морскую, сѣдяще и да въ безмолвіи возможемь творити обичное свое правило, изійдохомь далече, яко за полпоприща отстоящій отъ корабля, на единь малій, зѣло обаче прекрасній холмъ, на немь же каплица вь имя Святытеля Христова Николая, оть камены созданна, стояше, и образъ его. Вь немь тамо вселшеся, жихомь, аки пустинници, су-

харами оними, иже даде намъ началникъ корабля. Въ второкъ же въ вечеръ, Марта 30, помишляющимъ намъ, что будемъ ясти, понеже окончевахуся сухари наши. И се абіе, по Божію смотренію, два корабля велика приплововша, противнимъ загнанны вѣтромъ въ той же загонъ морскій, идѣже и ми бихомъ. Тогда ми пойдохомъ къ нимъ просити милостины, и дадоша въ единомъ сухаровъ, въ другомъ же фасолѣ, и возвратихомъся паки на онъ островецъ въ каплицу, благодаряще Вседержителя за прѣзрѣніе Его о насъ. И прибивахомъ тамо, ожидающе и просяще отъ Господа благополучнаго пути нашему времени, кормихомъжеся оною фасолію, варяще ю въ морской водѣ, аще слана и горка бистъ, терпѣхомъ бо Христа ради, понеже не хотѣхомъ просити отъ корабля, да не стужаемъ имъ; пити же отъ моря не могохомъ, но избирахомъ по каменехъ, ходяще верху холма онаго и смотряще, гдѣ би мощно обрѣсти мало води, отъ роси или отъ дожда когда спадшой, и пихомъ. Удивляхужеся намъ зѣло корабленници, како ми тамо и гдѣ обрѣтахомъ воду и почто не просихомъ у нихъ. Оттуду въ четвертокъ, Априля 1, предъ захожденіемъ слонца, по Божію смотренію возвѣявшу вѣтру помощну, отплихомъ и изійдохомъ на самую глубину и широту морскую, не видяще ничесоже, кромѣ небеси, води и своего си корабля, мнится бо, яко уже весъ свѣтъ водою затопе. Видѣхомъ верху води вискакующіе и превращающіеся превеликіе риби, иже тамо именуются делфины, си естъ свинѣ морскіе, отъ нихъ же величествомъ единъ бяше въ долготу, яко пятъ сажней, или вящше, въ толстоту же, аки волъ. Именуютъ же ся свинѣ морскіе того ради, яко все подобіе и натуру имутъ такову, яко свинѣ: глава свинная со ушима и писомъ таковимъжде; егда же превращаются, тогда сопуть, или стогнуть, аки свинѣ. Тако

ми широтою и глубиною пловохомъ въ четвертокъ нощію, пятокъ и суботу до полудны. Таже возшумѣ буря велика и вѣтри непостоянніе и едва не превратп корабля, и носими бѣхомъ даже до вечера, аможе не хотяхомъ. Тогда возивахомъ къ Богу и къ угоднику Его великому чудотворцу Спиридону, къ нему же грядяху на поклоненіе, да избавимся отъ треволненія морскаго. Тогда азъ унивахъ сердцемъ и полумертвъ бѣхъ и (прости ми, благій читателю, да истинну реку) не могій стерпѣти диханія и фортуни морской, блевахъ съ болѣзнію трижди, зѣло бо естъ трудно небивающему на немъ шествовати моремъ. Сицевимъ наводненіемъ и бурею носими бѣхомъ въ суботу до вечера и чрезъ всю нощъ. Заутра же, въ неделю Ѳомину, Априля 4, утишися мало, вѣтромъ же чуждимъ пловахомъ, иже не простѣ, но отъ страны дишаше, странный бо, или боковій вѣтръ тамо именуютъ быти чуждымъ. Таже, яко предъ полуднемъ, возвѣя вѣтръ простъ и благополученъ, имъ же плихомъ чрезъ весъ денъ и чрезъ всю нощь, и въ понеделокъ, и въ вовторокъ, и среду мало рано. Таже возвѣя вѣтръ противенъ, силенъ и шуменъ, иже всячески возбраняше плисти къ граду Корфусу; бистъ же недалече, точію за 20 милъ отстоящъ. Ми же множицею сопротивляющеся и не хотяще всячески завратити корабля, егда бо бихомъ завратили, понесло било насъ или воспятъ къ Венеціи, или Богъ вѣстъ камо, бистъ бо буря велика зѣло. Таже, зашедшу уже слонцу, едва съ веліею нуждою приплихомъ и стахомъ воскрай острова велика, подъ властъ Корфуса града належащаго. Тамо вергше котвицу, нощевахомъ. Видѣхомъ же на всемъ томъ островѣ стоящіе прекрасныхъ много горъ, долынъ, сѣменей, полъ, весей и садовъ маслынныхъ, и удивляхомся, яко Богъ вѣру нашу православную на благой,

мягкой и плодовитой посаждаетъ землѣ: прежде бо въ Италіи, вь Гишпанѣи и вь Ерманѣи егда шествовахомь, все видѣхомь гори каменніе, идѣже сь нуждею сѣмена своя всѣвають. Тамо же вси гори мягкіе, ископанны и поораны, и насажденны всякими благи толъ прекрасно, яко всякому взирающому на ны, усладиты можетъ очеса, мало бо зѣло обрѣтается верху горъ каменя, точію внутрь сокровенные. Богь тако устрои, потребы ради. Сіи же стояху на томьжде единомь островѣ, на немъ же и градъ Корфъ, и биша намь одесную, ошуюю же недалече стояху иніе еще болшіе гори и уже належащіе подъ властъ Турецкую, на граници стоящіе, не на островѣ, но на брезѣ земли великой, но уже не таковіе, каменистіе бо и великіе на себѣ имутъ снѣзы. И биша намь гори сюду и сюду, путъ же помежду ихъ предлежаше. Тамо на оный островь кь весемь зѣло изійти желахомь, понеже зѣло гладны бихомь и не имѣхомь что ясти, чаяхомь же тамо милостину кь яствію испросити добру; но понеже бистъ вечерь и никто же инь хотя на землю изійти исъ корабля, молчахомъ же и ми и терпѣхомь Христа ради, ожидающе до утра и чающе на ни человѣколюбія Божія. Бояхомьбося болѣе началника корабленнаго просити, понеже познавахомь ему бити насъ омерзѣвшихь и его криво насъ усмотряющое око, того рады, понеже онь отъ Римской бяше вѣри, ми же отъ истинной Греческой православной, того ради они насъ тако любятъ, яко волкь агнца, зрѣти же насъ тако терпятъ, яко солъ вь очесехь, и, вѣру ми ими, благій читателю, яко паче жида или турка любять: бяше бо тамо въ томьжде и единомь съ нами корабли единь жидовинь, и разглаголствоваху всегда съ нимь любезнѣ и даяху ему частѣ ясти отъ хлѣба и пити отъ вина, намь же никогда же, кромѣ тѣхь сухаровь,

ихъ же чрезъ полтора мѣсяца даде намъ властелинь корабля двоицею или третицею, ими же сь единою ихь растворяюще и ядуще водою, и то сь ощадѣніемь и воздержаніемь, кормихомься. И ей истину ти глаголю, благій читателю, яко чрезъ все путшествѣе наше нѣгдѣ неслучашеся таковой терпѣти нужды, яко тамо, найпаче вь яденіи. Того ради и всякаго христіянина, Греческую добрѣ содержащаго вѣру, перестерѣгаю, любве ради Божія и ближняго: аще кому, подобнѣ, якоже и мнѣ, случится гдѣ шествовати по морѣ вь кораблы, или да не идетъ вкупѣ съ Римляны, или да терпитъ поношеніе и всякую нужду Христа ради, или да всегда иматъ съ собою сребренныки, тіи бо многа творятъ блага человѣкомь. Аще же кто не послушаеть моего совѣта, то подобнѣ постраждетъ, якоже и азъ, или горѣе. Но не удивляйся сему, правовѣрной читателю, изначала бо мира никогда вь мирѣ не бистъ Церковь Христова, но всегда гонима, иногда отъ идолопоклоникъ, иногда же отъ невѣрнихь, иногда же отъ еретиковь и иних врагова, иногда и отъ своихь величавихь и високомудръствующихь Латиновь (Богу премилостивому терпящу), но никогдаже ни отъ кого же преодолѣнна биваетъ, ниже будетъ (чаю и чаяти должны есми отъ Христа Спасителя нашего на ню заступленія), стоитъ бо недвижима, аки гора, красится красотою, аки невѣста, сіяетъ въ семь мирѣ, аки слонце, свѣтя на благія и злыя, пребиваетъ тверда, аки адамантъ, процвѣтаетъ яко кринь посредѣ тернія, горитъ всегда непрестаннимь пламенемь любве, яже кь Богу, Его же никаковимь видомь всякіе еретичествующихь вѣтри угасити не могуть, но еще паче возжигають, и тѣмъ болшій любве Божія разширается огнъ; никогда смущается, всегда веселится, побѣдну воспѣвающе пѣснъ. Обаче умолчу прочее (аще

и тисящніе Церквѣ Святой возможно восписати похвалы), да не показуяй буду ясно перстомь вь полудны слонце, си есть да не возмнюся тебѣ явитися учителемь, вся добрѣ знающому (се же кь разумнимь глаголю). Азъ единь сій скудоумень, къ тому же и младъ, самь еще учитися и ползоватися желающій. И тако ми при ономь прекрасномь вишшереченномь островѣ преноцевавши, и заутра рано воставши отъ сна, въ четвертокь, Апрѣля осмаго числа, возвѣявшу зѣло малу вѣтру благополучну, извлекохомь котвицу отъ воды и начахомь плисти. Но по малѣмь времени паки воста вѣтръ противенъ, обаче не тако силень, яко вчера, кораблъ же не преставаше отъ плаванія, но якоже можаше сопротивляшеся. Таже сотворися тишина велія и не можаше плисти кораблъ, ми же печаловахомь, яко гладны бихомь и не имѣхомь отнюдь ничесо ясти. Молыхомь Владику и Бога, да поне во вечерь ко граду прибити возможемь, но никакоже, носими бо бѣхомь сюду и сюду предъ онимь въѣздомь, помежду горами, сопротивляющеся вѣтру, но не могохомь. Еще естъ тамь островець малъ, каменный весъ, и иніе каменіе во водѣ лежащіе посредѣ пути, и бояхомъ, да не нисетъ и розбіетъ корабля, къ тому же и дождъ бистъ. И тако совративше мало отъ пути въ загонь и вергше котвицу, ноцевахомь, яко за 10 или вящше милъ отъ града отстояще. Таже, во пятокъ, Апрѣля 9, зѣло рано, возвѣявшу вѣтру малу, точію помощну, извлекохомь котвицу отъ води и пустихомься кь граду, и Божіимъ изволеніемь приплихомь о полудны, идѣже вергше котвицу подъ градомь, оставихомь кораблъ и вещи своя въ немъ, сами же идохомъ внутръ града кь церкви первоначалной святаго великаго угодника Божія и чудотворца Спиридона, въ ней же и мощи его святіе опочиваютъ, желающе ему должное отъ насъ

воздати поклоненіе. Егда же достигохомь тамо, обрѣтохомь церковь затворенну, бистъ бо тогда полудне, и ожидахомь во притворѣ, донелѣже отверзутъ врата на вечерню. И се, сидящимъ намь тамо во притворѣ, снійдошася ко намь нѣціи отъ Грековь и начаша нась вопрошати: откуду есми и како кь нимь придохомъ, и камо грядемь. Ми же отвѣтсвовахомь поистиннѣ вся. Таже единь вопроси нась о сроднику своему, его же имѣяше на Москвѣ, и рекохомь ему, како и въ коемь чину пребиваеть, понеже знаяше его добрѣ сопутшественникъ мой, честный отець Рувимь, за что оній грекь, бивши благодарень за таковое извѣстіе, зва нась въ домь свой, недалече отъ церкви святаго Спиридона стоящій, и представивь намъ трапезу честну, ею же ми удоволившеся, зѣло благодарны бихомь Господеви и оному человѣку, ибо гладни прійдохомь вь градь, ничесоже ядуще, ничесоже имуще (якоже прежде рѣхъ). Послѣди же тотъ человѣкь совѣтова намь ити кь протопопѣ града того, иже такожде близъ церкви живяше, да просимь у него мѣсто пребиванія и вся потребная намь, донелѣже пребудемь вь градѣ. Пришедшимъ же намь, обрѣтохомь его спяща и ожидахомь во притворѣ церковномъ, донелѣже прійдеть на вечерню. Таже по вечерни, узрѣхомъся сь нимь и поклонихомся ему, иже абіе начатъ нась вопрошати: откуду и что, и почто прійшли, и камо грядемь. Ми же отвѣтствовахомь вся, якоже требѣ бяше, и абіе даде намь келію ко престоянію, тамождe при паперти церковной стоящую. Тамо ми, пренесше вещи своя отъ корабля, нощевахомь. Заутра же, Апрѣля 10, въ суботу, начаша знати насъ мнози людіе и совѣтоваху намь (якоже тамо обичай есть) да идемь къ протопопѣ и возмемь хартію, си есть указъ, благословящъ просити милостини во градѣ. Ми же сія оставлше, первѣе идохомъ въ церковъ на

службу Божую, таже, по окончанію литургіи, Богъ, молитвами угодника своего, Святителя Христова Спиридона, посла намъ человѣка блага и зѣло добронравна, нѣкоего честнаго законника, именемъ Аѳанасія, да наставитъ ни во всемъ, иже тогда литургію имѣяше. Той, егда узрѣ, вопроси и увѣда насъ, что есми, абіе ко намъ тако христіанскою прилѣпися любовью, яко ни на едину черту не лишися отъ насъ, но абіе тече кь писару протопресвитерскому и сказа ему, яко сіи странніе путницы, отъ странъ Московскихъ грядущіе на поклоненіе святыхъ мѣстъ, требуютъ милостини, и абіе безъ всякаго отреченія написа грамоту волную ходити и просити вь градѣ милостини, донелѣже замедлѣти восхощемъ. Возвратившежеся оттуду, принесохомъ оную хартію къ протопопѣ, иже подписавши самъ своею рукою имя, и посла зъ нами онаго-жъ вишеписанаго іеромонаха Аѳанасія просити по базару, си есть по всѣхъ купеческихъ коморахъ и торговнихъ апотекахъ, понеже ми не знаяхомъ, камо ходитъ во градѣ, странни суще. Пойдохомъ же, Бога на помощъ призвавше и Его угодника, Святителя Христова и чудотворца святаго Спиридона, и, наченше отъ перваго даже до послѣднего, всѣ ряди коморніе обхождахомъ даже до вечера, и собрахомъ милостиню немалу. (Буди Богу всегда слава за призрѣніе ни грѣшники). Заутра же, въ неделю, по обикновенію тамошнему, ходихомъ едва не по всѣхъ церквахъ, во время правленія святихъ литургій, и тогда милостину собрахомъ добру. Таже обизнахомся со людми и начаша насъ мнози просити ово литургію отправляти, ово святити воду во домахъ своихъ, платяще и творяще намъ милостину. Ми же пребивахомъ въ оной вишшереченной келіи, церкви святаго Спиридона прстоящей, кормящеся доволно милостпною оною, юже взимахомъ отъ всещедрой Творца

нашего десницы и отъ православнихъ Греческихъ христіанъ, и ничесоже намъ не бистъ оскудно, точію о единомъ печаловахомъ дозѣла, яко не ускорихомъ прійти на оное время, когда с. чудотворца Спиридона откриваютъ, и не видѣхомъ. Молихомъ же многихъ великороднихъ пановъ, ктиторей церкви и самаго протопопи, да соберутъ ключи и покажутъ намъ: понеже сутъ ключей 4 и всякъ во разнихъ держится рукахъ. Аще же сіе дѣло и трудно естъ, понеже никому же не показуютъ, кромѣ уреченаго времени; но понеже любими бихомъ ими, яко отъ странъ Россійскихъ есми, того ради обѣщахуся вси. Таже по нѣколицехъ днехъ, собравши протопопа вся ключи къ себѣ и въ нѣкій день, по святой литургіи, возвавши насъ внутрь олтаря и затвори вся двери; таже поведе насъ на правую страну святаго олтаря, идѣже опочиваютъ мощи Святаго и отверзе всѣ четири замки, имиже заключенъ бяше гробъ его, въ немъ же другой еще, отъ камене изсѣченъ, бяше, внутрь того еще третая ракка, отъ древа кипариса содѣланна, покровъ же отъ таблици чистой, христалной, ей же мала частъ, въ ногахъ Святаго, отверзается, лобизанія ради. Тамо азъ грѣшній сподобихся, купно со честнимъ отцемъ Рувимомъ, спутникомъ моимъ, приложитися ногамъ Святаго, и видѣхомъ сквозѣ оную таблицу всего его до найменшой вещи, со одеждею, на главѣ своей имѣетъ подкапокъ и клобукъ, яже еще въ житіи своемъ ношаше, и одѣянъ въ сакосъ старинній, крестами истканній, ноги же оболченни въ мягкіе зѣло сандалія; во всемъ нетлѣненъ, тѣломъ и одеждою, опочиваетъ, аки живій. Еще же протопопа самъ подіймоваше ризи Святаго, и показоваше голени его, и лобизахомъ и видѣхомъ тѣло его бѣло и чисто, и мацахомъ, и мягко, аки живое. И повѣда намъ самъ протопопа, яко все таковое тѣло, токмо тварь и рука лѣва

черни суть, правой же нѣсть и не вѣдають гдѣ, тако бо и въ Корфусь прійде. Вопрошахь же азъ, чесо ради тварь и рука черна суть. Отвѣствова ми, яко прежними временами не бяше тако затворень, яко нинѣ, но стояше на ногахъ въ рацѣ своей, поставлень между намѣсними образами въ церкви, и приношаху людіе ладань, смирну и ливанъ и вжигаху, аки предъ образомь, свѣщи и лампади, и тако отъ непрестаннаго, деннаго и нощнаго, куренія и паленіи лампадь горѣнія учернися тварь и рука. Видящи убо началници непочесть такову, отъ того часа затвориша и не откривають болѣе, токмо дважди или трижди вь годь. Слишахь же сице: яко егда откріють, взимають его со раккою, священници, облекшеся вь ѳелоны, творятъ процессію, обходяще стогни града и носяще его, аки живаго, стоящаго на своихь ногахъ; таже, по окончаніи процессіи, паки вносятъ въ церковь и поставляютъ со ракою стояща между намѣсними образами, лобизанія ради народа, и биваетъ отворень 7 или 8 днй. По окончаніи же времены, паки полагаютъ внутрь гроба, по правой странѣ олтара стояща, и затворяютъ четирма замками, и разбираютъ началници кійждо себѣ свой ключь врученнії. Первій ключь держитъ губернаторь града, вторій судія, третій протопопа, четвертій намѣстникь его. Се ми получивше, благодарихомь Бога всемогущаго, яко по желанію нашему намь устрои, моляще, да и прочія святія сподобитъ посѣтити мѣста. Видѣхомь еще тамо, вь другой церкви, иніе нетлѣнніе мощи святоя праведной Ѳеодоры царицы, отъ нея же зѣло великое исходитъ благоуханіе. Тамо ми не точію внутрь града, но и внѣ ходихомь просити милостины, всю лѣпоту и строеніе града разсмотряющеи. Градь Корфусъ есть зѣло изряденъ, не тако лѣпотою и строеніемь, яко насажденіемь великимь

надъ водою, подъ горами; великь, на многи части раздѣленъ, многіи високія и крѣпкія каменнія ограды въ себѣ содержащій, со многими армати, пушки; еще же и тогда новія фортеци созидаху; вездѣ пресловутій, ово ветхостію и заложеніемь еще при великомъ царѣ Константинѣ, ово мощми святаго Спиридона и праведной Ѳеодоры царицѣ, ово же изобиліемь и благоплодіемь вина, оливи и прочіихь вещей. Церквей благочестивихь иматъ много, яко пятъдесятъ, со монастирми, обаче нѣ суть лѣпи отъвнѣ, точію отъвнутрь; внутрь бо имѣють прекрасное иконописаніе и строеніе лампадное, отвнѣ же нѣ сутъ, аки вь нашой Россіи, церквы со главами и дивнимь расположеніемь угловь, но аки простіе хати. Еще сутъ и Италіанскихь костеловь много, обаче тамо Италѣане нѣ сутъ тако противніе, яко въ инних странахь, ибо понеже болшое многолюдствіе и болшая власть Греческая естъ, того ради, слишахь, яко и отъ Папи Римскаго, лучшой ради зъгоди, имѣютъ позволеніе вкупѣ свята великіе празновати, якоже и празднують. Тамо ми отпѣхомъ литургій единадесять, по прошенію людій, жихомь же, буди благодареніе Богу и чудотворцу святому Спиридону, вь градѣ томь мѣсяцъ цѣлій. Таже обрѣтше кораблъ, пловущій вь Кефалонѣю, молихомь началника корабля, да возметъ ни со собою, поклоненія ради святихь мощей преподобнаго Герасима, о немъ же слишахомь еще прежде, яко тамо опочиваеть, и абіе взять насъ безъ отреченія. Всѣдохомъ же въ кораблъ въ суботу, Мая 8, и отплихомъ на нощъ, приспѣхомь ко Кефалонѣи (Божіимь изволеніемь) въ понедѣлокъ на нощъ, Мая 10, и тогда не успѣхомь внійти во градь, но нощевахомь внѣ града на брезѣ. Таже заутра вь второкь, Мая 11, рано, оставшися на брезѣ со вещми учителъ мой, честній отець Рувимь, посла мя ко про-

топопѣ, прошенія ради мѣста къ престоянію. Къ нему же егда азъ пришедъ, пріятъ мя любезнѣ, понеже человѣкъ благъ и добронравенъ есть, къ тому же и знаяше мало разглаголствовати Московскимъ нарѣчіемъ, иже егда увѣда о насъ, абіе повелѣ принестися намъ со всѣмъ въ домъ свой. Совратихъ же ся азъ паки на брегъ и наявше ладію, привезохомъ вещи своя и пренесохомся въ домъ онаго протопопи. Тамо мнози снійдошася, о многихъ насъ вещехъ вопрошающе, и замедлѣхомъ даже до полудне и снѣдохомъ трапезу, представленну отъ протопопы. Таже просихомъ, да покажетъ намъ путъ ко святому Герасиму, бѣ бо внѣ града далече отстоящъ, въ единомъ монастирѣ, и превезохомься со протопопою на другую страну воды 4 мили, къ второму граду, именуемому *Аргостолѣ*, первій же именовашеся *Ликсури*. Кефалонѣя бо есть разсѣянная на многи части, со монастирми и весми, но кромѣ того на началнѣйшіе части 3 раздѣляется, якоже прежде рѣхъ:—первая частъ именуется Лѣксури, вторая Аргостолѣ, тамо пребиваетъ губернаторъ, третая фортеця, високо на горѣ стоящая, идѣже обитаетъ проведиторъ, еще началнѣйшій отъ губернатора, иже всею обладаетъ Кефалонѣею. О красотѣ ея послѣди реку, егда расмотру лучше. Тогда ми вопросившеся о пути, пойдохомъ по землѣ отъ града Аргостолѣ чрезъ великіе гори и зѣло високіе ко монастиру дѣвичому, за 10 милъ отъ града отстоящому, идѣже мощи опочиваютъ преподобнаго Герасима. Тамо придохомъ въ второкъ на нощъ, зѣло позно, идѣже абіе внійдохомъ въ церковь и обрѣтохомъ [1] еще игумена, правящаго повечеріе. По окончаніи молитовъ, поклонившися гробу Святаго, званни бихомъ игуменомъ въ це-

[1] Здѣсь въ Уваровскомъ спискѣ прерывается собственноручная рукопись Барскаго.

лію, иже вопросивши и увѣдавши, кто и откуду есми, и почто прійдохомъ къ нимъ, престави намъ вечеру вкратцѣ и даде намъ мѣсто къ пренощеванію. Тамо ми обичное свое сотворши моленіе и благодареніе Богови воздавши, уснухомь крѣпко по трудѣхь. Заутра же въ Среду, Мая 13-го, воставши отъ сна о отчетши обичное правило, молихомъ, да покажутъ намъ мощи святаго угодника Божія, и абіе инокиня едина, яже держаше врученній себѣ ключь отъ раки Преподобнаго, безъ всякаго прекословія отверзе. Тогда должное сотворши поклоненіе, лобизахомь въ лѣвую руку мощи его святія, яже открывается въ знаменіе народа. Видѣхомь же его во всемь цѣла лежащаго и слишахомь благоуханіе веліе, и даде намь оная законница маленкую частицу отъ ряси его, въ ней же оболчень лежитъ; чудеса-же многіе, не точію изъ мощей, но и отъ образа творима бываютъ. Тамо ми, по прошенію инокинъ, отпѣвши службу Божію и представленній отъ нихъ въ игуменской целіи снѣвше обѣдь, вопроснхомь о Святомь, откуду быстъ родомь и како спасеся?— Отвѣща намь, яко сей преподобній Герасимь не тоть, иже пребыстъ на Іордани, но родомь бяше отъ земли Морейской. Послѣдній Святый быстъ же путъшествуя многа лѣта, посѣщая Святія мѣста. Таже Божіимь изволеніемь припливь въ Кифалонію и обрѣте оній монастиръ зѣло малъ, точію едину церковь и при ней нѣколико инокинъ, вселися тамо, сотворися строителемь и наставникомь, разшири и устрои обителъ красну, и многія къ пути спасенному приведь, препочи о Господѣ въ лѣто 1425, и отъ того часа тамо и доселѣ наставникь инокинямь или игумень поставляется старъ, служенія ради и правленія чину церковнаго; власти же надь ними никакой не иматъ, кромѣ духовной, и кормится монастир-

скимъ хлѣбомъ. Се ми услишавши и увѣдавши, благодарихомъ Бога, какъ сподобляетъ ни толъ преславна и свята знати зрѣти и касатися имъ. Оттуду, по трапезѣ, Богу благодареніе воздавши и Его святому угоднику, преподобному Герасиму, и идохомъ, не хотяще болше промедлѣти, помраченнима бо тамо на насъ взираху очима. Быстъ же недалече вторій монастиръ дѣвичій, яко за три поприща отстоящь отъ перваго, и соизволися намъ посѣтити его. Тамо егда прійдохомъ, еще паче не пріяты бѣхомъ: не точію не просиша насъ ночевати, но ниже сидѣти, ниже хлѣба дадоша снѣсти, единаго точію квасняго питія, и то, егда сами испросихомъ, води хладной изнесоша, понеже жаждахомъ, упалу ради солнечнаго и горячести. Таже поклонившися въ церквѣ и приложившися святимъ иконамъ, изійдохомъ внѣ монастиря, и сѣдше подъ оградою каменною, многая съ собою бесѣдующе и соравняюще своя монастири Россійскіе съ сими, како сторицею сутъ краснѣйшіе и богатшіе и во всемъ милостивѣйшіе. Таже препочивши яко полчаса, пойдохомъ въспятъ къ граду Аргостолѣ, не хотяще возвратитися къ протопопѣ, но умислихомъ нѣкое время замедлѣти въ Аргостолѣ. Таже возвратихомся къ первому. Даль же намъ тамо господу зѣло красну единь священникь, именуемій папа; сія да по залецѣнію единаго знатнаго человѣка отъ Корфуса, въ листѣ писанномъ, и жихомъ тамо седмицу едину. Отпѣхомъ же службу Божію и собрахомъ милостиню, аще и малу, буды благодареніе Богу. Таже соизволися намъ еще пойти къ крѣпости, си есть къ замку, надѣющееся тамо нѣкую получити милостиню. Тамо егда прійдохомъ, Мая 19, въ Вовторокъ, пополудни, никто же намъ не изъявися пріятенъ, никто же ни малѣйшой не даде милостини, токмо ходихомъ къ прово-

дитору, Римской вѣри сущему, иже обладаетъ всею Кефалоніею, той точію единь пріять насъ, напои, накорми и милостиню даде; и тако ми абіе того же часа отъйдохомь оттуду. Пойдохомь же, слонцу заходящу, къ единому дѣвичому монастиру, въ немь же слышахомъ быти частъ мощей святаго Апостола Андрея Первозваннаго, еже и сотворихомь, и тамо отъ разглаголствія непочестнихь и лукавихъ людей уразумѣхомь, яко не благоволятъ о насъ, обаче уже не хотѣхомь возвращатися къ граду, понеже нощь приближися, и обнощевахомь тамо, снѣдше вечеру предьставленну. Заутра же, воставши рано, по утренни, начахъ азь просити игуменіи о одежду, понеже ветху и раздранну имѣхомь на себѣ, и абіе жестокими отрече словеси; ми же видѣхомь, яко не обрѣтохомь милостивихъ людей, поклонившеся оной вишшеписанной частѣ мощей святаго Первозваннаго Андрея, отъидохомь воскорѣ. Видѣхомь недалече вторій монастиръ стоящь, но уже сами не хотѣхомь, разсмотрѣвше монастирскую на путниковь честъ и страннолюбіе, текохомь же скоро къ граду Аргостолѣ, идѣже имѣхомь [1] ити, ниже озирающеся воспятъ, поминающе оніе самаго Христа Спасителя словеса: „Идѣже аще не пріймуть вы, ниже послушаютъ ви, исходяще оттуду и прахь отъ ногь оттрясите, во свидѣтелство имь“. И тако возвратихомся оттуду воскорѣ паки ко градѣ Аргостолѣ и пребивахомь тамо еще нѣколико дній, ово литургисающе, ово же водосвятіе творяще въ домахъ, по прошенію народа, и оттуду взимающе милостини и кормящеся, овогда же и на инну страну превозихомся ко граду, именуемому Лѣксури, но малу милостиню взимахомь отъ народа, вси бо отмовляхуся, яко нужни сутъ, и глаголаху мнози, яко не во

[1] келію. *М.*

время прійдохомъ, понеже еще точію начинаху растѣти плоди; слишахомъ бо еще прежде, яко аще би прійдохомъ мѣсяца Августа, егда собираютъ плоди овощніе, то би зѣло многу обрѣли милостиню, ибо даютъ плодовъ сирихъ и сухихъ много, ихъ же отнюдь невозможно снѣсти, но продавати и денги собирати, тако бо тамо живуть нищіи; плоди же суть розинки маліе, иже тамо именуются ува, то есть увараса, язикомъ Венецкимъ или Италіанскимъ, си есть ягода сухая; родится же изобиліе великое, токмо не по вся годи. Кефалонія нѣстъ красна иждивеніемъ (кромѣ фортеціи), есть же островъ великъ, многочисленъ и многолюденъ, изобиленъ въ вино, хлѣбъ и овощи, людей иматъ много угоднихъ [1], но немного милостивихъ, идѣже мало отъ посполитаго народа воспріяхомъ милостини и токмо отъ единаго значнаго пана, именуемаго Анастасія Корафи, милостиню взяхомъ добрѣ (Господи его спаси), многихъ надѣляетъ нищихъ, якоже видѣхомъ и слышахомъ. Замедлѣхомъ же въ Кефалоніи мѣсяцъ цѣлій. Іюня же четвертаго, въ Пятокъ, предъ захожденіемъ слонца, наявше за мзду кораблецъ малъ, пустихомься въ Закинѳъ островъ, понеже недалече отстояше, пловохомъ же денъ и нощь неблагополучно ради вѣтра и достигахомъ тамо въ Суботу по захожденіи слонца; пловуще, оставихомъ Кафалонѣю созади, одесную же недалече, яко за четириндесятъ милъ, видѣхомъ брегъ морскій, землю велику, именуемую Морея, яже уже не подъ Венецкую, но подъ Турецкую належаше властъ. Но понеже запомнѣхъ тебѣ, любезній читателю, начертати: наченше отъ Венеціи даже до Закинѳа разстоянія милъ мѣста отъ мѣста на морѣ отстоящаго зде полагаю, яко прежде отъ Венеціи

[1] учониxъ. *Ув. М. К.*

къ Корфу шествовахомь милъ 700, отъ Корфу же до Кефалоніи милъ 150, отъ Кефалоніи до Закинѳа 50. Пришедше мы тамо въ Закинѳъ, идохомь первіе къ протопопѣ (по обичаю тамошнему), просити мѣста престоянія и благословеніе просити милостинѣ въ градѣ; онь же безъ всякаго отреченія даде намь господу и обѣща написати хартію, еже бистъ тако; обаче мало ми въ ономь пребивахомь дому, понеже непокоенъ намь быстъ, паче моему старцу, яко всегда людіе прихождаху разглаголствовати и не даяху ниже правила чести, ниже инная потребная творити. И тако ми внѣ града изобрѣтохомь единь монастирець невеликь, подь Синайскимь инокомь подчиненъ, обаче зѣло прекрасній и спокоенъ, уединень же, отстоящь отъ града яко за полмилѣ; тамо точію единь съ послушникомь игумень пребиваеть. Тамо умислихомь жити, по совѣту многихъ, даже до мѣсяца Септеврія 1, да обрѣтемь корабль безъ мзди даже до Цари-Граду, понеже въ Септевріи тамо пребивають различніе кораблѣ отъ различнихъ странь, купленія ради малихъ розинковь, яко тамо родится многое множество и въ Кефалоніи; такожде, второе, умислихомь ожидати даже до Септеврія того ради, да добрѣ восприймемь вѣстъ о мирѣ Турка съ Россіею, понеже слишахомь еще въ Венеціи, Марта 1, въ Корфу и на инѣхь мѣстѣхь многихъ, яко благочестивій нашь Монарха, Императоръ Московскій, Петрь Алексѣевичь, по многотрудномь и преславномь своемь житіи, препочи въ мирѣ лѣта Господня отъ Рождества Христова 1725, по смерти же его вся премѣнишася, того ради всячески намь людіе претяху, да не како дерзаемь ити въ страну Турецкую, аще нѣсть мира, да не подпадемь въ неволю бесурману нечестивому. Тако мы тамо живуще разсмо-

трѣхомъ всю лѣпоту, чинъ и обикновеніе и многія инніи вещи, яже обрѣтаются во всемъ Закинѳскомъ островѣ: 1) зѣло многоплоденъ естъ въ 'маліе розинки и въ вино такожде; 2) премного Греческихъ церковь и людій въ себѣ содержитъ; 3) пристанище естъ различнимъ кораблямъ; 4) многіе различніе чудотворніе имѣетъ икони; 5) много иматъ великороднихъ людій; 6) градъ иматъ красенъ строеніемъ, на брезѣ морскомъ, фортецію високо на горѣ такожде крѣпцѣ и добрѣ устроенну; 7) трясеніе земли часто биваетъ, трижди или четирижди въ мѣсяцъ; еще слишахомъ отъ людей тамо, яко 1723 года бяше тамо всюду чрезъ многи дни толъ великое трясеніе, яко многіе доми каменніе упадоша, мнози же разсѣдошася, еже азъ слишахъ ужасохся и много почудившися разсуждахъ: или стихій ради, или грѣховъ ради человѣческихъ то творимое бити; тамо обрѣтается источникъ дегтя, отъ земли текущъ; 8) многое иматъ изобиліе [1]; 9) чудесное, яко смокви тамо не на всякъ годъ единако родится: въ то бо время, егда начинаютъ дозрѣвати, аще вѣтри бываютъ полуденніе, сутъ сладки, аще пополудніе или полунощніе, не имутъ вкуса добра; 10) протопопъ тамо поставляется отъ мирскихъ, а не отъ духовнихъ соизволенія (кое при насъ случися); дается же ему съ позволеніемъ Принципа Венетійскаго все одѣяніе червоное, си естъ капеляшъ, подкапокъ, сутана и реверенда, зъ толъ широкими рукавами, яко воскрилія землѣ касается, и лѣска слоніова, толъ висотою, яко же и онъ; обаче токмо на пятъ годъ поставляется, по пяти же лѣтехъ паки инній, тотъ же биваетъ простій попъ, якоже и прежде; сіе мнѣ не возлюбися, не вѣмъ, како тебѣ, люлюбезній читателю. Доздѣ о семъ, понеже нѣстъ что

[1] *вст.* отъ маслинъ и оливы. *Ув. М. К.*

слишати. Тамо азь, въ ономь вишшеписанномь монастирѣ живущій, многую пакостъ претерпѣхомь отъ христоненавистнаго врага діавола, найпаче же мѣсяця Іюня, возбуждаша мя кь многимь скверним мислемь и дѣломь; азь же разумѣвь бити оную ненавистъ за посѣщеніе святихъ мѣсть, и молихъ Владику и Творца́ моего, да мя избавить отъ него, въ скорбѣ же оной таково сложйхь

Утѣшеніе

грѣшной и окаянной душѣ моей, изображающее имя мое и прозваніе мое въ началнихъ лѣтерахъ, подобень: Ахъ, зрадлива юность.

Востани, о душе, востани, что спиши,
Грѣхами помраченна, 2, почто не радиши?
Ахъ, время не вѣси, въ онъ же и съ тѣломь тебѣ
Разійтися весма 2, съ нуждою требѣ.
Съ каковимь отвѣтомь пріидеши предь Бога,
Истиннаго судію, 2, сотворши зла многа.
Иже всю жизнь твою начнеть истязати.
Горѣ тебѣ, яко 2, нѣстъ, что отвѣщати.
Лютѣ страждати будеши на вѣки,
Окаянна еси, 2, между человѣки.
Имаши молитвами [1], но гдѣ ти помощнаго
Рука можеть бити, 2, оставится тощна
Будеши кровними слезами ридати,
Обаче не поможеть, 2, ни отець, ни мати,
Аще не сама ти разсудишь, что треба,
Въ тѣлѣ еще сущи, 2, да доступишь неба.
Ридай здѣ за грѣхи, еще прежде смерти,
И тако можеши, 2, калъ грѣховь отерти,

[1] молвити. *Ув. М. К.*

Смерть бо грѣшнимь люта, всякь то можетъ знати.
Чисту душу взяхомь, 2, чисту требѣ дати.
Кто же очиститъ ю, аще не персть Бога,
Иже сотвори, 2, Онь надежда многа.

Сію псалму со вниманіемь поющи и Бога на помощь призивающи, свободихся отъ искушеній діаволскихъ. Пребивахомь же въ ономь вишшереченномь монастирѣ всегда, мало въ градь ходящи (кромѣ нужной потреби), токмо въ недѣлю, прошенія ради милостини, ходящи по церквамь, якоже естъ тамо обичай. Имѣхомь же тамо ожидати даже до Септеврія, по совѣту нѣкіихь тамошнихъ людій, понеже въ мѣсяцѣ Августѣ тамо собираютъ плоди отъ малихъ розинковь, ихь же тамо много родятся и отъ нихъ же странніе и убогіе великую собираютъ милостиню; мы же, понеже случися намь кораблъ, иже пловяше въ страни Греческіе и Турецкіе, и еще къ тому корабелници нась Христа ради взяти хотяху, ибо вси бяху Греки, истинніе христіане, аще и подъ властію Турецкою живяху. Сего ради оставихомь вси инніе разніе мисли, взяхомь едину, идѣже все намѣреніе наше бысть, и Единаго Наставника и Управителя путшествію нашему имущи Господа, укораблихомся [1], аще и различнѣ намь разглаголствоваху о Туркахь, немилосердію и великой ихь дани, на которое поплащеніе ниже десятой части не имѣхомь денегь, и шедше, уповающе на Бога, въ онъ же денъ имѣяше отплисти кораблъ, въ церковь святаго Діонисія, архіепископа Енигенскаго, поклонихомься его святимь мощамь, яже тамо во градѣ Закинѳѣ опочиваютъ (слишахомь же еще инніе тамо бити мощи нѣкоего праведнаго Іоанна, иже бысть оть тамошнихъ жителей, спасеся обаче, понеже недалече отстоя тамо), и

[1] *вст.* безъ всякаго сумнѣнія. *Ув. М. К.*

призвавше на помощь Бога и Его угодника святаго Діонисія, отплихомь мѣсяца Іюля 21 въ четвертокь[1]. Отпливше же отъ града Закинѳа за пятьдесятъ милъ, видѣхомь островь невеликь и прекрасень и на немь устроенніе мури, и вопросихъ пловцовь: что естъ? и рекоша: яко на ономь островѣ естъ единь точію монастиръ, обаче великь и богатъ зѣло, въ немьже оній вишшереченній Діонисій еще монашеское провождаше житіе и успе, погребеся тамо, таже принесень бистъ во градь Закинѳь, ради озлобленія и глумленія Турковь и разбойниковь морскихъ, иже (якоже слышахъ) единожды набѣгоша на монастирь, разграбиша все злато и сребро церковное и всю утваръ, и еще же нечестивіи бесурмане, не удоволишася тѣмь, руцѣ отъ честнихъ мощей святаго Діонисія (Господу тако, грѣхь ради нашихъ, попускающу) отрѣзаша и въ инной странѣ[2] продадоша; и тако отъ того часа оградою каменною крѣпко оній монастиръ оградиша, честніе же мощи угодника Божія принесоша въ островь Закинѳь, иже и доселѣ прославляется чудеси. Еще пловуще Бѣлимь моремь, си естъ Архипелагомь, видѣхомь иннихъ много острововь, яко двадесятъ или вящше, недалече единь отъ другаго отстоящихъ, и на нихъ людій живущихъ, и вопросихь пловцовь: что сутъ оніе острови и колико ихъ, и кто ими обладаетъ? Рече же мнѣ единь старъ и благоразумень пловець, иже обходи вся страни земля и вѣстъ всякь, и глагола ми: яко оніе острови вси потопишася[3] въ потопѣ Ноевомь отъ великаго колебанія воднаго, еже возмиси всю землю, приносяще отъ единаго мѣста на другое, и сотвори на горахъ долини и на долинахъ гори, на нихь же прежде, въ ветхіе времена, идолопоклонники

[1] 21 Іюля было въ Середу. — [2] Христіаномъ. *Ув. М. К.* — [3] сотворишася. *Ув. М. К.*

живяху, таже населишася христіане, иже повсюду, сокрушивше капища идолская, сотвори церкви святія и живуть доселѣ, Богу ихъ снабдѣвающу, аще и во области Турецкой. Онь сице баснословяше, азь же въ сердци смѣяхся и чудяхся простотѣ его. Вопросихъ же, колико сутъ островоеь всѣхь морскихъ, и рече мнѣ, яко всѣхь безъ числа сутъ, понеже мнози сутъ пусти и безлюдни; тихъ же, на нихъ же Греки обитають, христіане православніи, сутъ много, отъ нихъ же мало число начертавши здѣ, читателевѣ моему, извѣщенія ради, колъ много повсюду христіань процвѣтаеть вѣра, предлагаю.

Реестрь островоеь морскихь.

На нихь же живуть христіане подь властію Турка: Спесія, Идра, Егино, Колури, Зія, Ѳермія, Серфо, Сифанто, Кумило [1], Мѣло, Поликандро, Сикино, Сира, Егрипо, Андротино, Мѣхоно, Аксія, Поросъ, Антипарисъ, Кассандрія, Скіафо, Скопело, Келидронь, Скиро, Агѣонь Оросъ, Набо [2], Мимбо [3], Самофраки, Имбро, Тенедо, Москонѣсь, Метелинь, Псара, Хіо, Некарія, Само, Патино, Лерь, Калимно, Станкіо, Нисиро, Пископи, Каришь, Симо, Родо, Кашероло, Корпато, Касо, Кроніо [4], Сантурини, Астипаля, Аналфи, Критъ, Кипрь. Еще же кромѣ тѣхь, царствь всякихъ и градовь, недалече тамо отстоящихъ, много, яко то: Македонія, Троя, Анатолія, царство Аммарейское, царство Коринфское и прочая инная, еже слышахъ, безъ числа, оставляю, да не явлюся непріятень писателевѣ [5] и слишателевѣ. Возвращаюся паки къ описанію простаго путешествія. И тако ми отъ вишшереченнаго пресловутаго оного града За-

[1] Кимуло. *Ув. М.* — [2] Θασω. *М.* — [3] Лимно. *Ув. М.* — [4] Кростп, Ніо. *Ув. М. К.* — [5] читателеве. *Ув. М. К.* —

кинфа преплихомь за осмь дній триста милъ къ инному острову невелику, уже Туркомь обладаемому, на немь жестоитъ малое мѣстечко, именуемое Миконо. Тамо мы доспѣхомь въ Четвертокь, Іюля 28[1], бояхомьжеся исперва изійти изъ корабля на землю, да не сотворятъ намь нѣкую пакостъ, безсурмане, слышахомь бо отъ многихъ, яко аще не иматъ мира зъ Россіею, сотворитъ ви неволники; обаче на Господа положивше надежду, идохомь смѣло, турчинь же насъ ни о чесомь же вопроси, и благодарихомь Бога. Замедлѣхомь же тамо 4 дни, даже до Августа, и сотворихомь едину службу Божую въ первоначалной церквѣ, и снійдеся народь слишати и сотвориша намь милостиню добру (Господи ихъ спаси). Оттуду имѣхомь намѣреніе пуститися въ святую гору Аѳонскую, но совѣтоваху намъ тамо ити къ граду, именуемому Хіо, на островѣ знаменитомъ стоящому, лучшаго ради совѣта и путшествія, понеже тамо пристанище естъ всѣмь кораблемь и вскорѣ можемь обрѣсти оказію, аможе кто хощеть; ми же послушахомь онаго благого совѣта (Богу насъ наставляющу и хранящу отъ всѣхъ нуждъ) и отплихомь во Вторникь Августа 3. Приплихомь же тогожде числа, о третой годинѣ на нощь, недалече бо отстояше, точію 100 милъ, еще же къ тому и вѣтрь бяше благополучень зѣло, и нощевахомь тогда внѣ града. Утро же въ Среду, возсіявшу слонцу, Августа 4, усумнѣвахомся исъ корабля ити во градь, по поплащенія ради турецкихъ гарачевь, понеже оскудни быхомь; таже, уповающе на Бога, пойдохомь смѣло, и абіе вопроси насъ турецкій досмотрьщикь, чрезь толмача, по греческу, откуду есми и почто прійдохомь тамо и камо грядемо? Азь же, понеже изучихься мало

[1] 28 Іюля было въ Середу.

Греческаго язика, даде отвѣть, якоже мя Богъ наст[illegible] за себе и за старца своего, понеже онь не зна[illegible] каковаго язика, кромѣ Русскаго. Таже онь [illegible] вопроси патентовь Россійскихъ, ми же не [illegible] токмо нѣкіе патента Руские оть монастирей и по[illegible] вахомь ему оніе, яже видѣхь, посмотривь своима очима скверними сѣмо и овамо, даде воспять и рече, да идемь, аможе хощемь; ми же благодареніе Богу воздахомь за Его призрѣніе надь нами, яко умягчи сердце нечестиваго, иже не токмо оть нась не взять дани, но ниже жестоко глаголаше. Слышахомь же воскорѣ оть людій, яко тамо въ ономь градѣ стоить Хризанфь патріарха Іерусалимскій премудрій, иже пришель просити милостини на откупленіе Гроба Христова, и удивихомся зѣло толь великому его смиренію, яко самь труждается, бивши толь великая персона, и текохомь вскорѣ къ нему, желающе получити благословеніе и весь совѣть. Егда же тамо прійдохомь, узрѣша нась первіе послушники его и вопросиша, откуду и почто прійдохомь тамо, отвѣтствовахомь, яко странніе путници есми оть царства Россійскаго и желаемь оть его святѣйшаго пастира благословеніе получити; и абіе тіижде возвѣстиша ему, и повелѣ призвати насъ въ полати, и прійдохомь и поклонишеся ему до лица земли, лобизахомь честную и святую его руку. Таже вопроси насъ, кіимь язикомь можемь лучше разглаголствовати съ нимъ, кромѣ Русскаго, понеже онь не знаяше, кромѣ же того бисть премудрь и учень добрѣ во многихъ инныхъ язикахъ, азь же отвѣтствовахъ, яко Латински могу добрѣ разглаголствовати, понеже учпся, и вопрошаше нась о мнозѣ, гдѣ путшествовахомь и камо грядемь и прочая. Таже ми его вопрошахомь, аще свободно есть ити къ Іерусалиму и колико отсюду требѣ ити, и колико должно

виплатити денегъ, аще кто хощеть всп Святіи мѣста тамо видѣти, и рече намъ, яко аще бы хотѣль кто и найхуждше обойтися, нужно требѣ естъ сто левовъ; ми же рекохомъ поистиннѣ, яко не имами, владико святій, ниже третій части; онъ же рече, яко ниже помишляйте, понеже никакимъ невозможно пройти образомъ безъ денегъ; и тако намъ превратишася мисли, и благодарихомъ Бога, яко даде намъ предосторогу. Хіо естъ градъ преславній и прекрасній строеніемъ; сѣдить на островѣ, подъ горами великими, надъ водою морскою; веселій расположеніемъ улицъ и лѣпи строеніемъ домовъ, имущій въ себѣ премного народа богатаго и славнаго; изобиленъ въ хлѣбъ, вино и различнія овощи и всякія вещи; иматъ въ себѣ четвероличнихъ вѣрь людій: Турковъ, Грековъ, Римлянъ и Жидовъ; первіе Турковъ, понеже вся властъ ихъ тамо, христіановъ же за ничтоже вмѣняють; градъ оній естъ тамо всюду пресловутій, понеже естъ пристанище различнимъ кораблемъ, отъ Цариграда недалече отстоить, отъ Аѳонской же гори еще ближае, тамо множество Греческихъ церковъ, прекраснихъ строеніемъ и лѣпотою, сутъ же и мощей части въ единой церквѣ святія мученици Матрони, имъ же ми кланяхомься; естъ же еще недалече монастиръ, яко за шестъ милъ отъ града отстоящій, великій и богатій и строеніемъ красенъ, тамо мы ходихомъ посѣщати и видѣхомъ церковъ лѣпотну зѣло, яже вся внутрь иконописана мусіею, аки злато блещащееся до половини насажденни царскіе врата [1], свѣщники, маргиритною кожею (си естъ перловою матицею) хитростнѣ упещренни и насажденніе, звоновъ не имѣють Турка ради, внѣ града на мори двѣ стражники каменніе, въ нихъ же чрезъ всю нощь

[1] иконостаси. *Ув. М. К.*

свѣтится; тамо иноки показоваху намъ зѣло ветхіе, старинніе книги Святихъ Отецъ, на паргаменѣ рукописанніе лѣпо, есть же тамо чудотворній образъ Пресвятія Владичици нашей Богородици, зѣло ветхій, его же ради явленія тамо внутрь [1] созданъ [2] коштомъ и стараніемъ еще ктиторомъ Царя Константина Мономаха, року отъ Рожденія Христова 1001; братіи есть за двѣстѣ, якоже слышахомъ; еще внутрь церкве видѣхомъ двѣ свѣщи толъ превеликіе, яко бервено, древяніе, чудесь ради отъ великороднихъ и богатихъ купцовъ на оферу Богородицы сотворенніе, ихъ же никогда не вжигають, но стоятъ обетшаніе и учерненніе даже доселѣ; игумену, вмѣсто лѣски, данна есть отъ ветхихъ времень патерица, драгими каменьми упещренна, и мантія съ источники; таможде дадоша намъ, яко страннимъ, хлѣба, маслинъ и вина, еже снѣвши во славу Божію и возблагодаривше отидохомъ. Вся намъ тамо годѣ бысть видѣти, точію то непріятно, яко тамо Туркы приходять и многія пакости иконамъ маліованнимъ творять въ притворѣ церковномъ, ово очи, ово нось, ово чело избодають. Тамо мы съ сопутникомъ честнимъ Рувимомъ что сотворимъ? Сотворивше совѣть, яко не можемъ пойти къ Іерусалиму, убожества ради нашего, и умислихомъ премѣдлѣвши нѣкій часъ; донелѣже обрѣтемъ кораблъ, пуститися въ Аѳонскую гору, его честностъ пребиванія ради [3], азъ же точію поклоненія ради святихъ мѣстъ, и оттуду имѣхомъ возвратитися въ отечество. Обаче не тако, яко человѣкъ, но яко Богъ хощетъ, тако устрояетъ добрѣ бо воистину, аще и въ Латинскомъ нарѣчіи прислoвіе повѣствуетъ: „Homo proponit et Deus disponit“, си естъ: человѣкъ полагаетъ, Богъ распола-

[1] *вст.* и монастырь. *Ув. М. К.* — [2] создася. *Ув. М. К.* — [3] *вст.* во вся дни живота своего. *Ув. М.*

гаеть; зри бо что случися. Уже бо намь обрѣтшимь корабль и имущимь за три дни отъехати, ходихомь къ патріархѣ, должную ему, яко пастиру своему, воздати честъ и остатнее поклоненіе, иже даде намь нѣчто милостини отъ денегь и подарункы Іерусалимскіе отъ Гроба Христова, и взявши благословеніе отъидохомь. И уже устрояющимься на пути и вся готова имущимь, се впаде въ печалную болѣзнъ сопутникь мой Рувимь, Августа 15 въ денъ неделній, въ праздникь Успенія Пресвятія Богородици, разболѣжеся тамо дозѣла, яко изійдохомь тамо къ нѣкоей церкви слышати службы Божой и не можаше ити, совратися отъ пути и едва пришедъ къ келіи, паде на землю, валяшеся и стеня, яко два часа, таже облегча мало, болѣзнъ же его не какая иная бяше, токмо омлѣваніе, млость сердца и тяжестное диханіе въ персехь, се же и самь глагола и прочіи людіи, яко се ему сотворися премногаго ради хожденія [1], еже въ путъшествіи подъятъ, обійде бо тогда болѣе паче мене, егда бо изійде отъ Москви, ненависти и клеветанія ради враговь своихь, пятъ лѣть путшествуя пребистъ, посѣщая Святія Мѣста и искакя уединенія житію своему, пройде всю Русскую, Литовскую, Полскую, Волоскую, Сербскую, Болгарскую землю и всю Италію, бысть въ Барѣ [2] святителя Христова Николая, въ Неаполѣ, въ Римѣ и всюду тамо пройде, идѣже азь бихъ; еще къ тому самь не имѣяй друга, и Божіе, мню, бити смотрѣніе, яко толъ многоязичніе страни оскудніе и немилостивіе пройде, многую же претерпѣвь (якоже рече) нужду, ходя въ зимѣ и въ лѣтѣ, отъ хладнихъ вѣтровь, отъ дожда и отъ великаго упала солнечнаго, якоже азь самь своимь тѣломь искусихъ добрѣ. Естъ же тамо въ

[1] труда. *Ув. М.* — [2] *вст.* у мощей. *Ув. М.*

градѣ Хіо гостинница Греческая [1] болѣзненнимь, идѣже отъ коея страни человѣка пришедшаго, токмо православнія вѣри и разболѣвшагося, тамо воспріймують, кормять же и врачують Христа ради, даже или оздравіеть или умреть, на оній же шпиталъ вси складають христіане; взяша же зъ господи, идѣже бихомь, и отца Рувима моего и мене такожде вкупѣ въ понеделокь, Августа 16, и пребистъ тамо три дни, въ болѣзни лежа немоществуя, якоже прежде и болѣе, таже въ четвертокь предь зачинаніемь дне воставь мало съ одра, возбуди же мене, послишавше въ себѣ немощь и провидѣвъ конець житія своего, повелѣ ми воскорѣ на исходь души чести самь своима устнима вручая Господевѣ духь свой, аще и стогнаше немощи ради; егда же азь скончахъ, абіе изпусти духъ свой, препочи о Господѣ лѣта отъ Рождества Христова 1725, Августа 19 [2], честно, съ великимь надгробнымь пѣніемь, внутрь подь спудомь единія прекраснія церкве, ея же храмь именуется святаго Виктора. Бысть же на погребеніи его патьнадесятъ священниковь, идѣже и азь присутствовахъ, провождая его честніи мощи къ гробу, плача и ридая, яко синь духовній отца своего и яко послушникь наставника и яко ученикь учителя, къ тому же, яко путникь сопутника своего. Оставшіеся мало денегь по немь взяша властелини гостинници оной и раздѣлиша на поли, половину дадоша за душу его священникомь своимь, много и отъ себѣ приложивше, останокь же мнѣ дадоша, нужди ради подорожной, повелѣша мнѣ пребивати въ оной гостинници, донелѣже обрящу кораблъ къ Святимь Горамь, понеже имѣхь намѣреніе посѣтити, и повелѣша мене таможде кормити на всякь денъ, да не погублю оніе денги

[1] страннопреемница. *М.* — [2] *вст.* начинающуся дню. И погребоша его. *Ув. М. К.*

купуючи яству, но да сохраню на путъ, обѣщажеся сами обрѣсти и кораблъ безъ мзди. Азь же тамо пребивахъ, благодаривь Бога, доволствующися во всемь, молящи Бога за душу преставлшагося и за благодѣявшихъ и творящихъ мнѣ милостиню. Видѣша же мя Грекы великіе купци осиротѣвша и оставшася при малихъ денгахъ, при нихъ же трудно возвратитися воспять, сожаляхуся о мнѣ зѣло и обѣщахуся мя випроводити честно оттуду безъ утрати единой аспри, единь же отъ купець тамошнихъ, именемь Іоанъ Маврогордатосъ аще и младь [1], бояйся и любя Бога, той видѣвь мя убога и въ ветхихъ ризахь сущи, не глаголю каковую ми даде одежду, но, словомь единимь, одѣя мя отъ глави до ногу одеждою новою, яко ничто же на себѣ прежняго не имѣхь, кромѣ сандаліи, за что, глаголю, да облечетъ его Богь въ ризу спасенія [2] и всякаго благополучія, да покріеть въ долготу живота его, нигдѣ бо во всемь путшествіи моемь ни случися толъ милостиваго человѣка, искаша ми корабля къ Святимь Горамь, но не обрѣтащеся, понеже уже осѣнъ начинашеся и великіе начаша являтися вѣтри, того ради престаяху малими кораблцами ихати далеко, боящеся фортуни морской, великіе же тамо купеческіе кораблѣ не ѣздятъ, понеже нѣстъ потреби; случися же тамо кораблъ Французскій, иже пловяше недалече къ единому граду отъ Святихъ Горь отстоящому, тамо мя укорабли оній вишереченній купецъ съ прочіими подобними себѣ страннолюбци купцами, и мзду кораблъ заплатити дадоша ми; не хотѣ бо мя любве ради Божой взяти, понеже Римлянинь бяше вѣрою. Исполнившимься же уже четыремь неде-

[1] *вст.* обаче во истинну истинный Израильтянинъ, въ немъ же лсти нѣсть, человѣкъ. *М.* — [2] и одеждою веселія. *М.*

лямь пребыванія моего въ градѣ Хіо, взяхь свидѣтелствованную оттуду грамоту о умершемь моемь сопутникѣ, священно-іеромонахѣ Рувимѣ, да мя не требуеть никто [1] на пути, аще узритъ двоихь именъ патента. Также внійдохь въ корабль и призвавше Бога на помощь отплихомъ въ четвертокъ по полудны Септеврія 9. Бысть же намь пловущимь градъ Хіо ошуюю; земля-же великая, именуемая Анатолія, си есть Азія одесную. Анатолія оная, якоже слишахъ, земля прекрасная и плодоносная есть; тамо бо родятся прекрасніе великіе родзинки, фиги баволни премногое множество. Оттуду бо проходитъ въ вся страны земля и въ иніе плоды изобилная. Воста же того дне уже заходящу слонцу буря превеликая, яже едва не превратити корабля, носими бо бѣхомь полумертви сѣмо и овамо и уже помежду волнами акп помежду горами, многажди чающе бити погружонній корабль, егда бо волна морская разбѣгшеся вознесеть корабль горѣ верху себе, тогда человѣкь мнится бити не по водѣ плавающій, но по вѣтру носимій; егда же низпускаетъ паки на низь зрится, яко уже корабль летить въ нѣкую пропастъ и уже иматъ тамо или погрузитися, или разбитися, обаче (Богу не попускающу еще человѣку умрѣти) паки чуднимь его промишленіемь и силою возвипіается горѣ и паки на низъ низпадаеть, и елико возвишаеться горѣ или низпадаеть, низу толико всякь вопіеть: уви мнѣ Боже мой, помилуй мя; Греки же Θεος μυ, Турки же: алла, алла; Французи же понеже подобній съ Италіани имутъ язикь, рекутъ: о Dio mio; Жыди же паки своимь нарѣчіемь. Се же того ради пишу, яко всихъ сихъ вѣрь тамо въ оном корабли бяху людіе, и воистинну, еже чтохь Псалтиръ Духомь Святимь чрезь Пророка напи-

[1] Отсюда въ Уваровскомъ спискѣ продолжается собственноручная рукопись Барскаго.

санная словеса, то уже своима очеси видѣхь: „Нисходящіи на море вь кораблехъ и творящіи дѣланія вь водахь многихь тіи видѣша дѣла Господня и чудеса Его вь глубинѣ“. Бисть же оной вѣтрь великь даже до полунощи. Таже по малу начать преставати. Заутра же рано, въ пятокь, Септеврія 10, тако сотворися тишина велія, яко ни мало не могохомь плисти,—тую тишину именують пловци морскіе бонаца; быстъ же оная яко до полудны; таже возвѣя вѣтрь великь противень, яко не возмогохомь отнюдъ плисти, аще и множицею сопротивляхомься, и убѣгши съ нуждею въ единь загонь острова, идѣже бистъ тишина, вергохомь котвицу и стояхомь даже до нощи. Таже яко о второй годинѣ на нощъ возвѣявшу вѣтру малу, обаче помощну, пустихомся, призвавши на помощъ Бога, и пловохомь даже до полудни простимь вѣтромь; таже возвѣя отъ страны обаче пловохомь, якоже могохомъ, чрезь весъ день и чрезь нощь; заутра же въ суботу, Септеврія 11, начинающуся дню возшумѣ дождь аще и помощень, обаче зѣло шумень и силень, къ тому же помрачися свѣть облаками и бистъ тма велія, яко не видѣхомь, камо плисти, къ тому блистанія и громи явишася и возлія дождь великь; вѣтрь же безъ мѣри силенъ, и ношашеся кораблъ, аможе и не требѣ бистъ, покриваяйся волнами морскими, вѣтрило же едва не раздрашася отъ великаго дменія вѣтра и едва не превратим корабля, и всѣ биша въ великомь ужасѣ, просяще Бога, да избавить отъ наглія смерти, и уже чаяхомь погибнути, обаче Богь милостивь милуеть призивающихъ Его. Бихомь же въ ономь мрацѣ и великой фортунѣ яко часъ. Таже освѣтися мало; вѣтрь таковь, яковь исперва, и преста дождевное ліяніе; помалѣ начать преставати вѣтрь и обрѣтохмся недалече единаго острова завращенны во-

спятъ и благодарихомь Бога, яко не принесе корабля на нѣкакій островь и не разби, бысть бо тма велія и не знаяху корабелница, камо правити корабль. Таже сотворися безмолвіе веліе, яко паки не можаще ни мало плисти корабль и стояхомь даже до вечера на водѣ округь обращающеся; заходящу же солнцу возвѣя вѣтрь аще и страненъ обаче помощень и пловохомь онымь чрезь всю нощь; заутра же, въ неделю Септеврія 12, яко о трехь или четирехь годинахь на нощь паки сотворися бонаца, яко не могохомь плисти и бисть чрезь всю нощь. Таже вѣтрь возвѣя оть страны; въ понедѣлокь же рано толь бисть буря велія, якоже и прежде; въ второкь Септеврія 14 рано бисть вѣтрь помощень; таже инъ явися противень, яко отнюдь не могохомь плисти, но убѣгше въ единь загонь острова (понеже тамо вь странахь Турецкихь острововь много), и вергше котвицу стояхомь, ожидающе погоди, чрезь весъ денъ и чрезь всю нощъ. Заутра же въ среду, Септеврія 15, начинающуся дню и по оной непогодѣ явившуся вѣтрицу малу и извлекохомь котвицу отъ води и пустихомся, обаче не имѣхомь чрезъ весъ денъ благополучія, все бо являшеся вѣтрець или противенъ, или страненъ, или аще и прость, обаче зѣло маль, или бонаца, си естъ тишина велія, се же, мню, яко грѣховь ради нашихь, или паче моихь, творимое бистъ; къ тому же уже осѣнное надхождa же время, въ онь же море ярится и волнуется дозѣла и дождеве бивають велици яко на семь же пути, дознахомся дважди, индѣ же и снѣзи являхуся. Якоже уже пловущимь намь недалече града Солуня, ошуюю намь бистъ земля великая, именуемая Румелія, яже наченшися тамо отъ брега морскаго разширается далече. Тамо видѣхомь гори велики по надъ моремь стоящія и на нихь снѣзи новоспадшіе;

облаками окруженніе. Тогожде путшествія видѣхь прекрасних островов много, на нихъ же не тако, яко на прежнихъ, не видѣхь не токмо древесь, но ниже трави, точію единь каменъ, но все древеса и лѣски прекрасніе и земля мало камене имущая, но мягка, точію песковатая (надъ землю бо Рускую въ семь свѣтѣ нѣсть лучшой къ благоплодію плодовь, земь и странъ веселѣйшихъ и краснѣйшихъ нѣсть, земля воистину благословенная, земля млекомь и медомь кипящая). Тогда видѣхь, недалече мимо ея пловущь, и Богомь благословенную, Богомь спасаемую, Богомь соблюдаемую святую Аѳонскую гору; на ея же изображеніе лѣпо воистинну всякому посмотрѣти, широка бо и кругла вся стоитъ на морѣ на ню же зъ моря смотрящи, зрится яко островь естъ, обаче нѣстъ островь, понеже отъ единія странны прилученна естъ брегу земному, къ ней же и моремь и землею, аще кто хощеть, дойти можеть, морскія бо жилци кораблями, земніи же ногами или конъми приходятъ на поклоненіе; верха ей зрѣти не могохомь, понеже до половини въ облацехъ; повѣствують же, яко въ лѣтѣ зрится, но иматъ снѣзи всегда на верху. Тамо азъ отъ острова Хіо имѣхь намѣреніе плисти, но, размѣшенія ради смерти усопшаго сопутника моего отца Рувима, не возмогохь обрѣсти кораблеца, того ради, обрѣтій кораблъ, къ пресловутому граду Солуню пловущій, всѣдохь и азь, слишахъ бо, яко отъ града Солуня три дне хожденія сухимь путемь къ Святой Горѣ, того ради имѣхь надежду въ Бозѣ дойти тамо, желаше бо душа моя зѣло поклонитися оному святому мѣсту, прекрасному иноческому жилищу, понеже не могохь дойти къ Іерусалиму, убожества ради моего. Тогда же пловущи видѣхь многое множество рибь морскихъ великихь, именуемихъ делфиновь, превращаю-

щихъся сѣмо и овамо по предъ кораблямь. Пути бяше отъ Хіо къ Солуню водою милъ 400; еже аще благополученъ вѣтрь, за два дни съ нощми припливають, ми же (понеже время осѣнное), пловохомь цѣлую седмицу, въ четвертокь бо отъ града Хіо отплихомь, въ четвертокь же другій Сентеврія 23 приплихомь къ пресловутому граду Солуню.

Описаніе града Солуня.

О описаніи града Солуня послѣди изявити потщуся, по возвращеніи отъ Святихь Горь, аще Богъ изволить, понеже имамь намѣреніе возвратитися; къ тому же пребихъ въ Солунѣ точію денъ и не могохъ ничтоже разсмотрѣти. Пристанище мое тамо бисть благополучно, понеже обрѣтохь отъ своея страни знаемыхъ людей, къ тому же и Болгаровь, и тіи мя угощаху и наставиша въ путъ. Отъидохь отъ града Солуня Сентеврія 26, въ денъ неделній, пополудни, съ прочіими тамо живущими людми, понеже не можетъ тамо человѣкь единь или два путшествовати, но требѣ великой компанѣи, многи бо тамо обрѣтаются разбойники, найпаче отъ Турковь, которіи не токмо обдираютъ, но и забиваютъ, яко тамо частѣе слушатся оказіи, азъ же, понеже не возмогохъ премѣнити намѣренія моего, пойдохь, надѣющеся на Господа и молящи Его, да сохранитъ мя отъ наглоя смерты. Пришедше же того дне въ вечерь къ нѣкоей веси, пойдохомь въ домь нощевати къ единому человѣку, иже съ нами вкупѣ грядеше; той заутра не восхотѣ ити къ Святимь Горамь, но повелѣ намь ожидати, донелѣже соберетъ гроздія отъ поля и сотворитъ вино; ми же, аще и не хотѣхомь, обаче ожидахомь, трудно бо и страшно бистъ намь ити въ малой компанѣи, къ

тому же не знаяхомь и пути, и пребихомь тамо три дны, таже разсмотрѣвше ложъ его и неправду, оставихомь и обрѣтше инаго пойдохомь въ четвертокь рано, Септеврія послѣднего числа, Бога хранителя себѣ призивающи Идохь же и азь тотъ денъ съ ними вкупѣ добрѣ; таже заходящу слонцу ослабѣхь, се же того рады, яко много уже время прейде, егда ходихь по земли, наченши бо отъ Венеціи дванадесятъ мѣсяцей все яздяхь по морѣ, того рады заби прежднихъ трудовь тѣло и разслабися, болѣхь же дозѣла ногами, яко едва могохь ити, ибо по толь многомь похожденіи шествовахъ, скоро сравняющеся въ бѣгу съ муломь, иже далече скорѣе коня ходить; грядяше бо съ нами человѣкь зъ муломь, иже вещи людскіе везяше, съ тѣмь убо вси неотлучно грядяхомь, понеже всякь бояся въ малѣ ити, къ тому же, кромѣ онаго проводника, всѣ чуждостранніе бяху и не знаяху пути. Видѣвше онимь мя помалу грядуща, не хотѣша мене ради замедлѣвати, ускоряху въ Святую Гору бити въ суботу, понеже на всяку суботу тамо на базарѣ торгъ биваетъ и всякь спѣшится что нибудь или продати, или купити, оставиша убо мя того вечера. Азъ же идохь нѣкій часъ самь добрѣ, донелѣже свѣть видѣхь; таже егда приближися темнозрачна нощъ, безъ освѣщенія мѣсяца, погубихь путъ, самь не вѣдяхъ, камо шествовахъ, хотѣхь бо обрѣсти весь, мня бити близу, но бистъ далече, якоже послѣди разсмотрѣхь, и ходихь помежду лѣсомь и горами, омацуя ногама и рукама стезю, яко три или четири часа въ нощь, но не слишахъ гласа ни человѣча, ни песія, воздихахь же къ Богу печалующи, да мя наставитъ на путъ добрій, и ходихъ паки множицею возвращающеся и на страну удаляющися, того ради, яко многи пути ми являхуся, вѣдѣхь бо ихь отъ бѣлости, яко бѣла тамо земля бяше;

обаче ходящи ничтоже успѣхъ въ благое, но въ болшую прійдохъ скорбъ и утрудихся дозѣла, помянухъ же тотъ случай бити мнѣ Божіе наказаніе, грѣховъ ради моихъ множества. И положивше на себѣ знаменіе крестное, вздохнувъ ко Творцу моему, молящи Его, да мя сохранитъ отъ всякаго зла, и облегохъ, обаче не могохъ спати, помисловъ ради многихъ и страха, слишахъ бо множество по лѣсу бѣгающихъ и віющихъ волковъ, и молихъ Владику и Творца моего, да не оставитъ мя наглою погибнути смертію. Таже услишавши мало псовъ лающія далече, воставъ отъ каменнаго ложа и сотворши крестное знаменіе на челѣ моемъ и моленіе къ Богу, да мя сохранитъ отъ всякаго зла, пойдохъ, ищущи пути съ слишаніемъ гласа псовъ, обрѣтше же, Богу мя наставляющу, путъ, идохъ чрезъ всю нощъ и уже окончевающейся нощи и начинающуся дневи (прійдохъ) къ нѣкоему селу и уснувши мало отъ труда, тамо раздранніе на мнѣ сандалія повергохъ и взяхъ на нозѣ новіе, понеже имѣхъ, пойдохъ самъ въ пятокъ Октоврія 1, испросивше людій о показаніе пути, и Господу себѣ поручивши, идохъ же весъ денъ и скоро и добрѣ, безъ блужденія, Богомъ наставляемъ; и уклонившуся солнцу на западъ, прійдохъ къ нѣкоей гостинници, при пути близъ моря стоящой; тамо економъ инокъ началствуяй, пріятъ мя добрѣ, и преноцевахъ. Оттуду заутра въ суботу, Октоврія 2, пойдохъ предъ восхожденіемъ слонца и шествовахъ яко до полудни добрѣ, таже погубихъ путъ и зайдохъ въ дубравы густіе и въ вертепи непроходиміе, плача и сѣтуя и молихъ Господа Бога, да дастъ ми кого отъ человѣкъ обрѣсти, да быхъ возмоглъ вопросити о пути. И тако ми блуждающу на многъ часъ, обрѣтохъ двохъ человѣковъ, христіаниновъ, ходящихъ съ оружіемъ по пустини. тіи узрѣвше мя не у еще ми

вопрошающу ихъ о пути, они мя первѣе вопросиша грознимъ гласомъ: откуду есмь и иду камо? Та вся ми добрѣ отрекшу и немного глаголствующу съ ними, познахъ бо отъ очесъ человѣковъ лукавихъ суще, молихъ ихъ, да ми покажутъ путъ къ Горѣ Святой, они же требоваху златици отъ мене за показаніе пути, азъ отрекохъ имъ, не токмо златици, но ниже дробнихъ денегъ что либо имамъ, понеже есть человѣкъ странній, нищь и убогъ, путшествуя Христа ради о единомъ хлѣбѣ и водѣ, ни денги собирая, но посѣщая Святія Мѣста. Они же не вѣроваху словесемъ моимъ, но требоваху, да что нибудь денегъ мало дамъ имъ; азъ же обѣщахся дати имъ едину пару Турецкую, точію да покажутъ ми первѣе путъ. Они же всячески мя понуждаху, да первѣе дамъ обѣщанное. Имѣхъ же азъ особно сокровенну пару едину токмо, и иземше ю отъ мѣста дахъ имъ, они же хотяху болѣе, азъ глаголахъ имъ, яко не имамъ, друзи, болѣе, они же начаху мя трусити и искати повсюду, обаче не обрѣтоша ничтоже въ мене, кромѣ единаго ножа и мало сухарцовъ, ихъ же носихъ при себѣ, не брахъ бо ничтоже съ собою, но оставихъ вся въ Солунѣ градѣ, слишахъ бо еще прежде о разбойницѣхъ, аще бо имѣхъ нѣчто отъ денегъ, обаче добрѣ сокрихъ, ихъ же не обрѣтоша, Богу мя сохраняющу; ризи же на мнѣ худи бяху, ихъ же развѣ назъ взяти бы дерзнулъ. Таже возсміявшеся ми и пути не показаша и оставиша мя тамо, отшедше во своясы; азъ же тогда въ велицей печали и радости бивши, въ печали, яко безъпутенъ, въ радости, яко свободенъ отъ рукъ разбойникъ. Воздхнувъ отъ всего сердца къ Богу, благодарящи Его, яко убѣгохъ бѣдъ храненіемъ сили Его, таже пойдохъ съ висоти горъ на низъ къ мору, хотящи брегомъ дойти, видѣхъ бо издалече Аѳонъ гору, понеже естъ зѣло ви-

сока, обаче пути не обрѣтохъ пройти къ ней, шествовахъ же брегомъ морскимъ, идѣже аще мощно бяше, а индѣже ни, то паки возлазяхъ на гору и паки низъ пущахся, и тако ми тогда весъ денъ мучащуся и не токмо уже вторіи сандалія, но и одежду пораздиравшу, еще же и руцѣ и нозѣ, помежду древеси и каменія лазящу, поразившу, и алчну и жаждну дозѣла бившу, благодарихъ Бога моего за вся мнѣ отъ него биваемая. Таже, уже приходящу слонцу на западъ, обрѣтохъ единаго инока на брезѣ морскомъ сидяща и ловяща удицею рыби, иже не отъ среди Святія Гори изійде, но живяше на виноградѣхъ, внѣ монастирей. Той привѣствова мя любезнѣ и азъ его. Вопросивше мя, откуду есмь, что и како, и увѣдавши о всей приключившейся на пути нуждѣ моей, любовію и страннолюбіемъ возгорѣся къ мнѣ и взятъ мя отъ брега морскаго и поведе на гору, идѣже обиташе съ прочіими законики, и приведя мя въ келію и повѣда прочіимъ законикомъ, кто есмь и вся прилучшася на пути, и вси пріяша мя благодарственно и посадиша мя въкупѣ съ собою на трапезу и учредиша доволно, любящи мя, яко странна. Таможде обрѣтохъ единаго человѣка отъ своея страни, иже радъ бысть мнѣ зѣло. Тамо препочихъ три дны, понеже мѣсто красное, и церковь святаго Василія лѣпа, и виноградовъ премного, и ясти и пити что обрѣтохъ и людей добрихъ; тамо уже начинается зватися Святая Гора Аѳонская, понеже тамо верху гори естъ поставленній крестъ, да разумѣется граница начинающаяся входа Гори Аѳонскія, уже бо оттуду и монастири недалече отстоять. Сотворши убо азъ тамо доброе тамо препочиваніе чрезъ три дни утружденнимъ и болѣзненнимъ ногамъ моимъ, умислихъ и обѣщахся предъ Господемъ вся тамо святія монастири обрѣтающіяся посѣтити. Суть же тамо всѣхъ монастирей,

якоже прежде слышахъ, послѣди же самъ видѣхъ, 20, кромѣ скитовъ, ихъ же суть множество.

Краткое описаніе горы Аѳтонскія.

Гора Аѳтонская есть великая и висока, велику пустиню и непроходиміе вертепи въ себѣ имущая; есть же продолженна, и монастири не на верху, но нанизу по-над-моремъ стоятъ, десять отъ страни восточнія, и другія десять отъ западнія. Оная гора отъ моря зрится бити аки островъ, понеже узокъ иматъ приходъ отъ земля, и едва не окресть обходитъ море. Отъ страни морской ея есть глава и чело, понеже наивисочайшая тамо верху инныхъ горъ. Гора стоитъ всегда темними покривается облаки, именуемая гречески (Ἄθως) еже именуютъ славяне *Аѳонъ,* сице проименованная, якоже слышахъ достовѣрнѣ, отъ единого идола, тамо иногда стоящаго на версѣ, емуже имя бяше *Аѳосъ* и емуже еще въ ветхіе времена покланяхуся Еллины. Тамо егда населишася иноки, опровергоша его въ море, и на мѣстѣ ономъ создаша храмъ Преображенія Господня приличнѣ на горѣ *Ѳаворстѣ* показавшаго славу свою, иже и доселѣ стоитъ, обаче тамо никто не живетъ хладовъ ради превеликихъ и непостоянныхъ стихій, но точію единощи въ годъ, мѣсяця Августа, въ праздникъ Преображенія Господня восходятъ тамо иноцы и сотворяютъ святую литургію и абіе скоро восходятъ низу, да не како поразятся вѣтромъ хладнимъ и воздухомъ чуждымъ. Понеже тамо страна есть тепла, и повсюду низу горы, во монастырехъ, найпаче въ время лѣтное, горячесть превеликая, точію тамо горѣ *Аѳона* иная стихія. Отъ того древняго идола *Аѳона* наречеся и гора *Аѳонская.* И тако мнѣ умисливщу всѣ тамо святіи посѣтити

монастыри, начахъ ходити чинно первѣе по странѣ восточной.

Описаніе монастыремъ,

отъ странны восточной стоящихъ, кромѣ сего, иже стоятъ на западной.

Вшедшу уже мнѣ внутрь саміясвятыя горы Аѳонскыя, прійдохь къ первому монастиру Болгарскому, Октоврія 5 числа.

1 Монастиръ Ізографъ именуется.

Иже стоитъ далече отъ моря, между горами и пустинею, на мѣстѣ високомъ и красномъ лѣпо устроенный. Тамо азъ пришедши, видѣхъ врата и предвратіе честно созданніе и иконами Святихъ списанніе, и не зная чина и обикновенія Святогорскаго, коснухъся внійти въ врата, но абіе воспяти мя единъ отъ иноковъ, иже бысть вратарь. Той, видѣвь мя по иночески одѣянна, разумѣвъ быти инока Святогорска,—азъ же не въ инока облекохся, но въ подобіе и въ сѣнь его, ибо не инокъ правиломъ и житіемъ, но точію черноризецъ сотворихся не чуждима, но своима рукама самъ себѣ чернія наложивь ризы, се же сотворихъ еще въ панствѣ Венецкомъ, на островѣ морскомъ, зовомомъ Кефалонѣя (о ней же прежде рѣхъ), по совѣту многихъ тамошнихъ иноковь и священниковь и нѣкіихь благоразумнихь людей, и по изволенію преставлшагося спутника моего іеромонаха Рувима того ради, да не разлученъ буду спутшествующимъ, и да лучшое и свободнѣйшое имамъ путешествіе найпаче въ странахъ Турецкихъ. Аще бо и прежде черніе ношахъ ризи, путьшествуяй къ Риму и возвращаяйся даже до Венеціи, обаче по чину пелгримовъ Римскихъ, иже сице одѣваются: черна риза опоясанна, круцификсъ или кресть повишенній на персехъ.

жезлъ въ рукахъ великій, яко едва моіцно носити, плащъ краткій верху плечей, тиквица при поясѣ водоношенія дѣля, капелюшъ на главѣ, вся одежда черна, кромѣ же того еще и торбица, и та черна, въ ней же потребная носить. Аще же азъ вся та еще въ Венеціи оставихь, егда случихся съ инокомь, точію единь капелюшь ношахь на главѣ моей, обаче мнози отъ Грековъ познаваху бити пелгрима Римска и усумнѣвахуся ми, дабимь ихь добрѣ содержаль вѣру, аще мя слишаху поюща и чтуща въ служеніи литургій съ инокомъ моимь, обаче не вѣроваху, мняще мя въ путешествіи изучитися, и того ради малу милостину являху; Грекы бо зѣло ненавидятъ Рима и послушающихъ его; ненавидяху же мя частѣ отъ капелюша, найпаче же отъ язика Римскаго, понеже еще тогда незнаяхь Гречески, точію разглаголствовахь или Римски, си естъ Італьянскимъ, или Латинскимь нарѣчіемь, ибо Римляне, Італьяне или Венецѣяне себѣ подобнимъ разглаголствуютъ языкомь, мало въ чемъ разнящеся. Тогда азъ ничтоже болѣе премѣнихь, точію капелюшъ на подкапокь, клобука же не носихь, понеже тамо таковъ обичай всѣхь иноковь. Тамо мя въ первомь монастирѣ покушающася ити въ врата, стражь вратный, разумѣвъ бити инока, и рече: отъ коего ти еси монастиря, яко не знаеши чина иноческаго? Азъ же отрекохь: прости ми, отче святій, странень есмь и не вѣдяхь вашего обикновенія. Повелѣ же мнѣ пождати внѣ монастиря, самъ пойде возвѣсти игумену, кто есмь и откуду. И по благословенію его повелѣ ми внійти, и рече ми, яко сей есть чинь и обичай въ всѣхь монастирехь Святыя Гори, да якоже видишъ въ первомь, тако и въ послѣднемь. Похваляю же азъ сіе, яко безъ позволенія игумена, никтоже вьходить вьнутрь монастиря. Тамо вшедшу, пойдохь первѣе вь святую церковь, и воздахь должное по-

клоненіе честнимъ иконамъ. Таже изшедши изъ церкви, видѣхъ игумена и братію, отъ ихъ же кійждо свое творяше послушаніе, и сотворихъ метаніе. Повелѣ же мя игумень звати въ трапезу, и представиша трапезу, сьчевицу варену, сиръ, хлѣбъ, и мѣру вина, и ядохъ и наситихся, и благодарихъ Бога. Замедлѣхъ тамо два дны, и разсмотрѣхъ лѣпоту монастиря и чинъ церковній. Востають на утреню въ полуноци, отправляють по волѣ съ чтеніями по первой каѳизмѣ и по шестой пѣснѣ канона. Канонъ поють, а не чтуть, якоже въ насъ, Псалтиръ чтуть на странѣ, а не посредѣ церкве. Егда начнеть чести Ексапсалми, згашають свѣщи и паки, кончащимся, засвѣщають на „Богъ Господъ". Полунощницу, девятій часъ и павечерню чтуть въ притворѣ, прочая же вся внутрь церкве. Литургія не на всякъ день биваеть, токмо часи. По утрени расходятся по келіямъ на правило. Наченшуся дню, исходять всякъ на повелѣнное себѣ послушаніе. Предъ полуднемъ чтуть часи. По окончаніи часовъ заразъ входять изъ церкве въ трапезу. На трапезѣ чтенія не чтуть по вся дни, кромѣ неделѣ и праздника, понеже вичитують на утрени. По трапезѣ расходятся на послушаніе, — паки снисходятся на вечерню. По вечернѣ идуть въ трапезу, кто хощеть, понеже не вси два рази ядять. По трапезѣ въ церковь на павечерницу. По павечерници кійждо въ свою келію, да что хощеть творить. Въ трапезѣ рано точію дается едино вареніе, въ вечерь же сухояденіе; вино поставляется въ неделю, въ второкъ, четвертокъ и суботу. Въ прочія же дны вода.

Лѣпота монастиря того есть такова: стоитъ между горами въ великой пустпни, при водѣ здравой, расположеній на четири углы, въ немъ же чинно и лѣпо келіи устроенніе, едни на другихъ даже до тріехъ степеней

високо стоящіе. Всякъ единь особно свою имать келію. Церковь началная посредѣ монастиря отъ камене лѣпо устроенна. Глави покровенни иматъ цѣнію. Внутрь же вся иконописанна притчами евангелскими и иконами Святихъ, лампадами, свѣщами и панѣкадилами лѣпо устроенна. Низу дсками великими мраморними усланна. Сутъ тамо двѣ икони святаго Георгія: една по мору дойде, вторая изобразися на платнѣ еще прежде строенія церквы. Той образъ зовется Ізографъ, си есть, самописецъ,—отъ того и монастирь, созданній въ имя его, речется Ізографъ. Кромѣ же тоея началнія церкве и инія малія помежду келіями имать лѣпо строеніе и иконописанніе, и трапезу такожде имать лѣпу, внутрь исписанну иконами святихь. Внѣ церкве особнѣ имать каплицу, создану отъ камене, и чаша посредѣ велика, отъ мрамора изсѣченна, водосвятія ради. (Стоитъ же сей монастиръ на западней странѣ горы, и въ немъ обитаютъ Болгары) [1], а не (Греки) и Болгарское творять пѣніе же и чтеніе. Тамо азъ пребихь два дны и пойдохъ къ монастиру иному. Той наречеся Изографъ, отъ икони святаго Георгія, яко самъ тамо изобразися.

Монастиръ вторій, Хиландаръ зовомій.

Между горами низу, недалече отъ моря, яко полчаса отстоящій имущій въ себѣ иноковъ Сербскаго язика. Той зѣло множае строеніемъ и лѣпотою превосходить перваго, найпаче преизбранной ради своей церкви. Тамо бо похваляхь, здѣ же чуждуся. Тая обителъ именуется царствующая или Лавра Сербская, понеже царей Сербскихъ строеніе есть. Аще же монастирь и низу стоить

[1] Слова въ скобкахъ въ подлинникѣ стерлись, а потому заимствованы изъ другихъ списковъ.

обаче церковь на високомь фундаментѣ, въ нюже степенми входити требѣ. Внутрь иматъ четири столпи мраморніе великіе, и вь папертѣхъ двохъ по два, вся же иконописанна лѣпо дѣломь царскимь отъ глави даже до подножія. Подножіе все насажденно мрамори различними, искуснимь художествомь, лѣпіе пестроти показующое; чистое же, яко зерцало, яко съ жалѣніемь и хожденіе по немь. Свѣщами и кандилами далече краснѣйше устроенно тамо, нежели въ первомь монастирѣ. Келіи и тамо строенія единаковаго, токмо расположенія далече болшаго. Церковъ главъ много иматъ, и покровь ея весъ уже не отъ цѣни, но отъ нѣкоей руди, иже иматъ половину сребра, сотвореннії отъ нѣкоего пребогата ктитора, иже имѣяше во области своей таковое мѣсто, отъ негоже ископоваше ону руду. Той изятъ цѣновій покровъ, иже прежде бяше, и сотвори оній многоцѣнній или безцѣній. Отъ перваго же содѣлаша сосуди, потребніе въ монастирь, иже и доселѣ и обрѣтаются всѣ сосуди цѣновіе, маліе и великіе. Трапезу имать такожде прекрасну и велику, внутръ всю иконописанну лѣпими притчами и гисторіями, и отвнѣ такожде. Иматъ же всѣ столи отъ мрамора бѣла и чиста сѣченіе, еще отъ ветхихъ временъ, коштомь царей Сербскихь. Весъ монастиръ висланъ каменемь гладцѣ, воду иматъ текущую отъ горъ. Словомь рещи,—вся лѣпа, вся во всемь красна обителъ; но точію, Божіимь попущеніемъ, Богъ вѣстъ откуду, издалече въ горахъ, между лѣсомь, разжеся огнъ и несень силно шумнымь вѣтромь и испали многое мѣсто тамо лѣсовное, таже прійде и къ монастиру и сожже его до половини, кромѣ церкви. Того ради и братіи мало остася, яко разбѣгошася вь время падежа онаго; обаче, красоти ради его, паки начаху снисходитися. Иматъ части мо-

щей много, и кровь Христа Спасителя, якоже азъ самь чтохь напечатаное вь книзѣ Московской. Иматъ же много иконъ чудотворнихь Пресвятія Богородици, Троеручици образь, иже имать три руки изображенних. Бистъ бо отъ иконописца сь двѣма написанна, послѣди же и третая явися. Тамо азъ пребихь денъ единь и нощъ, и видѣхь чинъ единь тако вь церквѣ и вь трапезѣ, якоже и въ Болгарскомъ монастирѣ. Тамо пребывши денъ и нощъ, и видѣвши и слышавши многая, пойдохъ далѣй по ряду къ монастирю иному.

Монастиръ третій, Сименъ именуется,

якиби межи горь, якоже слишахъ истолкованіе отъ инока, понеже отъ всѣхь странъ горы, онъ же вь единомь удолѣ равномь стоитъ, на самомь брезѣ морскомь, егоже огради, и вратъ вь время вѣтра касается волна морская. Лѣпъ строеніемь церкви и келій, токмо маль и убогъ; обаче ничтоже отъ иних требуетъ, но доволень вь всемь кь препитанію и управленію своему, и трапеза такожде лѣпа, иконописанна вся внутрь. Столи же иматъ древяніе; иноковь имать мало, по силѣ своей. Сѣдить при водѣ здравой и сладкой, текущой отъ горъ; питается отъ моря, много ловящи животна, иматъ бо своя корабля и мрежа. Тамо азъ пришедши, идохь первѣе вь церковь, ей же храмь Вознесеніе Христово, и, сотворши свое путническое поклоненіе иконамь святимь званъ бихь абіе вь трапезу, понеже время прійде; и пойдохь, и снѣдохь вь славу Божію, и наситихся. Тамо обитаютъ икони Греческіе, и чтутъ своимь нарѣчіемь; чинь же единаковій, якоже и вь прочіих. Оттуду пойдохь кь монастиру инному.

Монастиръ четвертій, Ватопеть именуемій, первій ветхостію строенія.

Болшій отъ всѣхъ первихъ расположеніемъ, и красенъ строеніемъ. Церковъ началную иматъ велику и лѣпу, глави покровенны цѣнію суть, внутрь же вся иконописанна иконами Святихъ и исторіями, отъчасти же и мусіею упещренна, древнимъ дѣломъ, обаче искуснимъ. Храмъ Благовѣщенія естъ. Подножіе ея все мраморомъ различнимъ усланое, кандилами же и свѣщниками лѣпо устроенна. Чудесами прославляется многими, отъ ихъ же зде три токмо полагаю началнѣйшихъ иконъ чудотворнихъ Пресвятія Богородица. Первая чудотворная икона Пресвятія Богородицы стоитъ внутръ великія церкве на горнемъ сѣдалищи, зѣло ветха, но вся златомъ покровенна, кромѣ лицъ Ея и Христа Младенца, Егоже держитъ на рукахъ Своихъ, иже черни и поразсѣдахуся ветхости ради своей. Отъ той икони сотворися чудо таковое. Нашедшимъ тамо давнихъ времень нѣкіимъ разбойникомъ, и хотящи раззорити и разграбити оную обителъ, и разбѣгшимъ же инокомъ, кій камо можаше сокритися, единъ отъ нихъ, памятствуя и сожалѣваяся о иконѣ, да не како поругаются нечестивіи разбойницы, и текши воскорѣ внутрь олтаря церковна, похитивъ оную святую икону и свѣщу предъ ею велику горящую, и единъ кресть древяній, впусти та вся въ кладязъ, иже отъ давнихъ временъ бистъ тамо сотворенній внутрь церкве, предъ престоломъ, не почерпанія рады и питія, но освященія ради води на новь мѣсяцъ, якоже и нынѣ естъ тамо обичай,—въ всѣхъ бо монастирахъ суть святилницы, особно, внѣ церкве, отъ камене лѣпо строенніе. И егда разбѣгошася старцы, страха ради онихъ разбой-

никовь, и пребиваху вь иныхъ странахъ. Таже, по многихь временехь, паки помалу начаху собиратися, и та бистъ по откровенію Божію сь тоеюжде свѣщою горящою, ни мало незгорѣвшою, Богу тако чудодѣйствующу вь иконехъ святихъ, и прославиша вси иноцы Бога и Его Матеръ, и доселѣ прославляютъ. Вторая икона исписанна вь притворѣ, на каменной стѣнѣ церковной, о ней же сотворися таковое чудо. Единъ тамо отъ діяконовь младь помѣташе церковь, и егда утрудися, пойде кь трапезному, молящи его, да дастъ ему чашу испити вина. Трапезный, или не имѣяше времены, или иной ради коей вины, отрече. Оный разгнѣвася и пойде вь притворъ (мню, діаволомь подстрекаемь) и ставши предъ онимь образомь рече: азъ тебѣ служу всегда, очищающи и омѣтающи тебе всегда, ти же ми не даеши единой чаши вина,—и, похитивь ножъ, удари вь лице, и абіе изійде токъ крове бистрь и воскочи вь очеса онаго діякона, и ослѣпи его; и нападе страхъ нанъ великій, и паде полумертвь на землю, и воскрича гласомь великимь отъ болѣзни. И стекошася иноцы, и видѣвши таковое чудо, прославиша Божію Родителницу, вь иконѣ чудодѣйствуемую. Тойжде діяконъ до смерти живота своего, денъ и нощъ приходящи предъ оную икону, плакашеся и ридаше, кающися и просящи Владичицу, да отпуститъ ему согрѣшеніе. И близъ смерти, бистъ ему гласъ: отпущаюттися грѣси, токмо рука твоя, коснувшаяся сотворити сице, буди проклята. И егда оный діяконь по смерти погребеся, тѣло согны, рука же по лакотъ и доселѣ не согнила, суха и черна пребываеть, къ тому же и смердить, юже иноцы заключенну при образѣ держатъ, въ незабвенную памятъ онаго чудесе. На образѣ же и нынѣ рана сь кровію есть, юже азъ видѣхь самь, и лобизахь грѣшними моими устами. Третая икона Пресвя-

тія Богородици такожде на мурѣ написанна въ оной церквѣ подначалной. Тая возгласи по имени игумена, и премѣнися въ изображеніи своемь: взять бо Младенца Христа (Егоже держаше) за руку, и приложи къ устамь своимь, и доселѣ тамо стоить, чудесми и величанми усть чуждихъ прославляема. Тако и трапеза зѣло красна, внутрь вся иконописанна; столи же отъ мрамора бѣла, гладцѣ и лѣпотнѣ тесанніе. Тамо вода здрава, къ тому же изобилна. Иматъ своя корабля и мрежа и млинь, отъ потока горна мелющій. Тамо пребихъ денъ и нощъ. оттуду пойдохъ по ряду, чрезъ гори, лѣсъ и долини, къ монастиру инному.

Монастирь пятій, Пандократоръ,

си есть Вседержителъ, рекомій сице отъ храма Преображенія Господня. Той монастиръ, аще и не тако великъ есть строеніемь, якоже прочіи, но и не малъ, обаче лѣпотенъ строеніемь, якоже и иніи. Стоитъ прекрасно надъ самимь моремь, на единомъ обширномь холмѣ каменномь, или, простѣ рекши, на скалѣ, въ нюже море біеть силно вь время вѣтра, обаче монастира не вредитъ ничтоже. Имать церковь прекрасну, покровенну цѣнію, посланну мраморемь различнимь, внутрь иконописанну, трапезу же убогу и пристарѣлу, очернену, сь столи древянимп. Имать своя корабля и мрежа и странноприіемницу красну и воду здраву, текущую отъ горь. Чудеснаго тамо не видѣхь ничтоже. Оттуду по пренощеваніи пойдохь паки горами и пустинею къ монастиру инному.

Монастирь шестій, Ставроникита проименованный,

стоитъ на таковомь же мѣстѣ, яко и пятій (Пандократора), си есть, низко подъ горами надъ самимь моремь, на единомь каменномь холмѣ устроенній. Подобитъ вь строеніи прочіимь, токмо малѣйшій отъ всѣхь преждниxь, и церковь такожде малу иматъ, обаче строеніемь и лѣпотою красну. Трапезу иматъ убогу и малу сь столи древяними Иматъ воду здраву, текущую. Монастирецъ оній тако отъвнѣ, яко и отъвнутрь естъ красенъ, токмо убогь, и братіи мало, обаче иматъ вся доволна кь кормленію. Откуду наречеся Ставроникита? Имя сіе есть сложено отъ двоихь словесъ: отъ единаго *ставро* и втораго *Никита.* Ставросъ есть слово Греческое, Русски толкуется кресть; Никита же имя бистъ единому пустинножителю, иже тамо прежде даже монастирь не бистъ, жителствоваше и дѣлаше крести. Того ради отъ дѣланія крестовь проименованъ бистъ оній пустинникь Ставроникита, си естъ Крестоникита. Тамо, на мѣстѣ ономь, егда и монастирь создася, сице наречеся. Монастирецъ оній уже вторицею воздвигнуся по раззореніи своемь огненномь. Храмь тамо первѣе бистъ Святаго Іоанна Предитечи, нынѣ же Святителя Христова Николая. Чесо ради? По запустѣніи онаго монастира (якоже слишахь), пришедшимь уже лѣтомь многіимь, единъ изь патріярхъ Цариградскій припли вь Святую Гору, посѣщенія ради, и егда прійде на оное мѣсто, на немъ же точію едина висока вежа стояше, та невреждена огнемь, — возлюбися оному патріярсѣ мѣсто то, ловленія ради рибъ, и повелѣ вергти тамо мрежу. Сотворшіи убо повелѣнное, извлекоша рибъ множество и икону невелику, яко на лакотъ, на дсцѣ древяной изображенну. Бистъ же образъ Святителя

Христова Николая, его же лице покровенно бистъ маргаритною кожею, си есть, простѣ рекши, перловою матицею, вь ней же они родятся. Се же сотворися сице Промысломь Божіимь, да невредимо будетъ лице святія икони. Видѣвъ же ю патріярхъ сице покровенну морскою чашею, повелѣ отодрати силою, понеже держашеся крѣпко, акиби пригвожденна, и егда отверзоша, видѣша лице святія икони лѣпо изображенно, и язву аки сь кровію, червленну имущое, нѣкіимь орудіемъ желѣзнимь разсѣченну. Узрѣвъ же патріярхъ и вси съ нимъ присутствующіи таковое чудо, прославиша всемогущаго Бога и дивнаго вь святихь Чудотворца *Николая*. И рече патріярхъ, яко Божіе се изволеніе, еже сотворитися монастиру на мѣстѣ семъ въ имя Святителя Христова Николая. И созда монастиръ оній, аще и малъ, обаче лѣпь; чудотворную же оную икону, покривши златомь и драгими каменьми, поставиша одесную вь церквѣ, иже и доселѣ стоитъ чудесами прославляема. На маргаритной же оной чаши, яже бяше верху лица икони, изобразиша искуснимь ритимь художествомь панагію, съ нею же (якоже есть обичай) иноцы по трапезѣ творятъ трисвятое даже и доселѣ, незабвеннаго ради чудесе, яже вся та видѣхъ и лобизахъ азъ грѣшній. Се чудесно воистину, яко язва оная, яже на иконѣ, червленна съ кровію, акиби вь живомь тѣлѣ, къ тому и благоухаетъ. Образъ оній ветхій зѣло, повѣтствуютъ, понеже уразумѣся отъ числа иконописцева, въ кое время содѣла его. О язвѣ же, откуду взяся сице глаголютъ: яко вь время иконоборства, егда многи восташа еретици, иже не хотяху поклонятися иконамъ святымь, въ той часъ единь отъ еретиковь, ругающися, удари нѣкіимь орудіемь желѣзнимь и верже вь море. Се же мнятъ бити творимое вь Цариградѣ, понеже тамо найболше биваше

ереси; обаче Божіими судбами какову прейде глубину и широту морскую, и обрѣтеся вь Святой Горѣ, яже отъ Цариграда отстоитъ пятію сотъ милъ. Но да вѣси, читателю тщаливій, каковаго неоцѣненнаго дѣла естъ оная икона: не бо писана цвѣтами и колорами, якоже нинѣ творятъ иконописци, но вся драгими и дробными каменцами искусно истканна и насажденна, меншими пшеничнаго зерна, сице гладко и лѣпо, яко, не присмотрѣвшися, нѣстъ мощно познати, писана ли или ни. О премудрости и тщанія древнихь иконописцевь! ихь же нѣстъ мощно обрѣсти вь нинѣшніе времена. Сего ради монастирецъ оній, аще естъ и малъ строеніемь и славою и богатствомь убогъ, обаче повѣстію своею и оною чудотворною иконою естъ великь. Тамо азъ пребыхь денъ единъ и нощъ и оттуду пойдохь въ висоту гори къ монастиру иному.

Монастирь седмый Котлумушъ.

Оный монастиръ естъ красенъ отвнѣ и отвнутръ, стоитъ близу базара яко за полъпоприща, отъ моря далече и високо, яко въ полъгори, иматъ церковь лѣпу и пространну, внутръ всю иконописанну, сь подножіемь мраморнимъ, пестротами устроеннимь. Глави ея покровенни цѣнію. Трапезу иматъ високо стоящую между келіями, внутрь всю иконописанну, въ ней же столи началнѣйшіе мраморніе, послѣдніе же древяніе, обаче чинно устроенніе. Монастирь оній нѣстъ сице славенъ и богатъ, якоже прочіи началнѣйшіи, обаче иноковь иматъ многа и вся на потребу доволна. Сѣдить при водѣ здравой, между лѣсомь великимъ, каштановое древо имущимь. Тамо азъ замедлѣхь денъ и нощъ, и пойдохь паки низу гори ко монастиру иному.

Монастиръ осмый Іверъ.

Оный монастирь сице назвася отъ ктиторей и создателей своихъ, иже бяху отъ земли Іверскія; красенъ же строеніемь и богатъ. Сѣдить близъ моря, на брезѣ, между високими горами; имать церковь прекрасную, отъ камене созданную, покровенну цѣнію, внутрь же иконописанну честно иконами святихъ, отъ притчей евангелскихъ, поликандилами, иконостасемь и лампадами устроенна лѣпо. Подножіе ея отъ мраморей различныхъ цвѣтно и красно усланное, имать же въ единомь церковномь углѣ часовникъ, лѣпо содѣланній, сь четвероогласнимы квадранси, доброгласенъ и сладко слишателенъ всѣмь. Монастирь оній нѣстъ зѣло високь, токмо обширень. Имать же трапезу и прекрасну и пространну, внутрь всю иконописанну честно, столи же всѣ отъ камене мраморнаго, искусно и гладко тесанніе, имать. Есть же тамо и чудотворная икона Пресвятія Богородици, отъ Никеи вь время иконоборства приплившая, ей же возлюбися мѣсто при вратехъ монастирскихъ. Не хотяше бо вь великой церкви стояти, многажди исходяще оттуду. Таже единою и гласъ бистъ отъ нея сицевь: „что мя стужаете? не прійдохь, да мя стрежете, но да стрегу вы“. Отъ того часа иноцы не преносиша оттуду, но создаша при вратехъ церковку малу вь имя Ей, и нарекоша имя иконѣ той нарѣчіемь своимь Греческимь: Портаитиса (еже есть) вратарница, понеже при вратехь себѣ возлюби мѣсто. Есть же еще тамо вторій образъ Господа нашего Іисуса Христа, такожде чудотворній, его же глаголютъ истинную мѣру и изображеніе быти, якоже вь мирѣ бяше. Тамо азъ пребивахъ денъ единь и нощей двѣ, и пойдохъ оттуду чрезъ великіе гори и долини къ монастиру иному.

Монастиръ девятій Филоѳей.

Монастирь оній стоитъ далече отъ моря, на високомь мѣстѣ, яко въ полъгоры, на мѣстѣ прекрасномь и равномь, подъ горами високими; расположенія подобнаго сь прочіими, токмо меншаго. Високости мѣрной, понеже до тріехь степеней кели, едини верху другихь устроенніе. Церковь имать простаго строенія отъ камене проста, отъ мрамора ничтоже тамо, и иконописанна неискусно. Покровъ ея каменній, а не якоже вь прочіихь цѣновій. Монастирь оній есть убогь, и иноковь иматъ мало, обаче питается доволно, понеже сѣдитъ на равной и мягкой земли, при водѣ же зѣло здравой и изобилной, непрестанно потокомь великимь, аки рѣчица, текущой; на ней поставленную имутъ мелницу, отъ нея же приобрѣтаютъ ничто користи; прочее же отъ оградини питаются. Тамо пришедши азъ въ суботу вь вечерь, и токмо пренощевахь. Заутра же вь неделю пойдохъ рано кь монастиру иному на службу Божию, понеже бистъ недалече.

Монастиръ десятый, Каракалъ.

Той стоитъ еще подъ вишшими горами, близъ *Аѳона*, недалече отъ моря, яко за поприще едино; аще и маль, обаче лѣпотенъ строеніемь тако отвнѣ, яко отвнутръ; и церковь иматъ такожде малу, токмо красну и расположеніемь, и зданіемь, и иконописаніемь, кандилами же и свѣщами честно устроенну. Глави ея цѣнію покровенни, и подножіе мраморное гладкое, сь пестротами. Монастирь оній долготою и широтою малъ, висотою же мѣренъ. Иноковь имать мало, обаче вь всякой потребѣ ненуждень, иматъ бо своя корабля и мрежа и прочая при-

битки, ими же питается. Оттуду тогожде дне, по трапезѣ, пойдохъ на нощъ къ монастиру иному. Се же того ради незамедлѣвахъ нигдѣ, скорѣйшаго ради обхожденія всѣхъ монастирей, понеже не во время пріидохъ въ Святую Гору, уже бившу тогда мѣсяцю Октоврію. Бистъ же тогда осенъ и бояхся, да некако ускоритъ зима и не укончу посѣщенія всѣхъ монастирей. Зима тамо такожде велика есть, найпаче ядовитіе вѣтри отъ верху *Аѳона* исходятъ, и невозможно путшествовати боязни ради повражденія.

Монастиръ единадесятый Лавра.

Монастиръ той стоитъ въ самомъ конци гори Святой, подъ самимъ онимъ превисокимъ Аѳономъ (о немъ же прежде рекохъ), на равномъ и прекрасномъ мѣстѣ, уединенъ далече отъ всѣхъ монастирей, отъ брега висока, яко за поприще едино. Расположеніемъ и строеніемъ и величествомъ похвали достоинъ тако внутрь, яко и внѣ. Тамо посредѣ монастира сутъ двѣ церкви великіе, съ главами, покровенними цѣнію, и съ подъножіемъ мраморнимъ цвѣторазличнимъ, съ иконописаніемъ же лѣпотнимъ, и устроеніемъ кандилнимъ, и всякою лѣпотою удовлетворенны. Трапеза такоже и велика и красна зѣло, въ ней же столи отъ мрамора бѣла, гладкимъ и искуснимъ художествомъ изсѣченніе. Сѣдить при водѣ здравой, текущой изобилно отъ спуда Аѳона. Иматъ братій зѣло много, множае паче всѣхъ монастирей. Есть бо монастиръ оній славою и честію, и богатствомъ и первенствомъ вся превосходящій, и акиби главою естъ въ Горѣ Святой, понеже никаковій соборъ, ни судъ, ни что либо ино безъ его повелѣнія биваетъ. Обителъ она много содержитъ мѣста. Ни въ чемъ естъ

оскудна, но вь всемь изобилна, тако вь пѣнязехь, яко и вь прочіихь прибиткахъ. Оттуду пойдохь округь онаго Аѳона, порядy, уже завращающися на страну западную Гори Святой. Идохь же три дни зѣло нужднымь, жестокимь и прискорбнимь, отчасти же и ужаснимь путемь, по сухомь и остромь камени, помежду не проходими вертепами и не обрѣтохъ ни единаго монастира, токмо все пустинножителѣ, скитающися вь горахь и вертепахъ, инни же вь пещерахъ. Аще же и при всякомь монастирѣ сутъ много скитовь, обаче нѣ сутъ иноки толъ жестокаго житія, якоже тамо сутъ двѣ мѣста, на нихь же обитаютъ оніе уединенніе пустинницѣ. 1) мѣсто именуется Капсокави; оное мѣсто естъ сухо и голо, и знойно вь лѣтѣ дозѣла. Тамо иноцы особнѣ единъ отъ другаго живутъ, и всякь вь своей келіи имутъ церковцу малу моленія ради особнѣе, едину велику общую, въ ней же вси сошедшеся, вь неделю и праздники, творятъ бденіе. Тамо ничтоже имутъ, ни ограда, ни сада, кромѣ древа лѣсоваго, и то мало, тако бо изволиша нуждно тамо сѣдѣти, прискорбнаго Христа ради житія. Устроиша келіи на единомь сухомъ камени, надъ крутими и ужасними провалинами, помежду скалами, по надъ моремь стоящими, подобнѣ яко птенцы гнѣзда своя. Питаютъжеся единимь рукодѣліемь, ово крести, ово ложици дѣлающе. Тамо бихь у единаго монаха стара, перваго между ними, и нощевахь у него, ему имя Акакій, той прославляемь есть отъ всѣхь вь Святой Горѣ, богоугоднаго ради своего житія, и естъ первій между всѣми, скитающимися тамо. Слишахь же, яко имѣеть даръ Духа Свята прозорливости. Второе мѣсто именуется Святыя Анни. Тамо скитовь четпредесятъ вькупѣ, въ них же по два или три старци обитаютъ, всякь свое творяй рукодѣліе, отъ него же питается продающие; не мо-

жетъ бо тамо безъ рукодѣлія сѣдити, понеже нѣстъ ни мало мягкой земли на сажденіе лозъ, или на всѣваніе зерна. Токмо шафрань сѣютъ, мало гдѣ изобрѣтши земли. Скали же тамо великіе и остріе. Путъ же прискорбенъ тамо отвсюду, и чудесно строеніе келій въ подобіе ластовичихъ гнѣздъ, идѣже отнюдь неудобъ мнятъ поставитися келіямъ, обаче чудеснѣ (Богу ихъ вразумляющу) прилѣпляются чудеснѣ, гнѣздящеся, якоже рѣхъ, въ истинну въ подобіе ластовицъ. Имутъ же своего началнѣйшаго, его же послушаютъ. Имутъ же и соборную церковь, древню, въ имя Святія Богопраматере Анны, въ нюже въ недели и празники снисходятся вси. Тамо ми обичное сотворшу поклоненіе, (пойдохъ къ монастиру инному)[1].

Монастиръ дванадесятій, святаго Павла.

Именуется отъ создателя своего, святаго Павла Аѳонскаго; той стоитъ отъ моря, яко за полъпоприща, различенъ строеніемъ отъ всѣхъ прежднихъ. Стоитъ подъ самимъ Аѳономъ, отъ страни западной, низу, устроенъ чудеснѣ на острой скалѣ, юже несоглаждающе въ стѣну вьмороваху. Сьдѣланъ въ подобіе единой вежи узкимъ дѣломъ, обаче зѣло високимъ, яко даже до пяти степеней, едни на другихъ целіи стоятъ. Церковь, яже есть святаго Георгія, не иматъ главъ, но вся совокупленна вкупѣ съ келіями подъ единимъ покровомъ, обаче внутрь и строеніемъ, и иконописаніемъ лѣпа, найпаче же прекрасно свѣтилниками и полѣкандилами устроенна. И трапеза такожде лѣпа. Сѣдитъ при водѣ здравой и многой. Иматъ бо потокъ великъ и бистръ, текущъ съ

[1] Слова въ скобкахъ въ подлинникѣ стерлись, а потому заимствованы изъ другихъ списковъ.

подъ самаго спуда Аѳонскаго; при немъ же и мелницу сооружиша. Имать же своя корабля и мрежа. Обителъ изрядня строеніемь и необичнымь; токмо убога, и иноковъ зѣло имать мало. Иноци же сутъ язика Сербскаго. Тамо прискорбное отчасти житіе, понеже сѣдить между великимь яромь, подъ стѣною високой гори, на сухомь камени, и отъ лѣса, и отъ базара далече; обаче доброе мѣсто, аще кто хощетъ жити на уединеніи. Тамо пребыхъ денъ и полъ и пойдохь чрезъ великіи гори и яри, древа на себѣ великаго не имущими, токмо малое хврастіе и каменіе великое, и дойдохь кь монастиру иному.

Монастиръ третійнадесять, Діонисатъ.

И той также зовется отъ имени сооружителя своего; и той такожде високаго строенія и на високой острой каменной скалѣ стоитъ, якоже и святій Павелъ; токмо подъ нижшими горами и близъ моря, яко единощи вергнути каменемь. Расположенія ширшаго, и внутрь далече пространѣйшій и веселѣйшій. Церковь имать особнѣ раздѣленну, посредѣ монастира стоящу, ей же имя Іоанна Предитечи,—лѣпотна строеніемь и дѣломь, якоже и во прочіихь началнѣйшихь монастирехъ, си есть, сь столпы каменними и подножіемь мраморнимь, гладцѣ посланнимь. Свѣщами же и лампадами доволно украшенна, и иконописанна отъ верху до низу чисто, глави иматъ чино сьоруженніе, и покровь ея весъ цѣновь. Трапеза же толъ красна и строеніемь, и иконописаніемь, яко дивитися воистинну, яже аще би имѣла столи отъ камене сѣченніе, якоже вь прочіихь монастирехъ, превосходила би всѣхь лѣпотою и величествомь. Иноци тамо обитаютъ Греческіе, числа доволнаго. Чинъ церковній управляютъ добрѣ. Кормятся доволно, наи-

паче жо отъ моря, иматъ бо своя корабля и мрежа, и мелницу на водѣ текущой, подобнѣ, якоже и вь преждънемь. Стоитъ далече отъ лѣса и отъ базара, и трудное тамо путшествіе, обаче полезное кь спасенію. Тамо прійдохь съ вечера и пренощевахь. Таже заутра рано пойдохь паки тяжестнимь путемь по-надъ моремь, чрезъ високіе преходящи гори и сухіе, на нихь же мало гдѣ обрящеши великаго древа, токмо хврастіе мало, камене же много, и прійдохь кь монастиру иному, четвертомунадесятъ.

Монастиръ четвертійнадесятъ, Григоріу.

И той такожде именуется отъ своего ктитора. Сѣдитъ на самомь брезѣ морскомь при водѣ, малъ и низокь строеніемь храмь Святителя Христова Николая, неразлучень вькупѣ, но совокуплень, весъ бо монастирь подъ единимь покровомь каменнимъ, и сверху ничтоже не познавается, токмо, яко едина полата стоитъ. Внутрь же иматъ вся сокровенна. Церковь простаго строенія, обаче лѣпаго украшенія, и подножіе бѣло мраморное. Трапезу иматъ малу, съ столи древяними. Монастирь оній прежде бяше Болгарскій (якоже слишахь), сутъ бо тамо еще старіе и книги Болгарскіе. Таже по запустѣніи населишася Греки, иже и доселѣ обитаютъ. Монастирецъ оній маль и некрасень, иноковь же иматъ доволно, и питается добрѣ; иматъ же своя корабля и мрежа, Отъ лѣса стоитъ поблизу, отъ базара далече, яко четири часа хожденія иматъ. Сѣдитъ подъ горами високими, при водѣ здравой; чинъ свой управляетъ, якоже и прочіи. Тамо мало замедлѣхь, токмо сотворихь свое обичное путническое поклоненіе, и снѣвши трапезу, пойдохь паки по-надъ моремь, високимь и тяжестнимь пу-

темь, чрезъ гори, древесъ мало, токмо каменіе имущими, и прійдохь тогожде дне, уже заходящу слонцу, кь монастиру пятнадесятому.

Монастиръ пятійнадесять, Симопететра.

Оній монастирь зѣло удивительній и строеніемь, и мѣстомь, — яко не вѣмь, како тебѣ, (благій читателю), изобразити; многіи бо его видившіи (якоже слишахь) чудятся, како и каковимь образомь тамо устроися, и како держится. Мѣсто же его есть таково: холмь единь каменній, великій и високій, отлучно отъ горъ, зѣло високо отъ брега морскаго, подъ самимь верхемь горь стоящій, на немь же монастирь, подобнѣ яко и святый Павелъ, устроенны си есть, даже до пити степеней едини келіи верху другихь стоять, обаче основаніемь еще далече височайшій, и строеніемь чудеснѣйшій. Аще бо и той на остромь и високомь холмѣ каменномь стоитъ, но отъ единія страни придержится горою, понеже близъ гори стоитъ; тойже на уединенномь далече отъ горь, на единомь, зѣло високомь холмѣ каменномь, високо и кругло устроенній, аки едина нѣкая прекрасная вежа, или столпь стоить. Роги или угли онаго холма внутръ стѣнъ монастиръскихь умурованны, понеже не могоша его сравнити толъ високой махини; внутрь же монастиря и нинѣ подножіе не равно, но индѣ гори, индѣ же долини. Широтою есть узокь, якоже и холмь; егда же кто отъ верху високихъ келій низу смотритъ, тому душа униваеть отъ великой високости, понеже около онаго холма яри глубокіе, и отъ моря страна крута. Монастирь оній лѣпотень строеніемь отвнѣ и внутрь; целіи едини на другихь чинно устроенніе, иноковь имать доволно, сутъ же иноци Греческіе. Воду имать текущую издалече, отъ

верху горъ, по верху муровь кь монастиру, понеже монастирь не касается горь стѣною, того ради особнѣ содѣланніе мури отъ горь даже до монастира, прешествія ради воднаго. Церковь иматъ Рождество Христа Господа вкупѣ съ келіями съвокупленну, лѣпу, височайшую целій, ея же верхи цѣнію покровенни, и внутрь вся иконописанна сь подножіемь мраморнимь и со кандилнимь устроеніемь. И трапеза такожде красна и пространна. Обителъ красна и чудесна строеніемь, вь пищи доволна. Иматъ пристанище корабелное. Отъ лѣса недалече, отъ моря високо, отъ базари три часа. Тамо азъ замѣдлехь нощъ едину. Оттуду заутра пойдохь паки велики горами, обаче путемь равнимь и не толъ каменистимь. Таже съблудихь отъ пути, и пойдохь между великіе гори и вертепи, и чрезъ непроходимій предирахся лѣсъ, ктому ліяшеся дождь и многую претерпѣхь нужду и скорбъ даже до слезъ, омоченъ, отягченъ и утружденъ сій дозѣла, и ходяхь тако безпутенъ, яко три часа, воздихающи и молящися къ Богу, да мя наставитъ на путъ добрій. Таже обрѣтохь стезю велику и по малѣ пріидохь кь монастиру иному.

Монастиръ шестійнадесятъ, Ксеропотамъ.

Той монастиръ сѣдить на равномь и красномь мѣстѣ, подъ горами не великими, уже бо оттуду нижшіи начашася гори, отъ моря яко за поприще едино. Лѣсъ же всюду окресть великь, воду имать здраву, текущу оть горь. Строенія обширнаго, токмо низкаго. Церковь иматъ красну и строеніемь и иконописаніемъ, сь главами и покровь цѣновимь, и подножіемь бѣлимь мраморнимь, и трапезу такожде лѣпу и велику. Монастирь изряден, токмо отчасти убогь, питаетжеся нуждно, и

братіи иматъ мало. Иноки же тамо обитаютъ Греческіи.

Тамо азъ зѣло мало премедлѣхъ. Токмо бо пришедь, сотворихъ свое должное путническое вь церквѣ иконамь святимь поклоненіе, и снѣдши трапезу, пойдохъ далей. Бистъ бо денъ суботній, и недалече отстояше монастирь Русскій, и ускоряхь тамо прійти на вечерню, хотя послужити въ церквѣ, еже и бистъ тако.

Монастиръ седмійнадесять, святаго Пантелимона.

Пришедшу ми вь монастирь Рускій еще прежде вечерни, узрѣхъся сь иноки, отъ моея страни сущими, и привѣтвовахся съ ними, и рады бихомь другь другу, и пріяша мя сь любовію, яко странна, благодарствующе за толъ великія труди и за посѣщеніе, и молиша мя, да пребуду сь ними вкупѣ вь монастирѣ, или, аще ни, то поне замедлю нѣкое время. Азъ же любве ради ихь замедлѣхь тамо три дни, и ходяще по вся дни на правило церковное, поюще и чтуще сь ними вькупѣ, и доволни биша мною, и видѣхь чинъ ихь вь церквѣ и трапезѣ такожде, яко и въ прочіихь монастирехь Святогорскихъ, а не тако, якоже вся инако творятъ вь своей земли, на Руссіи. Чинь же ихь естъ таковь, якоже слишаль еси прежде вь монастирѣ первомь, Болгарскомь. Монастирь оній не великь, обаче лѣпотснь, якоже и прочіи, бяше строеніемь, нинѣ уже обѣтша, понеже много лѣтъ пусть стояше и не бяше даже доселѣ кому онаго снабдѣвати. Сѣдитъ же на мѣстѣ паче всѣхь монастирей краснѣйшомь и вишшомь, на самомь верху горь, на мѣстѣ равномь, на земли мягкой и плодоносной, камене неимущой, или зѣло мало. Токмо лѣсомь окружень великимь, въ немъ же древесь до избитка доволно и кь паленію и дѣланію ручному, найболше тѣхь,

иже плодь приносятъ кь яденію и иному употребленію, яко то древеса каштановіе, бобковіе и прочіи. Церковь тамо лѣпая, якоже и вь прочіихь монастирехь, си есть, верху покровь цѣновій иматъ, внутрь же подножіе мраморное сь пестротами, и иконописанна отъ глави до ногу, токмо зѣло ветха и поразсѣдася на многихь мѣстѣхъ, ктому же нѣстъ тако устроенна иконами, кандилами и лампадами, якоже индѣ; убога бо ѣстъ, и не иматъ что откуду взяти, и не обрѣтается ктиторь или досмотрителъ ея. Трапеза такожде и пространна и лѣпо внутрь списанна иконами Святихь. Воду иматъ сладку и здраву, текущую же и почерпателную. Словомь рещи, доволно изрядна и на красномь мѣстѣ стоящая обителъ, токмо зѣло нища и убога, яко едва сь нудею воскормляется. Аще бо и много иматъ землѣ подъ своею властію, и села имѣяше, якоже свѣдильствуютъ грамоти старинные, но нинѣ чужда рука владѣеть, понеже нѣстъ тамо кому простерти язика, ни рукь въ снабдѣваніе онихь добрь, строители бо или игумени все биша чужди, или отъ Грековь, или отъ Болгаровь, отъ Руси же ни единь бистъ (якоже слишахь); понеже тамо отъ Руси мало приходятъ, или аще и приходятъ поклоненія ради, то паки бѣжатъ воскорѣ, яко дивіе серны отъ тенета. И вѣру ми ими, истинну бо ти реку, благій читателю, яко наша Русъ не токмо тамо, ни вь коемь иномь Святія Гори монастирѣ не можетъ долго пребивати, развѣ кто подражаетъ Іовлему терпѣнію. Въ нашой бо странѣ иноки вь монастирехь аки святіе вь раю пребиваютъ, вь всякомъ доволствѣ и безмолвіи, не трудящеся ни о чемь, токмо своемь спасеніи, понеже тамо имутъ села и подданніе, иже вся потребная монастиревѣ содѣловаютъ. Въ Горѣ же Аѳонской ничтоже отъ сихь имущіи, въ рукахь Турецкихь суще, иноки труждаются денно и

нощно, работающе сь изліяніемь пота; днемь копающе землю, и творяще лозіе винограда, и вьсѣвающе зѣрно пшенично, имъ же питаются; нощію же труждаются о спасеніи своемь, — и того ради Россійщики бѣжатъ оттуду воскорѣ, яко ненавикоша труда земледѣлнаго. Тамо же инако жити не можетъ, понеже единѣмь трудомь и себе всяку требѣ удовлетворити, и отъ Турка откупитися, емуже многія даютъ денги, да не изгнанни будутъ, понеже тамо лѣпотою естъ инокомь райское жителство. Тамо вь монастирѣ Русскомь обрѣтохь тогда четири токмо, иже пребываютъ законники: два отъ Руси, а два отъ Болгаровь, и игумень Болгаринь бяше. Имутъ свою мелницу и нѣколико скитовь, отъ ихъ же мало користи взимають, и питаются, якоже могутъ и якоже ихь Господъ управляеть. Тамо азъ любве ради Русскихъ иноковь и сожалѣнія ради осиротѣлой, убогой обители, премедлихь три дни. Таже пойдохъ кь монастиру инному.

Монастиръ осмыйнадесятъ, Ксенофъ.

Той монастиръ сѣдитъ на самомь брезѣ, егоже вь время волненія касается вода морска. Строенія низкаго, подобнаго якоже и Рускій. Церковь иматъ лѣпу, съ многими главами, покровенними цѣнію, иконописанну внутрь красно, сь подножіемь мраморнимь, и трапезу лѣпу доволно. Сѣдитъ при криницѣ здравой, текущой отъ горь. Убогь едва не тако, яко и Руской. Иматъ своя кораблеця и мрежа, и мелницу при потоку водномь, отъ ихъ же мало користи взимають, проче отъ труда питаются. Монастирь оній прежде бяше Сербскій, нинѣ же сь Греки смѣсишася. Чтутъ же вь церкви весъ полъ и Гречески и Болгарски. Тамо

пребихъ полъ дня и нощъ. Оттуду пойдохъ къ монастиру иному, поряду.

Монастиръ девятыйнадесятъ, Дохіаріу.

Сице реченній отъ ктитора своего, той монастирь обширнаго и високаго строенія и лѣпаго. Церковь же височайша строеніемь и болша долготою, нѣстъ вь всей горѣ, якоже тамо. Многія же глави верху иматъ лѣпо устроенніе и гладцѣ покровенны цѣнію. Подножіе ея чисто и гладко отъ мраморними дсками усланное; притворь також де великій и лѣпій, якоже и церковъ. Вся же иконописанна честно, и кандилами и лампадами устроенна зѣло красно, яко услаждаетъ зрящаго зѣници, и воистину едва мало не соравняется сь Хиляндарскою. Симь токмо разнствуеть, ято тамо и покровь и подножіе неоцѣненно иматъ. Также и трапезу велику и изряднѣ иконописанну иматъ. Иноци тамо изобилни, чтутъ Гречески, чинь управляють лѣпо. Имѣють своя корабля и мрежа и всякое доволство. Монастирь оній и великь, и лѣпотень отвнѣ и отвнутрь строеніемь, и на веселомь мѣстѣ стоитъ, на единой равнинѣ, мало вишше брега, подъ горами красними, всякое древо имущими, при водѣ здравой и чудотворной (о ней же послѣди), отъ базаря два часи. Церковь, яже тамо естъ, именуется храмь Собора Святаго Архистратига Михаила и прочіихъ Силъ безплотнихь, ихь же чудесъ тамо иноки многа имутъ, якоже слишахь, и нѣкія отъ онихь здѣ въ изявленіе иним полагаю. Первое. Единъ юноша, послушникь сій монастирскій, нѣгдѣ, внѣ Гори Святія, на прибиткахь монастирскихь сѣдяше, стрегій я и копающу ему тамо землю, по Божію смотрѣнію, случися обрѣсти сокровище. Оній юноша, бивши вѣренъ слуга обители

святой, хотяй и усиновлитися тамо, дойде къ монастиру и возвѣсти игумену. Игуменъ, возвѣстивши братіи и избравши тріехъ отъ иноковъ началнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ, посла тамо, да ввемше привезутъ е вь монастирь. Иноки, вземше кораблъ, отплиша тамо, бяше бо на единомь островѣ, недалече отстоящомь отъ Гори Святія, и, дошедше тамо, обрѣтоша единь конобъ великь, полнъ злата, верху алабастровимь каменемь покровенъ; иземше же его отъ земля, вложиша вь кораблъ и отплиша вси, купно сь онимь юношою. Пловущимь же имь, древняя злоба діяволъ помрачи сердца иноковь тѣхь лакомствомь, и всѣя имь мислъ, да камень оній, имь же покровенъ бяше конобъ, оцѣпивше вервомь, и привязавше до шіи оному юноши, вергутъ и въ море; сами же, раздѣлившеся онимь златомь, и сокривше его, дойдутъ вь монастирь и рекутъ, яко солга оній юноша и сведе ни, и не вѣми, камо убѣже. Но слиши, благій читателю, каковое чудо сотворися. Вергшимь бо имь того послушника вь море, внезаапу невидимо предсташа два Ангела свѣтла, и взяша его, и принесоша, и поставиша внутрь церкве, яже въ монастирѣ, всего омоченна и сь каменемь, яже на шіи его. Дошедшимь же инокомь кь монастиру и рекшимь, яко написахъ прежде, и запрѣвшимся, еже не обрѣсти имь ничесоже, — явѣ показася ложъ ихь, егда изведенъ бистъ юноша отъ церкви вь видѣніе всѣмь и повѣда, якоже бистъ. И исповѣвши грѣхь свой, отдаша все злато, якоже обрѣтеся, и прославиша иноци Небеснія Сили, паче же Бога, и украсиша церковь и монастирь лѣпо; каменъ же той и доселѣ лежить вь олтарѣ. 2. Ищущимь тамо инокомъ, гдѣ би обрѣсти воду, питія ради, Ангель Господенъ во снѣ показа, и ископаша тамо кладязъ, отъ него же и доселѣ почерпаютъ воду здраву зѣло. 3. Пришедшимь

тамо Туркомь и хотящимъ плѣнити монастиръ, Архистратигъ Христовъ Михаилъ, явившися на кони, разгна ихъ съ многимъ гнѣвомъ, и тако спасе монастирь отъ напасти. Кромѣ же тѣхъ сутъ и прочая многая чудеса, обаче довлѣетъ о томъ, зане не книги и поученія зде пишу, но странствованіе свое. Тамо въ ономъ монастири пребывши азъ день и нощъ, прійдохъ ко монастиру иному.

Монастиръ двадесятій, Кастамонитъ.

Той наречеся сице отъ ктитора своего. Бистъ же ми въ обхожденіи Святія Гори послѣдній, понеже, якоже предъ рекохъ, двадесятъ суть монастирей тамо. Монастирь оній весма подобенъ строеніемъ Рускому, и церковію, и трапезою, и келіями, токмо мѣстомъ разнствуетъ, понеже стоитъ въ долини, низко, между горами окрестъ обстоящими, и между великимъ лѣсомъ каштановимъ, при водѣ сладкой и здравой, отъ горъ текущой, — отъ моря далече и отъ базаря такожде хожденія три часа. Иноковъ иматъ мало. Нѣстъ же въ нихъ ни кораблей, ни мрежей, токмо нѣколико скитовъ подъ властію, отъ ихъ же взимаютъ користи мало, прочее же питаются, дѣлающе землю. Здѣ буди благодареніе Богу яко по желанію моему дойдохъ и посѣтихъ вся монастири, иже сутъ въ Горѣ Аѳонской, Ему же отъ всѣхъ естъ честь и слава, нинѣ и всегда, и въ вѣки вѣковъ. Аминь.

Обшедшу ми и посѣтившу монастири, скити и вся мѣсца святіе въ Горѣ Аѳонской и хотящу паки возвратитися въ градъ *Солунь*, прослуся нѣякая вѣстъ, отъ Цари-града тамо пришедшая, коея ради возбраненъ пропускъ иноземцемъ бяше. Сего ради убояхся оттуду изійти, даби не въпалъ въ нѣкую напастъ, понеже въ

земли Турецкой латво о тое, къ тому же проявляхуся частѣ студеніе вѣтри и дождеве безгодніе, и приближашеся зима. Зима же тамо люта не тако, яко въ иныхь странахь. Сего ради удержахся тамо отъ Октоврія 1-го до 1-го Февруарія чрезъ зимное время, и пребивахь вь монастирѣ Рускомъ, церковнимь набоженствомь и послушаніемъ монастирскимъ упражняяся, даже до мѣсяца Февруарія. Разсмотрѣхь же вся чини, обикновенія и мѣста красоту Святой Гори Аѳонской, яже сутъ сія: Гора Аѳонская подобится нѣкоему панству невелику, въ ней же монастири началніе яко гради, а меншіе яко двори панскіе, скити же яко фолварки, иноки же, яко граждане. Величествомь есть въ долготу два дни хожденія, въ широту же единь денъ. Есть же тамо мѣсто посредѣ Гори, именуемое Карія, идѣже устроенне сутъ комори, купцевь ради тамо приходящихъ и своего ради продаянія нуждныхь вещей, понеже отъ града далече, и не исходятъ иноцы вь міръ, развѣ зѣло нуждной ради потреби. Сего ради приходять тамо купци и торговци сь различними товари. ово отъ острововь по мору, ово же отъ Селуня по земли, и собираются ярмарки трижди въ годъ, якоже слишахь, кромѣ инних торговь менших, иже на всяку суботу биваютъ; на него же егда снійдутся иноцы мнози, едино утѣшеніе сердечное и очесемь лѣпотное зрѣніе, найпаче иноземцу зрящу является. Понеже оное Богомь избранное стадо, аки нѣкій великь соборь, или процессія, едино умиленіе человѣку приносятъ, вси бо тамо, кромѣ приходящихь торговцевь, не токмо иноцы, но и мірскіе послушники черновласними одѣянны одеждами, съ преклоненними віями и лицемь смиреннимь другъ другу прекланяюще глави, съ всякимь любезнимь цѣлованіемь, съ тихостію и кротостію, не многоглаголюще, развѣ точію что нуждно, и то съ лю-

бовію и всякимь смиренномудріемъ. Наиболше въ нихъ слишится слово сіе: „благослови и прости“. Всякъ же свое, его же творитъ, продаетъ рукодѣліе: овіи крести, иніи же печати просфорніе, нѣціи же ложици, друзи же чотки, прочіи же парамани, подкапки, сандалія, ножи прекрасніе и многоразличніе вещи, своими дѣлающе руками, продаютъ и отъ труда питаются. Понеже тамо незнающему никаковаго рукодѣлія и не имущему сребра зѣло нуждно естъ жити на уединеніи, въ монастири же сь многимь трудомь хлѣбъ ядятъ, понеже не имутъ подданихь, якоже въ странахь инихь, но сами копающе и оруще питаются. Землю имуть добру къ плодородію. Хлѣба имуть доволно, понеже отъчасти сами сѣютъ, болше же привозятъ по суху отъ Селуня и отъ острововь морскихь по водѣ. Много пріѣздятъ человѣцы поклоненія ради и продаянія, аще кто что имать, и потребная такожде себѣ купуютъ на благословеніе въ доми своя, яко то: крести, чотки, ножи и прочая. Вина много тамо раждается. Понеже ниже продаютъ, ниже купуютъ, но всякь, иже піетъ его, изобилно иматъ на потребу свою. Сутъ же нѣціи, иже никогдаже вкушаютъ вина и сутъ друзіи, иже въ суботу и въ неделю; вси же три дни въ седмицу воздержуются, развѣ аще кто лакомій утаеннѣ испіетъ чашу, или недужный воскрѣпленія ради. Чинъ церковный благочестно въ моленіи имутъ; кандила и лампади нигдѣже тако лѣпо не устрояютъ, яко тамо; кимваловь не имутъ вси, аще нѣгдѣ въ началнихь монастирехь и обрѣтаются, то развѣ вь дни неделны и празничи въ нихь брящаютъ. Благовѣстятъ же на правило церковное по вся дни въ древяніе и желѣзніе била. На вечерню клеплютъ вь било великое древяное. Аще же иматъ бити на вечерни „Блаженъ мужъ“, то и въ желѣзное клепало біютъ. Павечерницу поютъ вь притворѣ,

клеплютъ въ малое било древяное. Егда же начинаютъ пѣти канонъ, то оглашаютъ въ малое клепалце желѣзное. На полунощницу благовѣстятъ въ тоежде клепалце желѣзное, таже въ малое древяное, и чтутъ вь притворѣ полунощницу. Скончавши же, клеплютъ въ великое било древяное, и вшедши внутрь церкви, чтутъ утреню; канонъ на всякь денъ поютъ. На девятой пѣсни въ малое клепало желѣзное біютъ. Часъ же первій внутрь церкве чтутъ, не исходяще. На часи біютъ въ било въ малое древяное и чтутъ въ притворѣ; обѣдницу же внутрь церкви, на службу въ било великое древяное оглашаютъ, аще же полиелей биваетъ, то и въ желѣзное; на девятій часъ въ малое било древяное, и чтутъ въ паперти церковной. На трапезу въ особное било великое токмо три толка ударяютъ. Хлѣбъ же егда имутъ пекти, исходитъ седмичный пресвитерь съ ѳиміямомь надъ замѣшаное тѣсто, и покадивши его честно, глаголетъ: „Благословень Богъ нашъ:" Трисвятое и по „Отче нашъ", тропарь и кондакь храму. Тажь священникь четъ молитву ону, яже чтется на бденіи, на благословеніи пятъ хлѣбовь, и благословястъ рукою своею крестообразно тѣсто, и отпустъ творитъ. Послѣди же братія дѣлаютъ хлѣбъ. Хлѣбъ тамо дѣлается маль, понеже всякой особѣ единъ хлѣбь на трапезу поставляется особнѣ, и мала мисочка варенія, и всякому особна мѣрица вина. Держатъ правило отъ ветхихь временъ, еже не входити тамо женѣ никакоже, ниже поклоненія ради, аще би была и царица. Не токмо же женъ, но ниже скота и всякаго животнаго женска полу не попускають внійти тамо. Аще бо и имутъ скоти нуждной ради потребы, то все мужеска полу; наветь домашніи звѣри, коти, безъ нихъ же трудно, и тіи вси сутъ мужеска полу, и пѣвнѣ, побудки ради, понеже купують ихь отъ купцовь драго, которіе

пріиздять вь Святую Гору и привозять по суху или по мору. Ничтоже тамо обрѣтается женска полу, развѣ точію дикихь звѣрей, яко то: елени, серни, дикіе кози, дикіе коти, лисици, зайци и прочая. Суть бо тамо прекрасніе и великіе лѣси, различніе въ себѣ содержащіе древа, яже суть сіи: певги, кипариси, тиси, кукунари, смереки, ялини, сосни, явори, дуби, ясени, бобки, найпаче же каштановь многое изобиліе, и прочіи безъ числа, имь же имени не вѣмъ. Много же древа садоваго по монастирамь и скитамь суть, яко то: черешнѣ, дулѣ, яблока, орѣхи волоскіе, орѣховь лѣсковихь премножество, виногради различни, смокви, маслинъ изобилно, помаранчи, лимонѣ, сливи и прочая. Словомъ рещи, вь всемь избранное иноческому житію мѣсто. Оть всѣхь бо странъ зрится море и кораблѣ, на немь плавающе поблизу и издалеча, обходитъ бо едва не округъ море; токмо отъ единоя полунощнія страни касается брега землѣ великой, на нейже все стоятъ чрезъ всю Болгарію, даже до Волохь великіе гори. Мѣсто оное безмолвное и зѣло спокойное отъ міра, и не инному, токмо монахомь прилично; токмо многую дань Турки налагающе, обнищаваютъ его.

Годъ 1726.

На новое лѣто, Януарія 1-го, бяху снѣзи велики въ Горѣ Аѳонской, и мрази такожде. Зима бо тамо люта, но токмо кратка, и то на висотѣ гори снѣгь и мразъ биваетъ. Воскрай же моря въ дождъ притворяется, и ни мало хлада слишатъ живущіи развѣ отъ нѣкоего вѣтра полунощнаго. Всегда бо море отъ естества своего теплое испущаетъ диханіе, и никогда же низу живущіи терпятъ зиму, поелику бо верху горь падають снѣзи,

потолику низу являются дождеве. Въ монастирѣ Рускомь святаго великомученика Пантелеимона, идѣже и азъ пребывахь, хлади и снѣзи великіе сутъ. Въ то бо время, егда начаху падати снѣзи предъ Рождествомь Христовымъ за седмицу, лежаху невредими даже до Богоявленія Господня. Таже, егда явися вѣтрь тепль, за два дни вся исчезоша, и послѣди не являхуся, понеже уже зима преставаше и начинашеся весна. Видящи же азъ приближающеся время путшествѣю своему, моляхь всемогущаго Бога, преведшаго мя чрезъ многіе землѣ безвредно и безнапастно, да и до конца исправитъ путшествѣе мое благополучно, и преведетъ мя даже до отчества моего безвредно.

Богъ же вѣстъ, коликое гоненіе, укоризну и досади претерпѣхъ тамо чрезъ оное время, пребывающи въ Горѣ Аөонской, тоея ради вини, яко по Латинскимъ странствовахь странамъ, не хотяху бо мя на многихь мѣстехь воспріяти кь прежитію, много о мнѣ мняще вь своихь мислехь и еретикомь мя оглаголствующе вь всей Горѣ, тако Греческіе иноки, яко и Болгарскіе, увѣдаху бо о мнѣ, яко ходихь вь Римь, и у папи Римскаго ядохь трапезу, и вь церкви ихь вхождахь. Сего ради возбраняху ми причаститися Тѣла Христова, мняху бо мя имуща препятіе. Егда же увѣдаху чрезъ духовнаго отца моего, давшаго ми свѣдительствованную хартію, яко ни въ чесомь препятія неимущему и волному приступити къ Пренайсвятѣйшей Еѵхаристіи, тогда едва съ покутою съ благословеніемь архіерейскимь, позволиша мнѣ, и причастихся Тѣла и Крове Господня въ остатной седмици поста предъ Рождествомь Христовимь. Таже известившеся, яко повсюду мирь и тишина слишится, и Богу благодареніе воздавши, яко по желанію моему сподоби ми дойти Гори Аөонской и поклонитися мѣстамъ

святимъ, изійдохъ оттуду мѣсяця Февруарія 1 дня, въ вторникъ на всеедной, съ инними двѣма человѣки, мірскими торговци, иже въ Святой Горѣ сѣдяху въ коморахъ на базарѣ и куплю дѣяху, но тогда идяху въ Солунь, иже и жилци тамошніе бяху. Огласиша бо отци Аѳонскіе, да вси мірскіе послушници, и ремесники, и торговци исходятъ вонъ, всякъ во свое отчество. Се же таковой ради нужди: Сироти и бѣдніе люде, убожества ради своего неимущіе дати Туркамъ дани, яже у нихъ зовется гарачь, убѣгаху въ гору Аѳонскую, и тамо живуще свободни пребиваху всякаго поплащенія, понеже Турчинъ никогда же вхождаше тамо, но въ время раздаянія гарачу, на всяко лѣто посилахуся началнѣйшіе иноци въ градъ Солунъ, и куповаху точію сѣмь сотъ, акиби не имуще въ Горѣ Аѳонской болше, яко пять сотъ человѣка. Есть же всѣхъ иноковъ и мірскихъ надъ двѣ тисящи народа. Чрезъ многое же время на всякъ годъ умножаху Турки дани, не вѣрующе бити малу числу, и уже даяху (якоже слышахъ) на всяко лѣто осмьнадесятъ кесій сребра, си есть, осмьнадесятъ мѣшковъ, мѣшокъ же содержитъ въ себѣ пятъ сотъ талярей. Но еще и тимъ гордій супостатъ недоволенъ, насиловавше того году самъ гарачій ити въ Гору Святую, и самъ вся кому раздавати гарачійкіе листи, еже не бистъ никогдаже тамо. Много же его моляху и дари ношаху, но не могоша зависти его утолити. Сего ради повелѣша, да вси мірскіе изійдутъ оттуду, да аще пришедъ самъ гарачодавецъ, и видѣвъ число мало, не покусится на второе прійти лѣто. Глаголаху бо иноци, яко аще Турки будутъ входити въ Святую Гору сами собирати данъ, не останетъ отъ иноковъ ни едина нога жива тамо. Здѣ всякъ разсуди, покушаяйся ити въ Гору Аѳонскую. Истинну ти реку, друже, яко райское би било инокомъ тамо жи-

телство, аще не би била Турецкая данъ, Богь же вѣстъ что тамо нинѣ творится по отшествіи моемъ.

Идущу ми тогда отъ Гори Аѳонской, остахся отъ содружества своего, и заблудихъ отъ пути, и идохь самь единь, ускоряющи, хотящи ихь постигнути, мняхь бо, яко преди мене сутъ; они же осташася, ожидающе мя, и разминухся, ускоряя зѣло. Случижеся мнѣ того дне въ разбойническихь рукахь бити близъ смерти третицею. Единъ бо мя срѣте сь млатомь великимь желѣзнимъ, и начатъ на мя напастію налазити, воспящающе путъ мнѣ, и покушающеся млатомь мя ударити. Но видѣвь мя жезль великь вь рукахь носяща, къ тому же болша себе, и жестоко ему отвѣть дающа, убояся, да не како мною одолѣнъ будетъ, не имѣше бо кромѣ млата никаковаго оружія. Сего ради остави мя, отъиде вь свояси и разійдохомься безъ пораженія. Паки, прешедшу ми, яко стогну едину, срѣтоша мя пятерица человѣкь, и сіи не вси, мню, бяху разбойници, но разбойническіе хранители. Единъ же отъ нихь бяше истинный разбойникь, въ раздранних рубищахь, страшенъ лицемь и ужасенъ зракомь. Очеса бо его напоенни кровію, исполненни же ненаситною завистію, руцѣ его кь убійству, хищенію и грабленію готови, нозѣ его кь бѣгству и гоненію скори, сердце его огнемь ярости дишущое, исполненно гнѣва и рвенія, и всякоя злоби діяволскія. Главу имѣяй безсовѣстну, возвишенну, носящу поврежденніе чувства, вію продолженну имій, словомь рещи, весь ужасновиденъ, и аки левь готовь на ловь. Той, узрѣвши мя, абіе воскочи кь мнѣ, начатъ обнажати мя отъ ризи, юже ношахъ, мнѣ же сопротивляющуся ему. Онь поятъ мя единою рукою за перси, другою же извлече ножъ, хотя мя пробости. Азъ же возопихь къ нимъ Греческимь языкомъ: „помилуйте мя,

христіяне ли есте, что творите?“, бяху бо вси Греки. Они же емше его за руку, отъяша ножъ и свободиша мя отъ него. Азъ же бѣжахъ. Разбойникь же начатъ гонити вьслѣдъ мене, хотя постигнути и не постиже, бѣ бо пянъ, и не можаше далече бѣжати, таже возвратися. Азъ же, благодаря Бога моего, яко не попусти мя нагло скончатися, идохь далей, хотя дойти до веси, бѣ бо весь не весьма далече. Шедшу же ми, яко польпоприща, паки срѣте мя единь худоризецъ, оружіе огненное носяй, високь и страшень образомь, пянствомь дишай. Той, мню, бисть христіянинъ; но начать мя вопрошати жестоко, что есмь и камо гряду? Азъ же, миная и уходя скорѣе, рекохь Греческимъ нарѣчіемъ: „не знаю, что ти рече“. Онъ же паки Гречески тія же рече словеса, и хотя возвратити мя, пойде вьслѣдь за мною. Азъ же бѣжахь скорѣе и сокрихъся въ густиню лѣса, и той, не видя мя, прочее возвратися вспять, сквернимии мя безъчествующи словеси. Азъ же, вся та наказанію мнѣ отъ Бога посилаему бити разсудивь, и положивши крестное на себѣ знаменіе, пойдохь паки и прійдохь кь единой веси, въ нейже саміе христіяне живутъ, и вопросихь о людехь, съ нимы же идохь до Селуня, и ничтоже уразумѣхь, и скорбѣхь дозѣла, не вѣдый, что творити, не имѣхь бо съ кимь ни до Селуня, ни воспятъ ити, и упросившеся у единаго человѣка, обнощевахь. Случишажеся людіе отъ Селуня грядущіе въ Гору Аѳонскую, и нощеваху въ томьжде селѣ. Заутра же, сь совѣтомь многихь людій, совокупихся съ ними, еже возвратитися паки вь Святую Гору, и идохь съ ними отъ утра даже до полудни. Таже срѣтохь противу мнѣ грядущихь сьпутниковь моихь, и возрадовахся дозѣла. Совокупихьжеся паки съ ними, возвращаяся на предъумишленный путъ свой, и благодарихь Бога

яко исправи путшествіе мое. Идохь же чрезъ силу, ускоряя за ними, бояхься бо, да не како вторицею оставятъ мя въ пустини, и убіютъ разбойници. Тяжестно же бистъ тогда путшествовати: они бо мулами издяху, азъ же пѣшеходно. Тогда идохомь зѣло труднимь путемь, не тимь, имь же азъ прежде идохь кь Горѣ Аѳонской, но инимь, чрезъ непроходиміе и високіе гори, великими снѣгами и пустими мѣстами, поминающе села, кромѣ биноцеванія. Се же того ради, понеже въ малѣ числѣ бихомь, и бояхомъся, да не како въ руцѣ разбойникь впадемь. Не случижеся (Богу нась сохраншу) ничтоже зло, и приспѣхомь же въ градь Солунъ Февруарія 5, въ денъ суботный, вь вечерь позно. И пойдохь паки къ тому же страннолюбцу, у него же и прежде пребывахь, и пріятъ мя, по милости своей. Быхь тамо доволенъ пищею и питіемъ, ожидая время путшествію своему.

Описаніе града Солуня.

Градъ Солунь стоитъ вь земли Македонской, на брезѣ морскомъ, въ царствѣ Турецкомъ, на положеню добромь и веселомь, подъ горами; огражденъ каменною стѣною, на четири угли расположенною. Широтою и распростертіемъ подобится отчасти Риму, издалече зрящи. Доми иматъ все каменніе, покровенніе черепицею, но строенія древнаго и нелѣпаго; сутъ же и инних лѣпотнихь полать богатирскихъ много, но инимь образомь, якоже вь Италіи. Улици многіи сутъ каменіемь усланни, но не вси. Доми стоятъ густо, но невисоко зданніе, якоже въ Италіи: тамо бо до пяти степеней, въ гору будованіе, едни на другихь полати, въ Солуню же кромѣ до тріехь степеней не сутъ вящшіе, но и тихь мало, вси же доми до двохь точію степеней

*

зданніе. Вратъ входнихъ тамо сутъ 5, бойницъ же великихъ три, покровенныхъ цѣнію и наполненнихъ арматами великими, надъ которихъ болшихъ не случися видѣти. Фортеца стоитъ високо на горѣ внѣ, присовокупленна стѣнѣ града, въ ней же вся оборона содержится. Градъ оній воистинну пресловутій есть, не лѣпотою и крѣпостію, но ветхостію и пристанищемъ земнимъ и воднимъ, тамо бо приходятъ отъ Цариграда, отъ Египта, отъ Венеціи, отъ Франціи, отъ Англіи кораблѣ, куплю дѣющіи, такожде и по земли, отъ Нѣмцовь, Волоховь, Болгаровь, Сербовь, Далматіяновь и отъ всей Македоніи и Украйни торговци различніе, маліе и великіе, приходятъ, приносящіе разніе товари и пшеницу, Градъ той зѣло доволенъ есть въ пищу, найпаче же вь хлѣбъ, приходятъ бо тамо по вся годи кораблѣ отъ земли Французкой и купуютъ пшеницу и наполняють я доволно; къ тому же и отъ иннихъ странъ и отъ острововь морскихъ. Четирехъ вѣрь люде тамо живующіе обрѣтаются: Греки, Французе, Турки и Жиди. Въ Солунѣ народа много, Жидовъ же паче всѣхь множество. Турецкихь джамѣй началнѣйшихъ, числомь, якоже самъ числихъ, близко 30, при нихъ же столпи, гладко тесанимъ каменемъ мурованніе, въ широту яко единь сажень человѣчь, или полтора, вь висоту же яко сажней пятьнадесятъ и вящше. На онихъ убо столпахь они оглашаютъ набоженство свое, въ кое время повинни. Но и о семь да вѣси, яко чрезъ день и нощъ пятъ разъ молитву творять: 1) на свѣтанню, 2) о полудни, 3) предъ захожденіемь слонца, 4) о двохъ годинахь въ ночь, 5) о полуноци, и непремѣнно тимь способомь чинятъ, кромѣ тилко того времени, когда биваетъ Романъ, то естъ постъ, въ то время еще болше прилагаютъ набоженства. Но слиши, каковь смѣхотворній и

неистовній пость въ нихь. Богатіи, иже не имуть нужди кь дѣланію, спять чрезъ весъ денъ, точію востають вь время свое на набоженство, и убогіи такожде, или спять и прохождаються, но отнюдь ничесо же работати не хотять, боящеся да не повредить здравія, постенъ бивши. Егда же увидять кого на базарѣ, що колвекъ ядуща оть Христіановь или Жидовь, абіе біеть его, глаголя: «искушаеши мя», и много лаеть. (Се же разумѣй бити вь всей Турецкой земли). И тогда никто же можеть вь видѣніе ясти, токмо сокровеннѣ. Зашедшу же токмо слонцу, по всѣхь столпахь начнуть кричати на набоженство и всю нощъ безъ сна провождають, ядуще и веселящеся и банкетующеся; вежа своя украшающе многими лампадами и оніе по шнурахь, аки по вѣтру, лѣтати творяще, и инніе штуки творяще. Начевше же оть полунощи, даже до свѣта, непрестанно поють, оть них же слишахь зѣло лѣпо поющихъ. Суть же единa установленніе, иже вь время поста ихь яздять по улицахь на конехь съ котли, оглашающе и возбуждающе ясти, да не како кто, сна ради не ядій чрезъ всю нощъ, изнеможеть, не могій терпѣти дня. Се же того ради творять, да твердо сохранять пость чрезъ денъ, не токмо не ядуще, но ни піюще; въ нощи же ядять, яко свини. Имуть же два Ромазани на годь, болшій и меншій. Минувше же Ромазану, три дни имуть празникъ великь, рекомій Байрамъ, въ онъ же торжествують зѣло, якоже ми въ день Рождества Христова, или Воскресенія. Имуть же обикновенія за души умершіе молитися и офери приносити. Но да погибнеть оть земля животь ихъ, довлѣеть о нихь сице много глаголати. Еще слиши о другахь ихь: Жидовскихь школъ вящше яко шестъдесять, якоже слишахъ оть самихь ихь. Въ наукахь цвѣчатся и учонихъ имуть много. Имуть же и унѣвер-

сальную академѣю, въ ней же различнихъ наукъ даже до философѣи учатся, идѣже азъ посѣщахъ и видѣхъ между собою препирающихься философовъ, подобнимъ обичаемъ, якоже и въ инниxъ язикахъ. Жиди тамо суть зѣло богатіе и волю далеко болшую, нежели Христіане, (имуть) [1], и всѣ куплѣ и дани и мита чрезъ онихъ руки переходятъ. Кромѣ убожства, всѣ въ реверендахъ черниxъ долгихъ ходятъ, на головѣ же, по ветхозаконному, подкапки темно червонія зъ завиваломъ носятъ. Язикомъ разглаголствуютъ Гишпанскимъ, понеже они зъ Гишпанѣи изгнани биша и прійдоша доброволне въ Турецкую землю, и по повелѣнію царскому населишася, найпачеже въ Солунѣ. Христіянскихъ церковь близъ 30, якоже рѣхъ, Французкій единъ костелъ и той зѣло малъ, понеже гостей ради, а не жилцовъ, и то едва съ нуждею умолиша поставити. Есть же тамо и консулъ Французскій, присланній отъ Цариграда, управленія ради онихъ Французовъ, аби не турбовали ихъ Турки въ гарачъ. Язика яковаго схочешъ знайдешъ: Италѣянского, Французского, Гишпанского, Волоского, Руского, Лацинского, Арапского, Арнаутского, Болгарского и прочіихъ. Градъ Солунъ въ позоръ отъвнѣ лѣпотенъ и изряденъ, внутрь же не тако, кромѣ цамѣй, которіи предъ тимъ христіанскими церквами били. Воду иматъ текущую фонтанами по всѣхъ панскихъ началнѣйшихъ Турецкихъ дворахъ и значнихъ улицахъ. Мури же въ полъ съ древомъ престилающе созидаютъ; мурують зъ блатомъ земленимъ, а не зъ вапномъ, токмо послѣди побѣляютъ вапномъ. Улици вси суть посланни каменіемъ, аще и не гладко. Градъ весь окрестъ каменною стѣною високою окруженъ, аще и не лѣпимъ дѣломъ, но крѣпкимъ онимъ

[1] Слово въ скобкахъ въ подлинникѣ пропущено, а потому заимствовано изъ другихъ списковъ.

старосвѣцкимь муромь. По верху же стражници, аки домове побудованніе, въ нихъ же стражъ всегда на всяку нощъ стоитъ и кричитъ ажъ до полунощи; вь время же Ромазана и противу всякаго пятка на гвардію не ходятъ, ибо пятокь имутъ они тако въ пошанованю, яко христіане недѣлю. Въ конци града, на горѣ, иматъ лѣпу, гладкимь муромь зданную фортецу, исполненную арматами и орудіями военними. Градь оній отъ единія страни воскрай самой води морской. Окресть Солуня все гори великіе, каменніе, чрезъ все лѣто по верху снѣзи имущіе, но и древесъ доволно. Морскіе тамо отъ всѣхь сторонь видятся бреги, понеже тамо есть не равній брегь, но морскій куть, или загонъ, и есть аки нѣкое езеро, зѣло шерокое, зрится бо отвсюду земля. Рибы морской не весма доволно, но помежду горами сутъ езера и рѣки, отъ нихь же извлекають доволно. Земля тамо разнится отъ прежнихь и нѣсть тако суха и неплодна, якоже Италія, но подобится Нѣмецкой. Се же того ради, понеже приближается кь нашимъ странамь. Зрится недалече отъ Солуня пресловутая гора Олимпъ, високая и шерокая, многія имущая чрезъ все лѣто верху снѣзи, о нихъ же предь рекохь, пловущи къ Солуню. Тамо (якоже слишахъ) подобнѣ, якоже и въ Святой Горѣ, саміе монастирѣ иноческіе обитаютъ. Недалече отъ Солуня, днемъ единимъ, отстоятъ три криници тепліе, горячую воду точащіе, въ нихь же міются, аки въ банѣ; ихь же ми именуемь теплици, подобніе оной, о которой писахъ въ Нѣмецкой землѣ. Еще тебѣ, читателю, достовѣрную и дивную вещь реку: есть, днемь коннаго хожденія отъ Солуня, въ горахь, едина вода, чудесное въ себѣ естество имущая, сладка и здравая кь питію; отъ потока же ея каменіе твердое и великое рождается. Тамо бо, откуду починается, есть вода чиста и свѣтла, якоже и

прочіи води, таже имь же далѣй течетъ, тимь огустѣваеть подъ сподомь и въ камень бѣлъ и твердъ, аки мраморъ, претворяется. Не вѣмъ, Божіею ли волею преестественнѣ сіе содѣвается, или отъ естества воднаго, или солнечнаго. А идѣже течаше зъ гори въ долину, по малу малу чрезъ многіе лѣта сотвори холмь каменній великь, Турки же, хотящи искусити естества водной силу и мислящe, яко мѣстомь дѣется, прекопаша ровъ на ину страну и завратиша теченіе ея на другое мѣсто, обаче и тамо всегда единаче даже доселѣ дѣйствуеть, сотворися бо и на другомъ мѣсту такожде скала каменная. Се же еще чудеснѣе есть, яко мала риновка яже отъ древа содѣланна и постановленна тамо, удобнѣйшаго ради питія, и та вся обрасте каменемъ. Напослѣдокъ, древеса, яже окрестъ стоятъ, лѣсовіе, низу въ долинѣ, на ихъ же вѣтвіе каплетъ оная вода, вѣтвіе и листвія обрастоша каменемъ. Аще же азъ самь не посѣщахь той води, но достовѣрнѣ извѣстихся отъ посѣщающихь и приносящихъ оттуду каменіе, раждаемое отъ нея, и древо съ листвіемъ, обрастшое каменемъ, оть коего камени и азъ взяхь сь собою, лучшой ради вѣри и памятствованія. Не могохь же тамо пойти того ради, понеже тамо много сутъ человѣкоубійцовъ, тако отъ Турковъ, якоже отъ безбожнихь и роспустнихь христіань; Христіане бо Турковь убивають, Турки же Христіанъ. И не можеть тамо единъ или два ни ихати, и ни пѣшешествовати, но всегда совокуплшеся 5 или 6 или десять; къ тому же къ оной водѣ зъ умислу люде не издятъ, случаемь бивает егда приходятъ къ оному селу, еже стоитъ близъ ея, или тимь путемь камо инуду шествовати; къ тому же тамошнимь людемь нѣсть она дивна, понеже родишася при ней. Паки сутъ недалече Солуня на двохь мѣстехь кри-

ници, теплую воду зѣло, яко на огни согрѣянную точащіе, отъ нихь же въ единой бихь азъ и михся, и удовлетворихся, якоже хотѣхь. Источникь води тоя въ едину яму, человѣку по уста, глубоку, широку на два сажни, кругло и гладко отъ тесанаго мрамора бѣлаго зданную, течетъ, въ ней же внутръ въ водѣ и внѣ окрестъ приспи каменніе устроенни лѣпо. Стоитъ же внутрь каплици, честно отъ камене съчиненной кругло отъ низу даже горѣ, сице затвористо, яко отнюдъ ни камо пара отъ води дишущая изійти не можетъ, развѣ входа двернаго; верху же иматъ окна склянніе, внутрь челюстей мурованніе, лучшой ради свѣтлости. Внѣ же вратъ абіе течеть вода хладная и здравая, прохлажденія ради или питія міющихся. Въ ямѣ оной міются людіе различнихь вѣрь и язиковь, всякому бо волно тамо приходити хотящему, понеже никто же владѣетъ особнѣ ею, но всего народа общая естъ, и стоитъ внѣ единаго села на поли. Что азъ видѣвши своима очима и осязавши тѣломъ, почудихся не мало, и Богу Вседѣтелю, чудная дѣйствующему, воздадохь похвалу. Естъ паки въ Солуню единъ мечеть великъ, круглъ строеніемь, аки столпь, и различень отъ инних, отъ церкви превращенъ, яже иногда зѣло лѣпа бяше. Тамо обрѣтается купа великая сухаровь, оставшихься отъ Христіанъ отъ ветхихь временъ, егда воюющимь Туркомъ Грецію запершися съ запасомь сѣдяху, не хотяще покоритися. Сего ради даже до здѣ держатъ невѣрніи, болшаго ради своего прославленія и въ незабвенную памятъ, отъ нихь же и азъ мало имѣхь съ собою.

О путшествіи къ Іерусалиму.

Всѣдшу ми вь корабль сь прочіими многими людми, Сентеврія 1-го числа, года 1726, идѣже много поклон-

никовъ бяше, имущихъ путъ къ Іерусалиму: отъ Грековъ, Сербовъ и Евреевъ же съ женами множество, нѣколико Турчиновъ и отъ Французовъ, понеже Французкій корабль бяше; но сіи не вси грядяху къ Іерусалиму, понеже нѣціи купци бяху, пловущіи съ товари къ островамъ морскимъ, яко то: до Сакизу, албо Хіо, до Кипру и прочіихъ мѣстъ; бяше же всѣхъ душъ числомъ близу ста, христіановъ 58. Тогожде числа отплихомъ отъ града Солуня и пловохомъ на востокъ солнца паки тимъ же путемъ, имъ же первѣе до Солуня отъ Хіо. Пловущимъ же намъ тогда, не скоро идяше корабль, понеже не бистъ вѣтеръ помощенъ, но отъ странни; того ради мало того дне уплихомъ, такожде и втораго и третаго. Четвертаго же дне и числа вишереченнаго мѣсяця, зъ суботи [1] на неделю, по полунощи, возвѣя вѣтръ помощенъ и пловохомъ добрѣ даже до утра и утро и до второй полунощи понеделка. Таже начатъ преставати помалу, и уже начинающуся дню толъ велія сотворися тишина, даже до полудне, яко отнюдь ни камо не могохомъ плисти, но все на единомъ мѣсту колѣблющеся, подъносими бѣхомъ волною морскою, раздраженною отъ вишшереченнаго вѣтра. Таже по полудни возвѣя вѣтръ помощенъ и доспѣхомъ къ граду Хіо, или Сакизъ, въ вечеръ понеделка, по захожденіи слонца, Септеврія пятаго числа, предъ праздникомъ чуда Архистратига Христова Михаила, бившаго въ Хонехъ [2]. И тако ми, неблагополучнихъ ради вѣтровъ, изъ вишшереченнаго града Солуня шествовахомъ чрезъ пятъ дній 400 милъ; егда же вѣтръ добръ биваетъ, тогда двою днію съ нощми въкратцѣ препливаютъ тамо. Тамо замедли корабль 5 денъ, ово купли ради, ово же неблагополуч-

[1] Суббота приходилась въ 1726 г. на 3 сентября. — [2] Слово „въ Хонехъ“ въ подлинной рукописи Барскаго заклеено бумагой.

нихъ дѣля вѣтровь. Нѣціи люди тамо отъ корабля нашего осташася, но вящше вмѣсто тихъ прибиша въ корабль отъ Турковь, Жидовь и Христіанъ, иніи бо пловоша кь Кипру острову, и инніи кь Родусу, друзіи же кь иннимъ мѣстамъ, прочіи же кь Іерусалиму. Имѣхомь же въ корабли двохь протосингеловъ Іерусалимскихъ, Германа и Галактіона, сь прочіими четирма иноками, и единъ іеромонахъ, именемъ Діонисій, бистъ отъ Святія Гори, Первій протосингель, посланній бивши отъ патріархи Іерусалимскаго въ Сербскую землю, възвращашеся въспятъ; другій отъ странъ Венецкихъ, такожде повращаше. Тамо спорядивьши кійждо своя вся, отпловохомъ Божіею помощію оттуду въ день неделный рано Септеврія 11 числа. Тамо шествіе наше бисть на полуденную странну; имѣхомь ошуюю землю великую, зовомую Анатолія,—одесную же море пространное. Тогда идохомь между островами морскими двѣма, отъ нихъ же бистъ единъ ошуюю островь, високую и пространную гору имущъ, зовомій Само, продолженній добрѣ, вторій же одесную, еще паче продолженніе, но не тако високіе гори имущъ, рекомій Никарія. Пловохомь же того дне добрѣ даже до полудни вѣтромь помощнимъ и простимь, аще и не весма силнимь. По полудни же явися вѣтрь чуждъ и пловохомь зѣло лѣностно даже до вечера, и въ нощи такожде. Нощи же минающой, внійдохомь узкимь моремь между оніе вишереченніе острови, и бистъ, егда явися свѣтъ дневній, Септеврія 12 числа, не видѣхомь окрестъ моря далече пути, но отъ всѣхь странъ бяху острови густіе, единь при единому стоящіе, и на нихь гори високіе, древа же или мало или ничтоже, но сухь камень. Служашеже намъ тогда вѣтрь вчерашній до полудне; та же явися вѣтрь помощенъ, аще и не силенъ, но простъ, созади, и несяше корабль спѣшно. Плово-

хомъ же чрезъ весь день тотъ между окруженними горами, аки въ вѣнцу, и видѣхомъ на единой горѣ градъ, високо стоящъ, и другій ошуюю. Тогожде дне много рибь видѣхъ, превращающихъся предъ кораблемъ поверху води, иже бяху въ долготу болшіе, яко человѣкъ, писки долгіе имущіе, ихъ же пловци морскіе зовутъ canis marinus, песь морскій. Оминухомъ тогда и единъ корабль великій, рекомій Галонъ, далече подъ горами пловущъ. Заходящу же слонцу, минухомъ единъ градь лѣпъ, имущъ фортецу крѣпку; по обою же страну града того многое множество древа садовнаго, ими же издалече зрится красенъ. Стоить на единомь особномь островѣ, именуется же Станко, и островь весъ також де. Имать пристанище, идѣже и кораблей не мало зряхуся. Нощи же надшедшей и служащу намъ вѣтру полезну, изійдохомь отъ-между островов тѣхъ на пространѣйшую широту морскую и пловохомь все вѣтромь добримь до утра и утро, обаче отвсюду землею окружаеми бѣхомъ: одесную имущи острови, ошую же землю Анатолію. Утру же бившу, Септеврія 13, пловохомъ даже до полудни воскрай острова, рекомаго Родусъ, на немъ же зряхуся лѣпотніе веси, съ многими садами, различнія древеса имущими, такожде лозіе и точила виноградніе, отъ камене зданніе лѣпо.

О приходѣ къ острову Родусъ.

Таже приближающеся къ концу его, видѣхомь градъ, отъ камени зданній, и замокъ, воскрай же его прекрасній, ровній брегъ морскій и на немъ много млиновъ вѣтряних, чинно, якоже и въ Сакизѣ, единъ при единому зданнихъ, ихъ же вращахуся колеса вѣтромъ обра-

щаеміе, аки звѣзди. Таже изволеніемъ началника корабленнаго приближихомъся къ пристанищу самаго града, такожде рекомаго Родусъ, понеже всякъ островь отъ началнаго своего града именуется, и впливши узкимъ проходомъ внутръ пристанища, вергохомъ котвицу тогожде 13 числа Септеврія, предъ Воздвиженіемъ Честнаго Креста, въ полудни. Изійде же кійждо въ градъ творити потребу свою, ми же всѣ, колико бѣхомъ Христіяне, съгласившеся единомисленно, пойдохомь къ единой церквѣ кь храму Вьведенія Пресвятія Богородици, поклоненія ради. Но понеже не приспѣло бяше время вечерни, сего ради ходихомъ сѣмо и овамо, созирающе градъ. Таже идохомь кь единимъ людемъ, имѣяху бо протосингели Іерусалимскіе знаемихъ тамо людій, и идохомь вси купно съ ними и препочихомь тамо мало. Таже водиша насъ тамошніе жилци по своихъ садахъ, идѣже видѣхомъ различніе лѣпіе древеса и источници водніе, отъ горъ текущіе; финики, лимонѣ, цитрини, помаранчи, фиги, фиги Индійскіе и прочіи инніе, ихъ же имени не извѣстихся. Тамо прохождахомъся доволно и пихомъ води здравіе и удовлетворихомся. Таже нѣціи воскорѣ възвратишася въ корабль, бѣ бо вечерь и не хотяху затворенни быти въ градѣ. Прочіе же вѣдяще, яко не иматъ кораблъ отъити воскорѣ, осташася вь градѣ, сь ними же и азъ, и идохомь кь вишереченной церкви и слушахомъ вечерни. Таже азъ съ другимъ идохомъ къ дому оному, идѣже предъ вечернею бѣхомъ, идѣже нощевахомъ; трапези же тамо намь не дадоша ни единаго хлѣба, но купивше за своя пѣнязи ядохомъ; точію постеля намь дадоша и спахомъ. По полунощи же идохомь кь вишереченной церкви и слушахомь утренѣ и служби Божой; всенощной же не бистъ. Воздвиженіе Честнаго Креста не тако творятъ,

яко на странахъ Рускихъ: 1) на славословіи не воздвигаху, но по окончаніи часовъ и по проскомидіи славословіе пояху вторицею; 2) не схиляеться помалу на низъ даже на землѣ, таже горѣ сходитъ, но схилившеся мало низу, держитъ крестъ на единомъ мѣсцу, донелѣже не препоютъ сто разъ „Господи помилуй", таже погружаетъ въ воду и возвишаетъ горѣ, и сице творитъ пятерижди. Послѣди же весь народъ, единъ по другому творятъ поклоненіе и лобизаютъ его съ страхомъ, чесому и азъ бихъ участникомъ. Бистъ же единъ съ нами путшествуя іеромонахъ Святогорецъ, именемъ Діонисій, иногда бившій игуменъ монастиря Дохіарского. Той въ денъ праздника того тамо принесе въ церковь мощи святія Параскевіи, частъ великую, костъ отъ руки съ тѣломъ, юже егда лобизаху людіе въ время правленія литургіи святой и азъ лобизахъ. Такожде и крестъ съ животворящимъ древомъ принесе тамо вишшереченній протосингелъ Іерусалимскій Германъ, и лобизущимъ прочіимъ христіаномъ сподобихся и азъ грѣшній лобизати его. Тамо всякіе обрѣтаются людіе: отъ Грековъ, Арменовъ, Французовъ, Жидовъ; Турковъ же болѣе всѣхъ. Мужіе Христіанскіи и Еврейскіи завивала носятъ рабіе, яко же и въ Сакизѣ и повсюду въ земли Турецкой; Армене же ходятъ въ шапкахъ червонихъ, футромъ подъбитихъ съзади и съпреди по два роги имущихъ. Жени тамо Греческіе ходятъ въ одеждахъ долгихъ и въ фартухахъ, покриваютъ же своя глави бѣлими хустами; твари не натираютъ фарбами, но нѣкіи изображаютъ квѣти на ногахъ черниломъ толь крѣпкимъ, яко никогда же отмитися не можетъ, и сіи сутъ отъ Карпата, единаго островца малаго, созади Родуса обрѣтаемаго и подъ властъ его належащаго. Строеніе того града естъ отчасти лѣпое, понеже вси доми и вси стѣни

градскіе отъ единакаго, на четири углп рѣзаннаго, мягкаго камени зданніе въ шахмати, крѣпко и гладко; доми же нѣ суть високіе, точію инніе до двохь степеней, инніе же до тріехь. Всякь домь свои врата и дворъ иматъ, округь стѣнами каменними високо огражденъ. Доми обикоша маліе здати, токмо сь многими окнами, и покрова не имутъ стеклистаго, острозданнаго, и отъвнѣ зрятся безъ покрова бити; обаче верху посипани сутъ землею равно и ринви отъ странни вь истѣканіе дождевной води. Отъ верху доми зрятся, аки препростое село или пустое, понеже вси сутъ землею посипани и на инних билїе порасте; внутрь же всюду лѣпо есть, понеже вси града улици каменемь, аще и не гладкимъ, посланни, вси же двори насажденни каменцами черними и бѣлими, рубомъ толь красно, яко лучше не требѣ. Тихь каменцовь тамо множество море на брегъ извергаетъ; обрѣтаютъжеся они и на Русіи, при рѣкахь и потокахъ, ихь же ми простимь нарѣчіемъ именуемъ лузанци. Всякъ дворъ иматъ свой кладезь и маль садокъ; кромѣ же того имутъ многое множество садовъ внѣ града. Градъ стоитъ на брегу песчистомь, подъ горою, въ концу острова, весь окресть каменною стѣною високо огражденъ, рѣзанимь квадралнимъ каменемь въ едину мѣру. Строеніе оное все естъ Малтизкое, понеже въ то время (якоже слишахь) создася, егда они тамо обладаху. Стоитъ же отъ приходу во водѣ морской; иматъ лѣпо зданній оній лиманъ, идѣже внутрь кораблѣ купеческіе стоятъ. Тамо бо стѣни вь водѣ глубоко, яко на два сажни, зданніе сутъ, кь нимь же привязуются кораблѣ; предъ пристанищемь же сѣмо и овамо двѣ вѣжи стоятъ, утвержденни арматами, ими же, яко врати въ лиманъ, си есть вь пристанище, кораблѣ входятъ; предъ пристанищемь же внѣ града особѣ стоитъ на водѣ вежа

каменная, на ней же свѣтло свѣтится въ нощи, удобнѣйшаго ради прихода кораблемъ. Есть же тамо арматъ великихъ спѣжовихъ нѣколико, оставлшихся отъ Малтезовъ, отъ нихъ едина есть толь великая, яко внутрь можетъ человѣкъ вместитися пространно, юже (азъ лгати не хощу), аще своима очима не видѣхъ, но достовѣрно известихся отъ честнихъ персонъ, протосинґеловъ Іерусалимскихъ, иже своима видѣша очеси. Тамо церковъ христіанскихъ мало. Тамо ми премедлихомъ полтора дня, и егда сотвориша потребу свою, тогда извлекше котвицу отъ води и призвавше Бога на помощъ, отпустихомься отъ пристанища того въ день Воздвиженія Креста Господня, въ вечерь, при захожденіи слонца, Септеврія 14 числа. Тогда пловуще не видѣхомъ къ тому острововъ, но точію ошуюю бистъ Анатолія, земля великая, отъ всѣхъ же странъ море и небо. Шествоваше же кораблъ чрезъ нощъ отчасти добримъ вѣтромъ. Утру же бившу, Септеврія 15, бистъ тишина на малое время; таже явися маломощній вѣтрецъ и пловохомъ, якоже можахомъ. Послѣди же, предъ вечеромъ, даде намъ Богъ вѣтръ благъ и шествовахомъ даже до утра добрѣ. Утру же бившу, Септеврія 16 числу паки, якоже и вчера, умолкоша вѣтри, и не могохомъ плисти ни сѣмо, ни овамо, колѣблющеся на единомъ мѣстѣ. Взійдохомъ же того дне еще на болшую широту морскую и не видѣхомъ ни островов, ни брега нигдѣ же, токмо мало Анатоліи, ея же мѣсто Мирликія именуется, идѣже поживе и умре Святитель Христовъ Николай. Есть же тамо (слишахъ) и гробъ, идѣже первѣе святіе его лежаху мощи, таже пренесошася въ Баръ градъ; но и та вънмалѣ ищезе отъ очею нашею, бистъ бо ея рогъ тамо и завратися на инну странну, си есть на востокъ, наше же шествіе бистъ противу полудне. Не имѣхомъ же

того дне нимало ни откуду вѣтра, но даже до вечера колебахомься на единомь мѣстѣ. Таже заходящу слонцу, явися вѣтрь маль, но помощенъ, имъ же шествоваше корабль добрѣ чрезъ два дни и двѣ нощи безмѣрною широтою морскою, идѣже не видѣхомъ ничтоже болѣе, токмо небо, море и свой корабль. Таже едва вторecho дне узрѣхомь издалече островь Кипръ, аще и не весма високіе, но зѣло долгіе на себѣ гори имущъ, и пловохомъ цѣлій день воскрай его и не могохомъ оминути величества и продолженія. Имѣяше же кораблъ нашъ нѣколико душъ вь Кипрь грядущихь, сего ради, отпущенія ради ихь и взятія новой води, сьвратихомь отъ пути кь брегу, нощи надъходящей, и вергше котвицу, стахомь издалече до утра, Септеврія 18, въ недѣлю. Утру же бившу, Септеврія 19, въ понеделокь, рано, приплововохомъ къ брегу ближае, лучшаго ради исхода.

О пришествіи моемь кь Кυпру.

Пришедше ми къ Кипру нощію, не приближахомся близъ брега, да не татій и разбойниковь морскихъ разумѣюще бити, вергутъ на ни огненное оружіе жители тамошніи и поразятъ ни. Сего ради, по совѣту и разуму корабля правителя, вергше котвицу вь море внѣ издалече, стояхомь даже до утра. На заутрѣе же, яко же рѣхь, Септеврія 19, въ понеделокъ, предъ восхожденіемь слонца, извлекше котвицу, приплововохомь кь брегу ближае, подъ единь градъ невеликъ, идѣже изійдоша отъ нась много, всякь потреби ради своей. Азъ же придержайся вишшеписанних иноковь Іерусалимскихъ, съ ними же ходихь до двохь церковь христіянскихь, иже суть зѣло простаго отъ камене, но крѣпкаго и стараго строенія. Таже ходихомь по садахъ и

и подъ сѣнію ихъ витахомъ, ядохомъ и пихомъ; тамо и препочивахомъ. Замедли же кораблъ намъ тамо полъ-тора дня, и разсмотрѣхъ азъ вся тамо. Градецъ и малъ, и некрѣпкаго и нелѣпаго строенія, понеже домовъ отъ камене мало сутъ, но вси отъ плинѳъ непаленихъ, отъ блата сотворенних, зданніе и поверху посипани землею; токмо на брезѣ едину бойницу иматъ съ арматами. Стоитъ же на полѣ пространномъ, равномъ и зѣло прекрасномъ, подъ горами; иматъ же окрестъ далече много древа садовнаго отъ маслинъ, финиковъ, фигъ, ягодичинъ, грушъ, помаранчовъ, лимоновъ и прочіихъ древесъ, ихъ же нѣстъ въ странахъ нашихъ, отъ лозія же многое множество. Но вѣдомо буди, яко ми не прійдохомъ къ граду началному, но инъ естъ тамо великій и славній градъ началній, иже иматъ пристанище корабленное славное и богатое, якоже и на прочіихъ мѣстѣхъ. Островъ бо Кипрскій естъ зѣло великъ: окрестъ всея земли иматъ сѣмьсотъ и пятьдесятъ миль и весей толикожде (якоже повѣствуются въ народѣхъ), градовъ же иматъ три или четири. Въ ономъ островѣ святій Лазаръ епископомъ бистъ, егоже Іисусъ воскреси отъ мертвыхъ въ Виѳаніи. Послѣди же преставися вторицею тамо; его же гробъ и доселѣ тамо естъ, мощи же Богъ вѣстъ камо. Естъ же еще тамо монастиръ лѣпъ иноческій, въ немъ же даже паздѣ хранится икона Пресвятія Владычици нашей Богородици, юже самъ Евангелистъ Лука исписа. Обаче никтоже отъ насъ посѣщаше та, понеже имѣяше въскорѣ отъити корабль; къ тому же мѣста та отстояху въ горахъ далече, двою днію хожденія, и не могохомъ сотворити по желанію нашему, токмо путници Іерусалимскіе собраша, между собою сложившеся, милостину отъ пѣнязей и послаша въ онъ вишшереченній монастиръ. Островъ естъ зѣло прекрасенъ,

великь, славенъ и богать, класа родящъ изобилно и лозія винограднаго. Оттуду исходятъ вина крѣпкіе и къ питію пріятніе и сладкіе и идутъ въ панство Венѣцкое и въ прочія странни Италіи.. Рожковь Турецкихь толь многое изобиліе родится, яко многіе наполненни великіе доми имутъ и лопатами, аки гной сьгрѣбають, идѣже приходятъ купци великіе и наполняютьораблѣ многіе и развозятъ въ инніе царства. Тамо ми замедлѣхомь токмо полтора дня, и сотворше кійждо свое требованіе, собрахомься вь корабль; извлекше же желѣзо отъ води, пустихомься оттуду, помощію Божію, въ Палестину, Септеврія 20, вь второкъ. Пловохомь же того дне и послѣдующей нощи вѣтромь малимь; втораго же дне сь нощію шествовахомь вѣтромь добримь, но невидѣхомь нигдѣ земли, кромѣ небо и море; слонца же восхожденіе мняшеся очесемь вь пучинѣ бити морской. Таже третаго дне узрѣхомь ошуюю зѣло далече сѣняшціися гори, стоящіе на предьреченной земли Анатоліи, между ими же зряшеся наивишшая гора, рекомая Кармиль, идѣже спаша с. пророкъ Ілія, о чесомь пишется въ книгахъ Царствь. Пловохомь же того дне мало, токмо рано; таже до самаго полудни бисть толь тишина велія, яко и на десятъ степеней не могохомь отплисти далей, но стояше корабль, вертящеся окрестъ и колѣблющеся сѣмо и овамо волнами играющаго моря, разяривщагося отъ мимошедшаго вѣтра. Явившужеся вѣтру по полудни добру, пловохомь добрѣ, имущи ошуюю издалече Анатолійскую землю. Оминухомь же того дне предъреченную гору Кармилъ и градъ, иже нарицается Кайфа. Четвертаго же дне, вь пятокь, Септеврія 23 числа, пловохомь недалече брега вѣтромь добримь, воскрай страни Палестинской, и мимоидохомь градовь два ветхихъ на брезѣ, далече между собою отстоящихь:

первій именуется Тартуза, иже иматъ внутрь людій живущихъ, и той стоитъ на крутомъ брезѣ, при високихъ горахъ; второй же стоитъ пустъ и разоренъ, на низкомъ брезѣ, на пѣскахъ, рекомій Кессарія. Пловохомъ же чрезъ весь день той воскрай брега низкаго и веселаго, на немъ же далече поле ровное, пѣсчистое распростреся и древесъ лѣсовихъ на немъ зеленѣютъ множество. Приближающимъ же ся намъ къ граду Іопи, оминухомъ единъ мечетъ Турецкій, стоящій на брезѣ, пустъ, иже первѣе церковію христіянскою бяше, послѣди же его Турки (якоже повѣствуется) проименоваша именемъ святаго своего, рекше Ибналемъ, еже мѣсто и доселѣ сице нарицается. Таже, при захожденіи слонца, доспѣхомъ къ Іопи, идѣже не ближащеся къ граду, стахомъ внѣ издалече, вергше котвица корабля въ море. И бистъ шествія нашего отъ Солуня до Іопѣи 900 миль и 50.

О пришествіи моемъ къ Іопіи.

Еще пловущимъ намъ издалече къ граду Іиопѣи, юже именують тамо Яфа, приплоюша къ намъ устрѣтающе многими кораблецами людіе тамошніи, нелѣпозрачніи образомъ, языкомъ Арапскимъ бесѣдующіи, хотяще насъ превозити въ градъ. Обичай бо тамо таковъ есть, яко кораблѣ великіе тамо не припливаютъ близъ града, понеже пристаница нѣсть добра, но идѣже би кораблѣ имѣяху приставати, тамо сутъ жестокое и остро каменіе, инніе въ водѣ, другіе же вишше воды стоящіе; сего ради, да не поразими будутъ, обикоша стати внѣ, издалече. Верже тогда котвицу въ воду и нашъ кораблоправитель и удержа корабль далече отъ града, яко двѣма поприщма на морѣ отстоящъ. Тогда нѣціи отъ насъ, иземше вещи своя отъ корабля и вложше въ ладія, от-

плиша кь граду на нощеваніе, прочіи же отложиша на утро, бисть бо вечерь теменъ и вѣтрь шуменъ, великіе волни возносяй. Остахьжеся и азъ тогда и нощевахь въ кораблѣ. Бистъ же тогда даже до полуноци зѣло буря велика и волненія морская толь силно колѣбаху корабль, яко едва не превратиша, яко ни стояти, ни сѣдѣти, ни лежати безъ придержанія верви, или чесого инного, нѣсть бяше мощно. Наутрѣ же, возсіявшу дню суботному, Септеврія 24 числа, сотворихь азъ благодареніе господо корабленнику, яко по милосердію своему, чаяй царствія небеснаго, превезе мя чрезъ толь великій путъ безъ мзди, Бога ради. Таже, взявши своя рубища, преплловохь, мзду давши, съ прочіими люди къ граду и пойдохъ вь метохь или вь странноприіемницу Іерусалимскую, идѣже прочіи бяху поклонники, предварившіи насъ, отъ купцевь богатихь и благороднихь, такожде и отъ священнихь особъ немало, идѣже вси ожидаху времени, донелѣже пріидутъ отъ Іерусалима возници сь верблюди и повезутъ ихь тамо. Метохь оній есть прежде 3 лѣти, новосозданній многимь коштомь патріархи Іерусалимскаго Хрисанфа, угожденія ради Христіанъ, путешествующихъ тамо, иже приложи много тщаніе о немь и пѣнязей. Сице же лѣпо и премудро устроень и расположенъ, яко отъ всякаго ходящаго тамо похваляемь биваеть и благодареніе творится потщавшемуся о немь. Келій и домовь много иматъ кь сложенію вещей и препочиванію страннихь, чинно, якоже вь нѣкоемь монастирѣ, устроеннихь. Тамо препочивахомь кійждо на своемь опредѣленномъ мѣстѣ, по три и по четири въ келіахь. Бистъ же тогда день суботній, и преклоняющуся слонцу на западь, идохомь ко единой церкве на вечерню, идѣже на единой странѣ пояху по Греческу, на второй же по Арапску. Се же путниковь ради, прибившихь отъ Греціи

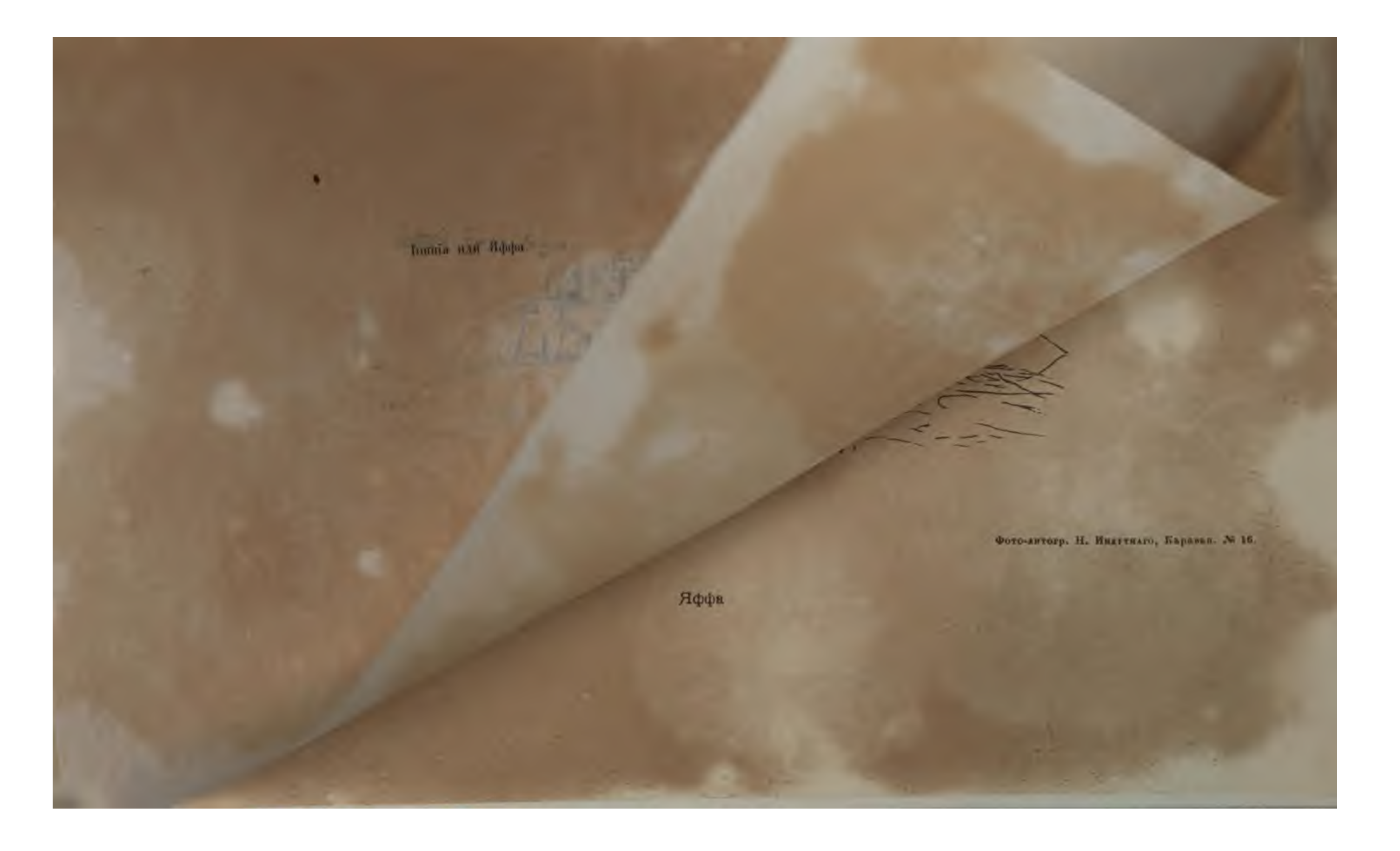
(якоже слишахъ, сотворися); сами же тамошніи всегда по Арапску чтутъ, понеже именуются Арапи бѣліе, бѣлой ради породи своей, и не знаютъ иннаго язика, кромѣ Арапскаго. Имутъ же своя вся книги, кь церкви и вѣри требованію, яже сутъ не печатанни, но рукописанни; писмена же ихъ якоже и Турецкіе. Чинъ вь отправѣ церковной весь держатъ Греческой, токмо каѳизму первую тогда чтоша три дѣтища, единъ по другому, по „Славѣ", на конець. Вѣру Христіанскую православную содержатъ крѣпко и поютъ на тони Греческіе. Ходятъ въ долгихъ одеждахъ и глави не завиваютъ на подобіе Турковъ, якоже и вь иннихъ странахъ Турецкихъ. Жени такожде долгу носятъ одежду, лица своя закривающе́, глави же покриваютъ хустами зѣло долгими, яко воскрилія ихъ даже до земля висятъ. Церковь, о ней же предъ помянухъ, нѣсть церковь совершенная, вь еже би могла въ ней пѣтися литургія божественная, но аки часовня, идѣже нѣсть ни царскихъ вратъ, ни олтара; поетъ же ся тамо токмо вечерня, утреня и часи. Повѣствуютъ же вѣроятнѣ, яко то самій домъ есть, идѣже Апостолъ Петрь дѣвицу умершую, именемъ Тавиѳу, воскреси отъ мертвыхъ. Есть же домъ онъ каменезданъ, сице же зѣло обетша, яко иже прежде отъ бѣла каменя составленъ бяше, нинѣ мнится бити отъ черна, бо очернѣ и укурися дозѣла, ветхости ради, и стоитъ близъ брега морскаго. Близъ его стоитъ вторій престарѣлій домъ, въ немъ же жителствоваше Симонъ Усмарь, въ него же гостивши Петрь, препочивающи на горници, видѣ плащеницу, отъ небесь спущенную, въ ней же бяху животная чиста и нечиста и прочая, о чесомъ пишетъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, и инніе мѣста, идѣже с. Петрь хождаше, сѣдяше, поучаше и прочая. Та вся азъ видѣвши и увѣдавши, дадохъ славу Богу, яко сподоби мя

недостойного оніе святіе посѣщати мѣста, и возвратихься паки вь вишъписанную гостинницу сь прочіими поклонники. Нощи же нашедшей, созва началникь, или игумень метоха того вь особную келію всѣхь путниковь, богатшихь и началнѣйшихь, и представивь имь трапезу честну и учреждаше ихь доволно. Азъ же, убожества ради своего, не званъ бѣхъ, но остахся сь слугами и стоя внѣ дверей, созирахь бившое. По окончаніи же трапези, по обичаю тамошнему биваемому, взятъ игумень странноприіемницы единь блюдь празденъ, и даяху вси, по силѣ своей, по нѣколико златиць, прочіи же сребники, и вписоваша вси имена своя, поминанія ради въ сорокоустахь. Таже, благодареніе Богу сотворше, разидошася на своя мѣста. Азъ же послѣди звань бѣхь сь слугами и послушники Іерусалимскими вечеряти и наситихься отъ збитковь и укруховъ доволно. Заутра же, въ неделю, бихомь на утрни вь тойжде вишшеписанной часовници. Наставшу же дню, пойдохомь вси сь протосингелами Іерусалимскими къ другой церкви, внѣ града на распутіи стоящей, и слушахомь тамо святой литургіи, яже въ полъ, и Арапскимь, и Греческимь язикомь, пояшеся, чтяхужеся двое Евангелія и два Апостоли, да разумѣютъ Арапи и Греки. Но внемли, благій читателю, истину ти реку, яко нѣгдѣже худшой, убогшой и бѣднѣйшой не случися видѣти церкви, яко та. Не глаголю бо о томь, яко не иматъ никаковаго украшенія внутрь: ни образовь, ни свѣтилниковь, ничтоже, но сіе болѣзненно, яко ни покрова, ни врать, ни оконь. Что же иматъ? Точію три стѣни каменнихь, и то не цѣли, четвертая же стѣна, яже отъ входу, развалися даже до землѣ, верхъ же завалися такожде, токмо надъ олтаремъ мало присѣненно тростію; внутрь же, идѣже стояше иногда иконостась, стоитъ прегражденна каменная стѣна

ветха такожде, якоже и церковь. Словомъ рещи, ак
единь пусть вертепъ, идѣже егда приходятъ литу
святую творити, вся сосуди и одежди священн
такожде книги и свѣщи, приносятъ сь собою.
же паки относять. Вопросихь же азь, почт
стіане оной не обновлятъ или инной не со
ствуютъ, яко бѣсурмане, иже тамо о
не соизволяютъ на тое, аще тысящн
же, сребромь и многими дарами пѣс
прочая азъ тамо слишащи и
сердцемь неволѣ ихь и похв
дость вѣри ихь, яко аще и
таются, обаче непремѣнно, яко и
доселѣ, на всякь день молятся Гос
на всякь день на правило кь церкви, н
ское слишахомъ чтеніе, и пребивахомь вь
ной гостинници, ожидающе время путешествію
кь Гробу Господню.

О Іопѣи.

Іопѣя (или якоже тамо именуется Яфа) естъ градъ маль и тѣсень строеніемь, но отчасти иматъ лѣпіе доми, отъ каменей четвероуголнихь, гладцѣ сѣченнихь, зданіе, такожде и прочіи отъ самороднаго камене бѣла составленніе старомирскимь, простимь; улици и стезѣ ускіе и не весма чистіе. Зданія домовь не имутъ покрововь, горѣ возвишеннпхь, якоже вь инних страннахь, и зрятся бити безъ покрововь, но покрови ихь внутрь, между стѣнами суть, отъ каменцовь малихь, праха и вапни, вкупѣ сь водою смѣшеннихь, сочиненное сице лѣпо и гладко, яко ни токь гуменній, лучшій не можетъ бити. Сутъ же вь стѣнахь и дири на улици, ими



Іоппія или Яффа.

Фото-литогр. Н. Индтнаго, Каравап. № 16.

Яффа

[illegible] не обиждать или иной не сотворити? Отвѣт-ствуютъ, яко обѣтреніи, иже тамо обладаютъ, отнюдь не [illegible] до того, яко тысящними молебни, златомъ и сребромъ и многими дарми [illegible] были. Та и прочая вся тамо [illegible] и видимы, соболѣзновахъ сердцемъ [illegible] и посмыслихъ въ умѣ моемъ твердость вѣры ихъ, яко аще и въ таковой нуждѣ обрѣтаются, обаче неуклонно, яко и прочіи Христіане, [illegible], на всякъ день молятся Господеви. Хождахомъ [illegible] на всякъ день [illegible] къ церкви, [illegible] чтеніе, и пребывахомъ въ [illegible] гостинницѣ, ожидающе время путешествія нашего ко Гробу Господню.

О Іоппѣи.

[illegible] (или якоже тамо именуется Яфа) есть градъ [illegible] строеніемъ, но отчасти имать [illegible] четвероуголныхъ, [illegible] якоже и прочіи отъ самородного камене [illegible] простяще [illegible] части. Зданія довольно имутъ покро-[illegible], горѣ [illegible], якоже въ нашихъ Украинахъ, [illegible] другія [illegible] безъ покрововъ, но покрови ихъ [illegible]

ἰωππὴ ἤγουν ἰάφα.

Фото-литогр. П. Ивдетваго, Караван. № 16.

Яффа

же отъ покрововь онихь дождевная истѣкаеть вода. Полать високихь суть мало, токмо нѣколико бѣсурманскихь, прочіи же домове нѣ сутъ много високи, но иніе до двохь точію степеней, едни верху другихь, иніе же до тріехь. Отъ моря зрится градь бити строеніемь високь, того ради, понеже стоить на брезѣ крутомь, предъняя убо зданія стоятъ низу, а яже созади—на височайшемъ мѣстѣ; отъ земли же, грядущи отъ Іерусалима, нижнихь домовь не зрится ничтоже. Мѣсто оное, ветхости ради своей и пристанища корабленнаго, есть бо повсюду тамо пресловутое, занеже кораблѣ Французкіе, Ангелскіе, Турецкіе, Венецкіе и отъ прочіихь странь тамо приходятъ, иніе сь товари, инніе же сь поклонниками Іерусалимскими. Обитаетъ же тамо и консуль Французскій, си естъ совѣтникь, управленія ради своихь людій, тамо приходящихъ. Есть же и монастирецъ маль Римскій, идѣже единъ инокь брадатій, мню капуцинь, живеть, духовной ради потреби кь своему люду; церкви же Римской нѣсть, не соизволяють бо устроити невѣрніе. Иматъ къ тому градъ той двѣ крѣпостѣ, зѣло тѣсніе, сь арматами, кь сопротивленію враговь устроенніе, и мѣсто кь сочиненію пристанища лѣпое могло бы бити, (якоже иногда и бистъ), аще би въ руки мудрихь строителей отдано било. Іопѣя стоитъ на брезѣ близу, яко и домовь основанія касаеться вода морская. Поля равнаго имать много, окресть протяженнаго, но землю пѣсковатую имущаго, идѣже хлѣба оскудно раждаеться и лозія зѣло мало, понеже Арапи природнѣ вина не обикоша пити и ни иннаго хмелнаго питія, тако богатіи, якоже и убогіи, токмо воду едину, того ради и лицемь неблагообразни суть, но черни, сухи, звѣровидни; аще нѣціи и піють, то зѣло мало, и малочисленни такови обрѣтаются, развѣ тіи, иже проходятъ въ страну

Греческую. Воду имутъ во студенцахъ копанних, отъ спудовь земних исходящую и кь питію невестна здраву, найпачеже иностраннимъ людемъ. Древеса садовная, смокви, маслини и рожди токмо плодоносять, иніе же не обрѣтаются. О дрова нуждно приходять и скупо продаются, понеже лѣса нѣсть близу, но далече продолжиша поля равніе, пѣсчастіе, кътому же сухіе и трави не родящіе и води мало имущіе, ибо въ той странѣ много жжеть солнечная луча и горячесть велія есть, яко толща земли просядеся на земли на частихь мѣстѣхъ, идѣже ни трава, ни биліе зеленѣти не можеть, якоже вь странахъ Россійскихъ, но вся усихають, и аще уже тамо вь оное время мѣсяць Септеврій кончашеся, обаче таковая бяше теплота, яковая биваетъ вь земли Руской посредѣ лѣта. Тамо недалече отъ Яфи отстоятъ многіе градове и веси, о нихъ же воспоминаніе творится въ Писаніи Божественномь. Отъ восточнія убо странни сутъ сіи: Лида, иже есть отчество святаго великомученика Георгія, Назареть, Іерусалимь сутъ далече отъ моря; на приморіи же суть сіи: мѣсто нарицаемое Ибсялемь, идѣже Христосъ Господь вопроси учениковь: „кого Мя глаголють человѣци бити, сына человѣческаго? Инніи глаголаху, яко Илію, другіи, яко единаго отъ Пророкъ. Петрь же рече: „Ти еси Христосъ, Ти еси Сынъ Бога Живаго“. Нынѣ же на мѣстѣ томь стоитъ джамѣя Турецкая, пуста. Таможде недалече стоить градъ пусть и раззоренъ, рекомій Кесарія Филипова; таже далѣе Тирь, и Сидонь и Кармиль гора, идѣже постяшеся пророкь Илія. Отъ полуденнія же странни Рама, Газа, таже далече Александрія, Египеть, Гора Синайская, Аравія, идѣже черніе Арапи жителствують. Отъ западнія же странни море, къ всѣмь странамъ путь имущое. Пребивающимь убо намъ вь градѣ Іопѣи, вь вишшени-

санномъ гостинномъ монастирѣ патріаршемь нѣколико дній, дойдоша отъ Цариграда многое множество народа Арменскаго, не мало же и Жидовскаго, сь женами и дѣтищми, грядущіе на поклоненіе кь Іерусалиму; обрѣтохомъ же и отъ предьварившаго насъ народа изобилно, но ни отъ коея інія странни не бистъ толь много, яко отъ Константинополя, понеже убѣгаху оттуду много, бывшаго ради тамо великаго гнѣва Божія, моромь лютомь люди казнящаго. Сображеся тогда нась народа всѣхь поклонниковь Іерусалимскихь, отъ Грековь, Арменовь и Евреовь, близъ тисяпци душъ, и пребиваху вси вь особнихь гостинницахь, ожидающе время, донелѣже будетъ повелѣно пойти кь Іерусалиму отъ градоначалника, по обичаю тамошнему. Обичай убо естъ таковъ: егда соберутся поклонниковь много, ихъ же именуютъ тамо хадзии, тогда начальникь града Іопѣи, именуемій паша, пишеть посланіе кь Іерусалиму, да пришлютъ ему людій съ верблюди толико, елико могутъ вся вещи путниковь взяти и отнести вь Іерусалимь, и паки, да пришлють верблюдовь, месковь, ословь и коней толикое число, елико можетъ всѣхь ходзѣевь, си естъ путниковь, на себѣ превезти. Посла же тогда паша вѣсть кь Іерусалиму, и присланни биша Арапи мнози сь верблюдами, ослами и проч. и вземше вся вещи путниковь, повезоша тамо преди за мзду, Септеврія 27 числа, въ въвторникь. Таже, нощи надшедшей, приспѣша отъ Іерусалима другіе Арапи сь вящшимь и множествомъ различнихь животнихь, отнесенія ради всѣхь путниковь вь Іерусалимь. Взятъ же паша Іопійскій отъ всякой души дань отъ пѣнязей и даде всѣмь знаменія, на хартіяхь написанная, въ еже би волно изійти отъ града. Дадоша же миряне вси по седмъ толярей и полъ, иноки же по три и полъ; равную же и азъ сь иноками дадохь дань,

наставленіемь протосингелей Іерусалимскихь, пройдохь бо вьмѣсто инока удобно, понеже толъ въ долгомь моемъ путшествіи обрасль биль долгими власи главними и малою брадою, къто́му же черніе всегда носяхь одежди и покровь главній, подобній иноческому, его же невѣрніи не разсмотряютъ. Богу же промишляющу о моемь убогомь странствованіи подь видомь сицеваго образа полезно ми бистъ. А иже по мирску одѣянь, аще би и худѣйшіе и послѣдніе рубища на себѣ носиль, долженъ естъ дати равную съ прочіими дань, не зритъ бо невѣрній на нищету, ниже иматъ милосердіе, но токмо исчисляетъ глави. Милосердіе бо есть добродѣтель, а иже не иматъ вѣри, той ниже добродѣтели. Но вѣдомо буди всякому, хотящому знати, яко мзда она, юже именуютъ тамо кефари, того ради вземлется неотмѣнно отъ паши градоначалствующаго, понеже онъ посилаетъ людій своихь въкупе съ поклонниками провожденія ради даже до Іерусалима. Аще бо би не било сице, то би отнюдъ невозможно било тамо проходити никому же, разбойниковъ ради множества, тамо обрѣтающихся, иже, егда человѣка нѣкоего похитятъ вь свои руцѣ на поли, аще не убіютъ, то біюще каменіемь, ели жива оставять при пути, обнаживши его даже до послѣднего рубища. Сего ради, разсудивше, да не погибаетъ много, взимають мало и безъбѣднѣ проводими бивають страннопришелци. И тако, егда собра паша тогда отъ всѣхь хадзіевь, си естъ поклонниковь, мзду свою, даде всякому на малой хартіи печать свою, съ подписомь, даде же и Арановь коннихъ и пѣшихь сь оружіемь и дреколми, да шествуютъ съ нами вь Іерусалимь и агу началствующаго представи надъ ними. Тогда предъуготовившеся вси на путь, инни всѣдоша на верблюди, и инни же на кони, друзіи же на меске и прочіи на осли, и

кійждо по мздѣ и воли своей. Азъ же, частію убожества дѣля, щадя пѣнязь на нужднѣйшое, частію же Бога ради, на посѣщеніи святихь мѣстъ потрудитися хотящи, пѣшеходити изволихъ. Двигнухомься убо отъ Іопѣи Септеврія 28 числа, въ среду, предь обѣдомь, за два часа или ранше, идѣже исходяще изъ града, дахомь вси печати своя, яже имѣхомъ отъ паши, и по двѣ пари стражникомь, вь вратахь стоящимь. Таже изійдохомь вонъ, идѣже инніе Арапи скитающіеся по поляхь въ худихь и раздранних одеждахь, взимающе коней за брозди и не пущающе далѣй шествовати, искаху отъ всякаго нѣчто отъ пинязей, глаголище Арапскимь языкомь: „альбакшишъ", то естъ даждь дарь, и роздаяху сребренники на многихь мѣстехь; аще же кто не хотяше дати, то́ біяху жезліемь, во слѣдъ гоняще осла или коня; искаху же и отъ мене, но не даяхь имь ничтоже, и попихаху мя, посмѣвающеся. Егда же отьидохомъ отъ града недалече на поле, ожидахомь на единомъ мѣстѣ путниковь прочіихь, донелѣже собрашася вси вь единь полкь, и пріидоша провождающіи насъ Арапи сь началнимь своимь, отъ нихъ же пѣшеходци идоша преди, конніи сьзади, посредѣ же чинно грядяху всѣ хаджіи. И тогда, призвавше Всемогущаго Бога и Творца своего вси на помощъ, начахомь шествовати, сіи на конехь и сіи на верблюдахь, аки на колесницехь, ми же, вь имя Господа Бога нашего совокупившеся, нѣціи убозіи грядохомь пѣши. Бистъ же нась тогда всѣхь полкь великь, яко до полтори тисящи душъ и зряшеся народъ, аки нѣкое войско, грядущое на брань. Имѣхомь путъ шерокъ, равнимь и долгимь полемъ, идѣже нѣсть ни древа, ни травь лѣпихь, но всюду пѣсокь бѣль и земля просѣдшаяся отъ горячести солнечной и весей мало. Тогда прейдохомь чрезъ едину весь, зѣло

ветху и малу, яко едва живущь кто обрѣтается; таже мимоидохомь ошуюю вторую весь, именуемую Лида, идеже бяше отчество святаго великомученника Георгія. Послѣди полудни доспѣхомь кь граду Ремли.

О градѣ Ремлы, или Рамѣ.

Входящимь намь вь градь Ремль, устрѣтаху нась множество народа отъ Арменъ, Римлянъ и Еѳіоповь, тако отъ вѣри Греческой, яко и отъ Турецкой, и раздѣлихомься вси, по обичаю тамошнему, на различніе гостинници: Армени особь, Евреи особь, ми же, Христіяне Греческой вѣри стахомь особно въ страннопріимницѣ патріаршей, при храмѣ святаго Георгія стоящей, и нощевахомъ тамо, ожидающе до утра, донелѣже намъ будеть повелѣнно изійти отъ града. Бихомъ же въ церкви святаго Георгія на вечерни, утрени и службѣ Божой, идѣже чтеніе Еѳіопское есть, якоже и въ Іопѣи. Пришедше же иноки Іерусалимскіе сь поклонники Греческими въ полъ сь Арапи по Греческу пояху и чтяху. Зданіе храма того есть зѣло ветхое, отъ каменей бо сѣченнихь великихь лѣпо сложень есть, къ тому же и пространенъ внутръ и лѣпаго расположенія есть. Имѣяше же иногда извнѣ верху глави, нинѣ же разорени сутъ и поверху ихъ покровъ равень стоитъ и дира среднея глави закровенна бревнами древяними. Отъвнѣ же никаковой лѣпоти нѣсть, понеже стоить между домами иними, и сама есть, якоже нѣкій домь. Стоитъ же низу, яко на 10 степеней въ землѣ. Се же того ради, яко ветха есть лѣтми, и по многихъ временехь возрасте градъ вишше, она же нерушима единаче даже доселѣ пребиваеть. Внутрь имать токмо престоль единь къ совершенію божественнія литургіи. Формь внутрь нѣсть

кь поддержанію тѣлесь, якоже вь странахь Греческихь обичай есть многимь бити вь церквахь, идѣже распявши руцѣ обоюду, повѣшаютъ униліе тѣлеса своя, не глаголю старіе, симъ бо прилично, немощи ради ихь, но юноши и младенци или, паче рещи, дѣти тамождe вкупѣ въ чину старихъ стоять. Что же глаголю стоятъ, мнятся токмо стояти, вещію же самою вѣдять сь всякимь угожденіемь, еже гдѣ любо буди обрѣтается въ православной христіянской вѣри, и не лѣпо и сь грѣхомь есть. Тамо же не тако, но вмѣсто формь суть сотворенніе милици древяни, на них же обикоша хроміе ходити, ими же подпираются старіе и немощніе на правилѣ церковномь, прочіи же стоять посредѣ церкви, ниже до стѣни прикасающеся, еже достойное есть похвали. Подножіе храма того великими каменними дсками гладцѣ посланное и украшеніе образовь отчасти лѣпотное. Суть же внутрь столповь високихь мраморнихь шесть отъ цѣлаго каменя изсѣченнихь гладцѣ, ими же обдержится верхь церкви тоя; ихь толстота, яко единому человѣку едва обяти мощно руками. Отъ онихь столповь единъ есть образомь и дѣломь различень, въ углѣ отъ страни ошуия стоящь и имущь на себѣ ветхая Греческая написанія. Принесень тамо чудомь святаго Георгія сице [1]: Градъ тотъ (якоже рѣхь) именуется Ремль. Се же Еѳіопскимь, Греческимь и Агаранскимь язикомь, Россійскимь же или Славенскимь Рама, о ней же воспоминаеть Евангелисть Матѳей въ главѣ 2, егда пишетъ о избіеніи младенець сице: „Тогда Иродь, видѣвь,

[1] Въ подлинникѣ оставлено мѣсто для выписки изъ Житія св. великомученика Георгія и только съ боку замѣчено: „Чти въ житіи с. великомученика Георгія“; а въ другихъ спискахъ: „Якоже о томь пространна есть исторія въ житіи святаго великомученика Георгія, изволяй да чтеть тамо“.

яко поругашася ему волсви, разгнѣвася зѣло, и пославъ изби вся младенци сущыя въ Виѳлеемѣ. Тогда скончася реченное Пророкомъ, глаголющимъ: „гласъ, рече, въ Рамѣ слышася, рыданіе и плачъ многъ; Рахиль плачющися чадъ своихъ и не хотяше утѣшитися, понеже не суть". Рама мѣсто високо сказается, якоже чтохъ въ Толкованіи: есть же мѣсто сіе високое въ Палестинѣ. Случижеся въ жребіи племене Веніаминова, Веніаминъ же бяше сынъ Рахилинъ, Рахиль же въ Виѳлеемѣ погребенна бысть. Сего ради Пророкъ Рахиль Виѳлеемъ нарицаетъ, понеже въ Виѳлеемѣ Рахиль погребеся. Гласъ же, слышанній въ Рамѣ, сирѣчь въ мѣстѣ високомъ. Мѣсто оное нѣсть градъ, понеже не огражденъно стѣною окрестъ, отнюду же би моглъ защититися противу врага своего, но есть аки нѣкая знаменитая весь; аще бо и врата внутрь иматъ, но та всегда отворенна стоятъ, якоже и въ Іопѣи. Симъ токмо разнствуютъ, яко Іопѣя пристанищемъ славна, Рама же пристанища не иматъ, но стоитъ на земли равной, пѣсковатой, на мѣстѣ веселомъ, понеже окрестъ себе иматъ много садовъ, зеленящихся всегда отъ древа маслиннаго, маслина бо и въ лѣтѣ и въ зимѣ зеленое и здравое листвіе иматъ, и равностъ поля отъ восточнія и западнія странни распространися, отъ полуденнія же странни горп Іерусалимскіе високіе отстоятъ недалече, яко полдня хожденіемъ; кромѣ же того и внутрь иматъ древеса: финики, смокви, ройди, лимони и помаранчи, лозіе же не обрѣтается, ни вино, понеже Еѳиопи зѣло лѣнивъ и развращенъ народъ и самъ не піетъ вина и пити хотящимъ не плодородитъ; не токмо же то, но и на хлѣбъ мало землѣ орутъ, сего ради и скупою продается цѣною, единаче якоже и въ Іопѣи, еже бо въ Солуни третую частъ сребника дати треба, тамо цѣлій за толикожде, и вся

третицею дражайше. Есть же тамо торжище, идѣже купеческихь каморь токмо двѣ или три, и то убогіе, прочее же ничтоже обрѣтается, развѣ снѣднихь вещей, и то развѣ хлѣба и смоковъ или инних плодовь, сира мало, млека никогда же продають, понеже зѣло нуждно жити овцамь, ибо поля и гори безъ трави суть, ово каменя и пѣска ради, овоже теплаго ради края, ибо дождеве тамо чрезъ все лѣто не омочаютъ земли, развѣ въ зимное время: къ тому же народъ золь и лѣнивь на всякое дѣло. Мясо обрѣтается, но драго; риба же отнюдъ не обрѣтается, понеже окрестъ нѣгдѣ ни рѣки, ни езера нѣсть; аще и явится когда, то развѣ принесенна будетъ отъ Іопѣи, и тогда мало кто ея требуетъ. Арапи бо обикоша хлѣбь ясти съ елеемъ, понеже елея доволно есть, ини же фаву и сочиво. Французи же, иже тамо нѣколико обрѣтаются, тіи не ищутъ много, понеже всегда мясо и сирь ядять. Нуждно же тамо ясти вареніе и хлѣбъ пещи, скудости ради дровь, понеже нигдѣ окрестъ на поляхь нѣсть лѣса, токмо отъ между горъ Іерусалимскихь издалече приносятъ. Тамо обрѣтаются четирехь вѣрь людіе: Христіяне Еѳиопи вѣри Греческой, Римляне, Армене и Махометане. О Греческой церкви с. великомученика Георгія прежде рекохь. Ходихь же азъ тамо посѣщати и Арменскую гостинницу, виденія дѣля, идѣже церковъ простаго каменнаго зданія, но иматъ свою лѣпоту внутрь и украшеніе. Гостинница же ихь зданія многа, пространна и лѣпа строеніемь иматъ, съ насажденними древеси лимонними, и студенци, отъ камене гладцѣ устроенними, страннимъ ради почерпанія води, въ нихъ же вода отъ дождя въ зимное время собранна стоитъ и піютъ ю даже до года, сице и въ Греческой гостинници и въ всемь градѣ, понеже въ землѣ источника трудно обрѣсти. Тогда бистъ тамо множество

народа отъ Армень, грядущихь на поклоненіе къ Іерусалиму, яко наполнитися всѣмь домомь тамо въ гостинници, аще есть и велика, аки нѣкій монастирь. Мало же отъ нихь бяше убогихь, но все богатіе господіе и великіе купци, сь женами и дѣтми, бяху, наиболше же отъ Константинополя, мора ради бившаго въ немъ. Утру же бившю, Септеврія 29 числу, въ день четвертка, рано обійде вся гостинници самь началникь мѣста того съ прочіими Махометани и подобнимь обичаемь тамо, яко же и вь Іопѣи, взятъ мзду за стражь, яже провождаше нась. Творять бо, яже хощуть, въ рукахь своихь держаще мѣста Святая. Но тамо пользмзди Іопскія дается: отъ мирскихь убо отъ всякія души, малія же и великія, взяша четири златихь Турецкихь, се же есть три таляри, отъ иноковь же по два златихь, си есть по полтора таляра и еще двѣма сребники вящше. Дадохь же и азъ тогда равное съ иноки поплащеніе, Богу о мнѣ сице промишляющу наставленіемь добрихь людій, черноризецъ бо и худоризецъ бѣхь, сего ради не много презиранъ бѣхь, но подъ видомь нища и убога инока пройдохь. Егда же дадоша вси свое должное и взяша печати, подобнѣ якоже и въ Іопѣи, тогда испущенни бихомь вси изъ града, давше имь печати ихь сь мздою двохь сребникь, еже есть двохь парь, и изшедше того дне предъ захожденіемъ слонца внѣ Рамы, стояхомь на поли равномь, по хотѣнію провождающихъ ны, даже до четирехь часъ нощи и вящше. Таже двигнувшеся оттуду, яко близъ полунощи, и мѣсяцю полну тогда свѣтящу намъ, пойдохомь въ свой путь. Тогда азъ пройдохь преди, предваряя коннихь, занеже между конними нужда пѣшу шествовати, ово подавленія ради, ово же праха ради, копитами скотскими горѣ возбіеннаго и вь очеса и нось летящаго: вси бо, иже бяху пѣши, преди грядяху. Ви-

дящи убо азъ тогда Еѳіоповь отъ полка нашего, пошедшихъ впредь, яко пятънадесятъ человѣкь, послѣдовахь по нихь издалече, понеже конници не исправиша народь въ чинь ко шествію. Егда же шествовахь, яко четвертую часть часа, бѣхь далече отъ полка своего, яко не токмо невидяшеся, но ниже гласъ народа слышатеся можаше. Тогда начахъ усумнѣватися, да некако что зло пострашду отъ Араповь, слышахь бо золь народь сущъ и разбойническь. Не вѣдяхь же что тогда творити, не смѣяхь бо ниже выпредь шествовати, ниже вьспятъ, ниже ожидати на пути, понеже и предидущихь и послѣдующихь мнѣ видѣхь Еѳіоповь издалече. Обаче размисливши, положихь помощь на Силнаго и грядяхь, якоже и прежде. Богъ же (мню, любяй мя) попусти мя въ малое наказаніе, лучшаго дѣлъ исправленія: его же Богъ любитъ, того и наказуетъ, глаголетъ Писаніе. И се мя начаша постизати Еѳіопи, скоро бо шествуютъ, яко скоти, изученни отъ обикновенія всегдажшнаго, и всякь достигій ощущаше пиру мою, юже на хребтѣ ношахь съ хлѣбомь, и инніи убо мимоидоша, видѣвше мя съ хлѣбомь токмо и жезломь шествующа, прочіи же прошаху хлѣба. Азъ же ѳще прежде увѣдавь о нравахь ихь, ношахъ всегда съ собою хлѣбъ готовь на раздаяніе, и иже убо прошаше, даяхь единь посмагъ, сухарь, и тымь отчасты ползу мира получахь. Псовь бо яростнихь многожде обикохомь хлѣбомь отгоняти, и паки ничтоже благопріятнѣйшое можетъ бити алчущему, паче хлѣба. Аще же и самъ мало имѣхь, но и той раздѣлихь, хотя безъ пакости прейти. Тогда мимоидоша мя едини и другіе и достигше попреди грядущихь Еѳіоповь и возвѣстиша имь о мнѣ. Тіи же завистнѣйше имущи сердце и аки лви на ловь, готови суще на грабленіе и разбойничество, и видящи мя уединенна, далече

отъ народа, омедлиша мало донелѣже приближихся къ нимъ, и тогда возложше на мя руцѣ, яша мя и начаша торгати сѣмо и овамо, овіи за ризу, ови же за пиру, хотяще мя обнажити и послѣднихъ рубищъ и глаголюще: „алъ бакшишъ“, еже есть „даждь даръ“, аки би рещи: искупися. Азъ же, аще и не знаяхъ Арапскаго язика, но разумѣхъ умомъ, яко пѣнязей отъ мене требуютъ и недоумѣвахъ, каковимъ би язикомъ имъ отвѣтствовати, нарѣчіемъ убо Турецкимъ, его же зѣло мало знаяхъ, рекохъ, кланяяся имъ, глаголющи: „что отъ мене ищете? азъ есмъ человѣкъ нищъ и убогъ и ничтоже имамъ, токмо о единомъ хлѣбѣ и водѣ путшествуяй, оставите мя съ миромъ, Бога ради“. Они же не внимающе, свое дѣяху. Бяху же собранни числомъ, яко двадесятъ, вси пѣши, не имуще ничтоже, токмо жезліе въ рукахъ и ножи великіе, обоюдуостріе о чреслѣхъ своихъ. Единъ же между ними бистъ Агарянинъ, на ослѣ грядій; той убо аще и съ ними бяше, но не отъ нихъ, си есть, аще едину и туюжде вѣру махометанскую съ ними вкупѣ имѣяше, но не отъ Ѳѳіопскаго народа бяше, знаяше же и язикъ ихъ. Той, яко старъ сѣдиною сущь между ними, начатъ имъ претити, наказовати онихъ, да мя оставятъ въ мирѣ. Они же, не слушающе сего, не престаяху творити начатое и хотяху мя совлекти отъ всего. Тогда начахъ азъ вопити къ предьреченному Агарянину и преступльши къ нему, лобизахъ руцѣ его, молящи прилѣжно, да мя заступитъ. Онъ же (виждъ добродѣтель) слѣзе съ осла долу и взятъ мя за руку, другою же рукою отрѣваше отъ мене Арановъ, порѣвающихъ и толкущихъ мя въ боки, и непопусти же имъ ничтоже отъ мене взяти, кленуще я Богомъ и вѣрою ихъ. Они же паче разгнѣвашася и на его и на мя, и пакости ми дѣяху, и хотяху исхитити отъ

рукъ его. Агарянинъ же не хотяше кътому шествовати, но сѣдь при пути и посадивши мя сь собою, ожидаше, даже приспѣ полкь весь народа. Не отидоша же ниже они окаянніи, обсѣдше и оступивше окрестъ, много мнѣ ругахуся и пакости дѣяху, ови вь образъ, друзіе вь перси, нѣціи же вь вію и плещи, прочіи же вь боки руками приражаху, прекорчающе персты, и пястницами подбиваху, или, просто рекше, кулаками, инніи же, вьмѣсто собченнихь перстовь, камень въ рукахь держаще, бодяху, единъ же, имѣяше иглу велику, ею же купци мѣхи великіе наполненніе товари, зашиваютъ, и бодящи мя ею въ вію, требоваше отъ мене пѣнязей, другій же веземъ песку отъ землѣ и метну ми на образъ и засипа ми уста и очеса. Аще бо и возбраняше имь оній Турчинъ и отрѣваше руки ихь и отгоняше, аки псовь, но не можаше ничтоже противу множества чинити. Азъ же ничтоже инно не отвѣщахь, точію: „оставите мя, Бога ради, яко убогь есмъ человѣкь и ничтожа имамъ“. Многажди же осязаху нѣдра моя и пиру ощущающе и ищущи динарій, но, Богу призирающу на мя, не обрѣтоша; аще бо биша были обрѣли, было бы нѣчто горѣе. Единъ же хотяше изути сандалія отъ ногу моею, зане той имѣяше хуждшіе моихъ, сего ради завистъ имѣяше, но не може, возбраняющаго ради Агарянина. Тогда воистинну приличествоваше мнѣ глаголати царствующаго Пророка словеса: „обійдоша пси мнози, сонмь лукавихь одержаша мя“, хотяще себѣ раздѣлити, не глаголю ризи, но рубища моя; и каковое тогда бяше помишленіе, аще не къ смерти, егда уже и ножемъ намѣрахуся и палицами! Молихь же азъ въ часъ той Всемогущаго Владыку и Бога, да мя сохранитъ невредна и безъ пакостна, и бистъ Господь утвержденіе мое, помощникь мой и защититель въ день печали моея,

нань упова сердце мое, и поможе, и избави мя отъ врагь моихъ силнихъ и отъ ненавидящихъ мя. Ожидахомь же тамо сѣдяще, яко четвертую часть часа, и еще не усиспѣ ко намъ народь, косняше бо на пути, нѣкоего ради препятія. Хотяше же Турчинь всѣсти на осла своего и оставити мене, омерзѣ бо ему долго сѣдити; и егда воста отъ земли, паки двигнушася Арапи на мя. И моляхь его, да еще мало пождеть, и сотвори со мною по милости своей, якоже хотѣхь, отганяя Еѳиоповь отъ мене и наказаніемь и моленіемь. Видѣша же разбойници, яко никакоже ползовашася отъ мене, начаша просити, да поне хлѣба дамь имь, хотящи мя лукавствомъ своимь ухитрити, да егда бихъ снялъ пиру отъ плещей и началь разрѣшати ю, могли би отъяти вся. Азъ же, предпознавая помишленіе ихь, не покусихся отрѣшити ю, отвѣствуя, яко мало имамь и самь есмь скудень кь препитанію. И се доспѣша кь намъ отъ полка нѣколико Араповь пѣшихь и возвѣстиша, яко близь грядяше народь. Они же воставше вси, идоша и гониша мя, да иду преди, мнѣ не хотящу насиліемь поганяху мя, попихающе созади. Шествовахъ же азъ медлящи и озирающися воспятъ кь народу частѣ. Егда же узрѣхь очима близу, уклонихся нечаяннѣ отъ между ихь и пойдохь скоро воспять. Видѣша же, яко ничтоже мнѣ прежде не могоша отъяти, Агаранина ради, погнася единъ отъ нихъ за мною и взятъ каменъ въ обѣ руцѣ великъ и постигнувь мя, удари отъ всея сили своея въ хребеть, яко ми пасти на землю й возопити. И абіе слышавь гласъ мой предъній яздець, прибѣже воскорѣ, но не обрѣте его, внезаапу бо отбѣже злодѣй онъ кь другомъ своимь. Азъ же съ нуждею совлекохся отъ земля, едва могій шествовати, и къ тому не лишихся людій, но вкупѣ шествовахь съ ними. Бистъ же путь равній,

и углажденній, и шерокій, подобній, якоже и отъ Іопѣи, прейдохомь все полемь нагимь и пѣщистимь и безъводнимь, нигдѣ бо на пути ни криници, ни студенца нѣсть. Почерпоша же тогда хадзѣе еще отъ Рами воду, елико довлѣти даже до Іерусалима, и везоша всякъ на своемь скотѣ. Азъ же, понеже пѣшь грядохь, не могь доволно на себѣ понести, но сосудецъ маль, его же при поясѣ носихь, наполнилъ бѣхь и тѣмъ хотѣхь удовлетворитися, мало омочающи въ время жажди уста. Обаче драпѣжній оній и безъчеловѣчный народь Еѳиопскь не остави ю имѣти, но отъяша тояже нощи и испиша, мене жаждею изнурятися сотвориша, праздень сосудъ носяща. Шествовахомъ же чрезъ всю нощъ, нигдѣ не препочивающе, ниже каковія любо веси обрѣтающе. Таже, восходящой денници солнечной, егда уже окончися равностъ поля и начахомъ входити въ гори узкимъ и каменистимь путемь, тамо по повелѣнію паши, провождающаго насъ, почихомь мало, яко полчаса, донелѣже просвѣтихомся днемъ, бояхомъ бо ся нощію входити въ гори, да нечто зло постраждемъ, бяху бо жени и дѣти маліе сь нами. Утру же бившу рано, завратися путъ нашъ на востокь и пойдохомь внутрь горь и вертеповъ, узкій и тѣсенъ путъ имущихъ, идѣже по два яздци токмо вкупѣ прохождаху. Шествовахомь же тогда все горами великими и високими, ниже трави, ни билія имущими, но токмо едино каменіе твердое и бѣлое, аки варь. Обрѣтаютъжеся и древеса, но мало и малаго возраста, води же нигдѣ не видихомь, ниже ни единія веси прейдохомъ. И елико приближахомься къ Іерусалиму, толико на вящшіе восхождахомъ гори, и инніе убо прехождахомь, инніе же обхождахомь. Бистъ же тогда путъ нашъ сѣмо и овамо покривленъ, вь подобіе ползящаго змія, идѣже не токмо пѣшимь, но и коннимь зѣло нуждное бяше прехожденіе.

Шествовахомъ же сице даже до полудни, необрѣтающе нигдѣ людій живущихъ. Близъ времени же полуденнаго прейдохомъ село малое, именуемое Еммаусъ, о немъ же Евангелистъ Лука въ главѣ 24 воспоминаетъ, егда самъ съ Клеопою грядяша тамо, въ день воскресенія, и бистъ бесѣдующема има, самъ Іисусъ приближися и идяше съ нима, и не познаста Его первѣе, таже въ вечерь познася има въ преломленіи хлѣба и послѣди не видимъ бистъ. Весь Еммаусъ отстоитъ отъ Іерусалима шестіюдесятъ стадій. Стоитъ же низу въ долинѣ, между горами високими, окрестъ обстоящими; иматъ же отчасти и древеса садовнаго при себѣ отъ смоковницъ и маслинъ, прочее же ничтоже, опустѣ бо и мало домовъ иматъ, и христіяне тамо не обитаютъ, токмо нѣколико Араповъ. Поминувши же Еммаусъ, шествовахомъ еще болшими горами и долинами, идѣже азъ, ово отъ жестокаго пути и твердаго каменія, ово же отъ теплоти солнечной, ово же отъ жажди, изнемоглъ бѣхъ сице, яко едва насиліемъ влачахъ ноги своп. Прешедше же отъ Еммауса едину велику гору и низъпустившеся въ удоль, зѣло низкій, обрѣтохомъ источникъ хладенъ води, текущій отъ спудовъ земленихъ, и пиша вси отъ нея жаждущіи съ благодареніемъ. Оттуду же на вишшую, паче всихъ, восходихомъ гору. Егда же взійдохомъ верху ея, къ тому низу низпущахомъся, но идохомъ, яко полчаса, по верху горъ, даже до самаго града Іерусалима. Каковую же бѣду и нужду претерпѣ народъ отъ безъсгудниxъ и проклятихъ Еѳіоповъ, донелѣже прейде гори тія, воистинну изрещи невозможно. Егда бо испервa начахомъ входити въ великіе гори и пріидохомъ къ узкому прохожденію въ едину долину, тамо предваряюще насъ многое множество собрася онихъ, иніи съ копіями, инніе же съ дреколъми, и ставше на пути, възбраняху намъ шествовати, ищуще отъ насъ

бакшиша, еже есть дара. Сопротивляхужеся много имь провождающіи насъ, но ничтоже имь внимаша, ни бо боятся кого, ниже срамъ имутъ. Аще же и дадоша нѣчто отъ динарій попреди грядущіи поклонници, но не быша тимъ доволни, но грядяху вкупѣ съ нами при полцѣ и нападаху всякаго, воспящающе мески и осли и ищуще отъ коеяжде души по сребнику, и иже даяху, свободнѣе шествоваху, а иже, или скупости ради, или убожества, не даяху, тихъ попихаху и каменми толцаху созади. Прешедше же мало паки другіе и совокупившеся съ первими горшу бѣду народу творяху, нѣціи просяще хлѣба, друзіи же пѣнязей, и елика хотяху творяху. Паки, егда прейдохомь далей, инніи нападоша, и тако на многихь и частихь мѣстехь стояще уготовани и присовокупляющеся народу поклонникь, вси вослѣдь грядяху. Сображеся ихь многое число, едва не равно съ нами, и твориша пакости людемъ многіе, и биша послѣдня горша паче первихь. Что бо не дѣлаша беззаконіи! Множицею бо, бестудніи и безсовѣстніи, ко единому человѣку прихождаху и искаху отъ него бакшишъ, аще уже не единожди, но и десятерицею взяша. Дотолѣ же удержавають коня, или верблюда, или осла донелѣже ему не дасть сребренника, и аще отбѣжитъ единь, то по малѣ другій прискочитъ, и не оставитъ тя, донелѣ не даси и тому. Потомь иній стужаетъ, таже по малѣ паки приходитъ тойжде, аки не познаваемъ, и ищетъ сребреника отъ тогожде, отъ него же взятъ, и аще и речетъ ему, яко уже еси взялъ не единожди, но множицею, то запирается отнюдъ, глаголющи, яко еще первѣя отъ него ищетъ, и дотолѣ не отступаетъ донележе или пріиметъ что отъ него, или украдетъ. Аще же не можетъ испросити сребреника, то поне хлѣба проситъ, да не тощь оставитъ человѣка; аще же

ниже то получить, тогда ударяетъ или палицею, или каменемь, и сохраняется между полкь народа и не познавается, вси бо единаки ризи носять. Горе же женамь бисть, иже ни ополчитися, ни сопротивитися имь ни мало можаху и раздаяху множае сребникь, нежели человѣци, и многіе пакости пріймаху отъ оnихь проклятихь Еѳіоповъ, иже овихь подбиваху пястницами, инихь же каменьми, а иже есть жестока сердца и хотяше сопротивлятися имь, тоя и палицами коснушася. О роде невѣрній и разъвращенній! Невѣрній воистинну, яко мохометанскій содержить законь, развращенній же яко не токмо никаковія добродѣтели, но ниже человѣческаго нрава или обичая иматъ. Что же болѣе о нихь реку? Кому уподоблю народъ оній лукавь, ехиднино порожденіе, синовь Веелзевула, князя бѣсовскаго? Воистинну, недоумѣю. Родъ бо ихь пребеззаконній кто исповѣсть? Ярость же звѣрскую и нрави скотскіе кто изрещи возможеть? Аще бо би кто по достоянію безчеловѣчное ихь житіе и обичая и явити восхотѣ, омерзело би не токмо пишущему, но и чтущему и слышащему. Въ всемь воистину путшествіи моемь таковихь мерзостнихъ и злонравнихъ людей не случися мнѣ видѣти, и сего ради не вѣмь, кому уподобити ихь. Аще бо уподобихь быль Фараонитамъ или, простѣ рекши, Циганамъ, отъ нихь же въ странахь нашихь послѣднѣйшего народа нѣсть, но кое здѣ равенство можетъ бити? Сіи бо аще и лгуть и крадуть, инная неправедная творятъ, но егда что отъ кого просятъ и воспріимуютъ, тогда благодарствуютъ, якоже человѣци, и доволни сутъ по единомъ прошеніи. Они же безсрамнѣ сторицею просять и сторицею воспріявши, не токмо не единождн не благодарствуютъ, но еще помиловавшаго ихь окрадаютъ и граблятъ; напослѣдокъ, еже есть крайнего безъчеловѣчія, и біють; біють же не на единѣ, но

въ очесехъ всего народа біеніе, здѣ разумѣй единожди удареніе, или рукою, или каменемъ, или палицею. О крайнего безъсрамія и своея совѣсти не стидящагося! Въ семъ точію подобни суть Фараонитамъ, яко ни въ градѣхъ, ни въ весехъ не имутъ своихъ домовъ, но на поли, при пути и окрестъ мѣстъ, въ шатрахъ обитаютъ, иніи же въ пещерахъ, помежду горами, аки звѣріе, но недалече отъ градовъ. Ходятъ же токмо въ едныхъ кошуляхъ жени и дѣти ихъ, и сандалія на ногахъ носятъ, понеже тамо жестоко естъ по каменехъ ходити, и мужіе такожде едини токмо хитони носятъ, даже за колѣна; ножной же одежди не носятъ, и всякъ иматъ ножъ при поясѣ великъ. Вси же поверху кошуль носятъ ризи одинакіе, пестріе, отъ килима простаго сошвенніе, отъ нихъ обикоша купци мѣхи шити на товари. Ни сѣютъ же, ни орутъ, ни инній кій трудъ творятъ, но отъ монастирей христіянскихъ пищу испрошаютъ и многу имъ обиду творятъ. Пища ихъ повседневная—хлѣбъ и елей, вина же, ни иннаго питія не вкушаютъ, а елей сице любятъ, яко хлѣбъ омочающе въ него ядятъ; аще же имъ гдѣ случится доволно обрѣсти, то ложицами ядятъ и піютъ, аки воду. О непомѣркованнаго стомаха! О скотскаго питанія! Кому уподобити достоитъ родъ сей? Животнимъ ли? Но многая животная въ потѣ лица своего пищу ядятъ. Сверѣпѣмъ ли звѣремъ? Но и тіи благодѣтелемъ своимъ покаряются и почитаютъ ихъ. Они же ни отъ труда пищу ядятъ, ниже благодѣтелей своихъ почитаютъ. Всегда бо къ монастиремъ приходящи просятъ хлѣба, и что глаголю просятъ, но аки по должное приходятъ, прошеніе бо ихъ не съ смиреніемъ, но съ грозбою, и взятіе милостини безъ благодарствія бываетъ. Сице же неблагодарни сутъ, яко отъ тѣхъ самихъ монастирей инока, и знаема имъ, егда обрящутъ гдѣ на

пути, обнажаютъ даже до послѣдняго хитона. И кій убо народъ можетъ бити горшій сего, иже не иматъ ничтоже въ себѣ похвали достойно? Бесѣда бо ихъ мерзостна къ слышанію, зрѣніе же и хожденіе звѣрское, а не человѣческое, цѣлованія же и привѣствія нѣсть, и яденіе и піеніе свинское имуть. Словомъ рещи, всего міра послѣднѣйшій народъ нравомъ и житіемъ. Ниже Бога боятся, ниже человѣкъ срамляяйся, ниже властелинамъ покаряяйся. Въ градѣхъ бо токмо егда что зло сотворятъ, судими суть отъ Турковъ, понеже яко царство, тако и властъ ихъ тамо; внѣ же градовъ, что хощутъ и могутъ, то творятъ, ниже судящеся, ниже кого устрашающеся. Обаче не вси суть такови, суть бо инніи отъ тѣхъжде самихъ Еѳіоповъ христіянскую православную вѣру содержащіи и тіи убо крещеніемъ святимъ просвѣщенни и истиннаго въ Троици славимаго Бога боящеся, живутъ по человѣческу, но нравовъ своихъ природнихъ оставити не могуть, безсрамни бо суть и чести иннимъ человѣкомъ воздавати не знаютъ и на трапезѣ неблагоговѣно и нелѣпо ядятъ, якоже мнѣ самому многажди случися видѣти. Тіи убо орутъ землю и плодородятъ хлѣбъ и всяку потребу и различная рукодѣлія работаютъ. Но христіянъ тамо мало суть и едва третая часть обрѣтается народа. Сія убо толъ многореченная отъ мене слышай, благоразсудній читателю, не усумнѣвайся и не угашай любовію горящое сердце твое къ мѣстомъ святымъ, еже би тебѣ и иному не смѣти ити тамо, таковаго злаго ради прехожденія, но приложи болшое усердіе къ усердію и вьоружися сими треми добродѣтелми: вѣрою, надеждею и любовею, еже къ Богу, и тако отъ всея души твоея, и отъ всея крѣпости твоея, и отъ всего помишленія твоего всѣми силами тщися путшествовати на мѣста оніе.

идѣже стоястѣ и ходистѣ пресвятіе нозѣ Христа Спасителя нашего. Не буди страшливь, якоже серна, яже не токмо отъ лица, но и отъ гласа человѣча бѣжитъ, она бо несмисленна сущи и никаковій совѣтъ себѣ могуща подати сіе творитъ, ти же уменъ сій и разумную имій душу, не убойся глаголовь и словесъ, мною зде написанныхъ, еже бо писахь, писахь отъ избитка сердца моего, яко необыкшій между сицевимъ народомь бити; кътому же вся начертаваю въ путшественной моей книзѣ того ради, яко аще кто тѣмъ самовидецъ возлѣнится быти, то поне чтущи, извѣстится. И не мни, благій читателю, яко яже слышиши отъ мене извѣствуема, то уже всякому, шествующему въ Іерусалимъ, пострадати требѣ несомнѣнно никакоже, ибо мнози обрѣтаются, ихьже не токмо удареніе отъ Араповь, но ниже слово злое касается, зане никто же обидимъ бываетъ, развѣ отъ себе самаго. Аще убо кто, несреболюбивъ сій, даетъ всякому нудящому и на пути сребникь маль, той преходитъ кромѣ всякоя пакости, а иже не даетъ, безъ ударенія не биваетъ. Обаче оба мзду имутъ отъ Бога, яко той не щадитъ имѣнія своего любве ради Божія, сей же тѣлесе. О, воистинну блаженніи, и паки реку блаженніи суть христіяне, (кромѣ мене грѣшнаго) шествующіи тамо! По евангелской бо ходять заповѣди, егда оставляютъ, аще и на время, отца и матерь, и братію, и сестри, и жену, и чада, и сродники, и други, и села, и доми, имени ради Божія, и толь далекій творятъ путъ, всякую претерпѣвающе нужду, и напасть, и приражение отъ злихь человѣкь. Напослѣдокь, еже есть великія любве и теплоти кь Господу, нѣціи и животъ свой полагаютъ за Него, многіи же, аще и не полагаютъ, но готови сутъ на смерть въ морскомъ плаваніи, море бо смерть есть подъ ногами шествующаго

по немъ. Сего ради таковіи, по обѣщанію, неложнія истинніе Христа Спасителя миру сторицею воспріймутъ и животъ вѣчній наслѣдятъ, и не токмо похваляеми будутъ въ вѣки на небеси, но и временно отъ человѣкъ на земли, яко собыватися пророческимъ глаголомъ, и будетъ честно имя его предъ ними, ибо многажди въ мирѣ семъ видимъ въ чести сущихъ поклонниковъ Іерусалимскихъ, понеже Богъ въ вся дни живота ихъ благословитъ и долгоденствіе даруетъ и вся благополучна устроеетъ, яко благую частъ избравшимъ и доброе дѣло содѣлавшимъ о немъ. Самъ бо рекль усти царствующаго Пророка въ псалмѣ 90: „Избавлю и покрію его, яко позна имя Мое, и воззоветъ къ Мнѣ, услышу его, съ нимъ есмь во скорби, и изму его, и прославлю его, долготою дній исполню его и явлю ему спасеніе Мое“. Виждь, слышателю, колика благодѣянія обѣщаваетъ всещедрій датель Богъ, имени ради Его благотворящимъ и трудящимся, не токмо бо въ жизни сей руку помощи, но и спасеніе вѣчное явити хощетъ. Обаче здѣ мое простреся слово не о тѣхъ поклонникахъ, иже, тщеславія ради, да похвалу и честь отъ человѣкъ имѣти, труждаются въ далечайшіе странни не тако на поклоненіе, яко паче на прославленіе имени своему, въ еже бы именоватися отъ народа хадзѣемъ, или путникомъ Іерусалимскимъ. Таковій бо всуе ходитъ и тощь возвращается, и на болшое осужденіе сіе себѣ творитъ. Но азъ о тѣхъ глаголю, иже возжегшеся пламенемъ любве къ Богу всѣмъ сердцемъ и всѣми силами желаютъ поклонитися и прикоснутися устнами мѣстамъ оннмъ, яже присносущное слово Отчее Единороднiй Сынъ Его, явлшися на земли во плоти хожденіемъ и страданмы освяты и прослави; желаютъ же сице, яко вся неблагополучія, и бѣди, и нужди, и зной солнечній претерпѣвати и на смерть готови

быти обѣщаваются. И сицевіи желаемое получають и многую ползу душѣ своей ходотайствують. Тѣмже убо всякому, богатому же и убогому, совѣтую о Христѣ не ужасатися путшествовати кь святому граду Іерусалиму, ниже лишатися поклоненія живоноснаго Гроба Господня. Аще бо богатъ еси и имаши имѣнія доволна, благодари Бога, яко ти далъ есть, и не сотвори, яко же оній человѣкь, отъ Евангелиста Луки, въ главѣ 12, воспоминаемій, ему же угобзися нива и недоумѣяше что творити, умисли же раззорити житници своя и болшіе создати, собранія ради плодовь. Ти же возми словеса, отъ усть его реченная, и обрати инуду. Той бо глагола: „что сотворю, яко не имамъя гдѣ собрати плодовъ моихъ"; ти же рци: „что сотворю, яко не имамъ и невѣмь, гдѣ сокривати имѣніе мое, его же ми часто овогда тля тлитъ, овогда моль поядаетъ, овогда же татіе окрадаютъ". Онь рече: се сотворю: раззорю житницы моя и болшія созижду и соберу ту вся жита моя и благая моя, и реку души моей: душе, имаши многа благая лежаща, на многа лѣта, почивай, яждъ, пій и веселися". Ти же убо рци: „се сотворю: оставлю зданія дому моего и檢 വземши имѣніе, и принесу е въ Іерусалимь и положу я въ новосѣченнѣмь Гроба Господня киотѣ въ немь же никтоже кромѣ Іисуса, никогда же положенъ бѣ, идѣже уже не къ тому прочее тля иматъ тлити, ниже червь снѣдати, ниже татіе украсти". И сіе рекь словомъ, абіе потщися сотворити и дѣломъ. И сице не на лѣта токмо многа, но вѣчную душѣ твоей пищу уготовиши. Аще же кто убогъ есть, да попуститъ себе вь смиреніе и трудь и да претерпить всякую нужду, утѣсненіе и досажденіе, аще же случится, и біеніе. Обаче извѣстно буди, яко не можетъ тамо шествовати ничтоже сребра имій, понеже аще би милостини и не подалъ на

мѣста Святіе, то за превозъ морскій и Туркамъ поплащеніе неотмѣнно дати требѣ, понеже ими обладаема вся суть. Богатіи убо людіе многочисленная имѣнія взимаютъ съ собою въ путь, но едва половину раздадутъ на Мѣста Святіе, прочее же истощаютъ на Турецкіе дани. Средніи же по двѣстѣ, иніе же по сто златицъ иждиваютъ; нижніе же людіе, убогіе суще, съ двѣма ста талярей едва нуждно могутъ удовлетворити путшествіе свое. А иже кто хощеть токмо пойти и возвратитися, а милостини нигдѣже ничтоже дати, аще есть мирянинь, отложити ему требѣ полтораста талярей на путъ, на харчъ и на всяку потребу; аще же естъ инокъ, довлѣетъ ему шестъдесятъ талярей или пятъдесятъ. Аще же ниже толико кто иматъ у себе готово, то и той да не оставляетъ путшествія Іерусалимскаго, но да идетъ, просяй на пути милостини, и Богъ его не оставитъ, якоже и мене, очи бо Его на нищаго призирастѣ. Се же ти, читателю, извѣстихь, разсуждаюпщи начатій путъ отъ моря; а иже кто есть отъ далекихъ странь и не можетъ по земли даже до моря пѣшеходити, самъ да размыслитъ, колико требѣ. Аще бо и сухій путъ отъ Цариграда къ Іерусалиму обрѣтается, но тамо путници не обикопа ходити, великаго ради драпѣжства и боязни отъ разбойникь, къ тому же далече: шествію десятъ дній хожденіемь пѣшеходпа.

Се въ извѣщеніе подахь всѣмъ хотящимъ чести и слышати сія, найпаче же Россійскимъ людемь, совѣтуя и желая ити на поклоненіе животворящему Гробу Господню, понеже ни отъ коея же странп сице мало поклонниковь прпходитъ. якоже отъ странъ Рускпхъ. По пяти бо и шести лѣтехь едва единъ является. чесому Греки зѣло удивляются, яко ни Московити, ни Малороссійчики усердія къ Святимъ Мѣстомъ не имуть,

аще у нихь паче всѣхь христіянъ православнѣйшіе почитаются быти. Року бо того, его же азъ ходихь тамо, единъ азъ точію бѣхь отъ Руской земли. Прежде же моего пришествія, мимошедшимъ двомъ лѣтомъ, ни единъ не прійде, якоже слишахь. И есть воистинну чесому чудитися, понеже идѣже царство христіянское есть и вѣра едина благочестива вь всѣхь содержится, и людіе кромѣ всякіе работи, и нужди, и утѣсненія пребиваютъ, оттуду зѣло малочисленни приходятъ на поклоненіе; а иже царя врага имутъ и подъ игомь работи сутъ и данми отягченни многими, оттуду, аки пчели, прилѣтаютъ, и отъ труда своего, аки сладкій медъ, милостиню подаваютъ на откупленіе Гроба Христова отъ рукь невѣрнихъ и еретическихъ. Аще бо не би всѣми силами имѣли христіяне Греческіе попеченіе, уже би давно отъятъ былъ Гробь Господень, отъ Махометановь или Арменовь искупленъ, яко и бистъ въ нѣкое время; но Богь не попусти имь долго обладати. Тѣмь же Богомъ избранній Россійскій роде и вси повсюду далече отстоящіи христіяне потщитеся отъ всего сердца вашего простерти нозѣ ваши на шествѣе кь Святимъ Мѣстомь и руки вь подаяніе милостини на откупленіе тѣхьжде, студъ бо намъ есть и поношеніе отъ еретыковъ и невѣрнихь. Аще бо и отъ Греціи христіянъ много идутъ на поклоненіе, но сьравнивши ихь съ Армени или Евреи, зѣло мало мнятся, ибо тогда преходящимь хадзѣемь отъ Іопьи въ Іерусалимь ниже познавахуся христіяне между множествомь числа Арменъ и Жидовь. И аще убо тіи, ересьми поврежденни суще, толикое усердіе имутъ кь Мѣстомъ Святимь, яко небрегше домовь и отчествъ, съ женами и дѣтми шествуютъ, тольми паче ми, вь блазѣй вѣрѣ воспитанни и чада Божія суще, долженствуемь паче и спѣшитися на сіе дѣло и другихь наставляти. И аще Іудес, Авра-

амова ради гроба, толикь трудъ и терпеніе отъ ругающихся Еѳіоповь воспріймуютъ, и приходятъ не токмо отъ странъ Турецкихъ, но и отъ Волоскихь, и Полскихь, и Украинскихь, колми паче намь, Гроба ради Христова, имь же клятва потребися и смерть умертвися и животу вѣчному вси сподобихомся, безчисленнія труди, поруганія и ударенія терпѣти подобаетъ, и не токмо не щадѣти имѣнія, но ниже, аще би случитися могло, и души своея. Тѣмьже убо никтоже да не убѣгаетъ пути сего святаго и да ничто усумнѣвается, ни униваетъ сердцемь, злаго ради и нужднаго прешествія отъ Араповь сверѣпихь и распустнихь, Божіе бо то смотреніе есть, яко попусти имь на Земли Святѣй жити, яко да вси вѣрніи тамо шествующе и многія отъ нихь пакости и нужди претерпѣвающе, болшую любовь являтъ къ Богу и болшую мзду душѣ своей воспріймутъ. Аще же кто хощетъ миренъ и безмятеженъ путь имѣти, да ослѣпитъ сребромь всякое завистное око, что бо есть раздати талярь или два Еѳіопомъ, любве ради Божія и Мѣсть Святихъ. Аще же ни, то да терпить вся случающаяся ему злая, аще пакости, аще поруганія, аще ударенія, и да помишляетъ, яко никтоже болшія пакости, и поруганія, и ударенія не претерпѣ, якоже Спаситель мира Христосъ Господь. Обаче спце денари раздающіи, яко же удареніе терпящіи, мзду имуть отъ Всемогущаго Творца воспріяти, аще токмо сіе творятъ любве ради, яже имутъ къ Богу и мѣстамь отъ него освященнимъ. А еже аще кто усумнѣвается отъ убіенія, ниже да помишляетъ о семь, Еѳіопи бо сего никакоже творятъ, не токмо же не убиваютъ человѣка, но ниже поражаютъ до крове. Въ семъ токмо злонравни сутъ, яко аще кого на пути единаго обрящють и или мало число, яко противу силѣ своей, тогда вся отъемлютъ и совлачатъ

даже до хитона, еще же и біютъ, и поругаются, и послѣди оставляютъ, а еже животъ отъяти никакоже покушаются. Самы бо токмо между собою убиваются, сварящеся и тяжущеся, христіянъ же оставляютъ жити, вѣдають бо окаянніи, яко отъ нихь пищу себѣ пріобрѣтають и безъ нихь жити не могутъ. Но ни се когда любо кому отъ чуждихь приключитися можетъ, понеже хадзѣе, или, яснѣе рекше, поклонники Іерусалимскіе нигдѣже тамо далече сами не ходять, но всегда провождаеми сь стражею честно и небоязненно, и никтоже ниже пораженъ когда бываетъ. Аще убо таковое бы тамо обрѣталося зло, кто же би смѣлъ ятися пути онаго? Но се безчисленыи народи отъ разнихъ вѣрь ходятъ и повращаются на всякое лѣто здрави и живи въ отчество свое и прославляютъ имя Христово. Убо и ти. благоразсудній читателю сь внимателнымъ слишателемь, отложивше всякое сумнѣніе и мнѣніе, вооруживше о Бозѣ вѣрою, надеждею и любовію, подвигните на ю и иннихъ, аще возможно естъ, кь сему душеполезному путшествію. Несите же имѣнія ваша сь собою, аки пчелы сотъ, и положите я въ неветшающемъ влагалищи, въ Гробѣ, реку, Христа Спасителя, и тако, милостинею вашею искупуеми, сохранятся отъ невѣрнихъ невредна Мѣста Святая, себѣ же благословеніе отъ Бога и патріяршего престола и отпущеніе грѣховь получити можсте. Но довлѣетъ о семъ мнѣ глаголати, понеже многу распространихъ бесѣду и далече удалихся отъ повѣсти путшествія моего. Сего ради возвращаюся паки на первое, еже випше писахь, си есть:

О пришествіи моемъ къ святому препрославленному и Богомъ соблюдаемому граду Іерусалиму.

По многотрудномь и жестокомь морскомь же и горномь прешествіи, сподобилъ мя есть преблагій Богъ, купно съ прочіими христіянскими поклонниками, доспѣти святаго града Іерусалима мѣсяця Септеврія послѣднего числа, въ день пятка, въ самій часъ полудня. Бистъ же (якоже прежде рѣхъ), егда взійдохомь на послѣднюю велику гору, тогда шествовахомь равнимь путемъ, мало низпущаючимся, помежду краснимі маслинними садами, яко три поприща, и устрѣтаху насъ издалече, исходяще за градъ, многіе христіане, отъ духовнаго и мирскаго стана, и даяху всямому цѣлованіе любезное, съ многимь привѣтствѣемь и осязаніемь рукь, глаголюще: „добрѣ пришли есте братія“ и елика таковая; и елико приближахомся, толико вящше насъ устрѣтаху и провождаху. Егда же азъ узрѣхъ стѣни града, возрадовахься зѣло и забыхь тѣлесной немощи, дадохь же абіе славу Богу, яко сподоби мя по желанію моему достигнути тамо. Видѣхь же крѣпкое и лѣпое каменное зданіе огради, искуснимъ художествомъ строенное и немноголѣтное, и отъ всякаго похвали достойное, и почудихся отчасти. Та же вси внійдохомъ врати Давидовими, никимъ же воспящаеми, ниже бо стражіе бяху, ни воини, но токмо многіе граждане, изшедшіи вь срѣтеніе. Тогда иноки тамошніе, по обичаю своему, всѣхь нась, не токмо мужей но и жень, отведеша вь первоначалній монастирь Патріяршій, идеже въ то время патріярха не бистъ, но отшелъ бѣ вь страну Греческую, прошенія ради милостини на откупленіе Гроба Христова. Архи-

епископъ же, именуемій питропь, вьмѣсто его тогда обладающій, повелѣ всѣмь дати гостинніе келіи кь упокоенію, и бистъ тако. Препочившимъ же намъ яко часъ единь, званни бѣхомь въ трапезу иноческую, идѣже предъставиша намъ два варенія постна и маслинніе плоди, бѣ бо тогда пятокъ, напояху же и виномь, отъ рукъ своихъ подавающе всякому, хотящому пити, и наситихомься доволно и благодарихомь Бога. По трапезѣ поведоша нась иноки високо по степенехь верху келій, созирати многая зданія и полати, и видѣхомь строеніе монастира того зѣло лѣпое и расположеніе премудрое. Многіе бо келіи и входи, и исходи иматъ, и покрови верху зданій низкіе и утаенніе, иже отъ земли не зрятся; суть же сотворенніе отъ пепела, сь водою растворенна, сице же искуснимъ художествомь, яко злившися въ составеленіе едино держатся крѣпко и твердіе суть, аки камень, и гладкіе аки токь, отъ нихъ же вода стекающи дождевная вь время зими и собирается вь студенци, питія ради. Зданіе монастира оного есть високое и сице тѣсное, яко нигдѣ же праздна мѣста иматъ, но все келія. Устроень же естъ чудесно на двѣ части: первая убо часть стоитъ отъ единія страни улици и присовокуплена естъ кь великой церкви, идѣже Гробь Господень, вторая же на другой страннѣ улици; обѣ же части мостомь каменнимь крѣпкимь совокупленни суть високо, прехожденія ради, а подъ мостомь низу по вся дни ходятъ людіе сѣмо и овамъ и торжище собирается, или, яснѣе рекше, монастирь стоитъ сюду и сюду, посредѣ же путь къ торжищу, или улица. Оттуду ведоми бѣхомъ еще вишше по каменнихь степенехь на покровь церкви великой Воскресенія Христова, идѣже созирахомь внутрь окнами и видѣхомь строеніе и украшеніе ея зѣло прекрасное, и желаше же душа моя крѣпко, да мя сподо-

битъ Богъ дойти внутрь. Тогда показоваху намъ иноки глави церковніе, кая надъ каковимъ предѣломъ стоитъ. Отъ нихъ вси суть отъ самаго камени зданніе гладкимъ и лѣпимъ дѣломъ, едина же паче всѣхъ болша, отъ древа составленна и внѣ цѣнію покровенна, а сверхи диру имуща велику, и сія есть надъ Гробомъ Христовимъ. Но о семъ послѣди чти въ описанію великія церкви. Еще же и инная зданія многа далече и близу стояща, показоваху намъ перстами, яко то церковь Соломонову, домъ Давидовъ, гору Елеонскую и проча, о чесомъ послѣди изявити потщуся. Послѣди идохомъ въ церковь монастира того, именуемую святаго Константина и Еленни, и слушахомъ тамо вечерни, идѣже иноки поютъ чинно и лѣпо, съ всякимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божіимъ. Храмъ того ради въ имя святаго Константина есть созданній, понеже онъ бяше ктиторъ и великой церкви и монастиру Патріяршему и вся онъ созда. Стоитъ же присовокупленній къ стѣнѣ великія церкви Воскресенія Господня, отъ онюдуже на странѣ лѣвой есть окно, и зрится Гробъ Христовъ и прочіе мѣста внутрь. Церковь она, аще и мала есть, но строеніемъ гладкимъ и лѣпотнимъ зиждема и внутрь побѣленна варомъ чисто, безъ всякаго иконописанія. По стѣнахъ же суть многоразлични повѣшенни икони, украшенія ради, а намѣсніе образи, обоюду царскихъ вратъ стоящіе, вси суть сребромъ позлащеннимъ покровенни, кромѣ лицъ. Столпъ токмо единъ иматъ внутрь, имъ же поддержится, не можетъ бо вмѣстити болше, малости ради своей. Подножіе зѣло гладкимъ, искуснимъ дѣломъ сочиненно отъ таблицъ мраморнихъ трояакаго вида: бѣла, черни, и червленна. Что же реку о сѣдалищи, или тронѣ патріяршемъ и о прочіихъ столпцахъ и налойцахъ? Воистинну многія похвали достойна суть, понеже вся дробнимъ и

[illegible] и сія есть [illegible] Гробъ [illegible]
[illegible] ти въ [illegible]
[illegible] далече и близу [illegible]
[illegible] яко то церковь [illegible]
[illegible] Елеонскую, и проча, о [illegible]
[illegible] Послѣди [illegible]
[illegible] святаго Константина [illegible]
[illegible] вечерни. [illegible]
[illegible] благоговѣніемъ и страхомъ [illegible]
[illegible] имя святаго Константина [illegible]
[illegible] бяше ктиторъ и великой церкви
[illegible] и вся онъ [illegible]. Стоитъ
[illegible] къ стѣнѣ великія церкви Воскресе[illegible]
[illegible] оноудуже на странѣ лѣвой есть [illegible]
[illegible] Христовъ и прочіе мѣста внутрь. Це[illegible]
[illegible] и мала есть, но строеніемъ гладкимъ,
[illegible] и внутрь побѣлена [illegible]
[illegible]. По стѣнахъ же суть многор[illegible]
[illegible] иконы, украшенія ради, и [illegible]
[illegible] царскихъ [illegible] стояніе, иже суть [illegible]
[illegible] покровенны, кромѣ лицъ. [illegible]
[illegible] имать внутрь, иже не подлержится, не [illegible]
[illegible] вмѣстити [illegible] ради своей. П[illegible]
[illegible] зѣло гладкимъ, искуснимъ дѣломъ сочинено [illegible]

Фото-литогр. Индутнаго, Каразин., № 16.

Храмъ Воскресенія Христова

избраннимь художествомь, бисернымь черепсвнокожіемь, или, простѣ рекше, перловою матицею и инними драгими костми отъ рыбь морскихь насажденна и украшенна суть. Егда же, по вислушаніи вечерни, изійдохомъ отъ церкви, абіе биша въ било и званни бѣхомь въ трапезу вечеряти и предъставиша намь подобніе снѣди. якоже и вь чась обѣда, служаще и частующе виномь. Тогда наситившеся, благодарихомь Бога и разійдохомься вси по келіяхь своихь. Заутра же въ суботу, мѣсяця Октоврія 1 дня, въ тойжде вишшереченной церквѣ бихомъ на утрени и слушахомь правила даже до „Богь Господь". Наченшужеся чтенію Псалтири, по повеленію намѣсника патріяршего, дадоша намь всякому свѣщи, поведоша нась нѣколико иноковь внизъ многими степенми каменними, даже до земля, и изведоша нась внѣ монастира предь врата великія церкви, именуемая по Греческу Αγια Πορτα, еже есть святая врата, и сотворше вси по три поклоненія до земля, лобизахомся. Святая же порта имать обоюду по три столпи мраморніе, бѣліе, отъ нихъ же одесную посредѣ стояй между двѣма просядеся до полу тако, яко персту человѣчу влазити, и сотворше поклонія, лобизахомь его по повеленію предъвожающаго нась инока, иже именуется мерхадзи, еже есть имій свое послушаніе, повеленное отъ питропа, водити по всѣхь мѣстахь поклонниковь. Оттуду прешедше нѣколико степеней, ошуюю стоитъ столпь свѣтло-червленній, на подобіе порфира, не въ стѣнѣ церковной, но на уединеніи при единомъ притворѣ, иже внѣ церкви стоитъ. Тамо такожде поклоняющеся, лобизахомь его, и абіе предводяй нась рече вину почитанія столповь тѣхь сице: Бистъ не предь многими лѣти, егда Армене закупиша бяху отъ Турчина Гробь Господень въ самообладаніе и обладаша лѣть. нѣколико, послѣди же оклеветанни бяху, яко не

снисхождаше кь нимъ огнь отъ небесь вь великую суботу, якоже обиче Грекомъ молящимся снизходити. И приспѣвшу празднику Воскресенія Христова, снійдошася властелини Турецкіе сь прочіими многими Махомеданй созирати и увѣсти истинну. Бяху убо Армене внутрь при Гробѣ Господнемъ молящи, а патріярхь со Христіяни своими внѣ церкве изійде и ста при ономь вишереченномь уединенномь столпѣ, плача и моляся Господеви, да прославитъ вѣру ихь православную, а Арменъ проклятихъ да обличитъ лжу и ненавистъ. Бистъ же егда Армене моляхуся, кричаще надъ Гробомъ Христовимъ и ничтоже ползоваху, се, Божіею волею, отъ столпа онаго изійде огнь, иже естъ при святихъ вратахь, и прескочивши кь другому столпу, при немъ же стояше патріярхь, и зажде его пламенемь зѣлнимъ, и абіе патріярхь зазже свѣща своя, и огнь невидимь бисть. Такожде и вси людіе зажегоша свѣщи и прославиша Бога, показавшаго имь таковое чудо. Армени же посрамишася. Видѣвь же сіе единь отъ знаменитихь Турчинь, велія (рече) вѣра естъ христіянская, и вѣрова вь Христа. Абіе же отъ инихь Махометань похищенъ бистъ испалень, вь очесехь всего народа, предь церковію. Арменамъ же оттолѣ болшъ не попустиша владѣти, но паки въ руцѣ Грекомъ дадоша. Виждь, любимій читателю, вѣри православнія силу! виждь чудеса Божія, прославляющаяся въ ней, враждующимъ на обличеніе! Оттуду, мало поступивше, внійдохомь вь едину тѣсну келію, идѣже Марія Египетская плакашеся зѣло, того ради, яко сила Божія возбрани ей внійти въ врата церковніе и поклонитися Гробу Господню. Оттуду пойдохомь вь монастирь святаго Авраама, пдѣже вшедши вь врата, идохомь помежду зданіями на гору многими степенми, и прійдохомь вь едину церковь невелику, но

лѣпу, яже при стѣнѣ великія церкви стоить. Тамо стоитъ мѣсто предъ царскими врати, сребромъ окресть, вь подобіе блюда, окованно, идѣже бяше иногда Савековь садь и Авраамъ хотяше сина своего заклати Богу на жертву, но Богъ, видя усердіе его, не попусти ему сего сотворити, но яви ему овна, и лобизахомь мѣсто оное сь благоговѣніемь и честію. Оттуду возвращающи вь великій монастирь Патріаршій, поведоша нась на мѣсто оное, идѣже явися Христосъ Маріи Магдалинѣ, яко вертоградарь съ копаницею, идѣже такожде покланяхомся и лобизахомь мѣсто святое. Таможде абіе пойдохомъ вь церковь святаго Іякова, Брата Господня, иже первій епископь вь Іерусалимѣ бистъ, и тамо вь оной церквѣ первій и ветхій тронъ его бяше. Оттуду повратихомъся въ монастиръ тѣмъжде путемь, имъже и первѣе изійдохомь, и идохомь паки въ церковь и слушахомъ до конца утрени и по окончаніи разійдохомся въ своя келіи. Просвѣтившужеся дню солнечнымъ сіяніемь, паки въ томьжде храмѣ святаго Константина слушахомь святой литургіи, послѣди же творяху коливо за усопшихь, и по отпѣтіи церковномь, таможде неотходно сѣдшимь всѣмь раздаяху и вина по чаши всякому. Таже абіе всѣхь путниковь и новопришелцовь, духовнихъ же и мирскихъ, еще же и жень, отведоша въ умивалницу и молиша всѣхь сѣсти чинно, и бысть тако. Начатъ же пѣти пѣвецъ нѣкую стихиру лѣпимь и умиленнымъ гласомь, стоящи посредѣ умивалницы, изійдоша же шесть иноци, два носяще мѣдницу широку и сосудъ съ теплою водою и лентіе, третій же препоясань завѣсою, такожди отъ другія странни, и наченше отъ перваго даже послѣднего всѣмь умиша нозѣ. Чинъ же сицевь бистъ: единь держаше готово лентіе бѣло кь отиранію ногъ, вторій нося сьсудъ сь теплою водою, сь

нѣкіимъ благоуханнимъ зеліемъ увареннуго, и поливаше подьставивши мѣдницу подъ ноги путника, третій же преклонь колѣнѣ на землю, វземши первѣе десную ногу, потираше миломь и омиваше согрѣянною водою и отерши лентіемь лобизаше, аще бяше инокь, онь омивающаго главу, мирянина же сице безъ лобзанія оставляше, такожде и шуюю ногу омиваше подобнѣ, токмо не лобзаше, довлѣеть бо и единожди. Сѣдящу же и мнѣ тогда вь чину прочіихь путшественниковь, аще и на послѣднемь мѣстѣ, приступивше, умиша и мои грѣшніи нозѣ сь облобизаніемь. Тогда азъ, не терпящи толъ великаго смиренія ихь и добродѣтели, испустихъ отъ очесъ моихь слези, бяху бо и иніи прослезившіися, и сего ради не можахь удержати тока зѣницъ моихъ. Егда уже умиша всѣмь нозѣ, тогда носиша предъ всякаго хадзѣя воду чисту и умиша вси, единъ по единому, руцѣ сами себѣ, абіе единъ послѣдоваше нѣкую воду, благоуханіями растворенну, носяй и кропляше коемуждо на руцѣ, и потиряху ею лица своя. Послѣди же дадоша по чаши кафе, и бисть піющимь привѣтствоваше краткою бесѣдою намѣсникь патріяршій всѣхь поклонниковь, похваляющи благое произволеніе путшествія ихь на мѣста свята и желающи, дабп Богь сподобилъ вся та сь страхомъ, благоговѣніемь и вѣрою посѣтити и лобизати и елика такова. По малѣ же времени званни бѣхомъ вь трапезу, и представиша намъ ядь лучшую, нежели вчера, бѣ бо день суботній, и честоваху доволно виномь. Насытихомьжеся вь славу Божію и благодарихомъ. Послѣди, изшедше оттуду, поведе нась паки верху церкви великія, якоже и вчера, тойжде инокь, мерхадзій, или предитеча поклоническь, многая намь перстомь показоваше зданія внутрь и внѣ града мѣста святіе и доволно съ нами бесѣдова, что изявитися имать послѣжде.

Послѣди приспѣвшу времени, обичнѣ идохомь и слушахомъ вечерни въ предьреченномь святаго Константина храмѣ; таже послѣдовательнѣ званни бѣхомь вь трапезу и разійдохомся. За утра же вь день неделній, Октоврія второго числа, по вислушаніи нощнаго правила, егда просвѣтися день солнечнимь сіяніемь, повелѣніемъ намѣсника патріаршего созванни бяху вси хадзѣе вь газофилакію, еже есть вь скарбницу монастирскую, и дадоша милостину вь корвань Гроба Христова всякь противу силѣ своей, елико кого Духь Святій наставилъ бѣ. Тогда же и Махометане прійдоша вь монастирь, по обичаю своему, взятія ради мзди за отверзеніе врать великія церкве, они бо въ руцѣ своей держать и никогоже отъ пришелець попустятъ внійти тамо, дондеже установленну дань отъ него не возмуть; взимаютъ же токмо отъ мирскихь, отъ иноковь же ничтоже, не токмо отъ Іерусалимскихь, но и отъ чуждихь, понеже многу дань даеть въ годь монастырь Патріяршій на царя Турецькаго за монастири, иноки и всякіе потреби, и сего ради волень входь имь есть на вси святіе мѣста, безъ всякаго поплащенія. Тогда убо мирстіи поклонники вси дадоша по седмь талярей и взяша Турецкіе печати, по обикновенію тамошнему, да вь время вхожденія вь церковь покажеть вь вратѣ оную и безъ воспящєнія впущенъ будеть, уготовляхуся бо того вечера хадзѣе внійти внутрь, бисть бо уже день третій гощенія вь монастири и къ тому болше держати не обикоша ихь тамо иноци. Приближившуся убо вечеру, прійдоша бѣсурмане сь ключами и отверзоша святіе врата, идѣже егда вьпустиша нась, оставиша вратамъ отверзстимь бити яко полчаса, поклоненія ради народа Іерусалимскаго, послѣдоваша бо тогда по нась людіе многы отъ жителей тамошнихь, ибо Іерусалимнянь ради никогда же не отверзаютъ церкви,

но егда наймуть хадз
стоятъ Агаране во в
отъ чуждихъ попускак
не далъ мзди и не им
не можетъ никто же
плащенія. Тогда, егда
мерхадзій, предводяй,
Тѣло Господа Бога и
снемьши Іосифъ съ Ни
щеницею. Послѣди пов
покланяхуся вси хадзѣ
поклоненія и азъ недо
хотяше повести къ про
нась въ храмъ Воскресе
столь, посредѣ церкви
подножіи церковномь п
немъ же воспоминается
спасеніе содѣя посредѣ
ловѣческому, еже мѣсто
бизахомъ вси. Тогда абіе
вечерню и къ тому, не ис
вечерни ведоми бѣхомь
Голгофу и покланяхомься
жень стояше съ распяти
Іисусомь Христомь. Там
шуюся каменную въ врем
сомь пишется въ Евангел
менія распадошася. Тамо
идѣже положивши Крестъ
немь Христа Спасителя
гвоздіями. Оттуду изведше
пещеру подь горою, идѣж
кровію Христовою освяти

Фото-литогр. Н. Индутнаго, Караван. № 16.

Гробъ Христовъ въ Іерусалимѣ.

дими бѣхомь кь прочіимъ мѣстомь святимь и лобизахомъ я вси съ многимъ поклоненіемь и любовію, а именно сіи суть: Камень, на немъ же посадивши Христа, терновь вѣнецъ возложиша нань; яма, идѣже святая Елена Животворящій Кресть Господень обрѣте; мѣсто, на немь же о одежди Христовѣй метаху воини жребія; темница, идѣже Христось затворенъ бяше; камень сь двѣма дирама, идѣже Христови нозѣ провлеченни бѣху и заключенни; столпь, кь нему же Евреи привязавше Христа, біяху розгами, и прочіе мѣста, о нихъ же послѣди подробну извѣститися имаши. По обхожденіи же мѣсть святихь, званни бѣхомъ отъ начальствующаго вь церквѣ инока на трапезу, идѣже вьведши нась вь едину гостинницу, предьстави вечеру честну, якоже и вь монастирѣ Патріяршемь бисть, и учреди ни ястіемь и питіемь доволно. Послѣдиже, по обичаю ихь всегдашнему, изнесень блюдь великь, среброкованъ, позлащенъ и на немь книгу лежащую и хартію, и чернило, и моляше милостини на потреби церкови, и даяху вси по силѣ своей, елико кого Богь наставиль, и вьписоваху имена своя вь книги церковніе, поминанія ради. Таже, по окончені всего, въ той же гостинници дадоша постеля кь спанію, и яже хотяху спаша, прочіи же хождаху по церкви и расмотрѣваху строеніе ея и мѣста святіе, съ ними же и азъ, и чудихомъся лѣпотному, премудрому и пространному зданію ея, и послѣди спахомь вси. О полунощи же, по всегдашному обичаю своему, иноки, тамо пребивающіе, биша вь било древяное и возбудиша всѣхь на пѣніе церковное, и начениe отъ полунощници вся по ряду, даже конца утрени сь всякимь благолѣпіемь и благочиніемъ, таможде при великомъ олтарѣ совершаху набоженство. Тогда бившу славословію великому, якоже подобаетъ въ

день неделній, священникь служащій изнесе отъ олтаря на сребномъ, позлащенномъ блюдѣ кресть, яко полтори пяди величествомь, такожде сереброкованъ, въ немь же бяше посредѣ часть честнаго древа отъ Креста Христова, величествомь яко два палци человѣчіи въ широту, и лобизахомъ вси сь достодолжною честію и поклоненіемь. Послѣди же слушахомь службы Божой на горѣ Голгофѣ, отправованной при оной дири, идѣже Кресть сь Христомь стояше. Таже наставшу дню и возсіявшу солнцу, прійдоша Турки и отверзоша врата святіе, и поклонившеся паки Гробу Господню и прочіимь святимъ мѣстомь, изійдохомь, давши славу Богу. Тогда азъ славяхь и благодаряхъ Бога Вседержителя о всѣхь, яже видѣхь и слишахь, и всегда благодарю Его, яко сподоби мя толь пресвятіе и преславніе посѣтити и лобизати мѣста. Оттуду паки вь монастирь Патріяршій возвратихомся и приспѣвшу времени трапезою угощенни бѣхомь; по трапезѣ же, по повеленію намѣстника патріяршего, разведоша иноци хадзѣевь по монастирахь на временное пребиваніе. Обичай бѣ тамь страннимь, не токмо духовнимь, но и мирскимь по монастирахь жити, донелѣже обходятъ вси мѣста святіе и совершатъ поклоненіе. И изійдоша того дне отъ Патріяршего монастира вси на иніе мѣста, идѣже кому возлюбися, обичай бо и постановленіе отъ давнихь лѣть есть тамо, яко не угощеваютъ странних, токмо три дни, послѣди же сами кормляться въ монастирехь сѣдяще, гостинницъ бо кромѣшнихъ ихъ ради нѣстъ, а вь монастирехь келій суть много праздних, а иноковь мало обитающихъ. Разшедшимъ же ся тогда всѣмь, мнѣ повелѣнно бистъ удержати еще тамо чрезъ нѣколико дній, имѣхь бо себѣ теплая заступника и ходатая она вишшеписанна два протосингела Іерусалимска, съ ними же вкупѣ еще отъ

моря творяхь шествіе къ Іерусалиму, отъ нихь же сь единимь еще путшествуяй въ землы Венецкой, познахься вь градѣ Киркѣрѣ, идѣже сутъ мощи Святытеля Христова и Чудотворца Спиридона, сь другимъ же вь Македоніи вь Солуню. Тіи убо вѣдоющи мя убога и немогуща отъ своего мѣшца кормитися, имѣяху о мнѣ попеченіе, Господы ихь спаси. И тако за ихь ходотайствомь и милостію питропа, или намѣсника Патріяршего, преселиша мя вь монастиръ святаго Архистратига Христова Михаила, идѣже совокупивши мя въ дружество сь другимь, такожде оскуднѣ имущимся хадзѣемь, или поклонникомь, иже бяше отъ странни Сербскія, отъ града Сегедина, именемь Стоянь Савинъ, дадоша обѣмъ едину келію, временнаго ради пребытія, и повелѣша на всякь день пищу взимати отъ великаго монастиря. Прейдохомь убо вь монастиръ Архангелскій Октоврія 5 числа, въ среду, и хождахь азъ на всякь день дважди, въ полудни и вечерь, кь монастиру Патріаршему по пищу, отъонюдуже хлѣбъ, варенія и вино и вся яже братія ядяху, то и намь даяшеся. За что, глаголю? Да умножаетъ щедрь и милостивь Господь всякихь благь изобиліемь обитель ону и живущихъ въ ней до скончанія вѣка. Ми же пребивающе сь прочіими тамо многими хадзѣями, творяхомь, на неже прійдохомь вь Іерусалимь, хваляще и благодаряще Бога и благодѣтелей своихь.

О монастирѣ Святаго Архангела Михаила.

Монастирь святаго Архистратига Михаила стоитъ недалече отъ Патріяршего, весь отъ камене здань и каменною огражденъ стѣною; строеніемь невеликь и тѣсень, иматъ въ себѣ доволное число келій и зданій,

но иноковь мало, идѣже поклонници, на всякь годь приходяще, обитають и исполняють вся праздна келія. Тамо церковь, аще и невелика, но лѣпа и отъ самаго сѣченнаго камене гладцѣ устроенна, имуща главу токмо едину каменну отъвнѣ и внутрь, подножіе же отъ мрамора и инних каменних доскь искусним художествомь, якоже и вь монастирѣ Патріаршемь, посланное. Монастирь той есть метохь обители с. Савви, яже есть внѣ Іерусалима, вь пустини, или, яснѣе рекше, причастень монастиру святаго Савви, идѣже есть млинъ конній, имь же мелюще чуждая брашна, користъ нѣкую приобрѣтають. Тамождe вино дѣлается и инніе потреби уготовляются и посилаются вь обителъ Сави Освященнаго. Стоитъ же вькупѣ сь монастиремь Римской вѣри иноковь Францишкановь. Живущи убо азъ тамь, ходихь едва не всякь день сь прочіими хадзѣи покланятися святимь вратамь великія церкве, по обикновенію тамошнему. Октоврія же 9 числа наяй нѣкто Агарянь и отверзаху врата святіе на единъ токмо часъ, тогда азъ вторицею покланяхся Гробу Господню и прочіимь святинямь, вь церкви обрѣтающимся. Октовріа 11 числа, вь вовторникъ, видѣхъ церемонѣю сьвершаемую вь градѣ Іерусалимѣ о христіянинѣ, пріявшемь вѣру Турецку, сице: Всадивше его на коня, и наченше отъ торжища провождаху по всѣхь улицахь града, въ труби гласяще и вь тимпани биюще. Предидяху же ему пѣшихь человѣкь вьоруженних 30, конних же сь нимъ грядяху вящше десяти. Единъ же Агарянинь преди всѣхь грядяше и его же или устрѣташе, или обрѣташе на улици стояща или христіянина, или жида, требоваше бакшиша, си есть дара, и собираше пѣнязи новопріемшему вѣру махометанскую. Тоже, обшедше началніе улици града, ведуть на уреченное мѣсто и обрѣзують его.

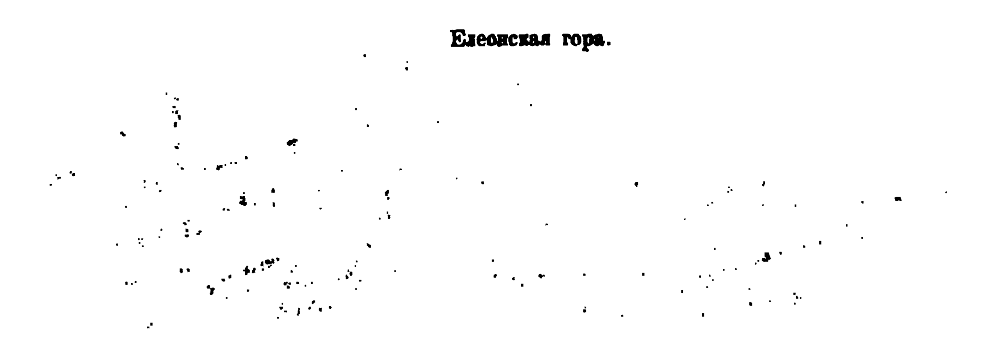
Доспѣвшу же числу шестомунадесять Октоврія, вь день неделній, по соизволенію мерхаджѣя провождающаго, ходихомь вси поклонници Греческіе посѣщати инніе мѣста святіе, внутрь и внѣ града обрѣтающіеся. Воставши убо рано предь восхожденіемь слонца, идохомь первѣе кь Святимъ Вратомь Великія Церкве и сотворихомь поклоненіе, оттуду пойдохомь страною восточною града, стоящею прямо горѣ Елеонстѣй, на низъ улицами, и дошедше лобизахомь: 1) мѣсто, идѣже Господь нашъ Іисусь Христось, Спаснтель всего міра, вь время волнаго своего за нась страданія, егда носяше кресть на распятіе Себе Самаго и изнемогъ отъ труда, препочи усѣдши. Оттуду улицею пройдохомь мало на гору и видѣхомь останки зданія Претора, идѣже, якоже Евангеліе свѣдителствуеть, судимь бяше Христосъ отъ Ани и Каяфи, иже стоятъ високо, пресязающе чрезъ улицу въ попрекь, а подъ ними, аки вратами, проходять люде. Тамо восходити неволно, понеже Турками обладаемо есть, и смотрѣти нѣсть что, понеже все разоренно, токмо двѣ стѣнѣ зрятся и оконъ нѣколико. Тогда ми, мимоидуще, лобизахомь низу стѣну зданія того. Оттуду пойдохомь вишше улицею тоеюжде и видѣхомь дворь Пилатовь, иже есть великь и пространень и стоить на мѣстѣ високомь, каменною огражденъ стѣною, исходящи изъ града одесную есть. Тамо путници не входять внутрь, понеже бѣсурмань знаменить нинѣ тамо обитаеть и стражникь у врать стоитъ, къ тому же нѣсть что отъ ветхаго вѣдѣти, понеже, по многомь раззореніи Іерусалима, нова вся зданія биша. Оттуду прешедше мало на низь тоеюжде улицею, поминухомь одесную входь кь святилищу Соломонову и стражу вь немь стоящую и возбраняющую входити всѣмь инной вѣри, кромѣ махометанской, о чесомь по-

слѣди широчае. Таже мало прешедше, мимоидохомь, ошуюю стоящь, домь Іоакима и Анни, въ немь же Пресвятая Богородица родися, и купель, въ ней же мися, якоже повѣствуется отъ народа. Оттуду мало прошедши, видѣхомь ровь, вь онъ же с. пророкь Іеремѣя вьвержень. Той есть зѣло шерокь и глубокь, и внутрь на четире страни каменними огражденъ стѣнами, идѣже ветхихъ временъ вся нечистота, отъ града истекающая, собирашеся, нинѣ же, по многократномь раззореніи Іерусалима, небрегомь пребиваетъ, въ немь же внутрь оградная зелія всѣваютъ человѣци. Оттуду абіе приближихомься кь вратамь, рекомимъ Геѳсиманскимь, понеже прямо веси Геѳсиманскія на востокь стоятъ. Тамо внутрь града, въ камени, при вратехь, изображенна есть стопа Ангелская. Врата оніе бяху прежде вь Великой Церкви, идѣже Гробь Господень, таже, вь время запустѣнія Іерусалима, взяша оттуду и принесше, сотвориша порту градскую, иже и доселѣ стоятъ, почитаема и лобизаема отъ Христіань. Тогда ми, лобизавше стопу Ангелскую и врата, изійдохомь вонъ изъ града и идохомъ сь гори долу, кь потоку Кедрскому. Не преходяще же потока, поклоняхомся мѣсту, на немъ же каменіемь побіень бисть с. первомученикь и архидіаконъ Стефань, о чесомъ пишетъ въ Дѣяніяхь Святихъ Апостоль. Таже, оставпвше весь Геѳсиманію ошую, прейдохомь потокь Кедрскій. Обаче вѣстно буди, яко потокь именуется не того ради, вь еже би имѣль вь себѣ воду непрестанно текущую, но отъ теченія дождевной води вь время зими, и, яснѣе рекше, нѣстъ потокь, но ровъ между горами. Тогда начахомь абіе восхождати на гору Елеонскую, помежду садами маслинними, и показа намь провождаяй насъ мѣсто, идѣже Христосъ Господь, грядій на страсть волную, оставивь ученики своя, самь же отъиде моля-

шеся. Тако бо свѣдителствуетъ Евангелисть Матөей: „Тогда прійде сь ними Іисусь въ весь, нарицаемую Геөсиманія, и глагола ученикомь: сѣдите ту, дондеже шедь помолюся тамо; и поемь Петра, Іякова и Іоанна, начать скорбѣти и тужити. Тогда глагола имь Іисусь: прискорбна есть душа моя до смерти, пождите здѣ и бдите сь мною". Оттуду мало прешедше, яко верженіемь камене, показа намъ мѣсто, идѣже Іисусь моляшеся кь Богу, Отцу Своему. Тако бо свѣдителствуетъ Евангелисть Лука: „И изшедъ Іисусь, иде по обичаю вь гору Елеонскую, по немъ же идоша ученици Его. Бившу же Ему на мѣстѣ, рече имь: „молите, да не внійдете вь напастъ", и самь отступи отъ нихь, яко верженіемь каменне, и поклонъ колѣни, моляшеся, глаголя: „Отче, аще волиши мимо нести чашу сію отъ Мене, обаче не Моя воля, но Твоя да будеть". Явижеся Ему Ангель сь небесе, укрѣпляя Его", и прочая тамо чти. Тамо ми сь вѣрою и любовію поклоняхомся и лобизахомь мѣсто оное святое, и взимахомь мало отъ земля, на благословеніе. Оттуду прешедше нѣколико степеней на гору, покланяхомся мѣсту второму, идѣже вторицею моляшеся Христосъ, якоже с. Матөей глаголетъ: „И паки вторицею шедь помолися, глаголя: Отче Мой, аще не можеть сія чаша йти отъ Мене, аще не пію ея, буди воля Твоя". Вѣдомо же буди, яко аще и трижди Господь нашь Іисусь Христосъ моляшеся, якоже тойжде воспоминаеть Евангелисть: „Шедь паки помолися третицею, тожде слово рекь", обаче два мѣста познаваются и исповѣдуются отъ Іерусалимлянь, откуду явѣ есть, яко Христосъ Спаситель на единсмъ на коемь любо буди, или на первомь, или на второмь, дважди молытву творяше кь Богу и Отцу, а на другомъ единожди. На первомъ убо мѣстѣ нинѣ стѣна ка-

менная огради садовной, а на второмъ мѣстѣ каменъ самороденъ, великъ, недвижимъ лежитъ. Оттуду восходящи далей на гору, показаху намъ каменъ великъ, недвижимъ, при пути лежащъ, его же лобизахомъ такожде съ поклоненіемъ. Повѣствова же намъ мерхаджѣй, провождаяй насъ, сице: яко въ время Успенія Пресвятія Богородици, егда Апостолы Христови облакомъ по воздуху отъ различнихъ странъ принесенни биша въ Геѳсиманію на погребеніе Божія Матере, тогда Апостолъ Ѳома не бяше съ ними, послѣди же третаго дне, по Божію смотренію, облакомъ принесенъ бистъ и поставленъ на ономъ камени, предъ Геѳсиманію. Повѣствуютъ же, яко сѣдящу ему тогда на камени, видяше возносимую ангелы Пресвятую Богородицу и возваше къ ней, глаголя: „Камо грядеши, Пресвятая Дѣво?“ Она же, не отвѣщающи ничесоже, метну ему поясъ свой, его же егда показа прочіимъ Апостоломъ, не вѣроваши, даби онъ видѣлъ Матерь Божію, глаголюще, яко мы прежде тріехъ дній погребохомъ ю въ веси Геѳсиманстей; и пришедше вси, вкупѣ съ Ѳомою, отверзоша гробъ и не обрѣтоша тѣла, въскресе бо по третіемъ дни, якоже и Единородній Сынъ Ея Христосъ Господь, и на небо Ангели Божіими взята естъ. Оттуду послѣди пойдохомъ на верхъ гори Елеонской, идѣже возшедше, сѣдѣхомъ вси, препочиванія ради, и созирахомъ лѣпоту града Іерусалима. Оттуду бо зрится, аки на длани, все зданіе и вси доми его, найпаче же церковь Соломонова и полата его и окрестъ ограда зѣло лѣпотны къ видѣнію зрятся. Паки видѣхомъ многая каменная зданія, лѣпо содѣланная, яже верху гори Елеонской стоятъ. Таможде и мечетъ Турецкій стоящъ, въ немъ же Богу молятся; такожде древо маслиннаго окрестъ многа, и прочая. Послѣди же прійдохомъ къ зданіямъ тѣмъ и посѣщахомъ домъ Меланіи

Елеонская гора.



...авлн., № 16.

[illegible] ограды садовной, а на второмъ мѣстѣ камень, [illegible], великъ, недвижимъ лежитъ. Оттуду [illegible] велей на гору, показаху намъ каменъ великъ, [illegible], при пути лежащъ, его же лобизахомъ та[illegible] поклоненіемъ. Повѣствова же намъ мерхаджѣй, [illegible] насъ, сице: яко въ время Успенія Пресвя[illegible] Богородицы, егда Апостолы Христовы облакомъ по воздуху отъ различныхъ странъ принесенни биша въ Геѳсиманію на погребеніе Божія Матере, тогда Апостолъ Ѳома не баше съ ними, послѣди же третаго дне, по Божію смотренію, облакомъ принесенъ бистъ и поставленъ на [illegible] камени, предъ Геѳсиманію. Повѣствуютъ же, яко сѣдящу ему тогда на камени, видяше возносимую ангелы Пресвятую Богородицу и возваше къ ней, глаголя: „Камо градеши, Пресвятая Дѣво?“ Она же, не отвѣщающи ничесоже, метну ему поясъ свой, его же егда показа прочіимъ Апостоломъ, не вѣроваши, дабы онъ видѣлъ Матерь Божію, глаголюще, яко мы прежде тріехъ [illegible] хомъ [illegible] весн Геѳсиманстей: и пришедше [illegible]

Фото-литогр. Иваттнаго. Каравая., № 16.

Вершина Елеонской горы

Домъ Св. Меланіи.

Фото-литографія П. [illegible] (Сергіевская [illegible])

Римлянини, въ немь же житіе свое провождаше, иже пристроень и присовокуплень прочіимь домомь есть, и не входихомъ, ниже созирахомъ внутрь, понеже заключень есть и руками невѣрнихь обладаемь. Обаче сквозѣ разсѣлину, яже бяше вь вратехъ, видѣхомь распространеніе келія тоя невеликое; внутрь же подъ спудомь имать зданія нѣкая ветхая и темная, подь спудомь основанія стоящая. Оттуду абіе, безъ омедленія, ведоми бѣхомъ отъ мерхардзѣя въ нѣкій дворь широкь и пространень, огражденъ окресть високою каменною стѣною, стоящь совокупленнѣ сь мечетомъ Турецкимъ. Тамо сѣдяху при вратехь два махометане и взимаху отъ коегождо входящаго хадзѣя по двѣ парѣ монети Турецкой. Егда же внійдохомь единими врати, видѣхомь пляць, или подворіе, равное и шерокое, и посредѣ его, аки нѣкій храмь маль или церковь, гладцѣ и искуснѣ созданную кругло, вь подобіе столпа. Обрѣтаются же тамь внутрь и внѣ окрестъ обстоящихъ столповь мраморнихъ числомь 14, и не прикасающихся кь стѣнамь зданія, кромѣ главь и подножій. Тамо вшедше, паки по единому сребреннику дадоша вси стражевѣ, и покланихомься мѣсту, отъонюду же Господь нашь Іисусь Христосъ вознесеся на небо, и лобизахомъ слѣди пречистихъ стопь Его, яже на камени, аки на воску, изображенніе остави. Каменъ той стоитъ на подножіи, посредѣ зданія того, иже бяше иногда церковь, глибоко, окресть обложень мраморними

дскамн. Величество образа его сверху зрится, въ долготу и широту, яко единъ степень человѣчь, внизъ же, въ земли, величество его многое, самороднѣ бо въ горѣ бистъ и пребиваетъ недвижимь доселѣ; оттуду бо и познаваеться, яко гори тамо все каменніе суть, и камень той единаго рожденія и подобія сь протчіими каменми, въ горѣ Елеонстей обрѣтающимися. Правія убо стопи не токмо мѣсто, но и палцовь изображенія виразнѣ даже доднесь показуеться, лѣвія же не тако. Тамо внутрь никтоже литургисаеть, ни отъ коея же вѣри, токмо сутъ внѣ храма онаго, на поли, созданніе каменніе престоли отъ Грековь, Римляновь, Арменовь, Коптовь и Сиріяновь, иже на всяко лѣто, въ празникь Вознесенія Господня, службу Божую творять. Оная вся зданія ветха, яже обрѣтаются на горѣ Елеонстей, вся содѣланна сутъ отъ рукь христіянскихь, и бяху церкви божественніе, нинѣ же вся руками невѣрнихь и наслѣдниковь проклятаго Махомета обладаема суть, и превращенній храмь Вознесенія Господня вь онихь нечестивіе мечети. Тогда, поклоншеся (якоже предрекохь) мѣсту святому, оть него же вознесеся Христосъ Господь на небо, идохомь верху гори, яко на три верженія каменна, и поклавяхомся показанному намъ мѣсту, на немь же Пречистая Дѣва Богородица, по вознесеніи Христа Господа, восходаше часто на гору Елеонскую, посѣщенія дѣля мѣста, отъ него же вознесеся Синь Ея, и паки прихождящи на мѣсто оное второе, взираше ко Іордану, идѣже крестися Христось, и поклоняшеся молитствующи кь Сину своему. Сице повѣствуютъ Іерусалимляне. Мѣсто же оно пусто, стоитъ на поли, ниже огражденно, ниже кимъ любо буди стрегомо. Гора Елеонская извнутрь града зрится сице: стоитъ же отъ страни восточной и есть височайшая, паче оная, на ней же Іерусалимь сто-

итъ; имѣетъ же много благой землѣ кь всѣванію сѣмень и растѣнію древесь; такожде лѣпотна и весела въ позорь человѣкомь есть. Отъ верху ея зрится весь Іерусалимь, аки на длани, такожде Іордань, иже стоитъ на востокь, и езеро Содома и Гомора, иже за беззаконія своя огнемь и пожертіемь земли скончашася. Нинѣ же на мѣстѣ томь остася вода, яже Греки именують Νεκρα θαλασσα, си естъ Мертвое море, о чесомь послѣди узриши.

Гора Елеонская Греческимь языкомь именуеться ὄρος των Ελεον, Россійскимь или Рускимъ гора Оливная, или Маслинная. Се же того ради прозвася тамо, яко много иматъ на себѣ садовь отъ древа маслиннаго, отъ него же елей, или, простѣ рекше, олива дѣлается. Сутъ нѣкіе маслинни великіе и сице ветхіе, яко еще отъ воплощенія Христова (якоже повѣствуютъ) даже доселѣ стоятъ и плодородятъ не усихающе, еже есть не токмо видѣти, но и слишати преславно. Оттуду возвращшеся, снійдохомь съ гори тѣмьжде путемь кь Геѳиманіи, яже стоитъ при потоцѣ Кедрскомъ, идѣже иногда весь бяше, якоже чтется въ Писаніи божественномъ, и людіе жителствоваху въ ней, нинѣ же токмо садове обрѣтаются и Гробь Матере же Божія, стоящь въ земли глибоко въ церкви, отъ нея же зданія внѣ ничтоже зрится, токмо входъ, имущь внизъ степеней пятъдесятъ, идѣже посредѣ степеней, отъ обою страну, сутъ гроби Іоакима и Анни. Посредѣ же олтаря есть каплица каменна, въ немь же внутрь гробъ Матере Божія; каплица же и гробъ отъ мрамора бѣла составленна, идѣже висятъ кандиловь стклянихь 18: православнихь 6, Римскихь 4, Арменскихъ 4, два же кандила Коптовь, а два Сиріановь. Церковь оная, въ подобіе пещери, есть созданна въ земли отъ благочестивія царици Елени, расположенна же есть кресто-

образно и есть въ долготу [1], а въ широту [1]. Престоли къ литургисанію различніе секти имуть; Греки же на первоначалномь престолѣ служать Божественную литургію и то не всегда, токмо въ нѣкіе праздники и неделѣ. Церковь та, или, паче рещи, пещера, стоитъ пуста, кромѣ всякой утвари; токмо егда литургисаютъ, тогда отъ града иноки приносять вся съ собою аппарати. Нѣстъ же тамо ни царскихь, ни сѣвернихь вратъ, никаковаго преграждениія, но откровеннѣ служатъ. Внѣ же церкви Геѳсиманской, абіе недалече одесную, есть мѣсто, идѣже (глаголють), яко Іуда лобзаніемъ Христа Господа предаде Іудеомъ и тіи, возложше нанъ руцѣ, яша его. Таможде и пещера, идѣже сокришася Апостоли, страхи ради Іудейска. Ошуюю же начало потока Кедрскаго и рова, въ немь же хощеть потекти рѣка огненная, предъ судищемь Христовимь въ последній день. Тамо ми въ то время слушахомь службу Божую и по окончаніи абіе изійдохомь изъ церкви и пойдохомь внизъ потока Кедрскаго, мимо гроби Іудейскіе, идѣже отъ ветхихь времень даже доселѣ погребаются Жидове. На всякомь же гробѣ каменъ и написаніе. Между тими убо единь гробъ знаменить, великь и високь, стоитъ отъ ветхихь времень даже доннѣ, отъ камене непоколѣбимо въ горѣ изсѣчень, главу на себѣ имущь остру и високу, аки столпь. Гробь же той есть Авесалома, сина Давидова, якоже единогласно отъ Іерусалимлянь повѣствуется, и стоитъ прямо Соломонова Храма, внѣ града, въ потоцѣ Кедрскомъ. Тамо Евреи страннiе, егда приходятъ посѣщенія ради, по обичаю своему, всякъ по единому каменцу малу вергаетъ, коими каменцами, чрезъ многолѣтнее время, едва не вполь завергаша гробь той. Оттуду мало прешедше, яко на полъ верженія каменна, посредѣ потока Кедрскаго показаша намь мѣсто, идѣже

[1] Пропускъ въ подлинной рукописи Барскаго.

гробница пророка Захаріи.

гробница Авессалома.

гробницы Евреевъ.

[illegible] утвари; токмо егда литургисаютъ, тогда отъ града
[illegible] приносятъ вся съ собою аппарати. Нѣсть же тамо
[illegible], ни сѣверныхъ вратъ, никаковаго преграде-
нія, но отверзеннѣ служатъ. Внѣ же церкви Геѳсиманской
[illegible] недалече одесную, есть мѣсто, идѣже (глаголютъ), ако
Іуда лобзаніемъ Христа Господа предаде Іудеомъ и тіи
возложиша нанъ руцѣ, яша его. Тамождe и пещера, идѣже
сокрышася Апостоли, страхи ради Іудейска. Ошуюю же
начало потока Кедрскаго и рова, въ немъ же хощетъ
потекти рѣка огненная предъ судищемъ Христовымъ въ по-
слѣдній день. Тамо мы въ то время слушахомъ службу
Божую и по окончаніи абіе изыдохомъ изъ церкви и пой-
дохомъ внизъ потока Кедрскаго, мимо гробы Іудейскіе
[illegible] отъ ветхихъ временъ даже доселѣ погребаются Жи-
[illegible]. На всякомъ же гробѣ камень и написаніе. Между
[illegible] убо единъ гробъ знаменитъ, великъ и високъ, стоитъ
[illegible] ветхихъ временъ даже донынѣ, отъ камене непоколеб-
[illegible] въ горѣ изсѣченъ, главу на себѣ имущъ остру и о-
[illegible], яко столпъ. Гробъ же той есть Авесалома, сына Да-
видова, якоже единогласно отъ Іерусалимлянъ повѣст-
[illegible] и стоитъ прямо Соломонова Храма, внѣ града
въ потоцѣ Кедрскомъ. Тамо Евреи странніе, егда при-
ходятъ посѣщенія ради, по обичаю своему, всякъ по-

Фото-литогр. Н. Индттнаго, Караван. № 16.

Гробницы Авессалома и пророка Захарiи.

Господь нашъ Іисусь Христосъ плюнулъ на землю и сотвори бреніе, и взятъ отъ бренія и помаза очи слѣпорожденному, и посла его въ купелъ Силоамскую умитися, и прозрѣ слѣпорожденній. На мѣстѣ ономь нѣстъ никакова зданія, токмо каменъ нерушимь въ земли пребываеть, и поклоншеся вси, сь вѣрою и любовію лобизахомь мѣсто оно святое. Таже пойдохомь внизь потока Кедрскаго далечае; оставихомь ошуюю весь Силоамьскую, пойдохомь купѣли Силоамь. Избѣгоша же нѣколикы Арапы обнаженніе, едини токмо хитони, и то раздранніе, носящіе, и предвариша нась въ купели и возбраниша входъ, и не попустиша внійти, донелѣже вси поклонници не дадоша по сребнику, по парѣ. Тамо вшедше внутрь, аки въ пещеру, на низъ степеней, умихомь лица своя, благословенія ради, нѣцiи же, благоговѣнни суще, почерпши, пиша. Обаче кь питію нѣстъ пріятна, понеже стоитъ въ земли нерушима, и аще начало свое иматъ, откуду исходить, обаче исхода не имать; къ томуже Еѳиопи возмущають, напаяюще овци и козлица и сами умивающеся. Оттуду, возвративше на странну полуденную, объ онь полъ потока Кедрскаго, пойдохомь окрестъ града, восходяще на гору Сионъскую. Показаху намь мѣсто, на немъ же непокоривіи и жестокосердіи Іудеи прерѣзаша пилою древяною велегласнаго Пророка Ісаію. Нинѣ же на мѣстѣ томь велика ягодичина стоитъ, насажденна отъ давнихь времень и каменною приспою окруженна, незабвенной ради памяти. Ми же, поклоншеся тамо, сь вѣрою и поклоненіемь лобизахомь мѣсто оно, освященное мученіемь святаго Пророка. Послѣди же веденни бихомъ мало далѣе, и показаша намь мѣсто, идѣже бяше столпь Силоамскій, иже егда падеся, осмьнадесятъ мужей забы, якоже пишется въ Палеи, нинѣ же токмо коренъ, или основаніе его обрѣтается, въ немъ же и вода есть, о че-

сомь повѣствують достовѣрнѣ, яко оттуду купелъ Силоамьская свое начало имать, отъ Силоама бо и столпь Силоамскій прохменовася, и оттуду протяжеся сквозѣ гору, даже до потока Кедрскаго, о чесомь мало преди писахь, идѣже о купелѣ и веси Силоамской. И сія два мѣста: святаго Пророка Ісаіи и столпа Силоамля, низу гори Сіона, внѣ града близу, противу Святая Святыхь. Оттуду взійдохомь на верхь гори Сіона, тамо посѣщахомь гроби мертвихь и надьписанія различна на мраморѣхь созирахомь, Греческимь, Латинскимь, Арменскимь, Серіянскимь и Коптійскимь языкомь начертанна. Таможде показоваху намь оставшоеся каменіе отъ дому Зеведеова. Гора Сіонь стоитъ отъ странни полуденнія града, есть же многими дѣйстви Христовими освященна (якоже достовѣрнѣ повѣствуютъ Іерусалимляне): 1, домь Зеведеовь тамо бяше, въ немь же Христосъ Тайную Вечеру сь святими Апостоли ядяше. Таможде и хлѣбь въ тѣло Свое святое, а вино вь кровь Свою святую претворилъ; тамо и Апостоломь ноги умиль; тамо, въ томьжде Заведеовомь дому, снійде Духь Святій вь огненнихь язицѣхь на Богомь избраннія Апостолы; тамо, уразумѣвають премудріе учитиліе отъ писаній божественныхь, яко имать Христосъ судити живихъ и мертвихь въ послѣдній денъ; тамо и донинѣ обрѣтаются гроби Давида и Соломона, идѣже погребенни быша. Обаче нинѣ Христіяне не посѣщають ихь, понеже на мѣстѣ томь Агаряне имуть мечеть свой и возбраняють входа. Тамо недалече отстоитъ село Скуделниче, си есть село крове, еже за тридесять сребнпкь, возвращенних отъ Іуди, купленно есть, въ погребаніе страннимь, идѣже и донинѣ никого отъ тамошнихь, токмо страннихь и пришельцовь погрѣбаютъ. Таможде, близу, и студенецъ Іоавлъ. Обаче та мѣста не посѣщахомъ въ

Монастырь святаго апостола Іакова въ Іерусалимѣ армянскій.

[illegible] достовѣрнѣ, яко оттуду купель Си[illegible] начало имать, отъ Силоама бо и столпъ [illegible] прочеинованся, и оттуду протяжеся сквозѣ [illegible] потока Кедрскаго, о чесомъ мало преди [illegible], о купели и веси Силоамской. И сія два [illegible] Пророка Ісаія и столпа Силоамля. низу [illegible], внѣ града близу, противу Святая Святыхъ. [illegible] на верхъ горы Сіона, тамо посѣща[illegible] и надъписанія различна на мра[illegible], Греческимъ, Латинскимъ, Армен[illegible] и Коптійскимъ языкомъ начертанна. [illegible] камение отъ дому [illegible]. Гора [illegible] стоитъ отъ страны полуденнія [illegible] есть же многими дѣйстви Христовыми освященна ([illegible] достовѣрнѣ [illegible] Іерусалимляне): [illegible], домъ [illegible] тамо [illegible], въ немъ же Христосъ Тайную [illegible] со святыми Апостоли ядяше. Таможде и хлѣбъ [illegible] тѣло Свое [illegible], а вино въ кровь Свою святую [illegible]: [illegible] ноги умылъ; тамо, къ [illegible]

Фото-литогр. И. Индттнаго, Караван. № 16.

Монастырь Св. Іакова.

той денъ, но отложихомъ на инно время. Оттуду обшедше окресть града на странну западную, внійдохомъ паки вь святый градъ врати Давидовими и разійдохомься всякь вь свое обиталище. Вѣстно же буди, яко Іерусалимъ имать шесть вратъ: четыри главнихъ, а двое малихь. Главніи именуются сице: порта Давидова, и сія есть первая и началнѣйшая, стоитъ же отъ приходу отъ страни западней, а именуется Давидова того ради, яко близу ея полати царя Давида стоять. 2 порта Сіонская именуется, понеже на горѣ Сіонѣ стоить. Третая именуется порта Геѳсиманская, того ради, понеже стоить прямо Геѳсиманіи, кь горѣ Елеонстей, на востокь. Четвертая же порта Варухова именуеться, понеже за градомъ, внѣ вратъ, стоитъ пещера, въ ней же Варухъ сѣмьдесять лѣтъ спаше. Стѣна же града окресть лѣпо отъ каменей великихь сѣченнихь зданна и врата градскіе сутъ лѣпо устроенніе, сь подписаніами Турецкими и дверми, желѣзомь облеченними. Многая же намь повѣстми откри тогда мерхадзій, си есть предьводящій нась инокь, о нихь же особнѣ нижае подробну вся начертанна обрѣтаются. Приспѣвшу дню 23 числу, на святаго Апостола Іякова, Брата Господня по плоти, бистъ праздникъ великь вь Іерусалимѣ, и служаше епископь Ѳаворскій божественную литургію соборомь въ храмѣ святаго Іякова, иже обрѣтается при великой церкви Воскресенія Господня, въ монастирѣ патріаршемь. Послѣди же весъ народь отъ Араповь Іерусалимскихъ, Греческую содержащихъ вѣру, собрася въ монастиръ патріаршій, сь женами и дѣтми, и испускающе по единому иними врати, даяху всякому, малому же и велику, по полъ-хлѣба и по чаши вина. Сице бо есть обичай инокомь, отъ прежднихь времень даже до нинѣ, на всяко лѣто творити. Послѣди, Октовріа 26 числа,

бившу празднику святаго великомученика Димитрія, ходихъ съ прочіими хаджѣи до монастира с. Димитрія на вечерню, утреню и божественную литургію, идѣже архіерей съ многими священники служаше лѣпо и церковь вся бяше сребряними украшенна лампадами. Церковь тамо аще и невелика, но лѣпа, вся отъ камене тесаннаго зданная, главу же сьверху токмо едину имать и подножіе, отъ проста каменя насажденное. Монастирь есть ветхаго строенія, зданій же и келій въ немь суть много, но иноковь мало, токмо потреби ради церковной обитаютъ. Тамо такожде хаджѣе стоять, пришедшіи на поклоненіе вь Іерусалимь. Тогда на праздникь, по службѣ Божой, званни бяху хаджѣе отъ игумена въ страннопріемницу, съ ними же и азъ, и учреди ны трапезою краткою, предложеніемъ хлѣба, вина, маслинъ и сушеннаго винограду. По трапезѣ же обичнѣ о милостину просяше игумень на обителъ, и даяху, елико кого Богь наставилъ бяше. Таже благодареніе сотворше Богу, с. Димитрію, отъидохомъ, отпущенни сь миромъ, и вьзвратихомся вь обиталища своя. Утру же бившу, Септеврія [1] 27 числа, доспѣша вь Іерусалимь инніе хаджѣе, иже бяху отъ различнихъ странь: иніе отъ Цариграда, другіе же отъ земли Волоской, прочіи же отъ острова Хіо, не токмо же бяху Греки, но и Армене и прочіи; христіянъ же мужеска и женска полу прійдоша тогда числомь 30 и 6 душъ. Ихь же такожде христіяне и иноци устрѣтаху, якоже и насъ, и угощеваху три дни вь монастирѣ патріаршемь. Таже, Октоврія 29, дадоша поплощеніе Туркамь и отверзоша ихь ради врата Великія Церкве, и внійдоша тамо на нощь, поклоненія ради. Тогда и азъ съ ними бѣхь. И угощеванни бяху и тіи вечерою честно, якоже и протчіи

[1] Въ подлинникѣ ошибочно вмѣсто: Октоврія.

путници, и водими по святихь мѣстахь, и бистъ поклоненіе мое святинямь, внутрь церкви обрѣтающимся, третицею. Тогда случися мнѣ поклонятися гробомь Іосифа и Никодима, иже на той часъ Копти отверзаху входь кь нимь, инного же времени всегда заключено есть и обладаемо отъ Коптовь. Послѣди же, на другій день, егда изійдоша изъ церкви, разійдошася по иныхь монастырехъ, тогда нѣціи и вь монастирь святаго Архангела пріидоша нѣколико, и бистъ нас множае, и вси вькупѣ хождахомь посѣщати святіе мѣста.

Мѣсяцъ Ноеврій.

Ноеврія 2 числа, бившу празднику святаго великомученика Георгія въ монастирѣ женскомъ, ходихомь посѣщати обитель ту, яже близъ святаго Архистратига стоитъ, и бихомь на отправованію церковномь, на вечерни, утрени и службѣ Божой, идѣже паки архіерей литургисоваше соборомь, и тамо такожде, якоже и вь святаго Димитрія монастирѣ, угостиша насъ трапезою краткою, токмо хлѣбомь и виномь и сухими ягодами отъ лозія. Тамо церковь малаго и простаго строенія, не имуще верху ни единія глави, но лѣпа внутрь, и лампадами сребрянними многими въ то время бяше украшенна. Монастирь же тій ветхолѣтень и тѣсенъ, и инокинь малое число въ немь обитають. Приспѣвшу дню шестому мѣсяця Ноеврія, ходихомь посѣщати монастирь Честнаго Креста. Тогда изшедше изъ града на страну запада солнечнаго, врати Давидовими, идохомь садами маслинними и полемь, равній путъ и землю добру имущимъ, идѣже аще и каменія много сутъ, но болше мягкоти и кь растѣнію древесь и жить мѣсто. Тогда созирахомь и гробовища Турецкая, внѣ града стоящая, и пророка Иліи монастирь,

въ горахъ отстоящъ, и иніе прочіе мѣста, яже ı намъ мерхадзѣй. Шествовахомъ же тогда часъ равниною, поверху горъ, таже спустихомся въ долъ ідохомъ въ монастирь Честнаго Креста. Монастирь сть первѣе созданъ отъ царя Иверскаго Татіяна, прочіи Иверіяне и патріархи Іерусалимскіе ктитор- с хy о немъ. Есть же строеніемъ ветхій и величе- широти и долготи доволенъ; много же въ себѣ ке. и з. и стѣною високою окрестъ огражденъ, и і есі бе много древа маслиннаго иматъ. Стоитъ же і единомъ равномъ роздолу, между горами, на мѣстѣ ономъ, и же израсте честное древо, на немъ же распятся Христосъ Господь, грѣхъ ради нашихъ. Тогда ми пришедше въ обитель ону, яко 220 вратъ въ всѣхъ зданіяхъ об ѣтаются, обаче зданія едини верху другихъ високо стр нніе; вхожденіе же въ монастирь чрезъ три врата: ч езъ двое желѣзніе и едини древяніе. Идохомъ первѣе въ церковь и воздахомъ должное поклоненіе честнимъ иконамъ, таже вѣдоми бѣхомъ внутрь олтаря и покланяхомься древу Честнаго Креста, идѣже мѣсто оное нинѣ стоитъ подъ престоломъ мраморнимъ, каменемъ покровенно, въ немъ же просѣченна дира, въ глубину на лакоть, и окованна, якоже и на Голгофѣ, въ знаменіе и памятъ бившаго тамо древа. Тамо три кандила висятъ сребніе, непрестанно свѣтящіе. Послѣди же слушахомъ божественной литургіи, и по окончаніи ея, изнесе священникъ служащій отъ олторя крестъ святій, отъ животворящаго древа содѣланній, величествомъ болшій отъ полпяди, широтою же и толстотою яко палецъ человѣческъ, сребромъ позлащеннимъ окрестъ окованъ, на немъ же колоръ перцовій зряшеся бити, якоже и въ Іерусалимѣ, въ великой церкви Воскресенія Господня. Тогда ему съ благоговѣ-

ніемь и страхомь поклоняющеся вси хаджѣе, лобизаху, съ ними же и азъ грѣшній сподобихся недостойними моими прикоснутися устами. Послѣди созирахомь зданіе и красоту церкви, яже аще отъвнѣ мало лѣпоти имать, но внутрь зѣло благозрачна, иконостась бо великь, не худодѣлень имать, вся же списанна есть иконами различними благо сверху даже до земли; сама же отъ сѣченнаго великаго камене зданна, шесть столповь въ себѣ имущая, такожде отъ камене сложенних, иже подъдержатъ всю тяготу церкви; подножіе же ея нѣкогда бяше мраморное, нинѣ же каменцами простими бѣлими, подобящимися мармору, рѣзанними на четири угли, въ мѣру едину, дробно, яко мушкатній орѣхь, насажденно есть лѣпо и удивленію достойно. Тамо престоль токмо единь, идѣже божественная совершается литургія, и врата такожде едини входа церковнаго, предъ ними же и паперть, такожде отъ камене созданна. Вь всемь изрядная церковь, расположеніемь, красотою, висотою, долготою и широтою, въ ней же, егда поется правило, глась расходится многь и къ слишанію внимателенъ. Въ долготу иматъ сажней 14, а въ широту седмъ и поль, и строеніемь вь всемь подобится церквамь, яже суть въ горѣ Аѳонской, идѣже кандиловь всѣхь въ церкви повѣшеннихъ суть 40, а неусипаемихь 7. Тамо видѣхомь царей Иверскихь и патріархь Іерусалимскихъ изображеннихь, иже приложиша попеченіе и тщаніе о обители той, и многая такожде пописанія и писмена, на стѣнахь подь иконами изображенная, иже подобятся мало Славенскимь, но много отъ тѣхь различна суть, ихь же никтоже отъ нась не можаше прочести. Видѣхомъ же паки на двохь мѣстехь черная знаменія на подножіи церковномь, яже (якоже отъ лѣтописцовь повѣствуется) сотворишася отъ крове иноческія, идѣже

Еѳіопи, единою нападше на монастиръ, заклаша инокъ числомъ внутрь церкви, аки агнцовъ незлобивихъ, и разграбиша вся, ихъ же и икони изображенни суть на стѣнѣ, надъ мѣстомъ тѣмъ, и свѣща тамо вжигается всегда въ время правила церковнаго. Живяху же тамо иногда иноковъ множество, нинѣ же мало, якоже и въ прочіихъ монастирехъ Іерусалимскихъ, потреби ради церковной суть, да не попустится запустѣти мѣсто святое. Послѣди иніе маліе храми посѣщахомъ, яже въ монастирѣ обрѣтаются ихъ же суть числомъ четири. Таже званни бѣхомъ игуменомъ обители тоя въ гостинницу, иже учреди насъ трапезою зѣло доволною и честною, лучшею нежели въ патріяршемъ монастирѣ внутрь града. Тогда при окончѣніи трапези, во время прошенія милостини на монастирь (якоже есть обичай), лучшаго ради умягченія сердецъ поклонниковъ, мерхаджѣй, си есть той, (якоже многажди рѣхъ), иже показуетъ мѣста святіе, повѣствова намъ о честномъ древѣ исторію вкратцѣ Греческимъ простимъ язикомъ, его же азъ разумѣяхъ въ то время. Повѣсть же, яже въ Греческихъ обрѣтается книгахъ, есть сицева: Въ время западенія Содома и Гомора, егда Богъ огнемъ сожже гради тія за преумножившіяся ихъ беззаконія, и егда праведнаго человѣка Лота съ женою и со чади изводящи оттуду, (якоже чтется въ Библіи), заповѣданно бистъ имъ, да никакоже дерзнутъ возрѣти воспятъ, жена же Лотова не стерпѣ и возрѣ и обратися въ камень сланій, иже и доселѣ стоитъ за Іерусалимомъ, близъ Мертваго моря. Оставшу убо тогда отцу съ дщерми двѣма и нощующи упоиша дщери отца своего Лота и грѣхъ сотвориша съ нимъ. Въ утрѣе же, егда отрезвѣ и возвистиша ему дщери о содѣяннѣмъ грѣсѣ, тогда печаленъ бивъ много, скорбяше дозѣла, не вѣдій, что творити и каковое би

покаяніе положити грѣху своему. Пойде же кь Авврааму патріярсѣ и исповѣдася ему и моляше, да и раздрѣшить отъ грѣха. И рече ему Авраамь, яко грѣху твоему нѣсть равная эпитемія, токмо сотвори, якоже повелю ти. Рече же ему, да идетъ вь садь Савековь и возметь тамо три главни отъ онаго огнища, идѣже хотяше сина своего Ісаака заклати на жертву Богу, а главнѣ оніе да возметь отъ древа разнаго, едину отъ певга, вторую отъ кедра, третую отъ кипариса, и да посадитъ я въ долинѣ оной, идѣже нинѣ Честнаго Креста монастирь стоитъ, внѣ Іерусалима, единъ часъ хожденія, да носитъ же на хребтѣ своемь воду отъ Іордана на лѣто едино трижди и поливаетъ оніе главни, еже есть седмь часъ растоянія, и сице да творитъ чрезъ три лѣта. И рече ему, аще убо тако сотвориши и узриши, яко оніе главни оживуть и возрастуть вь древо, тогда разумѣй, яко отпущенъ ти есть грѣхь отъ Бога. Се же все бисть волею божественною и предьувидѣніемъ всемогущаго Творца, нашего ради спасенія. Сотвори же праведній Лотъ повелѣное ему, аще и не совершенно: заповѣда бо ему Авраамь, да аще кто отъ него воспроситъ пити на пути, никакоже да возбранитъ ему, но абіе да дасть; аще кто напіется отъ води тоя, да не несетъ ю къ тому на поливаніе главень онихь, но да изліетъ вонъ и паки идетъ кь Іордану и возметъ другую, да ни отъ кого же начатою водою поливаеть древа оніе. И тако праведній Лоть, творя повелѣнное ему, многій трудь понесе чрезъ три лѣта, всегда бо или человѣкь, или жена, или отрочище просяше отъ него на пути води. Се же бисть частію отъ случая, найпаче же отъ врага діявола, пакостящаго намъ въ спасеніи нашемь, иже наводящи множицею мужа или жену и творяше препятіе покаянію Лотовому. Трудящися же сице чрезъ три лѣта, дважди

точію неначатаю водою полія главни оніе, обаче Богу, видящи его истинное покаяніе, сотвори пріятися и ожити главнемь тѣмь, и тако сцѣпившися въ купу три, возрасте древо едино отъ певга, кедра и кипариса, отъ него же Жидове содѣлавше кресть, роспяше на немь Господа нашего Іисуса Христа. Таковая азъ тогда слышавши, много чудихся прекрасной повѣсти оной и благодарствовахъ Богу вь сердци своемь, яко сподоби мя самовидцемь бити толъ преславнихь и достослышаннихь вещей. Тогда, кто хотяша и можаше отъ хадзѣевь, ущедри милостинею обитель святую. Таже, воставше отъ трапези и воздавше благодареніе Богу, отъидохомъ оттуду и возвратихомься вь Іерусалимъ на своя мѣста.

Ноеврія 7-маго ходихомъ вторицею посѣщати гору Елеонскую, гробь Матере Божія и прочіе святіе мѣста, низу по-надь потокомь Кедрьскимь стоящіе, даже до гори Сіона, о нихь же писахь прежде. Ноеврія 8-маго числа, на Соборь святаго Архангела Михаила, бисть праздникъ вь монастирѣ Архангелскомъ, идѣже азъ пребивахь, и снійдеся народъ многъ отъ Іерусалимлянь и хадзѣевь, и бистъ въ навечеріи архіерей и благословяше пять хлѣбъ и утро пояше литургію сь священники сьборомъ, бяху же пѣвци избранніе и торжество веліе, и церковь исполненна лампадами сребрянними и свѣщами, ихь же аще не много число бяше, но малости ради храма изобиліе зрашеся. Тогда вси хадзѣе званни бяху отъ игумена на честъ и угощеваеми отъ него, и иже бяху новопришедшіи въ Іерусалимъ, иже еще не посѣщаху обители тоя, тіи даяху милостину. Чтяхужеся тогда на службѣ Божой два Апостола и два Евангелія, Греческимъ и Арапьскимъ язикомь, вь еже би разумѣли Греки и Арапи, иже тогда бяху на набоженствѣ. Доспѣвшу Ноеврія 9-му дню, изволися намѣснику па-

тріяршему отслати насъ на поклоненіе къ неусипаемоей обители преподобнаго Савви Освященнаго, иже отстоитъ отъ Іерусалима далекостію четирехъ часовъ хожденіемъ. Тогда мерхадзій, предводяй насъ, собра всѣхъ и изійдохомъ съ нимъ утру бившу рано вонъ изъ града врати Давидовими, отъ запада стоящими, идѣже обрѣтохомъ много Арапов, варяющи ни съ уготованними кони и осли. Обичай бо тамо таковъ есть, яко Арапи не оставляютъ поклонниковъ (аще би и произволеніе ихъ било) ходити пѣшо, но насиліемъ даютъ кони и мески и сами при нихъ пѣшеходяще, отвозятъ, гдѣ требѣ, се же прибитка ради своего творять. Тогда хаджѣе всѣдоша на скоти, азъ же никакоже сотворихъ се, аще много мя насилствоваху Арапи, желаніе бо мое бистъ и предъумишленіе, еже всегда по святихъ мѣстехъ собственними трудитися ногами. Тогда пойдохомъ окрестъ града на страну полуденную и видѣхомъ два рови великіе и глыбокіе, въ долинѣ низу стоящіе, и внутрь окрестъ каменними стѣнами, отъ камене тесаннаго, гладцѣ огражденніе, отъ нихъ же въ единомъ бяше купелъ или, простѣ рекше, сажалка, идѣже міяхуся жени Давидови; вторій же, еще глубочайшій, полнъ бяше иногда води текущой, его же Давидъ вмѣсто езера имѣ, идѣже держаше риби и яздяше ладіями, утѣшенія ради и увеселенія, тако бо достовѣрнѣ Іерусалимляне повѣствуютъ. Паки мимоидохомъ село Скуделниче, за Сіономъ на другой горѣ стоящее, идѣже странніе и пришелци отъ чуждихъ странъ суще, егда умираютъ, тамо погребаеми биваютъ. Село же оное купленно бяше еще отъ Жидовъ, въ время Страсти, за тіе 30 сребренники, ими же проданъ бистъ отъ Іуди Господь нашъ Іисусъ Христосъ, тако бо свѣдителствуетъ Евангелистъ Матѳей, въ главѣ 26, въ зачалѣ 111. „Тогда видѣвъ Іуда, предавій Іисуса, яко осу-

диша его, раскаявся, возврати тридесять сребренники книжникомъ и старцемъ, глаголя: согрѣшихъ, предахъ кровь неповинну. Они же рѣша: что есть намъ? ти узриши. И повергъ сребренники въ церкви, отъиде и шедъ удавися. Архіерее же, пріемши сребренники, рѣша: не достойно есть ихъ вложити въ корвану, понеже цѣна крове есть. Совѣтъ же сотворше, купиша ими село Скуделниче, въ погребаніе страннимъ. Тѣмъже наречеся село то село крове до сего дне». Село же убо не оттуду нарицается въ еже би жителствоваху въ немъ людіе, никакоже, никтоже бо тамо обитаетъ, но, простѣ рекше, есть пляцъ, или майданъ, на горѣ обрѣтающъся, иже отстоитъ яко полпоприща отъ Іерусалима. Случижеся и самовидцемъ мнѣ бити чуждему погребанію, понеже инокиня едина Греческая тогда пріиде вкупѣ съ нами на поклоненіе въ Іерусалимъ, яже по единомъ мѣсяцѣ преставися и погребенна бистъ на селѣ Скуделничомъ. Поминувшемъ же намъ село Скуделниче, шествовахомъ все долиною низкою, ея же начало есть отъ потока Кедрскаго, съ-подъ Іерусалима, конецъ же входитъ въ Мертвое море, идѣже гради Содома и Гомора земля пожре. Долину ту, или ровъ, Греки тамо именуютъ Пирносъ Потамосъ (якоже предъ речеся), си есть огненная рѣка, яже имать на страшномъ судѣ потекти. Сутъ же тамо гори и доли многіе, лѣпотніе, въ нихъ же мало каменія обрѣтается, но все земля мягка и добра, индѣ черна, индѣ червлена, индѣ же бѣла, аки варь, древа же ни мало нигдѣ не видѣхомъ, ни билія, токмо малу траву, въ долинахъ и раздолехъ растущую. Видѣхомъ же верблюдовъ пасомихъ изобилно и гонимихъ сквозѣ гори сѣмо и овамо отъ Еѳіоповъ. Води же нигдѣже не видѣхомъ, токмо на единомъ мѣстѣ, и то не чисту, отъ нея же токмо скоти напаваеми биваютъ, а не человѣци піютъ.

Тогда аще и много нась устрѣтаху отъ Арапов, но никакоже нась смѣяху пакостити, бѣ бо нась тогда провождаяй кафарь, началствуяй надь ними, его же хадзѣе наяху, удобнаго дѣля прехода. Приближающимьжеся намъ яко за поприще едино до обители преподобнаго Савви, взійдохомь на гори твердіе, ни мало земли, токмо великія каменія имущое, идохомъ же понадь тѣмьжде ровомъ, о немъ же предь рекохь, иже тамо зѣло глубокь есть и ужасень кь видѣнію, аки нѣкая бездна; отъ обою же странну имать пещеръ многое множество и келій, помежду каменми зданнихь, идѣже ветхихъ временъ скитахуся Святіи Отци пустинножителѣ и аки птицѣ гнѣздящеся единъ при единому, богоугодное препровождаху житіе, нинѣ же вся пуста суть, и лисици и иніе звѣріе въ нихь обитають, и Арапи нощуютъ. Тогда идуще все по-надъ ровомь тимь, доспѣхомь кь монастиру преподобнаго Савви, иже въ томьжде ровѣ стоитъ. Тогда провождаяй насъ Ефіопъ, кафарь глаголемій, ста вь вратехь монастирскихъ и взять отъ коегождо хадзѣя четири парѣ мзди за трудь свой. Тогда вшедше внутрь монастира, устрѣтаеми бихомь отъ иноковь честно, нисходихомъ же внизъ многими каменними степенъми, аки въ яму, помежду многими зданіи, и внійдохомь первѣе въ великую церковь, посредѣ монастира стоящую, и поклонихомся иконамъ честно, таже званни бихомь вь трапезу, но понеже прійдохомъ нечаяннѣ, къ тому же бистъ день среда, того ради пріяти бихомь сухояденіемь и виномь. По трапезѣ водими бѣхомъ по всѣхь монастирскихъ церквахь и зданіяхь, горѣ и низу, идѣже видѣхь зѣло чудесніе входи и исходи, и пищери, похвали и удивленія достойны. Вечеру же приспѣвшу, слушахомъ вечерни въ началномь храмѣ, въ имя святаго Сави Освященнаго созданномь, таже

званни бихомъ въ трапезу отъ игумена и братій, и представиша вечеру доволну и честну, подобнѣ, якоже и вь монастирѣ Честнаго Креста. Бяху же варенія три съ елеемъ и вина изобилно, яко всѣмь благодарствовати хаджіемъ При окончені же трапези, вси вписоваху имена своя въ поминники церковніе, инніи же родителей и братій своихь, и ущедриша милостинею обителъ святую, елико кто можаше и хотяше и елико кого Духь Святій наставилъ бяше. Послѣди, воставше отъ трапези и благодареніе Богу сотворше, поведоша въ гостинницу, идѣже уготованна бяше горница велія и послана многими килимами и колдрами лѣпо, яже путниковь ради токмо и прочіихъ честнихъ гостей держать иноки, и спахомъ по трудѣ и по чести сладко и здраво. Заутра же бихомъ на правилѣ церковномъ и слушахомъ утрени и службі Божой, яже насъ ради рано бистъ, и тогда иноци показоху двѣ глави преподобнихъ Аркадія и Іоанна, брата его, и прочіихъ Святыхъ нетлѣнніе кости, яже лобизахомъ вси. Таже, давше всякому хлѣбъ и по нѣколико маслинъ и по чаши вина, отпустиша въ мирѣ съ всякою честію и провожденіемъ. Мнѣ же зѣло возлюбися обителъ оная, и молыхъ игумена да ми благословитъ нѣколики дни пребити тамо, иже никакоже отрече. Пребивахь убо тамо не мало время, ходя на всякъ денъ на правило церковное и упражняяся чтеніемъ книгъ отъ вивліоѳики монастирской. Разсмотрѣхъ же всю лѣпоту, и строеніе, и чинь, и вся, суща тамо, и во истину многа похвали достойна имать монастирь оній. 1) Вся зданія имать отъ камени чиста и бѣла, гладко и лѣпо на четири угли тесаннаго и отъ всѣхь странъ огражденъ есть високою каменною стѣною, аки нѣкій градъ. 2) Аще зрится и не весма бити великъ, обаче много домовь и келій въ себѣ со-

держитъ, ибо суть до тріехъ и четирехъ степеней, едини верху другихъ зданніе, инніе же внутръ основанія монастирскаго въ земли подъ спудомъ, многіе же внутръ гори, аки пещери ископанніе, понеже часть гори внутръ монастира стоитъ, ея же камень естъ бѣлъ и удобенъ къ крушенію и сѣченію, сице же лѣпо покопанны суть пещери и въ нихъ построенніе келіи, яко всякаго страннопришелца удивляетъ умъ и слаждаютъ зрѣніе очесь. Отъ нихъ же въ единой и азъ тогда пребивахъ. Сутъ же вси, кромѣ страннопріемницъ, маліе и тѣсніе, единому человѣку въ обитаніе сотворенніе, и по единому оконцу имущіе, и тепліе доволно, въ нихъ же и одри, или кровати, спанія ради, индѣ отъ камене сложенніе, индѣ же отъ самородной скали неотдѣлно въ горѣ изсѣченніе. 3) Церковъ велика, въ имя преподобнаго Савви созданная, естъ красна и честна мѣрою и строеніемъ своимъ внѣ и внутръ, ничтоже древяно, кромѣ иконостаса, иматъ, иже закрываетъ престолъ, вся бо отъ основанія, даже до верха, отъ плинѳъ великихъ не скуделничихъ, но отъ самородна въ горѣ камене, гладцѣ и искуснимъ художествомъ рѣзаннихъ, лѣпо составленна; камень же ея сице бѣль, яко ни варь въ стѣнѣ познавается, сего ради ниже побѣленна естъ отвнѣ, не требуетъ бо бѣлости лучшой, паче, юже иматъ въ камени. На верху же покрова ничтоже иматъ отъ древа, но отъ пепела и вара раствореннимъ нѣкако бреніемъ сице красно и гладко покровенна, и она, и вся зданія монастиря, яко ни токъ гуменній, равнѣйшій или гладчайшій можетъ бити, отъ нихъ же вода дождевная въ время зими истѣкаетъ въ студенци, питія ради. Сице же покрови ихъ сутъ крѣпки, аки каменъ, и держатся до пятнадесяти и двадесяти лѣтъ, таже поновляеми биваютъ. Церковь убо та, бѣлости своей мнится бити не многолѣтна и аки нова, обаче по истиннѣ

зѣло есть ветха, повѣствують бо яко отъ царя Константина, и та въ едино время создася, егда же и церковь Воскресенія Христова, яже въ Іерусалимѣ, идѣже Гробъ Господенъ есть. 4) Суть тамо еще малихъ церковь, особнѣ стоящихъ пять, въ нихъ же литургисають. Первая стоитъ при стѣнѣ началнаго храма, въ честь 40 мученикъ созданна. Вторая вишше всѣхъ келій, на единой вежи стоитъ, идѣже иногда ветхихъ временъ бяше трапеза Святихъ Отецъ, нинѣ же храмъ Вознесенія Христова есть приличнѣ на горѣ Елеонстей бившу Вознесенію Господню и храму оному на горѣ стояти. Третая с. Іоанна Златоустаго, и сія стоитъ въ углѣ монастира чудесно устроенная, внутръ гори, стоящая надъ глубокимъ ровомъ и на мѣстѣ ужасномъ, зѣло бо тамо нависла есть гора и мнится падати, обаче волею Божественною чрезъ коль многое множество лѣтъ держится. Четвертая церковь с. Николая, лѣпа и пространна строеніемъ, такожде внутрь гори въ пещери единой великой, яже токмо едину стѣну иматъ отъ входа, отъ камене сѣченнаго зданную, прочее вся изрита и ископанна есть и стѣнами преграждена, верхъ же ея многому удивленію достоинъ есть, камень бо единъ неотдѣленъ отъ гори и великъ велми надъ цѣлимъ храмомъ тѣмъ, аки висити мнится и покриваетъ его. Тамо внутрь двѣ пещери великіи изрити суть и загражденніе отъ преди стѣнами и наполненніе даже до верха костей ветхихъ Святихъ Отецъ пустинныхъ, иже тамо иногда окресть неуспцаемой обители преподобнаго Сави жителствовахху, и отъ нѣкоего нечестива царя вси изсѣченни бяху, и пусто все бяше, послѣди же, егда паки населишася иноци въ монастирѣ и видѣша костей много валяющихъся и не гніющихъ, собраша вся и изнесоша на едино мѣсто въ пещеру ту, идѣже нинѣ храмъ с. Николая,

якоже више рекохъ. Лежащимъ же имъ первѣе открито и созирающимъ всѣмь приходящимъ тамо, хадзѣе нѣціи (якоже повѣствують) тайно взимаху по малой части отъ костей; обаче Богу небдаговоляшу о томь: егда возвращахуся въ Іопѣю, не можаху плисти на морѣ, многими волнами и страшливими бурами носимй, и не могуща отъити въ отчество свое, повращахуся паки и отдаяху. Сего ради, повѣленіемь нѣкоего патріярхи, загражденны бяху стѣнами и ниже входь нинѣ кь нимь есть, токмо едино оконце високо стоитъ и на немь костей нѣколико положенно, знаменія ради; кости же, яко видятся издалече нѣ суть, якоже прочіихъ Святихь, бѣли и чисти, но черновидни. Пятая церковь въ пещерѣ святаго Сави Освященнаго, идѣже онь житіе свое провождаше, созданна въ другомь углѣ монастира, подобнѣ надь ровомь тѣмъжде глубокимъ стоящая, якоже и святаго Хризостома, и согласують весма себѣ мѣстомь; она бо въ единомъ углѣ монастира стоитъ, сія же въ другомъ, и вь имя и память тогожде преподобнаго Савви учиненна; есть же мала и тѣсна велми, и идѣже иконостась имѣль бити, на томъ мѣстѣ стѣна каменная прегражденна, исписанна иконами Святихь. Тамо врать сѣверних нѣсть, тѣсноти ради, токмо царскіе врата едини, и ими же исходитъ, тими и входитъ священникъ и панамарь. Тамождe вкупѣ, созади церкве, въ горѣ пещера, въ ней же внутръ вторая пещера зѣло малая обрѣтается, идѣже угодникь Божій преподобній Савва Освященній скиташеся; тамо непрестанно, день и нощъ, не усипная лампада елея горитъ. Суть же еще двѣ церкви, лѣпо отъ каменей составленніе, но пусти стоять, и не чтется въ нихь правило никогда же. Есть же и гробъ св. Савви въ монастирѣ томь, въ немъ же въ день успенія своего положенъ бяше, нинѣ же мощи его нѣ суть тамо,

Италіи, въ пресловутомъ градѣ Венеціи обрѣта- костелѣ Римскомъ, близъ церкви Греческой ъ, якоже прежде писахъ. Обаче гробъ его и ь великой чести есть, верху бо онаго создася, стол кругль, отъ камене лѣпо, съ главою и входомъ, е престающи, денно и нощно, горятъ два кан- ъ ея полніе. При томъждe гробѣ, подъ спудомъ ъ и, и прочіе многіе подѣланни суть гробове, въ же иноки погребаются. Тамо азъ ходихъ и посѣщахъ, и видѣ ь костей безъ числа. Гробница же Савви стоитъ верху земли, а гробъ его внутрь земли глубоко, яко на лакотъ пять, и прочіе токожде предъ великою церковію, посредѣ монастира устроенніе. 5) Правило церковное есть совершенное и чтется лѣпо, съ страхомъ Божіимъ и съ всякимъ благоговѣніемъ, безъ шептовъ и бесѣдъ непотребныхъ. Литургія же рано не биваетъ никогда, (развѣ аще случится гостей ради) но всегда часомъ или двѣма предъ полуднемъ, егда время трапези приближается. Литургія на всякъ денъ не биваетъ, токмо въ недѣлю, во вторникъ, въ четвертокъ, и суботу, прочія же дни часи токмо чтутся, кромѣ аще случиться праздникъ, тогда неотмѣнно всегда поется. 6) Трапеза есть лѣпо созданна, въ ней же столи, на нихъ же предъставляется снѣдь, зѣло майстерствомъ краснимъ и гладкимъ сложенни суть, яко отъ всякаго приходящаго тамо странна похваляеми биваютъ, найпаче же столъ первій, идѣже братія по вся дни трапезу ядятъ, отъ бѣлаго и чистаго простаго камене, рѣзаннаго сице крѣпко, лѣпо и гладко сложенній, яко издалече отъ цѣлаго и единаго камене изсѣченъ мниться бити. 7) Чинъ въ монастирѣ добръ есть. На утреню иноки встаютъ рано, службу Божію отправуютъ позно, за часъ или два предъ полуднемъ, егда приближается время трапезованія; и

часи такожде; на всякъ пятокъ, по вечерни, исходять надъ гроби оніе (о нихъ же въмалѣ предъ писахь) и поютъ канонъ за усопшихь отець надъ коливомь и виномь, съ кажденіемь [1] ѳиміама и прочіимь благолѣпіемь. По литургіи [2] абіе идутъ въ трапезу, и по вечерни такожде не расходящеся по келіяхъ. Въ трапезѣ чтенія не чтуть, развѣ при гостехъ, понеже сутъ вси прости и не разумѣють не токмо книжнаго писанія, но многи сутъ, иже Греческаго простаго язика не умѣють, кромѣ Турецкаго; сіи сутъ отъ Анатоліи, [3] все по Турецку бесѣдують и другаго не знають язика, аще же и Греческіе книги въ церкви чтуть, но не разумѣють, тако бо токмо изучаются чтенія ради церковнаго, да христіанская вѣра не исчезаеть; прочіи же, аще и знають по Греческу въ монастирѣ томь, то сутъ или глухи, или слѣпи, или зѣло стари, таковихъ бо тамо патріархь оставляеть жити, да не много глаголюще, пребивають въ молчаніи. Къ тому же вси сутъ монахи, кромѣ седмичнаго, его же единаго обикоша держати [4], такожде монахь поставляется тамо, да памятствующе вси, яко равни сутъ чиномь, и смиряющеся спасаются. Въ трапезѣ, кромѣ священника, аще стару, аще младу, или вишше или низше сѣсти волно естъ, понеже едина ядь и равна частъ всѣмь предлагается, и коемуждо особно; послушанія иннаго нѣстъ имь, кромѣ церковнаго и трапезнаго, понеже ни оградовь, ни садовь имуть, но всякая пища имь посилается отъ Іерусалима, отъ монастира патріаршего, и аще что любо буди дѣлають, никогда же единь или два, но вси совокупно. 8) Кладязовь тамо сутъ 12, вси дождевную воду имущіе, и естъ води доволно къ питію и ко всякой потребѣ мо-

[1] Далѣе въ подлинникѣ не достаетъ листа 157.— [2] службѣ же той *М.* — [3] идѣже мало христіанъ Христіане бо иже въ Анатоліи *М.*— [4] въ монастирѣ, а игуменъ *М.*

ой [1] ихъ же тамо мало помежду каменьми всѣ-
ди. Естъ же тамо и вода жива, текущая отъ зе-
молитвою преподобнаго Савви явися; име-
ю тамо агіазма, си есть вода освященная
подобнаго Савви. Піють же ю Еѳіопи, про-
сквозѣ пустиню, со многимь благодарствіемь,
не обрѣтается тамо нигдѣ вода инна даже до
рдана. Обаче внѣ монастира обрѣтается, зѣло
нѣколико саженей подь
мона рь пр ноци на всякь день не
піють оть источника того, понеже тяжестень путъ къ нему, найпаче Еѳіоповь ради часто изъ монастира исходити не могуть. 9) И строеніе и мѣсто зѣло дивно есть, стоить бо при горѣ каменной, между прочіими пустими горами, надь зѣло глубокимь ужаснимь рвомь, вь немь же (якоже повѣствують) на страшномъ судѣ потечеть рѣка огненная. Во огражденіи же своемь пол-стѣни имать самородной [2] художествомь, и внутрь монастира индѣ [3] долини и ями и многа чудесна, и яже отнюдь подробну исписати нѣсть мощно. Сквозѣ же монастирь преходить потокь дождевій, иже издалече оть-между горъ начинается и впадаеть въ ровь рѣки огненнія, она же входить въ Мертвое море. И еще же есть тамо столпь високь, въ стѣнѣ монастирской при вратехь на горѣ стоящь, идѣже оть-среди монастиря даже на верхь его 230 степеней человѣческихъ хожденія есть, якоже азь самь числихь, а оть-среди монастира, внизь рова, ко источнику святаго Савви еще вящше. На столпѣ томь всегда единь поставленній живеть законникь, стражи ради, аще убо кто приходитъ, или оть Еѳіопскихъ разбойниковь, или инь кто безь потреби, тому возбраняеть

[1] къ оращенію зелій, *М.*— [2] отъ горы отъ пол стѣны, сложенній *М.*— [3] *вст.* холми, индѣ. *М.*

входа, и не повелѣваеть икономь впущати въ монастирь. Аще же видить кого отъ своихь или христіанскихъ путниковь толкуща во врата, тогда оглашаеть братіи, да отверзуть; оглашаеть же и гортанію, понеже нужно естъ услышати, разстоянія ради, но естъ тамо верхь сплетень отъ дрота зѣло долгій и прицѣплень отъ висоти столпа даже внизь, до великой церкви, при концѣ же висятъ 3 колоколци маліе, и тими вѣстъ подаеть. 10) Обителъ она во всемь прекрасно и угодна къ житію человѣческу [1] и по истиннѣ пустинническая естъ, понеже уединенна отъ мира и людій, и ничтоже иматъ окресть себя, токмо едини пустіе и безводніе гори, идѣже не токмо древа нѣстъ, но и билія и трави мало, и то развѣ въ нѣкіихь [2] долинахъ обрѣтается въ зимѣ, въ лѣтѣ же все согаряеть отъ зноя солнечнаго. Прибитка никаковаго иматъ, токмо отъ милостини живетъ, юже христіане приходящіи на поклоненіе подаваютъ. Пещерь много покопанныхъ сутъ и скитовь, построенныхь окресть монастира еще отъ древнихъ Отець, нинѣ же вся опустѣша, егда нечестивій оній и злонравній народъ Арапскій населися, и инніе звѣріе въ нихь живуть, иже частѣ исходяще отъ язвинь своихь, бѣгають внизь рова подь монастиремь и собираютъ крупицы и окрушци хлѣбніе, отъ трапези изметаемія, еже мнѣ самому случися видѣти многажди. Сутъ же еще въ горахь тѣхь едини звѣріе, именуеміе Греческимь язикомь сканцохери, ихь же ми Руси называемь яжами, и въ странахъ нашихь сутъ, яко глава человѣча, костіе имуть, яко иглы верху себе, тамо же раждаются великіе, аки свини, и остіе на нихь толстое и долгое, яко періе дрохвинное, въ крилахъ сущіе; ихъ инокомь, смотрящимь изъ монастира, случается видѣти

[1] иноческому. *М.* — [2] низкихъ. *М.*

дящихъ по горахъ. Повѣтствують же, яко окресть еще большіе раждаются, ихъ же убивающе огненнимъ оружіемъ, собираютъ ости ихъ и при- зъ [1] Іерусалимъ, продають на торжищи; потребніе на многіе вещи, найпаче же кь писанію. На- монастирь той вь всемь благолѣпенъ и безмол- житію иноческому, токмо не малу нужду и озло- имать оть Араповь драпѣжнихь, иже тамо по- меж ст има и Іордана, вь пустини живуть. что благо ?? всегда бо и лѣто и зиму подь сѣніями, или просто рекше въ шатрахь, аки скоти, пребивають; иже аще би били христіяне и сицевую нужду Бога ради терпѣли, якоже терпять, во истину всѣ би спаслыся; обаче, иже держатъ вѣру христіанскую, тіи не обитають въ пустини, но въ градѣхь, идѣже священници и церкви Божественніе суть, а иже сѣдять въ горахь, тіи вси суть махометанской вѣри. Тіи убо приходяще на всякь день, ово пять, ово десять, овогда же пятьнадесятъ, двадесятъ, тридесятъ и всяко, якоже случается, вопіютъ подъ монастиремъ, толкуще вь стѣни каменіемь и зовуще велегласно, да изнесуть что снѣдно. Печетъ же ся тамо особній чернѣйшій и крупнѣйшій хлѣбь, Араповь ради, и сутъ двѣ окна отъ обою страну монастира, ими же въ кошницѣ, прицѣпленной вервомъ, низпущающе, пищу имь подавають. Пища же ихь сія есть: хлѣбъ, паки оцетъ, елей, лукь, все въ единъ сосудь смѣшанное; нѣкіимь же знаменитшимъ даются и маслини, иногда же и вареніе братерское. Еще инніе, не доволни суще тимь, и прочіихь многихъ вещей ищутъ, и аще не получають, много кричатъ, гнѣвающеся и біюще въ стѣни каменіемъ и вергающе внутрь

[1] Отсюда продолжается подлинная рукопись Барскаго.

монастира и инныіе пакости творяще, и аще би не платили началствующему надъ нимы постановленное въ годъ, давно би оставили опустѣти обитель, якоже иногда и бисть. Сице бо въ рукахь ихь суть, яко кромѣ нужди за врата исходити не могутъ, и то наймують провождающаго стража. Обаче трудолюбивіи отци претерпѣвають вся и якоже могутъ живутъ, и тако, помощію Божіею и молитвами с. Савви, обитель его соблюдается. Пребивающу же ми тамо многи дни, имѣхь многое тщаніе и попеченіе, како бихь моглъ видѣти мѣсто Содома и Гомора, иже отстоитъ толико еще далече за монастиремь, колико монастирь отъ Іерусалима, си естъ четирма часи пѣшехожденія. Бяху же пришли въ той часъ отъ града, зъ монастира патріаршего, иніе четири иноки, отъ них же бяше единь знаменить протосингель и благодѣтель мнѣ, о немъ же више предъ писахь. Той убо самь наятъ двохь Эѳіоповъ, провожденія ради, и согласившеся насъ пятерица, отъидохомъ Ноеврія двадесятъ осмаго числа. Облекошажеся оніе 4 иноки въ послѣдняя и зѣло худая рубища, яко ни разбойнику хотѣти взяти, бояхубося да не како будутъ напаствуеми отъ Арапов; азъ же въ тѣхьжде ризахь, въ них же присно хождахъ, бѣхъ, не жалѣя лишитися ихъ. Идохомь тогда все горами и долинами, идѣже древа и води ничтоже, трави и билія мало, прочее же все каменіе обрѣтается; обаче идохомъ многими равними раздолами, лѣпу и мягку безъ камене землю имущимы, идѣже аще би инныіе люди жительствоваху, многіе би сѣмена всѣвати и виноградъ плодити могли, нинѣ же вся пуста сутъ. И елико далѣе шествовахомь, толико на нисъхождахомъ; егда же приближихомся кь послѣднимь горамь, тогда узрѣхомъ воду, велію въ долготу и широту, идѣже прежде бяше Содомь и Гоморь. Тогда зѣло тя-

...мь и неудобь ходимимъ путемъ спустившеся внизъ ...ой зѣло долини, помежду ужасними каменними ...инами и вертепами проходяще, дойдохомь тамо. ...ѣто Содома и Гомора, каково нынѣ. Вода оная есть ...пространна, найпаче же въ долготу, и зрится аки ...превеликое езеро, еже именуется тамо отъ Греvь ...εκρα θαλασσα, си есть Мертвое море, того ради, ... ь умертвія людскаго бысть, егда бо Содомь и ... съ ... и гради пожренны биша ... мъ, и земля по... я, отъ того времени оста вода. Море же именуется того ради, понеже яко вь морѣ вода сланая естественнѣ есть, тако и тамо, и еще паче сланшая и зѣло горка, яко токмо палець омочивши и на язикь возложивши, яки лютѣйшой нѣкой яди человѣкь стерпѣти же можеть: смердить пожарищемь и отчасти сѣркою не токмо она, но и брегъ издалече окресть его. Брегъ же далече нераздѣлно вь единъ бѣль камень изліяшася и далече внутръ мѣлькіе суть, яко на пятнадесятъ или двадесятъ сажней, но токмо тамо, идѣже ми посѣщахомъ, на прочіихь же мѣстехь ниже брега мало имать, но отъ края абіе бездна неизмѣримая и гори високіе каменніе окрестъ обстоятъ. Вода, аще и бѣла видомъ зрится бити, но не свѣтла и нечиста и акиби блатомь возмущенна; имать же верху себе нѣкую сласть или ситость, аки елей, въ дробнихь капляхь показующуюся и плавающую, и не стоитъ тихо, аще и въ найтишайшое время, но всегда шумитъ и малими волнуется пѣнами и превращается въ подобіе кипящаго котла, обаче горячести не имать, токмо малу теплоту. Тамо ни риба, ни инно что живеть и ниже раждается, токмо соли много, отъ води изливаемой на брегь и остающей между каменми въ ямицахь (отъ нея же собирающа Арави продаютъ и вси Іерусалимняне оную

ядять), яже отъ слонца верху води собирается въ едино, якоже тенкій ледь отъ мраза. Бѣла есть, аки снѣгъ, а слана сице, яко равна ей въ свѣтѣ необрѣтается. Кораблями, ни ладіями тамо когда плавають, ниже мощно есть, понеже разваряетъ и псуетъ въ маломъ времени, ниже что отъ одежди мити кто можетъ, понеже поядаетъ и гноитъ вся, токмо кь митію тѣла естъ здрава и помощна, понеже всяку свербь и красту снѣдаеть, идѣже Ееиопи, мимоходяще, всегда миются. Тамо ми замедлихомъ яко 2 часи и вящше, ходяще по брезѣ и созирающе. Тогда на сухомъ брезѣ обрѣтахомь отъ земли исходящую малимь теченіемь воду, смердящую злѣ, юже едва мимо ити возмогохомь. Стоитъ же тамо на единомъ мѣстѣ близъ брега лѣсъ малъ, древо листвіемъ подобное кипарису родящъ, густь же, понеже при немъ множество веліе трости раждается, тріехъ человѣкъ мѣрою високой и нижшой, того ради, понеже мѣсто естъ зѣло низкое и воднистое. Много же сутъ источниковъ малихь, сладкую воду имущихъ, иже толъ бистримъ и крѣпкимъ теченіемъ исходятъ, яко не просто по земли, но аки кипящи, въ гору струю возносятъ. Обрѣтохь же тамо, между лѣсомь и тростіемь, едину рѣку узку и мѣлку, такожде сладку воду имущую, между каменми текущею толъ бистро, яко съ нуждею бродити въ ней, идѣже сутъ нѣкаковіи рибици и инообразніи раки, яковіи въ морѣ раждаются. Исходитъ же рѣка она сподъ горъ, отъ Іерусалимской страни стоящихъ, нѣціи же повѣствуютъ, яко сподъ самаго Іерусалима начинается, наконецъ (якоже самовидци быхомь) впадаетъ въ оное Мертвое море, рекше въ езеро Содома и Гомора. Случижеся тогда видѣти вепра дикаго, изшедшаго отъ лѣса на брегь, его же хотяху Ееиопи убити, но не постигнуша, сокрися бо воскорѣ и къ тому не

явися. Тамо мало между древеси препочивахомь, яко полчаса, и снѣдохомъ по окруху хлѣба, таже михомься вси вь морѣ Мертвомъ, хотяще искусити и увѣдѣти естество и силу води оной, идѣже многа познахомъ чудесна.

Какова сила Мертваго моря? 1) Яко вода крѣпко слана есть и горка, и сице лютѣ ястъ все тѣло, яко нуждно стерпѣти, обаче свербъ, краста и инніе прищавки и вся нечистота на тѣлѣ погибаеть отъ нея. 2) Видѣхь тамо древеса, въ водѣ стоящіе, и касахомся ихь, иже суть дебели и високи, и наченши отъ корене до половини стоять вь водѣ, прочее же верху зрятся издалече, суть же сухи и ни листвія ничтоже на себѣ имущіе, толь же крѣпкіе, яко два вкупѣ возлазихомъ на ня и ничтоже сокрушися. Не вѣсть же никто же, садовніе ли и лѣсовіе бяху древа, обаче, что и како любо буди, мало о томъ испитаніе. Се великаго удивленія достойно, яко чрезъ толь тисящніе вѣки, волею Божіею, стоятъ непоколѣбими и не согниваютъ въ такой лютой водѣ, и донелѣже ихъ касаеться вода, дотолѣ каменною чудеснѣ обрастоша кожею. Нетокмо же тіи, но и прочіи древеса, при брезѣ стоящіе, ихъ же касается вода, усушишася и каменіемъ обрастоша, и нинѣ на всякъ день обрастаютъ, чесому азъ много удивляющися, взяхь сь собою отъ каменей тѣхь и соли, яже тамо раждается. 3) Еже есть многому недоумѣнію приличное и чудеси, яко вода оная потопитися или понрути или погрузитися человѣка не оставляетъ, сами бо искусихомь достовѣрнѣ, егда михомся въ ней, идѣже ни гребущихъся насъ, ни движущихся, но легшихь распростертима рукама и ногама, аки сосуди праздніе нопаше, и лежахомъ, аки на постели мягкой; не могутъ бо понрути ни ноги, ни руцѣ человѣка на низъ, якоже вь инннхъ сладкихъ водахь

естественнѣ то дѣйствуется, и не наученъ плавати часто на глубинѣ утопаетъ. Таможе не тако, но человѣкъ, начентши отъ брега, токмо можетъ ити по земли донелѣ же висота его, аще же начнетъ далѣе въ глубину поступати, яко касатися устнамъ его водѣ, тогда абіе отъ земля горѣ насиліемъ воздвигаетъ нозѣ и носитъ верху себѣ человѣка, аки дску плавающаго. Егда же изійдохомъ отъ води, бяху тѣлеса наша побѣленни и аки мукою потрушенни солію, и созирающеся другъ другу смѣяхомся, таже омившися въ сладкой водѣ, облекохомся въ ризи своя. Обаче послѣди, даже чрезъ три дни и вящше, бяше слана кожа на тѣлѣ моемъ, чесому азъ зѣло чудихъся и благодарствовахъ Господеви, яко сподоби мя видѣти толь неизреченная Его дѣйствія. Море Мертвое въ долготу протяжеся много, его же конца на брезѣ стояще не видѣхомъ, широта же отъ всѣхъ странъ зрится, окружаема високими горами, найпаче же гори зѣло високіе стоятъ обонъполъ води. Осязаетъ же мѣста всего окрестъ сѣмъ сотъ миль морскихъ, си есть Италѣянскихъ (якоже согласно повѣствуется въ людехъ). Бяхомъ же ми тогда недалече, яко осязаніе ока, отъ конца втораго, стоящаго отъ Іордана, и видѣхомъ на Мертвомъ морѣ аки рису, или нѣкую черту, идѣже вода съ водою сопротивляетъся. Повѣсть же такова о томъ проходитъ, яко Іорданъ рѣка, яже впадаетъ въ море Мертвое, великую часть проходящи его, къ тому прочее престаетъ отъ теченія своего и погубляетъ конецъ, и не вѣсть никтоже совершенно; инніи бо глаголютъ, яко моремъ Мертвимъ пожираемъ, кончается на оной предпомяненной чертѣ, другіи же глаголютъ, яко подъ землею идетъ и за Мертвымъ езеромъ, во пустини, паки виходитъ и идетъ своею струею. Та и множае тамо увѣдавши, мислихомъ еще пойти къ Іордану, иже та-

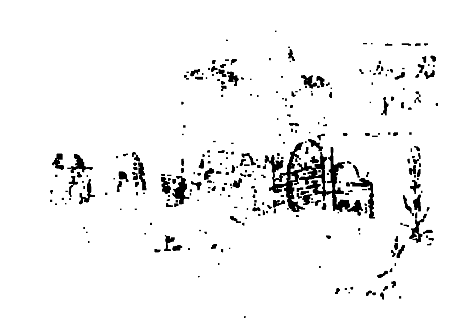
страхомъ Божіимъ", чтяше священникъ нѣкую молытву отъ Требника о разрѣшеніи грѣховъ, и послѣди даяше Тѣло и Кровь Божественную. Приближившужеся убо празднику Рождества Христова, иже случися тогда 25 Декемврія, въ день неделній, идохомъ прежде днемъ единимъ, въ суботу, къ Виѳлеему, поклоненія ради, вкупѣ съ архіереемъ, грядущимъ тамо служенія ради. Виѳлеемъ отстоитъ отъ Іерусалима двохъ часовъ хожденіемъ, идохомъ же добримъ и равнимъ путемъ и полемъ краснимъ, мало каменя имущимъ, но все мягкую и къ всѣянію сѣменъ изрядную землю, и поминухомъ монастиръ, при пути стоящъ, пророка Иліи. Оттуду идохомъ малими горами, обаче веселими, понеже въ то время тамо, якоже въ насъ на веснѣ, трави прозябоша и цвѣти явишася на земли и зеленяхуся всюду древа маслинніе, маслина бо и зиму и лѣто всегда листвіе на себѣ зеленое иматъ. Входящи же въ огради Виѳлеемскіе, оминухомъ при пути стоящъ гробъ Рахилинъ, иже есть отъ камене зданъ на четири угли или въ четири стѣни

сице, яко нѣкая каплица, съ главою, гладцѣ устроенъ, расположеніемъ не великъ; имѣяше же первѣе отъ всѣхъ четирехъ странъ входи внутрь, нынѣ же отвсюду замурованъ стоитъ; при немъ же и инныхъ погребшихься тамъ людій гробове маліе, зданніе такожде отъ камене, стоятъ. Отъ нихъ же сутъ иніе возвишенніе горѣ, инніе же токмо при земли каменіе верху себе имуть лежащіе съ начертаніемъ писменъ. Послѣди идохомъ зѣло ра-

Монастырь
армянскій

дистые на себѣ

ной дивѣ



Весьма мѣсіе.
духомъ пре
стоянъ своѣ
хиилинъ. иже есть
отъ камене здан
на четыре угли
въ четырех

...ницы съ главою, вадитъ устроенъ, рас
...же вершѣе отъ всѣхъ че
...внутрь нынѣ же отвсюду замуро

Фото-автотр. Н. Индутнаго, Караван. № 16.

Виѳлеемъ.

нимь путемь, на гору малу сходящи, и видѣхомъ садовъ много, стоящихъ окрестъ Виѳлеема, отъ древа смоковничнаго и маслиннаго. Смокви убо безь листвія бяху наги, якоже прилично древу въ зимѣ, маслини же зеленяхуся якоже посредѣ лѣта, таковое бо ея свойство. Таже доспѣвши Виѳлеема, не идохомъ внутръ веси, но воскрай ея, и пойдохомь вь монастирь Греческій, иже на два верженія каменемъ отстоитъ, устроенъ при вертепѣ, въ немъ же Христось родися. Виѳлеемъ иногда бяше градъ, якоже свѣдителствуетъ Божественное Писаніе, нинѣ же, по многомъ раззореніи Іерусалима, сотворися аки весь, обаче зданія и доми вси иматъ каменніе и строенніе отчасти лѣпо. Стоитъ на мѣстѣ веселомъ, на единой горѣ, окружаемой отвсюду долинами низкими, красними, въ нихъ же полно древа садовна отъ маслынъ, и смоквъ и прочіихь, отъ страни же полуденной зрятся гори недалече отъ Виѳлеема, вишшіе нежели Іерусалимскіе, на нихъ полно древесъ лѣсовнихъ, великихъ же и малихъ. Тамо вь тихь горахь, шестъ часовъ хожденіемъ, отстоитъ отъ Виѳлеема домъ Авраама патріарху ветхозаконнаго, иже сице страннолюбивь бяше, яко вмѣсто гостей сподобися Божественную Троицу пріяти въ дому своемъ, подъ видомъ тріехъ ангелъ (якоже пишется въ Палеи). Въ Виѳлеемѣ иногда бяше весъ народь Греческой вѣри, нинѣ же, егда населишася тамо Римстіи иноци, всихь къ своему правилу и обичаю привлекоша, не поученъми (якоже слышахь), но златомь милостиню дающе и дарствующе, имъ же оній убогій народъ зѣло прелщается. Сутъ же тамо нѣціи и Греческой церкви придержащіися Арапи, обаче зѣло мало, иже яко нѣ сутъ народъ тамо искусенъ въ художествѣ и дѣлѣ ручномъ, найпаче же въ дѣланію крестовь и чотокъ и инних лѣпотнихь вещей, отъ древа

составленнихъ. Вертепъ, въ немъ же Христосъ родися, стоитъ внѣ Виѳлеема на два верженія каменемъ, въ тойжде горѣ, внутрь земли ископанъ, идѣже прежде Рождества Христова людіе скоти привязоваху и пищу даяху. Нинѣ же на мѣстѣ томъ великій, якоже градъ Виѳлеемъ, монастиръ и лѣпій зѣло созданъ стоитъ, въ немъ же церковъ зѣло прекрасная, отъ Іустиніяна царя благочестива сооруженна верху вертепа, въ честъ Христу рожденному. Обаче нинѣ тамо Францишкане, иноки Римскаго закона, обитаютъ, чрезъ вражду бо нѣкую и сваръ прежде тридесяти лѣтъ отъ Грековъ отъяша, преплативши мзду велію паши Турецкому, Іерусалимомъ обладающему. Иноки же Греческіе такожде, при томжде монастирѣ, на единомъ столпѣ каменномъ, широкомъ и високомъ, иже бяше звоница, монастирецъ себѣ возгнѣздше, обитаютъ, не хотяще вовся лишитися мѣста святаго, идѣже и храмъ Рождества Христова сооружиша малъ, себе ради и Еѳіоповъ, вѣру Греческую имущихъ, идѣже попи Арапскіе вкупѣ съ иноки тамошними литургисаютъ и все правило церковное чтутъ въполъ, своимъ и Греческимъ діалектомъ. Тогда ми идохомъ гостисти вси купно поклонници, съ архіереемъ въ предъреченній монастирецъ Греческій, на звонарнѣ стоящій, и тамо пріяти бихомъ игуменомъ и братіею въ страннопріемницу честно и представиша намъ тогда въкратцѣ сухоядну трапезу. Таже преклоняющуся слонцу на западъ, идохомъ на вечерню, яже тогда соборомъ пояшеся, съ архіереемъ и многими священники и діякони, и многими свѣщами и кандилами украшенна церковь бяше, такожде пѣвци снійдоша отъ Іерусалима и пояху лѣпо, и бисть праздникъ веселій. По вечерни же пятъ хлѣбъ благословеннихъ раздѣлиша и раздаде народу самъ архіерей своею рукою. Таже взійдохомъ паки го-

рѣ, церковь бо та внизу стоить на землѣ, при вишепомяненной началной великой церкви, совокупно стѣною, отъонуду же есть окно въ великую церковъ и зрится входъ вертепа Христова; монастиръ же, якоже предъ рекохъ, високо стоитъ верху звонници, идѣже отъ низу горѣ вяще пятъдесяти степеней восходити требѣ. Тогда ми, по окончені вечерни, взійдохомъ во монастиръ и пріяти быхомъ отъ игумена трапезою доволною честно, и уснухомь мало. Таже бихомь на утрени, всенощна же бденія не бяше, необикоша бо сіе въ Іерусалимѣ творити, не вѣмь чесо ради, идѣже на вся праздники въ навечеріи хлѣбъ благословляетъся, и прочее по вечерни пѣніе не биваетъ даже до утрени. Бистъ же тогда абіе по окончені утрени служба Божая, и отпояхуся вся предь восхожденіемь денници. Послѣди идохомъ вси собором Христіяне, ми же пришелци и Еѳиопи тамошніе, вкупѣ съ архіереемь и иноци въ великую началную церковь, яже иногда бяше Греческа, нинѣ же Римска естъ. Идохомъ же внутръ пещери, идѣже Христосъ родися, яже стоитъ подъ великимъ алтаремъ, изрита въ земли еще прежде лѣтъ воплощенія Христова, и покланяхомся тамо двомь мѣстомь: 1-му, идѣже Пречиста Дѣва Богородица роди Христа, 2-му, идѣже повивши, положи въ яслехъ. Аще нинѣ вся пещера мрамори драгими постланна и столпами хитростнѣ сѣченними украшенна, но на мѣстѣ ясеелъ и нинѣ, якоже ясли, отъ доскъ мраморнихъ бѣлихь сочинено естъ, и лампадъ неусипаемихъ, си естъ денъ и нощъ горящихь, много сутъ. Пещера оная внутръ покровами драгими шелковими обитая, лучшой ради лѣпоти, понеже земля ея, отъ многаго вожженія свѣтилникь и отъ частаго кажденія ѳиміяма, очернѣ, и аще би не било покровенно, не лѣпо зрачно би било. Тогда поклоншеся вси, абіе возвратихомся въ

монастирь, и препочивше мало, ходихомь сь мерхадзѣемъ посѣщати вторую пещеру, идѣже Пречистая Богородица съ Христомь первѣе сокрися, егда утѣкаше кь Египту. Тая пещера нинѣ стоитъ пуста, внѣ монастира, яко на верженіе камене, въ единомъ саду, въ ней же ничто же естъ и всѣмъ невозбранно есть входити отъ Іерусалимлянъ, отъ чуждихъ же входящихъ, яко то отъ хадзѣевь, вземлетъ по сребнику отъ человѣка Еѳіопинъ, обладаяй ею. Внутрь пещери той пространно мѣсто, сѣмо и овамо покопано, на мѣстѣ же томъ, идѣже Пречиста Богородица съ Христомь и обручникомъ Іосифомъ кріяшеся, есть нинѣ каменній престолъ созданъ, идѣже кто хощетъ отъ Христіянъ вжигаетъ елей, въ памятъ Христову, иногда же попи Арапскіе и литургію творятъ. Сутъ же тамо нѣколико мраморнихъ столпевь, отъ нихь же единъ зѣло орошаетъся, и взимають людіе росу ону на исцѣленіе болнихь очесъ. Нѣціи же повѣствуютъ, яко тамо не кріяшеся Богородица, но спаргана закопа. Спаргана же сутъ нѣкіе останки отъ отрочате раждающагося остающіеся, ихъ же баби обикоша закоповати въ землю. Обаче что любо буди, намъ много испитовати не требѣ, но вѣрити, понеже людіе отъ толь многаго времени, забвенія ради, различно бесѣдуютъ. Тогда ми поклоншеся съ вѣрою и любовію, возвратихомся въ монастирь, и учреди насъ всѣхъ купно поклонниковь игуменъ трапезою честною доволно, съ изобиліемъ яствія и вина, и отпусти съ миромъ въ Іерусалимъ, съ провожденіемъ и цѣлованіемъ. Азъ же остахся тогда съ архіереемь и діакони его, двоихь ради винъ: 1, да лучше видимъ и уразумѣю не токмо Виѳлеемь, но и прочіе окрестніе мѣста; 2, понеже архіерей имѣяше литургисовати въ нѣкоей инной веси, и сего ради, понеже дни празднични бяху, не хотяхь лишитися его. Тогда препочивши мало, собрашася

нѣколико Еѳіоповъ Христіянь, взяша архіерея честно и отнесоша въ едину весь, яже именуется Ιχος τυ Ευφραυ, си есть домъ Еѳраѳовъ, о немъ и Писанія Божественна на многихъ мѣстѣхь воспоминають, яже весь отстоитъ отъ Виѳлеема единъ часъ и менше хожденія. Тамо егда внутръ вхождаше архіерей, изійде весъ народъ отъ веси съ женами и дѣтми въ стрѣтеніе ему и со многимъ торжествомъ, и кличемъ, и званіемъ, провождажу его, поюще и припѣвающе нѣкая словеса Арапскою бесѣдою, и вся по обичаю своему творяху отъ простоти и смиренія. иніе убо прибѣгающе къ коню, лобизаху руку его, другіи же, возлѣзше верху домовъ стояху и привѣствоваху, веліимъ кричуще гласомъ, и другіи предъидяху, прочіи же послѣдоваху, „благословенъ грядій" зовуще. Бяху же людіе вси прости и малоцѣніе одежди носяще, иніе же ветхіе и безъ сандалій босо-ходящіе, нѣціи же апостолскіе сандалія, токмо кожу подъ ногами имѣяху; сице не токмо тамо, но вси повсюду Еѳиопи, якоже прежде рѣхъ, сице обикоша ходити. Егда же внійдохомъ въ весъ, отведоша насъ въ единь домъ на престояніе. Тамо мало препочивши, егда приближашеся слонце къ западу, отведохомь архіерея, въ мантію оболченна, съ подобающею честію въ храмъ Святителя Христова Николая, иже въ томъ селѣ единь токмо обрѣтается. Послѣдоваше тогда и народъ многъ, съ женами и дѣтми, съ радостію многою и кличемъ, и отслужихомъ чинъ вечерни, якоже требѣ бяше; бяше же служащихъ священникъ 13, кромѣ архіерея. Послѣди возвратихомся, вкупѣ съ архіепископомъ въ предъреченную гостинницу. Тогда убогій оній Еѳиопскій народъ, всякъ противу силѣ отъ дому своего, иній хлѣба, иній нѣчто варено, иній же нѣчто печено, и всякь, что можаше, принесе въ гостинній домъ и предьставиша намь трапезу доволну, яко

ѣдѣ бистъ. И служаху намъ много народа отъ
и простоти сердца своего, иніе же предстояху
е сице много, яко невомѣщати храминамъ
ихъ, отъ чуждихъ же, или рекше гостей
ьдесятъ душъ, и ядоша вси и насити
ко избиткомъ остатися, и воставше
вси благодарствіе Господу, дающе
Тогда разійдошася людіе, ми ж
нѣхъ мѣстѣхъ. Зау
Во и омъ вси, купно съ архіере
речен о п ковъ и слушахомъ утрени и служ
соборомъ съ многими священники бившой, и бист
жество веліе и родостъ людемъ, и изійдохомъ изъ церк

рано предъ восхожденіемъ слонца и возвратихомся паки въ вишшеписанную гостинницу, идѣже паки людіе оніе убогіе нанесше различнаго вареннаго и печеннаго яденія и угостиша насъ трапезою лучше, нежели вчера, и виномъ отчасти. Чудяхъ же ся азъ много, яко въ всемъ селѣ двохъ точію началнѣйшихъ видѣхъ, мало лучше одежду носящихъ, прочіе вси суть наги, иніи бо токмо въ единихъ хитонахъ, друзіи же коимъ либо вретищемъ покравенни, прочіи же вси по единой одеждѣ ношаху, аще тогда бистъ и зимное время. Одежда же ихъ обща есть (якоже прежде рѣхъ), толста естъ, отъ вретища сошвенна нелѣпо, еже есть сътканно отъ власъ верблюжихъ, бѣлихъ и чернихъ, сандалія же иніи носять кожаніе, иніе же древяніе, иніе же токмо кожу подъ ногами имуще подвязану въ еже би не уязвити ногу о каменъ остръ или о терніе, прочіи же многіе босо ходятъ, найпаче отъ женска полу. Домъ Ефраѳовъ иногда бяше градъ, якоже свидѣтелствуетъ Божественное Писаніе, нинѣ же, по многократномъ раззореніи Святаго Града Іерусалима, превратися въ село, еже отъвнѣ

Фото-литогр Н. Индттнаго, Караван. № 16.

Домъ Ефраѳовъ.

Фото-литогр. Н. Индутнаго, Караван. № 16.

Домъ Ефраѳовъ.

Граду съ многимь провожденіемъ народа даже на поле, внѣ села, азъ же съ игуменомъ Виѳлеемскимъ възвратихься паки въ Виѳлеемъ и пребихь дній 2. Ходихь же тамо въ великую церковь частѣ, ею же обладаютъ Римстіи иноци, и вь пещеру, идѣже родися Христосъ, и расмотрѣхь всю красоту и великолѣпіе ея. Церковь та естъ устроенна отъ Іустиніяна царя Греческаго благочестива (якоже слышахь) въ лѣта државн его; естъ же и расположеніемъ и величествомъ въ всемь подобна церкви с. верховнаго Апостола Павла, яже обрѣтается въ Римѣ, внѣ града, точію внѣ покровомь различествуетъ, оная бо инаго, сея же покровь на кресть сочиненій отъ таблицъ оловяннихь, зѣло лѣпо и гладко, яко похвалити всякому взирающему нань; не токмо же покровь, но и самій храмь крестообразно устроенъ, каковое строеніе мало гдѣ обрѣтается. Естъ убо онъ весъ отъ камене зданъ, токмо покровъ отъ древа содѣланъ, а верху древяна оловянъ, въ висоту доволенъ и совершенъ, въ долготу же естъ 76 степеней, въ широту же тридесять и 3, якоже азъ самь тщателно размѣряхъ. Разумно же буди о степенехъ, яко не глаголю о стопахъ, но о ступаніи или о хожденіи ножномъ. Оконъ тамо сутъ више 40, столповь же внутрь, ими же поддержится тяжесть церкви, сутъ всѣхь равно 50, иже сутъ висотою, толстотою и лѣпотою равни и отъ единаго каменя несложно изсѣченніе; каменъ же той аще есть и простъ, обаче лицемь является, аки краснѣйшій порфиръ, ибо есть бѣлъ, въ полъ съ знаменіи червленними, и сице искусними и гладкимъ художествомъ столпи сѣченни сутъ, яко аки христалъ свѣтятся. Отъ онихъ убо 40 въ четири ряди, по десятъ, чинно зѣло стоятъ; внутрь же олтаря 10 обрѣтаются, и верхніе стѣни даже до столповъ вси сутъ насажденіе различновидними каменми

мусикійскими, дробними, аки горохь, сице искуснимь художествомъ, яко умъ удивляетъ человѣческій. И во истинну зѣло прекрасная и драгоцѣнная церковь. Пещера, или вертепъ, идѣже Христосъ Сынъ Божій родися, есть внутръ олтаря великаго, подъ подножіемъ церковнимъ, два входи имущая, отъ деснія и шуія странни, 13 степеней низу отъ мрамора созданнихъ, и двери такожде обоюду мраморосѣченнимь искуснимь художествомь составленни суть; внутръ же всея пещери подножіе и стѣни и тамо, гдѣ Христось родися и гдѣ во яслехъ положеннъ, всюду низу и окрестъ. кромѣ верха, дсками мраморними и порфирними осажденно есть сице прекрасно, яко ни въ царскихь полатахь лучше можеть бити, верхь же есть обіенъ драгими покрови шелковими, токмо надъ яслами Христовими откровенъ есть, въ знаменіе и вь лучшое увѣреніе людемъ, яко да всякъ, видяй гору самородну, а не отъ рукъ человѣческихъ сотворенную, познаетъ, яко та есть, а не ина пещера, въ ней же Христосъ родися. Тамо путници двомь мѣстомь покланяются, единому, идѣже Христосъ Господъ родися отъ пречистія Дѣви, второму, идѣже въ во яслехъ положенъ бистъ, идѣже и нинѣ ясли маліе въ памятъ отъ доскь мраморнихъ бѣлихъ сочиненніе сутъ. Есть же въ тойже пещери иніе пещери, къ западу и полунощи, отъ нихь же едина низу провлечеся и входа не иматъ, токмо оконцемъ созираютъ въ ню. Тамо въверженни биша 14 тисящъ младенецъ, избіеннихъ отъ Ирода за Христа. Вертепь, въ немь же Христосъ родися, многое иматъ украшеніе отъ злата и сребра, найпаче же кандиловь сребрнихь и христалнихь полнъ есть, отъ нихь же много есть неусипаемихь, си есть денъ и нощъ присно горящихь. Та увидѣвши и увѣдавши, ходихь втораго дне внутрь монастира великаго, при церкви стоящаго,

иже (якоже прежде рѣхь) иногда бяше Греки обладаеми, нинѣ же Римляни и Францѣшкани, иноки Римскіе, обитаютъ тамо. Тогда вся, по повеленію началника, созирахь обходящи, и видѣхь множество прекраснихь зданій и келій, идѣже би мощно вмѣститися близъ двохъ сотъ инокомъ; обаче и нинѣ не мало отъ Римлянъ обитаютъ, но кая намь полза, съ ними же нѣсми едино? Ходихь паки особнѣ съ инокомъ Греческимъ въ едину долину, внѣ Виѳлеема стоящую, идѣже пастиріе иногда пасяху овци и возвѣщенни биша отъ ангелъ о Рождествѣ Христовомъ, идѣже нинѣ нѣстъ ничтоже, токмо разоренная церковь, яже древле бяше красна строеніемъ, якоже познавается отъ останковь своихь. Отстоитъ же отъ церкви недалече малая весь, идѣже до четиредесяти душь Арановь обитаютъ. Тамо показа ми инокь Виѳлеемскій единъ студенецъ ветхь и праздень же и безъ води стоящъ, отъ него иногда пресвятая Дѣва Богородица отнѣкуду грядущи и жаждна бивши, восхотѣ пити, и егда приниче надъ кладязъ, узрѣ далече бити воду и не имѣяше чимь почерпсти и ниже случися кому прійти тогда почерпанія ради, тогда словомь воздвиже горѣ воду, и напившися паки повелѣ на свое возвратитися мѣсто. О чудесе пречуднія Божія Матере! Аще бо би текущая вода въ студенци обрѣталася, то и то веліе било би чудо, еже словомъ наполнитися горѣ; но сіе чудеснѣйшое есть, яко кладязъ дождевную въ себѣ воду собираше и отнюдъ не имѣяше въ себѣ никаковаго источника. Зри и втораго купно собившагося чудесе: егда бо приниче въ корито каменное колѣнми и ятся пречистими своими руками верха кладязня, вся напечаташася на камени, аки на воску. Персти убо незрятся нинѣ, понеже (якоже повѣствуютъ) вервами затрошася, якоже обично вервамь не токмо въ каменъ,

дова. Но вѣдомо буди, яко двое мѣста сокровенія Богородичина обрѣтаются въ Іерусалимѣ: едино близъ вертепа Христова въ Виѳлеемѣ, другое же внѣ Виѳлеема далече, при монастири святаго пророка Иліи. Пришедши убо азъ къ обители св. пророка Иліи, и прежде, даже не входити внутръ, покляняхся мѣсту, на немь же почиваше св. Илія, возвращающися отъ гори Кармилской, идѣже знаменіе спяща человѣка и доселѣ на камени, аки на воску, изображенно естъ; естъ же предъ монастиремь, внѣ огради, при пути, понеже тамо путъ, къ Виѳлеему ведущъ, воскрай монастира лежитъ. Послѣди внійдохь внутрь монастира св. пророка Иліи и пріятъ игуменомь и братіею, и премедлихь тамо два дни, любве ради и распознанія мѣста святаго; а найпаче того ради, яко въ то время бистъ велми непостояно, съ вѣтри хладними и мглою великою, яко пѣшешествовати зѣло нуждно бистъ. Монастиръ святаго славнаго пророка Иліи отстоитъ двою часу хожденія отъ Іерусалима, на пути Виѳлеемскомъ. иже аще и маль отъвнѣ зрится бити, обаче внутрь многа зданія содержитъ. собранни бо сутъ въ немъ келіи, единостѣніемь зданіи и тѣсенъ есть внутръ. Иматъ же храмъ препзбраній, великъ и високъ, съ главою одиною. яже зрится внѣ обители издалече, шестію же столпами поддержится. иже отъ единаго съ церковію камене составленни сутъ. Храмъ оній иногда бистъ иконописанъ зѣло лѣпо, но понеже обетша, сего ради поновленъ есть варомъ. Въ долготу, висоту и широту далече болшій отъ храма Св. Креста; сице же тѣсно съ келіами совокупленъ окрестъ, яко низу ни откуду къ вратамъ пути иматъ, но иноки, правила ради, снисходятъ сверху зданій степеней каменнихь низу къ дверемъ. Храмь той къ пѣнію и чтенію есть изряденъ. понеже гласъ и шумь великъ издаетъ противу устомъ че-

[illegible] ве [illegible] внутрь, [illegible]
[illegible] св. Иліи, [illegible]
[illegible] лицо человѣка [illegible]
[illegible] на воску, [illegible]
монастыремъ, [illegible] при пути, [illegible] тамо [illegible]
къ [illegible] водушь [illegible]
[illegible] внутрь монастыря [illegible] пророка Иліи [illegible]
[illegible] игуменомъ [illegible]
любве [illegible] и [illegible] святаго; [illegible]
того ради, яко въ то время [illegible] велми [illegible]
съ вѣтри хладини [illegible]
вали зѣло нужно [illegible] Монастырь святаго [illegible]
пророка Иліи отстоитъ [illegible] хожденія отъ Іерусалима, на пути [illegible] отъ [illegible]
[illegible] бити, обаче внутрь [illegible]
[illegible] бо суть въ немъ [illegible] единостѣ [illegible]
[illegible] есть внутрь. Имать же храмъ [illegible]
[illegible] святаго [illegible]
[illegible]
[illegible] камене составленнн [illegible]
[illegible] зѣло [illegible], [illegible] обетша [illegible]
[illegible] обновленъ [illegible] вароякъ. [illegible]
[illegible] далече [illegible] отъ храма [illegible]
[illegible]

Фото-литогр. Н. Индутнаго, Караван. № 16.

Монастырь Св. пророка Илiи.

ловѣческимъ. Трапези зданіе мало есть и келій такожде мало суть, понеже церковь величествомь своимь наполни весъ монастиръ. Иноци малочисленни обитають, токмо елики довлѣють церковнаго ради пѣнія и нуждинаго послушанія монастирскаго. Обителъ она вь всемь изрядна и къ тому же на веселомь и високомь мѣстѣ стояща, аще и не на високой горѣ, но на широкой, окресть себе много древа маслиннаго имать, и огражденна каменною стѣною. Внѣ монастира, предъ врати, путъ кь Виѳлеему, при пути же стоитъ древо маслинное и подъ нимъ мѣсто, идѣже спаше пророкъ Илія, утружденъ сій отъ путшествія, егда возвращашеся отъ гори Хориви, о чесомъ въ Библіи чести лучше требѣ. Тамо піютъ воду дождевну; въ Іерусалимѣ бо нуждно текущую въ земли воду обрѣсти, понеже мѣсто естъ високо и ко копанію неудобно, каменя ради. Монастиръ оній есть въ всемь изряденъ и уединенъ и къ иноческому житію весма безмолвенъ, токмо отъ Арановь имать нужду не малу, понеже по вся дни и нощи подавають имь пищу оконцемь малимъ, въ кошници низпущающе вонъ изъ монастира. Тамо азъ пребихъ два дни, гостяце, третого же дне возвратихся въ Іерусалимъ. Приспѣ бо новое лѣто и изволися намѣстнику патріяршему въ великой церкви Воскресенія Господня парусію творити, си естъ соборомь, съ великимъ пѣніемь и многимъ украшеніемъ церковнимъ и многочисленними священники, діякони же и свѣщеносци служити. Се же бdevи быстъ отчасти на похвалу и болшую честъ Божію, отчасти же на лучшое утвержденіе христолюбивихь и правовѣрнихь поклонниковь, понеже колики тамо сутъ секти вѣри христіянской: Греки, Римляне, Армени, Серіяне, Копти, сіи вси кійждо о себѣ лучше въ пѣніи и чтеніи церковномь тщатся показатися.

*

Годъ 1727.

Новое лѣто, мѣсяцъ Януарій.

Приспѣвшу новому лѣту, изволи самь намѣсникь патріяршій сь многими священники въ великомъ и первоначалномъ храмѣ Воскресенія Христова служити, прійдоша бо тогда еще болше поклонниковъ послѣди насъ, и сего ради желаху видѣти вси соборное Іерусалимское служеніе. Тогда въ навечеріи въ суботу отверзоша Агаряне за мзду врата Святіе, и снійдохомъся вси поклонници и отъ Іерусалимлянъ, елико суть христіяне, въ церковь. Прійде же и митрополитъ, держай престолъ патріяршій, съ всѣмъ клиромъ и бистъ вечерня съ чтеніемъ и пѣніемъ долгимъ и съ пѣвци доброгласно поющими; на входъ же и литію исхождаху священниковъ числомь до тридесяти и діаконовь пятъ; олтаръ же первоначалній, въ немъ же служаху, многими сребряними и христалними кандилами украшень бяше. Тогда на вечерни и пяти хлѣбовъ благословеніе бистъ, кромѣ пшеници, вина и елея, таковое бо тамо обикновеніе, и раздробиша, и раздѣлиша народу. И нощевахомъ въ церкви, заключиша бо Турки врата даже до утра, и спахомь овіи въ гостинницахь, овіи же вь углѣхъ церкве, понеже церковь есть зѣло велика, иматъ внутръ многая зданія, идѣже неисходно заключенны жителствують, особно Греки, особно Римляне, Армени, Сербіяне, Копти; имуть же гостинници, поварню и трапезу вси, гостей ради, особно мужемъ, а особно женамъ, кь упокоенію, кромѣ всякоя нужди. Тогда воставше въ полуноци, пояхомъ утреню даже до утра, таже литургію божественную самъ намѣстникь патріяршій со всѣми началними протосингели, іеромонахи и презвитери служаше, таже процес-

ніе, Януарія 29, въ недѣлю, вь вечеръ, противу праздника с. Тріехъ Святителей. Вѣстно же буди всякому, чтущу и слышащу, яко обичай естъ всѣмъ поклонникамъ въ Іерусалимѣ отходити на поклоненіе къ Іордан рѣцѣ, въ ней же Господь нашъ Іисусъ Христосъ крестися отъ с. Предитечи Іоанна, въ великій понеделникъ, и всякъ платитъ Туркамъ по четири таляри дани; иноки же, тако тамошніе, яко странніе, не обикоша ожидати онаго времене, но прежде, утаенно нощію, отъ обители святаго Савви ходятъ, и аще нѣкій случится поклонникь убогій зѣло, не могій платити Турецкихъ даній, таковаго отай нощію вкупѣ съ иноки посилаютъ. Таковое убо и о мнѣ благодѣяніе отъ епитропа сотворенно. Тогда убо ми (якоже прежде рѣхъ) собравшеся три и взявше съ собою едина Еѳиопа вь провожденіе, пойдохомь, положивше надежду на Господа. Одѣяхомьжеся въ рубище толь ветха, яко всякому гнушатися има, и идохомь чрезъ всю нощъ, не препочивающе нигдѣ же и утрудихомся сице, яко едва могохомъ влачити ноги наша, шествовахомь бо пустимъ путемь, преходяще гори и долини и претикающе ноги о каменъ, ово бодяще о терніе, бѣ бо тогда нощъ несвѣтолунна; къ тому же находихомь на многіе разбойники. въ нихъ же руцѣ, Богу насъ сохраняющу, едва не впадохомъ. Проходихомь нощи тоя великіе гори и вертепи, таже изійдохомь отъ между горъ на поле равное и пространное и зѣло благопріятное, идѣже бяше Іерихонъ. Тамо земля мягка и блага, камене не имуща, и кь всѣванію сѣменъ и сажденію древесъ, обаче людіе не обитаютъ, ниже весъ кая либо буди обрѣтается, но всюду пустиня; токмо пустинніе Еѳиопи разбойници днемь проходятъ сѣмо и овамо, нощію же нѣстъ никогоже. Идущи же онимь полемь, поминухомь обителъ преподобнаго авви Гера-

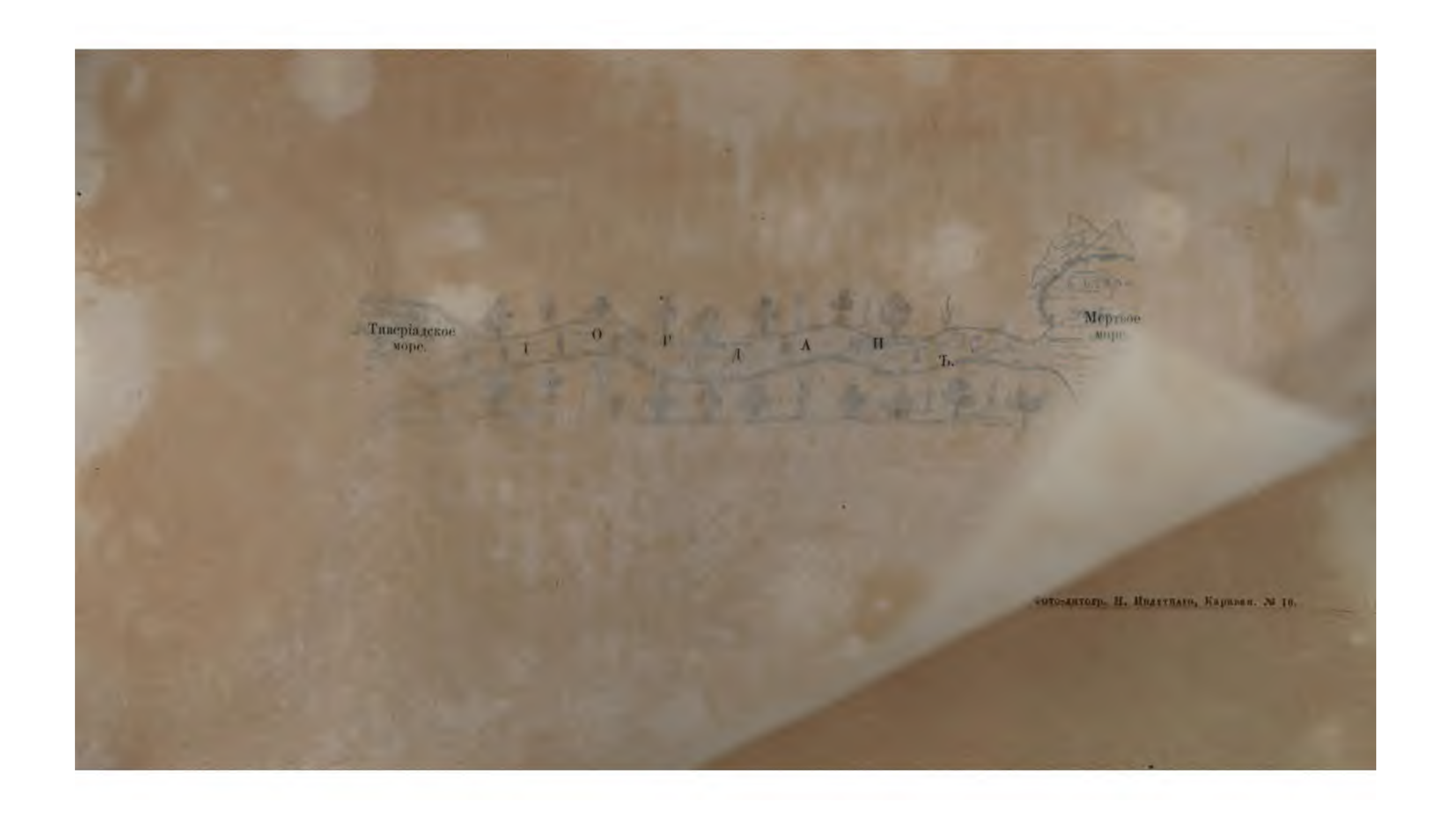


Фото-литогр. И. Индутнаго, Караван. № 10.

[illegible], [illegible]
[illegible] Святыхъ [illegible] [illegible],
[illegible]
[illegible]
[illegible] Господня [illegible]
[illegible] Іоанна, [illegible]
[illegible] Турковъ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Турецкихъ
[illegible] вкупѣ съ иноки посылаютъ.
[illegible] отъ епитропа сотно-
[illegible] (якоже прежде рѣхъ) собравшеся
[illegible] Еоопа въ провожденіе,
[illegible] надежду на Господа. Одінохомъ-
[illegible] яко всякому гнушатися ими,
[illegible] не препочиваюше нигдѣ же
и утрудихомся [illegible], яко едва могохомъ влачити ноги
наши, [illegible] бо пустынъ путемъ, проходище горы
и долины и [illegible] ноги о камень, ово бодяше о
терніе, бѣ бо тогда нощь несвѣтолунна; къ тому же
находихомъ на многія разбойники, въ нихъ же руцѣ,
Богу насъ сохраняющу, едва не впадохомъ. Проходи-
хомъ [illegible] тои великіе горы и вертепи, таже пайдо-
хомъ [illegible] между горъ на поле равное и пространное и
[illegible] благопріятное, идѣже бише Іерихонъ. Тамо земля
мягка и блага, камене не имуща, и къ всѣванію сѣменъ
и сажденію древесъ, обаче людіе не обитаютъ, ниже
[illegible] либо буди обрѣтается, но всюду пустиня; токмо
[illegible] Еопопи разбойница днемъ проходятъ сѣмо и
[illegible], нощію же нѣсть никогоже. Идуще же онимъ
[illegible], [illegible]нухомъ обитель преподобнаго аввы Гера-

Фото-литогр. И. Индиктаго, Караван. № 16.

Іорданъ

сима; не хотяше бо насъ повести внутръ проводникъ, понеже вѣдяше обичай разбойниковъ, яко множицею тамо собираются на нощеваніе, ибо обителъ авви Герасима естъ пуста и раззоренна, токмо останки основанія и стѣнъ даже доселѣ стоятъ, въ нихъже овогда отъ дожда, овогда же отъ слонца къ препочиванію сокриваются. Поминувши же монастирь авви Герасима, паки равнимъ полемъ идохомъ единъ часъ, таже доспѣхомъ къ преблагословенной рѣцѣ Іордану. Проліяся же тогда, Богу хотящу, дождь велій предъ восхожденіемъ денници и бистъ ліяйся даже до полудне, наполнишася же рубища наша води, аки губа, и промерзохомъ хладомъ дозѣла, яко невѣдяхомъ, что себѣ творити, токмо подъ вѣтвами древесъ кріющеся сѣмо и овамо, притерпѣхомъ часъ онъ. Таже преставшу дожду, совлекохомъ рубища своя и омихомься въ Іорданѣ и урѣзахомъ себѣ жезли отъ древа, надъ рѣкою растущаго, благословенія ради, такожде и отъ води взяхомъ въ сосуди.

Іорданъ рѣка, въ ней же Господъ нашъ Іисусъ Христосъ плотію отъ Іоанна Предитеча крестися, иматъ свое имя отъ двоихъ именъ сложенное: отъ Іоръ и Данъ, иже суть двѣ рѣцѣ, различнѣ текущіе, и впадаютъ въ Тивиріадское море; оттуду не исходятъ двѣ, но едина токмо рѣка, и того ради именуется Іорданъ, яко отъ Іори и Дана начало свое иматъ. Течетъ же Іорданъ зѣло бистрою струею, яко никогда же мнѣ не случися видѣти толъ скоротечной рѣки, яко едва человѣкъ стояти въ ней до пояса погруженъ, съ нуждею можетъ погрузитися, не придержайся древа и что либо буди не можетъ; нѣстъ же много шерока, ни глубока; въ широту же иматъ, яко десятъ сажней, егда разліется въ зимѣ отъ дождевъ, въ глубину же яко саженъ и полъ; а вода сице къ питію сладка и здрава, яко человѣкъ

наситититися ея не можетъ. Повѣствуютъ же Іерусалимляне, яко посредѣ лѣта умаляется, яко преходятъ людіе ногами объ онъ полъ. Обоюду Іордана земля мокра, и зѣло много древесъ и трости раждаетъ. Древеса сутъ различна, ихъ же нѣстъ въ странахъ нашихъ, не подобни бо суть нашимъ древесемъ, токмо едина верба подобится, на коемъ древѣ повѣствуютъ, яко Іуда повѣсився; тростіе же растетъ въ висоту вящше четирехъ сажней, въ толстоту же, колико рукою человѣкъ обяти можетъ. Іорданъ рѣка впадаетъ въ Мертвое море, си естъ въ езеро Содома и Гоморра, и тамо кончается, понеже естъ велико, и Богъ вѣстъ, аще иматъ дно. Нѣціи же глаголютъ, яко за Мертвимъ моремъ, въ пустини, паки зъ землѣ виходитъ и течетъ далече. Обаче вѣроятнѣйше, яко отъ Содома далѣе не исходитъ, понеже и знаменіе зрится, гдѣ сладкая вода съ сланою сопротивляется. Разумно ти буди, благій читателю, яко ни Тиверіадское море, ни Мертвое не совокупляетъся съ морями, иже всю землю окружаютъ и кораблѣ по нихъ плаваютъ, но особнѣ сутъ, аки езера. Тивиріядское убо море сладку воду иматъ и риби разніе внутръ, и естъ благословенное отъ самаго Христа, Сина Божія, и отъ Святихъ Апостоль, имь же Христосъ показася по воскресеніи ловящимъ риби. Сего ради двѣ оніе вишшеписанніе рѣци Іоръ и Данъ аще и впадаютъ въ море Тивиріядское, обаче не погибаютъ, понеже сладкая вода, сладкой нѣстъ противна, къ тому же и благословенна, и тако паки оттуду исходятъ, и биваютъ отъ двохъ малихъ рѣка болшая Іорданъ. Мертвое же море иматъ воду нечисту, густу, слану, смердящу, къ тому же естъ мѣсто казни грѣшнихъ людій. Сего ради Іорданъ рѣка доздѣ токмо течетъ, сквозѣ же его не проходитъ. Доздѣ о Іорданѣ. Обичай же ходящимъ на Іорданъ ити

нощію, а денъ тамо сѣдѣти между древеси и тростми, понеже днемъ ходятъ сѣмо и овамо Арапи, и того ради отнюдъ невозможно шествовати: не яко убиваютъ, или обнажаютъ—никакоже, но уловивше, безчестнѣ приводятъ въ Іерусалимъ къ судіи и той налагаетъ (аще за Гречина) вину на монастиръ патріаршій талярей 50 за главу; аще ли же Арменинъ, аще Римлянинъ, или инъ нѣкто, туюжде платитъ вину. Ми же тогда, по изволенію провождающаго Арапа, не ожидахомъ даже до нощи, но егда по облацехъ и дождѣ возсія солнечній свѣтъ, уразумѣ, яко вси разбойници разбѣгошася по весехъ, требованія ради пищи, ми же, не у еще бившу полудни, вооружившеся крестнимъ знаменіемъ и положивше надежду на невидимо насъ предъводящаго Бога, пойдохомъ, и прешедшу яко часу единому, доспѣхомъ къ обители преподобнаго авви Герасима и внійдохомъ внутръ, посѣщенія ради, но не видѣхомъ ничтоже цѣло, токмо останки монастира и церкви, частъ олтаря стоитъ списанна иконами Святихъ, трапеза святая, на ней же совершашеся божественная литургія, обаленна лежитъ на земли, юже лобизахомъ съ поклоненіемъ, такожде и икони Святихъ вселенскихъ церковныхъ учителей. Познаваетъ-же-ся, яко монастиръ бяше високою огражденъ стѣною и пирги на четири странни високи имѣяше; обаче отъ камене мягкаго, пѣсковатаго и некрѣпкаго созданъ бяше, сего ради по многолѣтномъ запустѣніи обалися. Отстоитъ же отъ Іордана единаго часа хожденіемъ. Тамо преподобный Герасимъ сотвори чудо оно, еже въ житіи его пишется: Егда по пустини ходяше, преподобній узрѣ лва, имущаго въ нозѣ остъ терновенъ, его же иземщи, обяза платомъ струпъ его, за что благодарствующи, левъ до смерти преподобному служаше, таже и самъ при гробѣ его издше. Естъ же и другій

монастиръ, еще болшій, на брезѣ Іордана стоящъ, въ имя святаго Крестителя Господня Іоанна созданъ, такожде раззоренъ и пустъ. Иніе же многи монастири бяху въ пустинехь и горахь, ово отъ преподобнаго Савви Освященнаго, ово же отъ инныхъ преподобнихъ созданніе, обаче нинѣ вси пусти и раззоренни сутъ, токмо основанія пребиваютъ, едина токмо неусипаемая обителъ преподобнаго Савви, неусипними его къ Богу молитвами, даже доселѣ процвѣтаетъ. Оттуду пойдохомъ спѣшно, и преклоняющуся слонцу на западъ, прейдохомъ равное и внійдохомъ между великіе гори; внійдохомъ же въ единъ узкъ ровь и, по совѣту провождающаго ны Арапа, сѣдѣхомъ даже зайде слонце, бояхомся бо шествовати днемь, да не како нападемъ на нѣкіихъ разбойниковь и постраждемь зло; вечеру же темну бивщу поведе насъ инымь далечайшимъ путемъ, но несумѣннимъ. Идохомь же тогда зѣло спѣшно, нигдѣже нимало не препочивающе, даже до полунощи, и утрудихомъся сице, яко едва нуждею уже ноги наша влачахомъ. Таже доспѣхомъ, аки къ райскому пристанищу, къ монастиру преподобнаго Савви и толкнувше въ врата, возбудихомъ братію и игумена, и отверзше, пріяша ни внутрь съ любовію, и воскорѣ уготовше нѣчто варенное, укрѣпиша насъ снѣдію, и спахомъ, аки полумертви, до утра и утро даже до полудне. Одушася же ноги наша и разболѣшася сице, яко не могохомъ ходити, и препочивахомъ тамо четири дни, ничтоже работающе, таже возвратихомся паки въ Іерусалимъ и пребивахъ на мѣстѣ предреченномъ, въ монастирѣ святаго Архангела Михаила. Приспѣвшу великому посту, святія четиредесятници первой неделы, по обичаю христіянскому, предъуготовившися, причащахся пречистихъ и животворящихъ Таинъ тѣла и крове Господа нашего

Іисуса Христа. Приспѣвшей же неделѣ Православной, паки давше мзду Агарянамъ, правовѣрніи христіяне отверзоша Святіе Врата началствующей церкви Воскресенія Господня, и бистъ парусія (си есть соборное служеніе) болшая, паче первихъ и лѣпотнѣйшая, служаху бо въ то время божественную литургію и прочіи два архіепископи сь епитропомъ, си есть съ намѣстникомъ патріяршимъ, и освятиша единаго отъ протосингеловъ въ архіепископа града, именуемаго Лиди, иже обрѣтается въ Палестинѣ, недалече отъ Іерусалима, и идѣже бистъ отчество святаго великомученика Георгія, якоже свѣдителствуется отъ житія и страданія его. Тогда служаху архіереи 4, іереевъ же вящше 30, а на литіи, еже есть на процессіи, вящше 40, бяше діаконовь 5, иподіаконовъ же зѣло много, отъ нихь же овіи свѣщи, овіи крести и патерици архіерейскіи и прочая церковная украшенія ношаху; въ то время рипидъ среброкованнихь бяше 9, патерицъ архіерейскихь 4 и крестъ. По изшествіи же изъ церкви, званни тогда бяху вси поклонници въ монастиръ патріаршій и угощенни трапезою честно. Минувшимъ же нѣколицемъ днемь, Февруарія 23, паки ходихь третицею къ обители святаго и преподобнаго Савви, послушанія ради монастирскаго, по прошенію игумена, понеже братій мало тамо обрѣтается, къ тому же немощни и стари, сего ради игуменъ нѣколико убогихь поклонниковъ созва, помощи ради, идѣже и азъ бѣхъ, и пребивши тамо седмицу едину, паки возвратихься въ Святій Градъ.

Наставшей же неделѣ крестопоклонной, паки отверзоша Святіе Врата церкви Воскресенія Господня, идѣже и Гробъ Христовъ обрѣтается, и бистъ соборное служеніе пресловутое и парусія избранная, еще болшая паче первихъ, тогда бо бяше вящше кандиловь и лам-

Пещера Св. Іоанна Предтечи близъ Горней.

падъ возженнихъ и всякой утвари церковной. 4 бо тогда вышеписанніе архіепископи служаху божественную литургію, а пятаго иннаго отъ протосингелъ освятиша архіепископомъ Газскимъ; самъ же епитропъ патріаршій крестъ святій отъ честнаго древа изнесе на блюдѣ сребророванномъ, позлащенномъ отъ божественнаго олтаря средѣ церкве, и покланяхуся вси христіяне, лобизающе съ вѣрою, страхомъ и всякимъ благоговѣніемъ, и бяше въ то время рипидъ сребророванниxъ и позлащенниxъ 12 и патерицъ 5 и крестъ, иже носится предъ намѣсникомъ патріярхи, діаконовъ бяше седмъ, священниковъ же близъ 40, а на процесіи бяше пятдесятъ. И угощенни бяху того дне трапезою вси ходзѣе въ монастирѣ патріархіи. Послѣди, сѣдящу ми въ монастирѣ святаго Архангела съ прочіимъ множествомъ народа поклонниковъ, не можахъ потребъ моихъ молви ради творити, сего ради нужда ми бистъ нѣкако уединитися, и отъидохъ, по соизволенію честнаго игумена, въ монастиръ Святаго Креста третицею, и сидящи тамо на уединеніи 14 дній совершихъ потребу мою, и возвратихъся паки въ Святій Градъ, на мѣсто первое. Въ единъ же отъ дній, согласившися азъ съ сожителемъ своимъ, иже бяше отъ Сербіи, наяхомъ Агарянина, да поведетъ насъ во Горняя, поклоненія ради, понеже хадзѣе тамо на поклоненіе соборомъ не ходятъ, якоже на прочіе мѣста, но кто хощетъ когда. Вина же сего двояка есть: 1) яко отчасти есть далече, тріехъ бо и четирехъ часъ хожденіемъ отстоитъ отъ Іерусалима; 2) яко Греки ничтоже тамо имуть, но вся въ рукахъ Римлянъ. Ми же отъ далечайшихъ странъ суще поклонници и болшое паче инниxъ желаніе къ посѣщенію имуще, согласихомся (якоже рѣхъ) и пойдохомъ пѣши, съ предъводящимъ насъ Агаряниномъ, и за два часа до-

Пещера Предтечи за Горней.

[illegible] [illegible] отъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] христіане, любимые [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] благоговѣніемъ, и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] сребро[illegible] и [illegible] [illegible] 12 [illegible] [illegible], 5 и крестъ, иже носится предъ [illegible] [illegible], діаконовъ бяше седмь, священниковъ же [illegible] [illegible], а на процессіи бяше [illegible]. И [illegible] [illegible] [illegible] дни трапезою вси хотѣше въ [illegible] [illegible]. Послѣди, [illegible] ми въ монастирѣ [illegible] [illegible] со прочіимъ множествомъ народа [illegible], [illegible] [illegible] потребъ моихъ [illegible] ради творити, [illegible] [illegible] [illegible] ми бысть [illegible] [illegible] и отъидохъ [illegible] [illegible] честнаго игумена въ монастирь [illegible] [illegible] третицею, и сидящи тамо по уединеніи 14 дни [illegible] потребу мою, и возвратихься [illegible] въ [illegible] Градъ, на мѣсто первое. Въ [illegible] же отъ [illegible], согласившися азъ съ сожителемъ [illegible], [illegible] [illegible] отъ Сербіи, [illegible] Агарянина, да [illegible] насъ во Горняя, поклоненія ради, [illegible] [illegible] [illegible] на поклоненіе соборомъ не ходитъ, якоже [illegible] [illegible], [illegible] кто хощетъ когда. Вина же сего [illegible] [illegible]: 1) яко отчасти есть далече, тріехъ бо и [illegible] [illegible] часъ хожденіемъ отстоитъ отъ Іерусалима; 2) [illegible] Греки ничтоже тамо имутъ, но вся въ рукахъ [illegible]. Мы же отъ далечайшихъ странъ суще поклон-

Фото-литогр. Н. Индутнаго, Караван. № 16.

Пещера Св. Іоанна Предтечи близъ Горней.

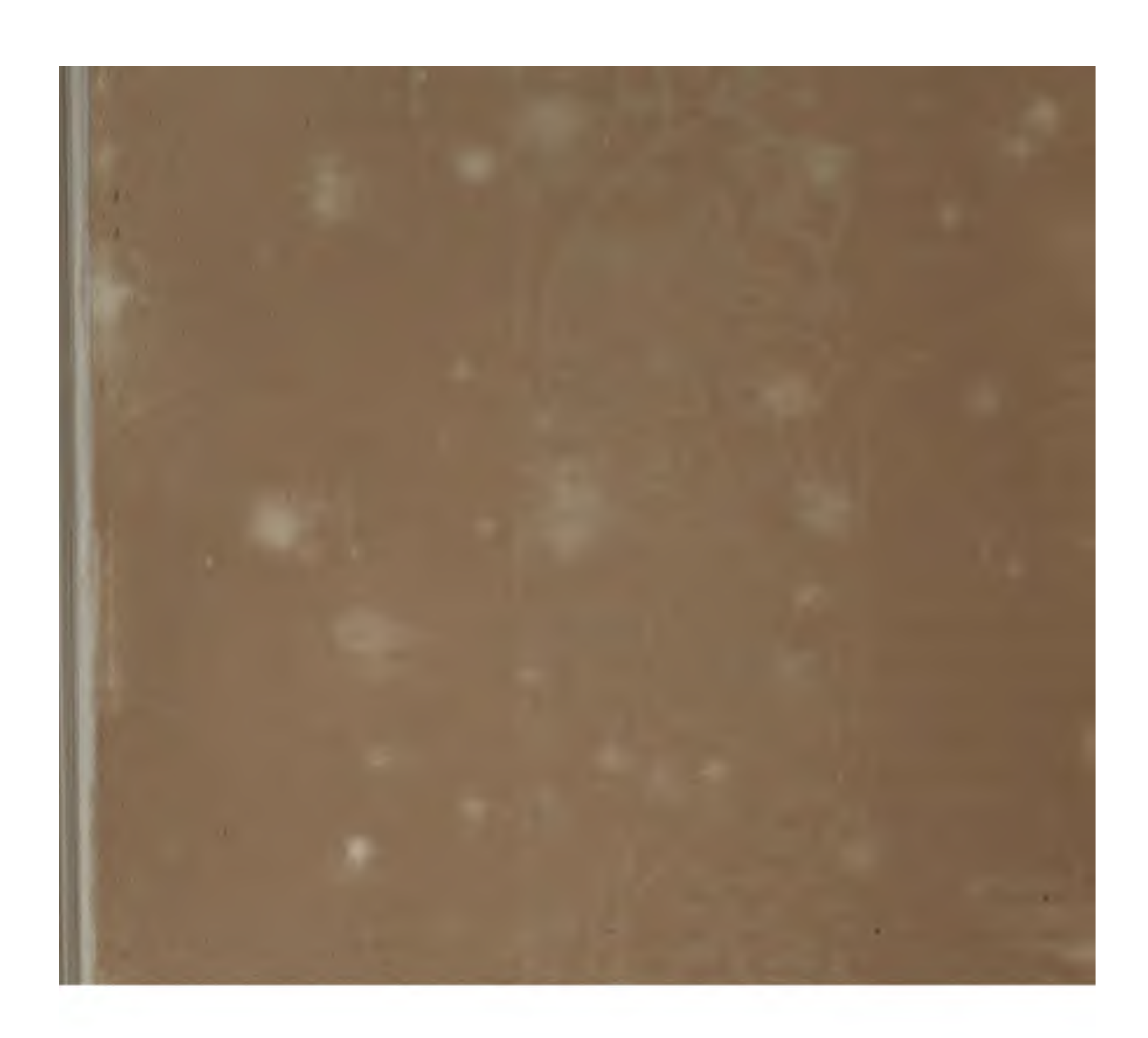
спѣхомь въ Горняя, идѣже бяше иногда градъ, якоже свѣдителствуетъ божественное писаніе, нинѣ же мала весь обрѣтается и внутръ веси монастиръ невеликъ, обаче зѣло лѣпотенъ, идѣже обитаютъ Францѣшкане, Римскаго устава иноки. Созданъ же естъ на мѣстѣ, идѣже честній Пророкъ и Предитеча и Крестителъ Господенъ Іоанъ родися отъ неплодних ложеснъ матерних и идѣже бяше домь Захаріинъ, и устрѣтеся Преблагословенная Дѣва Богородица съ Елисавеѳою и цѣловастѣся обѣ. Тамо ми не входяше внутръ, отъидохомъ первѣе кь скиту святаго Предитечи, идѣже отъ пеленъ матернихъ изшедше, пустинное и безмолвное препровождаше житіе, еже мѣсто отстоить отъ Горнихъ единимъ часомъ пѣшехожденія. Тамо пришедше къ единой горѣ великой, стоящей надъ ровомь глибокимъ, обрѣтохомъ въ камени изсѣченну малу пещеру, идѣже постническую и ангелску святій Предитеча провождаше жизнъ, одесную же пещери течеть прекрасній живія води источникъ, иже молитвою Святаго кь препитанію отъ Бога даровася. Прежде бо даже не обитати тамо святому Іоанну, ниже вода бяше, ниже бо удобно мѣсто бити водѣ, понеже високо стоитъ въ конецъ гори, обаче благодатію Божіею угоднику его даровася, яже и доселѣ течеть непрестанно и неоскудно. Верху же пещери стоитъ церковь, послѣди отъ человѣкъ въ памятъ Святаго созданна, нинѣ же опустѣла и разоренна естъ, и древа, именуеміе акриди (еже естъ рожки Турецкіе) при пещерѣ растутъ, отъ его же вершія ядяше святій Предитеча. Тамо ми поклоншеся мѣсту святому въ церквѣ и пещерѣ, и пивше отъ источника Предитечева благословенна, возвратихомься воскорѣ въ Горняя и идохомь въ предъреченній монастиръ кь инокомъ Римскимь, и отверстѣй сущей церкви, идохомъ внутръ и

поклонихомся съ вѣрою и говѣніемъ мѣсту оному, идѣ
родися с. Предитеча. Мѣсто же оное сице прек
мраморомъ бѣлимъ и чернимъ съ искуснимъ с
и премудримъ майстерствомъ осажденно, я
дивитися дозѣла. Послѣди же званни б
веленію началствующаго, иже именует
угостиша насъ, яко странних, хл
возблагодаривше Богу и страннол
хомъся въ Іерусалимъ. Егда же наста д
ной, бистъ парусіа краснѣйша и болшая
первихъ, о нихъ же прежде писахъ. Тогда бо б
диловъ елейнихъ возженнихъ безчисленное множе
сребрянихъ же, христалнихъ и всяко различнихъ, н
токмо бо Греки, но и Римляне, и Армени, и Копти, и Сиріяни, словомъ рещи, всѣ еретиковъ секти, внутръ великой Воскресенія Господня церкви обрѣтающіися, на своемъ опредѣленномъ мѣстѣ вжегоша кандила и лампади и покровами драгими. И красяшеся тогда церковь огненнимъ свѣтомъ, аки небо звѣздами, сребромъ же и златомъ и инними утварми церковними, аки молніями, и тогда воистинну въ церкви стояще, на небеси стояти мнѣхомься. Бистъ же вечерное и утренное пѣніе лѣпое и неспѣшное и пѣвцевъ множество, и бистъ сладкое бденіе и недремливое стояніе тогда, найпаче же, егда начаша раздавати ваія, раздаваху бо сами архіереи отъ рукъ своихъ людемъ. Даяху же всякой душѣ ваію едину финикову и вѣтву маслину и крестъ, отъ листвія финикова съплетенній. И служаше тогда самъ епитропъ патріаршій и съ нимъ два архіепископи, священниковъ же еще болше, нежели прежде бистъ. Егда же, по окончені божественной литургіи, изійдоша на литію архіерей съ іеромонахи, іереи, діакони же, иподдіакони и съ всѣмъ народомъ христіянскимъ, тогда обхождаху ве-

[illegible] [illegible] имъ собирахуся [illegible] и [illegible] [illegible] ако [illegible], [illegible] и [illegible], и [illegible] [illegible] Богу и [illegible] и возврати- [illegible] во Іерусалимъ. [illegible] [illegible] видали [illegible]- [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и болшая паче всѣхъ [illegible], [illegible] же [illegible] [illegible]. Тогда бо бисть [illegible]- [illegible] [illegible] [illegible] безчисленное множество, [illegible] же [illegible] и всяко различныхъ, не [illegible] бо Греки [illegible] Римляне, и Армени, и Копти, и [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] еретиков секти, внутрь [illegible] [illegible] Гроба [illegible] церкви обрѣтающіися, [illegible] [illegible] предѣлахъ [illegible] [illegible] кандила и лам- [illegible] и [illegible] драгими. И красяшеся тогда церковь [illegible]сениимъ свѣтомъ, яко небо звѣздами, сребромъ же и златомъ и [illegible] [illegible] церковными, яко молніями, и тогда воистинну [illegible] [illegible] стоящи, [illegible] небеси стояти [illegible]. Бисть же вечерное и утреннее пѣніе лѣпое и несытное и [illegible] множеству, и бисть сладкое бденіе и недремлимое стояніе тогда, наипаче же, егда [illegible] раздавати ваія, раздаяху бо сами архіереи отъ [illegible] своихъ людемъ. Дяаху же всякой души ваію едину [illegible]у и вѣтву масличну и крестъ, отъ листвія фини- [illegible] [illegible]. И служаше тогда [illegible]мъ епитропъ па- [illegible] [illegible] нимъ два архіепископа, священниковъ же

Фото-литогр. Н. Индутнаго, Караван. № 16.

Горняя



ликій олтаръ церкви и гробъ Господень. Тогда явися много отъ сокровища церковнаго и предношаху хоруговь иконописанних 10, лампадь же великихъ, аки дреколіе, отъ чиста и бѣла снѣговидна воска сотворенныхъ, многое множество, рипидъ сребрнихъ и позлащенних 15, іереевъ яко пятьдесятъ и вящше, діаконовь бяше близъ десяти, еще же ношаху на сребряних блюдѣхь три митри патріяршіе, среброкованніе и позлащенніе, и различними драгоцѣнними каменми насажденіе, и бистъ празденство праздникомъ и торжество торжествомъ, шумь же и воплъ отъ пѣнія неизмѣрнмій, даже до небесь досязающій. Греки бо вь великомь соборномъ олтарѣ и окрестъ, Римляне же одесную церкве и Армени ошуюю, Копти же и Сиріяни созади, всѣ елико могутъ поютъ по преданію своемь, найпаче же Римляне бездушнимъ своимъ органомь всѣхь гласи покривають и заглушають; Арапи же вѣри Греческой всегда на пренесеніи даровь и на литіи частѣ повторающе отъ всея крѣпости въпреки Римляномъ вопіютъ: едина вѣра православних христіянъ. Сице же по вся годи творятъ. отъ ветхихъ временъ обикше. Тогда, по изшествіи изъ церкви, званни бяху вси поклонници вь монастиръ патріяршій и угощенни трапезою честно, якоже и прежде. Утру же бившу. вь великій понеделникь, отъидоша вси поклонници къ преблагословенной рѣцѣ Іордану. овіи на конехь, иніи же на верблюдахь, прочіи же на месках и ослахь и всяко, якоже кто изволи. Отъидоша же съ многими вооруженними, съ копіями и хоругвами безчисленними. Се же того ради, да отъ пустинних разбойниковь безъ пакости сохраненни будутъ, иже окрестъ Іордана скитаются. Не токмо же Греки сами отъидоша, но и Римляне и Армене, и всякой вѣри люде, кромѣ Жидовь, и бистъ

тогда народа до тріехъ тисящъ и вящше собраннаго. Таже третіяго дне возвратишася вь Іерусалимъ, си есть вь среду. Заутра же вь великій четвертокъ, единь отъ архіереевъ съ іеромонахи сотвори елеосвященіе [1] въ патріярхіи и помазаху всѣхь путниковь и прочте разрѣшителну молитву. Таже единъ отъ архіереевъ имѣяше служеніе соборное въ храмѣ святаго Апостола Іякова, Брата Господня, иже стоитъ внѣ великія церкве; по литургіи же божественной изійде архіерей съ двѣманадесяте священники предъ Святіе Врата Великія Церкве, на предъуготованное мѣсто, и по свѣдителству Евангелія, въ памятъ Христову, якоже на Тайной Вечери ученикомъ своимъ сотвори, съвлекъ ризи своя и препоясався и уми всѣмъ двѣманадесятемъ священникомъ нозѣ. Многому множеству народа предстоящу и смотрящу таковое архіерея благое дѣло. Заутра же, въ великій пятокъ, отверзоша Святіе Врата Агаряне, по мздѣ, и оставиша внійти внутръ всѣхъ странних же и своихъ, Грековъ же, Римлянов, Арменовь, Сиріановъ, Коптовъ и Еѳіоповъ, многое множество народа отъ окрестнихъ странъ сошедшихъся, и заключиша врата и не отверзоша даже до времени, въ онъ же является огнъ отъ Гроба Господня въ великую суботу, и пояху вси на опредѣленномъ своемъ мѣстѣ правило, по обичаю своему и язику. Греки убо по преданію Святихь Отецъ ношаху плащеницу и надъгробное Христу пояху пѣніе, тогда же единь отъ учителей малое поученіе къ народу повѣствоваше; Римляне же и Армени и прочіи по своему творяху обикновенію. Римляне убо въ великій пятокъ въ полунощи, воставше отъ мѣста своего и облекшеся въ одежди своя священническія и клирическія, идоша первѣе

[1] Отъ слова „елеосвященіе" до „единь отъ архіереевъ" въ подлинной рукописи утратилось.

на гору Голгоѳу, сь многими лампадами вожженими и псалмопѣніемъ, носяще кресть сь распятимъ Христомъ, отъ древа срѣзаннимъ, и вознесше на Голгоѳу поставиша, поюще свое правило яко часъ единъ. Таже единъ отъ иноковь ихь Францѣшкановь, учителъ сій, изійде на среду и повѣствоваше поученіе къ народу Италіанскимь язикомъ, си естъ Римскимъ общенароднимъ. По окончепіи же сняша съ креста икону Христову древяну и положивше на плащеници, несоша съ Галгофи низу и положиша на мѣстѣ ономъ, идѣже Іосифъ съ Никодимомь, снемши тѣло Христово съ креста, обви плащеницею, и тамо такоже подобнѣ пѣніе сотворише, повѣствова инъ учителъ великое поученіе къ народу язикомъ Арапскимь, на ползу Арапомь, отъ нихъ же многихь превратиша кь своей церквѣ. Послѣди же несоша икону Христову сь плащеницею и положиша ю верху Гроба Христова, и тамо третій учителъ Гишпанскимъ нарѣчіемь поученіе сотвори. Окончившимь же всѣмь нощное правило, угасиша вси кандила, яко ни единому нигдѣ же остатися. Обичай бо тамо есть отъ ветхихъ временъ сице творити, понеже вси Христіяне ожидають новаго огня, иже являеться отъ Гроба Христова въ великую суботу о девятомь часѣ дне по вся годи, егоже исповѣдують и вѣрують Греки, Армени, Копти и Сиріане, и Еѳиопи вѣри Греческой, едини токмо Римляне не вѣрують и глаголють, яко хитростію никако Греки творятъ, сего ради отчасти, неимуще откуду огня взяти, отчасти же въпреки Грекомъ творяще. Заутра въ великую суботу рано, прежде даже не возійти слонцу, предъ Гробомъ Христовимъ поставляютъ трапезу, украшенну сребромъ и златомъ и свѣщами многими въ служеніе божественной литургіи. Творятъ огнъ новій сицевимь образомъ: вземлетъ единъ отъ Римлянъ инокъ

каменъ и желѣзо и губу, или простѣ рекше, кресиво, и ударяетъ дважди или трижди и не могущи зажегти, отдаетъ Турчину и той зажигаетъ и биваетъ огнъ, и зажигаютъ тогда свѣщи и литургисаютъ предъ Гробомъ Христовимъ, еже многоразличніи народи видяще, посмѣваютъ. Особнѣ же азъ, хотящи увѣдати тайну, единаго отъ законникъ ихъ вопрошахъ, почто сице творятъ? Отвѣствова ми, яко умершу Христу плотію, вся совершишася и ветхая мимоидоша, во воскресеніе же вся премѣнишася и нова биша, сего ради и ми новій (рече) огнъ, нѣ сущу ветху, содѣловаемъ. Обаче паки приступаю къ повѣсти, яко по окончени оной литургіи абіе собираютъ вся и входятъ вси Римляне вънутрь обители своя и заключаются и неисходно пребиваютъ даже до явленія огня отъ Гроба Господня, отъ него же запаляютъ свѣщи вси Христіяне и Армене и прочіе секти, обрѣтающіися въ великой церкви Воскресенія Господня.

О чудотворномъ огнѣ, являемомъ на Гробѣ Христовомъ и о еже како его воспріймуютъ христіяне и въ кое время.

О огнѣ Іерусалимскомъ многіи многая и различная глаголютъ словеса, нѣкая же и противная Богу. Нѣціи убо глаголютъ, яко огнъ оній съ небесе сходитъ, иніи же отъ великаго усердія и неразсужденія рекутъ, яко нѣстъ онъ огнъ, но Духъ Святій, другіи же глаголютъ, яко не палитъ, прочіи же глаголютъ, яко палитъ, нѣціи же баснословятъ, яко до тріехъ лицъ, си естъ, егда первій возжетъ отъ Гроба, другій же отъ первого и третій отъ втораго, тріехъ человѣкъ не опаляетъ, аще и браду нанъ возложиши; четвертій же, егда возжетъ, опаляетъ его. Паки иніи повѣствуютъ, яко огнъ оній, аки

живое сребро, на части маліе, кругліе, раздѣлъшеся, верху мрамора гробнаго движется, и нѣстъ червленъ, но токмо синій, аки отъ сѣри возженій. Нѣціи же глаголютъ, яко пламенъ великъ естъ, яко всей каплици Гроба Христова наполнятися. Обаче Богъ вѣстъ, кому вѣру яти требѣ, никто бо можетъ вѣдати совершенно о томъ, кромѣ того, иже входитъ внутръ первій и возжегши износитъ, ниже бо не можетъ внутръ Гроба внійти въ часъ той, подъ великою и крѣпкою стражею, кромѣ патріярхи, или безъ битія патріярхи, иннаго архіерея, на мѣстѣ его служащаго. Обаче азъ, подъ совѣстію моею, тщателній читателю, истинно ти вся и неотмѣнно, якоже биваетъ тамо исповѣмъ и якоже азъ своима очима видѣхь и увѣдахь, никто же бо (мню) не имѣяше таковаго тщанія и испитанія отъ между толъ тисящнаго народа путниковь, якоже азъ.

О церемоніи огня Іерусалимскаго.

Заутра убо въ великую суботу, вси лампади и свѣщи, елико могутъ обрѣстися въ церкви, сами Турки съ иноки Греческими и Арменскими вся престоли и угли церковніе горѣ и низу обходятъ и созираютъ, аще могутъ гдѣ каково либо буди обрѣсти свѣтило, и всюду угашаютъ; такоже и вси христіяне, найпаче же Арапи, блюдуть, да не како останетъ гдѣ нѣкое кандило горящое. Таже обшедше вся, нѣцѣи отъ началнѣйшихь иноковъ Греческихъ и Арменскихъ и погасиша вси кандила, обрѣтающіися внутрь Гроба, понеже Гробъ Христовъ есть внутръ зданія, двое врать имущаго, внѣшніе и внутръніе, еже аки церковь мала стоитъ, съ главою (якоже предъ писахъ). Тогда народь безчисленъ, отъ поклонниковь и Іерусалимлянъ, готовящеся съ великимъ говѣ-

*

ніемъ и усердіемъ, взлѣзающе на зданія и столпи церковніе и прицѣпляющеся другъ другу, едва на главу не возлѣзаше, и подавляхуся утѣсняющеся, всякъ хотя первій бити и первѣе отъ рукъ архіерейскихъ возжегти свѣщи. И азъ бо хотѣхъ потщитися и бити первѣйшимъ паче всѣхъ, но егда приспѣ время, едва не послѣднѣйшемъ быхъ. И весь народъ, руки подносяще, вопіяху: „Киріе елейсонъ". Приближающемужеся осмому часу дня, уготова новій кандилъ начальникъ великія церкви, наполненъ елеемъ, и понесе внутръ Гроба Христова не возженъ и постави его верху камене гробнаго, на зажженіе новаго онаго Святаго огня, егоже Греческимъ нарѣчіемъ именуютъ Αγιον φος, си естъ Святый Свѣтъ. Бившу же яко полчасу осмому, прійде нѣкій отъ знаменитихъ Турчиновъ и вшедши внутрь Гроба Христова, созираше, да не како кто утаится и сокріется тамо и да не останетъ нѣкое кандило непогашенно, таже изшедши, заключи врата и печатію утверди, и окрестъ вратъ постави стражъ крѣпку, и не вхождаше къ тому никтоже.

О исхожденіи огня.

Абіе же намѣсникъ патріаршій, не сущу тогда въ Іерусалимѣ самому патріарсѣ, съ священники же и діякони и съ всѣмъ причтомъ церковнимъ, облекошася въ одежди священническія и егда огласи осмь часовъ, тогда весь освященній соборъ стояше внутрь великаго олтара и ожидаше знаменія. Знаменіе же сицево есть: егда узритъ весь народъ нѣкое кандило, внѣ гроба въ церкви запаляемое, и самъ узритъ патріархъ или намѣсникъ его, тогда разумѣютъ, яко и внутрь Гроба Господня огнь есть несумѣнно: всегда бо, на всякъ годъ или пять.

или четири, или два, или поне едино запаляспться, обаче не горятъ, токмо просвѣщаются, аки пламенемъ огненнимъ, отъ нихъ же и азъ три кандила видѣти сподобихъся, два убо бяху мало блещащеся и по малѣ погасоша, третіе же, егда запалися изначала, пламенемъ велімъ горяше зѣло прекрасно дотолѣ, донелѣже не погаси панамарь. Узрѣвши убо намѣсникъ патріаршій просвѣщаемія кандила святимъ онимъ свѣтомъ не рукокоснѣ, такоже и вси людіе, абіе изійде съ всѣмъ священнимъ соборомъ и творяху обхожденіе окресть каплици Гроба Христова, поюще: „Воскресеніе твое, Христе Спасе, Ангелы поютъ на небесехъ“. Обшедше же трижди священници вси возвратишася въ великій олтаръ, митрополитъ же, намѣсникъ патріаршего престола, Турчину отрѣшившу печать и отверзшу двери внутръ Гроба, съ свѣщами невозженними внійде. Стояху же нѣколико иноковъ, младихъ и силнихъ крѣпостію, уготовлъшеся взяти архіерея Господня съ святимъ свѣтомъ и принести къ олтару, понеже аще не би било сице на всяко лѣто, народъ удавили биша архіерея единаго. Вкупѣ же съ архіереемъ Греческимъ и архіепископъ Арменскій внійде внутрь, обаче ничтоже не дѣйствуетъ, токмо зритъ чудотворимое и стоитъ за первими врати внѣшними, при камени, иже отваленъ естъ отъ гроба, архіерей же Греческій въ внутрнѣйшіе входитъ врата, идѣже естъ Гробъ Христовъ мраморенъ, и тамо, не вѣмъ како и каковимъ образомъ, запаляетъ свѣщи многи и даетъ единъ связенъ свѣщъ отъ руку своею Арменскому архіепископу, таже износитъ вонъ къ народу. Сице о сокровенныхъ слишимъ. Обаче да приступлю къ повѣсти начатой. Тогда митрополитъ Греческій, вшедши внутръ Гроба, замедлѣ яко чрезъ двое „Помилуй мя Боже“, таже изійде ко народу, въ десници и въ шуйцѣ многіе

запаленніе свѣщи носяще, и абіе похитивши иноки архіерея своего, несяху предъ великій олтарь, Армене же, похитивши своего, несяху къ своей церкви, и абіе всею силою возринуся народъ на архіерея Греческаго, найпаче же отъ странних и далекихъ пришелцовъ, и сотворися мятежъ и воплъ великъ, всякь бо простираше руцѣ къ архіерею и угнѣташе другъ друга, и отрѣваше, и скакаху на плещи единъ другому, и всякъ хотяше отъ самаго архіерея засвѣтити своя свѣщи; и тогда, хто силнѣйшій, той и первій бяше, ктоже немощнѣйшій, той послѣдній бисть. Запали весь народъ своя свѣщи, нѣціи отъ самаго архіерея, инніи же другъ отъ друга, обаче едина сила и благословеніе отъ всѣхъ воспріймуеться. Архіерея же внесоша внутрь олтаря ели жива отъ угнѣщенія всенароднаго, и тамо препочивши, мало укрѣпися. Бисть тогда церковь вся полна пламене огненнаго и зряшеся, яко рѣка огненная текущая, или аки пламенноносніи херувими, лѣтающіи во храмѣ Господнемь, отъ него же страхъ и радость неизглаголанная пронзаше утробу человѣческую, и бисть торжествованіе въ народѣ и удивленіе многое. Мало же подержавши свѣщи, погасиша, понеже всякъ путникъ оніе свѣщи въ свою странну несеть на благословеніе. И возжегше кандила сребряная отъ огня онаго въ великомъ олтарѣ и на Голгоѳѣ, начать епитропъ, съ всѣмъ освященнимъ соборомъ, пѣти божественную литургію, и тогда еще нѣкая кандила невозженная просвѣщахуся свѣтомъ, аки горѣти мняхуся, едино же зажжеся пламенемъ совершеннимъ и горяше чрезъ всю божественную литургію, послѣди же изшедъ понамаръ погашати кандила, тогда и тое погаси, невидѣвшу мнѣ; а еже яко не вжегомо бѣ, но само сожжеся, сіе азъ своима видѣхъ очима и тогда утвердихъ маловѣріе мое, ибо аще отъ-

внѣ въ время то сице нерукокоснѣ чудотворится, то колми паче внутръ Гроба (аще и никто же видитъ, кромѣ архіерея), требѣ всякому вѣровати, идѣже пречистое и пресвятое Тѣло Господа нашего Іисуса Христа положенно бистъ, и благодатъ Божая присно пребиваетъ. Аще бо Богь, иже Израилтяномь во пустини отъ камене воду источи, и весъ свѣтъ и яже въ немъ отъ ничесого же сотвори, то не можетъ ли Тоижде въ животворящемъ Своемъ Гробѣ (въ немъ же, яко человѣкь, плотію усну и яко Богъ воскресе) показовати и являти чудотворній огнъ, на славу и похвалу правовѣрному христіанскому роду? И аще рекуть противніи, яко прежде являшеся, нинѣ же, грѣховь ради людскихь, преста, на то да отвѣтствуимь, яко аще и грѣси людстіи умножишася, обаче благодатъ и сила божественная, присутствующая въ Христовомъ Гробѣ, не умалися, но единаче, якоже и сперва, и нинѣ пребиваетъ и до скончанія вѣка пребудеть; а еже глаголють паки, яко архиепископь Греческій нѣкако притворнѣ и хитростнѣ обрѣтаеть огнъ, на сіе отвѣтствую азъ, яко аще би и сице било (еже да не оставитъ Всемогущій Богъ сицевому злотворенію обрѣстися въ вѣрѣ нашей), унше есть вѣровати, нежели не вѣровати, вѣруяй бо лгущему на похвалу Божію, грѣха не иматъ ни мало, лжай же, аще и на похвалу Божію, грѣхь тяжестенъ иматъ. Тѣмъ же болѣзнъ невѣрія и лжи врага нашего да обрѣтается на главѣ его, и на верхъ его неправда его да снійдетъ, ми же благодаримь дивно во Троицу прославляемаго Единаго Всемогущаго Бога, сподобившаго насъ слишати и видѣти таковое чудо. А еже глаголютъ многіи отъ Грековь, яко не опаляетъ человѣка и нѣстъ, якоже естественнъ огнъ, но свѣтъ, аще убо билъ би токмо свѣтъ, а не совершенній огнъ, убо просвѣщалъ би точію, а не

жеглъ; азъ же видѣхъ и искусихъ, яко нетокмо мене грѣшнаго, но и инних многихъ добродѣтелнихъ мужей опаляеть, аще кто прикасается ему тѣломъ своимъ; аще же би кто таковій обрѣстися возмоглъ, его же би не жеглъ оній огнъ, оттуду не можемь глаголати, яко огнъ неопаляй и преестественъ есть, понеже не отъ сили огня чудодѣйствуется, но отъ Бога, добрихъ ради дѣлъ и вѣри мужа онаго. Сице убо и дѣтемъ Еврейскимъ въ Вавилонѣ иногда пламенъ пещній естественній преестественнѣ сила божественная на хладъ преложи и тріехъ отрокъ не опали. Паки, аще би не жеглъ оній огнъ, то билъ нѣкій свишше божественъ, въ немь же иногда Боговидецъ Моисей въ горѣ Синайстей видѣ купину горящую и несогараемую, и кто убо би смѣлъ, (рци ми), не глаголю прикоснутися, но возрѣти нанъ отъ насъ грѣшнихъ, въ смердящомъ семъ тѣлеси окаянная провождающихъ житіе? Аще убо праведній Моисей, божественій и преестественній оній огнъ тѣлеснима и естественнима видѣти сподобивійся очима, гласъ страшенъ отъ Бога слишавь сице: „иззуй ременъ сапогу твоею, мѣсто бо, на немь же стоиши, свято есть“, то како би ми грѣшніи могли прикасатися ему, съ таковимь безъстрашіемъ и безчиніемь тиснущеся, яко едва архіерея Божія не угнѣщаемъ? Паки, аще би билъ огнъ неопалній, то како свѣщи отъ него запаляемъ и воскъ растопнѣваеть, фитили же горяще очернѣваютъ и въ пепелъ обращаются, и кандила въ церкви отъ тогожде огня запаляютъ, отъ нихъ нѣкая неусипно чрезъ весь годъ горять, якоже надъ гробомъ Христовимъ и на Голгофѣ. Паки, аще би билъ не якоже естественній огнъ, то едва би въ тисящнихъ народѣхъ единъ удостоился видѣти или коснутися его, въ церквѣ же Іерусалимстей единъ другому подаваетъ и другъ отъ друга засвѣщаетъ свѣщи, и елико

добродѣтеленъ, толико и грѣшенъ и грѣшнѣйшій прикасается и равно участникомъ биваеть; не токмо же правовѣрніи христіяне, но и Армени, и Копти, и Сиріяне равно и единаче восприймуютъ и вси вжигаютъ свѣщи отъ огня онаго. А еже нѣціи неразсудніи глаголютъ, яко сходитъ съ небесе, ни се есть истинна, аще убо нисходилъ би съ небесе, убо билъ би небесній, преестественній, неопалній, но якоже не едино отъ сихъ не имать въ себѣ, довлѣеть убо всякому вѣровати, аще и естесственъ есть, обаче безъ прикосновенія руки человѣческой верху Гроба Христова на мраморѣ является, и прежде даже ему не явитися, кандила церковная внѣ Гроба всѣмъ видящимъ иная мнятся, яко свѣтитися, иная же запаляются и погасаютъ, инная же зажегшися, елико елея въ кандилѣ довлѣетъ, горятъ. Довлѣеть убо намь нинѣшнихъ вѣковъ таковое чудо, и ниже сего достойни есми видѣти. Но приступѣмь къ повѣсти. По окончѣніи убо божественной литургіи, христіяне зѣло радовахуся, благодаряще Бога, яко получиша желаемое. понеже поклонники не инной ради вини даже до Воскресенія Господня медлятъ въ Іерусалимѣ, токмо чудотворнаго ради онаго и освящающаго пламене, иже отъ мрамора гробна въ великую суботу, въ девятій часъ дне, являетъся. Пребиша же вси поклонници неисходно въ церкви даже до дне Воскресенія Господня, стояще на всеношномъ бденіи и утро на божественной литургіи. Служаше же самь намѣсникь патріаршій съ всѣмь освященнимь соборомъ лѣпо, якоже и прежде. По окончаніи же служби Божой, въ свѣтлій денъ Воскресенія Господня, изійде весь народъ вонъ и заключиша Агаряне врата святая двѣма ключама и печатію, якоже и прежде. Званни же абіе бяху отъ иноковь, повелѣніемъ епитропа, вси поклонники въ монастиръ патріархію и учрежденни биша.

последнею обаче изобилною и мирскою трапезою, заклаша бо ихъ ради 40 овецъ, кромѣ инныхъ вареній и сотвориша пированіе со тимпани и труби и съ многими честними поздравленіи и привѣтствіи, благодарствоваше самъ намѣсникъ патріаршій за трудолюбіе и милостиню, юже сотвориша мѣстомъ святымъ. Бяше же душъ ядущихъ яко 400 и вящше, и ядоша вси и наситишася до изобилія и яко избиткомъ остатися многимъ, на няже нападше Арапи христіане, вся та расхитиша въ мгновеніи ока. Пребиша же въ Іерусалимѣ поклонници даже до Ѳоминой неделѣ, предъуготовляющеся на путъ и отслаша Свѣтлой седмици вси свои вещи въ Іопію, сами же обхождаху и посѣщаху нѣкіе мѣста святіе, ихъ же не посѣтиша прежде, инії недуга ради, инніи же нѣкаковаго дѣла препятія. Тогда убо и азъ посѣщахъ домъ Давидовъ и Горняя. Домъ Давидовъ стоитъ близъ первоначалнихъ вратъ града, путь имущихъ къ Хеврону, ихъ же иніи именують врата Давидови того ради, яко близъ дому Давидова стоятъ, Аравп же именують врата Хевронскіе. Полати Давидови сутъ на столпѣ толстомъ и високомъ, отъ каменей великихъ зданномъ. Сутъ же и инніе подобніе ему два столпа, стоящіе единъ одесную и единъ ошуюю; стоятъ же въ стѣнѣ градстей и окрестъ ихъ ровъ глибокъ содѣланъ, отъвнѣ и внутрь града чрезъ ровъ же къ полатамъ мостъ утвержденъ къ прехожденію, идѣже нинѣ Турки крѣпость и защищеніе граду содѣлаша и наполниша арматами и иними орудіями бранними. О Горнихъ же прежде писахъ. Приспѣвшей убо Ѳоминой неделѣ, отверзоша Агаряне по мздѣ Святія великія церкви Воскресенія Господня врата еще съ вечера, и пребиша тамо на нощномъ пѣніи и утро на божественней литургіи и воздавши последнее поклоненіе и цѣлованіе Пречистому и Животворящему

Гробу Христову и прочіимь святимь мѣстомь, обрѣтающимъся внутръ храма; изшедше же изъ церкви, уготовашася на путъ и всякъ себѣ наятъ скота. Заутра же, вь понедѣлникь по Ѳоминой неделѣ, рано, всѣдше на кони, мески, верблюди же и осли и всяко, якоже кто можаше, убогіи же пѣше ходяще, отъидоша вси отъ различнихъ вѣръ поклонници отъ святаго града Іерусалима въ Іопію къ пристанищу морскому, идѣже доспѣша третіяго дне. Бистъ же тогда всего народа отъ Грековъ, Римлянъ, Арменъ, Коптовъ же и Сиріяновь яко три тисящи и вящше, и помощію Божіею благополучнѣ прейдохомъ, кромѣ всякоя пакости, а не якоже прежде, понеже бистъ съ нами знаменитій паша, съ множествомь воевъ провождаяй насъ, сего ради ничтоже пустинніе Еѳіопи не смѣяху путникомь пакости творити, токмо подобнѣ, якоже и прежде, въ Рамѣ и въ Іопіи данъ вси дадоша. До здѣ о посѣщеніи святаго града Іерусалима. Славлю убо прочее и благодарю отъ всего сердца Творца моего и Бога, яко сподоби мя посѣтити, видѣти же и поклонитися мѣстомъ онимъ, яже въчеловѣчившися Самь своимъ Пречистимъ Тѣломъ и Пресвятимъ Духомъ освяти. Еще же молю, да сподобитъ и прочіихъ правовѣрнихь христіянъ, отъ всего сердца желающихь дойти и поклонитися тамо, еже всесилною Его помощію буди, буди. Аминь.

Пребившимъ убо намъ въ Іопіи нѣколико дній и сущимъ на пристанищи кораблемъ многимь Французскимь, въ различніе странни пловущимъ, тогда всякъ отъ поклонниковь въ свое отчество отпли: инніе въ Константинъ градъ, иніе въ Солунъ, прочіи въ Кипръ островъ, нѣціи же въ Египеть, друзіи же въ Анатолію, и всяко, идѣже кто требоваше, седмици оноя разлучишася. Азъ же еще прежде имій желаніе и попеченіе отъити, по-

клоненія ради, въ гору Синайскую, и обрѣтъ кораблъ, пловущъ къ единому граду знамениту, именуемому Дамятя, отстоящему близъ Египта, на пристанищи морскомь, вседохь въ онъ съ прочіими, Априля 17, минувшей седмици по изшествіи изъ Іерусалима. Наченшу же кораблю шествовати, единаго дне пловохомъ вѣтромъ помощнимъ, втораго же дне явися вѣтръ противенъ и уже приближающимся къ пристанищу Дамяти, несяше кораблъ воспять. Нехотящимъ же возвращатися, пловохомъ сопротивляющеся сѣмо и овамо шесть днiй. Видящи же началникъ корабля, яко вѣтръ денъ и нощъ единъ пребиваетъ, къ тому же оскудѣ нѣкіимъ пища, такожде и вода возсмердѣся, сего ради, по совѣту его и всѣхъ, пустихомся въ островъ Кипрскій, купленія ради хлѣба и почерпленія води, понеже тамо вѣтръ гоняше. Пловохомъ же еще четири дня и едва нуждно достигохомъ пристанища Кипрскаго. Богъ же вѣстъ, каковую нужду претерпѣхомъ, піющи смердящую, еще и тую не доволно, но отъ своея води началникъ корабля подаваше всякому малою мѣрою, юже не токмо пити, но принести къ устомъ или къ носу нужда бяшеть. Таже Апрѣля 26 приспѣхомъ къ Кипру, къ граду Лемесу.

О пришествіи моемъ вторицею къ Кипру острову.

Видящи азъ, яко Богъ тамо, идѣже не хотѣхъ, принесе мя, оттуду уразумѣхъ, яко ищеть отъ мене, да должное святимъ мѣстомъ, въ Кипрѣ обрѣтающимся, воздамъ поклоненіе. Сего ради, давши мзду за мя, оставихъ кораблъ плисти въ своясн, азъ же остахся, совокупившися съ единимъ іеромонахомъ Діонисіемъ святогорцемъ, азъ поклоненія ради, онъ же милостини ради на монастиръ и поклоненія. Есть же мѣсто то,

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] по совѣту его,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] 20 [illegible] къ граду [illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Фото-литогр П. Индутнаго, Караван. № 16.

Левкосія.

идѣже ми пристахомъ, рекомое Лемесо, еже есть маль градь, и аще зданія мало лѣпотна суть, понеже отъ плинфъ блатянихъ, не паленихъ жиждемая, но на равномъ, веселомь же и мягкомъ полѣ, при брезѣ морстемь стоитъ, идѣже древесъ акриднихъ, си есть рожковь турецкихь, внутрь же и окрестъ града древа много садовнаго, отъ финиковъ, лимоній, помаранчовъ. роидовъ и древа шелковаго изобиліе, такожде и маслиннаго и фиговаго, хлѣбь же и вино и вся вещи на малой цѣнѣ продаются. Тамо замедлѣвше 4 дни, отъидохомь на мскахъ къ первоначалному граду Кипрскому, рекомому Левкосія, Мая 1, и доспѣхомъ тамо третіяго дне, идѣже идохомъ первѣе къ архіепископу всего Кипра, иже есть тамо въ великой чести, и давши намъ свое архіерейское благословеніе, отсла насъ на малое пребиваніе въ гостинницу, при храмѣ святаго Антонія стоящую, яже иногда бяше монастиръ, нинѣ же мирская церковь. Премедлихомь же тамо нѣколики дни и посѣщахомь вси церкви града и монастири. Левкосія градъ въ островѣ Кипрскомь есть первоначалній и болшій, понеже тамо властелинъ Турецкій, всѣмь Кипромъ обладаяй, обитаетъ, и первенствующій архіепископь христіянскій и вся суди тамо совершаются. Бяше же иногда градъ зѣло прекрасенъ, егда обладаху Венети, Венецкаго бо есть не простаго зданія, якоже отъ стѣнъ градскихъ и отъ ветхихъ основаній домовь, мало оставшихъся, познаваеться. найпаче же отъ повѣсти народа. Егда же Агаряне, чрезъ бранъ, Божіимъ попущеніемъ, взяша въ своя руцѣ, опустошиша вся и раззориша доми и прекрасніе палати до основанія, отъ нихь же нѣкіи останки зданій и церковь даже доселѣ обрѣтаются, иже бяху лѣпаго строенія, найпаче же обрѣтается даже доселѣ церковь святія Софіи, велика и зѣло прекрасная, отъ камене рѣзан-

наго зданна, яже издалече внѣ града зрится; нинѣ Турки превратиша ю на свой мечеть, идѣже собирающеся молитву дѣютъ, и нѣстъ христіянину волно внійти внутръ. Сего ради, ниже азъ могу явити красоти ея внутрьныя, токмо слишахъ отъ христіянъ майсторовь, иже нѣкоего времени потреби ради зданія, повелѣніемъ Агарянъ работаху внутръ, яко зѣло лѣпа есть. Нинѣ же, верху основаній ветхихъ каменнихь, вси доми сутъ зданніе отъ плинфъ блатянихъ, непаленнихь, внутръ же варомъ побѣленнихъ. Тамо вси началнѣйшіе и богатшіе людіе и купци обитаютъ, болше же Турковь, нежели христіянъ, обрѣтаютъжеся Римляне и Армени. Церковь христіянскихь внутръ града всѣхъ сутъ 9, прочее же все турецкіе мечети, иже отъ святихь церквей превратиша; монастира нѣстъ ни единаго Греческаго внутръ, Французскій же единъ и едина Арменская церковь. Прочее градъ отъвнѣ стѣною естъ крѣпокъ и лѣпотенъ, внутръ же зданія не весма лѣпотна, токмо отъ множества древа садовнаго зѣло прекрасенъ, издалече аки нѣкій вертоградъ зриться, понеже всякъ домъ имать свой садъ отъ лимоній, помаранчовь, яблокь и прочіихъ различнихъ древесъ, найпаче же отъ финикь изобиліе многое. Градъ оній имать три врата, съ стражею, и по стѣнамъ града армать нѣколико, окрестъ же града окопанъ ровь, иже во время дождя наполняется води. Стоитъ же на полѣ равномъ, низу, окрестъ же обстоятъ гори високіе издалече, и имать воду, текущую отъ горъ, внутръ изобилну, отъ нея же вси вертогради напаяются. Тамо ми пребихомъ 10 дній, и оттуду, Мая 13, прійдохомъ до Ларнаки, иже естъ мѣсто недалече моря стоящое. Ларнака нѣстъ градь, ниже весь, но мѣсто близъ брега морскаго стоящое, идѣже обитають консули Францускій и Ангелскій, управленія ради и сужденія своего люда, по морю

Англ. консульство
Франц. консульство

Фото-Литогр. Н. Пашутинаго Караванн. № 16

Аликесъ и Ларнака.

кораблями приходящаго. Есть же близъ Ларнаки инное мѣсто, рекомое Аликесъ, на самомъ брезѣ при морѣ стоящое, еже есть пристанище кораблемъ, идѣже припливаютъ кораблѣ отъ различнихъ странъ, Французскіе, Ангелскіе, Турецкіе и прочіи и привозятъ товари, яже требуетъ Кипръ, отъ Кипра же взаимъ иніе взимаютъ товари и развозятъ въ своя странни, яко то: вино, сиръ, масло, медъ, рожки турецкіе, фарби, родящіеся въ Кипрѣ, и прочая. На пристаницы ономъ обрѣтаетъся храмъ святаго Лазаря, великъ и високъ, крѣпкимъ иждивеніемъ сооруженъ, якоже нѣкая царская палата; о немъ же не ложно повѣствуеться, яко созда святій Лазарь, оній, его же Господь нашъ Іисусъ Христосъ по четвертомъ дни умертвія его въ Виѳаніи воскреси отъ мертвихъ. Къ тому же лучшое имами свѣдителство, яко въ томъжде храмѣ, въ великомъ олтарѣ, внутръ въ земли, яко насажденъ глубоко есть гробъ, аки мала пещера изритъ, въ немъ же бяху положенни мощи с. Лазаря, егда успе вторицею, по епископствованіи своемъ въ Кипрѣ (якоже отъ житія его свѣдителствуется). О мощехъ убо не слишахъ, гдѣ обрѣтаются, гробъ же и до нинѣ въ церкви есть, въ чести и почитаніи христіянъ. Ларнака отъ Аликесъ отстоитъ яко полпоприща, и сего ради, яко едино населіе естъ, людіе бо непрестанно сѣмо и овамо, потреби ради, проходятъ; обаче въ Ларнацѣ все сутъ знаменитіи людіе и вящше домовъ и церковъ три, въ Аликесъ же токмо едина церковъ святаго Лазаря; обаче обрѣтаются и здѣ и тамо прекрасніе палати, найпаче же консуловъ и купцевъ Французскихъ. Есть же въ Ларнацѣ едина церковъ Французкая и монастиръ францѣшкановъ, иноковъ Римскихъ. Близъ же Аликесъ сутъ двое езера, имущіе воду слану, идѣже раждается соль бѣла и чиста; обаче отъ христіянъ никто же обла-

даетъ ими, токмо Турки, но и тіи закупующе, дань даютъ цареве. Мѣсто оное стоитъ на равномъ и веселомъ полѣ, но садовъ мало, лѣса же ничтоже; не весма же далече, яко двою или трію часу хожденія, гори обстоятъ и оттуду древа лѣсовніе къ паленію имутъ. Води доброй мало обрѣтается, вина же и хлѣба, и елея, и всего доволно. Недалече же пристаница, рекомаго Аликесъ, отъ странни западнія, отстоитъ гора висока, яко четирехъ часъ хожденіемъ, верху оной убо гори обрѣтается монастиръ Святаго Креста, его же святая Елена царица созда. Но о семъ послѣди ясно изявити потщуся. Поклонившеся убо ми тамо гробу святаго Лазаря, и пребихомъ тамо даже до окончения мѣсяця Мая, творяще своя потреби. Таже, Іюня втораго числа отъидохомъ паки къ Лемесу пристанищу, о немъ же предъ писахъ, идѣже пребивши мали дни, отъидохомъ, Іюня 13 [1], числа, въ понедѣлокъ, къ монастиру, иже именуеться Панагіа ту Кику, поклоненія ради, иже отстоитъ двою днію хожденія отъ Лемесо, между великими горами, во пустини. Ми же шествующе медленно, доспѣхомъ тамо третіяго дне; пріяти же бихомъ (не сущу игумену) братіею честно и премедлихомъ тамо гостяще цѣлую седмицу, лѣпоти ради обители и мѣста святаго. Монастиръ оній именуется отъ иныхъ Кикосъ, а оттуду Панагіа ту Кику, си есть Богородица Киковская, естъ зданіемъ невеликъ, но строеніемъ и расположеніемъ изряденъ, весь отъ камене зданъ, покрови же на основаніи древяномъ керемидніе, си естъ отъ черепици: зданіе токмо двоихъ степеней, единъ верху другихъ устроенніе сутъ. Церковь тамо особнѣ стоитъ, не весма велика, но лѣпотна, имущая едину главу, возвишенну горѣ, съ окнами, толика же естъ мѣрою въ широту, елика въ долготу, внутрь вся списанна иконами Святихъ. Тамо въ храмѣ обрѣтается едина

[1] Въ 1727 г. Понедѣльникъ приходился 12 Іюня. *Ред.*

икона Пресвятія Дѣви Богородици, именуемая Одигитрія, держащая на правици Господа нашего Іисуса, яко младенца зѣло умиленна, сицевимъ образомъ [1]. Ея же исписаніе не зрится,—вся покровенна естъ, кромѣ лица, среброкованною шатою. Чудотвореніемъ отъ ветхихъ временъ—даже до нинѣ—прославляемая; предъ нею же на всякь день иноци молебній канонъ поютъ. Не токмо же Кипрьскій народь, но и окрестніе далекіе странни вь велицемь почитаніи икону ту имутъ. Церковь есть расположеніемь троепрестолная, входовь же вратнихъ 5 иматъ; трапеза верху келій и зданій високо стоитъ, идѣже иноци пищу ядятъ. Монастирь оній нужди и дани великой отъ Агарянь не иматъ, и крести верху зданія церковнаго водруженни иматъ, еже естъ веліе въ Турецкой земли; се же отчасти того ради, яко стоитъ въ пустини, между великими горами, уединенъ отъ градовь и народа, найпаче же, яко благодать и призрѣніе Преблагословенной Дѣви Богородици присно пребиваеть тамо. Обителъ она стоитъ зѣло вь великой пустини, на мѣстѣ високомъ и прохладномъ, и благопріятномь, и весма кь иноческому уединенному житію приличномь. Воду, потреби ради монастирской, отъ дожда собираемую въ кладязяхь имуть, кь питію-же есть источникь предь врати монастирскими, внѣ въ долинѣ малою струею текущъ, но вода паче оная въ всемь Кипрскомъ островѣ лучша обрѣстися не можеть, понеже чиста, яко христалъ, хладна же, аки ледь, яко едва зуби понести могуть піющаго ю, здрава же и легка на стомахь сице, яко не токмо неболѣзненну, но и немощну помощна. Именуетъ же ся оній источникъ Αγιασμα Παναγιας си есть освященіе Богородици, понеже искуствомь доходять,

[1] Въ подлинникѣ оставлено мѣсто для рисунка, который не сдѣланъ. *Ред.*

яко изсподу храма церковна начало теченія своего иматъ. Словомъ рещи, во всемъ обителъ изрядна, не токмо мѣстомъ, и строеніемъ, и святинею, но и добрими иноки, иже сутъ добродѣтелни, смиренни и страннолюбиви зѣло и благоговѣнни; ихъ чинъ церковній и пѣніе и монастирское обикновеніе изрядна суть; кимваловъ не имутъ, токмо двое била, древяно и желѣзно, ими же оглашаютъ потреби монастиря. Нѣстъ же тамо ни вертограда, ни сада, ниже внутръ, ни внѣ обители, но всюду окресть пустиня и гори високіе, на нихъ же древеса токмо лѣсовна сутъ: певги, кедри, платани, дубіе и прочіе. Вѣстно же буди, яко певгъ Греки именуютъ сосну, яже обрѣтается повсюду, кипарись же, аще не повсюду, но въ многихъ странахъ обрѣтаеться, кедръ же мало гдѣ; елико бо шествіе творяхъ землею, между великими горами, не токмо видѣти, но ни слишати не случися. Въ Кипрьскомъ же островѣ, недалече монастира сего, на единомъ токмо мѣстѣ кедри растуть многи, отъ него же древа много во зданіи монастиря обрѣтаеться, чесо ради искуства ради и видѣнія, ходихъ азъ единаго дне въ пустиню и видѣхъ образъ растенія его. Но о семъ на иномъ мѣстѣ явить слово. Еще же обрѣтаются кедри краснѣйшіе въ горѣ Ливанѣ, въ предѣлѣхъ Галилейскихъ и Іерусалимскихъ, инамо же не слишатся. Прилично убо зде явити повѣсть и о сей иконѣ Апостола Евангелиста Луки, понеже нѣціи глаголютъ, яко нѣстъ его, но инна. Исторіографи Греческіе повѣствуютъ, яко три икони различніе Пресвятія Богородици въ животѣ своемъ написа, отъ нихъ же едина обрѣтается въ Малой Россіи, въ градѣ, именуемомъ Вилно, и тая зовется Елеуса, которая на лѣвой руцѣ держитъ Господа нашего Іисуса Христа; вторая въ Мореи, въ великой пещери, и тая стоитъ на ногахъ, и, простерши руцѣ мало, молится:

о третой-же пишуть, яко нѣсть извѣстно, гдѣ обрѣтается. Въ монастирѣ же ономь Кипрскомъ имуть иноки лѣтописецъ, идѣже извѣстно показуеть, яко есть едина отъ иконъ (Евангелиста Луки и именуется Одигитрія). Бисть убо иногда въ Константинополѣ православній дуксъ христіанскій, именуемій Исакій, его же дщери случися впасти въ недугъ великъ и не можаше отъ него исцѣлити, многу врачемъ имѣнія раздавшу отцу ея. Бисть же въ то время въ Кипрскомъ островѣ нѣкій добродѣтелній и подвижній старець, именемъ Исаія, въ пустини, между горами, въ единой пещери вселся живій, Богу работая (и нинѣ пещера она есть въ горѣ високо, недалече монастира); тому убо явися Пресвятая Дѣва Богородица во снѣ, глаголющи: иди въ Константинополъ и повели именемь моимъ, яко аще хощетъ, да дщерь его цѣлбу получитъ, да пошлетъ икону мою ону, яже Евангелистъ Лука написа, въ Кипръ, да создастъ церковь на мѣстѣ ономь (еже мѣсто показа старцу, идѣже нинѣ есть монастиръ). Пустиножителъ убо абіе немедленно отъиде въ Цариградь, извѣсти дуксу Исаку, иже егда обѣщася сотворити, въ той часъ воста отъ одра болѣзни дщерь его, и отсла съ многимъ провожденіемь и честію икону ту святую отъ Цариграда въ Кипръ на повелѣнное мѣсто, и церковь малу созда, яже послѣди многими ктитори разширися монастирець маль, таже совершенній и первій въ Кипрѣ Киновь, идѣже иноковь обрѣтается вящше ста, аще внутрь по вся дни мало сидять, понеже на послушаніе вь метохи, си есть въ причастія монастирская, разсилаются, отъ коихъ метоховь всякую пищу и питіе приносять и всякіе прибитки оттуду имутъ. И тако и донинѣ икона оня пребиваетъ, прославляема чудеси, и обителъ она прекрасна благодатію ея, невредна процвѣтаетъ и иноци всякое

доволство имуть. Премедливше убо ми (якоже прежде рѣхь) въ оной обители едину седмицу, отъидохомъ къ монастиру святаго Маманта, Іюня 19 числа, иже отстоитъ отъ Кика единаго дне хожденіемъ и вящше. Монастиръ оній стоитъ на полѣ зѣло равномъ и веселомъ, отъ странни восточнія близъ горъ, отъ странни же западнія близъ морскаго брега за едину милю; есть же строеніемъ въ подобіе града, на четири стѣни расположенъ, строеніемъ низкій, въ широту же и долготу доволно пространенъ, двое вратъ великихъ, аки градскихъ, имать, яко найвишая колесница вползти внутръ можетъ; есть же весъ отъ сѣченнаго въ едину мѣру камене великаго, бѣлообразнаго зданъ гладкимъ и лѣпимъ художествомъ, подобнѣ якоже храмъ святія Софіи, иже есть въ градѣ Левкосіи, о немъ же предъ писахъ. Церковь тамо святаго мученика Маманта зѣло изряднаго строенія, яко ни едина церковь, ею же нинѣ христіяне обладають, краснѣйша обрѣтается вь всемь Кипрѣ; есть же висотою и широтою и долготою доволна, внутръ десятію столпами великими поддержима; трое престолная же, якоже и въ предреченномь монастирѣ, но токмо въ среднемь началномь алтарѣ литургисуютъ; низу же на подножіи каменними дсками лѣпо посланна: оконь имать яко двадесять и вящше, дверей седмь, отъ нихь же суть началнѣйшихъ великихъ пять; верху же имать горѣ возвишенну главу едину, съ осмерицею оконъ. Церковь воистинну вь всемь лѣпа, вь ней же одесную стѣни стоитъ икона святаго мученика Маманта и гробъ мраморень, идѣже, нѣціи глаголють, яко суть мощи, друзіи же глаголють, яко нѣ суть, еже есть вѣроятнѣе, понеже въ Турецкой земли цѣліе мощи нинѣшнихь вѣковь мало гдѣ слинатися могутъ. О семъ же вѣстно буди, яко отъ гроба

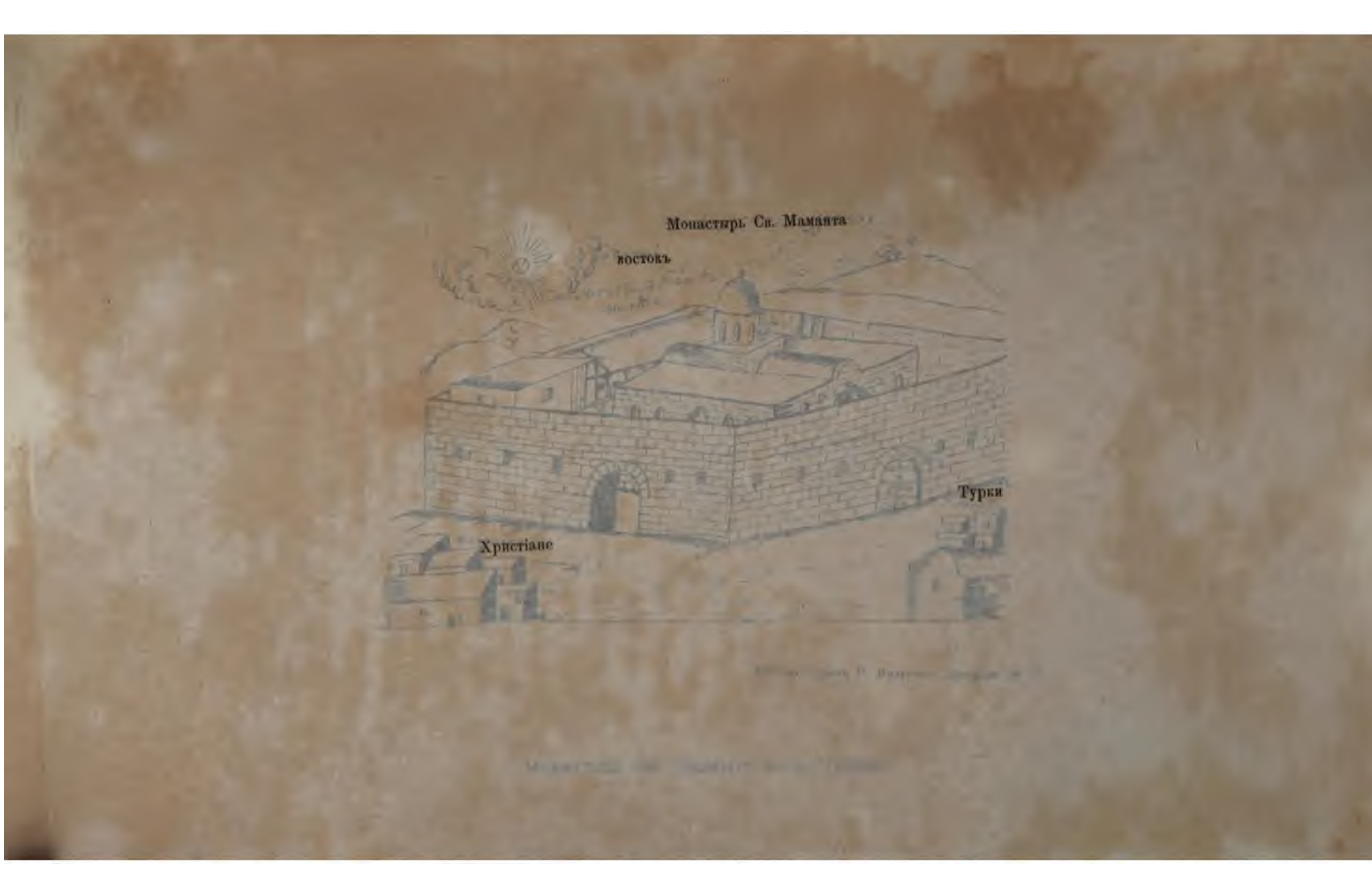

Монастырь Св. Маманта
востокъ
Христiане
Турки

Фото-автографія Н. Индутнаго Каравая. № 16

Монастырь Св. Маманта. на о. Кипрѣ.

его миро является, имъ же мажущеся правовѣрніи, цѣлбу недугомь получають. Стоитъ же церковь посредѣ монастира особно, неприкосновенна къ иннимъ зданіямъ, окресть же суть келіи, едини верху другихь, въ подобіе вѣнца. Обителъ та иногда, вь время христіянства, бяше богата и множество имѣяше иноковь, нинѣ же есть убога и иноковь мало сутъ, понеже стоитъ въ единомь селѣ, между молвою народа, недалече отъ града, идѣже Турки въ полъ съ христіяни обитають и тяжкіе дани налагають, завидяще лѣпотному строенію. Единою бо Агаряне хотяху отъяти отъ иноковь монастиръ оній и превратити церковь въ мечеть къ богомоленію своему, понеже въ то время не живяху Турки въ веси той, но приходяще отъ града или грядуще откуду, потреби ради, препочиваху случаемь или нощеваху тамо, и сего ради, ниже капища своего имѣяху, но хотяху отъяти церковъ въ руцѣ свои, еже аще би Богь хотѣль, удобно би било, и нинѣ есть, обаче Богь, молитвами святаго великомученика Маманта, не попусти сицевому ущербленію бити. Игуменъ бо обители тоя моли Агарянъ, да не отъимуть церкве, и обѣща имъ сотворити иное капище новое, еже и сотвори (Господи его спаси), и тако свободи обителъ отъ рукъ невѣрнихъ. Тамо убо ми, поклоншеся гробу святаго, премедлихомь полдня, препочиванія ради, и угости нась игумень трапезою; и оттуду тогожде дня паки пріидохомь въ предьреченній градъ Левкосію, потреби ради сопутника моего и взятія ради хартіи Турецкой, рекомой мухуртягату, си есть отъиздкаго листа, безъ котораго никто же тако отъ своихъ, яко и отъ чуждихь, не можетъ вонъ изъ Кипра изійти. Пребивши убо ми тамо мало дній, до окончнія мѣсяца Іюня, и взявши отъ паши отпустную хартію, отъидохомъ, Іюлія числа 3.

паки въ Ларнаку и Аликесь къ пристанищу морско-
идѣже недалече отстоитъ, хожденіемъ 4-рехъ час
настирь Святаго Креста, на горѣ високой. Мн
убо потрудитися тамо, поклоненія ради, та
сьпутникь мой. Въ единь же отъ дній с
отъидохъ и сотворихъ должное покл
лихъ три дни: посѣтихъ же и иніе
вкупѣ съ игуменомъ обители тоя. О
сице извѣстно есть: яко въ время оно,
Елена царица обрѣте Животворящій Крест
денъ въ Іерусалимѣ и возвращашеся въ Констан
полъ, когда приста въ Кипръ, и видящи ону гору в
соку еще издалече на морѣ, и взійде на ню, посѣщенія ради, и угодно ей бистъ мѣсто, и созда храмъ Воздвиженія Честнаго Креста и монастирецъ малъ, понеже мѣсто узко верху, и содѣлавши крестъ отъ древа великъ, яко саженъ въ висоту, вложи частъ Христова Креста не малу и остави на благословеніе обители, яже и донинѣ силою Всечестнаго и Животворящаго Креста и молитвами ея соблюдается. Монастирь оній зданій много не иматъ, понеже токмо церковь пространна въ широту же и долготу, низка же строеніемъ, но изрядна; двѣ маліе иматъ сверху глави, внутръ же шестію столпами есть поддержима; трипостасна иногда бяше, нинѣ же токмо на среднемъ престолѣ литургисуютъ; келій въ монастирѣ мало сутъ, токмо четири или пятъ, и тіи тѣсно къ церкви призданни сутъ. Обаче зѣло мѣсто лѣпое и веселое, безмолвное же и уединенное и прохладное, понеже тамо, висоти ради, всегда вѣтръ обрѣтается, аще низу и нѣстъ. Иноци токмо два тамо неисходно сидятъ, церковнаго ради пѣнія, прочіи же по метохахъ монастирскихъ, низу гори, понеже горѣ ничто же нѣстъ, токмо каменъ сухъ и земля неудобна къ всѣя-

Монастырь Честнаго Креста на о. Кипрѣ.

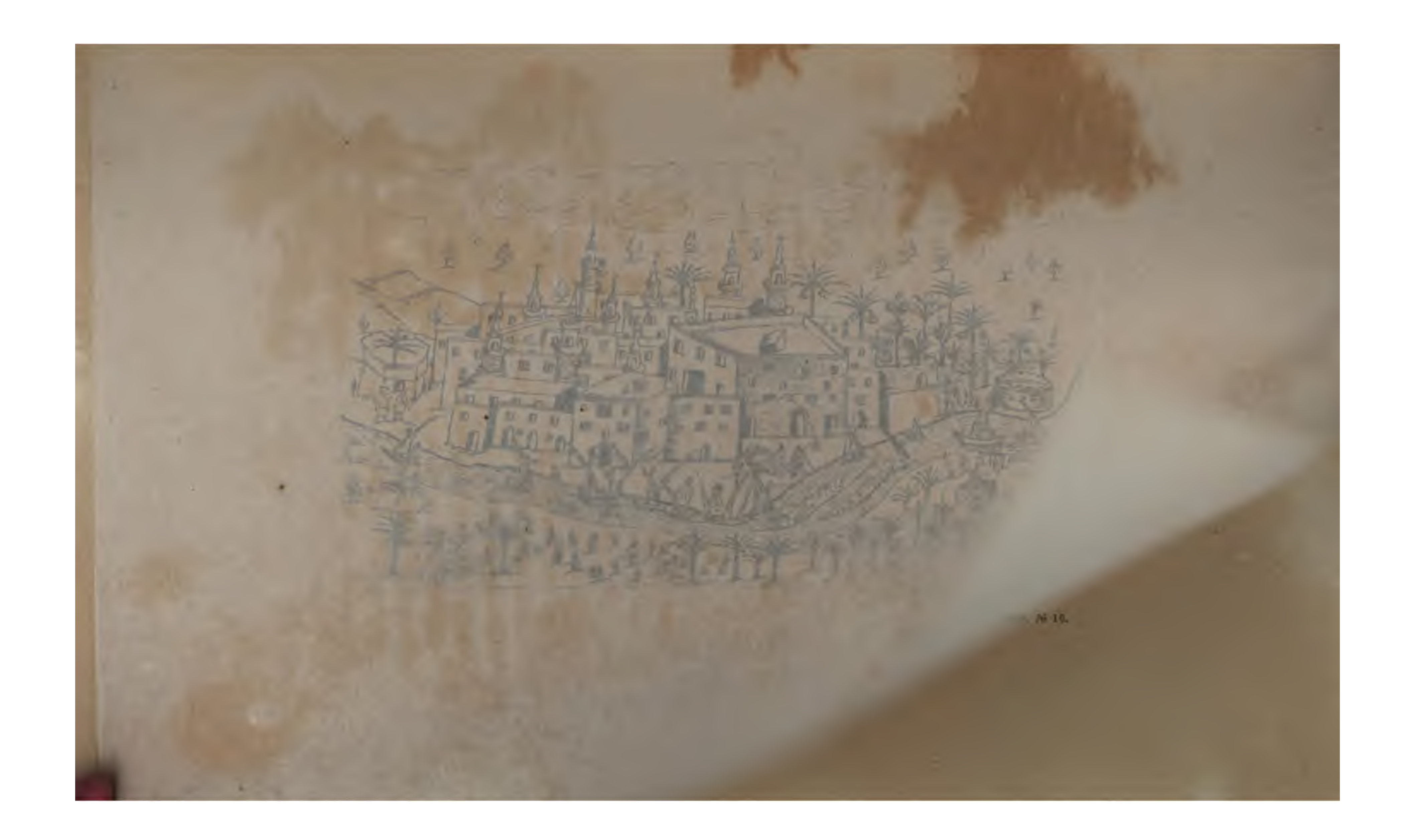
Монастырь Честнаго Креста на о. Кипрѣ,
Юго--Западная сторона.

Востокъ
Подворье
креста
Св. Варвара

Монастырь Честнаго Креста на о. Кипрѣ, Сѣверо-Западная сторона.

нію, найпаче же, яко нѣстъ води, но отъ дожда собираемую піютъ. Естъ же внизу гори, яко поприще едино, далече источникь текущъ, Агіазма с. Креста, но неудобенъ путъ къ ношенію горѣ, яже вода естъ зѣло здрава, найпаче же недужнимь. Въ низу гори, отъ странни западнія, есть метохь первій монастиря того, рекомій Святая Варваря, понеже храмь иматъ святія великомученици Варвари; естъ же зданіемь, якоже и монастиръ, великъ. Тамо живутъ нѣколико иноковь и тамо вся пища и питіе монастира хранится, и аще что требѣ, горѣ въ монастиръ оттуду приносится. Поклонишися убо азъ въ оной обители честному и животворящему древу и замедливши тамо и на инних мѣстѣхь монастира 3 дни, возвратихся кь своему паки сопутнику, и абіе отъидохомь кь первому нашему пристаницу Лемесу, идѣже три дни замедлихомь, готовящеся въ предъумишленній путь, и обрѣтше корабль Французскій, хотящій плисти въ Александрію, наяхомъ и вкорабливщеся отплихомъ отъ славнаго острова морскаго Кипра, Іюлія 18 числа, хотяще дойти въ Александрію, яже 500 милъ отстоитъ. Не сущу же времени благополучну, пловохомъ по мору шестъ дній и уже близь сущимъ Александріи намъ явися буря велія и противная путшествію нашему, яко отнюдъ не можахомь плисти. Сего ради господинъ корабля приста кь единому пристаницу, нижей Александріи сущему, именуемому Апокерія, иже естъ мѣсто убого и оскудно въ вся, понеже на пѣску стоитъ идѣже ничтоже не раждается, токмо финиковь многое множество, отъ нихь же Арави кошници плетутъ зѣло лѣпотнимъ художествомъ и продаютъ вь вселенную. Тамо христіяне не обитаютъ, токмо саміе Агаряне. Увѣдавше же отъ пришелецъ, яко въ Александріи патріарха нѣстъ, но въ Египтѣ, понеже патріарха ради тамо хо-

тѣхомъ дойти, а не инной вини, сего ради пренесше своя вещи въ инъ маль кораблъ Еѳіопскій и замедливше тамо два дни, третіяго дне отплихомъ къ граду, рекомому Рахить, идѣже первѣе плихомъ моремъ, таже дванадесятъ милъ рѣкою Ниломъ. Рахить нѣстъ градъ стѣною оточенъ, но касапасъ, си естъ множество народа и зданій, якоже градь, имущъ. Стоитъ же при Нилѣ рѣцѣ, за дванадесятъ милъ отъ брега морскаго, на равномь и прекрасномъ зѣло мѣстѣ; много имать древа садовнаго отъ смоковъ, бросквинъ и лимоній, наипаче же финиковь безчисленное множество, иже, аки лѣси, лѣто и зиму зеленѣютъ, понеже отъ онихь древесь никогда же листвіе отпадаетъ, отъ нихъ же дѣлають Еѳиопи кошници, верви, клѣти и прочая, на потребу купеческихъ товаровъ; 12 бо милъ отъ мора, даже до Рахита, вси бреги и острови Нила полни сутъ древесъ финиковихь; сице же лѣпоту являютъ человѣку, яко не могутъ насладитися очеса его. Естъ же пристанище великое и богатое, понеже отъ Египта Ниломъ рѣкою тамо вси товари купеческіе приходятъ и оттуду въ иніе странни разносятся. Приходятъ же тамо по суху и по водамъ торговци великіе отъ всея вселеннія: отъ всея Анатоліи, Чермнаго же и Бѣлаго моря, отъ Венеціи и всей Италіи, и взимаютъ оттуду кафе, рижъ, ленъ, плоди финикови, тканія различна и инніе вещи драгіе, отъ Индіи приходящіе. Не приходятъ же тамо кораблѣ великіе, но маліе все, понеже рѣка мѣлка есть: сего ради оттуду товари купеческіе преносятся малими кораблецами въ Александрію, яже стоитъ на пристанищи морском, и оттуду развозятся кораблями великими въ инніе странни. Въ Рахитѣ строеніе домовъ високое и зѣло лѣпотное, понеже оконъ множество малихъ же и великихъ имутъ, яко полати, аки сѣть сквозѣ зрятся



№ 16.

Фото-литогр Н. Индутнаго, Караван. № 16.

Рахитъ.

и вѣтръ дихаетъ внутръ отъ всѣхъ странъ; вся же зданія суть отъ плинѳъ дробнихь, печеннихъ, а не отъ камене, понеже тамо каменя трудно есть обрѣсти, ибо нѣстъ нигдѣ же горъ, но всюду равное поле и земля мягка, якоже въ Російскихь странахъ. Тамо различнаго язика и вѣри людіе обрѣтаются: Греки, Римляне, Армени, Копти, Жидове, Турки же и Арави. Христіянскихъ церковъ двѣ токмо: греческая, ею же обладаетъ патріярхъ Александрійскій, и Римляновь монастиръ съ церковію, прочее же Турецкихь мечетовь полно. Тамо брашно и всяко яденіе нѣстъ скупо, токмо вино, понеже тамо не раждается, но привозится отъ иннхь странъ, христіянъ ради и Жидовь; Турки и Еѳіопи, по правилѣ вѣри своея, не піютъ вина, развѣ нѣкій тайно, не храняй твердо вѣрп своея. Тамо кладязовь и источниковь кь питію нѣстъ, но весъ народь отъ рѣки Нила почерпаютъ и піютъ; аще и ископоваютъ студенци, то слану воду обрѣтаютъ, яже точію къ помиванію сосудовь угодна естъ. Тамо азъ разлучися сь вишеписаннимъ сьпутникомь, іеромонахомь отъ гори Аѳона, и замедлившп 3 дни, отплихь рѣкою Ниломь въ великій градъ Египетъ, Іюлія послѣднего дня, п приспѣхь тамо четвертаго дня.

О пришествіи моемъ къ великому и вездѣ преслутому граду Египту.

Пришедши азъ въ великій градъ Египетъ и не вѣдущи (яко страненъ и нищъ), гдѣ главу поклонити и обителъ обрѣсти на нѣкое время, моляхь всещедраго Бога, да попечется о мнѣ грѣшномъ. Идохь же въ метохъ кь инокомъ горы Синайскія, си есть въ дворъ ихъ, въ немъ изшедши отъ монастиря иноци потребы

ради въ Египетъ или въ ину странну градуще чрезъ Египетъ, тамо препочиваютъ нѣколики дни, иніе же всегда сѣдятъ, ради послушанія монастирскаго, яко то пшеницы ради, елея, сира и прочіихь вещей, яко вся на пищу, на потреби монастирскіе отъ Египта купующе, посилаютъ тамо. Пришедшу же ми въ метохь и сущу тамо на то время архіепископу горы Синайскія, именемъ Іоаникію, абіе идохь къ нему и привѣствовавши его по достоянію, сказахъ ему намѣреніе и вину, коея рады прійдохъ въ Египетъ. Отвѣща ми, яко аще би кто тисящи истощалъ, не можетъ нинѣ пойти въ гору Синайскую: не токмо бо странніи, но ниже ми своихь иноковь прекормити, ниже отсюду послати тамо, се же того ради, яко ми не могуще прекормити Ѳѳіоповь, избѣгохомъ вси иноци нинѣ въ Египетъ, токмо оставихомь малихь числомь, ради церковнаго правила, да обителъ святая не опустѣетъ. Еже бистъ истинно, въ то бо время слишашеся отъ всего народа, яко Арави путъ заключиша къ монастиру и невозможно естъ никому пойти. По изволенію убо архіепископа, дадоша мнѣ едину келію къ обитанію на время внѣ метоха, съ купцами Греческими, идѣже замедлѣвши дный нѣколико, ходихь всякаго дне къ инокомъ на трапезу и питахься отъ нихь. Вопрошахь же послѣди вторицею и третицею архіепископа аще мощно есть мнѣ не лишитися онаго святаго поклоненія, отвѣща ми паки, яко невозможно естъ отнюдъ нинѣ, донелѣже не примиримся паки съ Ѳѳіопи и отверзется монастиръ, а еже когда то будетъ, ми не можемъ вѣдати, или по нѣколицехь мѣсяцехь, или по нѣколицехь лѣтехь: тожде рѣша и прочіи иноцы. Тогда азъ прискорбенъ бихь зѣло, недоумѣя, что творити, понеже возвращатися въ отчество кромѣ сего поклоненія, толъ многіе благодатію Божіею посѣтивши святіе мѣста, зѣло

печално ми бистъ, ожидати же паки, не вѣдущи конца времени и како и откуду би питатися, и истощаніе на путъ имѣти, зѣло неудобно мняшеся бити. Прочее возвергохъ на Господа печалъ мою, да Той мя, якоже Самъ вѣстъ, препитаетъ, положивши въ умѣ своемъ, яко аще естъ воля Божія желаніе мое исполнити, Онъ вся добрѣ промислитъ о мнѣ. Случившужеся тогда бити въ Египтѣ святѣйшему патріарсѣ Александрійскому Козмѣ, и хотящу оттуду изійти въ Рахитъ, желахъ пріяти отъ него благословеніе. Въ единъ убо отъ дній идохь въ дворъ патріяршій и, угоденъ часъ получивши, удостоихься его святую лобизати десницу и пріяти благословеніе, купно же и сьбесѣдовати, иже мя вопроси: кто есмь и откуду, и чесо ради прійдохь вь Египетъ, яже вся азъ въкратцѣ извѣстихь. Съжалижеся о мнѣ, яко въ толъ далечайшій странны прійдохь, найпаче же въ нищетѣ сій и не мый, гдѣ глави приклонити, совѣтова мнѣ, да сотворюся отъ него инокъ и пребуду съ нимъ вкупѣ, мнѣ же на то не преклоншуся, остави мя и рече, яко въ гору Синайскую неудобенъ естъ проходъ, но аще имаши намѣреніе премедлити нѣкое время въ Египтѣ, ожидая угоднаго времене поклоненія твоего, сѣди зде въ дворѣ моемъ и кормися вкупѣ отъ трапези инокь моихь, донелѣже ти естъ угодно; даде же ми и писаніе общее къ всѣмъ христіяномъ, еже мя миловати, и самь отъ своея десници даде ми милостини. Азь же сподобивійся таковую воспріяти отъ него благодатъ, припадъ къ ногамъ его и святѣйшую его облобизавши десницу, благодарствовахъ до зѣла. Препоручи же мя своими усти инокомь, ихь же остави малихь числомь въ дворѣ своемь, ради управленія церкви и христіанъ. Сказа же въ денъ неделній поученіе къ народу Греческимъ діялектомь, ради Грековь, иже тамо обрѣтаются много; купно

же при боку его стояше и толмачь, и
отъ усть святѣйшаго патріархи глаголе
таяжде къ Арапомъ христіяномъ Арапск
коваше. По поученіи же всѣмъ людем
щимъ, общее разрѣшеніе прочте. Таже
отъ Египта, съ многою честію провож
ному собору и всему клиру церковному
копь Синайскія горы примирися съ св
архомъ, понеже прежде между собою
имѣяху. По отшествіи убо святѣйшего
ся азъ въ Египтѣ, въ дворѣ его, съ
пищею и питіемъ питаемь доволно,
родившаго мя отца, и обитахъ тамо,
отъ дне угоднаго времени путшествію
скомь поучаяся язику, славяхъ же и б
и великаго благодѣтеля моего, святѣ
Александрійскаго Козму; труда же и
каковаго же не имѣхъ, развѣ токмо
токмо иноки сотвориша мя на вр
имь постилахъ и измѣтахъ трапезу
ними ядяхъ, яковаго послушанія азъ
нежели они. Любяху же мя иноци вси
понеже мя онимь любезно вручи, и п
благополучно и сотворихъ многихъ себ
говъ, съ ними же, аможе хотѣхъ, сво
Египтѣ и расмотрѣхъ всю красоту, ве
ніе града, еще же вся чини и обичая
ска, еже послѣдуеть въ описаніи Еги

О великомъ и преславутомъ гр

Египетъ есть градъ зѣло ветхій, н
ти, еще бо прежде Рождества Христо
хаго закона, Моисеомъ даннаго, бис

ypsto (Coprienska, 18)

изведе пророкъ Божій Моисей людъ Израильскій, си естъ Жидовскій, свобождши отъ работи Фараонови и преведе ихъ чрезъ Чермное море, о чесомь ясно и пространно пишется въ старой Библіи, въ книгахъ Исхода; самое же видѣніе паче слуха увѣряетъ: внѣ бо града сутъ многіе гори, яже не сутъ естественни, но чрезъ толъ многіе времена народъ, вь Египтѣ обрѣтающійся, змѣтающе своя доми и стогни и вергающе внѣ града, сотвориша гори отъ смѣтія. Вѣдати же подобаетъ, яко Египеть раздѣляеться на два именованія: Египетъ именуеться вся страна Египетская и Египетъ именуеться градъ; градъ паки Египетъ именуется двогубо: Египетъ ветхій и Египетъ новій, еже естъ градь ветхій и новій градь, убо ветхій, иже прежде бяше, въ время жидовское, нинѣ зѣло обѣтша, стѣни же и доми падоша многи, обаче нѣстъ въвся разоренъ и пустъ, но и нинѣ народъ обитаетъ, наипаче же отъ христіянъ много; новій же градъ мало отъ ветхаго естъ отдаленъ, въ немь же князи и велможи великіе и богатіе купци и многъразличенъ народь обрѣтается, и о семь Египтѣ слово мое предлежитъ. Египетъ есть слово Еллинско, еже происходитъ въ Славенскомъ и Латинскомъ язицѣ, простимь же язикомь Римскимъ именуется Gran Cairo, Турецкимъ—Мисиръ и Арапьскимь—Мауаръ. Египетъ стоитъ на равномъ, веселомъ и добромъ мѣстѣ, надъ рѣкою славною Ниломъ, яже великіе користи творитъ въ странѣ той, токмо крѣпостъ, то естъ замокъ, на височайшемъ отъ града мѣстѣ, при горѣ рекомой, яже прежде не бистъ тамо, но въ время святѣйшаго патріархи Александрійскаго Герасима бившу нѣкоему уничиженію на вѣру христіянскую, молбами его и всѣхъ христіанъ, наипаче же за моленіемь единаго богоугоднаго и добродѣтелнаго мужа, сапожника суща отъ Але-

ксандріи, повелѣніемъ божественнымь подвижеся отъ мѣста своего издалече и прійде тамо, о чесомъ несумѣнно и достовѣрно въ исторіахъ пишетъ и нинѣ неотмѣнно въ Египтѣ народъ повѣствуетъ, и отъ каменія гори оной храми, полати и вся зданія строятся. Тамо доми иніе отъ родимаго камене, иніе же отъ плинѳъ суть зданніе строеніемъ високимъ и лѣпотнимъ, много чардаковь и оконъ имущіе, ради прохлажденія, понеже зѣло тепелъ и неудобъ стерпимь край естъ. Найпаче же капища Турецкая и полати благороднихъ мужей и отъвнѣ доволно лѣпотни, найпаче же внутръ зѣло красни, верху позлащенны или цвѣтами исписанни, низу же искуснимь художествомь различними мрамори упещренны и драгими одеждами посланни, яко мѣста плюновенію нѣстъ. Тамо обичай естъ ходити босима ногама внутръ домовъ, понеже чисто восходи и нисходи измовенни суть. Улици тамо мало обрѣтаются широки, но все узкіе, и домовь строеніе тѣсное зѣло, яко кь многимъ домомъ входъ точію единъ, идѣже обитаютъ пятъ или шестъ господаровь вкупѣ, съ женами и дѣтми, едпни низу, а другіе горѣ; се же множества ради народа, населшагося тамо, таковая естъ тѣснота. Обрѣтаются бо самихъ токмо капищъ Турецкихъ, якоже повѣствуетъ народъ, до шести сотъ, домовь же числа никто же вѣсть; народа же толь много, яко на всякь денъ не токмо на базарѣ, но але въ велѣхъ и малихъ стогнахъ градскихъ разминутися нуждное естъ: не токмо же вь дни, но и въ нощи много людій обрѣтается, понеже тамо вси въ единъ часъ никогда же не успаютъ, но иніи въ дни труждаются, инніи въ нощи, найпаче вещи кь ядѣнію и питію въ нощи дѣлаютъ. По стогнахъ же кандилы зажженни чрезъ всю нощъ горятъ, да не преткновенну имутъ стезю, ходящіи въ нощи: тому же и злый человѣкъ абіе

познанъ и уловленъ биваетъ. Обичай бо есть тамо нощію проходити дозорцемъ стогни градскіи, злочинцовъ ради, иже егда нѣкоего уловитъ, аще и малѣйшое знаменіе имущаго къ злу, абіе на стогнѣ, кромѣ всякаго суда, вь главу усѣкается; сего ради тамо весъ народъ съ великимъ страхомъ и опаствомъ нощію ходять. Обрѣтаютъжеся въ Египтѣ многая капища Турецкая, пространна и велика и лѣпо зданна, имущая внѣ, на версѣ глави возвишенніе, имь же би зѣло прилично бити церквами христіянскими, аще би токмо било изволеніе Божіе. Улици градскіе нѣ суть посланни каменми, якоже вь инних странахь, но имутъ землю естественную, и началнѣйшіи суть чисти и помѣтаеми на всякъ денъ, нѣціи же обрѣтаются полни смѣтія и нечистотъ. Се же отчасти, яко народь Еѳіопскій варварскь и небрегливъ, отчасти же, яко тѣсно людіе обитаютъ, нѣстъ бо града болшаго вь всей Турецкой земли, паче Египта, чесо ради Италѣяне, искусивши и разсмотрѣвши многіе гради и странни, повѣствуютъ общее слово сице: tre paeze bono tropo grande gran Cairo di Siria, Milano di Lombardia e Parizo di Franza, то есть: три на всей вселенной градове болшіи народомъ и протяженіемъ сутъ: Египетъ въ Сиріи, Медіоланъ въ Ломбардіи, въ Италіянской земли, и Парижъ въ Французкой. Въ Египтѣ обрѣтаются людіе различнаго рода, различной вѣри и различнаго языка, яко то: Турки и Арави, аще и единоя вѣри сутъ, такожде Греки и Арави православніи христіяне, иже имутъ церквій 3: первая Святителя Христова Николая и сія есть въ новомъ градѣ и есть двопрестолная, вторая святаго велико мученника Георгія въ Египтѣ ветхомъ, и сія есть въ монастири, въ немъ же убогіе инокины, немощніе старицы и бѣдніи сироти обитаютъ и пищу имутъ отъ милостини христіянъ. Тамо обрѣ-

тается икона Пресвятія Дѣви Богородици, яже пренесенна естъ отъ Венеціи единимъ купцемъ, повеленіемъ и откровеніемъ ему бившимъ въ снѣ, 1727 году. Третая церковь естъ Пресвятія Богородицы, и та естъ весма пуста, ниже вратъ, ни затвора, ниже каковаго либо внутрь украшенія имущая, обаче и тамо на всяку суботу литургія биваетъ ради усопшихъ, понеже тамо тѣлеса ихъ погрѣбаема биваютъ. Храмъ убо той доволно естъ пространенъ въ високу, въ долготу же и широту, и познаваетъся, яко иногда зѣло лѣпотенъ бяше, и зѣло же ветхъ естъ, обаче число лѣтъ уразумѣти нуждно естъ, понеже писмена и подписанія вся отрошася, точію имя святѣйшего патріархи Александрійскаго Григорія, о чесомъ нѣстъ извѣстно, аще ли въ время его созданна, или обновленна бистъ. Обрѣтаетъжеся въ церквѣ той образъ Пресвятія Дѣви, отъ глави до ногу на древѣ списанъ, держащъ на руку Христа Господа, зѣло обетшалій, о немъ же повѣствуютъ, яко въ время гоненія на христіани закопаша въ землю въ церквѣ, купно съ кандиломъ запаленнимъ: послѣди же, опустѣвшей церкви и многимъ лѣтомъ прешедшимъ, впаде въ недугъ великъ властелинъ Египетскій, иновѣренъ сій, и егда не можаше отъ врачевъ исцѣлитися, бистъ ему явленіе въ снѣ, да повелитъ откопати образъ онъ и отъ кандила да помажется и здравъ будетъ. Еже сотвори безъ закоснѣнія, и обрѣтоша икону съ кандиломъ незгаснимъ, и помазавея болній, и абіе (о, великія благодати Твоея, Мати Божія!) изцѣлѣ и здравъ бистъ, и отъ того часа даде паки въ областъ христіяномъ церковъ оную. Обрѣтаются еще въ Египтѣ Римляне, иноци же и мирстіи, и церковь имутъ двѣ: едину въ новомъ, а другую въ ветхомъ Египтѣ. Литургисаютъ же и въ предреченной опустѣлой церкви, таможде и погрѣбаются не токмо

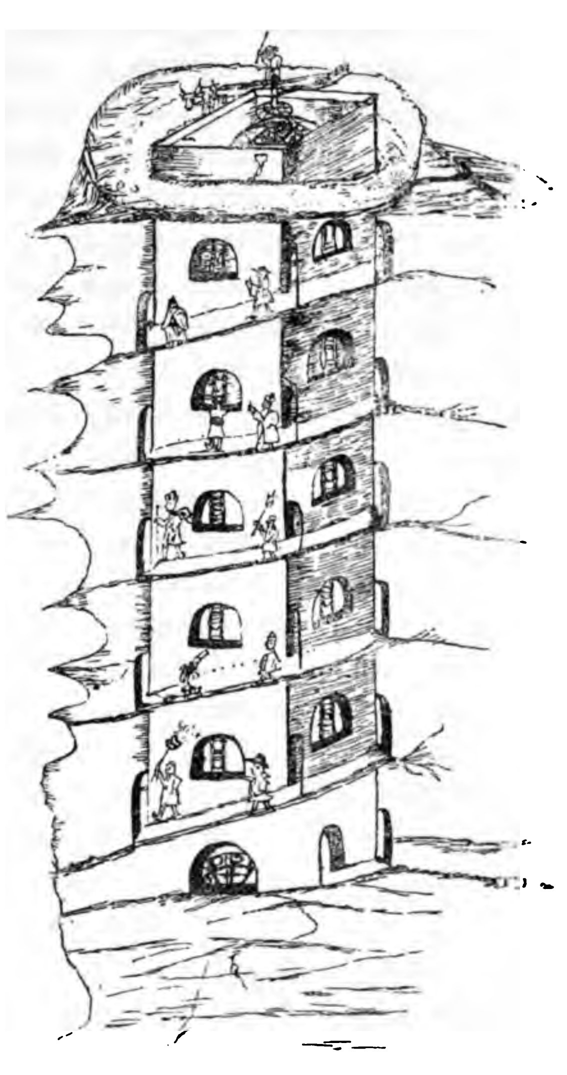
Французи, Венеціани и Гишпани, и консулъ Французкій, иже обладаетъ ими. Обрѣтаютъжеся въ Египтѣ Енглези и консулъ ихъ. Сутъ паки Арменъ множество, и церковь свою имутъ и патріарху. Обрѣтаются еще нѣкіи христіяне еретики, именуеми Копти, си естъ обрѣзанци, иже и крестятся, и обрѣзуются, и многихъ прочіихъ ересей держатся, и тихь сутъ множество вь Египтѣ и церковь ихь обрѣтается число не мало; имутъ же своего особнаго патріарха и себе съ нимъ за православнихь быти и патріарху своего достойно Александрійскій престоль держати мнятъ и проповѣдуютъ. Греческаго же патріарху и всѣхь купно съ нимь за неправославнихь быти почитають. Обрѣтаютъжеся тамо и Жидовь много и свою также синагогу и жилище особно имутъ. Многое же множество Турковь странниxъ отъ Константинополя, Анатоліи и отъ инних великихъ градовь и острововь морскихь обрѣтаются тамо; но Аравовь безъ числа сутъ, тамо бо ихъ родъ и отчество естъ. Египтяне не имутъ инной воды къ питію, токмо вси піютъ отъ рѣки Нила. Египетъ естъ славенъ множествомъ купцевь, различними и драгими товары, понеже естъ пристанищемь торговцевъ, отъ Индіи возвращающихся. Египетъ великіе користи иматъ отъ Нила рѣки и отъ Чермнаго моря, начало убо его совокупляется съ океяномь, конецъ же отстоитъ отъ Египта три дни хожденія землею, идѣже естъ пристанище, рекомое Сувезъ. Възращающеся убо купцы кораблями отъ Индіи чрезъ океянъ, проходятъ чрезъ Чермное море и приносятъ въ Сувезъ ливанъ, смирну, перецъ, кинамонь и прочая аромата и кореніи благоуханная, такожде сосуди драгіи фарфорніи и инніи многоцѣнніи вещи; приносятъ же кафе, иже раждается въ Емени, надъ Чермнимъ моремъ, яже страна не въ власти Турецкой естъ, но особно. Та убо вся вещи

приносятся чрезъ море Чермное, даже въ Сувезъ, а оттуду по земли вь Египетъ; отъ Египта же на Чермное море посилается рижъ, пшеница, фава, сочиво и вся ядоміе вещи, яже тамо оскудни суть. Се Чермное море колъ велію користъ приноситъ Египту. Не малое добро и Нилъ рѣка творитъ, яже разливается на всякь годъ и наполняетъ, и тогда копаютъ людіе рови и напаяютъ вся поля Египетскіе отъ сладости рѣки, толъ бо сладку и здраву воду иматъ, яко на островахь рѣки тростіе раждается, сокь сладокъ имущое, отъ него же дѣлаютъ цукоръ. Егда же напаятся поля и рѣка испадеть, тогда сѣютъ пшеницу, рижъ, бобъ, сочиво и прочая, яже вся благословеніемь Божіимъ толъ угобзаются, яко всей Аравіи отъ Египта изобиловати, тако-бо много раждается рижа, яко въ нашихъ странахъ жита или пшеницы. Товари же вишереченніи идутъ отъ Египта Ниломъ рѣкою въ Бѣлое море, а оттуду въ всю Турецкую странну и прочіе. Кораблецовь и ладій, яже на рѣцѣ Нилѣ путшествують, сутъ многое множество, непрестанно бо иніе отъ Александріи, инніи отъ Рахита, инни отъ Дамяти приходятъ въ Египетъ, иніе же отъ Египта возвращаются тамо. Египетъ, аще и подъ державою естъ султана Турецкого, обаче не весма ему покаряется, токмо данъ даетъ ему, и паша, иже обладаетъ Египтомъ, наставляется отъ Царяграда. Обаче паша тамо не долго господствуетъ, единь бо другаго низлагаетъ; той лучшій, иже крѣпчайшій, единъ бо другому отъ господій не покаряется и единъ съ другимъ домъ на домъ бранъ творитъ. Въ Египтѣ пляцъ, или пазаръ, или торжище великое зѣло естъ, на немь же безчисленное множество народа на всякъ день обрѣтается, и комори купеческіи зѣло тѣсно устроенни суть. Истиннѣ же рекше, весь градъ торжищъ исполненъ, идѣже въ всѣхъ стогнахъ

низу комори, верху едини на другихъ полати високо строенніе суть, въ них же оконъ и чардаковь множество, ради прохлажденія, суть. Верху же всѣхъ домовъ Египетскихъ, аки комини или столпи устроенніе, въ ня же дишеть вѣтръ и проходитъ въ вся келіи зданій, даже до низу, и прохлаждаеть обитающихъ, и се естъ зѣло нуждно и потребно тамо, понеже, ради тѣсних улицъ и високихъ зданій, не можетъ вѣтрь дихати внутръ домовь, инако же би не мопцно било жити народу, ради горячести солнечной. Въ Египтѣ вода продается, аще и рѣка при боцѣ естъ, понеже отъ домовь, воскрай рѣки стоящихъ, сами людіе почерпают воду, а иже внутръ града далече обитают, не могутъ на всякъ денъ ходити къ рѣцѣ, но сутъ на то особніе человѣцы—водопродавницы, иже почерпаютъ мѣхами кожанними отъ рѣки воду и, возлагающе на верблюди, приносятъ въ градь и продаютъ; инной же води къ питію нѣстъ, понеже страна та естъ слана, и аще обрѣтаются тамо клядязи въ всякомъ дворѣ, но въ всѣхъ слана вода обрѣтаеться, ею же токмо сосуди омиваютъ. Имуть же въ Египтѣ ископань ровь, имъ же рѣка, въ время умноженія води, входитъ внутръ града, и тогда на малой цѣнѣ воду продаютъ. Сутъ же въ многихъ дворяхъ господскихъ стерни, то-естъ ями, въ подобіе кладязомъ созданны, яже тогда купующе наполняютъ и піютъ до года. Въ Нилѣ рѣцѣ рибы доволно различной. Начало же ея естъ отъ единаго езера, или ями рекомой Заира, яже обрѣтается въ Хабесіи, и егда убо яма та воскипитъ и умножаетъ воду, тогда и Нилъ много разливается въ широту и многи користи творитъ обытающимь людемь при немъ. Проходитъ же чрезъ всю Ефіопію, и нижае Египта раздѣляется на три части: частъ течетъ во Александрію, частъ въ Рахитъ, частъ въ Тамять, нако-

нецъ впадаетъ въ Бѣлое море. Въ Египтѣ обрѣтается древесъ садовнихъ много: помаранчовь, лимоній, родій, найпаче же отъ финиковь; оградниxь плодовь тамо веліе изобиліе въ зимѣ и лѣтѣ. Хлѣбъ, елей, сиръ, масло, кафе и вся вещи, яже къ пищѣ, на малой цѣнѣ продаются, вино же и горѣлка скупо, понеже отъ Бѣлаго моря приходитъ, а не тамо дѣлается. Сребра тамо изобилно обрѣтается, и удобно тамо можетъ человѣкь обогатѣти, найпаче же умѣющъ художество, на всякаго бо художника зѣло тамо добрѣ естъ. Египетъ на четири имени раздѣляется: первое именуется Египетъ, идѣже обще весъ народъ обитаетъ и торжища началнѣйшая сутъ. Тамо убо и церковъ Греческая, и Синайскій метохь, и дворъ святѣйшаго патріархи Александрійскаго обрѣтается, въ немь же намѣсникъ его съ иноки, иногдаже и самь купно обитаетъ; тамо и азъ пребихъ вся дни замедленія моего въ Египтѣ. 2) Крѣпостъ, или замокь, и стоитъ особно на мѣстѣ високомь и именуетъся Кале, идѣже азъ множицею ходихъ; тамо имутъ армати и прахи. Тамо обитаетъ паша и прочіи начальници; тамо суди дѣйствуются и глави осужденнихь посѣцаются; тамо монета, или пѣнязи, мѣдніе, сребряніе и златіе дѣлаются, еже самъ своима очима видѣхь. Обрѣтаютъжеся тамо и донинѣ еще полати Фараона и Іосифа Прекраснаго, иже сутъ нинѣ пусти и раззоренни. Фараоновихъ убо полатъ зѣло гордое и високое строеніе, отъ великихъ каменей, и внутрь познаваеться, яко позлащенни бяху. Тамо же недалече обрѣтаются останки единаго зданія великаго, идѣже нинѣ торжище естъ; тамо сутъ столповь много единокаменнихъ, толъ великихъ, яко чудитися всякому зрящему на ня, како и каковою силою толь велія тягота камене подвизашеся и здашеся, толстота бо ихь, яко тріемъ человѣкомь обяти, въ висоту

же шестъ или седмъ сажній сутъ, еже не вѣстъ никто же, что бяше, но мнитъмися, яко домъ судилища бысть иногда, въ немъ же дѣйствовахуся суди въ время царствованія Фараонова. Обрѣтаютъсяжетамо вънутръ крѣпости и полати Прекраснаго Іосифа, иже иногда царствоваше въ Египтѣ и въ нихъ обиташе, иже такожде пусти сутъ и падоша, токмо двѣ стѣнѣ стоятъ, на нихъ же смотрѣти зѣло лѣпо и удивително естъ, понеженасажденни сутъ позлащенною и различно - цвѣтною мусеею и маргаритнимъ чрепіемъ, то естъ перловою матицею; не простимъ же художествомъ, но сице хитримъ и искуснимъ, яко землю, цвѣти разніе, древеса, плоди, птици и прочіе вещи изображенни сутъ.



Таможде внутрь Кале есть кладязь Іосифовъ, егоже азъ посѣщахъ и соглядахъ; изобразити же или описати совершенно, якоже естъ въ себѣ, веліе мнѣ естъ не удобство, понеже

вещи нигдѣ индѣ не случашеся ми видѣти. Кла-
й разсуднимъ умомъ и мудримъ совѣтомъ есть со-
; обаче хитростъ копанія его нуждно есть из-
ионеже вся въ земли есть и ничтоже отъ внѣ
Обаче азъ разсудному уму описую и начертаваю
адязъ оній не имать никаковаго притворнаго
данія или стѣнъ, но въ самой естественной земли,
омъ камени есть ископанъ на четири углы, равно
четири сажни и вящше,
глу ь убо того кладязя есть
путъ копа или пещера, иже иногда бяше
даже до к нинѣ же точію до половини,
идѣже въ стѣн дязя окна суть просѣченни, ради
просвѣщенія, мало подаютъ свѣта, во глубинѣ
суще, но нуж ес сходити съ огнемъ, якоже и азъ снійдохъ. Тамо работници приставленніи низводятъ внизъ воли, запрѣгаютъ ихъ въ колесо, хитростнѣ учиненное, имъ же горѣ воду тягнетъ отъ дна кладязя даже до половини, и сливается въ едину яму, а оттуду верху кладязя иними волами, подобнѣ запряженними, втягается вонъ сосудами, на вервахъ повѣшенними, инако бо сверху даже до низу единимъ влеченіемъ вервъ неудобно досягнути води, ради великой глубини. Отъ верхнихъ убо воловъ даже до вторихъ, сутъ нисхожденія степеней 200, якоже азъ самъ измѣрихъ, а оттуду ниже мало вода зрится. Повѣствуютъ же тамо труждающіися работницы, яко еще вящшая половина есть внизъ, нежели оттуду горѣ. Вода же нѣсть сладка, но мала слана, обаче въ нужду безъбѣдно питися можетъ. И се о двохъ частехъ. 3) именуеться ветхій Египетъ, о немъ же предъ рекохъ, яко тамо обрѣтается монастирь Греческій святаго великомученика Георгія и церковь Пресвятія Богородици. такожде монастирецъ законниковъ

Римскихъ и три церкви Коптскихъ, отъ нихъ же въ единой обрѣтается единь домь малъ внутрь земли, въ немь же (повѣствуется отъ христіянъ) обиташе Пресвятая Дѣва Богородица сь Христомь, избѣгши изъ Іерусалима, даже до умертвія Иродова; тамождe есть и мѣсто купели, идѣже омиваше Пречистая Владичица Христа Спасителя. Между новимь и ветхимь Египтомь есть високій каменній каналь устроень, имь же отъ рѣки даже до Кале течеть вода; стоитъ-же на столпахь на подобіе моста. Четвертое мѣсто именуется полако, которое отдѣлнѣ мало отъ града стоить, воскрай брега рѣчнаго. Тамо сутъ полати красніи и великіе и садовь лѣпотнихь много сутъ. Тамо индукта и торговое поплащается. Тамо коморь и имьбаровь подь полатами множество сутъ, въ нихь же торговци слагаютъ своя товари. Обаче вся та мѣста предреченна, аще и особніи имени имутъ, но вся единь Египетъ бити именуется. Недалече отъ Египта, обонъ.поль рѣки Нила, сутъ рукотвореніе гори, а отъ Грековь нарицаеміе пирамиди, иже сутъ четверограничныи; всякая граница на стопь 75, висота же ихь есть на стопь пятъсоть. Между ими же три височайшіе сутъ и именуются гори Фараонови, понеже Фараонь, сущи древле царемь Египетскимъ, своимь иждивеніемь созда, мислящи суетная, якоже повѣствуется, да иматъ прибѣжище тамо, внегда би случилося Божіимь попущеніемь разлитися рѣцѣ до зѣла и потопити вся поля Египетская. Еще же вѣстно буди наконець и се, яко въ Нилѣ рѣцѣ, горѣ далече, отъ Египта, на единомь мѣстѣ обрѣтаются змѣеве, именуеміе крокодили, на подобіе ящурки сущіе, съ четирма ногами, обаче великіе, якоже бѣлуги или есетри, и могуть жити въ водѣ и на земли: на время бо въ водѣ сутъ, на времяже излазять на брегь, между сладкое тростіе, и

ядуть е, или препочиваютъ вь нихъ; аще же случается, то и человѣка снѣдають. Вѣстно же буди въ конецъ и се, яко въ Египтѣ въ церкви Греческой двома язики чтется правило церковное: Греческимь и Арапскимь; Греческимь убо иноки, Арапскимь же попи мирскіи. Имуть же чинь церковній въ чтеніи и пѣніи, и въ служеніи лѣпотень, тако присудствующу патріарху, якоже и безъ присутствія его. На литургіи же божественной всегда два апостола и два евангелія чтуться, гречески и аравійски, развѣ инако случается въ повседневіе, егда едва кто приходитъ къ церкви; въ праздники же Господскія, Богородични и инних нарочитихь святихь соборное служеніе биваеть и по двѣ литургіи: ранная и позная, подобнѣ и по вся недели. Иноци Синайстіи приходятъ въ церковь патріаршую служити службы Божой по вся недѣли и праздники, понеже въ своемь метоху церкви не имутъ, токмо часовню прежде имѣяху, но бившимь сваромь между ими и патріархомь Александрійскимь Козмою, отъяша Турки и сотвориша свой мечеть. Та убо и тѣмь подобная азъ увѣдѣвши, видѣвши же и слишавши, и твоей любвѣ, тщателній читателю, вкратцѣ написавши, совершихъ, Богу благодареніе, рокь 1727, сидящи въ предъреченномъ дворѣ патріаршемъ въ великомъ и славномъ градѣ Египтѣ.

Ad M. G. D. Bea. V. M [1].

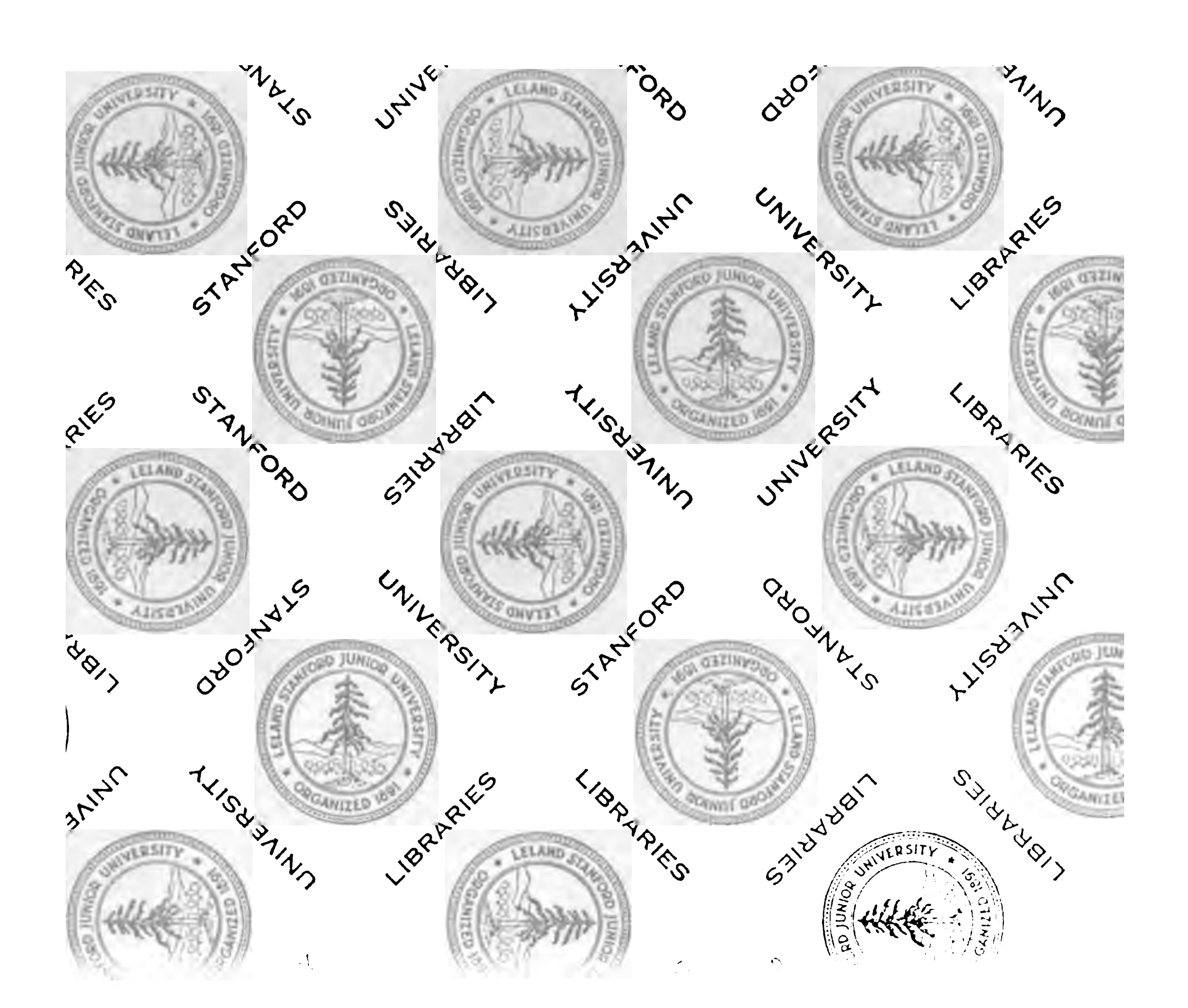
Конецъ первой части

[1] Ad Majorem Gloriam Dei (et) Beatae Virginis Mariae — Къ превеликой славѣ Божіей и Пресвятой Дѣвы Маріи.

Рисунки.

Оглавленіе.

Бл҃гвитъ тѧ̀ Гдⷭ҇ь
ѿ Сїѡ́на, и҆ ѹ҆́зриши
бл҃га́ѧ і҆ерⷭ҇лима


STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891